

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Class 458.56

HARVARD COLLEGE LIBRARY

**THIS VOLUME FROM THE
HARVARD COLLECTION OF
BOOKS ON THE FINE ARTS IS
THE GIFT OF PROFESSOR
PAUL J. SACHS OF THE CLASS OF 1900,
OF THE FOGG MUSEUM OF ART**

ПРОШЛЕИ.

=

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

П. Леонтьевымъ.

=

КНИГА V.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1856.

PRINTED IN RUSSIA

Class 458.56

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
PAUL JOSEPH SACHS
JUN 18 1930

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 7-го дня, 1856 года.

Ценсоръ И. Безсолюкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Федонъ, разговоръ Платона, переведенный съ греческаго и объясненный *В. Н. Карповымъ*, съ эпилогомъ о Платоновыхъ мѣсахъ *Шваница*.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Разборы и описанія памятниковъ, изслѣдованія, характеристики, очерки.

	Стр.
Римскія женщины по Тациту (Поппея Сабина и Октавія, и вмѣсто эпилога, Неронъ сынъ Агриппины). <i>П. Н. Жудравцева</i>	1
Влиній-Младшій. <i>К. К. Зедергольма</i>	97
Литераторы и публика въ Римѣ. <i>Мартина Герца</i>	125
О портретномъ искусствѣ у древнихъ. Отрывокъ изъ неизданныхъ лекцій <i>Рауль-Рошетта</i> съ предисловіемъ <i>К. К. Герца</i>	151
О положеніи художниковъ въ греческомъ обществѣ. <i>Адольфа Штара</i> . 193	
Международное право древнихъ Грековъ. Статья <i>Лорана</i> , переведенная <i>Д. И. Каченовскимъ</i>	225
Путеводитель по античному отдѣленію Эрмитажа. <i>Академика Стефани</i>	257

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по части классической древности.

Новѣйшія изслѣдованія о древней Индіи. <i>Альбрехта Вебера</i>	3
Карлъ Лахманъ. Біографія. <i>А. Н. Костылева</i>	27
Чгенія Нибура о древней Исторіи. <i>Т. Н. Грановскаю</i>	41

ФЕДОНЪ,
РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА,
ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ГРЕЧЕСКАГО И ОБЪЯСНЕННЫЙ
В. Ж. Карповичъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый здѣсь разговоръ Платона озаглавивается именемъ одного Сократова ученика, который, по свидѣтельству Цицерона ¹, находился въ дружеской связи съ Платономъ и, какъ извѣстно, послѣ смерти своего учителя основалъ особую философскую школу въ пелопоннескомъ городѣ Элідѣ.

Платоновъ Федонъ во все времена почитаемъ былъ драгоценнымъ литературнымъ произведеніемъ древняго міра. Интересность его поддѣрживалась особенно тѣмъ, что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Платона, предметъ философскаго изслѣдованія обрамленъ поразительнымъ историческимъ событіемъ, и что самое это событіе служитъ практическимъ доказательствомъ раскрываемой въ немъ истины, значительно возвышаетъ свѣтъ ея и сообщаетъ ей теплоту убѣдительности. Сократъ, прославившійся своею мудростію, правдивенно доброю жизнію и ревностію къ истиннымъ пользамъ общества, по навету враговъ, приговоренъ къ смерти и содержится въ аѳинской темницѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, согласно съ опредѣленіемъ судей, онъ долженъ выпить ядъ и умереть. Друзья и ученики пришли проститься съ нимъ и видѣть его кончину; они со слезами окружаютъ темъ

¹ Cic. de Nat. D. 1,35.

ничный одръ своего учителя и готовы ловить каждое предсмертное его слово. Начинается беседа. Проникнутый разумною вѣрою въ бытіе жизни загробной, Сократъ обнаруживаетъ не страхъ смерти, а надежду на безсмертіе, не возмущеніе души, а спокойное ожиданіе лучшаго, и свое убѣжденіе старается перелить въ скорбныя души друзей цѣлымъ рядомъ философскихъ размышленій о томъ, что за этою жизнію непремѣнно должна слѣдовать жизнь другая — лучшая и блаженнѣйшая. Такимъ образомъ въ Платоновомъ Федонѣ философскій предметъ оживляется соответствующимъ ему дѣйствіемъ, созерцательная истина получаетъ развитіе въ осязательной области чувства, отвлеченное изслѣдованіе идетъ въ связи съ судьбою изслѣдователя и направляется къ тому, чтобы въ олицетворенной Сократомъ человѣческой природѣ указать возможно твердую точку опоры для борьбы съ опасеніями и суемудріемъ скептицизма, обрекающаго разумную душу на смерть и уничтоженіе. Кратко: въ Платоновомъ Федонѣ выдержаны почти всѣ условія трагедіи. Мы видимъ здѣсь и драматическій узелъ — въ представленіи близкой Сократовой кончины, которая, не смотря на торжество своего значенія для всѣхъ, въ ученикахъ поддерживаетъ чувство скорби и сомнѣнія, а учителю обѣщаетъ отрадную будущность. Мы видимъ здѣсь и развязку — въ торжествѣ философской надежды на безсмертіе, снимающей съ животнаго страха мрачныя покровы скорби, которыми слабая, порабощенная плоти и невѣжественная душа облекается предъ образомъ смерти.

Эту прекрасную идею философской своей драмы Платонъ развилъ съ такимъ искусствомъ и такъ мастерски раскинулъ сѣть главныхъ ея мыслей, долженствовавшихъ постепенно и незаметно направлять читателя къ убѣжденію въ безсмертіи, что не знаешь, чему болѣе удивляться, вѣрности ли содержанія, или художественности плана.

Разговоръ начинается вопросомъ о смерти Сократа и предсмертномъ собесѣдованіи его съ учениками. Желая удовлетворить любопытству своего друга, Эхекрата, Федонъ рассказываетъ ему о причинѣ, замедлившей исполненіе казни надъ Сократомъ, потомъ перечисляетъ тѣ лица, которыя въ послѣдній день находились у своего учителя, и наконецъ говоритъ, какимъ образомъ они были впущены въ темницу, какъ вошли тамъ Ксанониппу, испускавшую вопли и рыданія, и какъ Сократъ попросилъ Критона отослать ее домой. Это отвлеченіе діалога можно назвать *историческимъ вступленіемъ* въ бесѣду.

Когда такимъ образомъ сцена дѣйствія была приготовлена, слѣдовало установить и показать предметъ его. Это начинается тѣмъ, что Сократъ, сейчасъ только освобожденный отъ оковъ, потираетъ себѣ ногу и говоритъ: «Какъ страннымъ мнѣ кажется тѣ, что люди называютъ пріятнымъ! Въ какой удивительной связи находятся оно съ скор-

біо, хотя послѣдняя по видимому противоположна первому! Вотъ и самъ я отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью кажется слѣдуетъ что-то пріятное. Если бы моя мысль представилась Езопу, онъ сложилъ бы изъ нея басню.» — Услышавъ о Езопѣ, Кебетъ вдругъ припоминаетъ порученіе поэта Эвена — спросить у Сократа, что заставило его въ темницѣ перелagать въ стихи Езоповы басни. На вопросъ объ этомъ Сократъ отвѣчаетъ: «Такое дѣло внушено было мнѣ неоднократноъ сновидѣніемъ, повелѣвавшимъ заниматься мусикією. И я занимался; потому что безопаснѣе умереть, когда успокоена совѣсть послушаніемъ. Скажи же Эвену, чтобы и онъ потомъ бѣжалъ за мною.» — Это выраженіе Сократа: *ἐμὲ διαίοντι ὡς ταχίστα* Симміасъ понялъ буквально и говоритъ, что Эвенъ не такой человекъ, — не послушается. — А развѣ онъ не философъ, спросилъ Сократъ? Если философъ, то послушается, хотя и не наложить на себя рукъ. — Изъ этихъ словъ Сократа естественно вытекаетъ вопросъ: какимъ образомъ можно слѣдовать за умирающимъ философомъ, не палая на себя рукъ? — Сократъ отвѣчаетъ на него такъ: Боги суть наши попечители, а мы одно изъ ихъ стяжаній. Но еслибы какое нибудь изъ твоихъ стяжаній, Кебетъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть, то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію? Значать, благоразуміе требуетъ не умерщвлять себя прежде, нежели Богъ пошлетъ необходимость, въ какую теперь поставлены мы. — Явно, что этимъ отвѣтомъ рѣшена только половина предложеннаго вопроса, то есть — не должно палать на себя рукъ; а другая остается еще безъ отвѣта. Посему Кебетъ снова спрашиваетъ: за чѣмъ же однако философамъ желать смерти, особенно, когда Богъ есть нашъ попечитель? За чѣмъ ты столь равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями? — Для защиты себя противъ такого обвиненія Сократъ обѣщаетъ доказать, что по смерти онъ можетъ-быть увидится съ добрыми людьми и непременно предстанетъ предъ добрыхъ владыкъ — боговъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ гораздо лучше, нежели злымъ. Всю эту систему предварительныхъ мыслей, направленную къ установленію бесѣды, надобно почитать *прологомъ* Платонова Федона.

Установивъ тему разговора, Сократъ далѣе предлагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ, что наша душа, по отрышеніи отъ тѣла, вступитъ въ новый періодъ жизни и будетъ существовать вѣчно. Обозрѣвая эти доказательства, нельзя не замѣтить обширной сообразительности, которая связываетъ ихъ одни съ другими. Это не есть простое, численное показаніе оснований, на которыхъ утверждается убѣжденіе въ безсмертіи: это одна нераздѣльная ткань основныхъ идей, органически соеди-

ненныхъ въ цѣлое *философское изслѣдованіе*, такъ что каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, можетъ казаться либо произвольною, либо одно-стороннею, либо неясною, а разсматриваемыя всѣ вмѣстѣ и въ связи одна съ другою, онѣ постепенно растутъ, укрѣпляются, круглятся и всестороннимъ своимъ развитіемъ мало по малу разсѣвають недоумѣнія, относящіяся къ изслѣдуемому предмету.

Сократъ прежде всего опредѣляетъ, что такое смерть, и, согласно со всеобщимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ онъ изслѣдуетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ во всю жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, ибо тѣло своими чувствами закрываетъ отъ него истину и, требуя заботливости о себѣ и о своемъ, отвлекаетъ его отъ разумнѣя; безъ истины же и разумнѣя невозможно ни справедливое, ни доброе, поколику то и другое въ своей сущности созерцается душою, невозможно ни мужество, ни разсудительность, поколику первое не должно связываться страхомъ смерти, а послѣднія удовольствіями тѣлесными, — вообще невозможна никакая добродѣтель. Сократъ умозаключаетъ далѣе слѣдующимъ образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію? Отрѣшить же душу всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философствъ въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать душу отъ тѣла. Слѣдовательно, не смѣшно ли было бы, если бы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла къ нему? Итакъ я справедливо не жалуюсь и не скорблю, оставляя васъ, ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.»

Понятно, что это доказательство вполне оправдываетъ Сократа въ безтрепетномъ ожиданіи смерти, такъ какъ онъ во всю жизнь умиралъ, то есть, постепенно отрѣшался отъ всего тѣлеснаго. Но отсюда еще непосредственно не вытекаетъ истина о загробномъ существованіи души. Посему Кебетъ возражаетъ: душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли какъ воздухъ или паръ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Сократу надлежало доказать, что искомое философомъ разумнѣе, для котораго онъ старается очищать душу отъ всего чувственнаго, скрывается въ ней самой и не подлежитъ закону перѣворотовъ, называемыхъ жизнію и смертію. Доказательство его къ этой цѣли идетъ слѣдующимъ образомъ. Есть старинное преданіе, говоритъ онъ, что души, живущія на землѣ, перешли сюда изъ умершихъ. Преданіе это можно подтвердить наблюденіемъ надъ всеми вещами природы. Въ природѣ все бываетъ такъ, что противное происходитъ изъ противнаго, напримѣръ бѣльшее изъ меньшаго, лучшее изъ худшаго и на оборотъ. Притомъ между противоположностями всегда есть состоянія среднія или точки пере-

хождения одной противоположности въ другую; таковы напримѣръ между сномъ и бодрствованіемъ — засыпаніе и пробужденіе. Предположивъ это, какъ посылку, Сократъ напоминаетъ о взаимной противоположности жизни и смерти и о среднихъ или переходныхъ состояніяхъ первой и последней, то есть, объ оживаніи и умираніи, и наконецъ заключаетъ: следовательно изъ умершаго происходитъ живущее, а изъ живущаго умершее, и наши души съ одной стороны существовали до рожденія, съ другой — будутъ существовать и по смерти. Притомъ замѣтъ, продолжалъ Сократъ, что допущенныя нами противоположности непременно должны совершать кругъ, то есть, имѣть происхожденіе обоестороннее: въ противномъ случаѣ все перейдетъ въ одинъ и тотъ же видъ и движеніе прекратится.

Этотъ развитый Сократомъ силлогизмъ составляетъ однакожь только первую половину предположеннаго имъ доказательства. Изъ него еще не видно, точно ли душа, переходя изъ смерти въ жизнь, изъ жизни въ смерть, сохраняетъ тожество своего разумнія и въ существѣ своемъ не зависитъ отъ переворотовъ тѣлеснаго бытія. Посему Сократъ далѣе старается доказать, что, не смотря на послѣдовательную противоположность ея состояній, душа постоянно носить въ себѣ однѣ и тѣ же идеи. Ученіе, говорить онъ, есть не иное что, какъ припоминаніе. Но припоминать значить воскрешать въ памяти то, что мы когда-то знали, только забыли. Остановившись на этой мысли, Сократъ подробно развиваетъ теорію такъ называемаго содружества идей и полагаетъ, что она основывается на предварительно полученномъ знаніи ихъ; онъ подтверждаетъ свое положеніе особенно тѣмъ, что для насъ не было бы вещей равныхъ и неравныхъ, подобныхъ и неподобныхъ, если бы въ нашей душѣ не обрѣталось готоваго знанія о равномъ и неравномъ, подобномъ и неподобномъ самомъ въ себѣ. И это знаніе, говорить онъ, имѣемъ мы вовсе не отъ чувствъ, потому что всѣ чувственные равенства и подобія далеко недостаточнѣе его. Двѣятельностию чувствъ только возбуждаются забытыя нами истины. Если же идеи, какъ знанія сами въ себѣ, получены нами не чрезъ чувства и предшествуютъ двѣятельности чувствъ: то мы должны были получить ихъ до рожденія. Следовательно душа не только существовала въ мірѣ преждемъ, но еще существовала съ тѣми самыми идеями, которыя пробуждаются въ ней теперь.

Къ этому разсужденію о предсуществованіи душъ подаль поводъ Симміасъ. Но слышанное прежде возраженіе Кебета: — душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсвѣтается ли, какъ пѣръ? — досель остается безъ отвѣта. Посему, успокоивъ перваго, Сократъ переходитъ теперь къ разрѣшенію недоумѣнія, возникшаго и въ послѣднемъ; то есть, доказавъ, что души существовали до рожденія, онъ намѣревается.

доказать и то, что онъ равнымъ образомъ будутъ существовать по смерти. Если вамъ угодно два последовательно составленныя нами умозаключенія соединить въ одно, говорить онъ: то загробное существованіе душъ уже доказано. Вы согласились, что душа, по закону всѣхъ вещей, изъ одного состоянія переходитъ въ другое противоположное и совершаетъ свое переходеніе кругообразно; потому вы приняли и другое положеніе, что души изъ прежней жизни чрезъ смерть перешли въ жизнь настоящую. Следовательно необходимо уже допустить, что изъ настоящей жизни онъ чрезъ смерть опять перейдутъ въ жизнь будущую. Не смотря однакожъ на это, Сократъ излагаетъ особое доказательство посмертнаго существованія души и говоритъ: Разрушиться свойственно тому, что сложно; а что не состоитъ изъ частей, то не можетъ быть подвержено разрушенію. Это *dictum de omni* есть основаніе новаго Сократова силлогизма. Для выведенія изъ него заключенія въ пользу безсмертія души и смертности тѣла следовало только доказать, что душа не состоитъ изъ частей, а тѣло сложно. Важнѣйшую мысль, на которой должно опираться это положеніе, философъ видитъ въ допущенномъ прежде тождествѣ хранящихся въ душѣ идей и нетождествѣ подлежащихъ чувству предметовъ. Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, говорить онъ, — всегда то же и неизмѣнно; напротивъ вещи, подлежащія чувствамъ, ни какимъ образомъ не остаются тѣми же и неизмѣняются. Но тождественное есть нѣчто безвидное или безформенное, (*ἀσείδες*), а нетождественное видимо. Къ предметамъ безвиднымъ относится душа, къ видимымъ — тѣло. Следовательно тѣло по природѣ нетождественно и измѣнчиво, а душа — тождественна и неизмѣнна. Увлекаясь тѣломъ, она конечно возмущается и бываетъ какъ опьянѣлая; но, направляясь къ истинно сущему, остается тѣмъ, что она есть, — существомъ тождественнымъ. Притомъ душѣ свойственно управлять и господствовать, а тѣлу — управляться и служить. Но управляющее и господствующее уподобляется божественному, а управляемое и служащее — смертному. Итакъ тѣлу, какъ природѣ смертной, надлежитъ скоро разрушиться, а душа, какъ существо божественное, должна или остаться вовсе неразрушимою, или быть къ тому близкою.

Это заключеніе, выведенное въ формѣ сужденія раздѣлительнаго, или съ нѣкоторою нерѣшимостію, мыслится въ близкой зависимости между прочимъ отъ вставленной Сократомъ мысли, что душа, увлекаясь чувствами тѣла, можетъ и сама какъ бы отлеститься, следовательно въ извѣстной степени терять свою тождественность и свойственную существу божественному разумность. Такое представленіе разностепенной тождественности душъ въ мірѣ загробномъ должно было возбуждать вопросъ о различныхъ — низшихъ и высшихъ — формахъ

существованія души, по отрѣшеніи ея отъ тѣла. Этому вопросу, хотя онъ и не имѣетъ прямого отношенія къ главной темѣ разсужденія, Сократъ не могъ упустить изъ вида и оставить безъ рѣшенія, потому что рѣшеніе его должно было ученію о безсмертіи сообщить нравственную силу, а слушателей бесѣды о жизни загробной утвердить на пути истинной философіи. Итакъ онъ въ общихъ чертахъ описываетъ формы посмертной жизни, и въ его діалогѣ является интересный эпизодъ о переселеніи душъ и о высокой судьбѣ души философствующей. Если душа, говоритъ Сократъ, при отрѣшеніи отъ тѣла не увлекается за собою ничего тѣлеснаго, потому что во всю жизнь размышляла только о томъ, какъ бы легче умереть; то съ этими свойствами отойдетъ въ подобное себѣ безвидное мѣсто и будетъ наслаждаться блаженствомъ, проводя всю послѣдующую жизнь дѣйствительно съ богами. Напротивъ когда она отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣлесности, по колѣнку предавалась страстямъ и пожеланіямъ; то, переложенная тѣлообразными свойствами, окажется тяжелою и видимою, а потому, тяготя опять къ видимому, облечется, пожалуй, снова въ такое тѣло, котораго природа ближе согласуется съ направлениемъ господствующей ея страсти, напримѣръ въ породу осла, волка, ястреба, либо въ образъ муравья, даже человека, если она привязана была къ политическимъ обычаямъ жизни человеческой. Вотъ почему истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не боятся никакихъ высшихъ лишеній и свою душу, принужденную смотрѣть на все сквозь чувства, будто сквозь рѣшетку темницы, утѣшаютъ самостоятельностью и свободою мышленія, зная, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онъ пригвождаетъ душу къ тѣлу. Кто живетъ по внушеніямъ такой философіи, тому удивительно ли не страшиться смерти и думать, что его душа не разсвѣтается какъ паръ и не прекратитъ своего существованія?

Этимъ разсужденіемъ разговоръ по видимому долженъ былъ окончиться; ибо тверже того, что сказано, казалось, ничего нельзя было придумать. Не смотря однакожъ на то, Симміасъ и Кебетъ о чемъ-то вполголоса говорятъ между собою и какъ будто высказываютъ другъ другу какія-то недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ вызваны Сократомъ къ объясненію, они, одинъ послѣ другаго, объявляютъ своему учителю, что именно колеблетъ ихъ увѣренность. Въ изложенномъ доказательствѣ безсмертія Сократъ къ тождеству и неизмѣнности души заключалъ отъ тождества и неизмѣнности находящихся въ душѣ идей. Но Симміасъ по видимому идетъ далѣе и спрашиваетъ: откуда же происходитъ тождественность и неизмѣнность самыхъ идей? Не суть ли онъ выраженіе благонастроеннаго организма, какъ гармонія есть сліяніе звуковъ благонастроенной лиры? И потому не слѣдуетъ ли душу почитать просто

гармонією тѣла и заключать , что какъ скоро тѣлесный инструментъ разрушается или перерываются струны, душа — въ значеніи превосходящей изъ него гармоніи — должна тотчасъ же исчезнуть , гораздо прежде, чѣмъ исчезаетъ тѣло? Выслушавъ это недоумѣніе Симміаса, Сократъ потомъ выслушиваетъ и возраженіе Кебета. Между тѣмъ какъ первый душу поставилъ въ зависимость отъ тѣла, будто гармонию отъ лиры, и заключалъ къ ея разрушимости, послѣдній напротивъ почитаетъ зависимымъ тѣло отъ души и при всемъ томъ говорить , что нельзя быть увѣреннымъ въ ея безсмертіи. Душу представляетъ онъ какъ ткача, соткавшаго и изнашившаго много платьевъ, хотя ткачъ умеръ прежде того, имъ же сотканнаго платья, въ которое одѣли его по смерти. То есть, душа могла развить и износить много тѣлъ: однакожь нельзя еще полагать , что она не умретъ прежде развитаго ею послѣдняго. Нельзя думать, чтобы многократныя рожденія не изнурили ея, и чтобы наконецъ при которой нибудь изъ смертей она и сама не уничтожилась.

Когда возраженія Симміаса и Кебета были высказаны , души всѣхъ присутствовавшихъ возмутились крайнимъ сомнѣніемъ: теперь всѣ заключили, что либо они плохіе судьи, либо предметъ надобно почитать неразрѣшимымъ , и по видимому возненавидѣли вообще философскія разсужденія. Замѣтивъ это , Сократъ начинаетъ бесѣдовать съ Федономъ и нечувствительно вводитъ въ діалогъ новый эпизодъ противъ ненависти къ умственнымъ изслѣдованіямъ. Намъ непременно надобно побѣдить Симміаса и Кебета, говорить онъ ; только смотри, чтобы не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются челоѣкненавидцами. Ненависть къ людямъ вообще рождается вслѣдствіе неблагоразумной и излишней довѣренности къ одному или нѣсколькимъ челоѣкамъ , которые обманули насъ. Точно также и ненависть къ изслѣдованіямъ вообще происходитъ отъ неблагоразумнаго и слѣпаго увлеченія рѣчами нѣкоторыхъ людей , тогда какъ впослѣдствіи онѣ оказались ложными. А кто въ этомъ случаѣ виноватъ? Гораздо больше тотъ, кто безусловно вѣритъ жи. Поэтому ненавистникъ разсужденій не долженъ сваливать своей вины на разсужденія, но скорѣе долженъ ненавидѣть собственное увлеченіе и порицать себя. Итакъ прежде всего будемъ осторожны, говорить Сократъ; не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ сознаемъ, что мы-то еще не здоровы, и постараемся пріобрѣсть нужное намъ здоровье. — Сказавъ это, Сократъ приступаетъ къ рѣшенію предложенныхъ возраженій.

Сперва онъ опредѣляетъ *statum quaestionis*, то есть , кратко повторяетъ возраженіе Симміаса, что душа, не смотря на свое превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи; —

потомъ приступаетъ къ опроверженію мнѣнія Симміасова и опровергаетъ его на такомъ основаніи, которое уже прежде допущено, какъ несомнѣнное, то есть, на положеніи, что ученіе есть припоминаніе, или что душа существовала до рожденія. Напомнивъ объ этомъ положеніи, Сократъ показываетъ, что понятіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, вовсе не гармонируетъ съ памъ; потому что гармонія, будучи результатъ тѣлеснаго настроенія, не могла и не можетъ существовать прежде тѣла или до его рожденія. Если же она существовала прежде тѣла и была гармоніею: то должна была состоять изъ такихъ частей, которыхъ еще не было. Положимъ однакожъ, что она въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ частей. Явно, что каково бы ни было настроеніе ихъ, — высоко или низко, хорошо или худо, — душа, какъ гармонія тѣла, во всякомъ случаѣ должна быть гармоніею. Но предположивъ это, мы не откроемъ различія между одною душею и другою, равно какъ между добромъ и зломъ; потому что въ такомъ случаѣ всякая душа, какъ гармонія, будетъ добро, а дисгармонія или зло не пойдетъ въ ней себѣ мѣста. Да и то опять: само собою разумѣется, что душа, какъ гармонія тѣла, не можетъ разногласить съ тѣлесными частями, которыхъ напряженіе выражается этою самою гармоніею. Между тѣмъ мы видимъ, что она часто противится органическимъ дѣятелямъ — то строгими обузданіями ихъ, то скорбями, то врачебными средствами и тому подобнымъ. Слѣдовательно она есть нѣчто божественнѣе гармоніи, есть начало господствующее надъ самыми тѣлесными частями, настроеніе которыхъ, по мнѣнію Симміаса, должно выражаться гармоніею.

Побѣдивъ сомнѣніе Симміаса и показавъ неосновательность его возраженія, Сократъ намѣревается потомъ разсмотрѣть мнѣніе Кебета, чтобы и его также привести къ убѣжденію въ безсмертіи. Прежде всего онъ подробно раскрываетъ смыслъ Кебетова недоумвнія, что хотя душа долговременнѣе тѣла, но не погибнетъ ли она, износивъ много тѣла и оставляя послѣднее, съ рожденіемъ котораго могло развиться и усиливаться въ ней сѣмя собственнаго ея разрушенія. Потомъ за опредѣленіемъ вопроса слѣдуетъ рѣшеніе его, и это дѣлаетъ Сократъ, какъ и прежде противъ Симміаса, посредствомъ обстоятельнаго и полного анализа такой мысли, которая давно уже принята была Кебетомъ, то есть, чрезъ разсматриваніе природы допущенныхъ въ душѣ идей. Надобно, говорятъ онъ, изслѣдовать первое основаніе, на которомъ утверждается жизнь души, коренной источникъ, изъ котораго она истекаетъ, и смотрѣть, — эмпирически ли — началами видимой природы, можно объяснить это, или дуалистически — поставляя дѣятельность началъ природы подъ управленіе ума, или идеально — находя въ самой душѣ залогъ вѣчнаго ея существованія. Но коснувшись способа эмпирическаго, Сократъ замѣчаетъ, что этимъ путемъ философъ не доходитъ до первыхъ

началъ и блуждаетъ въ лабиринтъ противорѣчій. Правда, говоритъ онъ, слѣдую руководству опыта, я какъ будто знаю что-то, знаю, напримѣръ, что тѣло увеличивается отъ пріянія пищи, что одинъ человекъ выше другаго головою, что единица сложенная съ единицею даетъ два и т. п. Но такъ какъ это причины не первыя, то, остановившись на нихъ, тотчасъ же начинаю противорѣчить самъ себѣ и полагаю, что между пищею и величиною нѣтъ ничего общаго, что голова не можетъ быть причиною высоты, что въ понятіи единицъ, сколько бы ихъ ни слагалось, не видно понятія двухъ. Такимъ образомъ оказывается, что пока я держусь опыта — вовсе ничего не знаю. Не успѣвши же доходить мы до кореннаго источника жизни, опираясь и на началахъ дуалистическихъ. Дуалисты, какъ представляется на первый взглядъ, все хотятъ изъяснить изъ разумной и высшей причины вещей. Такъ Анаксагоръ намѣревался все изъяснить изъ ума. Это было бы и хорошо, потому что тогда я зналъ бы мѣсто и значеніе каждой вещи, слѣдовательно зналъ бы, что хорошо и что худо: но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Въ системѣ Анаксагора умъ только полагается, какъ начало устрояющее, а дѣйствительными стронтелями почитаются дѣтели матеріальные, слѣдовательно опять опытные, которыхъ зависимость отъ ума нисколько не опредѣлена, и которые даже сродства съ нимъ не имѣютъ, подобно тому, какъ жилы и кости — условія моего сидѣнія въ темницѣ — далеко не сродны съ опредѣленіемъ судей, предписавшихъ мнѣ сидѣть здѣсь. Итакъ истинная причина жизни души ни для эмпиризма, ни для дуализма недоступна; чувствами видѣть ее нельзя, не подвергаясь опасности ослѣпнуть. Остается третій способъ — идеальный. Но и тутъ опять затрудненіе: сущее само по себѣ, какъ послѣдняя причина жизни, не можетъ быть предметомъ непосредственнаго созерцанія. Чтобы созерцать его, необходимы образы мышленія (*τα εἶδη*), то есть, идеи, которыми она отображается въ разсудкѣ. И если ты допустишь въ немъ бытіе этихъ образовъ или идей, напримѣръ прекрасное само въ себѣ, доброе само въ себѣ и проч.; то я, говоритъ Сократъ, твердо докажу тебѣ истину безсмертія.

На указываемомъ основаніи доказательство осуществляется слѣдующимъ порядкомъ мыслей. Все, что признается за прекрасное, надобно почитать прекраснымъ не отъ какихъ нибудь частныхъ свойствъ, а отъ прекраснаго самого въ себѣ, поколику первое принимаетъ участіе въ послѣднемъ. То же должно сказать и о всемъ прочемъ: великое велико отъ величины, малое мало отъ малости, высокое высоко отъ высоты, а не отъ чего другаго; равно какъ два суть два отъ двойцы, а не отъ сложенія или дѣленія единицъ. Однимъ словомъ: истинная причина того, что прекрасное прекрасно, великое велико, малое мало, двойственное двойственно и проч., есть прекрасное само въ себѣ, ве-

ликое само въ себя, двоица сама въ себя и т. д., поколику, то есть, что нибудь первое причастно соответствующему себя послѣднему, или поколику извѣстною дѣятельностию мы, какъ говорится, приближаемся къ идеѣ предмета и выражаемъ ее. При этомъ Сократъ намекаетъ на возможность хода какъ отъ предположенія къ слѣдствіямъ, такъ и отъ предположенія къ непредполагаемому или самодовольному (къ началу), то есть, намекаетъ на возможность методы аналитической и синтетической и говорить, что не должно хвататься то за ту, то за другую и смѣшивать ихъ между собою. Утвердивъ положеніе, что причина каждой вещи есть ея идея, поколику извѣстная вещь идеализуется, Сократъ далѣе переходитъ къ другому положенію, что идеѣ, какъ идеѣ, несвойственно принимать въ себя что нибудь противоположное, либо самой переходить въ идею противоположную, но что, по приближеніи къ ней противоположнаго, она или удаляется или исчезаетъ. Напримѣръ черное само въ себя не можетъ перейти въ бѣлое само въ себя и на оборотъ; но когда къ бѣлому подошло черное, первое убѣгаетъ, не уничтожаясь: а иначе бѣлое сдѣлалось бы чернымъ и черное бѣлымъ, какъ Симміасъ, въ сравненіи съ Федономъ и Сократомъ, становится и низокъ и высокъ. При этомъ Сократъ замѣчаетъ, что вещь сама въ себя (идея) не должна быть смѣшиваема съ вещію въ явленіи: какъ явленіе, она можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое противоположное; а сама въ себя не сдѣлается вещію или идеею противною. По раскрытіи этого втораго положенія въ ученіи о природѣ идей, идеологъ простирается далѣе, и въ идеяхъ находитъ еще одну отличительную черту, что онѣ не только сами по себя не превращаются противная въ противную, но и не допускаютъ, чтобы даже какаа нибудь частная вещь, получивъ общій характеръ извѣстной идеи, принимала въ себя нѣчто другое, хотя и не противное, однакожъ характеризующееся идеею противною. Мало того, напримѣръ, что четъ и нечетъ, какъ идеи взаимно противныя, не принимаютъ въ себя одинъ другаго: они не позволяютъ и того, чтобы два переходили въ три, либо три въ два, хотя два и три не противоположны между собою, а только охарактеризованы противоположностями, то есть, четомъ и нечетомъ. Однимъ словомъ, идея не только не принимаетъ въ себя идеи противной, но и всего непротивнаго, что приносить съ собою черты, принадлежащія противному. Изложивъ эти мысли, Сократъ вдругъ незамѣтнымъ для слушателей образомъ является на точкѣ заключенія и говорить: тѣлу, поколику оно становится живымъ, всегда сообщается душа, такъ что душа всегда приносить жизнь. Но жизни противоположна смерть, и смерти, какъ идеи противоположной, жизнь принять въ себя не можетъ. Слѣдовательно душа, всегда приносящая жизнь, которая никогда не принимаетъ въ себя смерти, есть существо безсмерт-

ное. То есть, душа хотя и не противоположна смерти, какъ тремъ не противоположенъ четъ, но принося съ собою жизнь, которой противоположна смерть, какъ три приносятъ съ собою нечетъ, которому противоположенъ четъ, она не приметъ смерти, а только устранился отъ нея, не переставая существовать въ собственномъ своемъ образъ. Поэтому когда тѣло принимаетъ образъ смерти, душа, приносящая съ собою жизнь, отрывается отъ тѣла и продолжаетъ сохранять свойственный себѣ образъ — жизнь.

Этимъ важнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души Платонъ заключаетъ свое ученіе о философскихъ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются надежды, что человекъ будетъ наслаждаться жизнью и по смерти. Теперь по видимому слѣдовало бы ожидать эпилога, или заключительныхъ мыслей Сократовой бесѣды. Но мы видѣли, что Платонъ первую половину своего діалога окончилъ эпизодомъ о переселеніи душъ по отрывеніи ихъ отъ тѣла. Соответственно этому, и вторая половина его заключается также эпизодомъ о посмертныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Тамъ Сократъ пришелъ къ мысли, что формы существованія душъ по отрывеніи ихъ отъ тѣла будутъ не однѣ и тѣ же; а здѣсь онъ начертываетъ картину этихъ формъ примѣнительно къ религиознымъ вѣрованіямъ своихъ соотечественниковъ и сказаніямъ греческой мифологіи. Душа, отрывшись отъ тѣла, говоритъ онъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ ней духа, идетъ въ мѣсто, назначенное для произведенія надъ нею суда, а изъ этого мѣста, смотря потому, какою оказалась она, начинается либо ея блужданіе и борьба съ оставшеюся въ ней плотностію, пока она не вселится въ сообразное себѣ тѣло, либо ея переходъ въ убѣжище покоя и блаженства. Но гдѣ такіа мѣста и пристанища душъ? — Здѣсь Платонъ по видимому спускается до уровня популярныхъ понятій и свою географію, согласно съ цѣлю эпизода, излагаетъ такъ: Земля стоитъ неподвижно въ центрѣ небесной сѣры и окружена эфиромъ. Она очень велика и низменности ея служатъ мѣстомъ осадковъ всего нечистаго и грязнаго, а возвышенности чисты и увѣнчаны звездами неба. Мы, люди, живемъ въ глубокихъ впадинахъ, и воздухъ называемъ небомъ, тогда какъ истинное небо и истинная земля — выше осадка, именуемаго воздухомъ. Въ мѣстахъ нашего жительства все повреждено и изъѣдено; напротивъ на высотахъ, выходящихъ изъ воздуха, все прекрасно и совершенно. На той высокой землѣ есть также животныя и люди, пользующіеся воздухомъ, какъ мы водою, и дышущіе эфиромъ, какъ мы — воздухомъ. Болѣзни ихъ чужды, жизнь ихъ долговременна, въ храмахъ ихъ существенно обитаютъ боги. Та земля прорѣзана узкими или широкими прокопами, по которымъ льются обильныя воды. Подъ землею же есть множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной, есть даже

рвки огня и грязи. Одно изъ ущелий земли, прокопанное сквозъ всю ее, называется тартаромъ, въ который сливаются и изъ котораго вытекаютъ всь рвки. Тартаръ есть ущелие бездонное, гдѣ воды находятся въ непрестанномъ колебании или движутся то къ одной поверхности, то къ другой. Отсюда необоримые вѣтры, разливы рвкъ, образованіе озеръ и морей. Главныхъ водныхъ потоковъ четыре: Океанъ, окружающій землю снаружи, Ахеронъ, изливающийся въ озеро Ахерусію, Пиріолегетонъ, текущій огнемъ и грязью, и Стиксъ или Коцитъ, обладающій чрезвычайною силою своей. Описавъ такимъ образомъ будущее жилище отшедшихъ душъ, Сократъ говоритъ, что души прежде всего приводятся къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у которой есть, то есть, опираясь на свои добродѣтели и пороки, отправляются къ Ахерусіи. Здѣсь онѣ подвергаются суду, очищаются и потомъ пользуются свободою, либо получаютъ награды; а неисцѣлимые повергаются въ тартаръ, откуда однѣ изъ нихъ уже никогда не выходятъ, другія же волнами выбрасываются въ Коцитъ, либо въ Пиріолегетонъ и, достигнувъ до Ахерусіи, умоляютъ обиженныхъ или убитыхъ ими, чтобы они вошли въ озеро и взяли ихъ. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ и стремятся въ жилище чистое; очистившіеся же философіею переселяются въ мѣста, еще превосходнѣйшія тѣхъ, которые описаны выше. Такъ вотъ побужденіе употреблять всь способы, чтобы быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ. Теперь, прибавилъ Сократъ, пора приступить къ омовенію и потомъ выпить ядъ.

Когда Сократъ окончилъ свои разсужденія, Критонъ спрашиваетъ его: не сдѣлаешь ли онъ имъ какихъ нибудь порученій? — Въ отвѣтъ Сократа на этотъ вопросъ состоитъ *эпиграфъ* Платонова Федона. Критону хотѣлось знать, что завѣщаетъ имъ Сократъ касательно своихъ дѣтей и касательно его погребенія. Но на первую половину вопроса философъ отвѣчаетъ, что заботящійся о своей душѣ, то есть, приготовляющій ее къ блаженной жизни за гробомъ, и безъ порученія сдѣлаетъ все и для всѣхъ; а незаботящійся объ этомъ, хотя бы и поручали ему, не сдѣлаетъ ничего и ни для кого. По отношенію же къ погребенію себя Сократъ шутливо укоряетъ Критона, что бесѣда о безсмертіи души не убедила его въ умершемъ учителѣ видѣть не Сократа, а только тѣло Сократово; потомъ обращается къ другимъ ученикамъ и говоритъ имъ: Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; поручитесь теперь вы ему, что я уйду изъ этого брэннаго тѣла.

За этимъ эпиграфомъ слѣдуетъ *историческое заключеніе* Федона. Сократъ удаляется въ другую комнату для омовенія. Когда оно было кончено, приводятъ къ нему дѣтей; онъ говоритъ съ ними и дѣлаетъ имъ

наставленія. Потомъ, отпустивъ ихъ, возвращается къ ученикамъ и, не смотря на увѣреніе Критона, что солнце еще не совсѣмъ зашло, приказываетъ подать себѣ адъ, спокойно выпиваетъ его и самъ наблюдать постепенное омертвѣніе своего тѣла.

Разсмотрѣвъ ходъ, послѣдовательность и связь мыслей въ Платоновомъ Федонѣ, мы должны еще обратить вниманіе на философскій характеръ ихъ и показать отношеніе этого діалога къ другимъ сочиненіямъ Платона.

Съ перваго взгляда представляется, что большая часть этого разговора состоитъ изъ положеній философіи пифагорейской, сродненныхъ съ нею Сократа. Ученіе о переселеніи душъ, понятіе о философіи, какъ о мусикѣ, мысль объ очищеніи (*καθάρσις*) или постоянномъ отрѣшеніи отъ тѣла, взглядъ на тѣло, какъ на темницу души, все это—положенія пифагорейскія; даже и бесѣдующіе лица: Эхекратъ, Симміасъ и Кебетъ, были нѣкогда слушателями пифагорейцевъ. Но въ Платоновомъ Федонѣ философіи Пифагора направляются къ нравственной цѣли, къ возвышенію души подвигами добродѣтели, къ приготовленію ея для жизни блаженной. Замѣтно также намѣреніе Платона показать, что пифагорейсмы въ его время потерялъ древній идеальнорелигіозный характеръ. Известно, что и Пифагоръ почиталъ душу гармонією; но подлѣ этимъ словомъ онъ разумѣлъ внутреннюю, математически опредѣляемую дѣятельность ея силъ. Напротивъ позднѣйшіе его ученики, потерявъ изъ виду идеальное начало своего учителя, уклонились къ эмпиризму и, не переставая понимать душу, какъ гармонію, производили ее уже, подобно Аристоксену (*Cicero. Tuscul. quaest. 1,10*), изъ напряженія или смѣшенія стихій организма, а чрезъ то лишали ее самостоятельности. Такимъ образомъ душа, существенная или реальная гармонія Пифагорова, обратилась у нихъ въ формальную и стала въ аналогію съ гармонією лиры.

Сравнивая Федона съ другими діалогами Платона и при сравненіи обращая вниманіе на главнѣйшія и существенныя его мысли, мы скорѣе всего останавливаемся на Федрѣ. Федонъ и первая половина Федра заключаютъ въ своемъ содержаніи столько общаго, что кажутся двумя вариациями одной и той же музыкальной темы, только въ Федрѣ больше лиризма, а Федонъ есть истинная философская драма: тамъ лиризмъ чрезвычайно веселъ и сопровождается почти непрерывною иронією, а здѣсь иронія замѣняется ровнымъ и спокойнымъ движеніемъ развиваемаго предмета. По Федру души въ надмірныхъ пространствахъ сопровождаютъ сонмъ боговъ и вмѣстѣ съ ними созерцаютъ истинное, доброе и прекрасное; но не умѣя управлять непослушными своими конами, падаютъ на землю, ломаютъ себѣ крылья и въ наказаніе поселяются въ смертныхъ тѣла. По Федону онѣ жили гдѣ-то до рожденія и, оттуда

принесши съ собою идеи истиннаго, добраго и прекраснаго, здѣсь на землѣ забыли небесныя свои стяжанія. Въ Федръ Сократъ говоритъ, что падшія души могутъ мало по малу' выращать свои крылья и возноситься надъ всѣмъ тлѣннымъ; въ Федонъ — что онъ въ состояніи мало по малу припоминать домірныя свои идеи и оставлять все земное. Но первый разговоръ для выращенія крыльевъ почитаетъ полезною любовь къ прекрасному въ образахъ чувственныхъ; а послѣдній для припоминанія идей требуетъ постепеннаго отрѣшенія души отъ тѣла посредствомъ истинной философіи. Тамъ и здѣсь душа опредѣляется, какъ существо, заключающее въ себѣ самомъ источникъ непреходящей жизни; потому что въ существѣ ея сокрыты простыя и неизмѣняемыя истины, а въ простотѣ и неизмѣняемости этихъ истинъ лежитъ залогъ безсмертія. Такимъ образомъ и тамъ и здѣсь человекъ есть Фениксъ, возраждающійся изъ собственнаго праха и среди безконечнаго ряда превращеній, по своей душѣ, существующій тождественно и неизмѣнно.

ФЕДОНЪ.

=

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ.

СОКРАТЪ.

ЭХЕКРАТЪ изъ Фліунта, мѣстечка, лежащаго близъ Сикіона, пифагореецъ.

Федонъ изъ Элиды см. выше стр. 3.

Аполлодоръ см. ниже стр. 19 прилѣч.

КЕБЕТЪ { Фивяне, ученики пи-
СИММІАСЪ { сагорейца Филолая.

Критонъ Аѳинянинъ, другъ и ученикъ Сократа.

Приставъ одиннадцати судей.

=

Эхекр. Самъ ты, Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, когда онъ въ темницѣ выпилъ ядь, или слышалъ отъ кого другаго?

Фед. Я самъ былъ, Эхекратъ.

Эхекр. Что же говорилъ этотъ человекъ предъ смертію? И какъ скончался? Съ удовольствіемъ послушалъ бы. Вотъ уже давно и никто изъ Фліунтянъ не отправлялся пожить въ Аѳинахъ, и ни одинъ гость во все время не пріѣзжалъ изъ Аѳинъ, который могъ бы намъ рассказать объ этомъ ясно, по крайней мѣрѣ болѣе того, что Сократъ выпилъ ядь и умеръ; о прочемъ ничего не говорятъ.

Фед. Такъ вы не знаете и о томъ, какъ происходилъ надъ нимъ судъ?

Эхекр. Нѣтъ, намъ кто-то сказывалъ, и мы еще удивлялись, что онъ умеръ, кажется, спустя много времени по окончаніи суда. Что это значить, Федонъ?

Фед. Это зависѣло отъ случая, Эхекратъ. Случилось, что наканунѣ

осужденія увѣнчана была корма корабля, который Аѳиняне отправляютъ въ Делось.

Эхкр. А что это за корабль?

Фед. Это, по словамъ Аѳинянъ, тотъ корабль, на которомъ Тезей, привезши нѣкогда въ Критъ тѣхъ извѣстныхъ четырнадцать человекъ, и ихъ спасъ, и самъ спасся. Рассказываютъ, будто Аѳиняне въ то время дали обѣтъ Аполлону, что они будутъ ежегодно отправлять въ Делось священное посольство, если спутники Тезея спасутся¹. Такое-то посольство они всегда и отправляли, да и нынѣ еще отправляютъ. Когда же наступаетъ этотъ праздникъ, то, по ихъ закону, городъ соблюдается чистымъ, и публичныхъ смертныхъ казней не бываетъ, пока корабль не достигнетъ Делоса и не приплыветъ обратно. Иногда если путешественниковъ задерживаютъ вѣтры, это плаваніе совершается въ довольно долгое время. Праздникъ начинается, какъ скоро жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля, чтѣ случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ осужденія. Поэтому для Сократа въ темницѣ промежутокъ между осужденіемъ и смертію былъ продолжителенъ.

Эхкр. Такъ что же скажешь ты о самой смерти его, Федонъ? Что было говорено и дѣлано? Кто изъ приближенныхъ находился при этомъ человекъ? или архонты не позволяли приходить къ нему, и онъ умеръ, не видя друзей?

Фед. О, нѣтъ, съ нимъ были нѣкоторые, даже многіе.

Эхкр. Постарайся же рассказать намъ обо всемъ съ возможною подробностію, если ничто не отвлекаетъ тебя.

Фед. Я теперъ свободенъ и расскажу вамъ тѣмъ охотнѣе, что и для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вспоминать о Сократѣ, самъ ли говорю о немъ, или слушаю другаго.

Эхкр. Да и въ слушателяхъ своихъ, Федонъ, ты найдешь людей, подобныхъ себѣ: такъ постарайся объяснить намъ все, сколько можешь обстоятельнѣе.

¹ Обычай Аѳинянъ ежегодно отправлять въ Делось священное посольство основывался на слѣдующемъ мнѣніи. Критскій царь Миносъ, въ отищеніе за смерть своего сына Андрогееа, осадилъ Аѳины. Доведенные этою осадю до крайности, Аѳиняне вступили съ нимъ въ условія и, по его требованію, обѣщались чрезъ каждые восемь лѣтъ присылать на островъ Критъ по семи дѣвочекъ и по столько же мальчиковъ, для принесенія ихъ въ жертву Минотавру, который и пожиралъ ихъ въ лабиринтѣ. Это обѣщаніе два осмилѣтія исполнялось вѣрно. Но въ третье обреченныхъ аѳинскихъ жертвъ положено было отправить съ Тезеемъ, чтобы онъ убилъ Минотавра и избавилъ Аѳинянъ отъ платежа этой кровавой дани. Отправляя Тезея съ такою цѣлію, Аѳиняне дали обѣтъ ежегодно отправлять торжественное посольство въ дѣліискій храмъ Аполлона, если Тезей и самъ спасется и его спутники. *Plut. vit. Thesei* p. 6 sq. *Pausan.* 1, 27. p. 67.

Фед. Находишь у Сократа, я испыталъ что-то удивительное. Во мнѣ даже не возбуждалось и сожалѣнія о другѣ, тогда какъ онъ былъ столь близокъ къ смерти. Онъ казался мнѣ, Эхекратъ, блаженнымъ и по наружности и по словамъ: онъ умиралъ столь безтрепетно и великодушно, что и самое отшествіе его въ преисподнюю, думалъ я, совершается не безъ божественнаго жребія, что онъ и тамъ будетъ счастливѣе, нежели кто другой. Потому-то во мнѣ не возбуждалось ни особеннаго сожалѣнія, какому слѣдовало бы быть при тогдашнемъ бѣдствіи, ни удовольствія, отъ того, что мы, по обыкновенію, философствовали: а разговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ философскій. Напротивъ, живо представляя, что Сократъ долженъ скоро умереть, я питалъ какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смѣсь удовольствія и скорби. Да и всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же расположеніи духа: то смѣялись, то плакали, особенно одинъ изъ насъ, Аполлодоръ ¹. Ты, знаешь можетъ быть, этого человѣка и нравъ его.

Эхекр. Какъ не знать.

Фед. Такъ вотъ онъ находился точно въ такомъ состояніи духа; да и самъ я былъ возмущенъ, и другіе.

Эхекр. А кто тогда случился у него, Федонъ?

Фед. Изъ соотечественниковъ пришли: этотъ Аполлодоръ, Критобуль и отецъ его Критонъ, также Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ и Антисеенъ ²; пришли еще: Ктесиппъ Пеанскій, Менексенъ и другіе соотечественники; а Платонъ, кажется, былъ нездоровъ.

Эхекр. Были и какіе нибудь иностранцы?

Фед. Да; Симміасъ Оивянинъ, Кебетъ и Федондъ, также Эвклидъ изъ Мегары и Терпсіонъ.

Эхекр. А были ли Аристиппъ и Клеомбротъ?

Фед. Ну нѣтъ; сказывали, что они находились въ Эгинѣ.

Эхекр. Кто же еще былъ?

Фед. Кажется, почти только эти.

Эхекр. Такъ чтожь? О чемъ говорили?

Фед. Я постараюсь пересказать тебѣ все сначала. Мы всегда, и въ прежніе дни, имѣли обыкновеніе приходитъ къ Сократу, предварительно собравшись въ то судилище, въ которомъ происходилъ судъ, такъ какъ оно было было близъ темницы. Здѣсь, разговаривая между собою,

¹ И Платонъ, и его современники описываютъ Аполлодора, какъ человѣка, сильно преданнаго Сократу и отличавшагося особенною живостію и чувствительностію. Поэтому онъ быстро переходилъ отъ радости къ печали и обратно, и несколько не показывалъ мужской твердости, за что въ одномъ мѣстѣ Платонова Симпозиона (173. D.) получалъ прозваніе *ὁ μακρός*.

² Основатель философской школы кианиковъ, см. Проп. IV стр. 352.

мы каждый разъ ожидали, пока отпрутъ темницу, ибо отпирали ее не рано. Когда же она была отперта, то входили къ Сократу и по большей части проводили съ нимъ цѣлый день. Но въ послѣдній разъ собрались гораздо ранѣе, потому что, выходя изъ темницы вечеромъ наканунѣ того дня, узнали, что корабль уже возвратился изъ Делоса, и дали другъ другу обѣщаніе сойтись въ извѣстномъ мѣствѣ какъ можно ранѣе. Пришли; но сторожъ, обыкновенно отворившій намъ дверь, вышелъ и сказалъ, чтобы мы подождали и не входили, пока Сократъ самъ не позоветъ насъ; ибо теперь, прибавилъ онъ, одиннадцать судей снимаютъ съ него оковы и объявляютъ, какую смертію въ этотъ день онъ долженъ умереть. Спусти не много послѣ того, сторожъ опять вышелъ и приказалъ намъ войти. Входимъ и видимъ Сократа только что освобожденнымъ отъ оковъ; подлѣ него сидитъ Ксантиппа (ты, конечно, знаешь ее) и держитъ дитя. Какъ скоро она увидѣла насъ, то подняла вопль и начала говорить все, что говорятъ женщины, на примѣръ: о Сократъ! вотъ друзья твои съ тобою и ты съ друзьями — бесѣдуете уже въ послѣдній разъ. Но Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: Критонъ! пусть кто нибудь отведетъ ее домой. Тогда нѣкоторые изъ Критоновыхъ слугъ повели ее, а она кричала и ударила себя въ грудь.

Между тѣмъ Сократъ, приподнявшись на скамьѣ, подогнувъ ногу, сталъ потирать ее рукою и, потирая, сказалъ: Друзья! какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ приятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя, по видимому, противоположна первому! Взятая вмѣствѣ, они не уживаются въ челоуѣкѣ: но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти вынуждается всегда получать и другое, какъ будто эти двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ. Если бы такая мысль, продолжалъ Сократъ, представилась Езопу: то онъ, кажется, сложилъ бы басню, что богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могши того сдѣлать, сростилъ ихъ вершины: следовательно, кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и другую. Вотъ какъ и самъ я, — отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль; а теперь за болью, кажется, слѣдуетъ что-то приятное. — Клянусь Зевсомъ, Сократъ, подхватилъ Кебетъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ. Меня уже спрашивали и другіе, а недавно и Эвенъ, о твоихъ стихотвореніяхъ, которыя ты написалъ, перелагая рассказы Езопа, и о прологѣ Аполлону: чѣмъ это вздумалось тебѣ писать, пришедши сюда, между тѣмъ какъ прежде ты никогда и ничего не писывалъ стихами! Если, по твоему мнѣнію, мнѣ надобно отвѣчать Эвену, когда онъ опять спроситъ меня (и я вѣрно знаю, что спроситъ), то скажи, каковъ долженъ быть мой отвѣтъ. — Отвѣчай ему правду, Кебетъ, что я написалъ это, не думая быть соперникомъ ни ему, ни его твореніямъ, ибо зналъ, что такое

соперничество не легко, но желая испытать значеніе нѣкоторыхъ сновъ и успокоить совѣсть, — не этою ли часто повелѣвалось мнѣ заниматься мусикією. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ протекшей моей жизни не рѣдко повторялся у меня сонъ, который, представляясь въ разныхъ видахъ, говорилъ одно и то же всегда: Сократъ! дѣлай и производи мусикію. И я въ прежнее время всѣмъ занимался въ той мысли, что къ этому располагаетъ и возбуждаетъ меня сновидѣніе; что какъ на скороходовъ имѣютъ вліяніе возбудителя, такъ на меня, въ моей работѣ — оно, повелѣвавшее заниматься мусикією, ибо философія, думалъ я, есть величайшая мусикія, а я ею занимаюсь. Но потомъ, когда судъ былъ конченъ, а божій праздникъ препятствовалъ мнѣ умереть, я подумалъ: ну что, если сонъ многократно возбуждалъ меня трудиться надъ народною мусикією? — вѣдь надобно трудиться, а не отвергать внушенія; ибо безопаснѣе умереть, когда, повинувшись сновидѣнію, успокоишь совѣсть чрезъ сочиненіе стихотвореній. Поэтому сначала я написалъ гимнъ богу, которому тогда приносима была жертва, а послѣ бога, разсудивъ, что поэту, если онъ хочетъ быть поэтомъ, надобно излагать не мысли, а вымыслы, и не находя въ себѣ способности вымышлять, переложилъ въ стихи первыя попавшіяся мнѣ изъ тѣхъ басенъ Езопы, которыя были у меня подъ рукою и въ памяти. Такъ вотъ что отвѣчай Эвену, Кебетъ: да пусть онъ будетъ здоровъ и, если распознаетъ здраво, пусть скорѣе бѣжитъ за мною. Я, какъ видно, отхожу сегодня: такова воля Аѳинянъ. — Но Симміасъ сказалъ: что ты это, Сократъ, совѣтуешь Эвену? Вѣдь я уже много разъ разговаривалъ съ нимъ и, сколько понимаю, онъ охотно никакъ не послушается тебя. — Почему-же, возразилъ Сократъ? Развѣ Эвенъ не философъ¹? — Кажется, философъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Слѣдовательно захочетъ и Эвенъ, и всякій, достойно принимающій участіе въ этомъ дѣлѣ. Конечно, онъ, можетъ быть, не наложитъ на себя рукъ; ибо это, говорятъ, беззаконіе. — Тутъ Сократъ спустилъ ноги съ скамьи на полъ и, сидя въ такомъ положеніи, продолжалъ бесѣдовать.

Кебетъ спросилъ его: какъ это говоришь ты, Сократъ, что наложить на себя руки незаконно, а между тѣмъ философу можно хотѣть слѣдовать за умирающимъ? — Такъ чтожь, Кебетъ? Развѣ ты и Симміасъ не слышали объ этомъ отъ Филолая², когда обращались съ

¹ Эвенъ, по роду своихъ сочиненій, поэтъ, тѣмъ не менѣе объявлялъ себя софистомъ и за уроки бралъ съ учениковъ по пяти мнѣ. *Apolog. Xenoph.*, с. 1V. Такъ какъ софистовъ называли и философами, то и Сократъ, примѣваясь къ народному понятію, не безъ ироніи, конечно, даетъ ему это имя.

² Филолай, родомъ Кротонецъ, ученикъ Архиты, знаменитый философъ пифагорейской школы, жилъ нѣсколько времени въ Аѳинахъ и преподавалъ свое ученіе. Здѣсь между прочими были его слушателями Симміасъ и Кебетъ, прежде чѣмъ стали они слушать Сократа.

нимъ? — По крайней мѣрѣ ничего яснаго, Сократъ. — Впрочемъ и я знаю только по слуху; однакожъ, что слышалъ, того не скрою. Да человѣку, собирающемуся перейти въ другую жизнь, и весьма прилично, можетъ быть, разсуждать и толковать о ней и о томъ, какова она будетъ. Кто бы и сталъ дѣлать чтонибудь иное нынѣ до захожденія солнца? — Такъ почему же говорятъ, Сократъ, что лишать жизни самого себя беззаконно? Теперешнее твое сужденіе я уже слышалъ и отъ Филолая, когда онъ жилъ у насъ; знаю и отъ другихъ, что дѣлать этого не надобно; но ясно ни отъ кого и никогда не слыхивалъ. — Должно сильнѣе желать, сказалъ Сократъ; такъ авось услышишь. Можетъ быть, для тебя покажется удивительнымъ, что безусловно лучше умереть, нежели жить, и никогда не случается, какъ въ прочихъ дѣлахъ, чтобы инымъ людямъ и иногда было лучше умереть, нежели жить, а инымъ и въ иное время нѣтъ; а когда человѣку лучше умереть, то ты, вѣроятно, удивишься, почему бы онъ поступилъ нечестиво, благодѣтельствуя самому себѣ, и зачѣмъ бы ему ожидать другаго благодѣтеля. — Тутъ Кебетъ, слегка улыбнувшись, сказалъ: Зевсъ знаетъ, что говорить онъ! — Конечно, съ перваго взгляда это можетъ показаться безсмыслицей, замѣтилъ Сократъ; однакожъ въ моихъ словахъ есть нѣкоторый смыслъ. Изреченіе, находящееся въ тайномъ ученіи, что мы, люди, живемъ въ какой-то темницѣ, а потому сами собою не должны освобождаться изъ нея и уходить, мнѣ представляется слишкомъ высокимъ и неудобо-разсмотримымъ; напротивъ того, Кебетъ, по моему мнѣнію, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы — одно изъ ихъ стяжаній. Или ты не такъ думаешь, Кебетъ? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — Но если-бы какоенибудь изъ твоихъ стяжаній, продолжалъ Сократъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть: то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію, какому могъ? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, благоразуміе требуетъ умерщвлять себя не прежде, какъ тогда, когда богъ пошлетъ необходимость, въ какую теперь поставлены мы. — Правда, что такъ, сказалъ Кебетъ; но то кажется странно, Сократъ, будто философамъ легко желать смерти, особенно когда мы одобрили мнѣніе, что богъ есть нашъ попечитель, а мы его стяжаніе. Люди мудрѣйшіе не имѣютъ причины не скорбѣть, оставляя такое служеніе, къ которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей — богами; ибо вѣрно не думаютъ, что, сдѣлавшись свободными, лучше позаботятся о самихъ себѣ. Глупый, можетъ быть, и возразить, что надобно бѣжать отъ господина, ибо не умѣетъ размыслить, что отъ добраго бѣжать никакъ не должно, а должно тѣмъ болѣе оставаться съ нимъ, и что побѣгъ былъ бы дѣломъ безумнымъ: но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть съ тѣмъ, кто лучше его. Такъ-то, Сократъ, мнѣ представляется противное тому, что сей-

часть говорилъ ты: людямъ мудрымъ при смерти прилично скорбѣть, а лишь глупымъ радоваться. — Выслушавъ это, Сократъ, казалось, былъ доволенъ изслѣдовательностію Кебета и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кебетъ непременно всегда испытываетъ мысль и съ перваго раза никакъ не вѣрять тому, что кто утверждаетъ. — Да и точно, Сократъ, подхватилъ Симміасъ, мнѣ самому думается, что Кебетъ, по крайней мѣрѣ теперь, говоритъ дѣло; ибо съ какою цѣлю люди мудрые могли бы бѣжать отъ господъ, дѣйствительно лучшихъ, нежели сами, и легкомысленно оставлять ихъ? Его рѣчь, по видимому, направлена противъ тебя, поколику ты столь равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями. — Вы правы, сказалъ Сократъ; я вижу цѣль вашихъ словъ; вамъ хочется, чтобы я защищался противъ этого обвиненія, какъ въ судѣ. — Совершенно такъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ; постараюсь оправдаться предъ вами успѣшнѣе, чѣмъ предъ судіями. Если-бы я не думалъ, Симміасъ и Кебетъ, что, во первыхъ, пойду къ инымъ мудрымъ и благимъ богамъ, во вторыхъ, къ умершимъ людямъ, лучшимъ, нежели эти: то былъ бы виноватъ, не скорбя при смерти. Но теперь знайте, я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя не смѣю утверждать это слишкомъ рѣшительно; а что предстану предъ добрыхъ владыкъ, боговъ, это, поверьте, могу доказать столько же рѣшительно, какъ что либо другое. Потому-то и не скорблю, а надѣюсь, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ, какъ издревле говорится, гораздо лучше, нежели злымъ. — Такъ что же, Сократъ? сказалъ Симміасъ. Питая въ умѣ такую мысль, ужели ты отойдешь, не передавъ ея намъ? Вѣдь въ этомъ благъ, думаю, мы всѣ должны имѣть свою часть. Притомъ вотъ тебѣ и оправданіе, если убѣдишь насъ въ истинѣ своихъ словъ. — Хорошо, постараюсь, отвѣчалъ Сократъ. Но прежде посмотримъ, что такое давно уже, кажется, хочетъ сказать мнѣ Критонъ. — Сказать нечего, Сократъ, кромѣ того, что человекъ, имѣющій дать тебѣ ядъ, безпрестанно твердитъ мнѣ, чтобы ты какъ можно менѣе разговаривалъ; ибо разговаривающіе, по его словамъ, слишкомъ разгорячаются, а предъ принятіемъ яда этого быть не должно: въ противномъ случаѣ иногда бываетъ нужно повторять пріемъ два и три раза¹. — Оставь его, сказалъ Сократъ; пусть только готовить свое,

¹ Петитъ (Observ. miscell. 1, 17), основываясь на одномъ мѣстѣ Плутарха, старался доказать, что упоминаемый здѣсь исполнитель смертнаго приговора одиннадцати судей хотѣлъ убѣдить Сократа, чтобы онъ меньше говорилъ, побуждаясь къ этому не состраданіемъ, а корыстію; ибо, по обычаю, долженъ былъ покупать ядъ на свои деньги и за каждый пріемъ его платить двѣнадцать драхмъ.

чтобы дать мнѣ лѣ и дважды, а если потребуется, и трижды. — Я-то почти зналъ это, отвѣчалъ Критонъ; да онъ непрестанно докучаетъ мнѣ. — Оставь его, сказалъ Сократъ.

Теперь я хочу дать отчетъ вамъ — моимъ судіямъ, что чело-вѣкъ, искренно посвящающій жизнь свою философіи, встрѣтитъ смерть, какъ мнѣ кажется, мужественно и съ надеждою по кончинѣ, за гробомъ, получить величайшія блага. А какъ это и почему такъ будетъ, Симміасъ и Кебетъ, постараюсь высказать. Для иныхъ, должно быть, не замѣтно, что люди, истинно преданные философіи, ничего другаго не имѣютъ въ виду какъ только умирать и умереть. Если же такъ, то какая странность желать этого весь вѣкъ и скорбѣть по достиженіи той цѣли, къ которой давно стремились и готовились! — Тутъ Симміасъ улыбулся и сказалъ: клянусь Зевсомъ, Сократъ! ты заставляешь меня смѣяться, хоть теперь я вовсе не расположенъ къ смѣху. Если бы слышала тебя толпа, то мнѣніе твое о философахъ показалось бы ей, думаю, очень хорошимъ, и всѣ, по крайней мѣрѣ у насъ, похвалили бы, что истинные философы желаютъ умереть, потому что и сами они признаютъ ихъ достойными этого жребія. — Да и справедливо похвалили бы, Симміасъ; только они не знаютъ, въ какомъ смыслѣ философы желаютъ умереть, и въ какомъ смыслѣ достойны они смерти, и какой именно смерти достойны истинные философы. Оставимъ пока толпу, продолжалъ Сократъ, и будемъ разсуждать между собою. Почитаемъ ли мы что нибудь смертію? — Конечно, отвѣчалъ Симміасъ. — Не есть ли она отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значить, что тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ особо, само по себѣ, и душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ? Иное ли что нибудь, или это называется смертію? — Это, а не иное, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, добрякъ, не то ли покажется и тебѣ, что мнѣ: вѣдь отсюда-то особенно мы уразумѣемъ предметъ своего изслѣдованія. Думаешь ли, что философу свойственно заботиться о тѣхъ, такъ называемыхъ, удовольствіяхъ, которыя состоятъ въ пищѣ и питіи? — Всего менѣе, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Ну, а объ удовольствіяхъ любви? — Отнюдь нѣтъ. — Что еще? Думаешь ли, что такой чело-вѣкъ считаетъ уважительнымъ всякое другое попеченіе, относящееся къ тѣлу? Напримѣръ, цѣнить онъ или не цѣнить пріобрѣтеніе отличной одежды, обуви и иныхъ украшеній тѣла, когда нѣтъ большой необходимости пріобрѣсть ихъ? — Истинный философъ, кажется, не цѣнить этого, сказалъ Симміасъ. — Слѣдовательно, тебѣ вообще кажется, продолжалъ Сократъ, что его дѣятельность направлена не къ тѣлу, что онъ, сколько возможно, удаляется отъ него и обращается къ душѣ? — Кажется. — Значить, философъ можно узнать прежде всего по тому, что онъ-то особенно, болѣе чѣмъ прочіе люди, устраняетъ душу отъ сообщенія съ тѣломъ. —

Повидимому такъ. — И вѣдь многимъ, Симміасъ, вѣроятно представляется, что безъ подобныхъ пріятностей и безъ участія въ нихъ не стоятъ жить, что не заботящійся объ удовольствіяхъ, относящихся къ тѣлу, живетъ близъ смерти. — Ты говоришь очень справедливо. — Но что думать о самомъ пріобрѣтеніи разумнія? Препятствуетъ, или нѣтъ, тѣло, когда кто беретъ его въ часть для такого пріобрѣтенія? Я хочу сказать, зрѣніе и слухъ представляютъ ли людямъ какую нибудь истину, или мы не слышимъ и не видимъ ничего опредѣленнаго, какъ безпрестанно щебечуть намъ по крайней мѣрѣ поэты? Если же эти чувства не вѣрны и не ясны, то прочія и того менѣе; ибо все они, конечно, хуже этихъ. Или тебѣ не кажется? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, когда же душа касается истины? спросилъ Сократъ. Намъ вѣриваясь вмѣстѣ съ тѣломъ изслѣдовать что нибудь, она очевидно бываетъ имъ обманываема. — Твоя правда. — Следовательно, если чѣмъ, то мышленіемъ открывается ей нѣчто существенное? — Да. — Но мыслить она лучше, вѣроятно, тогда, когда ничто не беспокоитъ ея, — ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, когда, оставивъ тѣло и сколько возможно удалившись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ совершенно одна, сама по себѣ, и стремится къ сущему. — Такъ. — Значитъ, и здѣсь душа философа вовсе не цѣнить тѣла и, убѣгая отъ него, старается быть сама съ собою? — Думаю. — А что скажешь на слѣдующіе вопросы, Симміасъ? Называемъ ли мы что нибудь справедливымъ, или не называемъ? — Называемъ, клянусь Зевсомъ. — Равнымъ образомъ, хорошимъ и добрымъ? — Какъ же? — Но такія вещи видалъ ли ты когда нибудь глазами? — Совсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — А касался ли ихъ которымъ нибудь другимъ чувствомъ тѣла? (Разумію все подобное, какъ-то: величину, здоровье, силу, однимъ словомъ, сущность всего, т. е. что такое самъ по себѣ каждый изъ этихъ предметовъ.) Тѣломъ ли созерцается истинная сторона ихъ, или кто болѣе и основательнѣе приготовленъ къ уразумѣнію разсматриваемаго предмета, тотъ ближе и къ познанію его? — Безъ сомнѣнія. — А подобное понятіе не тотъ ли пріобрѣтаетъ чище, кто будетъ обращаться къ каждому предмету именно одною мыслию, не присоединя къ размышленію зрѣнія и не увлекая за умомъ никакого другаго чувства, кто будетъ пользоваться просто мыслию, самою по себѣ, и постарается уловить каждое сущее, само по себѣ, непремѣнно отказавшись и отъ глазъ, и отъ ушей и, такъ сказать, отъ всего тѣла, поколику своимъ участіемъ оно возмущаетъ душу и не позволяетъ ей пріобрѣсть истину и разумніе? Не этотъ ли, болѣе чѣмъ кто другой, постигнетъ сущее, Симміасъ? — Ты, Сократъ, говоришь чрезвычайно какъ справедливо, сказалъ Симміасъ. — Но изъ всего этого, продолжалъ Сократъ, у людей, сознательно философствующихъ, не должно ли образоваться нѣкоторое опредѣленное мнѣніе, такъ какъ

бы они разсуждали между собою слѣдующимъ образомъ: Вѣроятно, есть какая-то стезя, которая въ дѣлѣ изслѣдованія ведетъ насъ съ однимъ умомъ; потому что мы никогда не приобретаемъ вполне того, чего желаемъ и что называемъ истиною, пока облечены въ тѣло, и доколѣ наша душа смѣшана съ этимъ зломъ. Въ самомъ дѣлѣ тѣло запутываетъ насъ въ безконечныя хлопоты и ради того уже, что ему необходима пища; а иногда еще пристають болѣзни и возбраняютъ намъ входить къ существу. Тѣло также наполняетъ насъ сладострастіемъ, пожеланіями, страхомъ, различными призраками и многими пустяками: поэтому двѣствительно правду говорятъ, что подъ вліяніемъ тѣла и размыслить о чемънибудь никогда. Да и войны, и бунты, и битвы откуда происходятъ, какъ не отъ тѣла и его пожеланій! Ибо всѣ войны воспламеняются для пріобрѣтенія имущества, а имущество мы понуждаемся пріобрѣтать въ пользу тѣла, которому рабски служимъ. Такимъ образомъ для философіи — то у насъ и не остается времени. Но послѣ всего, если и представляется намъ какой досугъ, и мы обращаемся къ разсматриванію чегонибудь: то во время изслѣдованій тѣло непремѣнно опять припутается, произведетъ шумъ, замѣшательство и тревогу, такъ что мы и не можемъ уже видѣть истину, а только полагаемъ за вѣрное, что когда хотимъ чтонибудь узнать чисто, должны отвязаться отъ тѣла и созерцать сами вещи самою душею. Значитъ, разумнѣе, которое почитаемъ предметомъ своего желанія и любви, мы, по всей вѣроятности, пріобрѣтемъ тогда, когда умремъ, а въ жизни не найдемъ его: ибо если съ тѣломъ нельзя ничего узнать чисто, то выходитъ одно изъ двухъ: знаніе или никогда не возможно, или возможно по смерти, потому что по смерти, а не прежде, душа будетъ существовать сама по себѣ, безъ тѣла. Живя же, мы только въ той мѣрѣ, какъ видно, становимся ближе къ знанію, въ какой наименѣе, кромѣ крайней необходимости, обращаемся и сообщаемся съ тѣломъ, и не оскверняемъ его природою, но очищаемся отъ него, доколѣ самъ богъ не отрѣшитъ насъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ чистыми, чрезъ отрѣшеніе отъ безсмыслія тѣла, мы, вѣроятно, сойдемся и съ подобными намъ существами и сами собою узнаемъ все простое (а простое, навѣрно, и есть истина): ибо нечистымъ касаться чистаго едва ли позволено. Это то, Симміасъ, должны говорить другъ другу и проповѣдывать всѣ, прямо любознательные. Или тебѣ не такъ кажется? — Всего болѣе, Сократъ. — Если же такъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ, то, отходя туда, куда отхожу я, можно смѣло надѣяться, что тамъ скорѣе, чѣмъ гдѣнибудь, мы вполне пріобрѣтемъ то, ради чего такъ много трудились въ протекшей своей жизни. Поэтому предписанное мнѣ теперь переселеніе сопряжено съ доброю надеждою для всякаго, кто увѣренъ, что его умъ какъ бы очищенъ и приготовленъ. — Безъ сомнѣнія, ска-

заль Симміась. — А очищеніе не въ томъ ли состоитъ, какъ мы давно говоримъ, чтобы душа наиболѣе отдѣлялась отъ тѣла и привыкала изъ всѣхъ частей его собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, чтобы по мѣрѣ возможности и въ настоящее время и послѣ жила она сама собою, освободившись отъ тѣла, какъ изъ темницы? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Но не это ли именно, не отрѣшеніе ли и отдѣленіе души отъ тѣла называется смертію? — Разумѣется, сказалъ онъ. — Отрѣшить же ее, говоримъ, всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философвъ въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать и отдѣлять душу отъ тѣла. Или нѣтъ? — Явно. — И такъ не смѣшно ли было бы, какъ я говорилъ сначала, если бы человекъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла бы къ нему? Не смѣшно ли было бы? — Какъ не смѣшно? — И въ самомъ дѣлѣ, Симміась, люди, истинно философствующіе, стремятся умереть, и смерть имъ менѣе страшна, чѣмъ кому нибудь. Судя по этому: кто непрестанно досадуетъ на свое тѣло и желаетъ имѣть душу саму по себѣ, а случись это — боится и скорбитъ; тотъ не безуменъ ли, что безъ радости отходить туда, гдѣ есть надежда удовлетворить желанію цѣлой жизни (было же предметомъ желанія — разумѣніе) и освободиться отъ сотоварища, на котораго онъ досадуетъ? Многіе, разлученные смертію съ людьми ими любимыми, съ женою, съ дѣтьми, охотно согласились бы сойти въ преисподнюю, въ той надеждѣ, что тамъ увидятся и будутъ вмѣстѣ съ милыми существами: какъ же скорбѣть и невесело отходить умирающему, когда онъ дѣйствительно любитъ разумѣніе и сильно проникнуть тою надеждою, что оно нигдѣ не пріобрѣтается столь совершенно, какъ въ преисподней? Вѣдомо такъ, другъ мой, — лишь бы то былъ истинный философъ; ибо ему живо представляется, что чистое разумѣніе для него нигдѣ такъ не доступно, какъ тамъ. Если же сейчасъ сказанное мною справедливо: то не великое ли было бы безуміе такому человекъ боиться смерти? — Въ самомъ дѣлѣ великое, клянусь Зевсомъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміась. — Итакъ, не есть ли это для тебя достаточный признакъ, сказалъ Сократъ, что человекъ, скорбящій при смерти, былъ любителемъ не мудрости, а тѣла? Любитель же тѣла, извѣстно, любить и деньги и честь, то есть, либо что нибудь одно изъ двухъ, либо то и другое. — Конечно бываетъ такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ онъ. — А не правда ли, Симміась, что людямъ съ философскимъ расположеніемъ очень свойственно и такъ называемое мужество? — Непремѣнно, сказалъ онъ. — Не имъ ли однимъ, уничтожителямъ тѣла, провождающимъ жизнь въ философію, свойственна и разсудительность, которую многіе поставляютъ именно въ томъ, чтобы не увлекаться пожеланіями, но вести себя скромно и благочинно? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. —

Видь если ты захочешь представить себя мужество и разсудительность въ другихъ людяхъ, продолжалъ Сократъ, то онъ покажутся тебѣ чѣмъ-то страннымъ. — Почему же, Сократъ? — Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, что смерть, по мнѣнію всѣхъ другихъ, есть одно изъ великихъ золъ? — И очень. — Значитъ, ты мужественные, когда подвергаются смерти, подвергаются ей изъ страха болѣе великихъ золъ? — Правда. — Следовательно, всѣ, кромѣ философовъ, бываютъ мужественны изъ боязни и страха. А быть мужественнымъ по причинѣ страха и робости въ самомъ дѣлѣ страшно. — Безъ сомнѣнія. — Что еще? Не таковы ли и благонравные между ними? То есть, не изъ невоздержанія ли они разсудительны? Мы хоть и говоримъ, что это не возможно, однакожь при такой нелѣпой разсудительности имъ свойственно нѣчто подобное; потому что, боясь лишиться однихъ удовольствій и желая ихъ, они, изъ угожденія имъ, воздерживаются отъ другихъ. Служеніе удовольствіямъ называется, конечно, невоздержаніемъ: и однакожь, служа однимъ удовольствіямъ, они одерживаютъ верхъ надъ другими. А это и походить на сказанное нами, что они бываютъ разсудительны какъ бы чрезъ невоздержаніе. — Въ самомъ дѣлѣ походить. — Между тѣмъ для добродѣтели, добрый Симміасъ, была бы правую не та мѣна, чтобы мѣнять удовольствія на удовольствія, скорби на скорби, страхъ на страхъ, ббльшее на меньшее, будто монеты. Нѣтъ, настоящая монета, на которую надобно мѣнять все, здѣсь одна — разумѣніе: ею и за нее покупается и продается дѣйствительно и мужество, и разсудительность, и справедливость, и вообще истинная добродѣтель, независимо отъ того, чувствуется ли при этомъ удовольствіе, либо страхъ и прочее тому подобное, или не чувствуется. Когда же тѣ качества отдѣлены отъ разумѣнія и промѣниваются одно на другое: то подобная добродѣтель не будетъ ли обманчивымъ призракомъ, въ сущности же дѣломъ рабскимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего здраваго и истиннаго? И истинное — то не есть ли въ сущности очищеніе отъ всего такого? Не должно ли назвать ¹, и разсудительность, и справедливость, и мужество, и самое разумѣніе нѣкоторымъ очищеніемъ? Надобно полагать, что и тѣ учредители таинствъ были не плохіе люди, когда давно уже гадали ², что кто сойдетъ въ преисподнюю не-

¹ Очищеніе, по изслѣдованіямъ Крейцера (Symb. IV, 347), почиталось первою степенью посвященія въ таинства. Феомъ Смирскій говоритъ (Mathem. p. 18), что такихъ степеней было пять: первая — *καθαρισμός*, вторая — *ἡ τῆς τελετῆς παράδοσις*, третья — *ἐκπύσις*, четвертая — *ἀνάθεσις καὶ στεμμάτων ἐπίθεσις*, пятая — *τὸ εὐοφίλδης καὶ εὐοῖς συνδίατος εὐδαιμονία*.

² Олимпіодоръ полагаетъ, что здѣсь указывается на слова одного мистическаго сочиненія, котораго авторомъ почитали Орфея. См. Fragment. Orph. p. 509. Herm. Num. in Cerer. 485.

освященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ, а очищенный и совершенный, пришедши туда, станетъ жить съ богами. Служителя таинствъ говорятъ, что носителей бакусовыхъ жезловъ много, да Бакховъ-то мало¹. А эти, по моему мнѣнію, суть не кто другіе, какъ истинные философы. Отъ нихъ-то и я, сколько могъ, не отставалъ въ своей жизни, но всячески старался присоединиться къ нимъ. Стараніе мое было ли правильно и успѣшно — узнаемъ ясно, пришедши туда, узнаемъ, какъ мнѣ кажется, скоро, если будетъ угодно богу. Вотъ мое оправданіе, Симміасъ и Кебетъ, прибавилъ Сократъ. Я справедливо не жалуясь и не скорблю, оставляя васъ и здѣшнихъ господъ; ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми господами и друзьями, хотя толпъ это и не вѣрится. Прекрасно было бы, если бы мое оправданіе убѣдило васъ болѣе, нежели аѳинскихъ судей.

Противъ этихъ словъ Сократа Кебетъ возразилъ: о всемъ прочемъ, Сократъ, ты говоришь хорошо; но что касается до души, то люди въ этомъ отношеніи очень недоумѣваютъ, существуетъ ли она гдѣ нибудь, по отрѣшеніи отъ тѣла, или разрушается и уничтожается въ тотъ самый день, въ который человекъ умеръ, то есть, отрѣшившись отъ тѣла и вышедши изъ него, разсѣвается какъ воздухъ или паръ, тотчасъ улетаетъ, и уже нигдѣ отъ нея и ничего нѣтъ. Конечно, если бы она въ самомъ дѣлѣ сосредоточилась въ себѣ и избавилась отъ тѣхъ золь, о которыхъ ты теперь разсуждалъ: то мы имѣли бы великую и прекрасную надежду, что слова твои, Сократъ, истинны. Но для этого требуется, можетъ быть, не мало успокоенія и вѣры, что душа умершаго человека существуетъ, и что въ ней есть какая-то сила и разумніе. — Правда, Кебетъ, сказалъ Сократъ. Такъ чтоже дѣлать? Не хочешь ли, потолкуемъ, вѣроятна моя мысль, или нѣтъ? — Что касается до меня, отвѣчалъ Кебетъ, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы, каково твое объ этомъ мнѣніе? — Мнѣ кажется, никто, сказалъ Сократъ, даже и писатель комедій, слушая меня въ эту минуту, не скажетъ, что я пустословлю, — веду рѣчь не о чемъ должно. Итакъ, если хочешь, надобно изслѣдовать. А изслѣдуемъ, существуютъ ли души умершихъ людей въ преисподней, или нѣтъ, вотъ какимъ образомъ. Есть преданіе, самое древнее, какое только помнимъ, что переселившись туда, онѣ живутъ тамъ и потомъ опять приходятъ сюда и происходятъ изъ умершихъ. Когда это спра-

¹ Бакхами называли также служителей и жрецовъ Діониса, совершавшихъ его оргіи. Эти бакхи, при совершеніи оргій, носили жезлы съ зажженными факелами. *Ὁ βακχεὺς δ' ἔχει πικρῶν φλόγα πύκας ἐκ γάρδητος αἰθέρος...* Schol. ad Aëstoph. Equit. 406. Barnes. ad Euripid. Bacch. 145 sqq. Значеніе Платоновыхъ словъ Фишеръ выражаетъ такъ: *multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi.*

ведливо, когда, то есть, живые происходят из умерших, то как же не существуют наши души там? Ведь не существуя, не произошли бы, и мы имѣли бы достаточный признак их тамошняго существованія, если бы для насъ въ самомъ дѣлѣ было ясно, что онѣ перешли въ жизнь не откуда болѣе, какъ изъ умершихъ. А когда это несправедливо, то нужно какое нибудь иное доказательство. — Безъ сомнѣнія, сказалъ Кебетъ. — Впрочемъ, чтобы легче понять это, наблюдай не только надъ людьми, продолжалъ Сократъ, но и надъ всеми животными и растениями, вообще надъ всѣмъ, въ чемъ видимъ производимость. Не такъ ли все бываетъ, что противное происходитъ изъ противнаго, если ему есть что нибудь противоположное, какъ, напримеръ, похвальное постыдному, справедливое несправедливому, каковыхъ противоположностей безчисленное множество? Разсмотримъ-ка, не необходимо ли, чтобы вещи, противныя чему нибудь, происходили не изъ чего болѣе, какъ изъ противнаго себѣ. Если, напримеръ, что нибудь сдѣлалось большимъ, то не необходимо ли этому сперва надлежало быть меньшимъ, а потомъ возрасти до большаго? — Да. — А когда что нибудь есть меньшее, то сперва оно, конечно, было большимъ, потомъ уже стало меньшимъ? — Такъ, сказалъ онъ. — Подобнымъ образомъ изъ сильнѣйшаго происходитъ слабѣйшее, изъ быстрѣйшаго медленнѣйшее. — Безъ сомнѣнія. — Что же далѣе? Если вещь сдѣлалась хуже, то не изъ лучшей ли? — Изъ чего же иначе? — Значитъ, мы удовлетворяемся тѣмъ положеніемъ, заключилъ Сократъ, что все происходитъ такъ, — противное изъ противнаго? — Безъ сомнѣнія. — Но что еще? Нѣтъ ли чего нибудь, занимающаго средину между всеми парами противоположностей, поколику при двухъ противныхъ бываетъ два перехода, то есть, отъ перваго противнаго во второе, а отъ втораго въ первое? Напримеръ, между большимъ и меньшимъ есть и возрастаніе и умаленіе, и мы говоримъ, что одно растетъ, другое умалается. — Да, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, и раздѣляться, и смѣшиваться, и охлаждаться, и согреваться — все такимъ же образомъ. Хотя словами мы иногда и не выражаемъ этого, однакожъ на дѣлѣ необходимо, чтобы одно взаимно происходило изъ другаго и чтобы переходъ былъ обоюдный? — Конечно, сказалъ онъ. — Что же теперь? продолжалъ Сократъ. Жизни противопоставляется ли нѣчто такъ, какъ бодрствованію — сонъ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А что именно? — Смерть, сказалъ онъ. — Следовательно, жизнь и смерть, если онѣ взаимно противоположны, происходятъ обоюдно, и между ними двумя бываетъ двоякое просхождение? — Какъ же иначе? — Итакъ я, сказалъ Сократъ, приведу тебѣ, одну изъ такихъ паръ, о которыхъ сей часъ упоминалъ, и укажу на ея переходы; а ты приведи другую. Я говорю: «сонъ и бодрствованіе» и утверждаю, что изъ сна бываетъ бодрствованіе, а

изъ бодрствованія сонъ, происхожденія же ихъ суть: задремать и пробудиться. Довольно для тебя или нѣтъ, спросилъ онъ? — Очень довольно. — Скажи же и ты такъ о жизни и смерти. Не говорилъ ли ты, что жизнь противна смерти? — Говорилъ. — И онъ бываютъ одна изъ другой? — Да. — Что же бываетъ изъ живущаго? — Умершее, сказалъ онъ. — А потомъ изъ умершаго, спросилъ Сократъ? — Необходимо согласиться, что живущее, отвѣчалъ Кебетъ. — Значить, изъ умершихъ, Кебетъ, бываютъ вещи живыя и существа живущія? — Кажется, сказалъ онъ. — Следовательно, наши души находятся въ преисподней? заключилъ Сократъ. — Вѣроятно. — Равнымъ образомъ и изъ двухъ происхожденій не явно ли по крайней мѣрѣ одно? Напримѣръ умираніе явно или нѣтъ? — Конечно, явно, отвѣчалъ онъ. — Такъ что же намъ сдѣлать, продолжалъ Сократъ? Не придать ли ему происхожденія противоположнаго? Не ужели въ этомъ отношеніи природа хрома? Умиранію не необходимо ли противополжить какое нибудь происхожденіе? — Совершенно необходимо, сказалъ онъ. — Какое же? — Оживаніе. — Но если есть оживаніе, продолжалъ Сократъ, то оно, это оживаніе не будетъ ли происхожденіемъ изъ мертвыхъ въ существа живущія? — Конечно, будетъ. — Значить, мы согласились и въ томъ, что существа живущія не менѣе бываютъ изъ мертвыхъ, какъ и умершія изъ живущихъ? А если такъ, то, кажется, имѣемъ достаточный признакъ, что души умершихъ необходимо должны гдѣ нибудь существовать, откуда могли бы снова произойти. — Изъ признанныхъ положеній, Сократъ, по видимому, необходимо слѣдуетъ. — Но замѣть, Кебетъ, сказалъ онъ, что тѣ положенія мы признали, думаю, не безразсудно. Вѣдь если не противопоставить одного происхожденія другому, такъ чтобы они совершали кругъ, но допустить производимость только въ одностороннемъ направленіи — отъ противнаго къ противоположному, не поворачивая ея снова отъ послѣдняго на первое: то знай, что наконецъ все будетъ имѣть одинъ и тотъ же видъ, все придетъ въ одно и то же состояніе, — и происхожденія прекратятся. — Какъ это говоришь ты, спросилъ онъ? — Мои слова понять не трудно, отвѣчалъ Сократъ. Если бы, напримѣръ, засыпаніе существовало, а противоположнаго ему, то есть, пробужденія отъ сна не было: то знаешь, сказаніе объ Эндиміонѣ¹ показалось бы наконецъ пустымъ и потеряло бы смыслъ, потому что и все прочее, подобно ему, находилось бы вѣчно въ состояніи сна; и когда бытія только смѣшивались бы, а не раздѣлялись, то вскорѣ вышло бы Анаксагорово:

¹ Известно, что Эндиміонъ, по сказанію греческой мифологіи, ваялъ былъ Зевсомъ на небо; но потомъ, за связь съ Діаной, сброшенъ оттуда на землю и погруженъ въ вѣчный сонъ.

«всѣ вещи вмѣстѣ»¹¹. Такъ-то и здѣсь, любезный Кебетъ: если бы все живущее умирало и, умерши, сохраняло свой образъ смерти, а не оживало снова; то не необходимо ли, чтобы наконецъ все умерло и ничто не жило? Пусть одно живущее происходитъ отъ другаго: но какъ скоро оно умираетъ, то какимъ способомъ и всему не сдѣлаться бы жертвою смерти? — Мнѣ кажется, нѣтъ такого способа, Сократъ, отвѣчалъ онъ. По моему мнѣнію, ты говоришь совершенно справедливо. — Да, Кебетъ, продолжалъ Сократъ, это, думаю, вѣрнѣе всего, и мы не обманываемся, допуская такую истину. Въ самомъ дѣлѣ есть и оживаніе и происхожденіе живаго изъ мертваго; есть и души умершихъ, и добрымъ изъ нихъ хорошо, а злымъ худо.

Да то же самое, Сократъ, вытекаетъ и изъ другаго основанія, подхватилъ Кебетъ, если только справедливо, что ты часто говаривалъ, то есть, ученіе есть не болѣе, какъ припоминаніе. Отсюда, кажется, необходимо слѣдуетъ, что то, что теперь припоминаемъ, мы знали когда-то прежде; а это было бы невозможно, если бы наша душа до своего явленія въ образъ челоуѣка нигдѣ не существовала. Такъ вотъ и по этому она должна быть нѣчто безсмертное. — Но чѣмъ же это доказывается, Кебетъ? спросилъ Симміасъ. Приведи мнѣ на память, потому что въ настоящее время я не очень помню. — Это доказывается однимъ прекраснымъ основаніемъ, сказалъ Кебетъ, что люди, когда хорошо предлагаютъ имъ вопросы, сами рѣшаютъ ихъ, какъ надобно, чего они, конечно, не могли бы сдѣлать, если бы не имѣли въ себѣ знанія и правльнаго смысла. Особенно, когда приводятъ ихъ къ чертежамъ и другому тому подобному, тотчасъ видно, что дѣло такъ бываетъ¹². — А если не убѣждаешься этимъ, Симміасъ, сказалъ Сократъ, то смотри, не согласишься ли съ нами, изслѣдывая предметъ вотъ какимъ образомъ. Ты вѣдь не вѣришь, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе? — Не то что не вѣрю, отвѣчалъ Симміасъ, но имѣю нужду именно въ томъ, о чемъ теперь рѣчь, — въ припоминаніи. Впрочемъ изъ словъ Кебета я уже почти вспомнилъ и убѣжденъ, хотя тѣмъ не менѣе послушалъ бы, какъ ты будешь объ этомъ говорить. — Вотъ какъ, отвѣчалъ онъ. Мы, конечно, согласимся, что тотъ, кто припоминаетъ что нибудь, прежде когда-то долженъ былъ знать это. — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, согласимся также, что приобретенное

¹ Анаксагоръ училъ, что прежде существованія отдѣльныхъ вещей всѣ разнородныя стихіи матеріальнаго міра, или такъ называемыя оміомеріи, находились въ состояніи совершенной слитности. Объ этомъ онъ написалъ книгу, которая начиналась такъ: *διού πάντα χηήματα ἦν, τοὺς δ' αὐτὰ διήρε καὶ διεκόμισε*. Diog. Laert. II 6.

² Кебетъ, по видимому, указываетъ здѣсь на извѣстное мѣсто въ Платоновомъ Меноновѣ р. 81 sqq.

этимъ способомъ знаніе есть припоминаніе? А какой способъ я разумю? Кто, или увидѣвъ, или услышавъ, или принявъ что нибудь инымъ чувствомъ, узналъ не одно это, но пришелъ къ мысли и о другомъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго; тому не въ правъ ли мы приписать воспоминаніе о вещи, пришедшей ему на мысль? — Какъ это говоришь ты, Сократъ? — Напримѣръ такъ: знаніе человека в лиры, вѣрно, различно? — Какъ же не различно? — А не извѣстно ли тебѣ, что друзья, видя лиру, платье, или что другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытываютъ слѣдующее: они узнаютъ лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человека, которому принадлежитъ она? Не есть ли это припоминаніе? Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симміаса, тотъ воспоминаетъ и о Кебетъ. Подобныхъ примѣровъ можно найти множество. — Да, очень много, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — Такъ не есть ли это нѣкоторое припоминаніе, спросилъ Сократъ, — особенно когда оно испытывается въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ, по давности времени и отсутствію мысли, мы уже забыли? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Чтожь? продолжалъ Сократъ; значить, при видѣ нарисованнаго коша или нарисованной лиры можно вспомнить о человекѣ и при видѣ нарисованнаго Симміаса — о Кебетъ. — Конечно. — Но нельзя ли при видѣ нарисованнаго Симміаса вспомнить и о самомъ Симміасѣ? — Разумѣется, можно, сказалъ онъ. — И припоминаніе о всемъ этомъ не вызывается ли какъ подобными, такъ и неподобными предметами? — Вызывается. — А когда кто воспоминаетъ о чемъ нибудь по подобію: то не необходимо ли ему при томъ думать, чего недостаетъ, либо чтъ есть подобнаго въ той вещи, о которой онъ вспомнилъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, продолжалъ Сократъ, такъ ли это? Мы вѣдь говоримъ, что есть пѣччѣ равное — разумю не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень камню или что нибудь иное въ этомъ родѣ, нѣтъ, а отличное отъ всего этого, — равное само по себѣ, самое понятіе равенства: говоримъ или нѣтъ? — Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — И мы знаемъ его, это равное само по себѣ? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упоминали? А именно, не чрезъ знаніе ли равныхъ, или деревъ, или камней, или чего нибудь въ этомъ родѣ, мы пришли къ тому, отличному отъ перваго знанію? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и деревья иногда хоть и тѣ же самыя, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то не равными? — Безъ сомнѣнія. — Чтожь? значить, равное само по себѣ иногда кажется тебѣ не равнымъ? равенство — не равенствомъ? — Отнюдь нѣтъ, Сократъ. — Такъ видно равныя и равное само по себѣ — не одно и то же? сказалъ онъ. — По мнѣ,

никакъ не одно, Сократъ. — Однакожь знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумалъ и получилъ именно изъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго? — Твои слова очень справедливы, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — И при томъ оно или подобно тѣмъ или не подобно? — Конечно. — Но это все равно, заключилъ онъ. Во всякомъ случаѣ, если, вида одно, ты вмѣстѣ придумываешь другое, подобное ли то, или не подобное; то твое придумываніе необходимо должно быть воспоминаніемъ. — Безъ сомнѣнія¹. — А что такое вотъ это? спросилъ онъ. Не испытываемъ ли мы чего нибудь вотъ такого и въ дѣревахъ и въ томъ, чтò сейчасъ называли равнымъ: въ самомъ ли дѣлѣ они представляются намъ столько же совершенно равными, какъ равное само по себѣ? Не недостаетъ ли имъ чего нибудь, чтобы быть такими, каково послѣднее? Или въ нихъ есть все? — Многого недостаетъ имъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, согласишься ли ты, что когда кто нибудь, видя известную вещь, размышляетъ: этой вещи, которую я теперь вижу, хочется походить на нѣчто другое существующее, но ей чего-то недостаетъ; она не можетъ сдѣлаться такою, какъ это нѣчто, она хуже его; — то размышляющій необходимо долженъ напередъ знать то, къ чему она хотя и приближается, однакожь уступаетъ ему? — Необходимо. — Чтожь? А мы, въ отношеніи къ вещамъ равнымъ и равному самому по себѣ, испытываемъ это или нѣтъ? — Непремѣнно испытываемъ. — Значитъ, мы необходимо должны знать равное прежде того времени, когда, увидѣвъ въ первый разъ вещи равныя, размышляемъ, что все онѣ, хотя и стремятся быть какъ равное, но что имъ чего-то недостаетъ. — Правда. — Впрочемъ и то допустимъ, что равнаго мы не придумываемъ и не можемъ придумать иначе, какъ чрезъ зрѣніе, осязаніе или какое другое чувство, — разумно все ихъ тождественными. — Въ отношеніи къ цѣли настоящей рѣчи они въ самомъ дѣлѣ тождественны, Сократъ. — Стало быть чувства — то и приводятъ насъ къ мысли, что въ нихъ все стремится къ существенно равному и все недостаточнѣе его. Не такъ ли мы говоримъ? — Такъ. — Значитъ, прежде, нежели мы начали видѣть, слышать, или какъ иначе чувствовать, намъ надлежало уже имѣть знаніе равнаго самого по себѣ, чтò такое оно, — если о вещахъ, равныхъ по свидѣтельству чувствъ, надобно было заключить, что все въ нихъ стремится быть такимъ, какъ то равное, и что все однакожь хуже его. — Изъ сказаннаго это необходимо, Сократъ. — А не тотчасъ ли по рожденіи мы и видѣли, и слышали, и другими дѣйствовали чувствами? — Конечно. — Между тѣмъ знаніе равнаго, говоримъ, должны были получать все таки прежде чувствъ? — Да. — Такъ выходитъ, что это

¹ Слова «И при томъ оно» до «Безъ сомнѣнія» повидному не подлинныя. См. Hermann Schmidt Kritischer Commentar. an Platon's Phaedon (Halle 1856) стр. 60—66. Изд.

знание мы получили до рождения. — Выходить.. — Если же получили его до рождения и родились, уже обладая имъ, то и до рождения и тотчасъ по рождении знали не только равное, большее и меньшее, но и все того же рода; ибо теперь у насъ рѣчь не болѣе о равномъ, какъ и о прекрасномъ самомъ по себѣ, и о добромъ самомъ по себѣ, и о справедливомъ, и о святомъ, и, какъ сказано, обо всемъ, чему мы даемъ имя сущности, — и въ вопросахъ, когда спрашиваемъ, и въ отвѣгахъ, когда отвѣчаемъ; то есть, знание всего этого необходимо должно было принадлежать намъ еще до рождения. — Правда. — И если бы, получивъ эти знанія, мы не забывали ихъ: то, рождаясь знающими, знали бы ихъ во всю жизнь, потому что знать есть удерживать приобретенное знаніе, не теряя его. Развѣ не потеря знанія, Симміасъ, называется забвеніемъ? — Безъ сомнѣнія, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Но какъ скоро полученное до рождения, родившись, мы потеряли, а потомъ дѣятельностію чувствъ, направленныхъ къ утраченному, снова приобретаемъ тѣ самыя знанія, которыя имѣли прежде; то занятіе, называемое ученіемъ, не есть ли возвращеніе собственнаго нашего знанія? и не справедливо ли мы дадимъ ему имя припоминанія? — Конечно справедливо. — Вѣдь нашли же мы возможнымъ, чтобы человекъ, постигая какой нибудь предметъ или зрѣніемъ, или слухомъ, или инымъ чувствомъ, обращался мыслію и на нѣчто другое, чтó было имъ забыто, но къ чему чувствуемое приближается или сходствомъ или несходствомъ. Поэтому, говорю, одно изъ двухъ: или мы родились знающими и въ продолженіи жизни уже знаемъ; или люди, какъ говорится, учащіяся, впоследствии только припоминаютъ, и ученіе есть воспоминаніе. — Разумѣется такъ, Сократъ. — Что же ты изберешь, Симміасъ? то ли, что мы родились знающими, или то, что впоследствии припоминаемъ вещи, о которыхъ прежде знали? — Въ настоящее время, Сократъ, я не могу избрать. — Отчего же? изберешь. Какъ тебѣ вотъ это покажется? Человекъ знающій въ состояніи ли дать отчетъ въ томъ, чтó знаетъ, или не въ состояніи? — Непремѣнно въ состояніи, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А думаешь ли, что всѣ въ состояніи дать отчетъ въ томъ, о чемъ мы сейчасъ говорили? — Желательно бы, сказалъ Симміасъ, но я очень боюсь, что завтра поутру уже не будетъ ни одного человека, кто сдѣлалъ бы это, какъ должно. — Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, Симміасъ, не всѣ имѣютъ это знаніе, заключилъ Сократъ. — Никакъ не всѣ. — Стало быть только припоминаютъ, чтó когда-то знали? — Необходимо. — Когда же именно наши души получили знаніе о тѣхъ предметахъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда мы родились людьми? — Разумѣется не тогда. — Значить прежде? — Да. — Поэтому наши души, Симміасъ, существовали прежде, чѣмъ начали существовать въ образѣ человека, и существовали безъ тѣлъ, но имѣли

разумѣніе. — Да, если только своихъ знаній, Сократъ, мы не получили въ самый мигъ рожденія; этотъ мигъ еще остается для предположенія. — Хорошо, другъ мой; но въ какое же другое время они теряются? Въдѣ сейчасъ допущено, что мы рождаемся, не имѣя ихъ? Такъ не ужели тогда и теряемъ, когда получаемъ? Или укажешь на какое нибудь иное время? — Отнюдь нѣтъ, Сократъ; я самъ не замѣтилъ, какъ сказалъ вздоръ. — Значить такъ и будетъ, Симміасъ, продолжалъ онъ. Если прекрасное, доброе и всякая сущность, о которой у насъ непрестанно толкъ, дѣйствительно существуетъ, и если отъ чувствъ мы все возводимъ къ ней, находя, что она и прежде была нашею, и сравниваемъ съ нею чувственные впечатлѣнія; то не необходимо ли, чтобы какъ это, такъ и наша душа, имѣла бытіе до нашего рожденія? Когда же этого нѣтъ, то о настоящемъ предметѣ не надлежало ли бы говорить иначе? Не такъ ли, не съ равною ли необходимостію, допуская это, надобно допустить и существованіе нашихъ душъ до нашего рожденія, а отвергая первое, отвергнуть и послѣднее? — Эта необходимость, Сократъ, мнѣ кажется чрезвычайною, сказалъ Симміасъ, и твои слова весьма кстати, что наша душа, такъ же какъ и сущность, о которой ты теперь говоришь, имѣла бытіе до нашего рожденія. Для меня нѣтъ ничего яснѣе, что это истинно въ высочайшей степени, что таково и прекрасное, и доброе, и все, сейчасъ упомянутое тобою. Я чувствую себя совершенно убѣжденнымъ.

А Кебетъ-то, сказалъ Сократъ? Въдѣ надобно убѣдить и Кебета. — Я думаю, отвѣчалъ Симміасъ, что онъ достаточно убѣжденъ, хоть и нѣтъ чловѣка упорнѣе его въ невѣрїи доказательствамъ. Мнѣ кажется, и для него не слабо основаніе, что наши души существовали до нашего рожденія. Развѣ то еще, даже по моему мнѣнію, Сократъ, не доказано, что онъ будутъ существовать и послѣ нашей смерти. Есть въ пародѣ мнѣніе, и о немъ-то сейчасъ говорилъ Кебетъ, что съ смертію чловѣка душа его разсѣвается, и тутъ конецъ ея бытія; ибо чтѣ препятствуетъ ей произойти и образоваться гдѣ-нибудь индѣ и существовать до вшествія въ чловѣческое тѣло, а потомъ, вышедши и отрѣшившись отъ него, скончаться и исчезнуть? — Ты хорошо говоришь, Симміасъ, примолвилъ Кебетъ. Доселѣ доказана какъ будто половина того, чтѣ доказать надлежало, доказано, то есть, что наши души существовали до нашего рожденія,—а надобно еще доказать, что онъ не менѣе будутъ существовать и послѣ нашей смерти. Тогда уже доказательству конецъ. — Доказано и это, Симміасъ и Кебетъ, сказалъ Сократъ, если вамъ угодно настоящее разсужденіе свести въ одно съ принятымъ прежде, то есть, что все живущее происходитъ изъ умершаго. Въдѣ когда душа существовала прежде, а для рожденія и вступленія въ жизнь принуждена выйти изъ смерти и изъ состоянія мер-

твенности: то не необходимо ли ей существовать и по смерти, чтобы опять родиться? Значитъ то, о чемъ вы говорите, уже доказано. Впрочемъ ты и Симмиасъ, кажется, охотно изслѣдовали бы этотъ предметъ еще болѣе, страшась, какъ дѣти, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ не развѣялъ и не развѣялъ души, когда она будетъ выходить изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не въ тихую погоду, а въ сильную бурю. — Тутъ Кебетъ улыбнулся и сказалъ: постарайся же, Сократъ, убѣжденіемъ разогнать нашъ страхъ, или лучше не нашъ страхъ, но страхъ скрывающагося въ насъ дитяти ¹. Попытайся внушить ему, что не должно бояться смерти будто пугалища. — Да, надобно обаять ² его каждый день, пока не изгоните, примолвилъ Сократъ. — Но гдѣ намъ взять такихъ сильныхъ обаяній, Сократъ, когда ты оставлешь насъ? спросилъ онъ. — Эллада велика, Кебетъ, отвѣчалъ Сократъ; въ ней, вѣроятно, есть добрые люди. Да много и варварскихъ народовъ. Ища такого обаянія, должно прослѣдить всѣ ихъ, не щадя ни денегъ ни трудовъ; ибо нѣтъ предмета, для котораго бы деньги могли быть употреблены пригоднѣе. Надобно также искать обаянія и другъ у друга, потому что, можетъ быть, не легко вамъ найти когонибудь, кто могъ бы сдѣлать это лучше васъ. — Именно такъ и будетъ, сказала Кебетъ. Но возвратимся къ тому, отъ чего уклонились, если тебѣ угодно. — Конечно угодно; почему не возвратиться? — Вотъ и хорошо, примолвилъ онъ. — Итакъ, мы должны сдѣлать себѣ, вѣроятно, слѣдующій вопросъ, продолжалъ Сократъ: чему свойственно впадать въ такое состояніе, то есть, въ состояніе исчезновенія? и въ отношеніи къ какимъ вещамъ мы боимся его? А потомъ разсмотрѣть: душа относится ли къ этому роду вещей, и робѣть ли намъ за нее или не робѣть? — Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Смотри же, не тому ли, что слагается и сложно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то - есть, раздѣляться на свои начала? и не правда ли, что одному несложному такое состояніе не прилично, болѣе, чѣмъ всякой другой вещи? — Мнѣ кажется такъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Но всегда то же и существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? а бывающее иногда такъ, иногда иначе и никогда не остающееся тѣмъ же не есть ли сложное? — Кажется. — Ну такъ пойдѣмъ къ тому, ска-

¹ Подъ именемъ скрывающагося въ насъ дитяти Кебетъ разумѣетъ, конечно, животную природу, которая, будучи тѣсно связана съ интересами чувственной жизни, боится за нее и не внимаетъ никакимъ представленіямъ разума.

² Обаять—то же что заговаривать или изгонять недугъ посредствомъ заговоровъ, подъ которыми въ этомъ мѣстѣ Платонъ разумѣетъ умныя философскія бесѣды, направляемыя противъ недуговъ чувственности. То же самое см. Chap. 155 D. E. и 157. Греческому *ἐκβάλλειν* еще ближе соответствуетъ у насъ слово «напѣвать»; только оно употребляется обыкновенно въ дурную сторону.

заль онъ , къ чему шли въ прежнемъ разсужденіи. Сущность сама по себѣ , которой бытіе своими вопросами и отвѣтами мы опредѣлили, одинакимъ ли всегда существуетъ образомъ , или иногда такъ , иногда иначе? равное само по себѣ , прекрасное само по себѣ , сущее само по себѣ , поколику оно есть , подлежить ли хоть какому измѣненію? или каждая изъ вещей сущихъ , сама по себѣ однородная , продолжаетъ быть тою же и такимъ же образомъ , не подлежа никогда , никакъ и никакой перемѣнѣ? — Необходимо тою же и такимъ же образомъ , Сократъ , отвѣчалъ Кебетъ. — А что скажешь о многихъ прекрасныхъ предметахъ , какъ то: о людяхъ , лошадахъ , платьяхъ и другихъ тому подобныхъ , или о равныхъ , похвальныхъ и всѣхъ соименныхъ имъ? Одинаково ли они существуютъ , или , въ противность первымъ , не согласны ни съ самими собою , ни между собою , и никогда , ни подъ какимъ видомъ , можно сказать , не остаются тѣми же? — Опять такъ , отвѣчалъ Кебетъ ; никогда не остаются тѣми же. — И не правда ли , что послѣдніе ты можешь постигать осазаніемъ , зрѣніемъ и другими чувствами , а первые , существующіе одинакимъ образомъ , постигать не иначе , какъ умомъ , поколику они не имѣютъ вида и не подлежатъ зрѣнію? — Совершенно справедливо , сказалъ онъ. — Итакъ положимъ , если угодно , два рода существъ , продолжалъ Сократъ : одинъ родъ существъ видимыхъ , другой безвидныхъ. — Положимъ , отвѣчалъ Кебетъ. — И существа безвидныя всегда одинаковы , а видимыя никогда не остаются тѣми же. — И это положимъ , прибавилъ онъ. — Хорошо , сказалъ Сократъ. Есть ли въ насъ что нибудь , кромѣ тѣла и души? — Ничего нѣтъ болѣе , отвѣчалъ онъ. — Которому же роду подобіе и сродіе , по нашему мнѣнію , тѣло? — Очень ясно , сказалъ онъ , что роду существъ видимыхъ. — А душа? видимыхъ или безвидныхъ? — По крайшей мѣрѣ люди не видятъ ее , Сократъ , отвѣчалъ онъ. — Но о видимомъ и невидимомъ мы говоримъ вѣдь относительно къ природѣ человеческой. Или , думаешь , къ какой другой? — Къ человеческой. — Такъ что же сказать о душѣ? видима она или невидима? — Невидима. — Значитъ безвидна? — Да. — Следовательно , она болѣе , чѣмъ тѣло , походить на существо безвидное , а тѣло на видимое? — Крайне необходимо , Сократъ. — По прежде не допустили ли мы также , что , пользуясь тѣломъ , для наблюденія чего нибудь посредствомъ зрѣнія , слуха , или другаго чувства (ибо наблюдать тѣлесно значитъ употреблять чувства) , душа бываеъ увлекаема тѣломъ къ такимъ предметамъ , которые никогда не существуютъ одинакимъ образомъ , и что , касаясь ихъ , она и сама блуждаетъ , возмущается и шатается , какъ опьянялая? — Конечно допустили. — Напротивъ , дѣлая наблюденія сама собою , она сгвшиваетъ туда , къ чистому , всегда сущему , безсмертному , тождественному и , какъ сродная ему , всегда съ нимъ живетъ , поколику жи-

вещь и можетъ жить сама по себѣ, перестаетъ блуждать и, касаясь предметовъ, всегда существующихъ одинакимъ образомъ, становится тою же, и это ея свойство названо разумностию. — Ты въ полномъ смыслѣ прекрасно объясняешь истину, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — И такъ душа, на основаніи прежде сказанныхъ и настоящихъ положеній, которому роду подобіея и сродніе? — Этотъ ходъ изслѣдованія, Сократъ, кажется всякаго, даже самаго упорнаго чловѣка, заставить согласиться, что душа несравненно подобіея существу, всегда тождественному, чѣмъ противоположному. — Ну а тѣло? — Существо другаго рода. — Смотри же и на то, что душа и тѣло составляютъ одно существо, и что послѣднему природа повелѣваетъ служить и управляться, а первой управлять и господствовать. Поэтому которая сторона опять кажется тебѣ подобною божественному и которая смертному? не то ли у тебѣ въ умѣ, что божественному свойственно управлять и начальствовать, а смертному управляться и служить? — То самое. — На что же походить душа? — Ужъ явно, Сократъ, что душа походить на божественное, а тѣло на смертное. — Такъ смотри, Кебегъ, продолжалъ онъ, изъ всего сказаннаго не вытекаетъ ли слѣдующее: душа весьма подобна божественному, бессмертному, мысленному, однородному, неразрушаемому, всегда тождественному, существующему всегда одинакимъ образомъ; а тѣло опять весьма подобно чловѣческому, смертному, немислимому, многообразному, разрушаемому, никогда не существующему одинакимъ образомъ. Можемъ ли сказать что нибудь иное, кромѣ этого, .побезнны Кебегъ, и доказать, что это не такъ? — Не можемъ. — Чтожь? Если это такъ, то тѣлу не надлежитъ ли скоро разрушаться, а душѣ или оставаться вовсе неразрушимою, или быть къ тому близкою? — Какъ не надлежитъ?

Ты, конечно, замѣчаешь, продолжалъ Сократъ, что по смерти чловѣка тѣло, сторона его видимая, на виду лежащая и называемая мертвою, — та сторона, которой надобно разрушиться, распастся и рассыпаться, подвергается всему этому не вдругъ, а сохраняется довольно долгое время, особенно когда кто умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ тѣломъ необезображеннымъ, потому что и одряхлѣвшее, но только набальзамированное, какъ бальзамируются у Египтянъ, оно удерживаетъ свою цѣлость почти на неопредѣленное — *всегда*. Впрочемъ, пусть иныя части его и сгнивають: за то кости, жилы и прочіе, подобные этимъ, члены, можно сказать, бессмертны. Или нѣтъ? — Да. — Ну, а душа, это существо безвидное, по своемъ отшествіи въ другое, столь же доблестное, чистое и безвидное мѣсто, просто сказать, въ преисподнюю (*εις Ίδου, ως ἀληθῶς*¹), къ доброму и мудрому богу, куда, если угодно ему,

¹ У Платона здѣсь этимологическая игра словъ, которую въ русскомъ переводѣ удержать невозможно. Душа, существо безвидное, τὸ ἀκρίδης, переходитъ въ соот-

сейчасъ должно идти и моей; — такъ эта-то душа, имѣющая такія качества и одаренная такими свойствами, по разлученіи съ тѣломъ, неужели вдругъ, какъ утверждаютъ многіе, развѣтается и исчезнетъ? Далеко не то, любезные мои Симміасъ и Кебетъ, а скорѣе вотъ что: если душа отрѣшается чистою и не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, поколику въ жизни не имѣла произвольнаго общенія съ тѣломъ, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, постоянно размышляя объ этомъ (что и значить истинно философствовать), размышляя, какимъ бы образомъ въ самомъ дѣлѣ легче умереть, — или не это называется размышлять о смерти? — Именно это. — То съ сими свойствами не отойдетъ ли она въ подобное себѣ безвидное мѣсто, гдѣ находясь, будетъ наслаждаться блаженствомъ, какъ чуждая и заблужденій, и безумія, и страха, и неистой любви, и другихъ человѣческихъ золь, и всю последующую свою жизнь, подобно посвященнымъ, станетъ дѣйствительно проводить съ богами? Такъ ли скажешь ты, Кебетъ, или иначе? — Такъ. Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Напротивъ, если душа, думаю я, отрѣшается грязною и неочищеною отъ тѣла, поколику находилась во всегдашнемъ общеніи съ нимъ, служила ему, любила его; была очаровываема пожеланіями и страстями, такъ что ничего не почитала истиннымъ, кромѣ тѣлообразнаго, что можно осязать, видѣть, пить, ѣсть и прилагать къ дѣламъ любовнымъ, а темнаго для глазъ и безвиднаго, мыслимаго и одобряемаго философіею обыкновенно не терпѣла, боялась и убѣгала, — такая душа, какъ ты думаешь? безъ примѣси ли, одна, сама по себѣ, оставитъ тѣло? — Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Такъ видно будетъ переложена тѣлообразными свойствами, видѣренными въ нее жизнию и общеніемъ тѣла, которое пользовалось всегдашнимъ ея вниманіемъ и великою заботливостію? — Конечно. — Должна же быть она всѣма, тяжела, земнородна и видима, другъ мой; а съ такими свойствами тяготеетъ и влечется опять къ видимому, боясь міра безвиднаго и преисподней и блуждая, какъ говоритъ, около склеповъ и гробницъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ видали тѣлообразныя явленія душъ, какими онъ и должны быть, когда не чисто отрѣшились, но удержали въ себѣ видимое, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы. — Вѣроятно, Сократъ. — Конечно вѣроятно, Кебетъ, и это души людей не добрыхъ, а худыхъ, принужденныя блуждать около такихъ мѣстъ въ наказаніе за прежнее дурное свое поведеніе. И блуждаютъ онъ дотолъ, пока, сопровождаемыя пожеланіемъ тѣлообразнаго, не облекутся въ новое тѣло. А облекаются, должно быть, въ такіе роды, къ какимъ пристрастны были въ жизни. —

вѣственное себѣ безвидное мѣсто: *εἰς τοιοῦτον τόπον ἀειδῆ*, то есть, по истинѣ *εἰς ἄιδου τόπον*; но *ἄιδης*, которое Платонъ производитъ отъ *ἀειδής*, есть уже преисподняя.

Какі же разумѣешь ты, Сократъ?—Напримѣръ, души, пристрастившіяся къ обжорству, похотливости, бражничеству и не остерегавшіяся этого, вѣроятно, облакаются въ породу ословъ и другихъ подобныхъ животныхъ. Или ты не думаешь?—Дѣлю очень вѣроятное. — А души, предпочитавшія несправедливость, властолюбіе и хищничество, — въ породу волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или во что иное; скажемъ, переселяются онѣ? — Пожалуй, что въ это, отвѣчалъ Кебетъ. — Такъ не явно ли, куда переходятъ и прочія, смотря по сходству заботливости каждой? — Конечно, какъ не явно? сказалъ онъ. — Не гораздо ли уже счастливѣе ихъ и не лучшее ли получаютъ мѣсто упражнявшіяся въ пародной и политической добродѣтели, которую называютъ разсудительностію и справедливостію, зависящею отъ права и усердія, но однакожь не отъ философіи и разума? — Какъ же онъ счастливѣе? — Такъ, что имъ свойственно снова войти въ породу общежительную и кроткую, напримѣръ, въ пчель, ось, муравьевъ, или даже опять въ поколыіе челоуѣковъ и сдѣлаться людьми порядочными. — Вѣроятно. — Но вступить въ общество боговъ нельзя никому, кромѣ любознательнаго, то есть, кромѣ челоуѣка, любящаго мудрость и отходящаго совершенно чистымъ. А для этого, любезные мои Симміасъ и Кебетъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не поддаются имъ и мужаются, не страшась ни домашняго разстройства, ни скудости, какъ страшатся многіе и именно корыстолюбивые люди, не боясь ни безславія, ни укора въ неизвѣстности, какъ боится властолюбцы и честолюбцы. Повторяю: они воздерживаются отъ этого. — Да и не прилично было бы имъ, Сократъ, примолвить Кебетъ.—Клянусь Зевсомъ, неприлично, продолжалъ онъ. — Потому-то, Кебетъ, всѣ, сколько нибудь заботящіеся о своей душѣ и не лелющіе тѣла, раскланиваются съ подобными людьми, не идутъ по одной съ ними дорогѣ, ибо эти люди сами не знаютъ, куда лежитъ путь ихъ; но, вѣря, что не должно противоуѣствовать философіи и избѣгать предлагаемаго ею освобожденія и очищенія, они слѣдуютъ за нею и направляются туда, куда она ведетъ ихъ.—Какъ это, Сократъ?— Я объяснюсь, отвѣчалъ онъ. Любознательные понимаютъ, что философія, находитъ ихъ душу, заключенную въ тѣло и будто связанную, принужденную смотреть на существующее не чрезъ самое себя, а сквозь тѣло, какъ сквозь решетку темницы, и вращаться во всяческомъ невѣжествѣ, и видящую, что эта темница укрѣпляется пожеланіями, располагающими узника еще тѣснѣе вязать самого себя, — любознательные, говорю, понимаютъ, что философія, находитъ ихъ душу въ такомъ состояніи, понемногу утѣшаетъ ее и старается доставить ей свободу, показывая, что наблюденіе и посредствомъ глазъ, и посредствомъ ушей, и посредствомъ другихъ чувствъ крайне обманчиво, что надобно отходить отъ нихъ, какъ скоро они перестаютъ

быть необходимо нужными, надобно собираться и сосредоточиваться въ себя и не вбрыть ничему, кромѣ себя, кромѣ того, что сама она мыслить о томъ, что есть само по себѣ, наблюдаемое же посредствомъ внаго и существующее въ вномъ не признавать за истину. И это вное есть чувственное и видимое; а что созерцаетъ душа сама по себѣ, то называется мыслимымъ и безвиднымъ. Душа истиннаго философа, видя, что не должно противодѣйствовать этому освобожденію, удерживаетъ себя сколько можно отъ удовольствій и пожеланій, отъ скорби и страха, — имѣя то въ мысли, что человекъ, сильно возмущаемый либо удовольствіемъ, либо страхомъ, либо скорбію, либо пожеланіями, подвергается чрезъ нихъ не тому только злу, о которомъ думаетъ, напримеръ болѣзни или обаянію, производимому страстями, но злу самому великому и крайнему, о которомъ не думаетъ. — Какому же это, Сократъ? спросилъ Кебетъ. — Сильно радуясь, или о чемъ нибудь скорби, душа всякаго человека бываетъ принуждена въ то же время думать о главномъ предметѣ своихъ чувствованій, какъ о дѣйствительнѣйшемъ и несомнѣнно истинномъ, хотя онъ и не таковъ. А этотъ предметъ большею частію видимый или нѣтъ? — Конечно видимый. — Следовательно, при этомъ чувствованіи душа большею частію бываетъ связана тѣломъ. — Какимъ же образомъ? — Такимъ, что у всякаго удовольствія и всякой скорби какъ будто есть гвозди, которыми онъ пригвозждаютъ и прикрѣпляютъ душу къ тѣлу и дѣлаютъ ее тѣловидною, то есть, чрезъ который душа представляетъ себя истиннымъ только то, о чемъ свидѣтельствуетъ ей тѣло. По сочувствію же съ тѣломъ, она должна уже раздѣлать и его радости, значить, сойтись съ нимъ въ обычай и пищъ и литься въ преисподней отнюдь не чистою, но непременно полною тѣлесности, а потому вскорѣ снова упасть въ вное тѣло и прозябнуть, будто изъ сѣмени, лишаясь права на жизнь божественную, чистую и одпородную. — Твои слова, Сократъ, весьма справедливы, сказалъ Кебетъ. — Такъ вотъ причина, Кебетъ, по которой люди истинно любознательные отличаются скромностію и мужествомъ, а не та, которую представляетъ себѣ народъ. Или ты думаешь? — Отнюдь нѣтъ. — Да и дѣло; душа философа конечно разсудить и не придетъ къ мысли, что между тѣмъ какъ философіи предлежитъ доставлять ей свободу, сама она, освобожденная философіею, должна предаваться удовольствіямъ и скорбямъ и, снова связывая себя, дѣлать собственную работу безуспѣшною, подобно Пенелопѣ, принимавшейся ткать въ противную сторону. Нѣтъ, умиротворивъ ихъ, избравъ руководителемъ разсудокъ, постоянно занимаюсь созерцаніемъ истиннаго, божественнаго, вышешмижнаго ¹ и въ

¹ Вышешмижное, *ἀδύτατον*, есть знаніе, приобретаемое чрезъ созерцаніе идей. зна-

этомъ находя свою пищу, она увѣрена, что именно такъ должно жить, пока живется, а послѣ смерти перейти къ сродному и подобному себѣ и избавиться отъ человѣческихъ золъ. Кто питается этою пищею, тому удивительно ли не бояться, Симміасъ и Кебетъ, что душа его, приготовившаяся подобнымъ образомъ, по отрвѣшеніи отъ тѣла, расторгнется, развѣется вѣтромъ, исчезнетъ и не будетъ продолжать нигдѣ никакого существованія?

Послѣ этихъ разсужденій Сократа настало долговременное молчаніе. И самъ онъ, какъ было замѣтно, и многіе изъ насъ размышляли о сказанномъ. Между тѣмъ Кебетъ и Симміасъ о чемъ-то немного между собою поговорили, и Сократъ, взглянувъ на нихъ, спросилъ: Что? какъ вамъ кажутся наши разсужденія? видно неудовлетворительны? Въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ нашлось бы еще много сомнительнаго и подверженнаго возраженіямъ, когда бы кто нибудь вздумалъ разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы разсуждаете о чемъ другомъ — не говорю ни слова; а когда имѣете недоумвнія, относящіяся къ нашему предмету, то не полнитесь и сами высказать и разобратъ ихъ, какъ скоро можете сдѣлать это лучше, и меня примите въ свою бесѣду, какъ скоро со мною надѣтесъ ббльшихъ успѣховъ. — Да, Сократъ, скажу тебѣ правду, отвѣчалъ Симміасъ. Оба мы волнуемся недоумвніями, давно уже побуждаемъ и заставляемъ другъ друга спросить тебя, чтобъ узнать твой отвѣтъ; но удерживаемся, боясь наскучить и въ настоящія бѣдственные минуты сдѣлать тебѣ неудольствіе. — Услышавъ это, Сократъ слегка улыбнулся и сказалъ: Ахъ, Симміасъ! Другихъ людей, конечно, трудно было бы мнѣ убѣдить, что нынѣшняго случая я не почитаю бѣдственнымъ; но мои убѣжденія слабы даже и для васъ: вы боитесь, что теперь я брюзгливѣе, чѣмъ въ прежней своей жизни. Въ дѣлѣ предсказанія для васъ я, кажется, хуже лебедей, которые поютъ во всю жизнь, а почувствовавъ приближеніе смерти, поютъ долѣе и чаще на радости, что отходятъ къ богу, которому служатъ. Боясь смерти за себя, люди лгутъ и на лебедей, когда утверждаютъ, что ихъ пѣніе есть выраженіе предсмертной скорби, — лгутъ, не разсудивъ, что ни одна птица не поетъ, когда алчетъ, заблѣнетъ или стѣсняется иною скорбію. Да и соловей, и ласточка, и удождь, которыхъ пѣніемъ, говорятъ, выражается плачь, мнѣ кажется, поютъ не отъ скорби; а лебеди, думаю, какъ птицы Аполлона, имѣютъ даръ предчувствія и поютъ въ тотъ день гораздо болѣе, нежели во время прежней своей жизни, отъ радости, предчувствуя блага преисподней. Я считаю и самъ себя сослуживцемъ лебедей и жрецомъ

ніе несомнѣнное, *ἐπιβήμιον*, которому противопоставляется *δὸξαι* или мнѣніе, получаемое посредствомъ чувствъ и потому ненадежное, измѣнчивое.

того же бога и думаю, что получилъ отъ своего владыки даръ предсказанія не хуже, чѣмъ они, а потому и не малодушнѣе ихъ расстаюсь съ жизнью. Итакъ, вы можете разсуждать и спрашивать меня о чемъ угодно, пока придутъ одиннадцать аѳинскихъ судей. — Ты говоришь прекрасно, примолвилъ Симміасъ; я открою тебѣ свое недоумѣніе; скажетъ и онъ, въ чемъ несогласенъ съ твоими мыслями. Касательно предмета настоящей нашей рѣчи, Сократъ, мнѣ представляется, можетъ быть, то же, что и тебѣ, а именно: имѣть въ этой жизни ясное объ этомъ предметъ познаніе или невозможно, или очень трудно; однакожь не изслѣдовать относящихся къ нему мыслей всеми способами и отказываться отъ изысканій прежде, нежели вниманіе будетъ совершенно утомлено, свойственно опять человѣку весьма слабому. Въ этомъ отношеніи надобно достигнуть безъ сомнѣнія чего нибудь одного: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо, когда это невозможно, принять самое лучшее и неопровержимое человѣческое слово и на немъ, будто на доскѣ, попытаться переплыть жизнь, если кто не можетъ переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на какомъ нибудь словѣ божіемъ¹. Итакъ, я не постыжусь теперь вопрошать тебя, когда и ты то же говоришь, и не буду винить себя впослѣдствіи, что не объявилъ своего мнѣнія. Да, Сократъ, разсуждая о твоихъ словахъ и самъ съ собою и вмѣстѣ съ Кебетомъ, я нахожу ихъ не очень удовлетворительными. — Можетъ быть, и справедливо, другъ мой, молвилъ Сократъ. Но скажи мнѣ, почему они удовлетворительны? — Потому, продолжалъ онъ, что это самое основаніе можно приложить и къ гармоніи, и къ миръ, и къ струнамъ, что то-есть гармоніи отъ настроенной лиры есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, нѣчто прекрасное и божественное, а самая лира и струны суть тѣла, предметы тѣловидные, сложные и сродные смерти. Итакъ, что если бы кто разбилъ лиру или перерѣзалъ, либо изорвалъ струны, а другой сталъ бы доказывать, какъ ты, что та гармонія не уничтожилась, но непременно существуетъ; ибо никакъ не возможно, чтобы лира съ изорванными струнами и смертовидныя струны еще суще-

¹ Чтобы убѣдиться въ истинѣ безсмертія, Симміасъ почитаетъ необходимымъ какое нибудь слово божіе: кто не слышитъ его, тотъ долженъ слѣдовать по крайней мѣрѣ наудачному и неопровержимому слову человѣческому. Этимъ положеніемъ ясно указывается на два источника истины, которыхъ требовала философія Сократа, — на естественное откровеніе и философское изслѣдованіе. О первомъ Сократъ говорилъ: «меня наудачиваетъ божественное» — и потому самъ убѣждалъ слушателей одно дѣлать, другаго не дѣлать — не иначе, какъ по внушенію божественнаго (Хенорф. метог. 1, 14.). Но этотъ голосъ божественнаго внушенія, по ученію Сократа, яснѣе постигаетъ тотъ, кто философствуетъ, то есть, опирается на твердѣйшее человѣческое слово.

существованіи, а гармонія, однородная съ божественнымъ и подобная безсмертному, погибла прежде смертнаго? Что если бы кто сказалъ, что гармонія должна продолжать свое бытіе, что прежде должно сгнить дерево и струны, нежели испытаетъ что нибудь гармонія? Ты, Сокрытъ, думаю, и самъ знаешь, какъ мы большею частію разумѣемъ душу. Тѣло наше какъ будто натануто и держится теплотою и холодомъ, сухостию и влажностію и такъ далѣе; а душа наша есть смѣшеніе и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и мѣрнаго соединенія ихъ между собою. Если же душа есть гармонія, то явно, что съ непоправимымъ ослабленіемъ нашего тѣла или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золъ, она, не смотря на свою божественность, должна тотчасъ уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, напримѣръ въ звукахъ и во всѣхъ произведеніяхъ художниковъ, между тѣмъ какъ остатки каждаго тѣла могутъ сохраняться долгое время, пока не сторятъ или не сгниютъ. Теперь смотри, что сказать намъ на это основаніе, когда кто нибудь захочетъ утверждать, что душа, будучи смѣшеніемъ тѣлесныхъ началъ, во время такъ называемой смерти уничтожится первая? — Тутъ Сокрытъ, почти по всегдашнему своему обыкновенію, пристально посмотрѣвъ на насъ и, улыбнувшись, сказалъ: Симміасъ говорить въ самомъ дѣлѣ справедливо; такъ отвѣчайте ему, кто изъ васъ способнѣе меня. Вѣдь онъ, кажется, не худо задѣлъ мое основаніе. Впрочемъ прежде нужно, думаю, знать, въ чемъ еще Кебетъ обвиняетъ его, чтобы, воспользовавшись этимъ временемъ, поразсудить, что сказать намъ, а потомъ, выслушавъ его, или уступить имъ, если ихъ мысли хорошо настроены, или уже защищать свое разсужденіе, если нѣтъ. Итакъ, говори-ка, Кебетъ, продолжалъ онъ, что въ моей рѣчи покоить тебя и заставлять сомнѣваться. — Готовъ говорить, отвѣчалъ Кебетъ. Мнѣ кажется, она досель стоитъ у насъ на одномъ мѣстѣ и подвергается тому самому осужденію, о которомъ сказано было прежде. Что наша душа существовала до своего вступленія въ настоящій видъ, — тому я не противорѣчу и не говорю, будто этотъ предметъ не очень ловко и, не во гнѣвъ молвить, не очень достаточно доказанъ: а что она и послѣ нашей смерти гдѣ нибудь существуетъ — въ томъ я не слишкомъ убѣжденъ, хотя и не соглашаюсь съ возраженіемъ Симміаса, будто душа не сильнѣе и не долговѣчнѣе тѣла, потому что, мнѣ кажется, она превосходнѣе всѣхъ подобныхъ вещей. Такъ въ чемъ же ты еще сомнѣваешься, скажутъ мнѣ? Если видишь, что по смерти челоуѣка не перестаетъ существовать даже слабѣйшая часть его: то не допустить ли, что въ продолженіи того же времени должна сохраняться долговѣчнѣйшая? На это вотъ что: смотри, дѣло ли я говорю. Кажется, и мнѣ, какъ Симміасу, надобно употребить ка-

кое нибудь подобіе. Настоящая рѣчь, по моему мнѣнію, очень походить на то, какъ если бы кто нибудь, говоря объ умершемъ старомъ ткачѣ, сталъ утверждать, что онъ не уничтожился, но, вѣроятно, гдѣ нибудь существуетъ, и въ доказательство указывалъ бы на одежду, въ которую одѣтъ именно тотъ, кто выткалъ ее, и которая сохранилась, не исчезла. Когда же не повѣрили бы ему, то онъ спросилъ бы: что долговѣчнѣе, природа человѣка или природа платья, которое употребляется и носится? и изъ отвѣта, что природа человѣка гораздо долговѣчнѣе, вывелъ бы заключеніе: если и кратковременнѣйшее не уничтожилось, то тѣмъ болѣе цѣлъ человѣкъ. Но это, Симміасъ, думаю, не такъ. Смотри-ка и ты, что я говорю. Всякій можетъ понять, что, утверждая подобныя вещи, мы утверждали бы нелѣпость. Правда, что тотъ ткачъ, износивъ и соткавъ много подобныхъ платьевъ, пересталъ существовать, хотя позднѣе первыхъ, однакожь раньше послѣдняго. Но отсюда не слѣдуетъ, что человѣкъ хуже и слабѣе платья. Между тѣмъ это-то именно подобіе, по видимому, и можетъ выражать отношеніе души къ тѣлу, и кто говорилъ бы о нихъ то же самое, тотъ, по моему мнѣнію, говорилъ бы вѣрно, что, то есть, душа долговременнѣе, а тѣло слабѣе и кратковременнѣе: хотя также въ правѣ былъ бы прибавить, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, особенно когда проживаетъ много лѣтъ; ибо если при жизни человѣка тѣло течетъ и исчезаетъ, а душа непрестанно воспроизводитъ изнашивающуюся ткань, то, при уничтоженіи своемъ находясь въ послѣдней, она погибаетъ прежде одной этой. Когда же душа исчезла, тогда-то уже тѣло обнаруживаетъ свойство собственной слабости, то есть, предается гніенію и скоро распадается. Значитъ, основываясь на этомъ доказательствѣ, еще нельзя быть вполне увѣреннымъ, что послѣ смерти наша душа гдѣ нибудь существуетъ. Положимъ, иной допустить и болѣе, нежели сколько ты утверждаешь, допустить, что наша душа не только существовала до времени нашего рожденія, но что цѣвъ препятствія быть ей чьею нибудь душою и послѣ нашей смерти, то есть, часто рождаться и опять умирать, ибо природа ея такъ крѣпка, что можетъ перенести и многократное рожденіе: но, допустивъ это, онъ все таки не согласится, чтобы многократныя рожденія не изнуряли ея, и чтобы наконецъ при которой нибудь изъ смертей она вовсе не уничтожилась; а о такой смерти и о такомъ разрушеніи тѣла, которое принесетъ душѣ гибель, никто, скажетъ онъ, не знаетъ, потому что никто не можетъ этого чувствовать. Если же такъ, то избѣгая безразсудной отважности, не надобно бросаться на смерть, пока нельзя доказать, что душа совершенно безсмертна и не подлежитъ гибели: напротивъ, приближаясь къ смерти, должно всегда бояться за свою душу, какъ бы она, въ настоящемъ своемъ соединеніи съ тѣломъ, вовсе не погибла.

По выслушаніи этихъ разсужденій, встѣмъ намъ, какъ открылось послѣ изъ взаимныхъ объясненій, было неприятно; потому что сильно убѣжденные прежнимъ доказательствомъ, теперь мы, казалось, снова возмутили свой умъ и сомнѣвались уже не только въ томъ, что было сказано, но и въ томъ, что могло быть сказано впоследствии: выходило, то есть, что или мы ничтожные судьи, или вмѣств неизслѣдимъ и самый предметъ.

Эхкр. Ради боговъ, прощаю вамъ, Федонъ. Слушая сейчасъ тебя, я подумалъ самъ въ себѣ: какому же еще повѣримъ мы доказательству? Предложенное Сократомъ было вѣдь очень убѣдительно, и вотъ оно теперь лишилось вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ мысль, что наша душа есть нѣкоторая гармонія, мнѣ всегда чрезвычайно правилась, и тотъ, кто высказалъ ее, напомнилъ только о собственномъ моемъ убѣжденіи. Значить, я опять въ началѣ дѣла—и имѣю великую нужду въ какомъ нибудь новомъ основаніи, которое бы убѣдило меня, что съ смертію челоуѣка душа его не умираетъ. Скажите мнѣ, ради Зевса, съ какой еще стороны Сократъ подошелъ къ этому предмету? неужели, скажешь, и онъ, подобно вамъ, обнаружилъ нѣкоторое неудовольствіе? или напротивъ съ кротостію помогъ изслѣдованію? притомъ достаточна ли была его помощь, или недостаточна? Расскажи намъ обо всемъ, сколько можно подробнѣе.

Фед. Хоть я и часто, Эхекратъ, удивлялся Сократу, но никогда не былъ восхищенъ имъ такъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Въ томъ-то можетъ-быть нѣтъ ничего страннаго, что онъ умѣлъ отвѣчать на возраженія: меня особенно изумило въ немъ во первыхъ то, съ какою охотою, кротостію и любовію выслушалъ онъ разсужденія молодыхъ людей; во вторыхъ то, какъ мѣтко понялъ онъ болѣзнь, произведенную въ насъ изложенными основаніями; въ третьихъ то, какъ прекрасно исцѣплялъ ее, останапливая насъ, будто бѣглецовъ или побѣжденныхъ, и побуждая къ изслѣдованію и дружному разсматриванію предмета.

Эхкр. А какъ именно?

Фед. Я скажу. Мнѣ случилось сидѣть на подножной скамейкѣ возлѣ кровати, по правую руку Сократа: значить, Сократъ сидѣлъ гораздо выше меня. Итакъ, поглаживая мою голову и собравши на затылкѣ мои волосы (которыми иногда имѣлъ привычку играть), онъ сказалъ: завтра, Федонъ, ты, можетъ быть, острижешь эти прекрасные локоны. — Вѣроятно, Сократъ, отвѣчалъ я. — Нѣтъ, не завтра, если хочешь меня послушаться. — А что? спросилъ я. — Сегодня, сказалъ онъ, и я — свои, и ты — свои, сегодня, если только наше разсужденіе умретъ, и мы не найдемъ силъ оживить его. Да, будь я на твоёмъ мѣств и лишись возможности возстановить изслѣдованіе; тотчасъ бы

дать клятву, подобно Аргивянам¹, не прежде отпустить локоны, какъ послѣ победы надъ доказательствами Симміаса и Кебета. — Но съ двумя, примолвилъ я, говорить, и Гераклъ не могъ справиться. — Такъ пригласи меня, будто Юлая, пока солнце не село. — Прошу, сказала я, но не какъ Гераклъ, а какъ Юлай — Геракла. — Это будетъ все равно, отвѣчалъ онъ. Но постережемся, чтобы и съ нами что нибудь не приключилось. — Что же? спросилъ я. — Чтобы намъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются челоѡьконеенавидцами, сказалъ онъ. Никто не терпитъ такого зла, какое терпятъ ненавистники разсужденій. Разсужденіе-ненавидніе и челоѡьконеенавидніе происходятъ однимъ и тѣмъ же образомъ, а именно: послѣднее рождается въ душѣ отъ сильнаго къ кому нибудь довѣрія, не основывающагося на искусной разсудительности, когда, то есть, мы почитали челоѡька совершенно справедливымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, а потомъ немного спустя нашли его лукавымъ, невѣрнымъ, и тому подобное. И кто испытывалъ это часто, особенно же отъ тѣхъ, которыхъ считалъ самыми близкими и короткими друзьями, тотъ, многократно обманутый, наконецъ ненавидитъ всѣхъ и увѣряется, что ни въ комъ нѣтъ искренности. Или, по твоему мнѣнію, бываетъ не такъ? — Конечно такъ, отвѣчалъ я. — А не дурно ли это, спросилъ онъ, и не явно ли, что такой челоѡькъ беретъ имѣть дѣло съ людьми, не владея искусствомъ челоѡькознанія? Вѣдь если бы обращеніе съ ними онъ основывалъ, какъ слѣдуетъ, на искусствѣ: то держался бы той мысли, что простосердечныхъ и лукавыхъ очень немного, а среднихъ между ними весьма много. — Какъ это понимаешь ты, спросилъ я? — Такъ же, какъ очень малое и очень великое, отвѣчалъ онъ. Представишь ли ты себѣ что нибудь рѣже, какъ отыскать очень великорослаго или очень малорослаго, также очень быстро или очень медленнаго, очень безобразнаго или очень красиваго, очень благо или очень чернаго челоѡька, собаку и пр.? Не замѣчаешь ли, что предельныя точки всѣхъ этихъ крайностей весьма рѣдки, немногочисленны, а вещей, занимающихъ средину между ними, великое множество? — Конечно, отвѣчалъ я. — И не думаешь ли, сказалъ онъ, что еслибы мы предложили даже состязаніе лукавства, то и въ этомъ состязаніи открылось бы весьма немного лукавцевъ перваго разряда? — Вѣроятно, отвѣчалъ я. — Да, вѣроятно, примолвилъ онъ. Однакожъ разсужденія не въ этомъ походятъ на людей (теперь вѣдь я слѣдовалъ за тобою, какъ за предводителемъ), а въ томъ, что челоѡькъ, не имѣющій искусства разсуждать о предметѣ, вѣрить какому нибудь изъ разсужденій, какъ истинному, а потомъ немного спустя оно представляется ему

¹ Аргивяне, бывъ разбиты Лакедемонянами, постановили до той не отращать волосы, пока не одержатъ надъ ними победы, Herod. 1, 32.

Кн. V. Федотъ.

ложнымъ, и вообще кажется ему иногда справедливымъ, иногда и нѣтъ, вообще то такимъ, то инымъ. Между тѣмъ ты знаешь, что тѣ-то особенно, которые занимаются разсужденіями противорѣчащими, тѣ-то и почитаютъ себя людьми мудрѣйшими; они-то одна-де и понимаютъ, что нѣтъ ничего здраваго и твердаго ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, что все существующее, точно какъ въ Эврипѣ¹, вращается то туда, то сюда, ни на минуту не останавливаясь на одномъ мѣстѣ. — Ты очень справедливо говоришь, сказалъ я. — Такъ не жалкое ли было бы состояніе, Федонъ, продолжалъ онъ, когда бы кто, при существованіи разсужденія справедливаго и основательнаго, которое можно себя прояснить, случайно услышавъ о томъ же предметѣ другія, кажущіяся то справедливыми, то ложными, обвинялъ не самого себя и не свою неловкость, но, отъ досады, собственную вину слагалъ бы на разсужденія, и потому, ненавидя и браня ихъ, на всю остальную жизнь лишился бы истины и знанія о вещахъ существующихъ? — Точно жалкое было бы состояніе, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ я. — Итакъ, прежде всего будемъ осторожны, продолжалъ онъ, не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ скорѣе сознаемся, что мы-то еще не здоровы, а потому должны мужественно дѣйствовать и стараться приобрести здоровье, ты и прочіе — и для послѣдующей вашей жизни, а я — для самой смерти; потому что въ отношеніи къ предмету нашего изслѣдованія я похожу теперь должно быть не на философа, а на спорщика, какими бываютъ большіе невѣжды, которые, о чемъ нибудь разсуждая, заботятся не объ уразумѣніи разсматриваемаго предмета, а о томъ, какимъ бы образомъ свое предположеніе показать присутствующимъ со стороны выгодной. Въ настоящемъ случаѣ я буду отличаться отъ нихъ, кажется, только тѣмъ, что, не стараясь выставлять свои слова истинными (развѣ мимоходомъ) для присутствующихъ, стану заботиться, какъ бы ихъ выставить именно такими для самого себя, ибо рассчитываю, любезный другъ, и смотри какъ, своекорыстно: если утверждаемое мною въ самомъ дѣлѣ справедливо, то хорошо повѣрять; а когда умершему не будетъ ничего, то въ последнее время предъ смертію я своею скорбію по крайней мѣрѣ не наведу скуки на присутствующихъ. Впрочемъ это невѣдѣніе не умретъ со мною; иначе было бы худо: нѣтъ, оно скоро исчезнетъ. Приготовившись такимъ образомъ, Симміасъ и Кебетъ, молвилъ онъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если хотите меня послушаться, заботьтесь не о Сократѣ, а гораздо болѣе объ истинѣ. Найдете слова мои

¹ Эврипидъ—проливъ между Беотіею и Эвбеею, замѣчательный между прочимъ потому, что днемъ и ночью волны въ немъ идутъ преемственно то въ одну, то въ другую, противоположную сторону. Stallb. I, II, p. 164.

справедливыми, — соглашайтесь; не найдете, — противоръчьте имъ, сколько можете, въ той мысли, чтобы по ревности къ моему убъжденію я не обманулъ себя и васъ и, какъ пчела, не улетѣлъ, оставивъ свое жало.

Итакъ начнемъ, сказалъ онъ. Прежде всего напомните мнѣ, что вы говорили, если я самъ не въ состояніи буду вспомнить. Симміасъ, кажется, не вѣрить изъ опасенія, что душа, не смотря на свою божественность и превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи. А Кебетъ, помнится, уступилъ мнѣ, что душа долговременнѣе тѣла: только то, говорить, никому неизвѣстно, не погибнетъ ли она теперь, можетъ быть износивъ уже не разъ много тѣлъ и оставляя послѣднее; не это ли именно и называется смертію — гибель души, между тѣмъ какъ тѣло непрестанно погибаетъ? Это или что другое должны мы изслѣдовать, Симміасъ и Кебетъ? — Оба согласились, что это. — Но въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ, спросилъ онъ, все ли вы отвергаете, или иное отвергаете, иное нѣтъ? — Да; иное нѣтъ, отвѣчали они. — Напримѣръ, какъ вы думаете о нашемъ мнѣніи, продолжалъ онъ, что ученіе есть припоминаніе? и если признаете его справедливымъ, то не необходимо ли вамъ допустить, что наша душа гдѣ-то существовала еще до своего вшествія въ тѣло? — Что касается до меня, сказалъ Кебетъ, то я и тогда чрезвычайно вѣрилъ этой мысли и теперь держусь ея болѣе, чѣмъ всякой другой. — Да и я такъ думаю, примолвилъ Симміасъ, и удивительно было бы, если бы объ этомъ предметѣ мнѣ поправилось чтонибудь иное. — Однакожь тебѣ, ѳивскій нашъ гость, вѣрно нравится чтонибудь иное, возразилъ Сократъ, когда ты держишься того мнѣнія, что гармонія есть вещь сложная, и что душа есть нѣкоторая гармонія, происходящая отъ напряженія тѣлесныхъ элементовъ; ибо ты вѣроятно самъ не согласишься съ собою, когда будешь говорить, что гармонія составилась прежде существованія тѣхъ частей, изъ которыхъ ей надлежало составиться; или согласишься? — Конечно, не соглашусь, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А замѣчаешь ли, спросилъ Сократъ, что тебѣ надобно утверждать это, если говоришь, что душа существовала до принятія человѣческаго вида и тѣла; стало быть она была сложена изъ частей, еще не существовавшихъ? Вѣдь она уже не походитъ у тебя на приведенное подобіе — гармонію; потому что для гармоніи сначала получаютъ бытіе и лира, и струны, и звуки, пока не гармоническіе, а гармонія и послѣ всего является, и прежде всего исчезаетъ. Итакъ какимъ же образомъ одно изъ твоихъ мнѣній согласуется съ другимъ? — Никакъ не согласуется, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Однакожь въ рѣчи о гармоніи, замѣтилъ Сократъ, всего приличнѣе быть гармоніи. — Конечно, всего приличнѣе, сказалъ послѣдній. — Такъ вотъ твое разсужденіе и безъ гармоніи. Но смотри, что ты избереши: то ли, что ученіе есть припоминаніе, или то, что ду-

на есть гармонія? — Гораздо лучше первое, Сократъ, отвѣчалъ онъ; ибо последнее у меня ничѣмъ не доказывается, а только представляется правдоподобнымъ, бросается въ глаза, потому-то многимъ и нравится. Между тѣмъ я знаю, какъ обманчивы бываютъ разсужденія, въ которыхъ доказательства основываются на подобіи: не постерегись отъ нихъ кто нибудь, тотчасъ обманется — и въ геометріи и во всемъ другомъ. Напротивъ разсужденіе о припоминанія и ученія утверждается на основаніи достовѣрномъ; ибо сказано было, что наша душа и до вшества въ тѣло была, поелику ей принадлежитъ сущее, то-есть то, что выражается названіемъ сущности. Такимъ образомъ у меня не остается сомнѣнія, что предложенная мысль принята мною основательно и правильно. Слѣдовательно, я ли сказалъ бы, или кто другой, что душа есть гармонія, — этого мнѣнія мнѣ, думаю, принимать не надобно. — Но какъ ты думаешь, Симміасъ? спросилъ Сократъ. Кажется ли тебѣ, что гармонія, или какое нибудь другое сочетаніе должны находиться въ состояніи, отличномъ отъ состоянія частей, входящихъ въ сочетаніе? — Не кажется. — Значить, первыя и дѣйствуютъ и страдаютъ только такъ, какъ дѣйствуютъ и страдаютъ послѣднія. — Подтвердилъ. — Поэтому гармонія остается не управлять тѣми началами, изъ которыхъ она образуется, а слѣдовать имъ. — Согласился. — Значить, гармонія никакъ не можетъ находиться въ движеніи, издавать звуки, вообще проявляться иначе, вопреки частямъ своимъ. — Конечно не можетъ, отвѣчалъ онъ. — Но что? всякая гармонія не такъ ли есть гармонія, какъ бываетъ настроена? — Я не понимаю этого, сказалъ онъ. — Если, то есть, строй выше и болѣе, лишь бы позволялъ инструментъ: то не выше ли и не болѣе ли также гармонія? Напротивъ, когда строй ниже и менѣе: то не ниже ли и не менѣе ли проявляется послѣдняя? — Конечно. — А можно ли сказать это о душѣ? Можно ли утверждать, чтобы одна душа имѣла хотя самонамалѣйшимъ образомъ болѣе и въ болѣе степени, или менѣе и въ меньшей степени, нежели другая душа, самое это свойство — быть душею? — Никакъ нельзя, отвѣчалъ онъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ: скажи же теперь, ради Зевса, не говорятъ ли, что иная душа отличается умомъ, добродѣтелию, благостию, а другая — безуміемъ, порочностию, зломъ? и не справедливо ли говорятъ это? — Конечно справедливо. — Итакъ, если душу называютъ гармоніею: то чѣмъ почитаютъ упомянутыя — добродѣтель и зло? Не иною ли гармоніею и дисгармоніею? Когда, то есть, душа настроена, то бываетъ доброю и въ самой своей гармоніи заключаетъ другую гармонію; а когда она не настроена, то другой гармоніи не имѣетъ. — Не знаю, что сказать на это, отвѣчалъ Симміасъ. — Однако человекъ, слѣдующій такому предположенію, очевидно долженъ бы сказать нѣчто подобное. Впрочемъ, мы еще прежде согласились, что одна душа не можетъ быть

душею ни больше, ни меньше другой души; а это значитъ, что одна гармонія не выше и не больше, или не ниже и не меньше другой. Не такъ ли?—Конечно такъ. — Гармонія же, которая не ниже и не выше другой, должна быть и настроена равнымъ образомъ не выше и не ниже. Правда ли? — Правда.— Но настроенная не выше и не ниже, можетъ ли она заключать въ себя гармонію больше или меньше? или заключаетъ ее ровно? — Ровно. — Итакъ, если одна душа не больше и не меньше другой души обладаетъ этимъ свойствомъ — быть душею, то одна не больше и не меньше другой настроена? — Такъ. — Находясь же въ такомъ состояніи, одна не можетъ имѣть больше нежели другая — либо дисгармоніи, либо гармоніи? — Конечно не можетъ. — И далѣе: находясь въ такомъ состояніи, одна изъ нихъ будетъ ли больше причастна злу либо добродѣтели чѣмъ другая, если зло есть дисгармонія, а добродѣтель — гармонія? — Никакъ не больше. — Такъ вотъ безъ сомнѣнія вѣрное заключеніе, Симміасъ, что никакая душа не причастна злу, какъ скоро душа есть гармонія; ибо гармонія, оставаясь совершенно этимъ самымъ — гармоніею, не можетъ вмѣщать въ себя дисгармоніи. — Конечно не можетъ. — Значитъ и душа, оставаясь совершенно душею, не вмѣщаетъ въ себя зла. — Какъ же иначе, судя потому, что сказано выше? — Да, изъ нашего разсужденія слѣдуетъ, что души всѣхъ живыхъ существъ равно добры, если всѣ онѣ именно это самое — души. — Мнѣ кажется такъ, Сократъ, сказалъ онъ. — А хорошо ли, думаешь, утверждать подобное мнѣніе, спросилъ Сократъ, и дошло ли бы наше разсужденіе до такого заключенія, когда бы предположеніе, что душа есть гармонія, было справедливо? — Никакъ не дошло бы, отвѣчалъ онъ. — Но что? продолжалъ Сократъ: изъ всего, находящагося въ человѣкѣ, называешь ли ты господствующимъ чтонибудь, кромѣ души, особенно когда она благоумна? — Не называю. — А душа, господствуя, полагаетъ ли желанія тѣла или противится имъ? Разумью вотъ что. Когда, напримѣръ, мучитъ зной и жажда, то душа иногда влечетъ къ противоположному — не пить; а когда томитъ голодь, то она побуждаетъ къ противоположному — не ѣсть. Видимъ множество и другихъ примѣровъ, какъ она противится тѣлу. Или нѣтъ? — Конечно видимъ. — Однакожь не согласились ли мы прежде, что если душа есть гармонія, то она не можетъ разногласить съ тѣми составными частями, которыя сообщаютъ ей напряженность, ослабленіе, движеніе и все, свойственное имъ самимъ, и что она должна не управлять, а управляться ими? — Согласились, отвѣчалъ онъ; какъ не согласиться? — Чтожь? А теперь она дѣлаетъ, по видимому, противоположное, то есть, управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, говорятъ, составлена; теперь она противостоитъ почти всему во всю свою жизнь и господствуетъ всячески, иногда строгими обуздами и посредствомъ скорбей, напр. въ гимнастическихъ упражненіяхъ, либо въ врачебныхъ средствахъ,

иногда кроткими внушениями, грозясь пожеланиями, гнѣву и трусости и вразумляя ихъ такъ, какъ бы разговаривала съ чѣмънибудь другимъ кромѣ себя? подобно Гомеру, который говорить объ Одиссѣй:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнѣвнѣйшее выдержишь силу имѣло....

Думаешь ли, что Гомеръ сложилъ эти стихи, почитая душу гармонію, управляемою пожеланиями тѣла? Не мыслилъ ли онъ напротивъ, что душа управляетъ и владычествуетъ ими, и что она есть нечто гораздо божественнѣе гармоніи? — Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, мнѣ кажется. — Итакъ, вовсе не хорошо намъ, почтеннѣйшій, называть душу гармонію; иначе мы, по всей вѣроятности, не сойдемся ни съ Гомеромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою. — Правда, сказалъ онъ.

Хорошо, продолжалъ Сократъ; съ ѳивскою Гармонію у насъ, кажется, сладилось: теперь что дѣлать съ Кадмомъ¹, Кебетъ? Какъ и какимъ словомъ преклонить его? — Вѣроятно, найдешь какъ, отвѣчалъ Кебетъ. Настоящее твое разсужденіе противъ гармоніи было чрезвычайно; я не ожидалъ этого: ибо когда Симміасъ высказалъ свое сомнѣніе, то мнѣ должно было казаться очень удивительнымъ, если бы кто вздумалъ опровергать его. Поэтому я вдругъ весьма изумился, когда онъ не могъ выдержать и перваго натиска твоей рѣчи. Стало быть нѣтъ ничего страннаго, что и Кадмово слово подвергнется той же участи. — Не превозноси меня, добрый человекъ, сказалъ Сократъ, чтобы какаянибудь зависть не унизила того разсужденія, которое сейчасъ будетъ предложено. Лучше припишемъ это попеченію божию, а сами гомеровски² обратимся къ предмету и посмотримъ, дѣло ли ты говоришь. Сущность твоего вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: ты считаешь нужнымъ доказать, что наша душа не причастна гибели и безсмертна, и что философъ, приближающійся къ смерти, надѣясь за гробомъ вступить въ состояніе гораздо лучшее, въ сравненіи съ состояніемъ людей, жившихъ иначе, питается надеждою не безразсудною, не нелѣпою. Доказательство же, что душа есть нечто сильное и богообразное, что она существовала прежде, нежели мы стали людьми, не мѣшаетъ, говоришь, отвергать ея безсмертіе. Позвоительно, правда, приписывать ей долговѣчность, что, то есть, она и до земной жизни имѣла бытіе неопредѣленно продолжительное, многое знала и дѣ-

¹ Какъ Симміасъ, такъ и Кебетъ были ѳивяне. Поэтому опровергнувъ мнѣніе Симміаса, Сократъ говорить, что съ ѳивскою гармонію теперь конечно; но въ мифологіи была своя ѳивская Гармонія, жена ѳивскаго царя Кадма; — отсюда острогта Сократа: мы рассмотрѣли дѣло Гармоніи; надобно рассмотреть и дѣла Кадма.

² гомеровски, то есть, по обычаю Гомеровыхъ героевъ, смѣло и мужественно.

лала: но отсюда еще не вытекает мысль о ея безсмертіи; ибо самое шестіе ея въ человеческое тѣло, подобно зародышу болѣзни, могло быть началомъ ея гибели. И вотъ она и настоящую свою жизнь проводить скорбно и наконецъ въ такъ называемой смерти встрѣчаетъ уничтоженіе. Въ отношеніи къ нашей болзни, ты думаешь, все равно, однажды ли душа входитъ въ тѣло или много разъ; ибо кто не знаетъ и не можетъ доказать ея безсмертіе, тотъ, если только не безразсуденъ, долженъ постоянно находиться въ опасеніи. Вотъ почти буквально твои слова, Кебетъ. Я нарочно нѣсколько разъ повторилъ ихъ, чтобы ничто не ускользнуло отъ насъ и чтобы ты могъ прибавить къ нимъ или отнять отъ нихъ, чтò вздумается. — Но въ настоящемъ случаѣ, примолвилъ Кебетъ, мнѣ нечего ни отнимать отъ нихъ, ни прибавлять къ нимъ. Тутъ все, чтò я говорю.

Послѣ сего Сократъ долго молчалъ, размышляя самъ съ собою, и потомъ продолжалъ: Ты не бездѣлицы требуешь, Кебетъ. Надобно видѣ вообще рассмотреть причину рожденія и разрушенія. Хочешь ли, я раскажу, что въ этомъ отношеніи случилось съ самимъ мною? И если въ моихъ словахъ иное покажется тебѣ полезнымъ для подтвержденія собственной твоей мысли, то воспользуйся этимъ. — Разумѣется, весьма охотно, сказалъ Кебетъ. — Слушай же, чтò буду говорить. Находясь еще въ молодости ¹, я удивительно какъ жаденъ былъ къ той мудрости, которую называютъ исторіею природы: мнѣ представлялось дѣломъ блистательнымъ знать причину всякой вещи, отъ чего каждая рождается, отъ чего погибаетъ и отъ чего существуетъ. Часто волновался я недоумѣніемъ, изслѣдывая въ первыхъ то, въ самомъ ли дѣлѣ иные справедливо утверждаютъ, что когда холодное и теплое предаются нѣкоторому гніенію, тогда получаютъ образованіе животныя, и чѣмъ мы мыслимъ, — кровію ли, воздухомъ, огнемъ, или не это, но мозгъ даетъ намъ чувства и слуха, и зрѣнія, и обонянія, изъ которыхъ происходятъ память и мнѣніе, а изъ памяти и мнѣнія, доведеннаго до постоянства, рождается знаніе? Замѣчая опять, что все это подлежитъ разрушенію и видя измѣняемость неба и земли, наконецъ я показался самъ себѣ столь неспособнымъ для подобныхъ изысканій, что изъ рукъ вонъ (*ὡς οὐδὲν χροῖμα*). И вотъ тебѣ достаточный признакъ: прежде таки я кое-что зналъ, какъ и мнѣ самому казалось, и другимъ; а послѣ чрезъ свои изслѣдованія дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать ве-

¹ Рѣсказъ Сократа, что онъ въ своей молодости стремился все объяснять нѣгъ идей ума, — надобно относить не къ Сократу, а къ Платону. Это ясно отыскается далѣе на стр. 100 В., гдѣ на ученіе объ идеяхъ указывается, какъ на теорію прехнюю, обыкновенную, много разъ толкованную, чего Сократу приписать никакъ невозможно.

щи, дотоль мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, укажу только на одну: отъ чего человѣкъ растетъ? Передъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питія. Когда, то есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ, и такимъ же образомъ все прочее, что съ тѣмъ сродно: тогда небольшая тяжесть становится уже большою, а следовательно изъ малорослаго человѣка образуется великорослый. Такъ думалъ я прежде, и—какъ тебѣ кажется?—не ладно ли?—Мнѣ кажется, ладно, отвѣчалъ Кебетъ.—Смотри-ка и на это еще. По моему мнѣнію достаточно правильно казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе осьми, ибо прибавилось два, и два локтя болѣе одного, ибо превышаютъ его половиною.—Да теперь-то, спросилъ Кебетъ, какъ же ты думаешь объ этомъ?—Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны, и не могу даже увѣриться въ томъ, какимъ образомъ бываетъ, что, когда кто приложилъ единицу къ единицѣ, то или единица, къ которой приложено, превратилась въ два, или приложенная и та, къ которой приложено, чрезъ приложеніе одной къ другой, сдѣлалась двумя. Для меня удивительно вотъ что: доколѣ каждая изъ единицъ существовала отдѣльно, каждая была единицею, тогда онѣ не были двумя; а когда сблизились между собою, то вдругъ сближеніе ихъ стало причиною—сдѣлаться имъ двумя. Не понимаю также и того, какимъ образомъ, когда кто разсѣкъ одно, то самое разсѣченіе послужило причиною бытія двухъ. Вѣдь причина двухъ здѣсь противоположна причинѣ двухъ тамъ. Тамъ стало два отъ взаимнаго сближенія и сложенія одного съ другимъ; а здѣсь произошло два отъ удаленія и раздѣленія одного отъ другаго. Равнымъ образомъ я не могу увѣриться и въ томъ, извѣстно ли мнѣ, откуда единица. Однимъ словомъ: этотъ путь вообще не объясняетъ, какъ что нибудь рождается, исчезаетъ или существуетъ. Самъ я наудачу ищу другаго, а показанный вовсе не нравится. Между тѣмъ однажды мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ читалъ, говорить, въ книгѣ Анаксагоровой, что распорядитель и причина всего есть умъ. Тогда я радъ былъ этой причинѣ, мнѣ казалось какъ-то хорошо, что причина всего есть умъ. Если это справедливо, думалъ я, то умъ, распоряжая всѣмъ, указываетъ мѣсто каждой вещи тамъ, гдѣ быть ей всего лучше. Поэтому кто захотѣлъ бы вскапать причину всякаго предмета, какъ онъ происходитъ, уничтожается, либо существуетъ; тотъ долженъ бы вывести ее изъ того, какъ ему лучше существовать, страдать или дѣйствовать. На этомъ-то основаніи человѣку надлежало бы уже и отъ самого себя и отъ прочихъ предметовъ требовать только превосходящаго и наилучшаго, хотя тотъ

же самый человекъ по необходимости зналъ бы и худшее; ибо знаніе того и другаго есть одно и то же. Размышляя объ этомъ весело, я думалъ, что касательно причины вещей въ Анаксагорѣ нашель учителя по душѣ себѣ, что онъ сперва скажетъ мнѣ о землѣ, плоска ли она или кругла, а, сказавъ это, откроетъ причину и необходимость, дѣйствительно ли онъ излагаетъ самое лучшее мнѣніе, и точно ли землѣ всего лучше быть такою, откроетъ также, въ срединѣ ли она находится, и объяснитъ, почему ей лучше быть въ срединѣ. Если онъ объявлять мнѣ это, думалъ я, то рѣшусь не желать другой инородной причины. Было у меня намѣреніе узнать отъ него такимъ же образомъ и о солнцѣ, и о лунѣ, и о прочихъ звездахъ, что касается до ихъ относительной скорости, поворотовъ и другихъ свойствъ, то есть, какое бы дѣйствіе или страданіе для всякаго изъ этихъ предметовъ могло быть самымъ лучшимъ. Утверждая, что все устроено умомъ, онъ, конечно, думалъ я, не станетъ искать для этихъ вещей иной причины, кромѣ той, что быть имъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ находится, всего лучше. Нашедши же причину предметовъ, взятыхъ порознь и вообще, онъ покажетъ, какъ мнѣ казалось, и самое лучшее для каждаго изъ нихъ и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги, намѣреваясь прочесть ихъ какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что всего лучше и что хуже. Но столь удивительныя надежды, другъ мой, не долго остались со мною. Продолжая читать, я вижу, что умомъ этотъ человекъ нисколько не пользуется и порядка вещей не изъясняетъ никакими причинами: напротивъ въ основаніи всего полагаетъ воздухъ, эфиръ, воду и много другихъ странностей. Онъ точно такъ поступаетъ, думалъ я, какъ если бы кто, положивъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, началъ потомъ приводить причины каждаго моего дѣла и сказалъ, напримѣръ, будто я потому теперь сижу здѣсь, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой суставами, а жилы имѣютъ способность растягиваться и ослабляться и лежать около костей вмѣстѣ съ плотію и кожею, которая все обхватываетъ; поелику же кости могутъ быть поднимаемы и опускаемы въ суставахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы даютъ мнѣ возможность сгибать члены; и вотъ согнувшись я и сижу здѣсь. Пожалуй, и теперешній разговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ подобныхъ причинъ, напримѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и изъ множества другихъ того же рода, не обративъ вниманія на причины истинныя, что Аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, что поэтому мнѣ показалось лучше сидѣть здѣсь и, слѣдуя справедливости, терпѣливо подвергнуться казни, которой они требуютъ. Ибо, песь свидѣтель! и жилы мои и кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно

бы, думаю, были гдѣ нибудь въ Мегарѣ или Беотіи ¹; если бы вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, я не почелъ дѣломъ болѣе справедливымъ и честнымъ принять отъ общества назначенную мнѣ казнь. Приводить подобныя причины вовсе не годится. Конечно, кто сказалъ бы, что безъ такихъ вещей, какъ кости, жилы и другія мои принадлежности, я не могъ бы дѣлать, чтѣ мнѣ угодно, тотъ сказалъ бы правду: но говорить, будто все свои дѣла я дѣлаю умомъ, потому что у меня есть жилы и кости, а не потому, что избираю самое лучшее, было бы глупо вдоль и поперекъ ². Это значило бы не уметь отличить, что другое дѣло—причина, и другое дѣло—тѣ, безъ чего причина не могла бы быть причиною. И мнѣ кажется, многіе, мысля, будто ошупью въ потьмахъ, употребляютъ вовсе не тѣ имена для названія дѣйствительныхъ причинъ. Поэтому одинъ окружаетъ землю круговоротомъ, посредствомъ котораго небо предписываетъ ей стоять неподвижно; другой подпираетъ ее, какъ широкую квашню, воздухомъ: а силы, которою все, чтѣ гдѣ теперь стоитъ, поставлено самымъ лучшимъ образомъ, такой силы никто и не ищетъ и не усвоетъ ей божественнаго могущества. Люди предпочли выдумать Атланта, который былъ бы могущественнѣе и безсмертнѣе ея и который болѣе соблюдалъ бы вещи; а истинное благо и союзъ, дѣйствительно все связующій и сохраняющій, вмѣнили ни во что. Итакъ мнѣ пріятно было бы поступить къ кому нибудь въ ученики, чтобы узнать эту причину. Но, не владея ею и не имѣя возможности открыть ее самъ или перенять у другаго, хочешь ли, Кебетъ, я покажу тебѣ новую, употребляемую мною попытку ³ отыскать ее?—Чрезвычайно хочу, отвѣчалъ онъ.—Послѣ того мнѣ показалось, продолжалъ Сократъ, что, утомившись въ изслѣдованіи истины, я долженъ остеречься, какъ бы не потерпѣть такого же несчастія, какому подвергаются люди при разсматриваніи и наблюденіи солнечнаго затмѣнія. Вѣдь иные, смотря на солнце, а не на подобіе его въ водѣ или въ чѣмъ другомъ, портятъ зрѣніе. Размысливъ объ этомъ, я испугался, не ослѣпнуть бы и мнѣ душою, созерцая эти предметы очами и рѣшаясь касаться ихъ каждымъ своимъ чувствомъ. Поэтому я вздумалъ прибѣгнуть къ мышленію и въ немъ наблюдать истину суцаго. Впрочемъ моя мысль можетъ быть не вовсе соответ-

¹ Это тѣ самыя мѣста, куда ученики убѣждали Сократа бѣжать изъ темницы.

² Было бы глупо вдоль и поперекъ—по гречески: *καλλῆ δὲ καὶ μακρὰ βεβαιία εἶη τοῦ λόγου*. Не хочу доказывать, что русское выраженіе адѣсь соответствуетъ греческому; но подойти ближе къ подлиннику я не могъ.

³ Новую попытку: въ подлинникѣ *τὸν δευτερον πλοῦν*—греческая пословица моряковъ, выражающая ту мысль, что, когда вѣтъ благопріятнаго вѣтра, приходится лавировать. *Ruhnken. ap. Wyttenb. Adn. p. 243.*

ствуешь тому, чему я удоподобляю ее, ибо нельзя допустить, что человек, созерцая вещи в мышлении созерцает лишь подобие ихъ. Итакъ я поспѣшилъ обратиться къ своему собственному способу, то есть, предполагая всякій разъ известное основаніе, которое находилъ самымъ твердымъ, я принималъ за истину все, что казалось согласно съ нимъ, — причина ли то была или иное, что нибудь, — и отвергалъ, какъ невѣрное, что съ нимъ не согласовалось. Хочется высказать тебѣ это яснѣе; думаю, ты не понимаешь меня. — Да, не очень, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Впрочемъ я говорю не новое, продолжалъ Сократъ, но то же самое, о чемъ не переставалъ говорить всегда, и въ другихъ случаяхъ и въ нынѣшней бесѣдѣ. Мнѣ предстоитъ показать родъ употребляемой мною причины; для этого я снова иду къ тому, о чемъ уже много было толковано, и начинаю съ положенія, что есть нѣчто само въ себѣ прекрасное, доброе, великое и иное прочее. Если въ этомъ ты уступишь мнѣ и согласишься со мною; то отсюда надѣюсь показать тебѣ и причину мою, и вывести заключеніе о безсмертіи души. — Будь увѣренъ въ моемъ согласіи и не медли своими заключеніями, отвѣчалъ Кебетъ. — Смотри же, что выйдетъ далѣе, сказалъ Сократъ: такъ ли покажется и тебѣ, какъ мнѣ?

Мнѣ кажется, что если есть нѣчто прекрасное кромѣ прекраснаго самого въ себѣ: то оно прекрасно не по чему иному, какъ по своему участию въ томъ прекрасномъ. То же говорю я и о всемъ. Согласенъ ли ты на эту причину? — Согласенъ, отвѣчалъ онъ. — Хорошо же, продолжалъ Сократъ; теперь я не знаю и не хочу знать никакихъ другихъ мудрыхъ причинъ, и если кто скажетъ мнѣ, что прекрасное прекрасно или отъ красиваго цвѣта, или отъ вида, или отъ чего инаго, то я, боясь потеряться во множествѣ подобныхъ основаній, распрошусь со всеми ими, и просто, безыскусственно, пожалуй можетъ — быть и глупо, буду держаться одного, что прекрасное происходитъ не отъ чего другаго, какъ или отъ присутствія, или отъ общенія, или отъ инаго участія въ немъ того прекраснаго: ибо это или-или я еще не рѣшилъ, но то рѣшилъ, что всякія прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Послѣдній отвѣтъ, кажется, безопаснѣе и для меня самого и для другаго: держась этой мысли, мы вѣроятно никогда не уронимъ себя, во и я, и другой можемъ надежно отвѣчать, что прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Не такъ ли и ты думаешь? — Такъ. — Значитъ, и все великое бываетъ велико и болѣе больше отъ великости; а меньшее меньше — отъ малости? — Да. — Поэтому ты не согласишься, когда кто скажетъ, что одинъ болѣе болѣе другаго головою, а другой меньшій менѣе тѣмъ же самымъ; но будешь утверждать, что все, что болѣе другаго, больше не тѣмъ

ными, какъ величиною, — что большее больше отъ величины, равно какъ и меньшее не отъ чего иного меньше, какъ отъ малости, будешь утверждать это конечно изъ опасенія, чтобы не встрѣтить противорѣчія, почитая когонибудь больше или меньше головою; ибо тогда большее было бы больше, а меньшее меньше отъ одной и той же причины; притомъ большее было бы больше такую малою вещью, какъ голова. Вѣдь странно и подумать, что нѣчто великое велико малымъ. Или ты не опасешься этого? — Опасаюсь, отвѣчалъ Кебетъ, улыбаясь. — Поэтому ты равнымъ образомъ побоишься сказать, что десять больше осьми двумя, что не количествомъ и не по причинѣ количества, а двумя и отъ двухъ первое больше послѣдняго? Побоишься также сказать, что двухлоктевое пространство больше однолоктеваго не величиною, а половиною? ибо и здѣсь то же самое опасеніе. — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Но что? не поопасешься ли ты утверждать, что когда единица сложена съ единицею, то причина двухъ есть сложеніе, или когда раздѣлено чтонибудь, то причина частнаго есть дѣленіе? Не закричишь ли ты, что не знаешь, какъ иначе сдѣлаться всякой вещи, если не чрезъ участіе ея въ сродной ей сущности? Найдешь ли ты иную причину и двухъ, кромѣ той, что два причастны двоицѣ, что въ двоицѣ должно получить участіе все, имѣющее быть двумя, равно какъ въ единицѣ все, чему надобно быть однимъ? А съ этими дѣленіями, сложеніями и другими подобными хитростями ты конечно распрощаешься, предоставивъ отдѣлываться ими людямъ, которые помудрѣ тебя. Боясь, по пословицѣ, собственной своей тѣни и неопытности, ты будешь держаться за упомянутое твердое основаніе. Если же оно сдѣлается предметомъ нападенія; то ты оставишь возражателя и не будешь отвѣчать ему, пока не разсмотришь, что вытекаетъ изъ твоего начала, — и слѣдствія изъ него, по твоему мнѣнію, согласны ли между собою или несогласны. Когда же предстояло бы дать въ немъ отчетъ, то дашь его такъ: приищешь предположеніе, которое было бы между болѣе общими лучшее и будешь идти далѣе, поступая подобнымъ образомъ, пока не достигнешь до чегонибудь удовлетворительнаго. Притомъ желая найти нѣчто истинное, ты не позволишь себѣ смѣшенія, какъ дѣлаютъ спорщики, и не станешь бросаться въ разговоръ то къ началу, то къ слѣдствіямъ. У спорщиковъ нѣтъ объ этомъ ни рѣчи, ни заботы: довольные своею мудростію, они взбуровливаютъ все вмѣстѣ, лишь бы только нравиться самимъ себѣ. Напротивъ ты, если хочешь быть въ числѣ философовъ, конечно будешь дѣлать такъ, какъ я говорю. — И ты говоришь очень справедливо, отвѣчали Самміасъ и Кебетъ.

Эпекр. Въ самомъ дѣлѣ, Федонъ; мнѣ кажется, это разсужденіе Сократа удивительно какъ ясно, даже для человѣка съ небольшимъ умомъ.

Фед. Конечно, Эхекратъ, такимъ показалось оно и всѣмъ, бывшимъ тогда у Сократа.

Эхекр. Да и намъ, хотя мы не были у него, а только слушаемъ. Ну что же говорено было dalje?

Фед. Помнится, когда въ этомъ уступили ему и согласились, что каждая изъ идей имѣеть значеніе сама по себѣ, и что все другое, являющееся подъ нами, отъ нихъ заимствуетъ и названіе; то онъ вслѣдъ за тѣмъ спросилъ: если же ты думаешь такъ, то говоря, что Симміасъ болѣе Сократа и менѣе Федона, не приписываешь ли Симміасу того и другаго, и великорослости, и малорослости? — Приписываю. — Однакожь смотри, продолжалъ онъ; усвоивъ Симміасу преимущество предъ Сократомъ, согласишь ли ты, что эти слова не совсѣмъ то, что есть дѣйствительная истина? ибо вѣроятно Симміасу пришлось быть выше не потому, что онъ Симміасъ, а по свойственной ему величинѣ. И опять, онъ болѣе Сократа не потому, что Сократъ есть Сократъ, а потому, что Сократу, въ сравненіи съ ростомъ Симміаса, принадлежитъ малорослость. — Справедливо. — Такимъ же образомъ Симміасъ ниже Федона не потому, что Федонъ есть Федонъ, а потому, что Федону, въ сравненіи съ малорослостію Симміаса, свойственна великорослость. — Такъ. — Слѣдовательно Симміасъ получаетъ названіе малорослаго и великорослаго, поколику находится между обоими, доставляя случай одному изъ нихъ быть выше своей малорослости великорослостію, а другому стоять ниже своей великорослости малорослостію. И тутъ же, улыбнувшись, прибавилъ: я выражаюсь конечно съ судейскою точностію; однакожь это такъ, какъ говорю. — Кебетъ согласился. — И говорю съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мое мнѣніе сдѣлалось твоимъ; ибо мнѣ кажется, что не только великость сама по себѣ никогда не желаетъ быть вмѣстѣ великою и малою, но и великость наша не принимаетъ малаго и не хочетъ быть малостію. Тутъ случается одно изъ двухъ: она или убѣгаетъ и удаляется, когда подходитъ противное ей малое; или исчезаетъ, когда послѣднее уже подошло. Пусть даже терпитъ и принимаетъ малость: но все не хочетъ быть не тѣмъ, чѣмъ была прежде. Напримѣръ, я принялъ и терплю малость; и пока я продолжаю быть тѣмъ, что емъ, то я малъ, но то великое само по себѣ не въ состояніи превратиться въ малое. Такимъ же образомъ и малое не хочетъ сдѣлаться или быть великимъ; такимъ же образомъ и всѣ другія противоположности, оставаясь тѣмъ, чѣмъ были, не хотятъ сдѣлаться или быть противными тому, но приходя въ это состояніе, или устраняются, или исчезаютъ. — Мнѣ кажется, совершенно такъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Услышавъ это, кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ (кто такой, не помню хорошенько): ради боговъ! да въ прежнихъ навиныхъ разсужденіяхъ развѣ не было допущено, совершенно вопреки

настоящему положению, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, и что именно такимъ образомъ противныя происходятъ изъ противныхъ? А теперь, по видимому, говорится, что этого никогда не бываетъ.—Сократъ наклонилъ голову и, выслушавъ, сказалъ: bravo! что вспомнилъ, только ты не понялъ различія между тѣмъ, что теперь говорится, и тѣмъ, что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противная вещь бываетъ изъ претивной, а теперь, что противное само по себѣ ни въ насъ, ни въ природѣ никогда не можетъ дѣлаться противнымъ самому себѣ. Тогда, другъ мой, мы разсуждали о предметахъ, заключающихъ въ себѣ противное, и на этомъ основаніи называли ихъ именами: а теперь разсуждаемъ о томъ, что, сообщаясь называемымъ противными предметамъ, дасть имъ имя противныхъ. Этому-то мы никогда не приписывали рожденія одного отъ другаго. И вдругъ, взглянувъ на Кебета, спросилъ: не пугаетъ ли и тебя, Кебетъ, что нибудь подобное словамъ его?—Нѣтъ, отвѣчалъ Кебетъ, я уже не прежній, хотя отнюдь не говорю, что меня немного пугаетъ.—Слѣдовательно мы согласны другъ съ другомъ, сказалъ онъ, согласны именно въ томъ, что противное само по себѣ никогда не будетъ противнымъ самому себѣ.—Безъ сомнѣнія.—Изслѣдуй же мнѣ еще вотъ что, продолжалъ онъ: не согласишься ли со мною. Ты называешь что нибудь теплою и холодною?—Называю.—Не снѣгъ ли это и огонь?—О, совсѣмъ нѣтъ.—Значитъ теплота сама по себѣ отлична отъ теплоты огня, а холодъ самъ по себѣ отъ холода снѣга?—Да.—Тебѣ, думаю, кажется также, что снѣгъ, въ состояніи снѣга, принимая въ себя теплоту, какъ мы прежде говорили, никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ, снѣгомъ, то-есть теплымъ снѣгомъ, но по присоединеніи къ нему теплоты или устраняется отъ нея, или пропадаетъ.—Конечно.—Тоже и огонь, по приближеніи къ нему холода, либо отступаетъ, либо исчезаетъ, и никакъ не осмѣливается, принявъ въ себя холодъ, оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ, огнемъ, то-есть холоднымъ огнемъ.—Ты правду говоришь, отвѣчалъ Кебетъ.—Бываетъ стало-быть, продолжалъ онъ, въ отношеніи къ кое чему въ этомъ родѣ, что не только сама идея навсегда удерживаетъ свое имя, но и нечто другое, что хотя не тождественно съ нею, однакожъ постоянно является въ ея образѣ, пока сохраняетъ свое бытіе. Смыслъ моихъ словъ можетъ быть сдѣлается яснѣе вотъ на чемъ. Нечету вѣроятно всегда должно принадлежать то имя, которымъ теперь называемъ его; не такъ ли?—Конечно.—Но въ ряду существъ одинъ ли нечетъ (въ этомъ-то и состоитъ мой вопросъ), или есть и другія вещи, которыя хотя и не то, что нечетъ, однакожъ, называя каждую изъ нихъ ея именемъ, надобно всегда называть ее и нечетомъ, поколику ея природа такова, что отъ нечета никогда не отдѣляется? Для примѣра могу указать на троицу

и на многое другое. Разсмотри-ка тройцу: не кажется ли тебѣ, что ее всегда должно называть и собственнымъ ея именемъ, и именемъ нечетя, хотя нечетъ не то, чтѣ троица? Таковы по природѣ и троица, и пятерица, и цѣлая половина всѣхъ чиселъ: хотя они не нечетъ самъ по себѣ, однакожь каждое изъ нихъ всегда бываетъ нечетомъ. Напротивъ два, четыре и всякое число изъ другаго ряда чиселъ, не будучи четъ самъ по себѣ, тѣмъ не менѣе всегда бываетъ четомъ. Согласенъ ли нѣтъ? — Какъ не согласиться, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, чтѣ я выведу, сказалъ Сократъ: а именно отсюда явствуетъ, что не только тѣ противныя взаимно себя не принимаютъ, но и взаимно не противныя и однако всегда заключающія въ себѣ противное, не принимаютъ той идеи, которая противна другой, въ нихъ самихъ находящейся: если же она подходит, то или исчезаютъ или удаляются. Не скажемъ ли, что число три скорѣе или исчезнетъ или подвергнется чему иному, прежде чѣмъ потерять, чтобы, оставаясь тремя, оно сдѣлалось четомъ? — Конечно скажемъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Однакожь двойца вѣрно не противна троицѣ? продолжалъ Сократъ. — Безъ сомнѣнія не противна. — Следовательно не только противныя идеи не терпятъ взаимнаго приближенія, но и многое другое не хочетъ, чтобы къ нему приближалось противное другому. — Твои слова весьма справедливы. — Итакъ, не угодно ли, продолжалъ Сократъ, мы по возможности опредѣлимъ, чтѣ это такое? — И очень ¹. — Не то ли это, Кебетъ, ска-

¹ Слѣдующее за симъ мѣсто представляетъ въ подлинникѣ важныя затрудненія относительно смысла, происходящія по всей вѣроятности отъ вставки въ текстъ не относящихся къ нему словъ. Шлейермахеръ перевелъ его буквально, но не понятно и даже не согласно съ его очевиднымъ смысломъ. Разлился въ мнѣнїи и съ г. Карповымъ, считаемъ нужнымъ представить здѣсь свой переводъ, составленный при дружествѣнномъ содѣйствїи М. Н. Каткова:

«Не то ли это, Кебетъ, сказалъ онъ, чтѣ, овладевая вещью, вынуждаетъ ее имѣть не только свою собственную идею, но и идею чего либо всегда чему либо противоположнаго? — Какъ ты это говоришь? — А такъ, какъ сейчасъ говорили: ты вѣдь знаешь конечно, что все, овладеваемое идеею трехъ, вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ? — Конечно. — Ко всѣмъ стало-быть подобнымъ вещамъ не подойдетъ идея, противная той формѣ, которая производитъ въ нихъ это качество. — Нѣтъ, не подойдетъ. — Здѣсь же произойдетъ оно вѣдь формою нечетя? — Да. — Но вѣдь нечету противоположна идея чета? — Да. — Стало-быть къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета. — Очевидно никогда. — Поэтому число три не имѣетъ ничего общаго съ идеей чета. — Ничего общаго. — Итакъ число три есть нечетное. — Да. — А я намѣренъ былъ опредѣлить, чтѣ такое, не будучи чему либо противоположно, не принимаетъ однако его, подобно троицѣ, которая, хотя и не противна чету, однакожь все таки не принимаетъ его (ибо всегда несетъ съ собою нѣчто противоположное чету), или

заль онъ, что чѣмъ бы ни владело обладающее, — оно заставляетъ обладаемое не только удерживать идею себя, но и не касаться ничего, постоянно противнаго себя? — Какъ это? — Такъ, какъ и сейчасъ говорили: ты вѣроятно знаешь, что все содержащееся въ идеѣ трехъ, необходимо должно быть не только тремя, но и нечетомъ. — Конечно. — А къ этому, сказали мы, производному образомъ своей идеи, идея противная никогда не подойдетъ. — Точно такъ. — Но это вѣдь произвелъ образъ нечета? — Да. — Противенъ же ему образъ чета? — Да. — Следовательно къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета. — Очевидно никогда. — По этому число три чуждо чета. — Чуждо. — То есть, три нечетъ. — Да. — Но я намѣренъ былъ опредѣлить, чтобы такое было, хотя и не противное другому, однакожъ не принимающее противнаго себя, подобно троицѣ, которая хотя и не противна чету, однакожъ все таки не принимаетъ его; ибо четъ привлекъ бы къ ней противное, какъ двоица — нечетъ, огонь — холодъ и такъ далѣе. Смотри-ка, не опредѣлишь ли вотъ какимъ образомъ: противное не принимаетъ не только противнаго, но и того, что приноситъ противное предмету, къ которому само приближается, такъ что и приносящее отнюдь не принимается ради того, что противно приносимое. Вспомни еще (ибо часто слушать весьма не худо), что число пять не приметъ образа чета, а десять, какъ двойное, образа нечета. Это послѣднее, само по себѣ, положимъ, противно чему нибудь иному; однакожъ оно не приметъ образа нечета, а потому не приметъ также и части полуторной и ничего подобнаго, напримѣръ, половины, цѣлаго или его трети и такъ далѣе. Слѣдуешь ли за мною и такъ ли тебѣ кажется? — Я совершенно согласенъ и слѣдую за тобою, отвѣчалъ онъ. — Говори же мнѣ опять сначала, продолжалъ Сократъ, и пусть въ твоихъ отвѣтахъ будетъ не то слово, что въ моихъ вопросахъ, а другое. Отвѣчай по моему (я предлагаю это, вида изъ настоящаго разсужденія, что мы, кромѣ прежнихъ безопасныхъ отвѣтовъ, найдемъ другую безо-

подобно двоицѣ, не принимающей нечета, огню, не принимающему холода, и такъ далѣе. Посмотри же теперь, не опредѣлишь ли этого вотъ какъ: не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что вноситъ во все, во что ни входитъ, одну изъ противоположностей, само это вносящее противоположность отнюдь не принимаетъ противнаго вносимому имъ. Повторимъ еще разъ (ибо не худо и нѣсколько разъ выслушать): число пять не приметъ образа чета, а образа нечета не приметъ число десять, въ которомъ пять удвоено. Да и само двойное, хотя собственно противоположно не чету, а иному чему нибудь, однакожъ не приметъ образа нечета. А равно не приметъ образа цѣлаго числа часть полуторная и ничто подобное, напримѣръ половина или треть и такъ далѣе.

часность). Если бы ты вздумалъ спросить меня, что сообщится тѣлу, когда кому сдѣляется тепло? то я далъ бы тебѣ не тотъ безопасный и простоватый отвѣтъ, что сообщится теплота, но, приспособительно къ теперешнему нашему разговору, отвѣчалъ бы хитрѣе, что огонь. Равно, если бы ты спросилъ: что сообщится тѣлу, когда оно заболѣетъ? то въ отвѣтъ я указалъ бы не на болѣзнь, а на лихорадку. Или на вопросъ: что сообщится числу, когда оно станетъ нечетомъ? я поставилъ бы на видъ не нечетность, а единицу. Такимъ образомъ и все. Смотри же, достаточно ли понялъ ты теперь, чего я хочу? — Весьма достаточно, сказалъ онъ. — Такъ отвѣчай, продолжалъ Сократъ, что должно сообщиться тѣлу; чтобы ему сдѣлаться живымъ? — Должна сообщиться душа, отвѣчалъ онъ. — И это всегда такъ бываетъ? — Какъ же не всегда? сказалъ онъ. — Значитъ душа, чѣмъ бы она ни владѣла, всему и всегда приноситъ жизнь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — А жизни есть чтонибудь противное, или нѣтъ? — Есть, сказалъ. — Что такое? — Смерть. — Но изъ того, въ чемъ мы недавно согласились, не слѣдуетъ ли, что душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда приноситъ? — Непремѣнно слѣдуетъ, отвѣчалъ Кебетъ. — Что же теперь? Скажи-ка, чѣмъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи чета? — Нечетомъ, отвѣчалъ онъ. — А то, что не принимаетъ справедливости и образования? — Одно необразованностию, другое несправедливостию, сказалъ онъ. — Хорошо; какъ же мы назовемъ то, что не принимаетъ смерти? — Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Следовательно душа безсмертна? — Безсмертна. — Хорошо, примолвилъ онъ; можешь ли теперь считать это достаточнымъ? или какъ тебѣ кажется? — Да, и очень достаточно, Сократъ. — Такъ что же, Кебетъ, продолжалъ онъ? Если бы нечету необходимо было не погибать: то не ужели и три не оставалось бы негибнущимъ? — Какъ же иначе? — Значитъ, если бы и нетеплому надлежало не погибать: то какъ скоро кто вздумалъ бы къ снѣгу приблизить тепло, снѣгъ устранился бы безвредно и не растаялъ? Въдь огонь не можетъ погибнуть; а удерживая свое существованіе, не можетъ принять теплоту. — Твоя правда, сказалъ онъ. — Еслибы, думаю, также и нехолодному надобно было не погибать: то какъ скоро кто приблизилъ бы къ огню чтонибудь холодное, огонь не потухъ бы и не погибъ, но отошелъ бы невредимымъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Но не необходимо ли сказать то же самое и о безсмертномъ, спросилъ онъ? Въ самомъ дѣлѣ, если безсмертное есть вмѣстѣ и негибнущее: то думъ, когда приближается къ ней смерть, погибнуть невозможно; потому что смерти, по вышесказанному, она вѣрно не приметъ и не будетъ мертвою, равно какъ число три, сказали мы, не будетъ четомъ, хотя оно и не есть нечетъ самъ по себѣ,

или какъ огонь не будетъ холодомъ, хотя онъ не есть и теплота въ огнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: что препятствуетъ нечету,—хотя по приближеніи къ нему чета, какъ найдено, онъ и не двается четомъ,—что препятствуетъ нечету уничтожиться и вместо себя дать мѣсто чету? Кто сказалъ бы это, съ тѣмъ мы не могли бы спорить, что нечетъ не уничтожается; ибо чуждое чета не есть ничто негибнущее. А будь это намъ известно, мы легко сворили бы, что по приближеніи чета, и нечетъ и три тотчасъ уходятъ. Точно также могли бы спорить и объ огнѣ, и о теплотѣ, и о всемъ другомъ. Не правда ли? — Конечно. — То самое теперь и о безсмертномъ. Если намъ известно, что оно не гибнетъ, то душа не только безсмертна, но и не гибнетъ; а когда не такъ, то нужно иное доказательство. — Нѣтъ, для этого-то не нужно, сказалъ онъ, ибо едва ли что нибудь не разрушится, если даже безсмертное и вѣчное подвергнется разрушенію. — Я думаю, все будутъ согласны, продолжалъ Сократъ, что и богъ, и самая идея жизни, и все, что есть безсмертное, никогда не гибнетъ. — Это, клянусь Зевсомъ, по моему мнѣнію, мнѣ известно всѣмъ людямъ, отвѣчалъ Кебетъ, а еще болѣе известно богамъ. — Но когда безсмертное вмѣстѣ и неразрушимо; то душа, существо безсмертное, вѣрно есть и существо негибнущее? — Крайне необходимо. — Следовательно, по пришествіи смерти къ человеку, смертное его, должно быть, умереть, а безсмертное, устранивъ отъ смерти, отойдетъ невредимымъ и неразрушимымъ. — Явно. — Итакъ, Кебетъ, прибавилъ онъ, душа, безъ всякаго сомнѣнія, есть существо безсмертное и негибнущее, и наши души непременно будутъ въ преисподней. — Кроме этого, Сократъ, я ничего не могу сказать болѣе, заключаю Кебетъ. Какъ не вѣрить словамъ твоимъ! Но если Симміасъ или кто другой имѣетъ сдѣлать замѣчаніе, то хорошо бы не молчать имъ. Кто желаетъ говорить или слушать объ этомъ предметѣ, тотъ, не знаю, какое лучшее время могу избрать для удовлетворенія своему желанію, если не настоящее. — Но вѣдь и самъ я, по крайней мѣрѣ послѣ того, что было сказано, не могу уже не вѣрить, приговаривалъ Симміасъ. Одно лишь величіе предмета, о которомъ шла рѣчь, и несоразмѣрная съ нимъ человѣческая слабость удерживаютъ меня въ недоумѣніи касательно бывшаго разсужденія. — Не только касательно бывшаго, Симміасъ, сказалъ Сократъ: твои слова годились бы и въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ положеніямъ, то есть, сколько бы достоверными они ни казались вамъ, все однакожъ надобно изслѣдовать ихъ яснѣе, и если достаточно изслѣдуете, то, думаю, убедитесь въ моихъ словъ столько, сколько возможно убѣждаться человеку. А когда это для васъ прояснится, тогда ни о чемъ болѣе не будете спрашивать. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ.

Но вотъ о чемъ еще нужно размыслить, друзья, продолжалъ Со-

край: если душа бессмертна, то должно имѣть о ней попеченіе въ отношеніи не къ одному тому времени, въ которомъ мы, какъ говорится, живемъ, но ко всему; и тотъ, по видимому, подвергнется страшной опасности, кто вознерадитъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, если бы смерть была оставленіемъ всего, то для людей злыхъ какая бы находка, оставая вместе съ тѣломъ и душу, оставить злыя дѣла свои! Но когда открывается, что душа бессмертна, то нѣтъ ей инаго избавленія отъ зомъ, нѣтъ инаго спасенія, какъ сдѣлаться наилучшею и разумнѣйшею. Отходя въ преисподнюю, она не уноситъ въѣдъ ничего, кромѣ образованія и пищи своей¹; и это умирающему, говорятъ, тотчасъ же, въ самомъ началѣ его отшествія, или очень полезно, или очень вредно. Сказываютъ такъ²: каждаго умирающаго тотъ духъ³, которому онъ въ жизни достался, беретъ для отведенія въ нѣкое мѣсто, гдѣ собравшіеся подвергаются суду и идутъ въ преисподнюю, всякій съ своимъ вожатымъ, кому кого вѣрно отсюда перевезть туда. Достигнувъ назначеннаго мѣста и пробывъ въ немъ опредѣленное время, всякій, подъ руководствомъ уже другаго вожата, опять идетъ, — и это совершается въ большіе и длинныя періоды. Впрочемъ такое шествіе не походитъ на описываемое Эсхиловымъ Телееомъ. Последний говоритъ, что въ преисподнюю ведетъ простая стезя; а мнѣ кажется, что она и не проста и не одна: иначе на что бы и вожатам; ибо гдѣ дорога одна, тамъ никто и никогда не заблудится. Нѣтъ, на этой дорогѣ должно быть много перекрестковъ и обходовъ: я вывожу свое заключеніе изъ священныя церемоній и уставовъ. Душа благонравная и умная вступаетъ въ путь, и новое настоящее не незнакомо ей; а пристрастная къ тѣлу, какъ я прежде сказалъ, долго витаетъ около него и около видимаго мѣста и, чрезвычайно унывая и много страдая, насильно едва едва уводится приставленнымъ къ ней духомъ. Когда же она приходитъ туда, куда и другія; то отъ нея, нечистой, надѣлавшей столько грѣховъ, связанной неправедными убійствами, или совершившей иное тому подобное и подобнымъ душамъ свойственное, — отъ нея всѣ убѣгаютъ и отвращаются, никто не хочетъ быть ни ея спутникомъ, ни

¹ Кромѣ образованія и пищи, *κλήν τῆς καρδίας καὶ τροφῆς*. Само собою разумеется, что *τροφῆ* принимается здѣсь въ смыслѣ метафорическомъ, какъ пища душъ, или приобретенныя ими познанія.

² Разсужденія Сократа о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю называются у Аполлодора *ψυχῶν*, или рассудіями изъ одиннадцатой пѣсни Гомеровою Одиссеею. Такихъ рассудій въ сочиненіяхъ Платона три: въ Федонѣ, Горгіи (р. 512 sqq) и Политическомъ Обществѣ (X р. 614.)

³ Платонъ допускалъ, что каждый человѣкъ проводитъ жизнь подъ покровительствомъ приставленнаго къ нему духа (*δαίμων*), который сопровождаетъ его и въ жизнь загробную, Cratyl. р. 397. Symp. р. 262. Tim. р. 40 al.

проводникомъ, и она блуждаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи, пока не пройдетъ известное время, послѣ котораго самая уже необходимость влечетъ ее въ приличное жилище. Напротивъ всякая душа, прошедшая жизнь чисто и воздержно, имѣетъ сопутниками и проводниками боговъ и переходитъ въ пристойное для себя мѣсто. А на землѣ есть много удивительныхъ мѣстъ, и она, по своимъ свойствамъ и величинѣ, какъ меня увѣрили, не такова, какою обыкновенно почитаютъ ее землеописатели. — Что же ты говоришь это, Сократъ? спросилъ Симміасъ. О землѣ вѣдь я и самъ много такъ слышалъ, однако не то, въ чемъ ты увѣренъ. Поэтому съ удовольствіемъ послушалъ бы. — Но вѣдь не съ Главковымъ искусствомъ надобно, кажется, рассказывать это ¹, Симміасъ. Правду молвить, тутъ требуется искусство потруднѣе Главкова. Можетъ быть это было бы даже выше моихъ силъ; а если бы я и могъ, то жизни моей, Симміасъ, не достало бы для разсужденія столь обширнаго. Что же касается до идеи земли, въ какой меня увѣрили, и до мѣстъ ея, то объ этомъ ничто не мѣшаетъ побесѣдовать. — Да и того довольно, сказалъ Симміасъ. — Итакъ меня увѣрили, продолжалъ Сократъ, во первыхъ въ томъ, что если земля вращается въ центръ неба, то ей нѣтъ надобности ни въ воздухъ, ни въ какомъ иномъ основаніи, чтобы не упасть: для поддержанія ея достаточно повсюднаго самоподобія неба и равновѣсія земли; ибо равновѣсная вещь, поставленная въ срединѣ чего нибудь самоподобнаго, ни мало не можетъ отступить въ которую либо сторону и, какъ самоподобная, пребываетъ неуклонною. Такъ вогъ въ чемъ увѣрили меня, сказалъ онъ. — И правильно, замѣтилъ Симміасъ. — Сверхъ того, продолжалъ Сократъ, земля очень велика, и мы, отъ Фасиса до Геркулесовыхъ столповъ, занимаемъ малѣйшую часть ея, живя около моря ², какъ муравья и лягушки около болота. Другія подобныя мѣста заселены иными многими жителями. Есть же вокругъ по землѣ очень довольно впадинъ, различныхъ и по виду, и по величинѣ, въ которыя стекаются и вода, и облака, и воздухъ. А сама настоящая земля стоитъ чистая въ чистомъ небѣ, тамъ гдѣ звезды. У многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, небо называется также эфиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающееся въ земныя впадины. Мы не замѣчаемъ, что жи-

¹ Съ Главковымъ искусствомъ всего не расскажешь, — пословица. Значеніе ея понятно: она выражаетъ то, что съ слабыми способностями далеко не уйдешь. А въ происхожденіи этой пословицы критики не согласны между собою, Хепорф. Метод. 1, 7, 3.

² Живя около моря — разумѣется море Средиземное. Мѣстность, о которой говорить Сократъ, простирается отъ востока къ западу и лежитъ между Чернымъ моремъ и Гибралтаромъ.

вѣмъ въ земныхъ впадинахъ, и думаемъ, будто наше жилище на земной поверхности, подобно тому, кто, обитая въ самой глубинѣ моря, представлялъ бы, что онъ обитаетъ на морѣ и, сквозь воду взирая на солнце и другія звѣзды, море почиталъ бы небомъ. По своей медленности и слабости, онъ никогда не поднимался бы до морской поверхности и не видалъ бы ея; ему даже не пришлось бы слышать ни отъ какого очевидца, во сколько чище и прекраснѣе тотъ міръ, который выдается изъ моря въ верхнее пространство. Точно въ такомъ состояніи находимся и мы: живя въ какой-то впадинѣ земли, мы думаемъ, что живемъ на ея поверхности, воздухъ называемъ небомъ и представляемъ, что звѣзды текутъ именно по этому небу. А все отъ того, что слабость и медленность не позволяютъ намъ вознестись до предѣловъ воздуха: иначе, кто поднялся бы до его высоты, или взлетѣлъ къ ней, окрилившись, тотъ, изпикнувъ, какъ вынырнувшія изъ моря рыбы видятъ надводное, увидѣлъ бы все тамошнее, и лишь бы только природа его могла выдержать созерцаніе, узналъ бы, что тамъ-то истинное небо, истинный свѣтъ и истинная земля. Ибо эта земля, эти камни и вообще все здѣшнее повреждено и изъедено, подобно вещамъ, изъеденнымъ морскою горечью, такъ что въ морѣ этомъ и ничего порядочнаго не растетъ, и, можно сказать, ничего нѣтъ совершеннаго, а только рытвины, песокъ, безконечный илъ и грязь—вездѣ, гдѣ и земля есть ¹, и все это нисколько нейдетъ въ сравненіе съ тѣмъ, что у насъ почитается красотою. Напротивъ тамъ, въ той чистой землѣ, нашлось бы много вещей далеко превосходяще нашихъ. Да, Симміасъ, если полезно рассказывать и басни хорошія, то вѣрно стоить труда послушать, что находится на землѣ поднебесной. — О, конечно, Сократъ, мы съ удовольствіемъ выслушали бы это сказаніе, сказалъ Симміасъ. — Говорятъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ, во первыхъ, что эта самая земля, если смотреть на нее сверху, походитъ на двѣнадцатигранный ² кожаный мячъ, раскрашенный цвѣтами, которыхъ образчики суть цвѣта, употребляемые живописцами; только тамъ изъ подобныхъ, даже изъ гораздо прелестнѣйшихъ и чистѣйшихъ цвѣтовъ состоитъ вся земля. Тамъ иная часть ея пурпуровая, красоты удивительной, иная златовидная, а иная такъ была, что бѣлѣе гипса и снѣга. Есть на ней и другіе цвѣта, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ и превосходяще тѣхъ, какіе мы

¹ Вездѣ, гдѣ есть земля.—Поэтому Сократъ долженъ былъ полагать, что въ морѣ земля—не вездѣ, что по мѣстамъ есть бездонныя массы воды.

² По примѣру Пифагорейцевъ, Платонъ природу вещей въ ихъ образахъ и явленіяхъ опредѣлялъ геометрическими фигурами и между прочимъ міръ уподоблялъ двѣнадцатистороннику, землю—кубу, огонь—пирамиду и т. д. *Iambli. vit. Pythag. § 8.*

видали. Да и самыя эти впадины ея, полныя воды и воздуха, блистають какою-то пестротою цвѣтовъ, такъ что въ единствѣ ея вида является непрерывное разнообразіе. Если же такова земля, то аналогически таковы на ней и растенія, то есть деревья, цвѣты, плоды, таковы на ней и горы, таковы, по своей гладкости, прозрачности и отличной цвѣтности, самыя камни, и ихъ-то частицы суть любимыя у насъ камешки: сердоликъ, яспись, смарагдъ и другіе подобныя. Тамъ нѣтъ ничего, что было бы хуже ихъ: напротивъ все гораздо лучше; и причина та, что тѣ камни чисты, не изъедены и не повреждены, какъ здѣшніе, отъ гнили, отъ соли и отъ всего, что сюда стекается, и что камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ сообщаетъ безобразіе и болѣзни. Украшаясь всѣмъ этимъ, та земля украшается еще золотомъ, серебромъ и иными подобными вещами. Тамъ рождается этого очень много, въ большихъ массахъ и по всей землѣ, отчего она представляетъ зрѣлище, достойное созерцателей блаженныхъ. На той землѣ есть множество и прочихъ животныхъ, есть и люди, изъ которыхъ одни обитають въ средоземіи, другіе около воздуха, какъ мы около моря, а нныя на островахъ, лежащихъ близъ твердой земли и окруженныхъ воздухомъ. Однимъ словомъ: что у насъ вода и море для нашего употребленія, то у нихъ воздухъ, а что у насъ воздухъ, то у нихъ эфиръ. Времена же года такъ уравновѣшены, что тѣ люди не подвергаются болѣзнямъ, живутъ гораздо долѣе, нежели здѣшніе, и во столько выше насъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и прочими чувствами, во сколько воздухъ чище воды, а эфиръ чище воздуха. Есть у нихъ также кумиры и храмы боговъ, и въ этихъ храмахъ существенно обитають боги, бывають божественныя изреченія, предсказанія, видѣнія и обращенія людей съ богами. А солнце, луну и звѣзды видать они въ самой ихъ природѣ и сообразно съ этимъ наслаждаются всякимъ другимъ блаженствомъ. Такъ-то все на той землѣ и около той земли! Соразмѣрно съ числомъ ея впадинъ, на ней кругомъ много мѣстъ, то болѣе глубокихъ и отверстыхъ, нежели на обитаемой нами, то хотя и глубокихъ, но имѣющихъ меньшія, въ сравненіи съ нашими, ущелія; а есть мѣста и не столь глубокиа, какъ здѣсь, за то обширнѣйшія. Всѣ они подъ землею соединены многими узкими или широкими прокопами и приведены въ сообщеніе посредствомъ каналовъ, которыми обильныя воды льются изъ однихъ въ другія, какъ въ чаши. Подъ землею есть также необозримое множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной; есть много и огня, великихъ огненныхъ рѣкъ, много рѣкъ и болотистыхъ, то болѣе чистыхъ, то болѣе грязныхъ, какъ въ Сициліи рѣки грязи¹, предшествующія огненному потоку, и самый потокъ. Ими наполняется

¹ Явно, что здѣсь говорится объ изверженіяхъ отны и о потокахъ извергаемой ею лавы.

каждое мѣсто, и каждому по временамъ случается испытывать ихъ разливъ. Все это движется вверхъ и внизъ, какъ будто въ землѣ есть какое-то качаніе. Не происходитъ ли оно отъ слѣдующей причины? Одно изъ ущелій земли особенно велико и проложено насквозь чрезъ всю землю, — то самое, о которомъ упоминаетъ Гомеръ ¹, говоря:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землею глубочайшая бездна,

и которое въ различныхъ мѣстахъ, какъ онъ, такъ и многіе другіе шоты называютъ тартаромъ. Въ это именно ущеліе сливаются и изъ него опять выливаются всѣ рѣки. Причемъ каждая становится такою, какова земля, по которой она течетъ. Причина же, почему всѣ рѣки отсюда вытекаютъ и сюда стекаются, состоитъ въ томъ, что эта жидкость не имѣетъ ни дна, ни опоры, и потому находится въ состояніи качанія и поднимается вверхъ и внизъ. То же дѣлаютъ вокругъ ея самый воздухъ и вѣтеръ; ибо и они слѣдуютъ за нею. Когда вода стремится сперва къ одной, потомъ къ другой земной оконечности, то какъ дышущіе всегда выдыхаютъ и вдыхаютъ въ себя потокъ воздуха, такъ и тамъ воздухъ, увлекаемый качаніемъ воды, при входѣ и выходѣ, производитъ ужасные необоримые вѣтры. Доходя въ своемъ стремленіи до мѣста, называющагося нижнимъ, вода разливается по рѣкамъ, текущимъ изнутри земли и наполняетъ ихъ, подобно наливальщикамъ; а убѣгая оттуда и притекая сюда, опять обогащаетъ здѣшніе потоки, которые отъ избытка водъ вливаются и въ каналы, и въ землю, и, достигнувъ до известныхъ мѣстъ по принятому направленію, образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Отсюда уже, обращаясь подъ землю по совершеннѣйшій путей, то должайшихъ и большіихъ, то кратчайшихъ и меньшихъ, потоки снова изливаются въ тартаръ, — одни очень низко, въ сравненіи съ истокомъ, другіе не такъ; впрочемъ устья всѣхъ ихъ вообще ниже истока. Притомъ нѣкоторые изъ нихъ вытекаютъ со стороны противоположной своему впаденію, а нѣкоторые съ той же. Есть и такіе, которые, трижды или много разъ обошедши вокругъ земли и обвинивши ее змѣеобразно, спускаются до крайней возможной глубины и потомъ опять вливаются. Возможно же этимъ водамъ лишь достигнуть средоточія земли съ той и другой стороны, но далѣе стремиться онѣ не могутъ; потому что вода, откуда бы ни втекала, за средоточіемъ непременно пойдетъ уже въ верхъ. Такихъ-то водныхъ потоковъ много, и великихъ, и различныхъ: но между многими есть еще четыре особенныя. Изъ этихъ четырехъ самый большой и снаружи обтекающій землю есть такъ называемый Океанъ. Прямо противъ него, въ противоположномъ

¹ Указывается на мѣсто Илиады въ книгѣ восьмой ст. 13.

направлені, течеть Ахеронъ, пробѣгающій по пустыннымъ мѣстамъ и кромѣ того уходящій подѣ землю и изливающійся въ озеро Ахерусію, куда приходятъ души многихъ умершихъ, и гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются на predetermined время, то должайшее, то кратчайшее, а потомъ посылаются опять въ порожденія животныхъ. Третья рѣка выходитъ среди ихъ и, не далеко отъ истока, вступивъ въ большое пространство, горящее великимъ пламенемъ, образуетъ озеро обширнѣе нашего¹ моря, кипящее водою и грязью. Оттуда, мутная и грязная, она совершаетъ свой кругъ, обходитъ различныя мѣста и достигаетъ до послѣднихъ предѣловъ Ахерусіи, но не смѣшивается съ нею водъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавъ много изворотовъ подѣ землею, она изливается въ самыя низкія мѣста тартара. Эту-то рѣку называютъ Пери-флегетонъ, и изъ нея-то огненные потоки, иногда появляющіеся на землѣ, заимствуютъ свое вещество. Прямо противъ нея выходитъ четвертая и направляется сперва въ мѣсто, какъ говорятъ, страшное и дикое. Она имѣетъ вполнѣ цвѣтъ сафира и называется Стигійскою, а озеро, образуемое ею при впаденіи, Стиксомъ. Впадая въ него и обладая чрезвычайною силою своей воды, она течетъ подѣ землю, изворачиваясь идетъ противъ Перифлегетона¹ и встрѣчается съ нимъ въ Ахерусіи. Ея вода не смѣшивается также ни съ какою другою, но, совершивъ свой кругъ, вливается въ тартаръ противъ Перифлегетона. Поэты даютъ ей имя Коцита. При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда каждаго ведетъ духъ, и прежде всего подвергаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, кто нѣтъ. Тѣ, которыхъ жизнь оказывается посредственною, идутъ къ Ахерону и, свѣтъ на колесницы, какія у кого есть, отправляются на нихъ къ озеру. Тамъ они обитаютъ и очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣланное добро по заслугамъ получаютъ награду. Людей же, по великости грѣховъ оказавшихся неисцѣлимыми, либо многократно осквернившихъ себя важными святохищеніями, либо совершившихъ многія несправедныя и незаконныя убійства, либо сдѣлавшихъ чтонибудь иное тому подобное, этихъ людей судьба, приведши, бросаетъ въ тартаръ, откуда они уже не выходятъ. Но люди, совершившіе грѣхи, хотя и исцѣлимые, однакожь великіе, напримѣръ въ гнѣвъ сдѣлавшіе насиліе отцу, либо матери, и прожившіе остальную жизнь въ раскаяніи, или понесшіе пятно челоуѣкоубійства какимънибудь другимъ образомъ — эти люди необходимо таки низвергаются въ тартаръ; только по прошествіи годичнаго времени ихъ тамъ пребыванія, волна выбрасываетъ челоуѣкоубійцъ въ Коцитъ, а согрѣшившихъ противъ родителей въ Перифлегетонъ. И когда

¹ Т. е. Средиземнаго.

они приносимы бываютъ въ озеро Ахерусію, то кричать и зовутъ—одни тѣхъ, кого убили, другіе тѣхъ, кого оскорбили; призываѣ же, просятъ и умоляютъ, чтобы они соизволили имъ войти въ озеро и приняли ихъ, и если убѣдятъ, то выходятъ и избавляются отъ золь, а когда нѣтъ, то опять уносятся въ тартаръ и изъ тартара снова въ рѣки, и эти страданія ихъ могутъ прекратиться только по смягченіи обиженныхъ. Такое ужъ наказаніе опредѣлено имъ судіями. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіяся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣсть, какъ изъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ надъ землею. Впрочемъ и между ними лишь души, достаточно очистившіяся философіею, живутъ вовсе безъ тѣлъ во всю вѣчность и вселяются въ жилища, прекраснѣе земныхъ, въ такія жилища, какія теперь изобразить и не легко и некогда. Такъ вотъ по той-то, сейчасъ нами раскрытой, причинѣ, Симміасъ, надобно употребить все способы, чтобы быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ: хороша вѣдь награда и велика надежда. Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я рассказалъ, человѣку умному не годится: но что касательно нашихъ душъ и ихъ жилища будетъ нѣчто такое или тому подобное, — въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется, и необходимо и можно рѣшиться: ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя. Потому-то я и распространился въ рассказѣ объ этомъ мнѣ. А когда такъ, то человѣкъ долженъ быть спокоенъ за свою душу, если въ жизни онъ распостился съ нѣкоторыми удовольствіями и украшеніями тѣла, будто съ вещами себѣ чуждыми и приносящими больше вредъ. Стараясь искать удовольствія въ познаніи и украшая душу, не чуждыми, но дѣйствительно ей свойственными украшеніями, то есть, здравомысліемъ, справедливостію, мужествомъ, свободою и истинною, онъ ждетъ путешествія въ преисподнюю и готовъ итти туда по первому зову судьбы. Вотъ и вы, Симміасъ и Кебетъ, продолжалъ онъ, и всѣ другіе какънибудь и когданибудь отойдете; а меня теперь же зоветъ судьба, сказалъ бы трагикъ, и мнѣ почти пора уже приступить къ омовенію, ибо выпить ядъ, кажется, лучше вымывшись, чтобы не доводить женщинъ до труда омывая умершаго.

Когда онъ сказалъ это, то Критонъ примолвилъ: пусть такъ, Сократъ! но что поручишь ты имъ или мнѣ касательно своихъ дѣтей, либо чего другаго? Поручи какоенибудь дѣло, которымъ мы могли бы доставить тебѣ удовольствіе. — Говорю то же самое, Критонъ, что всегда: ничего новаго, отвѣчалъ онъ. Если вы будете заботиться о себѣ, то что бы вы ни сдѣлали, сдѣлаете добро и для меня, и для моихъ, и для васъ самихъ, хотя бы теперь и не общались. А когда вознерадите о себѣ и не захотите жить по сказаннымъ нынѣ

и въ прежнее время словамъ моимъ, — будто ходить по проложенной стезѣ; то, хотя бы теперь многое и съ увѣренностію общади, ничего не сдѣлаете. — Мы вѣрно будемъ такъ поступать, продолжалъ Критонъ: но какимъ образомъ похоронить тебя? — Какимъ вамъ угодно, если только схватите меня, и я не убѣгу отъ васъ. Тутъ, слегка засмѣявшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ: не вѣрять мнѣ Критонъ, друзья, что настоящій Сократъ тотъ, который теперь разговариваетъ и поставяетъ въ порядкъ каждое свое слово, а не тотъ, котораго онъ скоро увидитъ мертвымъ, и спрашиваетъ, какъ меня похоронить. Видно, говоря такъ долго, что, выпивши дѣдъ, я не останусь съ вами, но отойду къ счастливой жизни блаженныхъ, видно, эти мои слова, по его мнѣнію, сказаны б. или только для утѣшенія васъ и меня. Дайте же за меня Критону ручательство, противное тому, какое онъ далъ моимъ судіямъ. Онъ поручился, что я останусь, а вы поручитесь, что послѣ смерти не останусь, но уйду: тогда ему будетъ легче перенести это; тогда, видя мое тѣло сожигаемымъ или закапываемымъ, онъ устыдится своей скорби, какъ будто я потерпѣлъ нѣчто жестокое, и при погребеніи не скажетъ, что кладетъ, выносить и погребаетъ Сократа. Да, знай, добрый Критонъ, продолжалъ Сократъ, что нехорошее объ этомъ слово не только унижительно для самаго дѣла, но и вредно для душъ. Нѣтъ, надобно быть спокойнымъ и говорить, что ты погребашь мое тѣло, и погребай, какъ тебѣ угодно, особенно же какъ думаешь совершить это согласнѣе съ закономъ.

Сказавъ такимъ образомъ, онъ всталъ и пошелъ въ другую комнату мыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ приказано остаться. Оставшись, мы разговаривали между собою о сказанномъ, возобновляли въ памяти бывшее разсужденіе и наконецъ, пришедши къ мысли о предстоящемъ намъ несчастіи, живо вообразили себѣ, что, лишившись Сократа, будто отца, мы въ дальнѣйшей своей жизни будемъ сиротами. Едва онъ омылся, какъ принесли къ нему дѣтей, — у него было два маленькихъ сына, да одинъ большой, — и пришли домашнія женщины¹. Поговоривъ съ ними въ присутствіи Критона и давъ имъ наставленіе, какое хотѣлъ, онъ приказалъ удалиться и женщинамъ, и дѣтямъ, а самъ вошелъ къ намъ. Между тѣмъ приближалось захожденіе солнца, ибо онъ долго оставался во внутренней комнатѣ. Вошедши, онъ сълъ омытый и тутъ уже разговаривалъ немного. Потомъ пришелъ

¹ Нѣкоторые критики, основываясь на этомъ мѣстѣ, не въ шутку доказывали, что у Сократа было дѣвѣ жены: Ксантиппа и Миртона. Они подтверждали свое мнѣніе значеніемъ слова *γυνή*, будто бы, то есть, оно означаетъ не женщину, а жену: — явная ложь. Притомъ здѣсь упоминаются не *αὐτῶν γυναικῶν*, а *οἰκίαν γυναικῶν*, то есть домашнія женщины.

приставъ одиннадцати судей и, ставъ предъ ними, сказалъ: Сократъ! На тебя конечно я не буду жаловаться, какъ жалуюсь на другихъ, которые бранятъ меня и проклинаютъ, когда я, по приказанію судей, объявляю имъ, что надобно выпить ядъ. Въ продолженіи этого времени я и вообще узналъ тебя, какъ человѣка благороднѣйшаго, кротчайшаго и добрѣйшаго изъ всѣхъ, какіе когда нибудь сюда приходили, а теперь еще яснѣе вижу, что ты будешь досадовать не на меня, — ибо знаешь виноватыхъ, — а на нихъ. И такъ ты конечно догадываешься, съ какою вѣстію я пришелъ къ тебѣ: будь счастливъ и постарайся подвергнуться необходимости. При сихъ словахъ онъ заплакалъ и, повернувшись, ушелъ. А Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ: будь счастливъ и ты, и мы тоже будемъ. Потомъ, обратившись, примолвилъ: какой обходительный человѣкъ! Онъ во все это время прихаживалъ ко мнѣ и иногда разговаривалъ: человѣкъ очень добрый! Вотъ и теперь искренно оплакиваетъ меня. Ну-ка послушаемся его, Критонъ: пусть кто нибудь принесетъ ядъ, если онъ стертъ; а если нѣтъ, то пусть сотрутъ. — Но я думаю, Сократъ, сказалъ Критонъ, что на вершинахъ горъ солнце еще свѣтитъ, не закатилось. Притомъ знаю, что другіе, по выслушаніи объявленія, выпивали очень поздно, ибо много ѣли и долго шировали; а иные даже удовлетворяли сладострастнымъ своимъ пожеланіямъ съ бывшими у нихъ любезными. Такъ не съѣвши же: время еще позволяеть. — Ты, о которыхъ ты говоришь, Критонъ, сказалъ Сократъ, по крайней мѣрѣ не безъ причины такъ поступали: въ этихъ дѣйствіяхъ они думали найти свою пользу. Напротивъ я не имѣю причины поступить такимъ образомъ; потому что, принявъ ядъ нѣсколько поздне, ничего не выиграю, а только буду смѣшенъ самому себѣ, то есть, буду привязываться къ жизни и беречь ее, когда она для меня ничто. Такъ послушайся же: сдѣлай, что я говорю. — Выслушавъ это, Критонъ далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ выпелъ и чрезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою человѣка, долженствовавашаго дать ядъ и державшаго въ рукѣ чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: хорошо, добрый человѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ этого. — Больше ничего, отвѣчалъ онъ, какъ выпить и ходить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ; потомъ лечь: такъ и будетъ дѣйствіе. — И тутъ же подалъ Сократу чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтъ, ни въ лицѣ, а только, по обыкновенію, взглянувъ изподлѣбя на этого человѣка, спросилъ: что ты скажешь? сдѣлать бы отъ этого напитокъ кому нибудь возліаніе: можно или нѣтъ? — Мы столько стерли, Сократъ, сколько надобно выпить, отвѣчалъ онъ. — Понимаю, примолвилъ Сократъ; по крайней мѣрѣ вѣдь молить боговъ о благополучномъ переселеніи отсюда туда и позволятельно и должно:

такъ вотъ я и молюсь, чтобы такъ было. Сказавъ это, онъ въ ту же минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее. До этой минуты многіе изъ насъ имѣли довольно силы удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и выпилъ, то уже нѣтъ; даже у меня самого насильно и ручьями полились слезы, такъ что я закрылся плащомъ и оплакивалъ свою участь,— да, именно свою, а не его, потому что я лишился такого друга. Что же касается до Критона, то, не могши удержать слезъ, онъ всталъ еще прежде меня. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать; а тутъ уже зарыдалъ, завопилъ и такъ терзался, что никто изъ присутствовавшихъ не могъ не сокрушаться его страданіями, кромѣ одного Сократа. — Что вы дѣлаете, странные люди, сказалъ онъ? Я для того между прочимъ отослалъ женщинъ, чтобы онъ не произвелъ чего нибудь подобнаго; ибо слышалъ, что умирать надобно съ добрымъ словомъ. Пожалуйста успокойтесь и удержитесь. — Услыхавъ это, мы устыдились и удержали слезы; а онъ ходилъ и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничъ: такъ приказалъ тотъ человекъ. Вскоръ онъ-же, давшій ядъ, ошупывая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и наконецъ, сильно надавивши ногу, спросилъ: чувствуетъ ли? — Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ. — Вслѣдъ за этимъ ошупывалъ бедра и такимъ образомъ, восходя выше, показывалъ намъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ и окостенѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и примолвилъ, что когда дойдетъ ему до сердца, то онъ умретъ. Между тѣмъ всѣ нижнія части его тѣла уже охолодѣли: тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были послѣднія слова его): Критонъ! Мы должны Эскулапу пѣтухомъ; не забудьте же отдать. — Хорошо, сдѣлаемъ, отвѣчалъ Критонъ; но смотри, не прикажешь ли чего другаго? — На эти слова уже не было отвѣта; только не много спустя онъ вздрогнулъ, и тотъ человекъ открылъ его: уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, Электратъ, — человека, можно сказать, самаго лучшаго, какъ между извѣстными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливѣйшаго.

ЭПИЛОГЪ КЪ ПЕРЕВОДУ ФЕДОНА —

О ПЛАТОНОВЫХЪ МИФАХЪ *.

Неподалеку отъ Афинъ, этой метрополѣи всего, что классическая древность произвела великаго и прекраснаго, пролегла дорога, которая вела отъ такъ называемыхъ «двойныхъ воротъ» города черезъ предмѣстѣе Керамикъ, мимо памятниковъ гражданъ павшихъ въ битвѣ, къ саду, лежавшему подъ горой въ низменномъ мѣстѣ¹. Этотъ садъ, расположенный близъ прославленнаго въ одной изъ трагедій Софокла, холма Колонскаго, во время лѣта орошался ключами, стекавшими съ горы Ликабетта — и даже теперь довольно свѣжая зелень покрываетъ это мѣсто и въ то время года, когда вся окрестность представляетъ обнаженную равнину, выжженную солнечнымъ зноемъ. Садъ назывался Академѣй, по имени владѣльца, подарившаго его городу. Онъ былъ обнесенъ стѣнами; въ немъ росли роскошныя платаны, далеко простиравшія свою густую, прохладную тѣнь. При входѣ, по описанію Пав-

* Вопросъ о Платоновыхъ мифахъ имѣетъ большую важность для вѣрнаго пониманія и оцѣнки Федона, именно въ той его части, которая можетъ наиболее удивить новѣйшаго читателя. Мы говоримъ о мѣстахъ, относящихся къ представленіямъ Платона о загробной жизни (о судѣ, очищеніи, переселеніи душъ). Поэтому считаемъ полезнымъ помѣстить здѣсь, въ видѣ эпилога къ переводу Федона, извлеченіе изъ одной нѣмецкой брошюры, дающей читателю возможность составить себѣ понятіе о Платоновыхъ мифахъ на основаніи слѣденія ихъ между собою. Нѣмецкое заглавіе этой брошюры слѣдующее: *Die Mythen des Plato. Ein Vortrag, gehalten am 2 Februar 1852 von G. Schwanitz, Professor am Gymnasium zu Eisenach. Leipzig 1852.* Извлеченіе сдѣлано г. студентомъ Живаго. Изд.

¹ См. *Topographie Athen's von W. Martin Leake, übersetzt von J. G. Baiter und H. Sauppe, Zürich 1844, стр. 144, 145, 259, 443 с.л. Pausanias Attic. 50, 1. K. Fr. Hermann Geschichte und System der platonischen Philosophie S. 77.*

санія, возвышался жертвенникъ Эрота съ надписью, гласившею, что нѣкто Хармосъ былъ первый Аѳинянинъ, отъ котораго получалъ приношеніе богъ любви. Здѣсь-то, прогуливаясь въ тѣнистыхъ аллеяхъ этого сада или Академіи, училъ и трудился мыслию мужъ, имя котораго въ продолженіе тысячелѣтій не переставало произноситься съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, наставникъ всѣхъ образованныхъ народовъ въ мудрости, — Платонъ, славный ученикъ великаго Сократа. Здѣсь, вокругъ знаменитаго философа, собирались слушатели, которыхъ привлекала со всѣхъ концовъ Греціи ¹ слава его мудрости; здѣсь сбывался пророческій сонъ Сократа ²... Молодой лебедь, такъ видѣлось Сократу во снѣ, поднялся съ жертвенника посвященнаго въ Академіи Эроту, опустился на Сократова лоно и потомъ съ гармоническою пѣснью полетѣлъ къ небу. Когда вскорѣ послѣ того Платонъ пришелъ къ Сократу съ своимъ отцемъ Аристономъ, Сократъ угадалъ въ выразительныхъ чертахъ юноши мощный духъ своего будущаго ученика и, обратясь къ друзьямъ, сказалъ: «вотъ онъ — лебедь нашей Академіи!»

Я не имѣю въ виду выводить здѣсь блестящій рядъ учениковъ, которые по аллеямъ Академіи слѣдовали за любимымъ наставникомъ, отцемъ ихъ по духу; не стану вызывать изъ мрака вѣковъ нравственный образъ самого учителя; не берусь также раскрыть все богатство тайнаковъ мудрости, кроющихся въ его безсмертныхъ твореніяхъ: для этого потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ на сколько я могу рассчитывать ³. Настоящее разсужденіе имѣетъ цѣлью — побесѣдовать о мистическомъ, или лучше аллегорическомъ изложеніи, которое мы такъ часто встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Платона ⁴.

¹ K. Fr. Hegmann I. I. S. 80

² *Archieve de habitudine doctrinarum* I. 1.

³ Это сочиненіе есть рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи. *Мэд.*

⁴ Alb. Jahn въ своемъ сочиненіи: *Dissertatio Platonica, qua tum de causa et natura mythorum Platoniorum disputatur, tum mythus de amoris ortu, sorte et indole, a Diotima in Convivio narratus explicatur*, говоритъ весьма пространно о мифахъ Платона и предлагаетъ слѣдующее раздѣленіе ихъ, р. 31 sq. По его мнѣнію въ сочиненія Платона входятъ мифы троякаго рода: *fabula theologica sive religiosa, fabulae genus, quod cum philosophia de anima conjunctum est, fabula cosmogonica* и *fabula physica*. Впрочемъ какъ въ древности, такъ и въ новѣйшее время Платонъ подвергался частымъ нареканіямъ за введеніе мифовъ въ философское изложеніе. Такъ Макробій приводитъ слова Колота, ученика Эпикурова, *Somp. Scipion. I. 1*: «Философъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ прибѣгать къ вымыслу, ибо всякій вымыселъ не приличенъ провозвѣстивши истину. Если ты, о Платонъ, хотѣлъ научить насъ познанию дѣлъ небесныхъ, если ты хотѣлъ объяснить намъ природу нашей души, а гдѣмъ не сдѣлалъ ты этого въ простомъ и прямомъ изложеніи? Вымышленныя лица, азѣйливо придуманныя событія и сложности всей обстановки твоихъ вымысловъ оскверняютъ ложью, такъ сказать, самыя врата истины. И въ новѣйшее время явномъ не разъ подавали поводъ къ нападеніямъ на Платона. Литературу этикъ ищидокъ см. у Яна I. I. стр. 128 слл.

Какой характеръ имѣеть видѣніе человека во время его земной жизни? въ какомъ отношеніи стоятъ между собою видимое и мыслимое? вотъ вопросы, съ которыми мы прежде всего обращаемся къ философіи. Въ началѣ седьмой книги Платонова «Государства» мы находимъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ слѣдующей, столь извѣстной всѣмъ аллегорической картинѣ. «Представь себѣ», говоритъ онъ, «людей заключенныхъ въ подземной пещерѣ, которой входъ обращенъ къ свѣту и ведетъ далѣе въ глубину пещеры. Представь себѣ, что у этихъ людей отъ младенчества скованы и ноги и шея, такъ что они должны оставаться въ совершенной неподвижности и могутъ смотрѣть только впередъ, но причивъ оковы не имѣя возможности оборотиться назадъ. Представь себѣ далѣе, что у нихъ за спиною свѣтъ, исходящій отъ огня, зажженнаго въ отдаленіи на большой высотѣ, что между этимъ огнемъ и мѣстомъ, гдѣ сидятъ узники, есть путь для нихъ конечно не видимый, и что поперекъ этого пути идетъ стѣна. Теперь, если вдоль этой стѣны будутъ проходить люди, неся различныя изваянія и другую утварь изъ камня или дерева, и эти предметы будутъ возвышаться надъ стѣною; если мы предположимъ притомъ, что одни изъ этихъ людей будутъ говорить, а другіе будутъ ходить молча: то не естественно ли, что каждый изъ узниковъ, не вида ни себя самого, ни своихъ товарищей, будетъ видѣть только однѣ тѣни, которыя отражаются на противоположной свѣту сторонѣ пещеры? Столько же увидятъ они и отъ всѣхъ проносимыхъ мимо предметовъ. Если мы предположимъ далѣе, что имъ дано позволеніе говорить между собою, то они конечно назовутъ всѣ эти предметы по своему и будутъ судить о нихъ. И когда голоса разговаривающихъ, отражаясь отъ противоположной стѣны темницы, будутъ достигать ихъ слуха, то не подумаютъ ли они, что голоса эти принадлежатъ мелькающимъ мимо тѣнямъ? Они никакъ не поверятъ, чтобы могло существовать что нибудь другое, кромѣ этихъ тѣней. Предположимъ наконецъ, что одному изъ связанныхъ удалось освободиться, и онъ получилъ бы возможность стать на ноги и повернуть шею. Если бы потомъ онъ подвѣлъ глаза и принужденъ былъ взглянуть на свѣтъ, то конечно, вслѣдствіе внезапнаго перехода отъ темноты къ свѣту, онъ почувствовалъ бы боль въ глазахъ, попытывъ обратилъ бы къ тому, на что онъ смотрѣлъ прежде, и сталъ бы считать этотъ полусвѣтъ, который онъ видѣлъ прежде, болѣе свѣтлымъ, нежели тотъ новый свѣтъ, который ему показывается теперь. Но, постепенно привыкая къ новому явленію, онъ дошелъ бы наконецъ до того, что сталъ бы ясно различать всѣ предметы и при полномъ дневномъ освѣщеніи. Тогда онъ почелъ бы себя счастливымъ, что ему удалось освободиться отъ призраковъ и открыть истину, а о положеніи тѣхъ, которые остались скованными въ пещерѣ, сталъ бы сожалѣть и скорѣе

согласился бы на все, чѣмъ возвратиться къ прежнему несчастному состоянію. Но еслибы, не смотря на то, ему вздумалось навѣстить въ пещеръ своихъ прежнихъ товарищей, то эти послѣдніе непременно стали бы надъ нимъ смѣяться и сочли бы его безумцемъ. Они подумали бы, что глаза его повреждены отъ пребыванія на верху. Мало того, они условились бы между собою, чтобы никто не осмѣливался выходить на верхъ, а того, кто, убѣжавъ какимъ нибудь образомъ изъ оковъ, попался бы имъ опять въ руки, они бы непременно умертвили.» — Такъ изображаетъ Платонъ ограниченность человѣческаго разумія. Всѣ мы смертные, по понятію Платона, какъ бы связаны узами, и оттого можемъ видѣть только тѣни предметовъ, а не самыя предметы, каковы они въ сущности. «Только восходя къ свѣту, мы дѣлаемся способны созерцать божественныя изображенія и видѣть не однѣ только тѣни ихъ. Силу для этого даетъ занятіе мудростью». «Дабы чело­вѣкъ могъ придти въ полное сознаніе, необходимо, чтобы онъ какимъ нибудь образомъ увидѣлъ божественное.»

На эту послѣднюю мысль Платонъ также набросилъ покрывало поэзін, предложивъ въ Федръ ту прекрасную аллегорическую картину, которой во все времена такъ много удивлялись и такъ часто старались подражать. Что такое душа сама по себѣ, по мнѣнію Платона, опредѣлить трудно, но ее можно уподобить окрѣпленнымъ конямъ, которыми управляетъ возница. Этотъ возница — разумъ, который долженъ властвовать въ чело­вѣкѣ, а крылья означаютъ стремленіе чело­вѣческой души къ божеству; по мѣрѣ ихъ ббльшей или меньшей силы, они возносятъ чело­вѣка къ небесному и божественному, или опускаются съ нимъ къ земному и смертному. У боговъ равно исправны и кони и возницы, а у смертныхъ кони не все равнаго достоинства — одинъ конь добрый, а другой совершенно напротивъ — и это чрезвычайно затрудняетъ управленіе колесницей. Души, которыя слишкомъ поддаются своенравному, похотливому коню, растериваютъ перья изъ крылій, между тѣмъ какъ у другихъ душъ крылья крепнуть и отрастаютъ. Перья даютъ душѣ силу возноситься горѣ — туда, гдѣ обитаютъ боги, и принимать участіе въ божественномъ. Божественнымъ и всѣмъ, что благо, перья питаются и растутъ, а отъ противнаго, отъ злаго и постыднаго, умаляются и исчезаютъ.—Когда великій небесный владыка Зевсъ обтекаетъ вселенную на своей окрѣпленной колесницѣ, приводя все въ стройный порядокъ, то его сопровождаетъ сонмъ боговъ и блаженныхъ духовъ, раздѣленный на одиннадцать отдѣловъ, и одна лишь Веста остается въ это время въ олимпійскихъ чертогахъ. Въ небесныхъ предѣлахъ много чудныхъ зрѣлищъ, способныхъ доставить блаженство; къ нимъ-то направляются боги, и за ихъ рядами вольно слѣдовать всякому, кто только хочетъ и можетъ. Когда боги отправляются къ своей свѣтлой трапезѣ,

гдѣ они питаются разуміемъ вѣчнаго и истиннаго, то ихъ колесницы, не взирая на крутизну пути, беспрепятственно достигаютъ цѣли, потому что онѣ могутъ соблюдать равновѣсіе, и кони легко повинуются браздамъ. Не такъ легко бываетъ другимъ путникамъ, не принадлежащимъ къ семьѣ боговъ. Съ трудомъ тащатся ихъ колесницы, потому что одинъ конь — плохой породы — гнется къ землѣ и только мѣшаетъ другому своею тяжестью, что причиняетъ душѣ великое страданіе и смятеніе. Напротивъ безсмертные боги, переправясь за окраины неба, достигаютъ вершины небснаго свода и останавливаются на его верхней поверхности. Отсюда они обозрѣваютъ все, что лежитъ за предѣлами видимаго неба, и наслаждаются созерцаніемъ горнаго міра, который еще не былъ и никогда не можетъ быть воспѣтъ по достоинству ниоднимъ поэтомъ. Они созерцаютъ по истинѣ сущее, вѣчную правду и вѣдѣніе въ его собственномъ, существенномъ видѣ. Насладившись созерцаніемъ, боги возвращаются въ свои чертоги, коней же возница отводитъ къ ясламъ, предлагаетъ имъ амбросію и нектаръ. Такова жизнь боговъ. А изъ другихъ душъ, которыя стремятся вслѣдъ за полетомъ боговъ, нѣкоторыя успеваютъ подняться такъ высоко, что голова возницы уже проникаетъ въ горній міръ, но ихъ тревожатъ кони, и имъ трудно взирать на истинно-сущее; то онѣ поднимаются вверхъ, то снова уносятся внизъ и, привужденныя безпрестанно поглядывать на своихъ коней, одно успеваютъ видѣть, а другаго вовсе не видятъ. Еще хуже тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ упряжи своенравнаго коня, т. е. которыя наклонны къ чувственнымъ пожеланіямъ. Онѣ не могутъ удержаться на внутренней поверхности неба и спокойно созерцать находящееся за предѣлами земнаго міра; кони ихъ упираются, сталкиваются между собою и бьются; виною неискреннихъ возницъ многія изъ нихъ бываютъ изувѣчены, у другихъ бываютъ повреждены крылья, и всѣ онѣ возвращаются, натерпѣвшись много всякаго горя и не удостоившись узрѣть истинно-сущее.

Вотъ въ быгломъ очеркѣ часть великолѣпной аллегоріи, предлагаемой Платономъ въ Федръ. «Если кто», говоритъ Аккерманъ въ известномъ сочиненіи¹, «въ минуты воспримчиваго настроенія души способенъ почувствовать всю свѣжую прелесть этой несравненной картины коней, въ которой Платонъ изобразилъ духовную жизнь человека, кто способенъ цѣлою, неразвлеченною ничѣмъ постороннимъ душою отдаться впечатлѣнію, которое производитъ лучезарное и вмѣстѣ глубоко таинственное величіе этой картины: тотъ можетъ ли не испытать на себѣ ея потрясающаго дѣйствія, воспаляющаго и вдохновляющаго все существо человека? Онъ ощутитъ живое присутствіе

¹ Ackermann, das Christliche im Plato. S. 134 ff.

и бессмертную силу того высокаго платоновскаго одушевленія, о которомъ такъ часто приходится слышать. Эта прославленная поэтическая роскошь и красота языка, которая была для насъ можетъ-быть не совсемъ замѣтна въ иныхъ мѣстахъ твореній Платона, здѣсь является она въ полномъ блескъ. Глубина Платоновой мысли, глубина, которая въ другихъ его сочиненіяхъ не всегда была способна пробудить наше сочувствіе, здѣсь она вдругъ раскрываетъ предъ нами всю необъятность своихъ сокровищъ.» «Душѣ», продолжаетъ Аккерманъ въ приведенномъ нами мѣстѣ, «отраднo, когда ей говорятъ объ ея божественномъ происхожденіи, и если ей передаютъ это какъ слѣдуетъ, она сей часъ сознаетъ и чувствуетъ, что ей сообщается самая чистая истина, хотя бы форма была самая поэтическая и мистическая».

Такъ вырази.тъ Платонъ въ прославленномъ мнѣн. Федра свое мнѣніе объ участіи избранныхъ душъ въ божественномъ. Не менѣе твердо онъ убѣжденъ, что послѣ разрушенія тѣла душа не перестаетъ существовать, что дѣйствіемъ премудраго промысла человѣку приготовлена за гробомъ другая, новая жизнь. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ Сократъ, по попятію Платона, считаетъ какъ бы своимъ земнымъ назначеніемъ — стремиться къ мудрости, изучать себя самого и другихъ, и ничто, ни самый страхъ смерти или какого бы то ни было другаго несчастія, не заставитъ его измѣнить этому подвигу, возложенному на него какъ бы самимъ Богомъ¹. Твердая увѣренность въ томъ, что съ окончаніемъ этой жизни мракъ и вѣчная ночь не поглотятъ всего человѣка, — эта твердая увѣренность проникаетъ по Платонову изображенію все существо Сократа и даже предъ лицомъ смерти сообщаетъ душѣ его спокойную, веселую ясность. «Если бы — говорить Сократъ въ Федонѣ², — я не думалъ, что во первыхъ пойду къ инымъ мудрымъ и благимъ богамъ, во вторыхъ къ умершимъ людямъ, лучшимъ, нежели эти: то былъ бы виноватъ, не скорбя при смерти. Но теперь знайте, что я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя не смѣю утверждать этого слишкомъ рѣшительно; а что предстану предъ добрыхъ владыкъ боговъ, это, повѣрьте, могу утверждать столько же несомнѣнно, какъ что либо другое. Потому-то я не скорблю, а надѣюсь, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ, какъ издревле скажется, гораздо лучше, нежели злымъ.» «Душа», говорить далѣе Платонъ въ томъ же разговорѣ³, «по смерти отходитъ въ

¹ Ср. объ этомъ пре метъ болѣе подробное изложеніе въ F. A. Nüsslin, *Platon's Apologie* S. 109 ff

² Phaedo p. 63 B. Выше стр. 27.

³ p. 80 B. Выше стр. 40 и 41.

другое чистое и безвидное мѣсто, въ преисподнюю, къ доброму и мудрому богу, куда, если угодно ему, сейчасъ должно идти и моей. Находясь тамъ, она будетъ наслаждаться блаженствомъ, чуждая и заблужденій, и страха, и дикихъ страстей.»

По понятіямъ Платона о нравственныхъ законахъ міроваго порядка, различна бываетъ судьба людей: иная предназначена тѣмъ людямъ, которые при жизни служатъ низкимъ страстямъ; иная бываетъ наградою тѣхъ, которые нравственною чистотою жизни содѣлываются достойными благоволенія и покровительства боговъ. Уже у Гомера въ Иліадѣ, когда Пріамъ слышитъ, что боги, любившіе Гектора при жизни, и послѣ его кончины видимо показали свое благоволеніе къ нему, то онъ, глубоко растроганный, говоритъ, что хорошо чтить боговъ, что сынъ, такъ рано похищенный у него, никогда не забывалъ Олимпійцевъ, и вотъ за то боги не забыли и его въ часъ смерти ¹. Въ «Государствѣ» Платона мы читаемъ, что людямъ, чтущимъ боговъ, все, ниспосылаемое богами, приноситъ благо. Бѣдность ли гнететъ такого человѣка, болѣзнь ли или какое другое несчастье удручаетъ его, все это, рано или поздно, при жизни или по смерти, обратится ему во благо, ибо не забудутъ боги того человѣка, который, стремясь по пути добродѣтели, старался уподобляться божеству въ нравственномъ совершенствѣ, сколько это возможно для смертнаго. Въ этомъ-то обнаруживается божественный промыселъ и божественное всевиднѣе, отъ котораго не можетъ утѣяться ни одно доброе и ни одно злое дѣло ². «Какъ бы ты ни былъ малъ и незамѣтенъ», говоритъ Платонъ въ другомъ мѣствѣ ³, «въ какихъ бы глубинахъ земли ты ни сокрылся, или какъ бы ты ни былъ высокъ, и даже если бы голова твоя досягала небесъ, — не укрыться тебѣ отъ праведнаго воздаянія, на землѣ ли ты будешь жить, низойдешь ли въ глубину Аида или въ какое еще болѣе ужасное мѣсто». Объ этомъ-то неизбежномъ и правосудномъ воздаяніи Сократъ напоминаетъ Калли-

¹ F. A. Nüsslin. S. 110: Уже въ древнѣйшемъ памятникѣ греческой литературы мы встрѣчаемъ благочестивую увѣренность, что подъ покровомъ всеобъемлющей любви боговъ ни въ жизни ни по смерти зло не коснется добраго человѣка, ибо добрыхъ людей любятъ боги и хранятъ ихъ подъ своею десницею. Для примѣра мы приводимъ изъ Иліады то мѣсто, гдѣ злополучный Пріамъ получаетъ отрадную вѣсть, что боги, любившіе его богобоязливаго сына при жизни, по смерти заботятся объ его смертныхъ останкахъ. Глубоко растроганный, царственный старецъ восклицаетъ:

Благо, мой сынъ, принести небожителямъ должныя дани!
Гекторъ—о если бы жилъ онъ!—всегда въ благодѣтельномъ дождѣ
Чтилъ безсмертныхъ боговъ, на великомъ Олимпѣ живущихъ.
Боги за то и по смертной кончинѣ его поминули!

² Resp. p. 612 E. 613 A.

³ Legg. p. 905 A.

к.лу ¹, своему запосчивому возражателью въ «Горгіа», насмѣхающемуся надъ добродѣтелью и справедливостью. Сократъ совѣтуетъ ему вспомнить объ этомъ послѣднемъ, загробномъ судѣ, который и его ожидаетъ, передъ которымъ онъ будетъ не менѣе безответенъ, какъ и передъ аѳинскими судьями. Упомянемъ, что о томъ же не дремлющемъ божественномъ правосудіи Софокль такъ говоритъ въ Колонскомъ Эдипѣ ²: «Размысли, что небесное око отверсто на благочестивыхъ смертныхъ: не забудь, что оно точно также видитъ и злодѣя, и что никакое бѣгство не спасетъ нечестивца, никакое убѣжище не укроетъ его». Въ «Государствѣ» полнѣе нежели въ другихъ сочиненіяхъ раскрываются прекрасныя возвышенныя воззрѣнія Платона о небесномъ правосудіи ³. Подъ конецъ X-ой книги «Государства» мы читаемъ, что боги вручаютъ палму победы благочестивымъ и праведнымъ, хотя на землѣ, между смертными, и не всегда водится такое правосудіе. Но уже и здѣсь, продолжаетъ Платонъ, мы видимъ преимущество на сторонѣ справедливыхъ. Дурныхъ людей Платонъ сравниваетъ съ бѣгунами, которые начинаютъ бѣгъ свой съ необыкновенною стремительностію, а кончаютъ тѣмъ, что бывають осмѣяны и сходятъ съ арены, спустивъ уши до плечъ и не получивъ вѣнка. А другіе бѣгуны достигаютъ цѣли, получаютъ награды, бывають увѣнчаны. Не такъ ли бываетъ съ людьми добродѣтельными? Они бывають счастливы при каждомъ дѣлѣ и во всякомъ общественномъ положеніи. Ихъ добродѣтель получаетъ награду отъ согражданъ; прійдя въ зрѣлый возрастъ, они занимають почетныя гражданскія должности и живутъ уважаемые и счастливые, между тѣмъ какъ люди дурные и несправедливые подвергаются порицанію, и въ старости ими гнушаются и сограждане и чужеземцы. Такъ отличаются злыя дѣла уже здѣсь на землѣ; но нѣтъ никакого сравненія между тѣми послѣдствіями, которыя злыя и добрыя дѣла ведутъ за собою въ земной жизни, и тѣмъ, что ожидаетъ человека по смерти. Приступая къ разсужденію о предметѣ такой важности, Платонъ снова прибѣгаетъ къ мифической оболочкѣ. «Можно сказать, что въ разговорахъ Платона философское изложеніе служитъ для того только, чтобы настроить духъ къ высшему пониманію и приготовить его къ воспріятію безконечнаго и божественнаго, заключеннаго въ платоновскихъ мифахъ, подобно тому какъ въ мистеріяхъ собственному созерцанію предшествовали предварительныя приготовленія и посвященія» ⁴. Свое ощущеніе безконечнаго

¹ Gorgias 327 A. Cp. T. Lewis's Plato against the atheists or the tenth book of the dialogue on laws (New-York 1845) p. 63. 334.

² Oedip. Colou. v. 278.

³ Rep. 613 B. sqq.

⁴ Слова Аста: Platons Leben und Schrift: S. 165.

и, говоря словами одного писателя ¹, свое предчувствие божественнаго откровения Платонъ не могъ выразить обыкновеннымъ языкомъ и потому скрылъ его подъ аллегорическимъ покровомъ, которымъ онъ такъ часто пользуется.

Но выслушаемъ самый мифъ, въ повѣствованіи Эра, сына Арменіева ². Этотъ Эръ палъ некогда въ битвѣ; на десятый день, между тѣмъ какъ тѣла другихъ убитыхъ уже подверглись разрушенію, его тѣло было найдено нисколько не поврежденнымъ и отнесено въ домъ, гдѣ онъ жилъ прежде. Когда въ двѣнадцатый день собрались совершить надъ нимъ обычный обрядъ погребенія, и тѣло его уже лежало на кострѣ, онъ вдругъ ожилъ и пересказалъ все видѣнное на томъ свѣтѣ. Когда душа его разсталась съ тѣломъ, онъ отправился въ путь и вмѣстѣ со многими другими душами прибылъ въ какое-то чудесное мѣсто, гдѣ находились одно подлѣ другаго два отверстія въ землѣ, и надъ ними такія же два отверстія на небѣ. На серединѣ между этими отверстіями сидѣли судьи, которые тотчасъ, по произнесеніи приговора, отсылали души справедливыхъ на небо чрезъ отверстіе, которое было на правой сторонѣ, а души грѣшниковъ должны были отправляться внизъ черезъ лѣвое отверстіе и, подобно осужденнымъ, получали значки, на которыхъ были выставлены всѣ ихъ дѣла. Когда очередь дошла до Эра, судьи объявили ему, что онъ избранъ — возвѣстить людямъ все, чтѣ здѣсь происходитъ, и чтобы онъ поэтому внимательнѣе за всѣмъ наблюдалъ и ко всему прислушивался. И вотъ онъ увидѣлъ, какъ на одной сторонѣ души, по произнесеніи надъ ними приговора, черезъ отверстія поднимались на небо или опускались въ землю, а въ это же самое время на другой сторонѣ изъ земли выходили души, покрытыя грязью и пылью, между тѣмъ какъ другія спускались съ неба. Какъ тѣ, такъ и другія, по видимому, возвращались послѣ долгаго странствованія и съ радостію спѣшили на лугъ судилища ³,

¹ Prince la Muse de Platon: «Изъ всѣхъ философовъ древности Платонъ наиболѣе проникнутъ живымъ и глубокимъ чувствомъ безконечнаго, хотя онъ никогда не употребляетъ этого слова въ томъ значеніи, какое мы привыкли придавать ему (*άπειρον* у него безпредѣльное). Кругъ его идей простирается далеко за собственные предѣлы его философской системы. Никто изъ древнихъ не обнаружилъ къ такой степени, какъ онъ, предчувствія откровенія. Чувствомъ безконечнаго, предощущеніемъ божественнаго откровенія, которыхъ онъ не могъ выразить на обыкновенномъ языкѣ, дышать въ особенности его мифы, которые онъ такъ охотно употребляетъ»

² Resp. p. 614 B. sqq. Ср. изд. Штадльбаума Fr. Ast l. I. S. 340. K. Fr. Hegmann l. I. S. 540., G. F. Rettig Prolegomena ad Platonis Rempublicam p. 280.

³ Этотъ лугъ много разъ встрѣчается у Платона, ср. Gorg. p. 524 A. Phaedr. p. 248 B. Въ этомъ мѣстѣ Федра лугъ названъ полями вѣчной истины, на которыхъ пасутся души умершихъ. Это названіе особенно часто встрѣчается у позднѣйшихъ писателей. См. Fr. Ast, Annotationes ad Platonis Opera T. I. p. 422.

гдѣ онѣ располагались какъ будто для веселой бесѣды. Души знакомыя между собою обвинялись прѣвѣтствіями: тѣ, которыя вышли изъ земли, спрашивали сошедшихъ съ неба, и обратно. Первые со слезами и стонами рассказывали о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ онѣ подвергались во время своего подземнаго странствованія, и что это странствованіе было тысячекратнее; напротивъ души, возвращавшіяся съ неба, перевозносили небесныя радости и чудныя зрѣлища, которыми онѣ тамъ наслаждались. Чтобы передать все это, говорить Сократъ, обращаясь къ Главку, потребовалось бы слишкомъ много времени. Но если выразиться въ короткихъ словахъ, то смыслъ всего сказаннаго Эрозъ будетъ тотъ, что всякій за совершенное зло претерпѣваетъ на томъ свѣтѣ десятикратное наказаніе, которое возобновляется каждыя сто лѣтъ, потому что таково наибольшее продолженіе человѣческой земной жизни. Въ такихъ же размѣрахъ благочестивые и справедливые получаютъ достойныя награды. Съ особенною строгостію наказываются нечестіе противъ боговъ и родителей; не менѣе строгое наказаніе ожидаетъ и самоубійць. Примѣромъ этого можетъ служить тиранъ Ардіей, жившій въ давнее время въ одномъ городѣ Памфиліи. Онъ умертвилъ своего престарелаго отца и старшаго брата, и совершилъ еще много другихъ преступленій. Когда онъ умеръ и вмѣстѣ съ другими злодѣями приступилъ къ отверстію, черезъ которое души восходятъ на небо, то оно не приняло ихъ. Одинъ изъ нихъ пытался проникнуть, но изъ отверстія послышался страшный ревъ, и явились огненные страшные люди, которые схватили Ардія и другихъ злодѣевъ, связали ихъ по рукамъ и по ногамъ, содрали съ нихъ кожу, влчили ихъ по тернивому пути и сказывали всѣмъ проходящимъ, что они наказываются за свои преступленія и будутъ брошены въ тартаръ. Потому души, приближаясь къ отверстію, испытываютъ наибольшій страхъ. Онѣ долго трепещутъ, боясь услышать тотъ страшный звукъ, и съ невыразимою радостью совершаютъ восхожденіе, если все остается тихо. Пробывъ семь дней на лугу судилища, души должны бы и снова отправиться въ путь и черезъ четыре дня достигли мѣста избранія повои жизни, откуда онѣ могли обозрѣвать строеніе всего неба. Онѣ увидѣли отсюда, какъ небо поясомъ свѣта связано на обонхъ концахъ міровой оси, которая словно веретено покоится на лонѣ Необходимости. На этомъ веретенѣ прядутъ нити жизни три Мойры, дочери Необходимости. По прибытіи сюда всѣ души немедленно направились къ одной изъ трехъ Мойръ, къ Лахесисъ. Вѣстникъ, разстановивъ ихъ по порядку, взялъ съ колѣнъ Судбы пѣсколька жребіевъ жизни разныхъ животныхъ и разныхъ человѣческихъ характеровъ. Потомъ, обратясь къ предстоявшимъ, онъ произнесъ слѣдующее: «Такъ вѣщаетъ Лахесисъ, дочь Необходимости. Души дня! Начинается новое, приводящее къ смерти, обращеніе смертнаго поколѣнія.

Вы можете избрать себѣ новую жизнь, но берегитесь: вамъ нужно много благоразумія, чтобы, обманувшись вышностию, не предпочесть худшаго рода жизни лучшему. Выборъ предоставляется каждому изъ васъ на волю, и божество не будетъ виновно, если кому либо изъ васъ выпадетъ дурной жребій. Тогда души начали выбирать жребіи, и большею частью всѣ выбирали сообразно съ привычками протекшей земной жизни и старались получить тотъ же или по крайней мѣрѣ близкій къ прежнему родъ жизни, а нѣкоторыя души избирали даже жизнь животныхъ. Послѣ выбора жребіевъ всѣ снова приблизились къ Лакесію— и каждая душа получила отъ нея духа-хранителя. За тѣмъ каждый духъ-хранитель подводилъ вѣренную ему душу сперва къ Клоо, а потомъ къ Атропосъ, для окончательнаго утверженія избранной душею доли. Отсюда всѣ души проходили чрезъ врата Необходимости, и наконецъ, перейдя мѣста страшнаго жара и пламени, достигали поля забвенія. Здѣсь онѣ располагались у потока и пили изъ него забвеніе всего прошедшаго. Послѣ того какъ онѣ предались отдохновенію, вдругъ въ полночь раздался громъ, сопровождавшійся страшнымъ землетрясеніемъ, и всѣ души рассыпались въ разныя стороны, какъ рассыпаются падающія звѣзды. Я не былъ допущенъ, говорить Эрѣ въ заключеніе своего расказа, вкусить водъ забвенія; однако я не помню, какимъ образомъ произошло, что я опять очутился въ моемъ тѣлѣ; но вдругъ очнувшись, я увидѣлъ себя на погребальномъ кострѣ.

Таково содержаніе Платонова міѳа объ Эрѣ. Для вѣрной его оцѣнки необходимо отличать существенную его мысль отъ недостаточной формы, заимствованной изъ господствовавшихъ тогда теософическихъ сказаній. Какъ здѣсь, такъ и въ Федонѣ, чаяніе суда является подъ формою известной теософемы о переселеніи душъ или метемпсихозѣ¹.

Въ связи съ общею идеей повѣствованія Эра находятъ замѣчательныя слова престарѣлаго Кефала въ первой книгѣ «Государства». Ты долженъ знать, толкуетъ Кефалъ Сократу, что каждый человекъ, приближающійся къ смерти, чувствуетъ великій страхъ, вспоминая о своихъ прошедшихъ дѣлахъ, о которыхъ онъ никогда не хотѣлъ и думать. Всѣ повѣрья и сказанія объ Андѣ и о наказаніяхъ, которымъ на томъ свѣтѣ подвергается человекъ, дурно проводившій земную жизнь, всѣ эти сказанія, надъ которыми онъ прежде смѣялся, теперь начинаютъ смущать его. Вслѣдствіе ли тѣлеснаго изнеможенія отъ старости или

¹ Th. N. Martin Etudes sur le Timée de Platon. T. I p. 379: «Можно замѣтить, что Платонъ почти только касается ученія о переселеніи душъ, которое, какъ кажется, служитъ ему не болѣе какъ поводомъ для нѣкоторыхъ счастыхъ сближеній. Напротивъ того о безсмертіи души онъ всегда говоритъ съ особенною любовью и вѣрою.»

быть — может вследствие самой близости къ будущей жизни, онъ получаетъ способность — нѣсколько болѣе прозрѣвать въ загробный міръ. Имъ овладѣваетъ великій мучительный страхъ; онъ старается припомнить, какія онъ при жизни дѣлалъ кому нибудь обиды. Находя въ своемъ прошедшемъ много недостойныхъ поступковъ, онъ проводитъ послѣдніе дни старости въ самомъ тревожномъ и мучительномъ ожиданіи, такъ что даже во время сна онъ часто вздрагиваетъ, подобно маленькимъ дѣтямъ. А кто не знаетъ за собою неправды, тому всегда присуща отрадная надежда, эта благодушная утѣшительница старости, по прекрасному выраженію Пиндара. Человѣкъ, который велъ жизнь правдивую и незапятнанную, говоритъ Пиндаръ, всюду сопровождаетъ Надежда, услаждающая сердце и мельющая старость, — болѣе всякой другой силы правящая легучими мыслями смертныхъ.

Уже въ сказаніи Эра упоминалось о томъ, что каждая душа, при выборѣ новой жизни, получаетъ покровительственнаго генія, который сопровождаетъ и охраняетъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни. Это вѣрованіе въ духовъ — покровителей, геніевъ или демоновъ, мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ народовъ древности. Въ ученіи Зороастра помыслы высшаго божества прежде сотворенія второстепенныхъ боговъ и видимаго міра представляются съ свойствами дѣйствительныхъ существъ и называются «Ферверы». Послѣ созданія видимой твари эти Ферверы получаютъ обязанность — быть руководителями существъ, сотворенныхъ по ихъ подобію, и служить для нихъ образцами; люди должны чтить ихъ молитвами и жертвоприношеніями. У Грековъ слѣды вѣрованія въ демоновъ восходятъ до Гомера. По крайней мѣрѣ, судя по объясненію одного изъ истолкователей Гомера, слову *δαίμων* гораздо въ большей степени, чѣмъ слову *θεός*, присуще понятіе о таинственномъ участіи сверхъестественныхъ силъ въ судьбѣ человѣка¹. Такъ во второй пѣсни Иліады мы находимъ намекъ на это вѣрованіе въ тѣхъ прекрасныхъ словахъ Телемаха, которыми онъ отвѣчаетъ на предложеніе Антиноа вывести Пеллопу изъ отцовскаго дому. Никогда — отвѣчаетъ Телемахъ на насмѣшливую рѣчь жениха — никогда я не подамъ матери повода оставить домъ мой, ибо, если я поступлю такъ, Эриніи будутъ мстить мнѣ за оскорбленіе сыновняго долга, люди станутъ порицать меня; плохо мнѣ придется отъ отца моей матери, еще хуже — отъ демона. Но если у Гомера мы встрѣчаемъ еще не болѣе, какъ только довольно неопредѣленный зародышъ послѣдующей демонологіи, то у Гесіода мы уже находимъ ее

¹ G. W. Nitzsch, Anmerkungen zur Odyssee, B. I. S. 90. Odys. 2, 150 sqq. Hesiod. Opp. 121. 140.

въ полномъ развитіи. По представленіямъ Гесіода демоны суть души людей, которые жили въ золотомъ вѣкѣ, а по смерти, волею великаго міродержца Зевса, сдѣлались демонами, т. е. добрыми духами, и поставлены стражами на землѣ — надзирать за добрыми и дурными дѣлами смертныхъ. Второй низшій разрядъ демоновъ, также достойный божескихъ почестей, составляютъ души людей, жившихъ въ серебряномъ вѣкѣ. Послѣ Гесіода, подъ именемъ демоновъ стали безразлично разумѣть какъ вообще всѣ души, отрывшіяся отъ тѣла, такъ въ особенности безчисленное множество другихъ безтѣлесныхъ существъ, которыя, по представленію Грековъ, хотя и считались по своей природѣ гораздо высшими человека, но вмѣстѣ съ тѣмъ стояли ниже боговъ и служили богамъ при управленіи судьбами смертныхъ. Еще позднѣе въ народѣ образовалось представленіе о двухъ разрядахъ духовъ или демоновъ: добромъ, благотельномъ, и зломъ, непріязненнымъ. Представленія о нравственной природѣ этихъ существъ были чрезвычайно разнообразны. Философы учили, что внѣ человека демоновъ не существуетъ, и что подъ этимъ именемъ должно разумѣть не иное что, какъ различныя олицетворенія силъ и сторонъ человеческой души. Но такое ученіе не могло распространиться въ народѣ. Греческій народъ оставался при своемъ убѣжденіи, что не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя гражданскія общества, города, государства и даже народы, имѣютъ своихъ особенныхъ геніевъ-покровителей. Слѣдя еще далѣе за развитіемъ этого вѣрованія, мы видимъ, что у Римлянъ были установлены особые празднества въ честь генія римскаго народа, которому, въ извѣстные дни и въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, приносились богатыя жертвоприношенія. Не только каждая отдѣльная область, но и каждая колонія, каждый городъ, имѣли своихъ геніевъ-покровителей, которые, по понятіямъ римскаго народа, содѣйствовали ихъ процвѣтанію. Мы встрѣчаемъ далѣе геніевъ житницъ, рынковъ, купаленъ, театровъ и т. п., потомъ геніевъ куріи и плебейскаго сословія, геніевъ войска и лагеря, и наконецъ такихъ геніевъ, которые были приставлены къ каждому отдѣльному человеку. У нѣкоторыхъ римскихъ писателей, напримѣръ у Горация, мы находимъ указанія на то, что геній бываютъ добрые, ведущіе людей къ добру, и злые, старающіеся вредить человеку. Изъ числа послѣднихъ былъ духъ, который явился Бруту ¹ и сказалъ ему: «я твой злой геній — мы увидимся при Филиппи!» Такой же геній явился ночью Кассію и предрекъ ему скорую, несчастную кончину.

Но возвратимся къ Платону и постараемся въ его разговорахъ отыскать соотвѣтственный аллегорическій образъ. Въ послѣдней книгѣ «Го-

¹ Ср. Plut. Brut. с. 36 и Valer. Max. I, 7, 7.

сударства» Платонъ, какъ мы видали, признаетъ, что къ душѣ каждаго чловѣка приставленъ геній - хранитель. Та же самая мысль повторяется и въ другихъ его сочиненіяхъ. «Если душа безсмертна», говоритъ Платонъ въ Федонѣ¹, то должно имѣть о ней попеченіе въ отношеніи не къ одному тому времени, въ которомъ мы, какъ говорится, живемъ, но ко всему, и тотъ, по видимому, подвергается страшной опасности, кто вознерадитъ о ней. Отходя въ преисподнюю, душа не уноситъ съ собою ничего, кромѣ своего образованія, и потому имѣетъ ей много спасенія, какъ сдѣлаться уже на землѣ наилучшею и разумнѣйшею. Сказываютъ, что *каждою умирающею тотъ духъ, которому онъ въ жизни достался, беретъ для отведенія съ нѣкое мѣсто*, гдѣ собравшіеся подвергаются суду и идутъ въ преисподнюю, всякій съ своимъ вожатымъ, кому кого вельно отсюда перевести туда. Достигнувъ назначеннаго мѣста и пробывъ въ немъ определенное время, всякій, подъ руководствомъ другаго вожатаго, опять идетъ, — и это совершается въ большіе и длинныя періоды. Впрочемъ такое шествіе не походитъ на описываемое въ Эсхиловомъ Телэфѣ. Въ преисподнюю ведетъ не простая стезя; мнѣ кажется, что она и не простая и не одна: иначе на что бы и вожатая? На этой дорогѣ много перекрестковъ и обходовъ. Душа благоправная и умная весело вступаетъ въ путь, и новое ея положеніе не незнакомо ей: а пристрастная къ тѣлу не охотно разстается съ нимъ и, чрезвычайно упорствуя, едва едва уходится приставленнымъ къ ней духомъ. Когда же она приходитъ туда, куда и другія, то отъ нея, нечистой, надѣлавшей столько грѣховъ, связанной несправедливыми убійствами, или совершившей иное тому подобное и подобнымъ душамъ свойственное, — отъ нея всѣ убѣгаютъ и отвращаются, никто не хочетъ быть ни ея спутникомъ, ни проводникомъ, и она блуждаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи, пока не пройдетъ известное время, послѣ котораго самая уже необходимость влечетъ ее въ указанное ей жилище. Напротивъ всякая душа, проведшая жизнь чисто и воздержно, имѣетъ сопутниками и проводниками боговъ и переходитъ въ пристойное для себя мѣсто.»

Итакъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ равно и въ приведенномъ прежде отрывкѣ изъ «Государства», выражается вѣрованіе, что демоны служатъ проводниками душъ во время ихъ странствованія въ подземномъ мірѣ. Въ Федрѣ мы видали Зевса, окруженнаго сонмомъ боговъ и демоновъ. Въ «Законахъ» мы находимъ правила касательно обращенія съ молитвами къ демонамъ². Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Платонъ объясняетъ,

¹ Phaedo 107. С. Вше стр. 67.

² Legg. VII, 804. E. IV p. 745. С. Politic. 271. D. E. Cp. J. Tiedemann I a. p. 103. 110.

по какому поводу демоны были приставлены къ людямъ. Кроносъ видѣлъ, что силы человѣческой природы слишкомъ недостаточны для того, чтобы человекъ безъ высшей помощи могъ управляться съ земными дѣлами и обуздывать свойственную человеку склонность къ самонадвѣнности и несправедливости. Разсудивъ это, онъ поставилъ въ правители надъ царствами не людей, а духовъ высшаго и болѣе божественнаго рода, возложилъ на нихъ обязанность—имѣть попеченіе о смертныхъ и блюсти на землѣ миръ, совѣсть, правду, предупреждать всякія смуты и такимъ образомъ доставлять человѣческому роду блаженство. Мудрая Діотима съ острова Мантиней¹, которая въ «Объѣдѣ» разсуждаетъ съ Сократомъ о значеніи Эрота, на вопросъ, что за существо Эротъ, отвѣчаетъ: Эротъ есть великій демонъ, стоящій на срединѣ между богами и смертными. Потомъ, когда ее спрашиваютъ, какое его назначеніе, Діотима говоритъ: «Эротъ служить посредникомъ между богами и людьми; онъ приносить богамъ молитвы и жертвенныя приношенія людей, а людямъ отъ боговъ передаетъ ихъ божественную волю и воздаяніе за жертвы. Сами же боги никогда не вступаютъ въ непосредственныя сношенія съ людьми, и бесѣда между богами и смертными, какъ во снѣ, такъ и на яву, совершается черезъ посредство демоновъ». Эротъ—одинъ изъ числа этихъ многочисленныхъ и многообразныхъ демоновъ. Ближайшее опредѣленіе природы демоновъ Платонъ предлагаетъ въ Эпиноміи. Первый, высшій чинъ боговъ, говоритъ онъ, составляютъ верховные боги. Ко второму относятся свѣтила, небесныя существа, доступныя нашимъ очамъ: это боги видимые. Третій отдѣлъ занимаютъ демоны. Къ нимъ также должно возсылать молитвы, видѣть же ихъ мы не можемъ, хотя они постоянно близки къ намъ. Одаренные разумностію въ высокой степени, обладая чрезвычайною воспримчивостію ума и изумительною способностію воспоминанія, демоны угадываютъ всѣ наши мысли, добрыхъ и благонаправленныхъ между нами любятъ, а отъ злыхъ отвращаются.

Интересны мѣста, въ которыхъ Сократъ говоритъ о своемъ собственномъ демонѣ. Съ особенною словоохотливостію онъ распространяется объ этомъ въ «Феагестѣ». Правда, подлинность этого разговора неоднократно и не безъ основанія была заподозрена, и, хотя многіе толкователи стоятъ за его платоновское происхожденіе, но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что расказъ о демонѣ обнаруживаетъ многорѣчіе, отъ котораго Сократъ далекъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ о себѣ самомъ². Но, оставляя это въ сторонѣ, мы все таки нахо-

¹ Conviv. 202. D. Epinom. 984. E. 985.

² Theag. 128 B. 129. D. Fr. Hegmann, Gesch. S. 150: «Здѣсь Сократъ притягнулъ за демона. Не говоря о неумѣстномъ появленіи здѣсь демона, что не разъ было уже

димъ въ Феагесѣ многія весьма важныя данныя для ученія о геніи Сократа. Здѣсь въ образѣ генія олицетворяется предчувствіе, которое, подобно нѣкому внутреннему голосу, предостерегало Сократа, если какое нибудь его предпріятіе должно было имѣть несчастный исходъ. Когда Сократъ отказывается принять въ число своихъ учениковъ Феагеса, сына Демодокова, и совѣтуетъ ему обратиться къ тѣмъ наставникамъ мудрости, которые ходятъ по городамъ и стараются заманить въ свои школы юношей изъ знатныхъ и богатыхъ домовъ (софистамъ) — Феагесъ удивляется, почему Сократъ отсылаетъ его отъ себя, тогда какъ извѣстно, что многіе юноши, даже послѣ краткаго пребыванія въ его школѣ, обгоняли людей, которые прежде далеко превосходили ихъ въ познаніяхъ. Сократъ отвѣчаетъ, что всѣ его поступки зависятъ отъ рѣшенія внутреннего голоса, который не измѣнялъ ему съ самаго ранняго дѣтства. Этотъ голосъ, хотя никогда не побуждаетъ его начинать что нибудь, но всегда предостерегаетъ, если какое либо предпріятіе не должно имѣть успеха. Благодаря этому голосу, онъ не разъ очень удачно предостерегалъ своихъ друзей, какъ на примѣръ Хармида, которому онъ напередъ предсказывалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не получитъ награды на немейскихъ играхъ, или Тимарха, который самъ признался, что онъ гибнетъ, потому что не повѣрилъ Сократу; точно такъ же онъ предостерегалъ и передъ несчастнымъ походомъ въ Сицилію. Этимъ же божественнымъ вѣстникомъ, продолжаетъ Сократъ, я руководюсь и въ знакомствахъ съ молодыми людьми. Въ томъ только случаѣ, когда внутренний голосъ отзовется въ пользу юноши, который ищетъ сближенія со мною, только въ томъ случаѣ этотъ юноша можетъ надѣяться вынести изъ моего общества дѣйствительную пользу; другіе же, которымъ этотъ голосъ не благопріятствуетъ, не получаютъ отъ меня совершенно никакой помощи. Такъ и ты, Феагесъ, не

замѣчено другими, нельзя представить себѣ ничего болѣе несообразнаго съ характеромъ Сократа, какъ это хвастливое многорѣчіе, съ которымъ онъ распространяется здѣсь о своихъ божественныхъ дарованіяхъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ говоритъ объ этомъ предметѣ съ величайшею скромностію; это дотого сбиваетъ насъ съ толку, что мы даже въ дѣйствительно платоническихъ хвастахъ разговора начинаемъ видѣть только уловку, съ помощію которой авторъ маскируетъ свой пышный наборъ ученыхъ фразъ и легендъ.» Напротивъ того Socher Ueber Platons Schriften S. 102. выражается такъ: «По драматической завязкѣ, по изображенію отдѣльных лицъ и наконецъ по языку, Феагесъ не уступаетъ другимъ сочиненіямъ Платона. Всѣ сомнѣнія касательно подлинности этого разговора въ настоящее время разрушены въ его пользу: его можно смѣло отнести къ числу подлинныхъ произведеній Платона. Хотя это не болѣе какъ мнимая картина, но сходство ея съ большими произведеніями великаго художника тѣмъ не менѣе очевидно.»

надѣясь извлечь изъ моего сообщества какую нибудь пользу, если мой геній не будетъ за тебя.

Въ томъ же значеніи Сократъ замѣчаетъ въ *Феэтетѣ*, что изъ его учениковъ успѣваютъ только тѣ, кому подаетъ успѣхъ божество ¹. Въ связи со всемъ этимъ находится и то, что Сократъ говорить въ «*Апологіи*» ². Быть можетъ, вамъ кажется страннымъ, что посѣщая частныхъ лица и охотно подавая имъ совѣты, я никогда не выступаю публично и не предлагаю совѣтовъ городу. Причина этому, какъ вы уже не разъ слышали отъ меня и прежде, та, что внутри меня живетъ божественный голосъ, о которомъ и *Мелетъ* съ насмѣшкою упомянулъ въ обвиненіи. Этотъ голосъ, который, съ самаго ранняго дѣтства, никогда не оставялъ меня, и которому я всегда повиновался, никогда не вызываетъ меня на какое нибудь дѣло, но очень часто останавливаетъ. Этотъ-то самый голосъ удерживалъ меня отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, и я не сдѣлалъ бы пользы ни вамъ, ни себѣ самому, если бы рѣшился поступить вопреки оному.

Этими словами «*Апологіи*» мы заключимъ наше чтеніе. Образъ добраго генія, путеводящаго чловѣка и въ жизни и за гробомъ, достойно заканчиваетъ собою рядъ картинъ, которыя составляли содержаніе нашей бесѣды.

¹ *Theaet.* 150 D.

² *Apolog.* 31 C.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

**РАЗБОРЫ И ОПИСАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ,
ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОЧЕРКИ.**

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ ПО ТАЦИТУ).

ПОППЕЯ САВИНА И ОКТАВІЯ

и вмѣсто эпиграфа,

НЕРОНЪ СЫНЪ АГРИППИНЫ.

=

Немногое остается намъ досказать, чтобы привести къ концу исторію Римлянки, которая не побоялась стать между Нерономъ и его матерью и произвела между ними послѣдній разрывъ. Поппея Сабина какъ будто перестаетъ занимать нашего историка съ тѣхъ поръ, какъ она не имѣетъ болѣе передъ собою опасной сожительства. Тацитъ возвращается къ ней лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ея вліяніе, или даже только присутствіе во дворцѣ цезаря, подавало поводъ къ новымъ столкновеніямъ и такъ или иначе отзывалось на ходѣ общественныхъ дѣлъ. Такихъ случаевъ было немного: мы передадимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ у Тацита, не думая впрочемъ ограничиться только ими въ нашемъ разсказѣ. Еще двѣ или три жертвы,— и Поппея была совершенно довольна своею участью. Дѣятельная роль ея кончилась, какъ скоро главная цѣль была достигнута. Умъ ея не отличался большою изобрѣтательностію; сама она, по природѣ своей, не принадлежала къ числу тѣхъ энергическихъ, хотя и безотрадныхъ, характеровъ вѣка, которые безъ устали шли впередъ, ставя для своей безпокойной дѣятельности одну цѣль за другою. Женское тщеславіе скоро было удовлетворено, а другихъ, болѣе сильныхъ струнъ въ душѣ ея не было. Вся задача Поппея состояла теперь въ томъ, чтобы на опасной высотѣ сохранить возможное равновѣсіе. На то она имѣла довольно искусства и ловкости; лишь не въ ея власти было — отвести отъ головы простертую надъ нею, каравонную руку Немесиды.

*) См. предыдущія главы Т. I, отд. I, стр. 257. Т. II, отд. I, стр. 118. Т. III, отд. I, стр. 271.

Но по мѣрѣ того, какъ женское вліяніе при дворѣ цезарей терло свою силу, необузданное своеволіе, укоренившееся въ римскихъ нравахъ, находило себѣ новый выходъ и другаго представителя. Мы знакомы уже съ первыми проявленіями его въ Неронѣ: вся остальная жизнь цезаря есть только дальнѣйшее проявленіе того, что воспитано было въ немъ различными вліяніями съ самой первой молодости. Нерона нельзя выдѣлать изъ исторіи женщинъ Августова дома: онъ принадлежитъ ей не по одной только внѣшней обстановкѣ, но и по многимъ господствующимъ чертамъ своего нрава. Неронъ выросъ въ такой средѣ, гдѣ женское вліяніе постоянно брало перевѣсъ надъ мужскимъ, и гдѣ женская воля диктовала приговоры безъ апелляцій. Съ раннихъ лѣтъ были у него передъ глазами образчики женскихъ прихотей. Женское своенравіе управляло всѣмъ его воспитаніемъ. На Сенеку возложена была обязанность учить Нерона истинѣ, но онъ не иначе могъ передавать ее своему воспитаннику, какъ въ тѣхъ приѣмахъ, какіе были предписаны его матерью. Рука женщины вывела потомъ Нерона на дорогу ко власти, вопреки правамъ законнаго наследника, и она же направляла первые шаги его по этому скользкому пути. Женщина служила ему примѣромъ безпощадной рѣшимости, когда нужно было погубить чью-нибудь жизнь, въ которой капризное желаніе видѣло только помѣху себѣ. Свою переимчивость, свою непятливость въ дѣлѣ женскаго искусства Неронъ рано уже показалъ на смерти Британника. Сама Агриппина не ожидала отъ него такихъ быстрыхъ успѣховъ. Но это была лишь первая легкая проба: первую же опасную борьбу въ жизни пришлось выдержать ему опять съ женскою интригою. Неронъ былъ актеръ отъ природы: ему легко давались самыя трудныя роли, гдѣ нужно было дѣйствовать притворствомъ; но безъ помощи женской хитрости и истинно женскаго вѣроломства едва ли бы удалось ему избавиться отъ своей многоопытной и бдительной соперницы (потому что борьба Нерона съ Агриппиною въ послѣдніе дни ея жизни въ самомъ дѣлѣ имѣетъ видъ соперничества двухъ женщинъ, возненавидѣвшихъ одна другую, хотя при встрѣчѣ между собою и соблюдающихъ всѣ внѣшнія приличія). Мужское ли было дѣло—ласкать своего недруга при свиданіи и потомъ посылать убійцъ вслѣдъ за нимъ, чтобы застигнуть его въ распlockъ и убить изподтишка? И когда наконецъ эта цѣпь коварныхъ интригъ и глубокаго недоброжелательства съ обѣихъ сторонъ завершилась смертію Агриппины, согласно съ желаніемъ Нерона, не дрожала ли онъ лихорадонною дрожью и не метался ли отъ страха изъ стороны въ сторону, какъ женщина?

Было бы конечно напраснымъ излишествомъ съ нашей стороны, если бы мы хотѣли стереть въ характеръ Нерона всѣ мужскія черты и объяснять всѣ его дѣйствія женскимъ вліяніемъ. Но кто же не согла-

сится съ нами, что женскіе инстинкты глубоко залегли въ душу цезаря и положили не одну складку на изгибахъ нрава его? что женскія страсти жили въ его воображеніи, и что самые приемы, имъ усвоенные, сняты были большею частію съ женскихъ образцовъ? Надѣмся впрочемъ, что событія остальной жизни Нерона, которыя мы также намерены передать нашимъ читателямъ, какъ продолженіе и заключеніе прежнихъ рассказовъ, еще больше оправдаютъ нашу мысль о немъ и помогутъ намъ докончить изображеніе характера, котораго типическій образъ повторяется потомъ извѣскольکو разъ въ исторіи римскихъ цезарей.

По смерти Агриппины пребываніе цезаря въ Кампаніи не имѣло болѣе цѣли. Интересы власти; текущія дѣла, принятые обычаи, все требовало присутствія его въ Римѣ. Еще нѣкоторое время удерживали его сомнѣній: онъ боялся, что не найдетъ обычной покорности въ сенатѣ и не встрѣтитъ добраго приѣма со стороны римскаго народа. Но низкіе угодики, которыми былъ полонъ домъ цезаря, смѣло увѣрили его въ противномъ. Они твердили ему, что онъ ничѣмъ такъ не могъ расположить въ свою пользу римскій народъ, какъ смертію ненавистной ему Агриппины, и вызывались сами вѣхать впередъ, чтобы приготовить для него въ Римѣ приличный приѣмъ. Послушать ихъ, такъ Римъ съ вѣтерпвнѣемъ ждалъ возвращенія цезаря, чтобы лично передъ нимъ выразить свою признательность. Можетъ-быть они и сами не вѣрили тому, что говорили, и лгали съ намѣреніемъ—внушить цезарю побольше мужества, а между тѣмъ ихъ льстивыя предвѣщанія сбылись почти буквально. Отъ того ли, что римскій народъ утратилъ уже всякое нравственное чутье и видѣлъ въ смерти Агриппины лишь благодѣяніе для себя, или отъ того, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ хорошо подготовленъ услужливыми друзьями Нерона, только приѣмъ, оказанный ему въ Римѣ, по возвращеніи изъ Кампаніи, былъ сверхъ всехъ ожиданій самый почетный и торжественный. Точно какъ будто принимали триумфатора, возвращавшагося въ городъ послѣ славныхъ побѣдъ надъ врагами отечества. Городскія трибы и весь сенатъ въ парадныхъ одеждахъ вышли къ нему на встрѣчу; женщины и дѣти, расположенныя по возрастамъ, стояли густыми рядами въ ожиданіи его шествія; множество зрителей помѣщалось сверхъ того на высокихъ подмосткахъ, устроенныхъ въ видъ амфитеатра на всемъ пути, которымъ должна была проходить процессія: такъ обыкновенно римская публика смотрѣла триумфы, служившія наградою за военные подвиги. Недоставало только, чтобы голова Нерона увѣнчалась вѣнкомъ побѣдителя, да онъ впрочемъ и не нуждался въ немъ много. Гордый своимъ успѣхомъ въ народѣ, который такъ безкорыстно раболѣпствовалъ передъ нимъ, онъ смѣло поднялся по ступенямъ, ведущимъ къ Капитолію, и тѣмъ заключилъ свой триумфъ общиною благодарности богамъ.

Въ жизни Нерона наступила новая эпоха. Смерть Агриппины окончательно развязала ему руки. Даже разорвавши съ матерью, онъ все еще былъ связанъ привычнымъ чувствомъ—если не уваженіемъ, то страха передъ ней. Онъ могъ выгнать ее изъ своего дворца, но никогда не могъ совершенно сгладить на себѣ самомъ слѣды тѣхъ узъ, въ которыхъ она держала его съ самой юности. Пока Агриппина была жива, ему было какъ-то несвободно, все что-то мѣшало ему развернуться съ полнымъ непринужденностію. Не то чтобы, въ немъ говорила совѣсть, или стыдъ, которыхъ недостатковъ чувствовался еще въ его дѣтствѣ: но смущала его робкую душу мысль о близкомъ присутствіи непреклонной воли, которая все видѣла, все знала, и никому не позволяла безнаказанно обходить себя. И страхъ, и принужденность исчезали сами собою, какъ скоро отъ Агриппины не осталось ничего болѣе, кромѣ звуковъ ея имени. Совѣсть Нерона не возмущалась ни при какихъ обстоятельствахъ: она заглохла въ немъ прежде, чѣмъ кончено было его воспитаніе. Развѣ только страхъ общественнаго негодованія могъ еще на время удержать его въ границахъ приличія? Но римскій народъ, какъ мы видѣли, былъ такъ великодушень, что не только не жаловался на поведеніе цезаря, но еще нашелъ поступокъ его заслуживающимъ публичнаго одобренія. Видя несомнѣнные знаки симпатіи народа, Неронъ въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что онъ свободенъ отъ всякой отчетности, и что никакая вина не тяготѣетъ надъ нимъ. На прошедшее опускалась завѣса, настоящее было въ полномъ его распоряженіи. Безъ страха и безъ раскаянія, не стѣняясь ни своимъ, ни чужимъ мнѣніемъ, Неронъ становился полнымъ властелиномъ своей судьбы. Ничто болѣе не мѣшало ему быть самимъ собою: теперь онъ могъ, не озираясь робко вокругъ себя, дать полную свободу всемъ своимъ движеніямъ и слѣдовать своимъ inclinationностямъ безъ принужденія. Мы сейчасъ увидимъ, какое широкое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ своей независимости.

Предоставьте человѣку свободу дѣйствовать, устранили отъ него на время всякую мысль о возможности понужденія или стѣсненія извнѣ; онъ конечно прежде всего отдастся своимъ внутреннимъ влеченіямъ и покажетъ себя тѣмъ, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ. Тутъ изучайте человѣка, тутъ особенно наблюдайте за его дѣйствіями: онъ навѣрное станетъ передъ вами во весь свой натуральный ростъ и обнажитъ всю скрытую игру своихъ мускуловъ. Лучшаго момента нельзя выбрать, чтобы дознаться, какіе самые постоянные и господствующіе тоны въ душѣ человѣка, на котораго обращено ваше наблюденіе. Въ жизни Нерона есть не одна такая минута; но никогда порывы его не были такъ стремительны, никогда еще не отдавался онъ своимъ природнымъ влеченіямъ съ такою беззаветною страстію, какъ первое время по возвращеніи своемъ въ Римъ изъ Кампаніи. Все, что до сихъ поръ сдер-

жано было присутствиемъ чужой воли, или жило въ душѣ какъ неудовлетворенное желаніе и прорывалось только временною оргіею, все это однимъ разомъ вышло теперь наружу и стало предметомъ любопытнаго вниманія для цѣлаго города. Какъ бы боясь пропустить благоприятное для себя время, цезарь не хотѣлъ оставить ничего непробованнымъ, что издавна льстило его вкусу, или манило къ себѣ его тайное желаніе¹. Всѣ любимыя пружины были пущены въ ходъ, и опыты, одинъ другаго смѣлѣе и неспринужденнѣе, смѣнялись съ необыкновенною быстротою. Тайны не было болѣе ни для кого: всякій, кто хотѣлъ, могъ видѣть цезаря на распашку. Неронъ и прежде незаستывчиво выходилъ на улицу: теперь же съ каждымъ днемъ она становилась для него все болѣе и болѣе необходимою ареною.

Въ сущности, впрочемъ, какъ въ дѣйствіяхъ Нерона, такъ и въ самыхъ его расположеніяхъ не было ничего новаго. Тѣ же наклонности, которыя раскрывались въ немъ съ самаго дѣтства, управляли его движеніями и теперь; — только что дѣйствіе ихъ было смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ прежде. Намъ стоитъ только внимательно прислушаться къ Тациту, чтобы въ разсказъ его о новыхъ затѣлахъ Нерона признать нашего стараго знакомаго. Какъ тотчасъ видно по нимъ урожденнаго артиста! Какъ всѣ его приемы и начинанія обличаютъ человека, который отъ природы имѣлъ сценическое призваніе! Нужды и потребности общирнаго государственнаго управленія какъ бы и не существовали для него; забыты степенные совѣтники, которые снисходили къ его слабостямъ, въ надеждѣ имѣть въ немъ послушное орудіе для своихъ честныхъ намѣреній; забыта на время даже та женщина, подъ вліяніемъ которой исчезли послѣдніе слѣды единственной кровной привязанности цезаря. Его занимаетъ только одно — различнаго рода сценическія удовольствія, гдѣ онъ самъ играетъ большею частью главную роль. Верхъ честолюбія цезаря — быть на сценѣ, быть дѣйствующимъ лицомъ хотя бы въ самой низкой и презрѣнной игрѣ. Когда-то Неронъ былъ большою искусникомъ въ павзничествѣ, — и вотъ онъ снова готовъ являться передъ римскою публикой ловкимъ возницею, направляющимъ своею собственною рукою бѣгъ ретивыхъ коней. Была у него потомъ другая страсть — пѣть за столомъ, съ аккомпаниментомъ китары, для забавы присутствующихъ, какъ это дѣлали въ Римѣ публичные пѣвцы, известные подъ именемъ китаредовъ: старые римскіе нравы были рѣшительно противъ такого презрѣннаго занятія, но цезарь, возвращаясь къ нему мысленно, находить, что оно нисколько не унижительно для него, и что даже напротивъ — оно можетъ сдѣлать только честь ис-

¹ Annal. I, XIV., c. 13:.. seque in omnes libidines effudit, quas male coebrisitas qualiscunque matris reverentia tardaverat.

полнители. Ему выражаютъ сомнѣнiя, а онъ ъсмыслился на исторiю, поэзию, мнѳологiю. Недаромъ же прошель онъ всѣ науки: ему стоить только обратиться къ своей памяти, чтобы найдти въ ней подтвержденiе своей мысли. Не такъ ли поступали древнiе цари и герои, которые часто сами брались за лиру и сопровождали звуки ея своимъ голосомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ прославившие ихъ поэты? Не есть ли пѣнiе дѣло удобное Аполлону, когда онъ считается его покровителемъ? Да наконецъ самъ онъ не изображается ли въ видѣ китареда, какъ это можетъ видѣть всякiй, не ходя далеко, — въ римскихъ же храмахъ?—Какъ ня искусно были подобраны эти доводы, однако скептицизмъ совѣтниковъ видно не тронулся ими: но крайней мѣрѣ наши историкъ замѣчаетъ о Сенекѣ и Буррѣ, что они лишь по нуждѣ согласились на первое желанiе цезаря, которое имѣло своимъ предметомъ назидничество — то-есть, чтобы не быть яриужденными уступить ему и въ томъ и другомъ требованiи вмѣств.

Итакъ рѣшено было, что цезарь выступить передъ публикой не китаредомъ, какъ Аполлонъ, а простымъ назидникомъ. Нарочно огороженное пространство у подошвы Ватиканскаго холма назначено было служить ареною для небывалаго зрѣлища. Сначала допускалась только избранная публика, но скоро доступъ открытъ былъ всему народу. Толпа сошлась, привлеченная свойственнымъ ей любопытствомъ, увидѣла новое для нея зрѣлище и, какъ обыкновенно, выразила себе удовольствiе громкими знаками одобренiя. Ждали, что цезарь, переступивъ эту крайнюю черту скромности, по крайней мѣрѣ скоро почувствуетъ удовлетворенiе и не пойдетъ далѣе; вышло наоборотъ: чѣмъ больше зрителей стекалось смотрѣть представление, тѣмъ больше эхидилъ онъ во вкусъ своего новаго занятiя и тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему. Неприличiе поступка однако сознавалось на столько, что цезарю одному не хотѣлось понести на себя всю тяжесть неизбежнаго порицанiя, хотя бы оно и не было никакъ выражено гласно: такъ чтобы лучше отгѣнить себя на аренѣ, онъ подобралъ себе товарищю: къ стыду Рима должно сказать — изъ потомковъ самыхъ именитыхъ его семей. Это были наследники громкихъ историческихъ именъ, которые, на мѣсто растерянныхъ богатствъ, получили въ удѣлъ только бѣдность и нужду и способны были продать не только свои услуги, но и свою честь на вѣсь золота. Тацтъ впрочемъ не называетъ ни одного изъ нихъ по имени, дорожа безукоризненною памятью ихъ предковъ; но другой историкъ времени упадка, болѣе откровенный, или болѣе равнодушный къ славнымъ воспоминанiямъ древняго Рима, выводитъ тайну наружу и прямо показываетъ на Порциевъ, Фабиевъ и Ва-

¹ Ibid., c. 14: Cum Senecae et Burro visum, ne utraque pervinceret, alterum concedere.

деревъ, какъ на соручастниковъ нескромныхъ увеселеній цезаря¹. Кто удивится послѣ того, что и многіе римскіе всадники должны были выступить на публичной аренѣ и принять дѣятельное участіе въ тѣхъ же самыхъ потѣхахъ: ужь лучше было по доброй волѣ и въ ожиданіи хорошей платы дѣлать то, къ чему иначе могли бы принудить ихъ силою².

Но арена, хотя бы самая почетная въ цѣлой имперіи, далеко не удовлетворяла артистическимъ потребностямъ цезаря. Она не успокаивала, а только подстрекала другіе его порывы, которые еще больше льстили его тайному честолюбію. Аполлонъ-китаредъ крѣпко засѣлъ ему въ голову. Его соблазняла красивая роль публичнаго пѣвца, его манила настоящая театральная сцена: вотъ гдѣ было достойное поприще для таланта. Нѣтъ сомнѣнія, что находившійся тогда въ Римѣ помпейскій театръ не только съ большою охотою далъ бы мѣсто цезарю между своими артистами, но и гордился бы имъ какъ лучшимъ украшеніемъ своей сцены; но по совѣту ли другихъ, или потому что собственная мысль Нерона еще не созрѣла на столько, чтобы разомъ насмѣяться въ лицѣ всѣмъ условнымъ приличіямъ безъ исключенія, только исполненіе этого величайшаго изъ всѣхъ историческихъ фарсовъ было отложено до другаго, неопредѣленнаго времени. Чтобы однако найти какой нибудь выходъ своему нетерпѣливому влеченію, Неронъ придумалъ для себя искусственную сцену, на которой можно было разыгрывать разныя роли, вовсе не давая замѣчать зрителямъ, что они присутствуютъ при сценическомъ представленіи. Выдумка была въ чисто римскомъ вкусѣ: установлены были новыя «игры», родъ большаго праздника для всего римскаго юношества, который потому получилъ названіе ювеналій (Juvenalia)³. Записываться на нихъ могли впрочемъ всѣ, кто хотѣлъ, безъ различія не только рода и достоинства, но даже и самаго возраста. Люди зрѣлыхъ лѣтъ мѣшались тутъ съ юношами, знатные съ незнатными. Всякому открытъ былъ доступъ къ играмъ, и подъ этою формою всякій могъ, безъ зазрѣнія совѣсти, ломать изъ себя гистріона, на греческій или латинскій образецъ, сколько было душъ угодно. На ювеналіяхъ все считалось позволненнымъ; самыя нескромныя тѣлодвиженія и сладострастные папѣвы проходили незамѣтно подъ условнымъ названіемъ «игръ». Женщины также не отставали отъ мужчинъ, перенимая отъ нихъ свободу движеній. Были тутъ и всѣ другіе необходимые элементы для оргіи. Неподалеку отъ мѣста, гдѣ происходили игры, вдоль такъ называемой «Роши цезарей» тянулся цѣлый рядъ нарочно выстро-

¹ Dio Cass. 61, 17.

² Tac. ibid... nisi quod merces ab eo qui jubere potest via necessitatis avertit.

³ Dio Cass. 61, 19: 'Επεκλήθη δὲ 'Ιουβενάλια, ὡς ἔπερ τινὰ νεανίσκων ἡμερῶν.

енныхъ лавокъ, съѣстныхъ и другихъ заведеній, гдѣ собраны были всѣ приманки для возбужденія и удовлетворенія самаго прихотливаго вкуса. А чтобы никто притомъ не жаловался на недостатокъ средствъ, участникамъ раздавались денежные подарки, которые каждый могъ употреблять по своему усмотрѣнiю, кто на действительныя нужды, а кто на прихоти.

Такимъ образомъ всѣ нечистоты, которыя во множествѣ накопились въ римскихъ нравахъ, сводились въ одинъ грязный каналъ. Сюда, говорить Тацитъ, стекалось все, что было въ Римѣ негоднаго и безчестнаго. Никогда нечистый стокъ не былъ такъ обильнъ, никогда нравы римскiе, и безъ того развращенные, не подвергались такому сильному искушенiю. Едва соблюдался наружный видъ приличiя; но въ сущности тутъ стерлись и послѣднiе слѣды добрыхъ нравовъ. Соперничали, щеголяли другъ передъ другомъ только однимъ развратомъ.

Цезарь могъ гордиться своимъ изобрѣтенiемъ. Оно привлекло почти всю римскую публику и создало среди ея сцену, которая, не называясь этимъ именемъ, впрочемъ по своей обширности и притягательной силѣ не имѣла ничего равнаго себѣ въ Римѣ. Римскiй народъ, самъ того не замѣчая, проходилъ школу презираемаго имъ искусства гистрионовъ. Каждый по произволу могъ быть не только зрителемъ, но и комедiantомъ. Послѣднiй выступалъ на сцену изобрѣтатель учрежденiя — съ самоувѣренностию урожденнаго артиста, которому по всѣмъ правамъ должно принадлежать полное первенство. Новый Аполлонъ, онъ являлся передъ публикой въ живописномъ нарядѣ китареда, чтобы своимъ высокимъ искусствомъ завершить всѣ удовольствiя праздника. Обратившись къ зрителямъ, пѣлъ онъ передъ ними мщенiе Ореста, безумiе Геркулеса, ослѣпленiе злосчастнаго Эдипа ¹. Молча внималъ ему народъ, который тѣснился со всѣхъ сторонъ, будучи привлеченъ необычайностию зрѣлища ². Но были тутъ и невольные слушатели, которые, ради или не ради, должны были украшать своимъ присутствiемъ сценическое торжество цезаря. Къ этому числу принадлежали военные чины, центурiоны и трибуны, сопровождавше Нерона въ качествѣ вооруженной оилы; тутъ же видали и миролюбивыхъ его совѣтниковъ, Сепеку и Бурра, приходившихъ сюда, чтобы со вниманiемъ школьничковъ слѣдить за всеми движенiями своего бывшаго воспитанника. Послѣднiй изъ нихъ представлялъ изъ себя особенно жалкую фигуру: хотъ сквозь слезы, онъ также осыпалъ пѣвца похвалами. Но цезаря не должно удовлетворяли эти робкiе и принужденные знаки одобренiя: по мѣрѣ того какъ въ немъ самомъ росло сознание своихъ успѣховъ, онъ хотѣлъ, по-

¹ См. Suet. Ner. c. 21.

² Dio Cass. 61, 70: *κατὰς δὲ τοῦ δήμου, ὅσον αἱ ἕβραι ἰχθύριον, καθήμενον.*

добно вѣсмы счастливымъ артистамъ, имѣть вокругъ себя постоянную толпу восторженныхъ почитателей своего таланта. Ихъ немедленно набрали изъ римскихъ всадниковъ, большею частію изъ юношей, цвѣтущихъ здоровьемъ и силами, и составили изъ нихъ родъ особой когорты подъ названіемъ Августановъ (Augustani). Это былъ лучший цвѣтъ сословія, самые красивые и способные люди изъ всего римскаго юношества, отъ которыхъ отечество въ правѣ было бы ожидать гораздо болѣе полезныхъ услугъ. Переименованные въ Августановъ, т. е. привилегированныхъ класъ цезаря, они могли теперь, не дѣлая большахъ усилій, выслуживаться передъ прочими и приобретать себѣ отличія. Все дѣло ихъ состояло единственно въ томъ, чтобы, не различая болѣе дня отъ ночи, неотлучно быть при цезарѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ превозносить громкими похвалами красоту его и пріятность голоса, — и говорить, что они исполняли это такъ внятно и съ такимъ достоинствомъ, какъ если бы дѣло шло о прославленіи какого высокаго подвига. Съ того времени неумолчно раздавались восторженные клики: о несравненный цезарь, о августъ, о Аполлонъ ¹. Воскличаніямъ Августановъ дружно вторили и другіе голоса, не принадлежавшіе къ ихъ кругу; но замѣчаютъ, что всегда недоставало между ними одного голоса — все того же неподкупнаго Тразена, который вышелъ изъ сената, когда члены его подписывали свой собственный позоръ въ безчестной апологіи матереубійцы ².

Страсть къ сценѣ не на столько еще впрочемъ овладела цезаремъ, чтобы вытѣснить всѣ другія любимыя его занятія. Еще находились у него свободныя минуты для стихотворства, для ученыхъ диспутовъ. Время отъ времени любилъ онъ по прежнему — собравши тѣсный пріятельскій кружокъ, блеснуть передъ нимъ своимъ поэтическимъ дарованіемъ. Артистической природѣ Нерона легко давались всѣ формы, слѣдовательно и поэтическая; къ тому же у него была очень счастливая память, которая легко удерживала прочитанные образцы: такъ неудивительно, что ему удавалось иногда обмолвиться нѣсколькими довольно звучными стихами, которые тотчасъ же подхватывались благосклонными пріятелями и черезъ ихъ посредство проникали даже въ публику. Безъ огня, безъ поэзіи, они говорили болѣе въ пользу учениости автора, чѣмъ его таланта ³. Этою репутациею ученаго Неронъ мастерски умѣлъ пользоваться, чтобы доставить себѣ удовольствіе другаго рода. Между современными ему учеными знаменитостями, какъ и всегда, было довольно такихъ, которые готовы были представить изъ

¹ Tac. *ibid.* c. 15: *quasi per virtutem clari honoratique agere.*—Ср. Dio *Cæs.* 61, 20.

² Dio *Cæs.* 16.

³ Martial. 8, 70: *Carmina qui docti nota Neronis habet.*

себя какую угодно фигуру, чтобы только удостоиться чести приглашения къ нему. Цезарь, не пренебрегавшій ничѣмъ для своего развлечения, обыкновенно удѣлялъ для бесѣды съ ними послѣобѣденное время. Учености хватало у него на столько, чтобы бросить имъ кость, заведя рѣчь о какомъ-нибудь спорномъ пунктѣ. Между ними тотчасъ начиналось преніе, и чѣмъ становилось оно шумнѣе, чѣмъ сильнѣе горячились противники, тѣмъ больше подобное зрѣлище доставляло цезарю удовольствія, тѣмъ дѣятельнѣе работалъ его отягощенный желудокъ.

Такъ, всматриваясь пристально въ эту изнѣженную физиогномію, временемъ готовъ бываешь подумать, что иногда и она озаралась ироніей. Иронія на лицѣ Нерона, когда онъ всѣмъ своимъ существомъ напращивался на злую сатиру—не есть ли это грубое противорѣчіе? Оно дѣйствительно есть, но едва ли принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ значеніе совершенно ускользаетъ отъ мысли. Вѣкъ былъ исполненъ противорѣчій самому себѣ. Чѣмъ ближе былъ Римъ къ цѣли своего историческаго существованія, тѣмъ меньше сознатель ее; чѣмъ больше въ рукахъ его собиралось могущества, тѣмъ безсильнѣе былъ онъ надъ собою. Раздвигая все дальше и дальше предѣлы своей цивилизаціи, римскій народъ все больше и больше принималъ въ себя элементы варварства. Римское право, столько разумное въ исторіи, на дѣлѣ становилось синонимомъ произвола. Верховный охранитель законности въ государствѣ, римскій сенатъ приходилъ въ смущеніе, когда въ стѣнахъ его раздавался хоть одинъ правдивый гомось. Римскіе цезари, которымъ воздвигаемы были алтари и воздавались божескія почести, не умѣли поддержать въ себѣ и человѣческаго достоинства. Люди, которые еще носили въ душѣ высокіе идеалы, молча присутствовали при сценахъ разврата и не совѣстились улыбаться имъ въ знакъ одобренія. Какъ было тутъ не накопиться ироніи, какъ было не проникнуться ею всякому сознанию, въ которомъ сохранилось хоть сколько нибудь смысла для окружающихъ его явленій? Только люди тупые отъ природы, или крайне запуганные, могли не видѣть тѣхъ противорѣчій, изъ которыхъ въ то время слагалась вся римская дѣйствительность; но Цезарь не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому разряду: что жъ мудрецаго, что духъ ироніи, который искалъ себѣ выхода сквозь всевозможныя поры, временемъ овладевалъ и его беззаботною мыслию и тѣшился въ его лицѣ надъ представителями современной мудрости, которые сами дѣлали изъ себя посмѣшище для другихъ?

Между тѣмъ всѣ эти потѣхи скоро ему надоѣли. Господствующій вкусъ оставался тотъ же, но формы, которыя для него были придуманы, менѣе чѣмъ въ продолженіе года успѣли прісмотреться и требовали себѣ обновленія, какъ покрой платья, мѣняющійся по прихоти моды. Не находя ничего новаго въ своемъ собственномъ воображеніи,

Неронъ рѣшился призвать на помощь себѣ чужеземные обычаи. Греція, хотя и отжившая свое историческое время, все еще представляла богатый родникъ для артистическихъ удовольствій. Въ Греціи только что не родилась страсть къ сценическому искусству, но въ ней достигла она своего высокаго развитія и произвела то разнообразіе формъ, далье котораго почти уже не простиралась мысль древняго человека. Еще гораздо прежде, чѣмъ создалась греческая драма, въ Греціи существовали уже агоны, или публичные состязанія, на которыхъ каждый свободный гражданинъ могъ выступить тѣмъ, чѣмъ былъ, не играя никакой роли; и въ виду всѣхъ оспаривалъ у другихъ первенство—силою, бѣгомъ, проворствомъ или ловкостію. Отъ борьбы физическими силами перешли потомъ къ агонамъ высшаго рода, на которыхъ состязались о превосходствѣ умственныхъ дарованій. Грекъ полюбилъ драматическія движенія прежде, чѣмъ познакомился съ ними въ театрѣ. Они были въ самой его природѣ, и потому составляли въ его жизни не роскошь только или украшеніе, но необходимую, существенную принадлежность. Въ жизни Грековъ не было ничего театральнаго, какъ у одного новаго народа, съ которымъ ихъ часто сравниваютъ; но она была такъ полна драматическихъ движеній, что самый театръ казался лишь слабою копіею съ нея. Не такъва была природа Римлянина. Практическая дѣятельность всегда гораздо больше занимала его, нежели подражательная. Казалось, онъ прямо переходилъ къ мужеству, не переживши свѣтлой поры юности. Ему почти не приходила на умъ эта свободная игра, которой Грекъ предавался со страстію, съ увлеченіемъ. До игры ли было Римлянину, когда у него было такъ много дѣла! Онъ воспитывался въ суровой школѣ и выносилъ изъ нея слѣшкомъ суровый взглядъ на жизнь, чтобы свободно могъ отдаться своимъ чувствамъ поэтической ея стороны. Ему также знакомъ былъ драматическій интересъ; но этотъ интересъ весь поглощенъ былъ великою народною драмою, происходившею передъ его глазами и при его непосредственномъ участіи. Надобно было выписывать гистріоновъ изъ Этрурии, чтобы хоть нѣсколько развлечь его вниманіе, постоянно сосредоточенное на великихъ судьбахъ народа и отечества. Такъвы были строгіе нравы стараго римскаго времени. Нерону впрочемъ какое дѣло было до отеческихъ нравовъ? Онъ былъ человекъ новаго поколѣнія, которое пародилось, когда уже стерлись и послѣдніе слѣды старой римской добродѣтели. Онъ бралъ свое гдѣ могъ и гдѣ хотѣлъ. Онъ начиналъ новый порядокъ вещей и готовилъ образцы для будущаго поколѣнія. Артистическая Греція избавляла его отъ труда изобрѣтенія, давая ему готовые формы. Неронъ обратился къ ней—и на первый разъ установилъ по греческому образцу большое публичное состязаніе, которое должно было повторяться черезъ каждыя пять лѣтъ

и въ честь установителя названо было негонианскимъ (Neponianum)¹. Кроме ристалища, тутъ допущены были еще состязанія—музыкальное и гимнастическое; таланту, который чувствовалъ въ себѣ артистическое призваніе, тутъ было еще больше простора, чѣмъ на ювеналияхъ. Въ одно и то же время можно было отличиться въ нѣсколькихъ родахъ искусства, схватить нѣсколько побѣдныхъ вѣнковъ. Почти навѣрное можно сказать, что цезарь перепробовалъ лично все роды состязаній, но всего счастливѣе былъ онъ на музыкальномъ: здѣсь, за лучшее латинское стихотвореніе, ему присужденъ былъ почетный вѣнокъ, а потомъ, конечно за голосъ, поднесена китара, которую онъ впрочемъ скромно отклонилъ отъ себя и велѣлъ положить у подножія Августова изображенія.

Любопытно прислушаться къ тѣмъ толкамъ, которые ходили тогда въ Римѣ по случаю этого нововведенія. Въ нихъ дошелъ до насъ голосъ римскаго общества того времени. По словамъ Тацита, Римляне расходились въ мнѣніяхъ относительно новаго установленія. Тѣ, которымъ еще дорога была неповрежденность римскихъ нравовъ, сильно негодовали. Желая быть послѣдовательными, они взводили главную вину на Кн. Помпея, который первый учредилъ въ Римѣ постоянный театръ. До того времени театральныя подмостки и сѣдалища для зрителей устраивались на время игръ, а если взять еще древнѣе, то народъ обыкновенно присутствовалъ при зрѣлищахъ стоя, такъ что не могъ получить несчастной привычки проводить цѣлые дни въ праздности. Зрѣлища — говорили они — точно не были опасны для нравовъ, пока они давались преторами, и граждане оставались посторонними лицами; но чего добраго ожидать теперь, когда все, что можетъ разрушительно дѣйствовать на нравы, допущено въ нашемъ городѣ въ такомъ широкомъ объемѣ, когда примѣромъ самого главы государства и цѣлаго сената освящены для римскаго юноши все тѣ занятія, которыя доселѣ считались непопозволительными, когда наконецъ отъ него прямо требуютъ личнаго участія въ порочныхъ увеселеніяхъ? Уже первые савонники римскіе не стыдятся выступать на сцену, кто — ораторомъ, кто — стихослагателемъ. Только и недоставало до сихъ поръ, чтобы римскіе граждане, раздѣвшись до нага и привязавши къ рукамъ ремни, вышли передъ публику атлетами и промѣняли военную службу на кулачные бои. Хороши должны быть наши авгуры и наши судьи, возвращающіеся къ своимъ должностямъ, когда еще въ ушахъ ихъ слышатся вѣжные голоса, и раздаются сладкозвучное пѣніе! Хотя бы темную ночь уступили стыду: но тутъ только начинается настоящая оргія, и

¹ Tac. XIV, 20; ср. Suet. Ner. c. XII.

все, что народилось во время для какъ тайное вожделеніе, ищетъ себя во иракъ полного удовлетворенія.

Другимъ, напротивъ того, нововведеніе Нерона пришлось совершенно по вкусу, и они довольно ловко умѣли защищать его противъ устремленныхъ на него нападеній. Если бы наши предки — говорили они — дѣйствительно чуждались публичныхъ зрѣлищъ, они бы не выписывали гвстріоновъ изъ Тусціи и не ввели бы у себя турійскихъ (а Thuriis) конныхъ ристалищъ. Сценическія представленія извѣстны въ Римъ еще со времени Мумміева триумфа, стало быть слишкомъ два столѣтія: однако никто же изъ благородныхъ Римлянъ не унижилъ себя до того, чтобы сдѣлаться актеромъ. Жалуются на то, что вмѣсто временной сцены устроена постоянная, а не хотятъ понять самой простой вещи, что гораздо выгоднѣе имѣть постоянный театръ, чѣмъ каждый годъ дѣлать на него огромныя издержки. Городскіе чиновники, на которыхъ прежде лежала обязанность давать народу публичныя представленія, только избавились лишняго бремени: имъ не нужно больше жертвовать своимъ достоинствомъ, когда казна беретъ на себя всѣ издержки на подобныя увеселенія. Что же касается до поэтическихъ и ораторскихъ состязаній, то они полезны уже и потому, что возбуждаютъ умъ къ дѣятельности. И, право, судьи нисколько не унижаютъ своего достоинства, если уделять часть своего времени подобнымъ вовсе незазорнымъ удовольствіямъ. Не бѣда и то, если въ пять лѣтъ нѣсколько ночей отдано будетъ — не распутству, какъ говорятъ, а просто веселости: захочетъ ли распутство искать себя убѣжища тамъ, гдѣ горятъ тысячи огней?

Передавъ эти противорѣчащія мнѣнія, Тацитъ прибавляетъ отъ себя нѣсколько словъ, показывающихъ, къ удивленію, что онъ по крайней мѣрѣ не былъ совершенно на сторонѣ безусловныхъ порицателей нововведенія. Такъ онъ поставляетъ на видъ то обстоятельство, что все увеселеніе кончилось очень благополучно, и что при этомъ не случилось ничего особеннаго, что могло бы бросить дурную тѣнь на участниковъ. Страсти народныхъ нисколько не были возбуждены этими зрѣлищами, по той простой причинѣ, что они не встрѣтили большаго сочувствія въ народѣ, какъ чуждыя его понятіямъ, и наконецъ греческій костюмъ, вошедшій было въ моду во время увеселеній, скоро опять вышелъ изъ употребленія. Не ясно ли, что Тацитъ далеко былъ отъ того, чтобы безусловно повторять возгласы неродующихъ приверженцевъ римской старины? Подумавъ же немного, нельзя не созваться и въ томъ, что онъ былъ совершенно правъ. Сомнительно, чтобы греческія сценическія представленія могли что-нибудь прибавить къ той порчѣ, которая уже завелась въ римскихъ нравахъ. Римлянинъ не могъ сдѣлаться отъ того хуже, что у него стало однимъ родомъ пу-

ближнихъ зрѣлищъ больше, что его хотѣли познакомить съ невиданною доселѣ формою увеселеній. Цезарь конечно думалъ прежде всего о своемъ собственномъ удовольствіи, но если бы его пововеденіе утвердилось въ Римѣ, оно бы могло имѣть скорѣе облагороживающее, чѣмъ тлетворное вліяніе на народъ, потому что это лежало во всѣхъ почти созданіяхъ греческаго духа. Греческіе сценическіе обычаи нисколько не были виноваты въ томъ, что они мало пришлись по вкусу Римлянамъ, или что черезъ нихъ открывался новый поводъ къ публичнымъ зрѣлищамъ, на которыхъ обыкновенно разыгрывались въ Римѣ нечистыя страсти. Бѣда была не въ самомъ пововеденіи, а въ томъ, что оно застало уже римскіе нравы на столько испорченными, что на нихъ трудно было подѣйствовать въ хорошую сторону.

На сторонѣ чести римскаго оружія еще поддерживалась со славою. Въ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи еще совершались воинственные подвиги, которые были достойны гораздо лучшей эпохи. На востокъ—въ Арменіи, на сѣверъ—въ Британіи, римское оружіе равно торжествовало победы надъ своимъ непокойными противниками. Еще были вожди, подобные Корбулому и Паулину Светонію, которые своими славными дѣлами напоминали времена старой римской доблести и заслуживали себѣ громкое имя въ борьбѣ почти съ непреодолимыми трудностями. Извнѣ Римъ казался до прежнему грознымъ и несокрушимымъ, а между тѣмъ невидимый червь безпрестанно подтачивалъ его внутренній организмъ. На этомъ повидимому крѣпкомъ и здоровомъ тѣлѣ безпрестанно открывались признаки начинавшагося внутренняго гніенія. Нашъ историкъ то и дѣло прерываетъ свой послѣдовательный рассказъ, чтобы дать въ немъ мѣсто подобнымъ симптомамъ. Только что окончивъ свое повѣствованіе о происшествіяхъ въ Британіи, покрывшихъ римское оружіе новою славою, онъ возвращается къ Риму и на первый разъ не находитъ ничего болѣе рассказать о немъ, кромѣ нѣсколькихъ совершившихся въ немъ около того же времени преступленій. Первое совершено было въ высшемъ римскомъ обществѣ и его же собственными членами. Нѣкто Валерій Фабіанъ, которому открытъ былъ путь къ военнымъ достоинствамъ, задумалъ еще прибрать къ своимъ рукамъ чужое имѣніе и для этой цѣли составилъ съ помощію нѣсколькихъ сообщниковъ фальшивое завѣщаніе на имя родственника своего Домиція Бальба, человека очень богатаго и не оставившаго по себѣ прямыхъ наследниковъ. Впрочемъ подлогъ былъ обличенъ, и всѣ участники его подверглись законному наказанію. Поразительнѣе былъ другой случай. Педаній Секундъ, префектъ города, погибъ въ своемъ собственномъ домѣ отъ руки своего же раба. Кто говоритъ, что убійца мстилъ за свое право на свободу, не признающее господиномъ, не смотря на то, что оно было куплено деньгами; кто увѣрять, что причиною было соревнова-

пие, возникшее между ними вследствие самаго не позволительнаго рода связей, которыя относились къ третьему лицу: въ томъ и другомъ случаѣ явленіе было неутѣшительное. Въ римскомъ сенатѣ поднялись голоса, настоятельно требовавшіе, чтобы старое узаконеніе на подобные случаи, по которому вмѣстѣ съ преступникомъ должны были подвергнуться равному наказанію и всѣ прочіе рабы, жившіе въ томъ же домѣ, было немедленно приведено въ исполненіе. Это суровое постановленіе состоялось во время Августа. Но неосторожно было возвращаться къ нему и хотѣть полнаго его примѣненія при всякомъ новомъ случаѣ. Еще неосторожнѣе было требовать, чтобы самыя отпущенники, принадлежавшіе къ одному дому съ убійцею, были также въ отвѣтъ за его преступленіе¹. Это значило пойти гораздо далѣе, чѣмъ сколько лежало въ намѣрени самаго законодателя; это значило удвоить строгость наказанія противъ самой буквы закона. Тѣ ли были времена, таково ли положеніе дѣлъ внутри общества, чтобы безъ особенной нужды увеличивать строгость закона, и безъ того слишкомъ суроваго? Нелѣпость мысли, будто достаточно было пребыванія подъ одною кровлею съ преступникомъ, чтобы подвергнуться одному съ нимъ обвиненію, бросалась каждому въ глаза. Когда молва о томъ, что происходило въ сенатѣ, распространилась между городскими жителями, они пришли въ волненіе. Дѣло не ограничилось одними сборищами и готово было перейти въ открытое возстаніе. Ужъ зажжены были пламенники, ужъ многіе схватились за камни. Поборники строгихъ мѣръ, которые, не различая праваго отъ виновнаго, хотѣли распространить наказаніе на всѣхъ, жившихъ подъ одною кровлею съ преступникомъ, успѣли правда настоять на своемъ рѣшеніи; но когда надобно было вести 400 невинныхъ участниковъ чужой вины на казнь, народное волненіе такъ усилилось, что пришлось поставить войска на всемъ пути, которымъ они должны были проходить. Только этою сильною мѣрою предосторожности, вмѣстѣ съ эдиктомъ цезаря, обращеннымъ прямо къ народу, можно было спасти авторитетъ сената отъ угрожавшаго ему оскорбленія. Впрочемъ отпущенники были избавлены отъ наказанія, согласно мнѣнію самаго цезаря, который находилъ, что если нельзя смягчить древнее постановленіе, то не слѣдуетъ также безъ нужды и увеличивать его строгость. Жестокость вообще не лежала въ природныхъ свойствахъ Нерона, хотя жалость также мало была ему свойственна.

Гораздо чувствительнѣе былъ Неронъ къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя падали на него самаго, касались его лично. Какъ ни старался онъ

¹ Tac. Ann. XIV, c. 45: Censuerat Cingonius Varro, ut liberti quoque, qui sub eodem tecto fuissent, Italia deportarentur. Начинъ этого злоупотребленія восходитъ впрочемъ къ-сколько ранѣе. Ср. Ann. XIII, 32.

въ первое время соблюдать вышнія приличія, какъ ни прятать свое самолюбіе, внутреннее волненіе измѣняло ему въ подобныхъ случаяхъ и обнаруживало сильный разладъ между официальнымъ лицомъ и человеческимъ его чувствомъ. Тацитъ приводитъ одинъ такой случай, относящійся къ тому же періоду времени. Была застольная пирушка у Осторія Скапулы, сына бывшаго претора Британіи. Подгулявъ, гости позволили себѣ разныя вольности; между прочимъ преторъ Антистій, вообще не любившій стѣснять себя какъ въ частной, такъ и въ публичной жизни¹, прочиталъ будто бы стихи сатирическаго содержанія, которые намѣчены были прямо противъ сына Агриппины. По всей вѣроятности этотъ случай, имѣвшій мѣсто въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу, прошелъ бы вовсе незамѣченнымъ въ публикѣ и не сдѣлалъ бы никакого ущерба чести Нерона, если бы неумѣстное усердіе одного новичка между сенаторами не вывело его наружу и не придало ему необыкновенной важности. Предполагать тутъ какія нибудь честныя намѣренія было бы совсемъ не у мѣста. Коссуціанъ Капитонъ, который взялся за это дѣло, былъ зять Тигеллина, человека, какъ увидимъ послѣ, вовсе не отличавшагося благонамѣренностію, по его милости попалъ въ сенатъ и ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу чистыхъ характеровъ своего времени. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, управляя одною провинціею, онъ такъ запятналъ себя въ глазахъ мѣстныхъ жителей жадностію и любострастіемъ, что они иначе не называли его, какъ «грязнымъ и смраднымъ», и когда потомъ на него взведено было формальное обвиненіе въ лихоимствѣ, онъ даже и въ Римѣ не нашелъ себѣ оправданія². Вотъ какой человекъ выступалъ обвинителемъ Антистія. Очевидно, что ему надобно было выслужиться: черня другаго, онъ надѣялся лучше очистить себя въ глазахъ цезаря. Подобныя обвиненія были тогда въ ходу, и какъ скоро Коссуціанъ рѣшился уже взять на себя эту роль, ему не стоило повидямому большого труда провести до конца свое намѣреніе. Положенія закона, состоявшаго еще во время Тиберія, были такъ ясны и опредѣлительны, что въ приложеніи ихъ ко вновь представившемуся случаю не могло быть никакого сомнѣнія. И въ сенатѣ, гдѣ производился судъ, нисколько не сомнѣвались въ томъ, что смыслъ закона ясенъ и прямо прилагается къ обвиненному; но никто не воображалъ, чтобы дѣло въ сущности незначительное могло принять такой серьезный оборотъ и вправду кончиться смертію виновнаго. Честь цезаря, думали судьи, нисколько отъ того не выростетъ, и если даже состоится приговоръ сената согласно съ духомъ закона, то Неронъ на-

¹ Ср. Ann. XIII, 28.

² Ann. Ibid. c. 33: *Cossutianum Capitonem Clices detulerunt maculosam foedumque... ac lege repetundarum damnatus est.*

вѣрное отмѣнить его самъ, воспользовавшись своею властію народнаго трибуна. Въ этой счастливой увѣренности сенатъ мало или даже вовсе не старался смягчить свое формальное рѣшеніе, хотя и не имѣлъ никакого нравственнаго убѣжденія въ винѣ подсудимаго. Потому свидѣтельство Осторія, который заперся во всемъ, думая тѣмъ помочь своему другу, не было принято въ уваженіе, и дана полная вѣра показаніямъ другихъ свидѣтелей, которые утверждали противное. Даже въ самую рѣшительную минуту процесса, когда консулъ, на основаніи сделанныхъ показаній, предложилъ не только лишить Антистія претуры, но и предать его публичному наказанію по древнему обычаю, сенатъ, все еще увѣренный въ необычайности приговора, не показалъ никакого желанія противорѣчить.

Лишь одинъ человекъ не раздвѣлялъ общаго равнодушія къ участи обвиненнаго, и находя поведеніе сената ниже его достоинства, а можетъ быть также угадывая въ немъ излишнее подобострастіе, рѣшился возвысить свой голосъ, чтобы вывести своихъ товарищей изъ мнимой или истинной апатіи и дать дѣлу другой оборотъ. Этотъ одинокій голосъ не разъ уже и прежде слышался въ важныхъ случаяхъ, среди всеобщаго безмолвія, и скромное имя Тразея Пета, которому онъ принадлежалъ, не однажды обращало на себя вниманіе всѣхъ честныхъ людей въ Римѣ, которые умѣли еще дорожить правдивостію права и неподкупностію мнѣній. Проникнутый убѣжденіями, которыя были несравненно выше его времени, Тразея не боялся открыто выговаривать свои мысли, хотя бы онъ были въ разрѣзъ съ опредѣлявшимся мнѣніемъ цѣлаго сенаторскаго сословія. Точно также поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Когда уже всѣ голоса склонялись въ пользу консульскаго предложенія, Тразея объявилъ себя противъ него. Впрочемъ, даже возставая противъ мнѣнія своихъ сочленовъ, онъ умѣлъ остаться въ предѣлахъ умеренности и благоразумія. Видно, что страсти, или увлеченію, тутъ не было мѣста, что имъ руководили лишь самыя благородныя побужденія. Самъ Антистіи едва ли могъ пожелать лучшаго защитника себя. Тразея нисколько не оправдывалъ его проступка, напротивъ порицалъ его во всеуслышаніе, и только на основаніи добрыхъ качествъ цезаря (о которыхъ повидимому много было говорено прежними ораторами) доказывалъ сенату, что ему нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ излишне строгимъ мѣрамъ, что онъ, по счастью, избавленъ отъ этой необходимости и долженъ воспользоваться предоставленною ему свободою дѣйствій для облегченія участи обвиненнаго. Кто и говорить, что вина можетъ остаться ненаказанною! Но почему непременно нужно возвращаться къ жестокимъ наказаніямъ стараго времени, которыя сами собою вышли изъ употребленія? Слѣдуя римскимъ же постановленіямъ, можно остаться въ точныхъ предѣлахъ законности и не

заслужить себя и своему времени нареканія въ напрасномъ безчеловѣчїи. За чѣмъ непременно убивать челоуѣка, когда по закону можно довольствоваться распродажею его имѣнія и заточеніемъ его на какой-нибудь отдаленный островъ, гдѣ бы онъ могъ до конца влачить свои виновные дни и служить живымъ примѣромъ того, какъ истинное правосудіе умѣетъ согласить строгость съ милостію?

Никто, конечно, слыша этотъ отдаленный отголосокъ рѣчи благороднаго римскаго сенатора, не упрекнетъ его въ пристрастіи къ обвиненному. Не интересы одного лица, — онъ защищалъ, поднималъ въ дѣлѣ Антистія общечеловѣческіе интересы, которые еще такъ далеки были отъ мысли его современниковъ. Въ рѣчи Тразев впервые можетъ быть и еще въ самыхъ неясныхъ чертахъ выступилъ прекрасный идеалъ, котораго полное раскрытіе принадлежитъ уже гораздо позднѣйшимъ поколѣніямъ. Мысль оратора была направлена не противъ наказанія, а противъ того, что было въ немъ свирѣпаго и безъ нужды унижающаго личное челоуѣческое достоинство. Преклоняясь передъ идеею карающаго правосудія, онъ однако желалъ смягченія его формъ, по мѣрѣ того, какъ смягчались самые нравы народа. Проникнутая теплымъ сердечнымъ убѣжденіемъ, рѣчь Тразев не осталась безъ дѣйствія на слушателей. Сенатъ римскій, несмотря на свою видимую апатію, не смотря на то, что современная зараза коснулась и его своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, не утратилъ впрочемъ всей способности къ благороднымъ движеніямъ. Ему бы только былъ хоропій запѣвало, а онъ съ своей стороны не прочь былъ подхватить его дружнымъ хоромъ. Тразев своимъ краснорѣчіемъ какъ-будто пробилъ ледяную кору: какъ только консулъ дозволилъ раздѣленіе голосовъ, тѣ же самые сенаторы, которые не задолго передъ тѣмъ готовы были подписать Антистію смертную казнь, соединенную съ крайнимъ безчестіемъ, тотчасъ перешли на противоположную сторону — покоряясь тому направленію, которое указано было имъ смѣлою мыслию послѣдняго оратора. Въ непродолжительное время увлеченіе распространилось почти на все сословіе. Исключеніе составляли только отъявленные льстецы и люди боязливаго нрава, которые никогда бы не позволили себѣ сказать открыто свое настоящее мнѣніе. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла привелъ въ смущеніе консуловъ, на которыхъ лежало исполненіе сенатскаго приговора. Опасаясь, чтобы на нихъ не пала вся отвѣтственность, они обратились письменно къ Нерону и напередъ испрашивали его согласія.

Цезарю представлялся прекрасный случай показать свое великодушіе. Было же время — онъ не зналъ какъ выразить свое сожалѣніе, что умѣетъ писать, когда ему подносили смертные приговоры для подпи-

¹ Ibid. с. 49.

сама. Съ тѣхъ поръ прошло много времени: Неронъ возмужалъ и сдѣлался гораздо самостоятельнѣе; никакая внѣшняя необходимость не понуждала его болѣе подписывать то, что ему не нравилось; оставался при своемъ искусствѣ писать, онъ могъ по своей собственной волѣ смягчать приговоры, которые казались ему слишкомъ жестокими. Въ настоящемъ случаѣ впрочемъ отъ него требовалось еще менѣе. Благодаря доброму зачинанію (иниціативѣ) Тразена, приговоръ былъ уже смягченъ состоявшимся сенатскимъ рѣшеніемъ: отъ цезаря ожидали только, что онъ оставитъ его во всей силѣ, т. е. не возвыситъ наказанія. Получивши запросъ консуловъ, Неронъ однако призадумался. Если чувство приличія, стыда, требовало отвѣчать утвердительно, то другой не менѣе внутренней голосъ подсказывалъ совершенно противное рѣшенію. Неронъ только не говорилъ явно, а внутренно очень жалѣлъ, что состоявшійся приговоръ надъ Антистіемъ былъ ниже его ожиданій. Чувство досады взяло наконецъ верхъ надъ стыдомъ и сказало въ отвѣтъ цезаря консуламъ. Онъ писалъ, что ничто, по его мнѣнію, не оправдываетъ Антистія; вина его тѣмъ значительнѣе, что она не была вызвана никакою несправедливостію со стороны оскорбленнаго лица; сами же сенаторы объявили, что она не должна остаться ненаказанною, а какъ скоро высказано такое требованіе, само собою разумется, что наказаніе должно быть соразмѣрно съ виною преступника. Но высказавъ свою настоящую волю, Неронъ не хотѣлъ однимъ разомъ разрушить то доброе мнѣніе, которое все еще держалось объ его нравѣ между Римлянами, и потому счелъ за нужное, только что приподнявши маску, опять опустить ее на лице. Впрочемъ—оговаривался онъ въ заключеніе своего отвѣта консуламъ — я не потерпѣлъ бы только излишней строгости въ судьяхъ, но никакъ не могу воспретить снисхожденія съ ихъ стороны: пусть какъ знаютъ; такъ и рѣшаютъ; ничто не мѣшаетъ имъ, если они того захотятъ, и вовсе избавить преступника отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ. Последняя черта прямо уже отзывалась ироніей. Несмотря на кажущуюся двусмысленность отвѣта цезаря, всякій могъ понять, въ чемъ состояло его настоящее желаніе. Но можетъ быть именно потому, что эта воля была выражена не довольно рѣшительно, она не произвела въ сенатъ ожиданнаго дѣйствія. Не мудрено также, что сенатъ, разочаровавшись въ своемъ видахъ на цезаря, нашелъ въ уклончивомъ отвѣтѣ его новое побужденіе для себя — настаивать на свое прежнее рѣшеніе. Тразена, съ свойственною ему твердостію духа, объявилъ первый, что онъ остается при своемъ мнѣніи. Къ нему тотчасъ примкнули всѣ прочіе сенаторы, бывшіе прежде на его сторонѣ. Примѣръ мужественныхъ поддѣйствовалъ на робкихъ и малодушныхъ, и такимъ образомъ, для поддержанія сенатскаго рѣшенія, составилось большинство еще болѣе много-

численное, чѣмъ то, которое произнесло его въ первый разъ. Тацитъ ничего не говоритъ о послѣдствіяхъ; но самое его молчаніе даетъ намъ право заключать, что противорѣчій — ни прямыхъ, ни косвенныхъ — болѣе не было, и что приговоръ сената былъ исполненъ во всей точности.

Прошло около двухъ лѣтъ по возвращеніи Нерона изъ Кампаніи. Все это время онъ неотлучно оставался въ столицѣ имперіи или въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Страшная катастрофа, обрвавшая дни Агриппины и смутившая въ то время самого виновника ея смерти, позабылась всѣми, и Римляне, казалось, довольно привыкли къ новому цезарю. Нельзя было не присмотрѣться къ нему, когда онъ самъ безпрестанно показывалъ себя публикѣ; но они очень ошибались, если думали, что узнали его сполна. Римлянамъ досталось пока узнать его лишь съ той стороны, которая наиболее была обращена къ нимъ, т. е. со стороны артистической; но всякій пойметъ, что она одна не составляла всего человека. Правда, что это была самая чувствительная жила въ цѣломъ организмѣ Нерона, что артистическая дѣятельность занимала его прежде всего и болѣе всего, что она необходимо выходила изъ условій его личной природы; но частное, личное, не уничтожало общаго, родоваго, и рано или поздно, человекъ какъ онъ есть долженъ былъ выступить изъ-за артиста, который временно закрывалъ его собой. Если угодно, онъ уже и выступалъ нѣсколько разъ въ полномъ своемъ видѣ, съ самыми потаенными душевными движеніями — для тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ замѣчать. Лишь нельзя было довольно приглядѣться къ этой общечеловѣческой сторонѣ героя, потому что до сихъ поръ она болѣею частью раскрывалась при немногихъ свидѣтеляхъ, вдали отъ общества, въ тѣсныхъ предѣлахъ самаго довѣреннаго круга. Если же нѣкоторыя черты и проникали отсюда въ публику, то ихъ часто толковали въ народѣ по своему, весьма рѣдко впопадъ. Даже въ сенатѣ, какъ видно изъ дѣла Антистія, имѣли объ Неронѣ далеко невѣрное понятіе. Чтò же мѣшало ему до сего времени показаться передъ римскою публикою тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, мимо его артистическихъ наклонностей?

Отвѣчать на этотъ вопросъ не будетъ трудно, если войдти въ самое положеніе лица, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Это положеніе конечно много измѣнилось въ его пользу съ того времени, какъ не стало Агриппины: Неронъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе и въ нѣкоторой мѣрѣ даже самостоятельнѣе, зная, что ея неусыпный глазъ не слѣдитъ болѣе за нимъ. Но мы уже знаемъ, какое употребленіе сдѣлалъ онъ

изъ этой новой свободы. На первое время она вся пошла на удовлетвореніе артистическихъ потребностей. По одной этой части у Нерона было столько хлопотъ, что удивляешься, какъ находилъ онъ время, чтобы вездѣ поспѣвать, чтобы не присутствовать только, но и участвовать на всѣхъ почти публичныхъ зрелищахъ и играхъ. Тутъ только и было дѣла, чтд артисту. Потомъ, когда остылъ жаръ перваго увлеченія, надобно же было Нерону хоть немного перевести духъ и подумать о своемъ положеніи, которое было еще довольно ново и не представляло совершенной безопасности. Римляне стали подъ конецъ очень суеверны. Однажды показалась на небѣ необыкновенная звѣзда: въ народѣ тотчасъ составилось мнѣніе, что цезарю угрожаетъ какаля-то бѣда, что ему не сдобровать, и ужъ начали ходить толки о томъ, на кого можетъ пасть выборъ въ случаѣ его смерти или паденія¹. Рубеллій Плавтъ, тотъ самый, который имѣлъ уже несчастье разъ возбудить противъ себя подозрѣніе цезаря², былъ даже названъ по имени, какъ человекъ, имѣющій наиболѣе правъ быть его преемникомъ. Рубеллію пришлось поплатиться за эту опасную честь довольно дорого: онъ былъ высланъ изъ Рима и принужденъ навсегда переселиться въ Азію; но съ этого времени и Нерону должны были открыться глаза на нѣкоторыя опасности въ его собственномъ положеніи. Были сверхъ того и вовсе непредвидимыя случайности, которыя временно осуждали цезаря на совершенное бездѣйствіе. Одинъ такой случай, приводимый нашимъ историкомъ лишь въ немногихъ словахъ, стоитъ особеннаго упоминанія, какъ новое доказательство того, что Неронъ не останавливался ни передъ чѣмъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи его личной страсти или даже просто каприза. Захотѣлось ему купаться въ водоемѣ знаменитаго Марціева водопровода, славившагося необыкновенною чистотою и прозрачностію своей воды, — и онъ выкупался въ немъ, несмотря на то, что подобное дѣйствіе прямо оскорбляло религиозныя понятія Римлянъ, которые смотрѣли на водные источники и водоемы какъ на святиню. По замѣчанію того же историка, впрочемъ, Нерону не прошло даромъ это наглое нарушеніе обычая, освященнаго давностию и мѣстными вѣрованіями: онъ впалъ потомъ въ жестокую болѣзнь, отъ которой самая жизнь его была нѣкоторое время въ опасности³.

Но разбирая всѣ обстоятельства, которыя долгое время мѣшали Нерону развернуться какъ слѣдуетъ, не надобно терять изъ виду самое главное. Чѣмъ дальше человекъ простирается въ жизнь, тѣмъ больше связывается своимъ прошедшимъ. Не во власти человека разорвать

¹ Ann. XIV, с. 22.

² См. 3-ю статью (Проп. Т. III), стр. 305.

³ Ann. *ibid.*

по первому желанію эту жизненную связь между прошлымъ и послѣдующимъ, потому что она—органическаго свойства. Жизнь слагается не изъ одного ряда дней, но и изъ цѣпи дѣлъ, которыя не хотятъ много рознить между собою. Многія изъ нихъ помимо воли самого дѣлателя надолго становятся обязательными для него въ будущемъ. У Нерона также было свое прошедшее, съ которымъ не легко можно было развязаться ему. Это прошедшее большею частию прошло подъ чужимъ вліяніемъ, кромѣ немногихъ минутъ, когда онъ, вырвавшись изъ подъ надзора, позволялъ себѣ тѣ вольности, которыя уже извѣстны читателямъ изъ прежнихъ рассказовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать какъ главѣ государства, онъ часто былъ только исполнителемъ чужой воли, которая диктовала ему свои мысли, или управляла его рукою. На совѣсти его, правда, было уже не одно злодѣяство, вышедшее прямо отъ него, или совершенное по его приказанію; но тѣ были дѣла темныя, на которыя нельзя ни сослаться, ни опереться по желанію, о которыхъ надобно было постараться забыть и самую память. Однимъ изъ этихъ злодѣяствъ онъ купилъ себѣ наибольшую долю своей свободы; смерть матери избавила его отъ самаго докучливаго попечительства и вмѣстѣ отъ самаго повелительнаго надзора: перейдя черезъ ея трупъ, онъ точно сталъ болѣе чѣмъ когда-нибудь господиномъ своихъ дѣйствій, — но подлѣ него, или во крайней мѣрѣ на весьма близкомъ разстояніи отъ него оставались еще свидѣтели прежней его жизни и прежнихъ дѣлъ, которые долгое время принимали самое дѣятельное участіе въ надзорѣ надъ нимъ и хотя исподволь успѣли пріобрѣсти себѣ авторитетъ въ его глазахъ ¹. Бурръ и Сенека связаны были съ своимъ воспитанникомъ и другими связями. Они руководили и поддерживали его въ трудовой борьбѣ съ Агриппиною, они же своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ и молчаливымъ согласіемъ прикрыли и его преступленіе. Сказать, что они и послѣ того успѣли сберечь свой зыбкій авторитетъ и сохранить на цезаря прежнее вліяніе, значило бы хотѣть говорить свое противъ положительнаго свидѣтельства событій: мы вѣдѣли, какую жалкую роль приходило играть Бурръ на зрѣлищахъ; Сенека повидимому держался лучше, достойнее, но едва ли отъ того имѣлъ болѣе вѣса въ глазахъ цезаря. Да и кто поверить, чтобы Неронъ, не потерпѣвшій матери подлѣ себя, могъ потерпѣть еще надъ собою чье-нибудь постороннее вліяніе? Этого вліянія конечно не было, но оставалось вниманіе, постоянно на него обращенное, Оно не зависѣло отъ воли цезаря и не поддавало никакимъ

¹ *Doctores imperatorum juvenae* — какъ называется, очень жѣтно Тацитъ Сенеку и Бурра, см. *Ann. XI I, 2*.

запрещеніямъ. Чей глазъ приученъ былъ слѣдить за нимъ съ самой первой его юности, чья мысль привыкла съ давнихъ поръ входить во все его дѣйствія, о томъ навѣрное можно сказать, что онъ, даже и потерявши право надзора, не измѣнилъ своей старой привычкѣ, и если не могъ болѣе открыто высказывать свое одобреніе или неодобреніе, то произносилъ тотъ же самый судъ въ своей душѣ. Неронъ, разумвется, не слышалъ этого суда надъ его дѣйствіями, но довольно было ему знать людей, чтобы догадываться и о томъ, что должно было происходить въ ихъ сознаніи. Подобные свидѣтели, какъ бы ни были они молчаливы, не могутъ быть пріятны. Если они не мѣшаютъ дѣйствовать, то важутъ совѣсть. Для нѣкоторыхъ людей самая эта совѣсть часто есть не что иное, какъ отраженіе чужаго сознанія объ ихъ дѣлахъ. Не будь его, — и они позволили бы себѣ гораздо болѣе свободы... Поэтому-то и желаютъ какъ можно скорѣе избавиться отъ такихъ свидѣтелей особенно тѣ, которые не боятся никакого противорѣчія съ самими собою, но не любятъ, чтобы это противорѣчіе замѣчали въ нихъ другіе.

Въ такомъ точно положеніи былъ Неронъ въ отношеніи къ свидѣтелямъ своей юности, къ тѣмъ, которые заправляли его воспитаніемъ, или были первыми его руководителями послѣ совершеннолѣтія. Они потеряли свое прежнее вліяніе на него, но сами остались вѣрны своей обычной привязанности къ нему. Неронъ былъ далекъ отъ того, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ, однако не рѣшался отпустить ихъ отъ себя. Онъ могъ заставить ихъ—противъ воли присутствовать при зрѣлищахъ и смотреть на нихъ съ принужденною улыбкою, но ни въ какомъ случаѣ не могъ надѣяться заслужить ихъ искреннее одобреніе. Они, пожалуй, были всегда на лицо, и не позволяли себѣ ни одного знака и ни одного звука въ осужденіе цезарю: но самое ихъ присутствіе при его потѣхахъ не было ли олицетвореннымъ упрекомъ ему? Если бы позволительно было дѣлать догадки помимо прямыхъ историческихъ указаній, мы бы готовы были подумать, что самыя отношенія Нерона къ Цондѣ, которые послужили поводомъ къ последнему расчету съ Агриппиною, потому только оставались еще нѣрвшенными, что ему какъ-то совѣстно было окончательно разорвать связь съ Октавіею въ глазахъ все тѣхъ же неумолимыхъ, хотя и безмолвныхъ, свидѣтелей.

Быть можетъ, должно бы еще протавулось это фальшивое положеніе, по причинѣ недостатка твердой воли, рѣшимости, со стороны главнаго дѣйствующаго лица; но неотвратимая рука судьбы была уже занесена надъ однимъ изъ тѣхъ, кого мы называемъ свидѣтелями. Смерть вдругъ постигла Бурра, прежде чѣмъ Неронъ обнаружилъ какимъ-нибудь знакомъ свою немилость къ нему, или показалъ хотя только перемену расположенія. По обычаю вѣка, эта смерть также оставила по себѣ много со-

живній. Кто видѣлъ въ ней естественное дѣйствіе болѣзни, а кто приписывалъ ее яду. По этому случаю рассказывали даже пѣвную исторію. Сущность ея состоитъ въ томъ, что будто, воспользовавшись дѣйствительною болѣзнію Бурра, ему успѣли влить въ ротъ, подъ видомъ лѣкарства, какое-то вредное вещество, и что такое распоряженіе шло непосредственно отъ самаго цезаря. Больной, говорятъ, скоро догадался, въ чемъ дѣло, и когда Неронъ самъ пришелъ навѣстить его, онъ отвернулся отъ него въ сторону и на всѣ вопросы сказалъ только: мнѣ теперь хорошо. Нашъ историкъ, приводя всѣ эти извѣстія, оставляетъ впрочемъ дѣло подѣ сомнѣніемъ. Мы тоже не беремъ на себя утвердительно повторять обвиненіе, для котораго не знаемъ другаго болѣе вѣрнаго источника, кромѣ народной молвы. Несчастныя эпохи упадка общественной нравственности, когда чужая жизнь никому не свята, полны подобнаго рода обвиненій. Для людей, привыкшихъ видѣть около себя дѣйствіе кишжала или яда, естественная смерть чловѣка съ вѣсомъ и значеніемъ представляется какъ-то неестественною, если въ ней не участвовало какое-нибудь тайное насиліе. Но чтобы, съ другой стороны, не уйдти слишкомъ далеко отъ истины, мы должны прибавить, что другіе историки, упоминающіе о смерти Бурра, положительно произносятъ обвиненіе въ отравѣ¹. Не имѣя возможности повѣрить показанія древнихъ историковъ въ данномъ случаѣ, мы не можемъ противопоставить имъ и рѣшительнаго противорѣчія.

Смерть Бурра тотчасъ повлекла за собою важныя перемѣны по управленію. Самая видная изъ нихъ состояла въ томъ, что постъ главнаго начальника преторіанскихъ когортъ, первый въ имперіи послѣ достоинства самаго цезаря, по степени соединенной съ нимъ власти и политическаго значенія, переходилъ теперь въ другія руки. Для замѣщенія этого важнаго поста представлялись два кандидата—Феній Руфъ и Софоній Тигеллинъ. Первый изъ нихъ пользовался въ Римѣ большою популярностію, которую успѣлъ заслужить себѣ своею честностію (добродѣтель столько рѣдкая въ то время) по управленію хлѣбными запасами, назначенными для народнаго продовольствія². Совсѣмъ другаго рода была извѣстность втораго кандидата въ начальники преторіанскихъ когортъ. Онъ былъ красивъ по виду, а по душѣ — былъ достойный представитель своего темнаго вѣка и своего неразборчиваго поколѣнія. Извѣстность его восходила еще ко временамъ молодости Агриппины, но для этой давней извѣстности не было другаго болѣе

¹ См. Suet. Ner. 55: Burro praefecto remedium ad fauces pollicitus, toxicum misit. — Dio Cass. 62, 13: *Βούρρον φαρμάκῳ διέλεβε.*

² Онъ былъ praefectus annonae. См. Ann. XIII, 22.

виднаго основанія, кромя приводимаго нѣкоторыми историками подозрѣнія, что онъ находился тогда въ связи съ дочерью Германика¹. Гораздо известнѣе стало имя Тигеллина въ народѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался неотлучнымъ спутникомъ Нерона и соучастникомъ въ самыхъ потаенныхъ его безпутствахъ. Мы, правда, до сихъ поръ почти не замечали его присутствія въ ближайшемъ окруженіи цезаря: Тигеллинъ повидимому никогда не занималъ мѣста ни между его доверенными советниками, ни между нескромными застольниками и товарищами его ночныхъ прогулокъ по городу; но это доказываетъ только его умѣнье держаться въ тѣни и безъ нужды не выставляться впередъ; впрочемъ, если отъ насъ и ускользнула та роль, которую онъ могъ играть прежде, то отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы современники также мало знали о ней. Понятно, что такой человекъ былъ гораздо болѣе по вкусу Нерона, чѣмъ какой-нибудь Феній Руфъ съ его популярностью². Однако нельзя же было совершенно пренебречь приличіями. Феній Руфъ былъ силенъ не одною популярностью: онъ сверхъ того пользовался хорошею репутаціею въ войскахъ. Такова ли была извѣстность Тигеллина, чтобы можно было безопасно устранить въ пользу его популярное имя другаго искателя? Неронъ понималъ это не хуже кого другаго; но какъ онъ не любилъ отказываться отъ своихъ желаній, то состоялось опредѣленіе, по которому, вмѣсто Бурра, оба они, и Руфъ и Тигеллинъ, назначались начальниками преторіанскихъ когортъ.

Другая перемена, хотя менѣе замѣтная, была впрочемъ еще значительнѣе. Отсутствіе Бурра не могло не почувствоваться его старому товарищу, который шелъ съ нимъ объ руку во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ общей политической жизни. Если въ натурахъ Бурра и Сенеки было и немного общаго, то сходство положеній и однородность цѣлей въ довольно долгій срокъ времени свели ихъ на столько между собою, что они постоянно нуждались другъ въ другѣ и не могли болѣе дѣйствовать розно. Вмѣстѣ пробовали они управить свой маловажный корабль въ безопасную пристань, вмѣстѣ потерпѣли на немъ кораблекрушеніе и наконецъ, кое-какъ приютившись на утесистомъ берегу, съ одинаково-грустнымъ взоромъ смотрѣли оттуда, какъ буйныя волны носили обломки ихъ разбитаго судна. Они, кажется, ничего не ждали болѣе, ничего не надвѣялось, но считали долгомъ оставаться до конца на своемъ постѣ. Но вотъ пришла смерть и поразила

¹ См. Dio Cass., 59, 23, который впрочемъ и это обвиненіе также выставляетъ довольно положительно.

² Tac. XIV, 51: Validior Tigellianus in animo principis et intimis libidines adsumptus, prospera populi et militum fama Rufus,

своимъ роковымъ ударомъ одного изъ нихъ. После всѣхъ лишений товарищу его пришлось еще испытать всю горечь сиротства и совершеннаго одиночества. Для преклонныхъ лѣтъ Сенеки тяжело было такое испытаніе. Въ лицѣ Бурра онъ лишился не только послѣдняго обошщенія жизнью, но и послѣдней надежной опоры въ ней. Если Сенека была душою ихъ прежнихъ общихъ совѣтовъ, то Бурръ могъ назваться въ нихъ главнымъ дѣлопроизводителемъ. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою умъ, свѣтъ мысли, другой служилъ правою рукою при исполненіи принятыхъ рѣшеній. Лишившись Бурра, Сенека оставался какъ бы безъ руки. Хотя бы мысль его была дѣятельна по прежнему, онъ долженъ былъ однако понять, что она осуждена впредь на безплодіе. Чѣмъ больше возрастало зло вокругъ, тѣмъ больше рѣдѣли рады тѣхъ, которые сохранили еще на столько вѣры въ человека, что надѣялись возвратить его къ добру¹. Озираясь вокругъ себя, Сенека едва ли въ состояніи былъ назвать — между лицами, окружавшими цезаря — два имени къ ряду, которыя бы служили ему твердымъ ручательствомъ, что, выходя на тернистый путь добра и правды, можно по крайней мѣрѣ надѣяться — не лишиться себя всѣхъ симпатій со стороны людей. Было отъ чего придти ему въ уныніе и повѣсить голову, когда-то гордую высокими идеалами, теперь же невольно клонившуюся къ землѣ отъ полноты разочарованія.

Послѣдняя твердость духа Сенеки должна была поколебаться передъ тѣми толками, которые стали ходить тогда между Римлянами, по всей вѣроятности распущенные съ намѣреніемъ его недоброжелателями. Чего еще прежде не бывало, — доброе имя Сенеки и самыя его намѣренія вдругъ подверглись многимъ сильнымъ порицаніямъ. Первое нападеніе повидимому имѣло за себя наиболѣе основаній: оно было устремлено на огромныя богатства, которыя принадлежали воспитателю цезаря и собраны были имъ не болѣе какъ въ четырнадцать лѣтъ. Но порицатели Сенеки не знали никакой мѣры своимъ обвиненіямъ: они говорили, что онъ только и думаетъ о томъ, чтобы умножить пріобрѣтенное, что его виллы превосходятъ великолѣпіемъ и изяществомъ загородныя дворцы самого цезаря, что наконецъ не съ добрымъ намѣреніемъ старается онъ заискать въ свою пользу народное расположеніе. Его обвиняли потомъ какъ большаго себялюбиваго и самаго завистливаго человека въ мірѣ, который никого не считаетъ равнымъ себѣ въ краснорѣчій, и когда замѣтилъ успѣхи Нерона въ поэзіи, самъ принялся за стихи, чтобы не дать обойти себя въ чемъ бы то ни было своему воспитаннику. Сенеку обвиняли еще въ томъ, будто онъ съ презрѣніемъ отзывался объ навздническомъ искусствѣ цезаря, смѣялся надъ его голосомъ, когда тотъ пѣлъ, надъ его

¹ Ibid: nec bonis artibus idem virium erat velut duce amoto, et Nero ad deteriores inclinabat.

дикціей, когда онъ декламировалъ. Все это, разумѣется, приписывалось зависти воспитателя. Да когда же всему этому будетъ конецъ? восклицали въ заключеніе нетерпѣливые обвинители. До которыхъ же поръ еще нельзя будетъ показаться въ Римъ ни одному новому таланту безъ того, чтобы не возбудить противъ себя завистниковъ? Пора бы ужъ цезарю и разстаться съ своимъ педагогомъ: дѣтство его давно прошло, и онъ не имѣетъ болѣе нужды въ чужихъ урокахъ и наставленіяхъ. Если же онъ нуждается въ хорошихъ образцахъ, то кажется довольно съ него и тѣхъ, которые онъ имѣетъ въ своихъ знаменитыхъ предкахъ. Какая ученость можетъ сравниться съ ихъ доблестями?

Прислушиваясь къ этимъ толкамъ, Сенека понялъ, что земля, на которой онъ стоялъ, не тверда подъ его ногами. Увеличивавшаяся къ нему со дня на день холодность цезаря разрушала и послѣднее очарованіе. Не нужно было много проникательности, чтобы понять тѣсную связь между его поведеніемъ и тѣми рѣчами, въ которыхъ осмѣивались отношенія его къ воспитателю. Не только возвратитъ свое прежнее вліяніе, — Сенека не могъ болѣе помышлять и о томъ, чтобы удержать свое настоящее положеніе. Тогда созрѣло въ немъ рѣшеніе, къ которому смерть Бурра по всей вѣроятности была первымъ поводомъ. Сенека просилъ себя особой аудіенціи у цезаря, и получивъ ее, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: Вотъ ужъ четырнадцатый годъ, цезарь, съ тѣхъ поръ, какъ юность твоя ввѣрена была моему попеченію, и осмой съ того времени, какъ ты правишь имперією. Въ этотъ промежутокъ времени ты столько излилъ на меня отъ твоихъ щедротъ, такъ возвысилъ меня передъ другими и надѣлилъ меня такими благами, что для счастья моего остается пожелать развѣ одного, чтобы мнѣ позволено было возвратиться къ умѣренности. Да не смущаетъ тебя моя просьба: не я первый, — въ жизни твоихъ великихъ предковъ есть и другіе примѣры подобнаго снисхожденія. Твой прадедъ не противился, когда Маркъ Агриппа захотѣлъ удалиться въ митилейское уединеніе, и Меценатъ поступилъ не противъ его воли, когда, устранившись отъ дѣлъ, жилъ въ Римѣ совершеннымъ отшельникомъ. А они ли еще не заслужили себя права пользоваться до конца своей жизни милостями цезаря — одинъ своими военными подвигами, другой своею неутомимою и столько полезною мирною дѣятельностію? Я же, если и былъ сколько-нибудь полезенъ тебѣ, то далеко не въ мѣру твоихъ новыхъ благодѣяній ко мнѣ. Я не принесъ съ собою ничего, кромѣ скуднаго запаса моихъ знаній, собранныхъ мною такъ сказать въ глуши уединенія, и если потомъ составилъ себя ими нѣкоторую извѣстность, то и этимъ обязанъ лишь тому счастливому обстоятельству, что удостоился чести послужить ими при твоёмъ образованіи. Твои же щедроты ко мнѣ превзошли всякую мѣру. Въ награду за мою малую у-

служу, ты осыпалъ меня такими неслыханными благодѣяніями, что если бы другіе и не говорили ничего, то я самъ не могу не подумать про себя: какъ? съ моимъ темнымъ происхожденіемъ, выходящъ изъ отдаленной провинціи, я могъ стать на ряду съ первыми знаменитостями въ государствѣ? я, человекъ безъ имени, могъ подняться на одну высоту съ древнѣйшими родами, которыми Римъ по справедливости гордится какъ своимъ лучшимъ украшеніемъ? Но гдѣ же моя заслуга? А эта прославленная философская умѣренность — ужь не въ томъ ли она состоитъ, чтобы владѣть огромными землями, пользоваться несмѣтными доходами, настроить себѣ великолѣпныхъ дачъ и проводить свое время въ роскошныхъ садахъ? Признаюсь, если бы кто выступилъ противъ меня съ подобнымъ обвиненіемъ, я могъ бы сказать въ оправданіе себѣ развѣ одно — что, когда ты изливалъ на меня свои щедроты, я не въ правѣ былъ отказываться отъ нихъ. Повѣрь мнѣ, цезарь, что мы оба наконецъ превзошли мѣру справедливости, ты — осыпая меня своими благодѣяніями, я — принимая ихъ отъ тебя. Излишество обыкновенно порождаетъ зависть. Тебѣ она не страшна: ты стоишь слишкомъ высоко, чтобы она могла достигнуть тебя; но мнѣ приходится отъ нея плохо, и я долженъ искать себѣ защитниковъ. Какъ усталый путникъ нуждается въ посторонней опорѣ, такъ я, утомленный долгимъ путемъ жизни, и изнемогая отъ старости, чувствую, что не въ состояніи болѣе сдерживать на плечахъ моей тяжести и взываю о помощи. Прикажи взять мое имущество подѣ твое управленіе и приющи его опять къ твоей собственности. Я отъ того не сдѣлаюсь нищимъ, а между тѣмъ избавлюсь отъ лишнихъ хлопотъ и заботъ, которыя теперь поглощаютъ у меня все время, и буду имѣть досугъ для занятій, свойственныхъ моему состоянію и возрасту. Ты тоже ничего не теряешь: при твоихъ силахъ, съ твоею властію ты не нуждаешься ни въ чьей опорѣ, отпуская же отъ себя старыхъ друзей своихъ, приобретаешь въ нихъ всегда вѣрныхъ рачителей твоего же мира и спокойствія на сторонѣ. Пока продолжатся ихъ дни, они твердо сохраняютъ въ своей памяти, что тебѣ же были обязаны, если когда въ своей жизни достигали высокаго общественнаго значенія, первыхъ степеней въ государствѣ¹.

Такъ, или почти такъ говорилъ Сенека своему бывшему воспитаннику. Хотя рѣшеніе и отзывалось мужествомъ философа, но въ самой рѣчи слышался риторъ. Какъ хитро изворачивается онъ, чтобы не оставить цезаря въ сомнѣніи относительно своихъ настоящихъ намѣреній и ничѣмъ не затронуть его щекотливаго самолюбія! Какъ онъ льститъ ему и въ то же время умѣетъ поставить на видъ свои собствен-

¹ Ann. XI V, 54: ad tuam gloriam cedit, eos ad summa venisse qui et modica tolerarent.

ннѣ достоинства! Какъ виденъ въ немъ старый школяръ, который привыкъ упражняться въ краснорѣчіи, и боясь, какъ бы не сконфузиться передъ своимъ перемчивымъ ученикомъ, старается щегольнуть передъ нимъ и искуснымъ оборотомъ и ловкою фразою! Время на всѣхъ положило свою печать, не исключая и тѣхъ, которые по уму и образованію безспорно стояли выше своихъ современниковъ. Но и ученикъ не хотѣлъ ни въ чемъ уступить своему учителю. Онъ принялъ рѣчь Сенеки какъ вызовъ на бой риторическимъ искусствомъ и съ свойственнымъ ему присутствіемъ духа рѣшился отражать ударъ за ударомъ.

«Если на твою обдуманную рѣчь — началъ онъ — я въ состояніи отвѣчать безъ приготовленія, то этимъ обязанъ я тебѣ и тому искусству, которое ты мнѣ передалъ. Совершенно справедливо, что правдѣ мой Августъ дозволилъ Агриппѣ и Меценату удалиться отъ дѣлъ; но я думаю, что, каково бы ни было рѣшеніе Августа, во всякомъ случаѣ впрочемъ оно должно быть выше всѣхъ нареканій, ибо за него достаточно уже говорить лѣтами приобретенная опытность цезаря въ дѣлахъ и самый авторитетъ его имени. Притомъ же Августъ оставилъ за ними все, чѣмъ они пользовались прежде. Положимъ, что Агриппа и Меценатъ заслужили себѣ право на особенное снисхожденіе цезаря, какъ соучастники его славныхъ дѣлъ по оружію. Но я могу сказать съ увѣренностію, что ты точно также не отказалъ бы мнѣ въ твоемъ содѣйствіи, если бы я находился въ подобномъ положеніи. Судьба иначе расположила мою жизнь, — и кто, какъ не ты, управилъ добрыми совѣтами и мудрыми наставленіями сначала мое дѣтство, а потомъ и самую юность? Чтѣ бы ни было со мною впередъ, но память о томъ, чтѣ ты сдѣлалъ для меня, не умретъ во мнѣ до конца моихъ дней. Не такъ прочны всѣ эти виллы, сады, и все, чтѣ ты имѣешь отъ моей щедрости, какъ неизмѣнно мое чувство признательности къ тебѣ. И будто ты въ самомъ дѣлѣ такъ много имѣешь? Но сколько людей, которые не могутъ равняться съ тобою ни въ какомъ отношеніи, имѣютъ однако гораздо больше? Мнѣ право совѣстно подумать, что есть недостойные отпущенники, передъ которыми ты могъ бы показаться недостаточнымъ человѣкомъ. Я просто краснѣю отъ стыда, когда вспомню, что тотъ, кто мнѣ дороже всѣхъ по чувству, не со всѣми можетъ поравняться своимъ состояніемъ. Ни твой, ни мой возрастъ также не можетъ служить отговоркою: ты еще въ такихъ силахъ, которыя позволяютъ тебѣ съ пользою служить мнѣ и государству; я только что вступилъ на трудное поприще управленія и не могу похвалиться никакою опытностію. Неужели ты менѣе нуженъ мнѣ, чѣмъ на примѣръ Вителлій¹ Клавдію, который возвысилъ его даже на степень консула и три

¹ Майстимый своею дѣтвоню угодливию отецъ Вителлія, бывшаго послѣдствіи римскимъ императоромъ.

раза заставил избирать его въ это достоинство? или, можетъ быть, на твой взглядъ ни ты, ни я — мы не можемъ равнять себя съ такими высокими образцами? И то еще я долженъ сказать тебѣ, что иные одною экономіею собрали болѣе, чѣмъ сколько я могъ доставить тебѣ со всею моею щедростію. Не ручаюсь за себя: можетъ быть, по свойственному юности легкомыслію, я и уклонялся иногда отъ стези добродѣтели; но въ такомъ случаѣ, кому, какъ не тебѣ направить меня снова на прямой путь и вести по немъ тою же искусною рукою, которая такъ заботливо возростила и украсила мою юность? Повѣрь, что ты никого не поразишь своею умѣренностію: никто не повѣритъ, что, оставляя меня и откѣзываясь отъ всего, чѣмъ я успѣлъ вознаградить тебя, ты имѣлъ въ виду лишь свой покой; всякій скорѣе припишетъ это *моей* алчности и будетъ смотрѣть на *меня* какъ на неблагодарнаго тирана! Да если бы и нашлись такіе люди, которые сдумали бы опънать по достоинству твой поступокъ, то подумай самъ, сообразно ли съ правилами философіи, которой ты считаешься изъ лучшихъ представителей, стараться возвыситься во мнѣніи другихъ, хотя бы то на счетъ своихъ ближайшихъ друзей и ихъ добраго имени.»

Мы старались, следуя нашему историку, передать весь смыслъ рѣчи Нерона, чтобы читатели лучше могли сравнить ее съ тою, которой она служила отвѣтомъ. Кажется, нельзя имѣть въ рукахъ лучшаго доказательства, что ученикъ былъ достоинъ своего учителя, то есть почти не уступалъ ему въ известномъ искусствѣ. Между ними какъ будто вышло настоящее риторическое состязаніе. Рѣчь втораго оратора была составлена почти не менѣе искусно, какъ и перваго: отвѣтъ былъ держанъ на всѣ предложенные пункты, и не было недостатка ни въ ловкихъ фразахъ, ни въ тонкихъ оборотахъ. Словомъ, ударъ отражался ударомъ. Но въ обмѣнъ комплиментами и въ умнымъ маскировать свои настоящія чувства цезарь едва ли даже не превзошелъ своего наставника. Известно впрочемъ, что это послѣднее искусство было у него больше врожденное, чѣмъ заимствованное. Какъ бы то ни было, всѣ приличія были соблюдены, наставнику воздана должная честь, заслуги его оценены даже гораздо выше настоящаго ихъ достоинства, и наконецъ въ самыхъ определенныхъ словахъ выражено повидимому самое искреннее желаніе не только удержать его при себѣ на будущее время, но и сохранить за нимъ прежній голосъ. Чего еще могъ требовать Сенека, чтобы измѣнить принятое имъ рѣшеніе?

Но и выслушавши рѣчь цезаря, Сенека остался вѣренъ своему намѣренію. Ему не нужно было взвѣшивать слова, чтобы понять ихъ подлинное значеніе, угадать истинную мысль оратора: передъ нимъ былъ весь человекъ; онъ не только слышалъ, но и видѣлъ его. Сенека слы-

комъ хорошо зналъ своего воспитанника, чтобы могъ еще вдаться въ обманъ и не прочесть въ его лицѣ, или не угадать по другимъ признакамъ, его настоящихъ намѣреній. Какъ тонкій придворный, онъ не сталъ противорѣчить цезарю, даже разсыпался передъ нимъ благодарностію, но, откланиваясь ему, внутренно откланялся и всѣмъ выгодамъ своего положенія и вынесъ съ собою непреклонное рѣшеніе. Перемяна произошла тихо, едва замѣтно, безъ всякой шумной огласки. Повидимому Сенека выигралъ свое дѣло передъ цезаремъ и удержалъ свое высокое положеніе при немъ; а между тѣмъ Сенека не показывался болѣе при дворѣ, рѣдко видали его съ тѣхъ поръ и въ городѣ, да и тѣ, которые до сего времени были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и искали его теперь въ уединеніи домашней жизни, не находили прежняго свободнаго доступа къ нему: то онъ сказывался нездоровымъ, то запирался у себя въ кабинетъ подъ предлогомъ занятій. Безъ явнаго разрыва съ цезаремъ, Сенека тѣмъ не менѣе рѣшительно отказался отъ публичной жизни и дѣятельности и затворился для всѣхъ у себя дома, за исключеніемъ развѣ небольшого числа своихъ искреннихъ друзей.

Рѣшеніе, приносящее честь философу и заставляющее историка забыть многіе его недостатки. Въ чистотѣ его правилъ и намѣреній не можетъ быть сомнѣнія; но до сихъ поръ, казалось, ему недоставало твердости духа, воли, характера, чтобы строго провести эти правила и въ самой жизни. Въ извиненіе ему можно сказать, что онъ, можетъ быть, принужденъ былъ дѣлать нѣкоторыя уступки своему времени, чтобы тѣмъ вѣрнѣе достигнуть своихъ намѣреній: но если бы эта сдѣлка съ духомъ вѣка и имѣла какую цѣну, она теряетъ ее въ нашихъ глазахъ, когда подумаешь, что намѣренія тѣмъ не менѣе остались неисполненными. Благородно было по крайней мѣрѣ подъ конецъ поприща сознать свою ошибку, отбросить отъ себя несбыточную мечту и однимъ разомъ покончить всѣ ложныя отношенія. Дѣло обошлось конечно не безъ жертвъ, не безъ борьбы съ самимъ собою: какова бы впрочемъ ни была потеря, возстановленная честь человека стояла гораздо дороже ея. Сенека, торжествующій подъ старость лѣтъ — не надъ врагами, а надъ самимъ собою, есть одно изъ тѣхъ немногихъ отрадныхъ явленій, которыя нѣсколько мирятъ съ эпохою римскихъ цезарей, показывая, что въ ней не заглохли еще всѣ добрыя свѣмена, посвященные въ прежнее, лучшее время. Впоследствии мы еще больше будемъ съ состояніемъ оцѣнить его подвигъ, когда узнаемъ, что во времена Нерона выборъ могъ быть не между придворною жизнью и домашнимъ спокойствіемъ, а между расположеніемъ или немилостію цезаря.

Удаленіе Сенеки отъ дѣлъ почувствовалось на многомъ, прежде всего — на личныхъ отношеніяхъ цезаря къ окружающимъ его лицамъ.

Тутъ только обнаружилось, что столько упавшій въ последнее время авторитетъ воспитателя впрочемъ не оставался вовсе безъ вліянія на поведеніе воспитанника, что присутствіе Сенеки при дворѣ держало еще въ уздѣ нѣкоторыя вредныя честолюбія и другія еще болѣе темныя страсти, по крайней мѣрѣ не давало имъ раскрыться во всей наготѣ. Иначе какъ объяснить, что Неронъ, давно бывшій въ связи съ Пoppеєю и — по нѣкоторымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ — любившій ее болѣе всѣхъ другихъ женщинъ, теперь только сталъ помышлять о томъ, чтобы скрѣпить эту связь постояннымъ супружествомъ¹? Почему онъ долго откладывалъ рѣшеніе, которое повидимому зависѣло лишь отъ него самого? Или чтò до сихъ поръ мѣшало вовсе не совѣстливой Пoppее совершенно устранить свою безсильную соперницу и добиться того, чтобы супружествомъ съ цезаремъ увѣнчались всѣ ея тщеславныя стремленія? Предполагать ли, что она вполнѣ удовольствовалась первыми своими успѣхами и скоро успокоилась на нихъ? Но надобно только знать то ожесточеніе, съ которымъ она потомъ преслѣдовала Октавію, чтобы рѣшительно отвергнуть это предположеніе. Пoppея была не Мессалина: чувственность служила ей не цѣлюю, а только средствомъ. Для нея вопросъ состоялъ не въ любви къ ней Нерона, а въ томъ, чтобы, устранивъ черезъ него и около него всякое совмѣстничество, совершенно обезпечить свое положеніе въ будущемъ. Поэтому, хотя нѣкоторое время ея вовсе не видно на сценѣ, мы однако въ правѣ предполагать, что она тѣмъ не менѣе продолжала вести свою интригу, и если она до сихъ поръ не имѣла полного успѣха, то вина тому была въ цезарѣ, который до времени считалъ еще нужнымъ соблюдать приличія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и передъ извѣстными лицами. Мы кажется не ошибемся, назвавши здѣсь Сенеку и Бурра, какъ тѣхъ, въ глазахъ которыхъ Неронъ читалъ иногда напоминаніе о совѣсти передъ людьми. Но какъ скоро не стало ни того, ни другаго изъ нихъ, первымъ дѣломъ его было подумать о томъ, чтобы привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе.

Между тѣмъ новыя совѣтники цезаря думали также воспользоваться независимостію его отъ посторонняго вліянія и для себя. Эта кажущаяся полная независимость Нерона, которая начиналась для него съ смертію Бурра и удаленіемъ Сенеки, имѣла въ сущности лишь относительное значеніе. Она дѣйствительно исключала все, чтò не сообразовалось съ его желаніями и наклонностями, но легко терпѣла подлѣ себя чу-

¹ *Posito metu* — говорятъ Тацитъ, рассказавши о проскрипціяхъ, которыя слѣдовали непосредственно за удаленіемъ Сенеки — *virtus* Poppaeae, *ob ejusmodi terrores dilatat*, *maternalis pietas*, etc. Слѣдовательно Неронъ задумалъ объ этомъ еще прежде, чѣмъ начались проскрипціи.

жое вліяніе, если только оно приложено было къ его же вкусамъ и потребностямъ, или находилось съ ними въ полномъ согласіи. По натурѣ своей Неронъ нисколько не принадлежалъ къ независимымъ характеристамъ, но избалованный столько же воспитаніемъ, сколько и самымъ положеніемъ своимъ, онъ любилъ и терпѣлъ около себя лишь тѣ, чтѣ находилъ по своему вкусу. Поддѣлаться же подъ его наклонности было тѣмъ легче, что, въ той или другой степени, онъ были общими цѣлому поколѣнію, и потому неудивительно, что Неронъ во всѣ возрасты своей жизни находилъ довольно людей, которые готовы были не только дѣлать съ нимъ всѣ забавы и увеселенія, но и участвовать въ самыхъ неприличныхъ его выходкахъ. Само собою разумѣется, что, когда немногіе благонамѣренные совѣтники сошли со сцены, по доброй ли волѣ, или постигнутые смертію, число такихъ людей увеличилось еще болѣе, и подъ видомъ угодливости зачиналось новое вліяніе самаго вкрадчиваго и вмѣстѣ навязчиваго свойства. Повидимому оно не знало для себя другихъ побужденій, кромѣ самой нѣжной заботливости о совершенной безопасности цезаря и спокойствіи его духа, хотя въ сущности всѣ хлопоты новыхъ любимцевъ направлены были лишь къ той цѣли, чтобы еще болѣе расчищать поле, которое открывалось передъ ними съ удаленіемъ Сенеки отъ двора. Неронъ по свойственному ему нетерпѣнію могъ, пожалуй, спѣшить бракомъ своимъ съ Поппеєю, но имъ казалось, что надобно еще воспользоваться благопріятнымъ временемъ для того, чтобы удалить и даже, если можно, навсегда заставить молчать всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ совмѣстниковъ. Въ ихъ рукахъ было очень вѣрное средство къ тому: имъ стоило только, не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ, застрашать воображеніе Нерона, запуганное съ самаго дѣтства. Съ этой слабой стороны на него можно было дѣйствовать всего скорѣе и удобнѣе. Новые совѣтники такъ и сдѣлали. Во первыхъ они успѣли заподозрить въ его глазахъ перваго начальника преторіанскихъ когортъ, Фенія Руфа, на томъ основаніи, что будто онъ пользовался когда-то расположеніемъ матери цезаря. Довольно было назвать имя Агриппины, чтобы воображеніе Нерона помутилось страхомъ. Но чѣмъ болѣе падалъ въ его мнѣніи Феній Руфъ, тѣмъ болѣе возвышался второй начальникъ тѣхъ же когортъ, который ничѣмъ не былъ такъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ прямымъ совмѣстничествомъ другаго въ предѣлахъ одной и той же власти. Тигеллинъ былъ своего рода художникъ — только что художество его было самаго недобраго свойства¹. Онъ очень хорошо понималъ слабыя стороны Нерона и отлично умѣлъ пользоваться его недостатками для сво-

¹ Tac. *ibid*: *malas artes, quibus solis polebat.*

ихъ цѣлей. Такъ, подъ видомъ доброжелательства цезарю, онъ искусно обратилъ въ пользу самое его нетерпѣнiе по случаю задуманнаго имъ брака съ Пуппею, чтобы расширить свое влiянiе. Два человека по- чему-то особенно имѣли несчастье не нравиться новому временщику, и онъ употребилъ все свое искусство, чтобы окончательно погубить ихъ въ глазахъ цезаря. Это были извѣстный уже намъ Рубелiй Плавтъ ¹, который и безъ того состоялъ подъ опалою, и нѣкто Корнелiй Сулла, человекъ вовсе недалекаго ума, но, по несчастiю, тоже не избѣжавшiй подозрительности Нерона, хотя и безъ всякой вины съ своей стороны ². Оба они въ послѣднее время были удалены изъ Рима и жили въ почетномъ заточенiи, одинъ въ Азiи, другой — въ Нарбонской Галлiи. Тамъ, казалось, они были совершенно безвредны для другихъ и сами безопасны отъ всякаго преслѣдованiя; но Тигеллинъ умѣлъ представить Нерону ихъ положенiе совсѣмъ въ иномъ видѣ. Онъ внушилъ ему мысль, что для него всего опаснѣе не городскiя интриги, а тѣ, которыя ведутся за глазами, въ отдаленныхъ провинцiяхъ; онъ заподозрилъ передъ нимъ не только намѣренiя самихъ изгнанниковъ, но и вѣрность цѣлыхъ народовъ, среди которыхъ имъ пришлось жить въ своемъ заточенiи. По словамъ Тигеллина, оба они, и Плавтъ и Сулла, только и замышляли что бунты, а на Азiятцевъ — говорилъ онъ — такъ же мало можно полагаться, какъ и на Галловъ. Вопросъ былъ поставленъ такъ, что цезарь или надолго долженъ былъ отсрочить предположенный бракъ съ Пуппею, или спѣшить сколько можно скорѣе избавиться отъ того, что казалось помѣхою ему. Не нужно говорить, что онъ предпочелъ послѣднее. Тотчасъ сдѣланы были необходимыя распоряженiя, чтобы въ тихомолку и безъ дальнихъ отлагательствъ раздвигаться съ тѣми, которые были невольнымъ поводомъ тревожныхъ грезъ Нерона. Первый ударъ послѣдовалъ такъ быстро, что нельзя было и подумать напередъ объ отраженiи его. Сулла находился въ Массилiи, и ничего не предчувствуя, сидѣлъ за столъ, какъ подоспѣли посланные изъ Рима убiйцы и тутъ же сняли съ него голову. Она была потомъ представлена цезарю и — говорятъ — доставила ему случай пошутиться. Разсматривая ее, какъ курьозный предметъ, Неронъ не безъ удовольствiя отыскалъ на ней признаки преждевременной старости Суллы и забавлялся своимъ нечаяннымъ открытiемъ. Не такъ легко было — казалось сначала — управиться съ другимъ. Первое неудобство заключалось въ отдаленности отъ Рима той провинцiи, которая служила мѣстомъ ссылки для Плавта. Боялись притомъ Корбулона, который, рас-

¹ См. статью третью, Проп. Т. III, отд. I, стр. 303.

² См. о немъ App. XIII, с. 47.

полагая большою военною силою въ Азіи, сдѣленъ былъ еще преданностію ему войска и извѣстенъ своею готовностію помогать несправедливо угнетеннымъ или преслѣдуемымъ; боялись далѣе самаго народонаселенія провинціи, полагая, что оно имѣетъ причины быть недовольнымъ, и въ случаѣ нападенія на Плавта, открыто приметъ его сторону и будетъ его защищать. Однако всѣ эти страхи скоро оказались совершенно напрасными. Родственники Плавта, оставшіеся въ Римѣ, успѣли еще во время дать знать ему о предстоящей опасности; но онъ или былъ столько нерышительнъ, или такъ упалъ духомъ при этомъ извѣстїи, что не хотѣлъ принять даже никакихъ мѣръ предосторожности. Посланные противъ него убійцы, въ числѣ трехъ, тѣмъ легче могли совершить свое преступное дѣло, что застали его за гимнастическими упражненіями. Плавтъ могъ противопоставить ихъ ударамъ лишь свое обнаженное тѣло. Голова его тоже не миновала рукъ Нерона, и видъ ея также не возбудилъ въ немъ ни малѣйшаго состраданія. Любя тщиться всѣмъ безъ разбора, онъ не пропустилъ и этого случая поостриться на счетъ другаго, но время не пощадило его послѣдней насмѣшки надъ Плавтомъ, хотя она и была записана нашимъ историкомъ. До насъ дошли лишь первыя слова его рѣчи, которой полный смыслъ мы возстановить не въ состояніи ¹. Въ послѣдовавшемъ за тѣмъ посланіи къ сенату цезарь лишь слегка упоминалъ объ участи, постигшей Суллу и Плавта, болѣе же распространялся на счетъ ихъ безпокойнаго нрава и повторялъ увѣренія въ своей неуспынной заботливости о общественной безопасности. Сенатъ отвѣчалъ въ томъ же самомъ духѣ: какъ бы ничего не зная о смерти Суллы и Плавта, онъ опредѣлялъ—исключить ихъ изъ числа своихъ членовъ.

Слѣдствія были тѣ, какихъ и надобно было ожидать: Тителлинъ еще болѣе выросъ въ глазахъ цезаря, самъ же онъ увѣрился, что опасность миновалась, и вздохнувъ свободнѣе, рѣшился немедленно приступить къ исполненію своего намѣренія. Но для того, чтобы вступить въ бракъ съ Пoppеєю, Нерону надобно было переступить еще одинъ порогъ—развестись формально съ Октавіею. Кто внимательно слѣдилъ за прежними его дѣйствіями, тотъ пойметъ, что совѣсть его не дѣлала узла изъ этого вопроса. Все, что ему было нужно, это—соблюсти наружныя формы, другія же требованія для него не существовали. Сенатъ не имѣлъ

¹ *Sur, inquit Nero..* Орелли и другіе ученые издатели Тацита, кажется, совершенно правы, подразумѣвая здѣсь пропускъ и не допуская, чтобы слѣдующія за тѣмъ слова текста были продолженіемъ рѣчи Нерона. Во всякомъ случаѣ смыслъ ея по Тациту былъ иной, нежели какой находимъ у Діона Кассія, 82, 14, въ разсказѣ его о томъ же происшествіи.

никакой охоты противорѣчить настоятельному желанію Нерона, которое почти равнялось требованію, и какъ только послѣдовало разрѣшеніе высшаго сословія въ государствѣ, Октавія, подъ предлогомъ безплодія, была изгнана изъ дома цезарей. Положеніе Октавіи было самое безотрадное: въ молодыхъ лѣтахъ, оставленная всѣми, наконецъ отвергнутая мужемъ, она была предоставлена лишь самой себѣ и не могла даже похвалиться, что имѣла довольно безопасный пріютъ. Но это было почти только начало ея несчастій.

Поппея Сабина наконецъ дождалась своего торжества: она была объявлена законною супругою цезаря. Повидимому, ея положеніе было теперь совершенно обезпечено, и ей нечего было ожидать болѣе; но она сама, по несчастію, думала иначе. Не принадлежа къ числу сильныхъ характеровъ своего времени, Поппея впрочемъ еще менѣе ихъ способна была къ примиренію; какъ во всѣхъ мелкихъ душахъ, чувство личной вражды и ненависти держалось въ ней даже гораздо упорнѣе. Сравнительно она была болѣе женщина, чѣмъ Агриппина, потому что не въ состояніи была выдержать открытую борьбу ни съ какимъ твердымъ характеромъ; но въ своей тѣсной женской сферѣ она была еще исключительнѣе и не могла потерпѣть подлѣ себя никакой, даже самой безвредной совѣстницы. Она не любила мѣряться силою, потому что сама чувствовала въ ней недостатокъ, но готова была, если это было въ ея власти, преслѣдовать до конца безсиліе. Новое положеніе только придало Поппеѣ чувство силы, котораго ей до сихъ поръ не доставало, но нисколько не сдвигало ее снисходительнѣе къ другимъ¹. У нея, правда, было немного ненавистей, но достаточно было и одной, чтобы она могла показать на ней свою беспощадность. На беззащитную Октавію пало несчастіе быть предметомъ этой ненависти. Поппея не хотѣла успокоиться, пока знала о существованіи другой женщины, которая продолжала удерживать нѣкоторыя права на цезаря. Мало казалось ей выгнать Октавію изъ дворца — надобно еще было погубить ея репутацію. По времени задача была вовсе нетрудная. Поппеѣ стоило только захотѣть, — и противъ Октавіи тотчасъ выросла черная клевета, которая дерзко обвиняла ее въ преступныхъ связяхъ, тѣмъ болѣе унижательныхъ для Римлянки, что предметомъ любви ея, по словамъ обвинителей — былъ человекъ несвободнаго происхожденія. Между множествомъ рабовъ, наполнявшихъ тогда столицу имперіи, въ особенности же дома богатыхъ и знаменитыхъ Римлянъ, ничего не стоило подобрать одного, который взялся представлять любовника и согласился отдать свое имя на безчестное обвиненіе. Онъ назывался Эверкъ (Eu-

¹ Ann. XIV, c. 60: Ea diu pellex, et adulteri Neronis, mox mariti potens.

caerus), происходилъ изъ Александріи и извѣстенъ былъ въ городъ своею искусною игрою на флейтъ. Подставивши имя мнимаго преступника, обвинители смѣло могли начать и самый процессъ. При этомъ случаѣ Поппея, кажется, нашла себѣ очень вѣрнаго и неотомимаго помощника въ Тигеллинъ, который, по привычкѣ своей обращать лице ко вновь восходящему свѣтилу, не замедлилъ предложить ей свои услуги. Онъ принялъ это дѣло горячо къ сердцу и озаботился тѣмъ, чтобы выставить необходимое число свидѣтелей. Прислужницы Октавіи немедленно были позваны къ допросу. Преданность ихъ своей госпожѣ простиралась почти до героизма: многія изъ нихъ выдержали всѣ истязанія и до конца продолжали свидѣтельствовать въ пользу ея чистоты и безукоризненнаго поведенія. Одна изъ нихъ имѣла даже столько мужества, что среди самаго допроса не побоялась бросить въ лице Тигеллину жестокой, но вполне заслуженной имъ упрекъ въ самой гнусной непотребности¹. Другія однако были гораздо слабѣе, и не вынося мученій пытки, подтвердили всѣ показанія, которыя сдѣланы были обвинителями. Врагамъ Октавіи только и нужно было для соблюденія всѣхъ формъ суда. Не знаемъ, чѣмъ наказанъ, или чѣмъ вознагражденъ былъ Эвкеръ за готовность свою служить наглою клеветъ своимъ именемъ и своею честію; мнимая же сообщница его преступленія не могла болѣе оставаться въ Римѣ: ей вѣрно было немедленно удалиться въ Кампанію и жить тамъ подъ военною стражею.

Понемногу судьба выводила несчастную дочь Клавдія на ту самую дорогу, которая нѣкогда привела Агриппину къ конечной гибели. Октавія не избирала и не готовила себѣ этого пути, но она была слишкомъ безсильна, чтобы противиться тѣмъ, которые насильно хотѣли заставить ее идти по немъ. Для кого какъ, а для Поппея мѣра, употребленная противъ ея невинной совмѣстницы, казалась еще недовольно сильною. Она хотѣла не того; ея желаніе было не избавиться только на время отъ присутствія ненавистной ей женщины, но раздѣлаться съ нею навсегда. Послѣ удачи перваго обвиненія можетъ-быть она и не вдругъ бы покусилась на новое; но обстоятельства подслужились ей такъ, что ей оставалось только умѣть пользоваться ими для своей послѣдней цѣли. Уѣзжая изъ Рима, Октавія оставила въ немъ по себѣ много искренняго сожалѣнія. Ея невинность была такъ очевидна для всѣхъ, и наглость, съ которою ее преслѣдовали, такъ возмутительна, что Римляне, какъ ни притупило въ нихъ чувство добра и правды, не могли помириться съ ея изгнаніемъ. Толки и жалобы на несправедливость не прекращались въ городѣ и сдѣлались особенно глас-

¹ Ibid: ex quibus una instanti Tigellino castiora esse muliebria Octaviae respondit quam os ejus. То же самое извѣстіе находится у Діона Кассія, 62, 13.

ыми, когда проникли въ массу народа, которая — какъ это бываетъ всегда — не отличалась и въ Римѣ большою осторожностію и имѣла обычай высказывать вслухъ всякое свое неудовольствіе. Неронъ не очень дорожилъ любовію народа, но боялся потерять его симпатію. Ему стало страшно, когда онъ узналъ, что Римляне открыто говорятъ въ пользу Октавіи. Не надобно забывать, что она оставалась одна изъ всего семейства Клавдія и нѣкоторымъ образомъ удерживала за собою его права. Робкое и вмѣстѣ пылкое воображеніе Нерона вѣроятно уже рисовало ему картину народнаго возстанія. Онъ думалъ поправить свою ошибку и позволилъ Октавіи снова возвратиться въ Римъ.

Еще Октавія не успѣла воспользоваться даннымъ позволеніемъ, какъ внезапный взрывъ народнаго удовольствія въ Римѣ снова измѣнилъ весь ходъ дѣла. Лишь только стала известна воля цезаря, какъ весь городъ пришелъ въ движеніе. Народъ толпами устремился въ Капитолій, чтобы публично принести благодарность богамъ. Никто не ожидалъ такого движенія, и никто ему не противился. Отсюда, изъ центра города, оно скоро разлилось по всемъ улицамъ, и чѣмъ больше возрастали численныя силы народнаго толпы, тѣмъ она становилась необузданнѣе. Наконецъ какъ будто хмѣль ударилъ всемъ въ голову, и нечаянная вспышка приняла характеръ довольно буйной народнаго демонстраціи. Вездѣ появились изображенія Октавіи: ихъ съ торжествомъ носили на плечахъ, разставляли по площадямъ и храмамъ, убирала цвѣтами, и въ то же время вездѣ опрокидывали попадавшіяся изображенія Пoppей. Увлекаясь все болѣе и болѣе своимъ же движеніемъ и не видя нигдѣ ни угрозы, ни сопротивленія, толпа расходилась до того, что обступила самый дворецъ цезаря, громкими кликами давая знать о своемъ приближеніи. Впрочемъ для самого цезаря этотъ бурный взрывъ удовлетвореннаго народнаго чувства не представлялъ опасности; напротивъ, имя его было можетъ-быть популярнѣе въ этотъ день, чѣмъ когда нибудь ¹. Движеніе опасно было лишь по наружности, въ сущности же оно не въ состояніи было выдержать ни малѣйшаго сопротивленія. Когда уже толпа стояла у дворца, противъ нея высланъ былъ отрядъ войска. Она выждала появленія вооруженной силы, но не выдержала и первыхъ ударовъ и разбѣжалась во всѣ стороны. Въ городѣ опять водворилось спокойствіе, и въ самое короткое время сглажены были всѣ слѣды недавно произведенныхъ безпорядковъ.

Честь и достоинство цезаря, какъ мы сказали, вовсе не были затронуты, оскорбленная же честь Пoppей была немедленно восстановлена. Казалось, тѣмъ все дѣло и должно было кончиться. Но Пoppей не умѣла прощать; продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока народъ носился съ

¹ Tac. *ibid.* *itur etiam in principis laudes.*

изображеніями Октавіи и волновался на римскихъ улицахъ, въ ней накопилось столько желчи, ненависти и страха, что она потеряла почти всякое самообладаніе, и бросившись къ ногамъ Нерона, умоляла его произнести послѣднее рѣшеніе надъ судьбою ненавистной ей женщины. «Ты видишь, до чего я доведена — говорила она ему. Ужь не то чтобы думать о моихъ супружескихъ правахъ, хотя бы они мнѣ были дороже самой жизни: я должна каждую минуту опасаться за самую жизнь свою, съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная челядь Октавіи, присвоивъ себѣ имя народа, взяла полную волю надъ всемъ и въ мирное время позволяетъ себѣ въ городѣ всякія безчинства какъ-будто во время совершеннаго безначалія! Подумай по крайней мѣрѣ о своей безопасности: или ты еще не видишь, къ чему все это клонится? не замѣчаешь, противъ кого они направляютъ свое оружіе? У нихъ недоставало лишь вожда, но — повѣрь мнѣ — онъ не замедлитъ явиться: дай только ей выдти на волю и добраться до города. Ужь если одного ея имени достаточно было, чтобы произвести смятеніе въ цѣломъ городѣ, чего же надобно ожидать отъ ея личнаго присутствія? И чѣмъ я заслужила столько ненависти противъ себя? Или я какая преступница? Но въ чемъ же мое преступленіе? развѣ въ томъ только, что я позволила себѣ гордую мысль, что боги избрали меня орудіемъ для продолженія истиннаго рода римскихъ цезарей! Вижу я, что Римлянамъ гораздо болѣе льститъ надежда, что они когда-нибудь увидятъ во главѣ республики — исчадіе египетскаго скомороха! Тебѣ остается только одинъ выборъ для твоего спасенія: или спыши по доброй волѣ возвратить себѣ жену, удобную народу, которая бы вмѣстѣ была и твоей госпожею, или вооружись справедливою местию. Дѣйствуй, пока еще есть время, пока еще враги твои не обошли тебя вовсе, не провозгласили другаго цезаремъ — подъ именемъ мужа Октавіи.»

Ничто такъ сильно не дѣйствовало на Нерона, какъ наступленіе на него въ расплохъ и подобныя рѣчи, въ которыхъ ядъ самой тонкой лести смѣшанъ былъ съ отравою душевнаго спокойствія. Слабый духъ его необыкновенно былъ воспримчивъ для страха, а какъ скоро запугано было его воображеніе, онъ уже не въ состояніи былъ различить мнимую опасность отъ истинной. Но Поппея умѣла сверхъ того передать ему свою страсть и разжечь его тою ненавистию, которою сама исполнена была противъ мнимой виновницы народнаго возстанія. Подъ впечатлѣніями этого рода рѣшена была гибель Октавіи. Немного затруднилъ Нерона лишь выборъ средства, которое бы давало возможность достигнуть желаемой цѣли безъ явнаго нарушенія справедливости. Подумавъ немного, онъ опять нашелъ, что всего вѣрнѣе дѣйствовать клеветою. Отъ чего было не клеветать на беззащитную женщину, которая ни въ себѣ самой, ни въ окружающихъ не имѣла довольно твер-

дой опоры? Но прежде сдвинный не совсѣмъ удачный опытъ показалъ, что рабы тутъ вовсе не годятся, и что обвиненіе Октавіи въ преступной интригѣ тогда только перестанетъ быть невероятнымъ, когда въ нее замѣшано будетъ другое лице также свободнаго состоянія и притомъ съ некоторымъ вѣсомъ въ обществѣ. Надобно было привлечь челоѣка, если не чище, то позначительнѣе Эвкера. Позвавъ былъ Аницетъ, известный начальникъ мизенской флотиліи, на совѣсти котораго уже лежало одно незаконное дѣло. Устроитель погвбеліи Агриппины вовсе не пользовался особенною довѣренностью цезаря — напротивъ, съ каждымъ днемъ послѣ того все больше и больше тералъ его расположеніе, можетъ быть потому, что цезарь нетерпѣливо сносилъ мысль, что вмѣстѣ въ немъ не только соучастника, но и всегда готоваго обличителя своего преступленія; однако выборъ снова палъ на него, какъ по испытанной уже его годности на дѣла подобнаго рода, такъ и по некоторымъ другимъ расчетамъ, обнаружившимся впоследствии. Переговоры тянулись недолго. Напомнивъ Аницету объ его прежней услугѣ и отозвавшись о ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, Неронъ сказалъ потомъ, что снова нуждается въ его содѣйствіи и точно такъ же надѣется при его помощи отдѣлаться отъ своей раздраженной жены, какъ прежде избавился отъ озлобленной матери. Впрочемъ прибавилъ онъ — тутъ можно будетъ обойтись безъ оружія: намъ нужно только признаніе другаго лица въ преступныхъ связяхъ съ Октавіею. А чтобы сдѣлать свое предложеніе еще привлекательнѣе, онъ не забылъ присоединить къ нему обѣщаніе приличныхъ наградъ, между прочимъ польстилъ ему пріятными видами на покойную жизнь, гдѣ-нибудь въ безмятежномъ уединеніи, въ своихъ собственныхъ маетностяхъ; въ заключеніе же всего прибавилъ еще, что отказъ на предложеніе повлечетъ за собою неминуемую смерть. Заключеніе — надобно признаться — выведено было не совсѣмъ логически, но это не мѣшало ему быть столько же дѣйствительнымъ, какъ и самое предложеніе. Аницетъ понялъ, что, собственно говоря, ему не оставлено было никакого выбора, и какъ привычная совѣсть его не смущалась много мыслію о новомъ преступленіи, то онъ и не замедлилъ объявить цезарю, что готовъ служить ему языкомъ, какъ прежде служилъ своею рукою. Чтобы придать дѣлу болѣе формальный видъ, цезарь собралъ родъ совѣта изъ своихъ приближенныхъ и сталъ въ ихъ присутствіи отбирать показанія у мнѣмаго преступника. Аницетъ, какъ бы воодушевившись присутствіемъ постороннихъ лицъ, которыя замѣняли для него публику, далъ полную волю своему языку и воображенію и пустился въ такія признанія, какихъ отъ него даже и не требовали. На сей разъ тѣмъ только и ограничилась его роль. Цезарь, въ силу даннаго имъ обѣщанія и въ то же время какъ-бы въ наказаніе за вину, назначилъ преступнику, подъ на-

домъ ссылки, пребываніе въ Сардиніи, гдѣ онъ и оставался потомъ до самой своей смерти. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ достигъ своего: одинъ имѣлъ въ рукахъ обличеніе несуществовавшей вины и избавлялся отъ близкаго присутствія чловѣка, который могъ быть столько же полезенъ ему, сколько и вреденъ, другой былъ счастливъ ужъ и тѣмъ, что такъ легко успѣлъ расчестъся съ судьбою и еще получилъ въ добавокъ вѣрное убѣжище, гдѣ могъ, забытый людьми, провести безъ тревогъ остатки своихъ черныхъ дней.

Оставалось теперь покончить съ Октавіею, противъ которой было направлено все это безобразное сплетеніе лжи. Съ нею болѣе не церемонились, находя вымышленныя признанія Аницета достаточною противъ нея уликою. Особый эдиктъ, нарочно изданный по этому случаю, содержалъ въ себѣ не только приговоръ, произнесенный надъ нею, но и полное изложеніе всѣхъ мнимыхъ основаній его. Лишь для того, чтобы увеличить еще болѣе мѣру воображаемой вины Октавіи въ глазахъ Римлянъ, въ немъ прибавлено было нѣсколько новыхъ лжей къ тѣмъ, которыя составляли главную основу обвиненія. Между прочимъ она не просто уличалась въ непозволительныхъ связяхъ съ Аницетомъ, но ей прямо приписывалось сверхъ того намѣренное его обольщеніе, будто бы съ цѣлю привлечь, вмѣстѣ съ нимъ, на свою сторону и всю морскую силу, которая въ то время находилась подъ его командою. Еще бессмысленнѣе было другое обвиненіе, обнаруженное въ томъ же эдиктѣ. Забывши, что разводъ съ Октавіею былъ мотивированъ ея безплодіемъ, цезарь ставилъ ей также въ вину умышленное истребленіе въ себѣ зародыша, который будто бы былъ плодомъ связи ея съ начальникомъ мизенской флотиліи. За всѣ эти преступленія дочь Клавдія осуждалась на безвозвратное заточеніе, мѣстомъ же ссылки назначался островъ Пандатерія, уже прославленный нѣсколькими знаменитыми жертвами гнѣва и немилости римскихъ цезарей.

Суровыя римскія сердца сжались отъ изумленія и жалости, когда этотъ жестокій и вовсе неожиданный приговоръ обнаруженъ былъ во всеобщее извѣстіе. Имя Пандатеріи напомнило имъ всѣ прежнія жертвы, которымъ островъ служилъ только временнымъ заключеніемъ, или и самою могилою; но ни одна изъ нихъ не шла въ сравненіе съ бѣдною Октавіей. Какая разница между нею и двумя Юліями (дочерью Августа и дочерью Клавдія) и самою Агриппиною, которыя въ разное время осуждены были жить въ этомъ печальномъ заточеніи! Три послѣднія были уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда ихъ постигло несчастіе. Каждая изъ нихъ видѣла въ своей жизни много радостей и могла усладить потомъ свою горькую участь хотя воспоминаніемъ о нихъ. Октавія знала радость развѣ только по имени. Вся почти жизнь ея сложилась лишь изъ тяжелыхъ лишеній и изъ такого безотраднaго горя,

что тѣмъ отъ него заставлялись даже и немногіе свѣтлые дни ея первой юности. Счастіе улыбулось ей только при рожденіи, да развѣ еще пригрѣло нѣсколько ея дѣтство, а скоро потомъ закатилось для нея навсегда. Ей еще не было полныхъ двадцати лѣтъ, а она ужъ испытала почти все, что можетъ отнять у жизни ея настоящую цѣну. Даже брачный вѣнокъ, который такъ рано увѣнчалъ голову Октавіи, былъ погребальнаго цвѣта ¹. Тамъ, за порогомъ оставленнаго ею отеческаго крова, ожидало ее не упоеніе жизнью и даже не тихое семейное счастье, а глухая тоска одиночества и рядъ потерь, одна другой печальнѣе, одна другой насильственнѣе. Едва успѣла она оплакать отца, какъ брать въ дѣвѣ лѣтъ погибъ еще болѣе злою смертію. Она лишь начинала привыкать къ своему мужу, какъ онъ ужъ болѣе не принадлежалъ ей. Герои почти не выходя изъ-подъ вліянія женщины: но между ними никогда не было мѣста женѣ его. Октавію осталось только терпѣть и молчать, смотря, какъ онъ, одна другой безстыднѣе, вторгался въ ея домъ и строилъ ковы противъ ея же безопасности. Еще Агриппина — другихъ покровителей у нея не было — прикрывала ее своимъ щитомъ, пока была жива, и страхомъ своего имени сдерживала своеволие сына: но совершилась страшная катастрофа, и никто можетъ быть не имѣть столько причинъ пожалѣть о погибелѣ вѣнастойной всѣмъ женщино, какъ самая кроткая изъ Римлянокъ того времени, которая по своему нраву и своимъ правиламъ всего менѣе могла ей сочувствовать. Ударъ, поразившій Агриппину, лишалъ Октавію единственной бывшей у нея опоры. Наконецъ ей не хотѣли даже оставить свободу движенія: она, которая не смѣла произнести ни одного громкаго слова въ свою защиту, была обречена на безвыходное заключеніе подъ безсмынною военною стражею, наравнѣ съ опасными врагами общественнаго спокойствія. У нея отняли жизнь, по крайней мѣрѣ все, что красить ее и даетъ ей цѣну въ глазахъ человѣка, и медленна еще оказавъ благодѣяніе смерти и того покоя, который смерть приноситъ съ собою ².

Вотъ чѣмъ тронуты были суровыя сердца Римлянъ, несмотря на то, что текущія событія давно приучили ихъ быть равнодушными зрителями того, что совершалось у нихъ передъ глазами. Впрочемъ единственное благодѣяніе, о которомъ они еще позволяли мечтать себѣ для облегченія участи несчастной заключенницы, было вовсе не такъ далеко отъ ней, какъ казалось: въ роковой лѣстницѣ преслѣдованій ссылка на о. Пандатерію служила болѣею частію послѣднею ступенью, которою потомъ сходили прямо къ послѣднимъ предѣламъ жизни. Такъ было вѣкогда съ Агриппиною старшею, то же самое повторилось еще

¹ Ibid. c. 63: huic — nuptiarum dies loco funeris fuit.

² Ibid. jam vita exempta, nondum tamen morte acquiescebat.

поразительнѣе надъ беззащитною Октавіею. Уединенный островъ тѣмъ скорѣе вызывалъ на злодѣйство, что совершенно прикрывалъ его своею безгласностію. Еще Октавія не успѣла привыкнутьъ къ своему новому тѣсному заключенію, какъ посланные отъ мужа убійцы пришли напомнить ей, что она слишкомъ долго пользовалась жизнію. Они не приносили съ собою никакого новаго обвиненія противъ нея, но такова была неизмѣнная воля цезаря. При этой угрозѣ инстинктивная любовь къ жизни проснулась въ молодой женщинѣ, хотя до сихъ поръ она ничего болѣе не видала отъ жизни, кромѣ ея горечи. Кто еще не жилъ жизнію, тотъ до конца будетъ жить надеждою на нее. Напрасно Октавія, въ порывѣ бессильнаго отчаянія, отрекалась отъ всѣхъ своихъ правъ на мужа, называла себя не женою, а только вдовою и сестрою его (ибо Неронъ былъ усыновленъ Клавдіемъ), напрасно думала она отвести отъ себя смертный ударъ призываніемъ тѣней Германика и Агриппины: исполнители казни были неумолимы, сердца ихъ недоступны никакой человѣческой жалости. Своимъ сопротивленіемъ она достигла лишь того, что ей связали руки передъ казнію. Потомъ открыли ей жилы, чтобы извести жизнь вмѣстѣ съ кровью; но предсмертный трепетъ, или неодолимое отвращеніе отъ смерти до такой степени оледѣнило самую кровь, что она упорствовала идти, задерживаясь въ открытыхъ для нея отверстіяхъ. Это неожиданное препятствіе впрочемъ нисколько не смутило исполнителей казни. Тамъ, гдѣ не помогало одно средство, готово было другое, болѣе вѣрное. Они тотчасъ прибѣгли къ горячей ваннѣ и съ помощію ея душающихъ паровъ навсегда погасили упорную жизнь, которую не могли вызвать наружу. Черезъ нѣсколько дней потомъ, Поппея могла втайнѣ любоваться головою своей соперницы, отдѣленною отъ бездушнаго труда и доставленною въ Римъ по ея приказанію.

Къ тѣнямъ отжившихъ женщинъ изъ дома Августа приложилась еще одна, безспорно самая чистая, менѣе всѣхъ знакомая съ жизнію и въ то же время наиболѣе искупленная несчастіями. Чистые нравы до такой степени стали чужды времени, что ихъ какъ порчу изводили насильственными средствами, не дожидаясь даже, чтобы они созрѣли. Какъ истый сынъ своего времени, Неронъ, получивъ извѣстіе о смерти Октавіи, счелъ первымъ своимъ долгомъ почтить боговъ различными приношеніями, — и при этомъ случаѣ нашъ историкъ замѣчаетъ вообще, что таковъ былъ постоянный обычай цезаря, что какъ ни новая жертва, то и новая благодарность богамъ, такъ что по этому вѣрному указателю народъ могъ узнавать начинающуюся эпоху казней ¹. Въ подтверженіе того, что одна казнь вела за собою другую, онъ приводитъ потомъ име-

¹ C. 61: Quotiens fugas et caedes jussit princeps, toties gratias deis actas, etc.

на еще нѣсколькихъ жертвъ, поглядывавшихъ вскорѣ за Октавіемъ. Между ними встрѣчаемъ давно знакомаго намъ отпущенника Палласа: онъ не искалъ болѣе ничего, довольствуясь тѣмъ, что успѣлъ приобрести прежде, но слишкомъ долго жилъ для тѣхъ, которые вѣтерильно хотѣли быть наследниками его огромнаго богатства, и за свою невольную вину заплатилъ самую жизнь.

Попшея Сабина казалась счастливѣе всѣхъ. Начавши съ того же, съ чего начинали многія ея современницы, она въ непродолжительное время успѣла подняться на самую высокую степень, какая только была доступна для Римлянки. Не заводя открытой борьбы, дѣйствуя болѣе хитростію, нежели силою, она умѣла устранить обѣихъ своихъ соперницъ. Сама мало доступная увлеченію страсти, она однако внушила столько страсти цезарю, что онъ, казалось, ставилъ ее выше всѣхъ привязанностей, готовъ былъ для нея на самыя тяжелыя жертвы. Вкусы его часто мѣнялись; лишь любовь къ Попшеѣ повидимому оставалась неизмѣнною. Когда потомъ, въ слѣдующемъ году, Попшея родила дочь Нерону, онъ не звалъ какъ выразить свою радость. Казалось, не было мѣста блаженнѣе Анціума, гдѣ случилось это счастливое событіе. Анціумъ получилъ теперь двойную цѣну въ глазахъ цезаря, потому что и самъ онъ родился въ томъ же городѣ. Новорожденная тотчасъ провозглашена была Августой, мать ея удостоена того же высокаго титула. Когда же вѣсть о счастливомъ событіи достигла Рима, сенатъ, соревнуя цезарю въ изъявленіи радости, спѣшилъ воздать благодареніе богамъ и въ особенности призывалъ ихъ благое расположеніе на виновницу всего торжества. Положено соорудить новый храмъ божеству Плутододіа, поставить золотыя изображенія Доброй Фортуны съ самымъ святилищъ Юпитера Капитолійскаго. Наконецъ хотѣли, чтобы весь народъ участвовалъ въ торжествѣ: для этой цѣли устроены были великолѣпныя зрѣлища и даны разныя другія публичныя увеселенія. Цезарь можетъ быть въ первый и единственный разъ въ своей жизни былъ умленъ до такой степени, что обнаружилъ желаніе примириться со всеми своими врагами, — то есть сколько еще изъ нихъ оставалось въ живыхъ. По крайней мѣрѣ на празднествахъ, которыя происходили въ Анціумѣ, замѣтно не только присутствіе Сенеки, но и нѣкоторое вниманіе къ отсутствующему Тразевъ. Рассказываютъ, что, когда сенатъ въ цѣломъ своемъ составѣ отправился въ Анціумъ, чтобы принести цезарю поздравленіе, Тразевъ, по весьма понятной причинѣ, одинъ изъ всего сословія подвергнулся исключенію. Понятно, что самъ онъ не искалъ себѣ этой чести и преспокойно остался въ Римѣ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ; но каково же должно было быть удивленіе сенаторовъ, когда цезарь, принимая ихъ, вспоминалъ и объ отсутствующемъ ихъ товарищѣ и потомъ, въ дружеской бесѣдѣ съ своимъ воспи-

тателемъ, объявилъ, что считаетъ Тразею—примиреннымъ съ собою ¹! Сенека понималъ, что это была милость съ его стороны, и какъ следовало, отвѣчалъ на нее выраженіемъ своей благодарности: да и едва ли кто подозрѣвалъ тогда, что изъ этой неожиданной пріязни можетъ вырости лишь новая опасность для неподкупнаго сенатора.

Новорожденная Августа, не смотря на всѣ добрыя предзнаменования и горячіе объѣты, которыми привѣтствовали вступленіе ея въ свѣтъ, прожила однако не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Какъ ни чувствительна была эта ранняя утрата для матери, но она могла находить себѣ утѣшеніе въ той мысли, что потеря ея еще сильнѣе была почувствована самимъ цезаремъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ велика была его радость при рожденіи дочери, такъ неумѣренна печаль по случаю ея смерти ². Теряя дочь, Поппея еще разъ могла убѣдиться въ прочности тѣхъ узъ, которыя соединяли ее съ мужемъ. Не менѣе лестны для нея были тѣ предложенія, въ которыхъ лица приближенные къ ней выражали свое участіе къ судьбѣ ея дочери. По ихъ мнѣнію, следовало непременно воздать умершей божескія почести и не только поставить ея изображеніе въ храмахъ, но и соорудить въ честь ея особое святилище. Вообще, при всякомъ новомъ событіи въ своей семьѣ, Поппея видѣла вокругъ себя лишь знаки несомнѣннаго расположенія къ себѣ и усердія къ пользамъ своего дома. Если къ этому прибавить еще, что она успѣла во время остановиться, и достигнувъ главной своей цѣли, не желала ничего болѣе, то можно подумать, что участь ея въ будущемъ еще болѣе была обезпечена противъ всѣхъ превратностей, чѣмъ сколько она испытала ихъ въ своей прошедшей жизни. Старыя соперницы ея болѣе не существовали, новыхъ враговъ у нея не было — да если бы они и нашлись, не довольно ли она была безопасна противъ нихъ подъ крѣпкимъ щитомъ любви своего мужа? Это мы увидимъ впоследствии.

Глубоко бы ошибся въ Неронѣ тотъ, кто изъ несомнѣнной привязанности его къ Поппеѣ вывелъ бы нѣсколько поспѣшное заключеніе, что она занимала всѣ его мысли, или наполняла все его время. Говоря о Неронѣ, никогда не надобно забывать, что господствующая жила была въ немъ артистическая. Какъ человѣкъ, онъ уступалъ по временамъ то одной, то другой страсти, онъ очень любилъ свободу движенія и старался

¹ Ann. XV, c. 23: *secutam dehinc vocem Caesaris ferunt, qua reconciliatum se Thraseae apud Senecam jactaverit.*

² *Ibid: atque ipse ut laetitiae, ita moeroris immodicus egit.*

доставить себѣ полный просторъ, хотя бы для того пришлось нѣсколько человекъ лишити всякаго спокойствія и иногда можетъ-быть самой жизни; но какъ скоро внутреннее чувство говорило ему, что онъ господинъ самъ себѣ, что для него не существуетъ болѣе никакого стѣсненія со стороны — ни отъ враговъ, ни отъ преданныхъ ему советниковъ, онъ опять становился артистомъ и отдавался весь, беззаветно, своему любимому влеченію. Тогда уже никакая узда, ни матеріальная, ни нравственная, не въ состояніи была сдержать его нетерпѣливыхъ порывовъ.

Такъ было вскорѣ послѣ семейной радости и последовавшаго за тѣмъ семейнаго несчастія, о которыхъ мы рассказали выше. Страсть къ зрѣлищамъ, а болѣе того — къ артистической дѣятельности, какъ бы уснувшая на время, вдругъ пробудилась въ немъ съ своею прежнею необузданною силою. Но его уже не удовлетворяла болѣе ни одна изъ этихъ сценъ, на которыхъ онъ до сихъ поръ показывалъ свое искусство передъ Римлянами, ему ужъ казались не довольно просторными прежніе, нарочно для него устроенные подмостки въ загородныхъ садахъ, гдѣ онъ такъ скромно выступалъ то китаредомъ, то импровизаторомъ, будтобы только передъ избранною публикой. На этотъ разъ размахъ Нерона былъ гораздо шире: съ привилегированныхъ подмостковъ ему хотѣлось сойти на простую народную сцену, занимаемую обыкновенными гистріонами, вмѣсто отборной публики — собрать около себя весь слои городского населенія, однимъ словомъ, отличиться передъ толпою¹. Вотъ гдѣ была, по его мнѣнію, истинная арена для артистическаго таланта, вотъ гдѣ можно было надѣяться артисту собрать неподдѣльные рукоплесканія!

Но есть своя постепенность даже и въ публичномъ развратѣ. Задумавши выступить дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ обыкновеннаго народнаго театра, Неронъ, по какому-то остатку скромности, не рѣшился однако сдѣлать этого въ самомъ Римѣ и счелъ приличнѣе для себя дебютировать сначала въ провинціи. Расчетъ былъ тѣмъ болѣе вѣрный, что, перенося на время свою артистическую дѣятельность въ провинцію, цезарь еще далѣе распространялъ свою извѣстность артиста, которая по самой природѣ своей стремится быть универсальною. Римъ былъ только столицею имперіи: если власть Нерона, какъ цезаря, не ограничивалась стѣнами одного города, то почему бы могла быть менѣе обширна его репутация, какъ сценическаго художника? Если римскій міръ допускалъ у себя, подъ именемъ цезаря, страстнаго артиста въ самомъ центрѣ имперіи, то почему бы онъ не допустилъ его сдѣлаться

¹ Ann. XV, c. 33: *acriq̄ue in dies cupidine adigebatur Nero promiscuas scenas frequentand̄i.*

извѣстнымъ подъ тѣмъ же самымъ титуломъ и на всемъ ея пространствѣ? Не сознавая ясно этого своего назначенія, Неронъ впрочемъ шелькъ къ нему неуклонно и шагъ за шагомъ расширялъ свою артистическую дѣятельность почти до тѣхъ же предѣловъ, до которыхъ простиралась и самая его власть. На первый разъ избранъ былъ южно-итальянскій городъ Неаполь. Кромѣ своего многочисленнаго, онъ представлялъ еще ту выгоду передъ другими городами, что жители его были большею частію греческаго происхожденія, слѣдовательно со врожденными склонностями къ сценическимъ зрѣлищамъ. Грекъ способенъ былъ, нежели кто-нибудь, забыть имя и званіе челоуѣка, чтобы только любоваться его искусствомъ. Изъ Неаполя цезарь предполагалъ слѣдовать далѣе, и не прежде думалъ возвратиться въ Римъ, какъ собравши обильную дань удивленія своему таланту. Неаполитанцамъ было очень лестно его посѣщеніе. Невиданное доселѣ зрѣлище привлекло толпы народа не только со всего города, но даже и изъ сосѣдственныхъ колоній и муниципій, и какъ сверхъ того цезарь имѣлъ еще свою многочисленную свиту, которая сопровождала его въ путешествіи, то стеченіе публики было необыкновенное. Къ полному удовольствію Нерона, театръ кишѣлъ зрителями, когда онъ показался на сценѣ. Публика кажется была совершенно по немъ: по крайней мѣрѣ видно, что онъ очень скоро освоился съ нею и нѣскольکو разъ потомъ повторялъ передъ ней свой дебютъ¹. Неаполитанцы были очень рады послушать такого рѣдкаго пѣвца, а онъ былъ обрадованъ едва ли не больше ихъ самихъ, встрѣтивши съ ихъ стороны столько сочувствія къ себѣ и любви къ своему искусству. Подъ конецъ своего пребыванія въ Неаполь, онъ дошелъ до такой безцеремонности, что входилъ въ оркестръ, мѣшался между зрителями и подшучивалъ съ ними по гречески. Судя по всей вѣроятности, Неаполитанцы не скоро бы еще разстались съ своимъ веселымъ гостемъ, если бы одно несчастье, впрочемъ столько обыкновенное на этой вулканической почвѣ, не возмутило ихъ взаимнаго удовольствія и не положило предѣла сценическимъ представленіямъ. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда голосъ именитаго пѣвца раздавался на неаполитанской сценѣ, въ городѣ случилось землетрясеніе (какъ будто сама природа была подвигнута необыкновеннымъ явленіемъ, происходившимъ на ея поверхности!), и театръ потрясся въ своихъ основаніяхъ. Зрители, какъ и естественно, при первомъ же сотрясеніи бросались съ своихъ мѣстъ и въ страшномъ смятеніи разсыпались во всѣ стороны; лишь цезарь, какъ вѣрный служитель Аполлона, говорятъ, до тѣхъ поръ не хотѣлъ сойти со сцены, пока не довелъ до конца всей начатой имъ аріи. Черезъ нѣсколько минутъ театръ лежалъ въ развалинахъ; но какъ, по счастью, никто не постра-

¹ Tac. *ibid.* c. 33—34; ср. Suet. Ner. c. XX: *ibidem saepius et per plures cantavit dies*, etc.

даль отъ его паденія, то цезарь не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы познакомить Неаполитанцевъ съ другою стороною своего таланта. Вопреки всеобщему унынію, онъ напротивъ утверждалъ, что ничего не могло случиться счастливѣе, и чтобы подать примѣръ жителямъ, какъ надобно благодарить боговъ за оказанное ими покровительство, составилъ въ честь ихъ хвалебную пѣснь и кстати уже воспѣлъ самое происшествіе, конечно находя его столько же достославнымъ, сколько и поэтическимъ.

Тѣмъ заключилась артистическая дѣятельность цезаря въ Неаполь. Отсюда онъ направился далѣе на востокъ, и имѣя намѣреніе пробраться за Адриатику, прибылъ въ Брундизіумъ. Тутъ для его всеобъемлющаго артистическаго генія открылось новое интересное поприще, и произошла новая неожиданная задержка. Сцены повидимому не было въ Брундизіумъ, но за то въ немъ процвѣтало другаго рода искусство. Здѣсь существовала гладиаторская школа, и во главѣ ея былъ нѣкто Ватиній, публичный газръ самага грязнаго свойства, который началъ свое поприще съ того, что потѣшалъ какъ своими площадными шутками, такъ и своею фигуурою посвятителей харчевень, а потомъ сталъ извѣстенъ и въ цѣломъ городѣ бойкою развязностію своего языка и нескромностію своихъ выходокъ противъ лицъ всѣхъ состояній. По любви своей къ талантамъ всякаго рода, Неронъ не довольствовался тѣмъ, что самъ часто посѣщалъ школу, но еще пригласилъ мастера къ себѣ, желая конечно позабавиться его шутками и можетъ-быть нѣкоторыя изъ нихъ перенять самому. Тотъ, разумѣется, не заставилъ долго просить себя и въ короткое время до такой степени овладѣлъ вниманіемъ и довѣренностію цезаря, что не только могъ, кого хотѣлъ, безнаказанно язвить своимъ ядовитымъ языкомъ въ его присутствіи, но еще тѣмъ болѣе пріобрѣталъ надъ нимъ вліянія. Вообще, чѣмъ ниже спускался Неронъ, переходя какъ-бы по ступенямъ изъ одного слоя римскаго общества въ другой, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Эта безстыдная развязность языка Ватинія и наглость его клеветы, безъ пощады чернившей самыя заслуженныя репутаціи, до того пришились по вкусу цезарю и такъ сильно на него дѣйствовали, что наконецъ одно слово этого негодя имѣло гораздо болѣе вѣса въ его глазахъ, чѣмъ внушенія постоянныхъ его совѣтниковъ. Можно себѣ представить, какъ дорого приходились инымъ эти невинныя шуточки, отъ которыхъ не было пощады ничѣму доброму имени. Мы конечно не можемъ указать прямаго примѣра, на которомъ бы прямо обнаружилось ихъ вредное дѣйствіе; но знаемъ за вѣрное, что пребываніе Нерона въ Брундизіумъ не обошлось безъ казни, безъ насилія. Обвинители всегда были готовы между окружающими его, а за жертвою тоже дѣло не стало. Одинъ изъ членовъ древней фамиліи Юніевъ, по имени Торкватъ Силанъ, и самъ бывшій некогда консуломъ, славился

своею неумѣренною щедростію: на этомъ основаніи его обвинили чуть не въ государственной измѣнѣ. Зная свою неминуемую участь и не желая подвергнуться насильственной смерти отъ руки убійцы, Торкватъ, по обычаю, болѣе и болѣе распространявшемуся между его современниками, открылъ себѣ кровь изъ жилъ и вмѣствъ съ нею испустилъ дыханіе. Неронъ и тутъ не пропустилъ случая показать себя съ выгодной стороны: въ рвѣчїи, произнесенной имъ — неизвѣстно передъ кѣмъ — по этому поводу, онъ объявилъ, что преступникъ, хотя вполне заслуживалъ самаго строгаго приговора, впрочемъ всего могъ ожидать отъ милости цезаря.

Пока Неронъ находился въ Брундузіумѣ, мысль его вдругъ получила новое направленіе. Ахаїя, или Греція, о которой онъ мечталъ до сего времени, болѣе уже не занимала его, какъ кажется потому, что вѣтвенна была изъ его головы болѣе привлекательною мыслию объ отдаленномъ Востокѣ, который особенно заманчивъ казался для избалованнаго воображенія. Само собою разумѣется, что Неронъ замышлялъ не походя, а простую повѣзду, и думалъ ограничиться лишь собственно римскими восточными провинціями; но во всякомъ случаѣ ему нельзя было предпринять такой дальній путь, не побывавъ напередъ въ Римѣ и не сдѣлавъ нѣкоторыхъ необходимыхъ распоряженій, какъ для своей собственной безопасности, такъ и для успокоенія народа. Съ этимъ намѣреніемъ цезарь дѣйствительно отправился въ Римъ, думая пробыть въ немъ лишь самое короткое время. Ужь воля его, обнародованная особымъ эдиктомъ, не была болѣе тайною для Римлянъ; ужь кончены были всѣ приготовленія къ отъѣзду, какъ еще одинъ нечаянный оборотъ мысли цезаря произвелъ новую перемѣну и въ его намѣреніяхъ: онъ рѣшился отложить задуманное путешествіе и остаться въ Римѣ, говоря, что безопасность и счастье подданныхъ ему дороже всего на свѣтѣ. Удивленные Римляне прибѣгали къ различнымъ догадкамъ, чтобы объяснить себѣ это странное поведеніе. Въ народѣ ходили толки, будто цезарь, обходя въ послѣдній разъ капитолійскія святилища, вдругъ былъ пораженъ какимъ-то чрезвычайнымъ явленіемъ въ храмѣ Весты, такъ что вышелъ оттуда дрожа всѣмъ тѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главное побужденіе заключалось въ тайномъ страхѣ, внезапно овладѣвшемъ робкою душою Нерона; но самое это обстоятельство достаточно уже показываетъ, что въ немъ не произошло ничего неестественнаго. Люди, окружавшіе цезаря, очень хорошо понимали, что они сильны и безопасны только въ его присутствіи. Ихъ крѣпко смущала мысль, что онъ долгое время можетъ отсутствовать не только изъ Рима, но даже изъ Италіи. Мало ли что могло случиться въ городѣ, прежде чѣмъ цезарь узналъ бы о существованіи опасности какъ для себя самого, такъ и для своихъ друзей? Въ ихъ интересъ было удержать его въ Римѣ, а самое

вѣрное средство къ тому было подѣйствовать на его воображеніе. Неронъ былъ впечатлительнѣе какъ женщина. Стоило только навести его мысль на нѣкоторыя, хотя и очень сомнительныя симптомы опасности, онъ ужъ начиналъ подозрѣвать ихъ вездѣ. Тамъ видѣлъ онъ недовольное выраженіе лицъ, здѣсь до слуха его дошло что-то похожее на ропотъ. Этого было довольно, чтобы опасенія, одно другаго чернѣе, завладѣли его воображеніемъ и заставили его испугаться своей собственной мысли. Римляне могли, пожалуй, думать, что Веста въ самомъ дѣлѣ погрозила ему пальцемъ: для насъ совершенно понятнo его рвшеніе и безъ грознаго ея жеста. Неронъ остался въ Римѣ, потому что боялся продолжительнымъ отсутствіемъ возбудить неудовольствіе въ народѣ.

Между тѣмъ никто не былъ менѣе его способенъ переносить лишения. Природа Нерона была самаго капризнаго свойства. Неудовлетворенная прихоть всегда оставляла въ немъ болѣзненное раздраженіе. Подъ впечатлѣніемъ страха онъ въ состояніи былъ отказаться отъ самой пріятной мечты; но тогда еще съ большею силою пробуждалась въ немъ потребность другаго наслажденія, хотя бы для того только, чтобы наполнить, занять чѣмъ-нибудь душевную пустоту, оставшуюся послѣ неудовлетвореннаго желанія. Поэтому неудивительно, что не всѣ въ Римѣ одинаково смотрѣли на ту внезапную перемѣну, которая произошла въ намѣреніяхъ цезаря. Между высшими римскими сановниками многіе просто были въ недоумѣніи, не зная, радоваться ли имъ, или скорѣе бояться за послѣдствія ¹, — и они были совершенно правы потому что никто не могъ сказать заранѣе, какое новое направленіе приметъ эта необузданная воля, и въ чемъ захочетъ она искать себѣ удовольвенія. Естественно было ей искать себѣ новаго наслажденія въ замѣнъ того, которое не осуществилось; но вѣдь есть наслажденіе и въ мести, есть своего рода удовольствіе и въ томъ, чтобы дать почувствовать свое недовольство другимъ. По счастью для Римлянъ, на сей разъ въ Неронѣ взяло перевѣсъ просто чувство наслажденія, безъ примѣси жестокости. За то впрочемъ прежнія средства разсвѣнія потеряли въ его глазахъ всякую цѣну и никуда болѣе не годились. Нерона не занимали болѣе ни публичныя игры, ни поэтическія состязанія; даже столько любимая Августа для него какъ-будто не существовала. Его съѣдала жажда новыхъ, неиспытанныхъ удовольствій; ему хотѣлось извлечь изъ жизни еще небывалое наслажденіе. Мало было обыкновенныхъ пировъ со всею ихъ шумною веселостію, нескромностію въ рѣчахъ и необузданностію движеній: требовалась оргія въ самомъ широкомъ

¹ Ann. XV, c. 36: *senatus et primores in incerto erant, procul an coram atrocior haberetur.*

смыслъ слова, которая бы не стѣснялась стѣнами дома, но свободно могла выходить на улицу и показываться всему народу, такъ чтобы въ цѣломъ городѣ она была какъ у себя дома ¹. Что впрочемъ и самая широкая оргія, если въ постановкѣ ея не было ничего необыкновеннаго, и если не было дано новой пищи для чувственности, ни новыхъ стимуловъ для сладострастія? Нужно было не то чтобы наслажденіе, а нечто такое, что бы замѣняло его для тѣхъ, которые утратили непосредственное его чувство. Задача стоила того, чтобы подумать объ ней. Тигеллинь взялся оказать эту услугу столько же цезарю, сколько и Римлянамъ, которые могли пострадать всего больше, если бы не нашлось ничего для удовлетворенія капризнаго желанія. Надобно полагать, что подъ его руководствомъ устраивались всѣ публичныя оргіи этого періода; но нигдѣ не показались онѣ столько художнической изобрѣтательности, какъ въ устройствѣ большого праздника, который данъ былъ имъ самимъ въ честь цезаря на такъ-называемомъ прудѣ Агриппы (*stagnum Agrippae*). Но говоря уже о роскоши, праздникъ блисталъ еще удивительною изяществомъ подробностей. На водѣ приготовленъ былъ большой плотъ и на немъ всѣ необходимыя принадлежности роскошнаго пиршества. Онъ не стоялъ, а плавалъ по поверхности, будучи приводимъ въ движеніе находившимися около него мелкими судами, которыя ходили на веслахъ. Украшенія на этихъ судахъ сдѣланы были изъ золота, или изъ слоновой кости, красивые гребцы подобраны и размѣщены такъ, что избалованный глазъ гостей могъ только любоваться ихъ выборомъ. Животныя всѣхъ породъ, не исключая и морскихъ, собраны были тутъ же едва не со всѣхъ концовъ известнаго тогда свѣта и своимъ страннымъ видомъ доверяли нестроту и разнообразіе всего взятаго вмѣстѣ зрѣлища. Пока длилось пиршество, пресыщенному взору и вкусу гостей готовились уже новыя удовольствія. Подвижной залъ подходилъ къ берегамъ, и тамъ притупленнымъ взорамъ открывалась другая картина. Вдоль по окраинѣ протануты были удобныя помѣщенія, гдѣ уже былъ полный просторъ разврату. Римскія матроны обнажались тутъ своего послѣдняго стыда, мѣшаясь съ женщинами известнаго разряда, которыя старались уже прельщать прямо-натуральною наготою ². Только что мракъ начиналъ одѣвать землю, какъ всѣ эти грязныя убожища и близь лежащая роща освѣщались яркими огнями и оглашались громкими пѣснями. Подъ заливою ночи завершалась потомъ вся эта буйная бакханалія, превзошедшая собою все, чѣмъ до сихъ поръ обозначались успѣхи разврата въ римскомъ обществѣ.

¹ *Ibid.* c. 37:.. nihil perinde laetum sibi publicis locis struere convivia totaque urbe quasi domo uti.

² *Tac. ibid;* cp. *Suet. Ner.* XXVII.

Нужно ли прибавлять, что Неронъ, для удовольствія котораго устроень былъ весь праздникъ, принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе? По словамъ нашего историка, онъ прошелъ въ эти дни всѣ возможные степени порочныхъ наслажденій, такъ что самое пылкое воображеніе, казалось, не могло уже далѣе простираться въ развратъ. И все еще однако эта страшная гекатомба, принесенная въ жертву чувственности, была не совершенно полна. Наконецъ геній разврата, вселившійся въ потомкѣ славныхъ цезарей, сказалъ ему и последнее свое слово, котораго еще недоставало, чтобы можно было достойно заключить безумную оргію. Спустя лишь нѣсколько дней послѣ пиршества, и прежде чѣмъ головы собесѣдниковъ совершенно отрезвились отъ бродившаго въ нихъ чада, цезарь снова созывалъ товарищей своихъ походовъ, извѣщая ихъ, что онъ выходитъ за мужъ за одного изъ отпущенниковъ¹. Въ наше время человеческое слово молчитъ противъ такого безумнаго искаженія самыхъ простыхъ понятій о человеческой природѣ, потому что, благодаря успѣхамъ времени, для насъ потерялъ всякій смыслъ подобнаго явленія. Но кажется и самые современники цезарей, призванные быть его свидѣтелями, не находили никакихъ словъ противъ него и удовольствовались лишь тѣмъ, что передавали событіе какъ оно есть—на память послѣдующимъ поколѣніямъ и въ поученіе имъ: до такой степени дѣйствительность превосходила все, что могла вмѣстить въ себя человеческая мысль. Скептики могли, пожалуй, отказывать въ вѣрѣ событію, ссылаясь на его внутреннюю невѣроятность: оно тѣмъ не менѣе совершалось у нихъ въ очю, съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формъ, и такъ сказать смѣялось въ глаза ихъ философическому невѣрію. Всему Риму было извѣстно, что цезарь стоялъ подъ покрываломъ невесты, что нарѣченный женихъ принималъ отъ него приданое, и что наконецъ въ домъ его была приготовлена брачная постель и горѣли огни, возвѣщавшіе самое торжество. А кто былъ очень любопытенъ, тотъ, говорятъ, могъ видѣть и еще болѣе. Однимъ словомъ, эта развратная пародія брака открыта была для публики во всѣхъ ея отвратительныхъ подробностяхъ.

Между тѣмъ какъ вниманіе Рима занято было невиданнымъ доселѣ триумфомъ общественнаго разврата, невидимая рука втайнѣ готовила ему другое, гораздо болѣе поразительное зрѣлище, которое должно было оставить въ зрителяхъ неэвгладимое впечатлѣніе на всю жизнь. То

¹ Тацитъ называетъ его Пневгоромъ, Светоній (с. XXIX) — Дорифоромъ. Наконецъ Диомъ Кассій, прибавляя еще одну новую черту къ исторіи нероновскаго безпутства, говоритъ, что мужемъ цезаря былъ Сиоръ, а Пневгоръ считался — его женою и относить эти приключенія къ нѣсколькимъ позднѣйшему времени. См. Dio С. II, 28. Разница именъ впр очемъ не намѣняетъ сущности дѣла.

была великолѣпная картина огромнаго города, объятаго всепожирющимъ пламенемъ, въ которомъ съ трескомъ рушатся монументальныя зданія, и за ними исчезаютъ цѣлыя улицы. По несчастію для Рима, ему досталось видѣть эту картину не въ краскахъ, а на самомъ себѣ, на жилищахъ мирныхъ своихъ гражданъ. Пламя вспыхнуло въ циркѣ и охватило сначала ту часть его, которая примыкала къ Палатину и Целію. Огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ стоявшихъ здѣсь харчевняхъ и подобныхъ тому заведеніяхъ и, раздуваемый вѣтромъ, быстро распространился по всему протяженію цирка, не встрѣчая себѣ никакой преграды. Когда же отсюда перебросился онъ на сосѣдственныя части города, ничто болѣе не въ состояніи было остановить бурнаго его разлива во всѣ стороны. Опустошивши низменности, пламя вскидывалось потомъ на высоты, откуда снова устремлялось въ равнину, истребляя все встрѣчающееся на пути. Жалкія средства челоузка казались совершенно ничтожны противъ дѣйствія разъяренной стихіи, которая обгоняла его на всѣхъ пунктахъ и какъ бы посмѣвалась всѣмъ его усиліямъ. Чѣмъ тѣснѣе и неправильнѣе были улицы, тѣмъ болѣе раздолья было огню, свирѣпствовавшему въ нихъ съ удвоенною силою. Это было цѣлое море пламени, которое, уничтожая строенія, въ то же время почти не менѣе угрожало и самому народонаселенію города. Пожаръ распространялся съ такою ужасающею быстротою и силою, что нигдѣ не было довольно безопаснаго убѣжища. Ужь не о томъ, чтобы спастись пылающія стѣны, — жители Рима должны были подумать о самихъ себѣ. Тревожное безпокойство, овладѣвшее ими при видѣ успѣховъ огня, скоро превратилось во всеобщее смятеніе. Кто спасалъ себя, кто своихъ ближнихъ, дѣтей, больныхъ, стариковъ. Въ то время, какъ одни еще медлили въ надеждѣ сохранить что набудь изъ своего имущества, другіе безъ оглядки бѣжали куда ни попаляло, чтобы только уйдти отъ огня. Но куда челоуекъ ни направлялъ свои шаги, вездѣ почти встрѣчался онъ съ своимъ неизбѣжнымъ врагомъ. Только что уходилъ онъ отъ преслѣдующаго его пламени съ тылу, какъ оно показывалось у него съ боковъ, или угрожало ему въ лицо. Въ однихъ и тѣхъ же улицахъ часто сталкивались между собою люди, бѣжавшіе въ разныхъ направленіяхъ, отъ чего смятеніе возрастало еще болѣе. Съ самаго времени знаменитаго нашествія Галловъ, Римъ не испытывалъ еще такого страшнаго бѣдствія. Наконецъ, когда самыя отдаленныя части города не представляли уже довольно безопаснаго убѣжища, народъ устремился вонъ изъ города, наводнить всѣ дороги, разсылся по окрестнымъ полямъ. Между тѣмъ какъ городъ тонулъ въ пламени, около него образовалось пестрое кочевье изъ людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ званій. Картина была самая печальная: каждый оплакивалъ свою потерю и видѣлъ кругомъ себя лишь разореніе. Но положеніе тѣхъ, которыхъ

отчаяніе или желаніе спасти самое дорогое удержало въ городѣ, было еще ужаснѣе. Многіе изъ нихъ, какъ-бы прикованные къ мѣсту невознаградимою утратою, задыхались въ чаду, или гибли отъ недостатка снѣга и крайняго истощенія, и никто не приходилъ къ нимъ на помощь. Къ довершенію бѣдствія, злонамѣренные люди, пользуясь разсыаніемъ гражданъ, промышленники около огня и оспаривали у него добычу, чтобы потомъ присвоить ее себѣ какъ собственность. Говорили даже о какихъ-то неизвѣстныхъ злодѣяхъ, которые будто бы не только не позволяли тушить другимъ, но еще сами подкладывали огонь, хотя никто не могъ назвать по имени виновниковъ.

Цѣлые шесть дней и шесть ночей пылалъ великій городъ, покинутый жителями и отданный ими на волю разрушительной стихіи¹. Можно представить себѣ, какъ неизмѣримо велико было опустошеніе. Не говоря уже о цѣлыхъ кварталахъ, до тла истребленныхъ пожаромъ, въ немъ погибли лучшія зданія Рима, которыя составляли его гордость и украшеніе. Дворцы, храмы, древніе монументы и многія другія сооруженія, полныя славныхъ воспоминаній, сдвигались добычею пламени наравнѣ съ скромными жилищами простыхъ гражданъ. Чтò строилось въ ками, отъ того въ продолженіе нѣсколькихъ дней остались одни безобразныя развалины. Лишь на шестой день огонь приостановилъ свое опустошительное дѣйствіе, не находя болѣе пищи себѣ въ томъ направленіи, въ которомъ онъ продолжалъ распространяться до сего времени: ибо за Эсквилинами, гдѣ остановился пожаръ, лежало уже открытое поле. Но опасность не миновалась еще и послѣ того. Время отъ времени огонь, питаемый остатками разрушенныхъ имъ зданій, вспыхивалъ снова, и какъ бы собравъ умирающія силы, опять разгорался на большое пространство. Чтò еще уцѣлѣло отъ первой его ярости, тò послужило ему же матеріаломъ для поддержанія послѣднихъ его усилій. Если жизнь людей немного пострадала при этомъ новомъ разореніи, то храмы, портики и другія публичныя мѣста потерпѣли еще болѣе. Наконецъ, послѣ трехдневнаго вторичнаго опустошенія, пожаръ погухъ совершенно, и несчастные жители могли по крайней мѣрѣ возвратиться къ своимъ пепелищамъ.

Какая же была роль нашего артиста при этихъ бѣдственныхныхъ обстоятельствахъ? — Его нельзя обвинить въ совершенномъ бездѣйствіи. Когда въ Римѣ вспыхнулъ пожаръ, Неронъ находился въ Анціумѣ, любимомъ своемъ загородномъ убѣжищѣ, куда удалился вѣроятно за тѣмъ, чтобы нѣсколько отдохнуть послѣ сильныхъ впечатлѣній. Онъ, правда, не прежде тронулся съ мѣста, какъ узнавши, что его соб-

¹ Тас. с. 40; ср. Suet., Ner. с. XXXVIII.

ственный домъ, всѣ дворцовыя зданія и прилежащія къ нимъ великолѣпныя сады находятся въ большой опасности, но за то, прибывши въ Римъ, онъ сдѣлалъ многія распоряженія для облегченія народнаго бѣдствія. Лишеннымъ убѣжища и крова жителямъ Рима открыты были не только Марсово Поле и находившіяся на немъ, или прилежащія къ нему монументальныя постройки Агриппы, извѣстныя по имени соорудителя, но и обширныя сады самого цезаря. Сверхъ того, для облегченія нуждъ самаго бѣднаго класса приняты были и другія важныя мѣры: наскоро выстроены особыя временныя помѣщенія, сдѣланъ подвозъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ изъ соседственныхъ житницъ, и значительно понижена цѣна на хлѣбъ. Казалось бы, всѣ эти мѣры, взятыя во время, должны были вызвать благодарность со стороны народа; но на дѣлѣ оказалось противное¹. Въ то самое время, какъ цезарь дѣлалъ свои благодѣтельныя распоряженія, въ народѣ ходили объ немъ пристрастные толки. Уже въ описаніи римскаго пожара мы встрѣтились съ однимъ темнымъ подозрѣніемъ объ умышенномъ поджигательствѣ: никто не могъ сказать, кто были настоящіе его виновники, но несмотря на то, нѣкоторые думали узнать въ нихъ только орудіе чужой воли и подозрѣвали за ними одного главнаго двигателя. Другіе рассказывали, будто цезарь нарочно всходилъ во время пожара на башню, находившуюся при одномъ изъ его увеселительныхъ домовъ, и любовался оттуда «красотою» зрѣлища². Наконецъ выдавали за вѣрное, будто онъ же, спустившись потомъ внизъ, пошелъ прямо на свою домашнюю сцену и пѣлъ тамъ, конечно въ присутствіи немногихъ избранныхъ слушателей, пожаръ Рима, сравнивая его съ разрушеніемъ древняго Иліона! Мудрено ли, что при подобныхъ толкахъ распоряженія цезаря не производили никакого впечатлѣнія?

Мало того: на памяти Нерона осталось положительное обвиненіе въ умышенномъ поджогѣ Рима, чтобы доставить себѣ удовольствіе видѣть живое подобіе разрушенія Трои. Оно было принято нѣкоторыми ближайшими по времени къ Нерону авторами; оно же было повторено потомъ нѣкоторыми историками, слѣдовавшими за Тацитомъ. Светоній утверждаетъ, что Неронъ не любилъ стараго Рима за его кривыя улицы и некрасивыя зданія и хотѣлъ заживо видѣть его разрушеніе. Дюнъ Кассій еще положительнѣе повторяетъ то же обвиненіе, прибавляя, что Неронъ давно завидовалъ блаженной участи Пріама, который

¹ Tac. *ibid*: quae quamquam popularia in irritum cadebant

² Suet. *ibid*: Hoc incendium e turre Maecenatiana prospectans laetusque «flammae», ut aiebat, «pulchritudinem». Ср. Dio Cass. 62, 18.

удостоялся, вмѣстѣ съ потерей своей власти, видѣть и гибель своего роднаго города ¹. Лишь Тацитъ, который однако стоитъ ближе ихъ къ событію, оставляетъ дѣло подѣ сомнѣніемъ. Нельзя отрицать, что обвиненіе дѣйствительно приходится по натурѣ Нерона, то есть не находится съ нею въ противорѣчіи. Всякій знаетъ, какъ велика была страсть его къ артистическимъ удовольствіямъ, къ зрѣлищамъ въ особенности, какъ она постепенно возрастала въ немъ, и какъ наконецъ, прискучивъ всѣмъ, онъ хотѣлъ для себя лишь чрезвычайнаго. Капризъ сталъ его закономъ; тѣмъ неумѣреннѣе было желаніе, тѣмъ оно казалось привлекательнѣе. Высокіе поэтическіе образцы не выходили у него изъ головы: его манила поэтическая слава, онъ тоже хотѣлъ воспѣвать великія и страшныя катастрофы, поражающія воображеніе. Никто не подумаетъ притомъ, чтобы Нерона могла остановить мысль о чужихъ несчастіяхъ, жалость или состраданіе: глубокій эгоизмъ его, развитый всѣми обстоятельствами жизни, совершенно исключалъ подобныя чувства. Итакъ что могло удержать его руку, когда по примѣру разрушенной Трои пылающій Римъ однажды представился его воображенію? Несмотря на то, мы не смѣемъ идти далѣе сомнѣнія, выраженнаго Тацитомъ. Какъ свидѣтель, ближайшій къ событію и болѣе всматривавшійся въ самую природу Нерона, онъ имѣетъ полное право на то, чтобы предпочтительно передъ другими служить мѣрою для нашихъ сужденій. Великій историкъ конечно не безъ причины ограничился однимъ сомнѣніемъ. Онъ имѣлъ слишкомъ много опытности, чтобы зло могло удивить его и возбудить въ немъ неумѣстный скептицизмъ; но съ другой стороны онъ сохранилъ столько вѣры въ челоука, что не пооторалъ легкомысленно готовыхъ обвиненій, не убѣдившись напередъ во внутренней ихъ достовѣрности. Тациту ли неизвѣстна была природа Нерона, онъ ли не зналъ всей ея испорченности? Если однако и въ его глазахъ обвиненіе цезаря въ умышленномъ поджигательствѣ казалось недостаточно оправданнымъ, то почему бы мы стали довѣрчивѣе къ обвинителямъ и приняли за несомнѣнную истину то, чему не довѣряли даже ближайшіе современники событія?

Впрочемъ, отвергая рѣшительное обвиненіе, нельзя совершенно пренебречь народными толками, которые очевидно послужили ему главнымъ основаніемъ. Не были же они порожденіемъ одной фантазіи. Неронъ, находясь въ Анціумѣ, дѣйствительно могъ ничего не знать о римскомъ пожарѣ, до тѣхъ поръ пока не былъ извѣщенъ о немъ изъ города: по всей вѣроятности, несчастіе, поразившее Римъ, было для него такою

¹ Dio Cass. 62, 16:.. ἐπεθύμησεν (ὁ Νέρων) — τὴν τε πόλιν βλῆν καὶ τὴν βασιλείαν ζῶν ἀναλώσας τὸν γοῦν Πρίαμον καὶ αὐτὸς θαυμαστῶς ἐμακάρισεν, βρι καὶ τὴν πατρίδα ἅμα καὶ τὴν ἀρχὴν ἀπολομένης εἶδεν.

же нечаянною, какъ и для самихъ гражданъ. Но это не значитъ еще, чтобы онъ раздвигалъ и самыя чувства Римлянъ при видѣ пожара. Зналъ господствующій вкусъ Нерона, мы легко повѣримъ, что зрѣлище поразило его не столько трагическою своею стороною, сколько живописною. Немудрено, что, любуясь съ высоты Меценатовой башни необыкновеннымъ видомъ большаго пылающаго города, онъ вообразилъ себя поэтическій пожаръ Трои и нескромно выразилъ свое удовольствіе передъ присутствующими. Наконецъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что это же самое обстоятельство послужило ему темою для поэтической импровизаціи, хотя бы въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ его довѣріемъ. Воспѣвалъ же онъ гибель Трои и другія плачевныя событія давноминувшихъ временъ: такъ отъ чего бы ему было не воспѣть несчастье Рима, которое онъ могъ, какъ очевидецъ, наблюдать своими глазами? Во всемъ этомъ, безспорно, видны и недостатокъ сердца и испорченное воображеніе; но дѣло не въ томъ, какіе были недостатки Нерона (они хорошо известны намъ изъ другихъ обстоятельствъ его жизни), а какъ должно было подѣйствовать на Римлянъ его поведеніе въ минуты общественнаго бѣдствія. Крайности не только расходятся между собою, но и легко наполняются ненавистію одна къ другой. Человѣкъ, плачущій отъ потери, не можетъ равнодушно смотреть на того, кто радуется при видѣ ея. Если бы даже въ этой радости и не было ничего злобнаго, все же однако нельзя принять ее за выраженіе дружелюбія. Спокойный умъ пойметъ самую безразсудную эгоистическую веселость и всегда отличить ее отъ прямаго недоброжелательства, но встревоженное чувство чловѣка, постигнутаго несчастьемъ, скорѣе всего увидитъ въ ней послѣднее. Такъ было съ Римлянами, когда слухи о нескромной веселости цезаря при видѣ пожара и всеобщаго смятенія проникли въ народъ и распространились по городу. Каждый судилъ въ мѣру своего собственнаго чувства, и какъ всѣ терпѣли отъ несчастья и испытывали безпокойство, то нескрытое удовольствіе одного лица казалось не чѣмъ инымъ, какъ злонамѣренностію. Если цезарь, сверхъ чаянія, могъ любоваться видомъ своей пылающей столицы, стало быть это зрѣлище соответствовало его тайному желанію, а если точно было желаніе, что могло помѣшать умысленному его исполненію? Въ народныхъ толкахъ есть всегда своя особенная логика. Начиная большею частію съ видимаго, несомнѣннаго, они быстро переходятъ къ предполагаемой его причинѣ и потомъ ставятъ ее на мѣсто самаго явленія. Такимъ образомъ воображаемое часто беретъ перевѣсъ надъ дѣйствительнымъ. Если насъ не обманываютъ вѣроятности, обвиненіе Нерона въ умысленномъ поджигательствѣ составилось тѣмъ же самымъ путемъ. Онъ неосторожно выразилъ свое удовольствіе при видѣ зрѣлища, которое, хотя было дѣломъ случая, однако пришлось по

его вкусу, а Римляне приняли радостное выраженіе лица его, которое было въ разладъ съ ихъ собственными чувствованіями, за самообличеніе преступника, не умѣющаго владѣть самимъ собою, и тотчасъ же провозгласили его виновникомъ пожара.

Обыкновенно ложное обвиненіе или вовсе теряетъ свою силу, или еще больше выигрываетъ въ кажущейся достовѣрности, смотря по поведенію обвиняемаго въ послѣдующее время. Неронъ видимо оскорблялся взведеннымъ на него обвиненіемъ, не хотѣлъ понести на себѣ его тяжести, но не старался или не умѣлъ быть лучше его — по крайней мѣрѣ передъ исторіею. Чтобы очистить себя въ глазахъ Римлянъ отъ чернаго подозрѣнія, которое лежало на его имени, онъ не находилъ лучшаго средства, какъ перевести мнимую вину на другихъ. Но кого было обвинять въ несчастіи, отъ котораго болѣе или менѣе потерпѣли почти всѣ постоянные жители города? По счастью для Нерона, въ Римѣ былъ цѣлый классъ безответныхъ людей, отвергнутыхъ существующимъ обществомъ и лишенныхъ покровительства закона, на которыхъ поэтому можно было клеветать во всеуслышаніе, ни откуда не боясь обличенія. Ихъ знали подъ именемъ христіанъ, ихъ считали за самую болѣзную и нечистую изуву общества: никто не узнавалъ въ нихъ новаго сосуда жизни, изъ котораго готовилось обѣтшавшему міру единственное возможное для него обновленіе. Какъ обыкновенно бываетъ, старый духъ не узнавалъ новаго и не стыдился обносить его самими безстыдными клеветами; отживающее общество не понимало вновь возникающей жизни и едва оставляло за нею право существованія. Въ нелюбви къ христіанамъ сходились люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и правилъ, въ ненависти къ нимъ соперничали сильные міра съ массою народа. Развѣ только всевластная рука цезаря могла укрыть ихъ въ случаѣ несправедливаго преслѣдованія; но цезарь счелъ за лучшее воспользоваться народною къ нимъ ненавистію, чтобы на счетъ ихъ нѣсколько поддержать свою ненадежную популярность. Христіане, давно уже обнесенные передъ обществомъ, какъ тайные враги его, теперь обвинены были въ явномъ покушеніи на его благосостояніе. Ихъ судьи были ихъ же преслѣдователи; вмѣсто допросовъ ихъ подвергали истязаніямъ, и приговоры надъ ними писались не иначе, какъ кровью. Противъ нихъ были всѣ, а спасающаго не находилось ни одного. Даже кто и не вѣрилъ, чтобы христіане въ самомъ дѣлѣ были виновниками римскаго несчастія, тотъ думалъ однако про себя, что все же они повинны передъ обществомъ — своею заклятою ненавистію къ нему¹. Такъ, при полномъ превосходствѣ силъ съ одной стороны

¹ Eorum multitudo ingens — говорить о нихъ даже Тацитъ — haud perinde in crimine incendii quam odio humani generis convicti sunt. Ann. XV, c. 44.

и при видимомъ безсиліи съ другой, зачиналась эта всемірная борьба, которой никто не предугадывалъ тогда великаго значенія и не предчувствовалъ конечнаго исхода. Послѣдующія событія вполне раскрыли и то и другое; но для историка всегда останется особенно интереснымъ тотъ начальный моментъ борьбы, когда языческое общество впервые сознало всю свою противоположность къ христіанскому и по первому несправедливому поводу старалось избавиться отъ него открытымъ преслѣдованіемъ. Надобно же было такъ случиться, что эта ненависть къ новому общественному идеалу всего живѣе почувствовалась и сказалась именно въ томъ, кто какъ будто вмѣстилъ въ себя все растлѣніе своего общества, всѣ пороки его, и служилъ имъ самымъ полнымъ выраженіемъ!

Другое оправданіе Нерона передъ Римлянами состояло въ томъ, что немедленно послѣ пожара онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы стереть всѣ слѣды несчастія и возстановить городъ еще въ большемъ великолѣпніи. Предпріятіе было немаловажное и требовало необъятныхъ издержекъ; ибо изъ четырнадцати частей, на которыя раздѣлялся древній Римъ, только четыре пощажены были пожаромъ, а прочія или совершенно были разрушены, или едва сохранили нѣкоторые жалкіе остатки обгорѣвшихъ домовъ. Кромѣ того почти всѣ публичныя зданія, которыя составляли главное украшеніе Рима, лежали въ развалинахъ. Цезарь не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы, возстановляя разрушенныя части города, въ то же время исправить и старинныя его недостатки. Римъ дѣйствительно скоро возсталъ изъ пепла въ новомъ величіи. Пожаръ, казалось, способствовалъ только къ украшенію города. Какъ бы по волшебному магію исчезли всѣ прежніе его недостатки: на мѣсто тѣсныхъ и грязныхъ проходовъ протянулись широкія и открытыя улицы, новыя зданія, выстроившіяся по сторонамъ ихъ, представляли глазу пріятную перспективу, наконецъ красивые портики, вновь поставленные передъ входомъ въ каждый отдельный кварталъ, какъ-бы сосредоточивали на себя разсѣянное вниманіе проходящаго и служили для его глазъ точкою отдохновенія. Тонкій артистическій вкусъ цезаря сказался даже и въ новомъ устройствѣ города! Большая часть публичныхъ зданій также скоро возникли изъ разрушенія. Между ними особенно блисталъ дворецъ Нерона неслыханнымъ до томъ великолѣпіемъ, удивительнымъ разнообразіемъ всякаго рода пріятныхъ убѣжищъ для прохлады и отдохновенія. Благодаря этой невѣроятной реставраціи, Римляне конечно могли нѣсколько примириться съ своимъ несчастіемъ и успокоиться отъ него. Но надобно знать, какою страшною цѣною заплатили за возстановленіе Рима подвластные ему обитатели обширной имперіи. Благодарствуя Риму, Неронъ кажется готовъ былъ разрушить для него благосостояніе цѣлой страны. Не только всѣ города Италіи, но и самыя отдаленныя провинціи и да-

же многіе свободные народы, которые состояли на правахъ союзниковъ, были обложены непомерными налогами и должны были принести болѣе чѣмъ посильную дань, чтобы возвратить Риму утраченное имъ великолѣпіе. Цѣлыя области были разорены, миллионы людей ограблены, чтобы собрать достаточныя средства для украшенія одного города¹. Самыя жилища боговъ не ушли отъ разграбленія: изъ нихъ взяты были всѣ драгоценности, не исключая даже и обѣтныхъ приношеній, которыми народъ, признательный къ своимъ богамъ, украшалъ ихъ святилища и самыя изображенія. Кто подумаетъ, что вся имперія подверглась непріятельскому нашествію...

Великія смятенія нерѣдко производятъ то же самое дѣйствіе, что и великія событія. Они дѣйствуютъ почти не менѣе возбуждительно и приводятъ къ сознанію народа то, о чемъ онъ и не помышлялъ до того времени, или что прежде занимало его лишь самымъ вѣдшимъ образомъ. Какъ страшный сонъ вызываетъ насильственное пробужденіе, такъ потрясающее общественное бѣдствіе вдругъ исторгаетъ народъ изъ обычнаго равнодушія. Въ немъ пробуждаются самоохранительныя инстинкты, онъ становится менѣе доверчивъ къ окружающимъ его ежедневнымъ явленіямъ и пытливо доискивается между ними настоящей причины своей тревоги. Чего не домыслится умъ, то досказываетъ ему испуганное воображеніе. Нерѣдко бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, что недоверчивость выходитъ изъ предѣловъ справедливости и слишкомъ смѣло произноситъ формальное обвиненіе тамъ, гдѣ едва есть мѣсто темному подозрѣнію; но рѣдко не попадаетъ она въ свою настоящую цѣль, рѣдко ошибется въ направленіи, — и что однажды было отмѣчено ея клеймомъ, то никогда уже не возвратитъ себя прежней доверенности.

До сихъ поръ Римляне были равнодушны къ Нерону и смотрѣли сквозь пальцы на самыя своенравныя его выходки. Онъ выросъ на ихъ глазахъ, они постепенно привыкали ко всѣмъ причудамъ его избалованнаго воображенія. Излишества его юности заслонялись отъ нихъ страшнымъ образомъ Агриппины; когда же ея не стало, онъ блеснулъ передъ ними отраднымъ солнечнымъ лучемъ послѣ грозы. Сценическія забавы Нерона лишь пріятно развлекали Римлянъ, доставляя имъ невиданныя доселѣ зрѣлища: пресыщенные всякаго рода удовольствіями,

¹ Suet. Ner. c. XXXVIII: Collationibus non receptis modo, verum et efflagitatis, provincias privatorumque census prope exhaustit.—Tac. c. 45: confereudis pecuniis pervastata Italia, provinciae eversae, etc. Ср. также Dio Cass, 62, 18.

они охотно шли аплодировать цезарю, который безвозмездно давалъ имъ публичныя представленія и удивлялъ ихъ своимъ разнообразнымъ талантомъ. Не оскорбляли ихъ много и самые пороки Нерона, которые тоже съ нѣкоторою любовію выставлялись имъ на позорище цѣлому городу. На этотъ счетъ Римляне были не очень взыскательны. Поколѣніе, современное Нерону, видѣло на своемъ вѣку столько безчестныхъ дѣлъ и такъ присмотрѣлось къ нарушенію скромности, что его нельзя было поразить никакою крайностію разврата. Оно само находилось на той же дорогѣ: направленіе было общее, и Неронъ лишь въ томъ смыслѣ сталъ выше толпы, что былъ самымъ полнымъ его выраженіемъ и такъ-сказать — самымъ роскошнымъ цвѣтомъ. Понятно, что поведеніе Нерона не могло много оскорблять римскіе нравы, когда они сами были подвержены дѣйствию той же эпидеміи. Не показывая особенной симпатіи къ цезарю, Римляне впрочемъ до сего времени далеки были отъ всего, что бы походило на неприязнь или враждебное чувство къ нему.

Не имѣя враговъ, Неронъ до сей поры лишь изрѣдка встрѣчалъ болѣе или менѣе открытыхъ порицателей своего поведенія. Это явленіе впрочемъ составляло только счастливое исключеніе изъ господствующаго порядка вещей. Какъ бы ни было глубоко паденіе общества, въ немъ всегда останется нѣкоторая доля добра, хотя бы для того, чтобы служить наглядною мѣркою при измѣреніи всеобщаго развращенія нравовъ. Добрые инстинкты никогда совершенно не вымираютъ въ человечествѣ, подобно нѣкоторымъ породамъ. Когда имъ остается мало мѣста въ самой природѣ чловѣка, они продолжаютъ жить въ скромныхъ убожищахъ науки, и пока она существуетъ, сообщаются изъ ней лучшимъ ея представителямъ. Однажды выработанныя ясныя понятія о назначеніи чловѣка и его нравственномъ достоинствѣ не перестанутъ свѣтить, хотя бы только для немногихъ избранныхъ, даже въ смутныя эпохи всеобщаго помраченія. Римъ не могъ пожаловаться на недостатокъ просвѣщенныхъ понятій: ему досталось все богатое наследство идей, выработанныхъ въ свое время плодотворнымъ греческимъ духомъ. Собственно римское созерцаніе не прибавило можетъ-быть ни одной новой черты къ чужому умственному достоянію, но на столько усвоило его себѣ, что оно, укоренившись внутри римскаго общества, пустило въ немъ нѣкоторые новые отпрыски. Въ то же время, какъ эпикуреизмъ легко переходилъ въ жизнь развращеннаго большинства, строгія убѣжденія стоической школы такъ сказать срослись съ самою природою нѣкоторыхъ характеровъ. Такихъ людей было очень немного, вліяніе ихъ было весьма ограничено, но не находилось еще такой силы, которая бы заставила ихъ смолкнуть совершенно или измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Частию изъ благонамѣренныхъ видовъ, частию же

изъ слабости душевной, Сенека могъ нѣсколько покривить своими правилами; но цезарю пришлось наконецъ отказаться отъ всякой надежды видѣть его когда нибудь въ ряду своихъ усердныхъ льстецовъ, или хотя равнодушныхъ свидѣтелей своего разврата. Чѣмъ дальше цезарь простирался впередъ по своему роковому пути, тѣмъ больше чувствовалось отчужденіе между нимъ и привязаннымъ къ нему воспитателемъ. Они потомъ разстались — конечно не какъ заклятые враги, но какъ люди, которые поняли, что между ними нѣтъ болѣе ничего общаго. Не таковъ былъ Тразея Петръ: глубоко проникнутый сознаниемъ своего долга, какъ римскаго гражданина и какъ человека, онъ твердо и прямо шелъ впередъ своею дорогою, не увлекался ни честолюбіемъ, ни самообольщеніемъ, ни даже обманчивыми надеждами на перемены къ лучшему, и всегда готовый побороть, по мѣрѣ своихъ личныхъ силъ, противоположныя направленія. Стоящимъ имѣлъ въ немъ самаго вѣрнаго своего представителя, а современное общество самаго неподкупнаго свидѣтеля и строгаго порицателя своихъ развращенныхъ наклонностей. Впрочемъ Тразея былъ скромнѣе отъ природы: онъ не называлъ никому своихъ убѣжденій и не вызывался безъ нужды на бесплодную борьбу, изъ одного желанія играть видную роль; но, къ сожалѣнію, внутреннее противорѣчіе между его убѣжденіями и господствующимъ направленіемъ было такъ велико и сильно, что имъ то и дѣло приходилось сталкиваться, хотя и безъ явной вражды между собою. Тразея не имѣлъ никакихъ прямыхъ отношеній ко двору Нерона, и вся его публичная дѣятельность ограничивалась только сенатомъ; но такова была сила противоположностей, что рѣдкое слово его, произнесенное въ сенатѣ, не попадало прямо въ сына Агриппины. По своимъ склонностямъ и образу мыслей они въ самомъ дѣлѣ представляли собою какъ бы два противоположные центра. Скромный и осторожный сенаторъ поэтому могъ казаться главою систематической оппозиціи. Въ сущности впрочемъ дѣло было гораздо проще и безвиннѣе. Тразея по духу и характеру былъ выше обыкновенныхъ личныхъ отношеній. Онъ не могъ быть главою политической партіи, враждебной Нерону, потому что ея не существовало ни въ сенатѣ, ни въ народѣ, и вся известная его дѣятельность внутри куріи потому только принимала видъ системы, что онъ постоянно былъ вѣренъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ. Наконецъ его строгія правила ни въ какомъ случаѣ не позволили бы ему выступить изъ предѣловъ законности и дѣйствовать всѣми средствами безъ различія. Что бы ни случилось въ имперіи, Тразея никогда не оставилъ бы своего поста и не пошелъ бы искать себѣ обманчивой известности въ рядахъ анархистовъ и возмутителей общественнаго спокойствія. Неронъ въ правѣ былъ считать его за своего политическаго антагониста и осмѣляться его постояннымъ противорѣчіемъ въ сенатѣ,

во можно сказать навѣрное, что ни цезарю лично, ни государственному порядку въ имперіи не угрожала никакая опасность отъ неподкупнаго сенатора, который думалъ только объ исполненіи своего долга.

Со времени римскаго пожара, какъ въ настроеніи умовъ, такъ и въ положеніи дѣлъ произошла чувствительная перемена. Черное подозрѣніе, которѣе пало тогда на цезаря, означало поворотъ общественнаго мнѣнія. Самая эта поспѣшность, съ которою составилось въ народѣ обвиненіе Нерона въ поджигательствѣ, показываетъ, что давно приготовившійся кризисъ совершился невозвратно, и что тревожная недовѣрчивость взяла рѣшительный перевѣсъ въ Римлянахъ надъ прежнею беззаботностію, разсыяностію. Еще не было настоящей вины, какъ уже явилась неотразимая увѣренность въ ея неизбѣжности. Чтѣ оказалось ошибочно въ приложеніи, тѣ было вѣрно въ своемъ основаніи. Неронъ напрасно старался отвести отъ себя подозрѣніе: оно и безъ того должно было сгладиться, забыться отъ времени, но онъ ничѣмъ не могъ возвратити потеряннаго довѣрія. Свѣтъ, который печально блеснулъ въ глаза Римлянамъ изъ римскаго пожара, освѣтилъ для нихъ и другія дѣла цезаря. Потеряннаго довѣрія произвело чувство безпокойства и породило опасенія за будущее. Бдительный умъ Сенеки, Тразея и подобныхъ имъ людей не нуждался въ насильственномъ пробужденіи: римская катастрофа ничего не прибавила къ ихъ прежнимъ понятіямъ о Неронѣ и нисколько не измѣнила ихъ отношеній къ нему. Но большинство все болѣе и болѣе поддавалось новому для него чувству и питало въ себѣ однажды возбужденную подозрительность. Въ то время какъ Римъ возникалъ изъ пепла въ обновленномъ видѣ, новый горючій матеріалъ накоплялся понемногу въ самыхъ сердцахъ негодующихъ его жителей. Первая брошенная искра легко могла воспламенить его и произвести внутри общества опасный взрывъ для самого цезаря.

Пока еще одни изливали свое негодованіе въ словахъ, другіе, болѣе нетерпѣливые, находили, что пришла пора дѣйствовать. Внутри римскаго общества было много безпокойныхъ элементовъ разнаго рода, много неудовлетворенныхъ честолюбій и ничѣмъ незанятыхъ силъ, которымъ до сихъ поръ недоставало только случая, вождя и знамени, чтобы они могли соединиться въ одномъ общемъ предпріятіи. Открывшееся общее нерасположеніе къ Нерону представило имъ удобный случай, а популярное имя Каія Пизона, происходившаго изъ знаменитаго рода Кальпурніевъ, послужило для нихъ точкою соединенія. Немногое можно сказать въ похвалу Пизона. Своими нравами и образомъ жизни онъ мало отличался отъ своихъ современниковъ. Строгія добродѣтели стараго времени были не по его вкусу. Не принадлежа къ числу рас-

точительныхъ людей своего времени, онъ впрочемъ былъ не врагъ великолѣпія и роскоши и не отказывалъ себѣ въ удобствахъ и удовольствіяхъ жизни. Но это самое и располагало многихъ въ его пользу. Избалованные современники Нерона, замышляя политическую перемену, хотѣли видѣть власть въ рукахъ человека, который, преслѣдуя всѣ излишества, унижающія достоинство цезаря, зналъ бы впрочемъ по собственному опыту настоящую цѣну удовольствіямъ жизни. Они понимали, что развратъ въ лицѣ Нерона превзошелъ всякую мѣру, но для себя самихъ не хотѣли потерпѣть никакого ограниченія¹. Конечно ничего не было легче, какъ удовлетворить подобному требованію; но если бы у Пизона и были соавстники, онъ имѣлъ передъ ними то важное преимущество, что имя его пользовалось большою извѣстностію въ народѣ. Онъ нравился Римлянамъ своимъ красивымъ видомъ, своею приветливостію въ обхожденіи съ людьми и щедростію ко всѣмъ тѣмъ, которые были ему преданы. Кромѣ того онъ славился въ Римѣ какъ краснорѣчивый ораторъ, который не разъ употреблялъ свой прекрасный даръ слова на защиту угнѣсненныхъ гражданъ.

Вотъ почему около Пизона собрались всѣ недовольные, какъ скоро прежнее расположеніе къ цезарю поколебалось въ народѣ. Всѣ они сходились въ стремленія къ одной цѣли, не смотря на различіе побужденій. О самомъ Пизонѣ можно сказать, что онъ руководился гораздо болѣе страхомъ, нежели властолюбіемъ². Другіе, какъ напримѣръ поэтъ Луканъ Анней, побуждаемы были лично ненавистію. Въ нѣкоторыхъ, какъ-то въ Сульпиціи Аспрѣ и Субринѣ Флавѣ, эта ненависть была тѣмъ поразительнѣе, что заступила мѣсто прежней не менѣ сильной привязанности. Имъ какъ-будто вдругъ открылись глаза на то, чего они не видѣли, или не хотѣли замѣчать до сего времени³. Сюда же пристали потомъ многіе праздные люди, которые испробовали всѣ возможные роды удовольствій и тяготились жизнию, какъ излишнимъ бременемъ. Были впрочемъ между участниками предпріятія и нѣкоторые очень благонамѣренные люди, дѣйствовавшіе при этомъ безъ всякихъ корыстныхъ видовъ и не взирая ни на какія личныя отношенія. Плавтій Латеранъ, напримѣръ, котораго цезарь готовилъ въ консулы, принялъ сторону его противниковъ, по весьма положительному

¹ Tac. Ann. XV., c. 48: idque pluribus probabatur, qui—summam imperium non restrictum nec reverentem volunt.

² Ibid; ср. I. XIV, c. 63.

³ Діомъ Кассій, 62, 24, приводитъ самое признаніе послѣдняго изъ нихъ, обращенное къ Нерону: Καὶ ἐφίλησά γε πάντος μᾶλλον, καὶ εὐίσησα ἐφίλησα μὲν, ἐλπίζας ἀγαθὸν ἔσθωσαν εὐίσησα δὲ. ὅτι τὰ καὶ τὰ κοινὰ. οὐτε γὰρ ἀμάρτυλάτῃ οὐτε κισαρρῖφ δουλεύειν δύναμι. См. то же самое съ нѣкоторыми измѣненіями у Тацита, XV, c. 67.

свидѣтельству нашего историка — единственно изъ желанія общей пользы. Иные наконецъ руководились смѣшанными чувствами, такъ что чувство справедливаго негодованія питалось и поддерживалось у нихъ боязнію за свою личную безопасность. Между послѣдними замѣтите всѣхъ былъ Феній Руфъ, первый префектъ преторіанскихъ когортъ, человѣкъ ничѣмъ незапятнанной репутаціи¹, который постоянно терпѣлъ отъ происковъ своего товарища и всего могъ ожидать себѣ отъ его явнаго недоброжелательства. По своему нерѣшительному характеру Феній Руфъ едва ли могъ быть сколько-нибудь полезенъ предпріятію; но соумышленники много рассчитывали на авторитетъ его имени и высокое положеніе и потому не прежде утвердились въ своихъ намѣреніяхъ, какъ получивши увѣренность въ его полномъ сочувствіи. Имѣя на своей сторонѣ одного изъ главныхъ начальниковъ преторіанскихъ когортъ, они не сомнѣвались болѣе за успѣхъ своего дѣла и въ скоромъ времени надѣялись располагать по своей волѣ судьбою не только города Рима, но и цѣлой имперіи.

Замышленіе Пизона и его соучастниковъ не было и не могло быть въ противорѣчій съ формальнымъ римскимъ правомъ. Съ того времени, какъ Римъ вмѣстилъ въ себѣ всю полноту міровой власти, въ римскомъ общественномъ устройствѣ произошло такъ много переменъ, и такъ мало уцѣлѣло неприкосновенныхъ понятій, что трудно сказать, на какой сторонѣ было право, и гдѣ оставалось не-право. Новый порядокъ вещей, начатый еще первымъ цезаремъ, продержался въ Римѣ уже нѣсколько поколѣній и повидимому установился: между тѣмъ онъ едва лишь имѣлъ силу обычнаго права, незапечатлѣннаго твердымъ письменнымъ закономъ. Но какъ бы дѣло Пизона ни относилось къ формальному праву, оно впрочемъ не носило въ самомъ себѣ никакого внутренняго оправданія. Нѣтъ сомнѣній, что поступки Нерона служили только къ стыду Рима и къ безчестію всего римскаго человѣчества, и что давно было пора положить предѣлъ его безчинствамъ: по какія были нравственныя преимущества тѣхъ, которые брали на свою ответственность расправу съ существующимъ зломъ? въ чемъ состояли ихъ собственные требованія, и что особеннаго надѣялись они внести въ римскую жизнь для ея обновленія? Имъ самимъ, кажется, подобные вопросы вовсе не приходили въ голову. Собирая со всѣхъ сторонъ средства для разрушенія, они нисколько не подумали о матеріалахъ для будущаго созиданія. Замышляя переменъ лица, они далеки были отъ всякой мысли о возможной переменѣ самыхъ идей. Напротивъ, выборъ ихъ потому особенно и

¹ Tac, c. 50: sed summum robur in Fenio Rufo prefecto videlatur, quem vita famaue laudatum, etc.

остановился на Пизонъ, что его личныя склонности служили имъ вѣрнымъ залогомъ неизмѣнности самаго направленія, хотя бы и безъ рѣзкихъ его крайностей. Люди, которые находили поведение Нерона несовмѣстнымъ съ общемою пользою и чувствовали невозможность примириться съ нимъ, въ сущности впрочемъ были дѣти того же вѣка, принадлежали къ одной школѣ съ цезаремъ и мало разнили съ нимъ въ основныхъ убѣжденіяхъ. Какъ бы ни сильно было въ нѣкоторыхъ изъ нихъ усердіе къ общему благу, нельзя впрочемъ не видѣть, что главнымъ двигателемъ большинства были ихъ личныя страсти, и что едва ли кто изъ всѣхъ соучастниковъ предпріятія былъ совершенно свободенъ отъ чувства ненависти.

Могло бы также показаться, что дѣло вызвано было потребностію сильныхъ характеровъ выдти изъ бездѣйствія, на которое они осуждены были тогдашнимъ состояніемъ Рима. Но характеры закалялись тогда только въ суровой школѣ стоицизма, или появлялись именно тамъ, гдѣ можно было ожидать ихъ всего менѣе, то есть — между женщинами. Странная вещь: чѣмъ больше мельчали мужскіе характеры, тѣмъ больше выступали впередъ женскіе. Одно явленіе какъ будто необходимо вызывало собою другое. Связь между тѣмъ и другимъ мы могли не разъ видѣть и прежде: дѣло Пизона и его товарищей еще болѣе утверждаетъ насъ въ этой мысли. Событія показали, что въ немъ было только одно лицо, которое можно назвать характеромъ: это одна женщина, по имени Эпихарисъ. Замѣшанная въ предпріятіе Пизона (потому что женщины мѣшались тогда во все), она обнаружила гораздо болѣе предпримчиваго духа и рѣшимости, чѣмъ всѣ ея мужественные соучастники, и твердо выдержала свою роль до конца. Уже въ самомъ началѣ, когда самыя отважныя головы колебались между твердою надеждою и страхомъ и отъ гордой самонадѣянности вдругъ переходили къ крайнему унынію, Эпихарисъ не только сама не падала духомъ, но чувствовала еще въ себѣ столько отваги и жара, что воспламенила своею ревностію другихъ, которымъ недоставало полной рѣшимости. Однажды она даже едва не попортила всего дѣла своею излишнею горячностью. Недовольная дѣйствіями ближайшихъ соучастниковъ предпріятія, которыя казались ей слишкомъ вялыми, она вошла въ сношенія съ Волузіемъ Прокуломъ, однимъ изъ офицеровъ мизенской флотиліи, который также участвовалъ въ экспедиціи противъ Агриппины и считалъ себя недостаточно вознагражденнымъ по своимъ заслугамъ. Содѣйствіе его казалось ей необходимо въ томъ предположеніи, что въ Кампаніи, какъ любимомъ мѣстопробываніи Нерона, всего скорѣе могъ представиться удобный случай для исполненія задуманнаго плана. Прокулъ по видимому не прочь былъ служить той же самой цѣли, какъ своею рукою, такъ и своимъ

вліянємъ на товарищѣй. Довѣрчивая Эпихарись, конечно желая какъ можно сильнѣе подѣйствовать на его воображеніе, сообщила ему всѣ подробности плана и нарочно распространилась передъ нимъ о тѣхъ обширныхъ средствахъ, которыя, по ея словамъ, находились въ распоряженіи соумышленниковъ. Прокулу не удалось только выманить у нея сама имена дѣйствующихъ лицъ: по умному ли расчету, или по вѣрному инстинкту, она не хотѣла назвать ихъ до времени. Это обстоятельство спасло ее вмѣстѣ со всеми соучастниками отъ вѣрной гибели. Мало довѣряя успѣху замысла, котораго тайна находилась въ рукахъ женщины, Прокулъ предпочелъ воспользоваться сдѣланнымъ ему открытіемъ, чтобы предупредить цезаря и при этомъ благоприятномъ случаѣ напомнить ему о своихъ прежнихъ заслугахъ. Эпихарись, позвавшая на очную ставку съ своимъ обвинителемъ, осталась столько же непоколебима въ заперательствѣ, сколько была сообщительна въ минуты довѣрчивости. Прокулъ не могъ назвать никого, кромѣ своей довѣрительницы, а она твердо стояла на томъ, что никогда не дѣлала ему никакихъ сообщеній. Одно показаніе вполне уравнивалось другимъ, и какъ не оказалось никакихъ постороннихъ свидѣтелей, то не могло быть и явной улики. Тѣмъ собственно дѣло и кончилось; но Неронъ, по свойственной ему подозрительности, приказалъ послѣ того задержать еще на нѣкоторое время обвиняемую, полагая, что «не все то ложно, чего нельзя доказать съ очевидностію»¹.

Этотъ непредвиденный случай много способствовалъ къ тому, чтобы ускорить развязку. Соумышленники Пизона, неуверенные болѣе въ сохраненіи тайны, пришли къ тому убѣжденію, что имъ не остается другаго средства выпутаться изъ бѣды, какъ покончить все однимъ смѣлымъ ударомъ. Страхъ неминуемой опасности придавъ имъ наконецъ ту рѣшимость, которой они до сихъ поръ не находили ни въ себѣ самихъ, ни въ своемъ столько рискованномъ предпріятіи. Уже и прежде неразборчивые на средства, они готовы были теперь на все, чтобы только какъ-нибудь распутать завязанный узелъ. Сначала составилъ было планъ перенести мѣсто дѣйствія въ Кампанію. Тамъ, подлѣ самыхъ Бай, у Пизона была прекрасная вила, куда Неронъ любилъ прѣзжать за просто, почти безъ всякой свиты, чтобы провести нѣсколько дней на полной свободѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей. Пока онъ тутъ оставался, жизнь его — можно сказать — находилась въ рукахъ хозяина. Пизону стоило только захотѣть, и домъ его легко могъ превратиться въ западню для беззаботныхъ гостей; но къ чести его надобно замѣтить, что, когда ему сдѣлано было подобное предложеніе, онъ отклонилъ его отъ себя — потому ли что въ самомъ дѣлѣ совѣстился

¹ Tac. c. 51: *haud falsa esse etiam quae vera non probantur.*

нарушить права гостеприимства, или по другимъ менѣе благовиднымъ расчетамъ, какъ утверждали нѣкоторые. Тогда рѣшено было нанести цезарю ударъ въ самомъ Римѣ и воспользоваться для того наступавшими празднествами въ честь Цереры. Такъ какъ эти празднества обыкновенно сопровождались публичными играми, къ которымъ всякій имѣлъ свободный доступъ, и какъ цезарь особенно любилъ въ подобныхъ случаяхъ показываться въ публикѣ и иногда даже мѣшаться съ толпою, то, казалось, нельзя было выбрать болѣе удобнаго времени, чтобы застигнуть его неприготовленного и поразить внезапнымъ ударомъ. На этотъ разъ впрочемъ заговорщики не думали составлять новаго плана, а взяли себя за образецъ всемъ извѣстнаго дѣйствія убійцы перваго цезаря. Къ сожалѣнію, знаменитые образцы или примѣры сохраняютъ свою силу во всемъ, даже и въ злодѣйствѣ. На общемъ совѣтѣ всѣхъ соучастниковъ положено было, чтобы одинъ изъ нихъ, именно Плавтій Латеранъ, отличавшійся своимъ дородствомъ и физическими силами, улучивъ минуту, подошелъ къ Нерону будто съ какою просьбою, вдругъ упалъ бы передъ нимъ на колѣна и постарался бы сбить его съ ногъ, а въ то время военные трибуны и центурионы, участвовавшіе въ заговорѣ, бросились бы на него со всѣхъ сторонъ и учащенными ударами положили его мертвымъ на мѣсть. Нѣкто Флавій Сцевиусъ, принадлежавшій къ сенаторскому сословію, охотно бралъ на себя первый злодѣйскій ударъ, хвастаясь смертоносною силою своего кинжала, ибо онъ прежде посвященъ былъ богамъ и некоторое время висѣлъ въ какомъ-то этрусскомъ храмѣ. Главная роль между тѣмъ была предоставлена самому Пизону. Спокойно выждавши то время, когда другіе управятся съ Нерономъ, онъ долженъ былъ потомъ, ни мало не медля, отправиться вмѣстѣ съ Феніемъ Руфомъ въ лагерь преторіанцевъ, объявить имъ о происшедшемъ и всѣми мѣрами стараться склонить ихъ на свою сторону. Такъ какъ изъ двухъ префектовъ Руфъ пользовался наибольшою довѣренностію войска, то повидимому не могло быть никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ удачи перваго покушенія, преторіанцы не поколебались бы дать свой голоса въ пользу Пизона и тотчасъ же провозгласили бы его цезаремъ, а народъ — разумется послѣдовалъ бы ихъ примѣру.

Всякій видитъ впрочемъ, что это были только одни предположенія, скорѣе чаянія, чѣмъ надежды, которыя каждую минуту могли обернуться своею противоположною стороною и послужить страшною уликою дерзкимъ соумышленникамъ. Пизонъ и его соучастники играли въ самую опасную игру. Неронъ во всякомъ случаѣ имѣлъ въ ней гораздо болѣе шансовъ на выигрышъ, чѣмъ его противники. Лишь нѣсколько поколебался Римъ въ своей всегда сомнительной довѣренности къ цезарю, но провинція, во всемъ обширномъ смыслѣ этого слова, еще и не думала трогаться,

а корни власти цезарей гораздо болѣе углублялись въ провинціи, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Въ рукахъ Нерона было одно орудіе обличенія, хотя до сихъ поръ онъ и не могъ извлечь изъ него никакой пользы. Чтѣ жъ, если бы къ одному прибавилось еще другое, болѣе развязное на языкъ? Чтѣ бы случилось съ Пизономъ и его соумышленниками, если бы Неронъ успѣлъ предупредить ихъ покушеніе? Они съ своей стороны не готовили ему никакой пощады: захотѣлъ ли бы онъ, овладѣвши во время тайною, быть великодушнѣе съ ними? — Болѣе чѣмъ сомнительно.

Замышляя убійство, сообщники Пизона сами подавали противъ себя карающій мечъ въ руки Нерона. Они готовили гибель ему, но тѣмъ самымъ лишали самихъ себя всякаго покровительства законовъ, въ случаѣ своего обличенія. Вопросъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ томъ, кто кого предупредить. Какъ ни старались Пизонъ и его товарищи сократить свой путь, однако они дали обойти себя другимъ. Обличитель, гораздо болѣе откровенный, чѣмъ захваченнаго въ расплохъ Эпихарисъ, вышелъ изъ дома того самаго Сцевина, который грозился цезарю роковымъ ударомъ. Ужъ все было готово для условленнаго дѣла, и назначенъ даже день для него. Наканунъ, когда всѣ заговорщики заняты были послѣдними приготовлениями, Сцевинъ тоже счелъ за нужное сдѣлать нѣкоторые распоряженія, между прочимъ вынулъ свой надежный, хотя и старый кинжалъ, а какъ время покрыло его ржавчиною, то онъ велѣлъ отточить его и изготовить заново къ слѣдующему дню. Въ тотъ же вечеръ написано имъ завѣщаніе, отпущены нѣкоторые рабы на свободу, и т. п. Между отпущенными былъ одинъ, по имени Милихъ, который не удовольствовался одною свободою, но захотѣлъ себѣ болѣе награды, и угадавши по озабоченному виду своего господина и его распоряженіямъ, въ чемъ должно состоять дѣло, или зная о немъ прежде, по совету жены рѣшился донести обо всемъ Нерону или ближайшимъ его совѣтникамъ. Чтобы не терять времени, онъ чѣмъ свѣтъ вышелъ изъ дому, и никѣмъ незамѣченный, пустился прямо по направленію къ тому изъ загородныхъ дворцовъ, въ которомъ цезарь имѣлъ тогда свое мѣстопробываніе. Тамъ его было остановили у воротъ, но какъ онъ заклинался, что имѣетъ сообщить нѣчто чрезвычайно важное и нетерпящее никакаго отлагательства, то его отвели къ Эшафродиту, который въ свою очередь взялся представить обвинителя самому цезарю. Милихъ расказалъ все, чтѣ зналъ и чему самъ былъ свидѣтелемъ, и для большаго удостовѣренія въ истинѣ своихъ словъ показалъ похищенный имъ кинжалъ, который назначался быть главнымъ орудіемъ злодѣянія. Неронъ — само собою разумѣется — не заставилъ нѣсколько разъ повторять себѣ это извѣстіе, чтобы повѣрить его возможности. Онъ тотчасъ далъ приказъ схватить Сцевина и подѣ стражею привести его въ свое присутствіе.

Поставленный съ глазу на глазу съ своимъ бывшимъ работъ и настоящимъ обвинителемъ, Сцевинъ, хотя и мало приготовленный къ ответу, умъль однако не измѣнить себя и по пунктамъ дѣлалъ отпоръ своему противнику, съ видомъ твердаго убѣжденія обвиняя его самого въ низкой клеветѣ и нагломъ подлогѣ. Миллиху приходилось почти взять назадъ свои показанія, или подтвердить ихъ болѣе убѣдительными доказательствами. Тогда, чтобы не попасть въ бѣду самому, онъ, по настоянію своей жены, нашелся вынужденнымъ назвать еще одно лице, которое, какъ оба они имѣли причины подозрѣвать, замѣшано было въ томъ же дѣлѣ и потому могло служить къ его разъясненію при допросѣ. То былъ Антоній Наталисъ, который въ самомъ дѣлѣ принадлежалъ къ единомышленникамъ Сцевина, и котораго еще не далѣе, какъ наканунѣ, видѣли съ нимъ въ тайныхъ переговорахъ. Цезарь немедленно сдѣлалъ новое распоряженіе, чтобы позвать Наталиса. Допрошенные порознь на счетъ того, что могло бы составлять предметъ ихъ вчерашняго совѣщанія, соумышленники сбились въ показаніяхъ и тѣмъ еще сильнѣе возбудили подозрительность цезаря. Отъ нихъ потребовали признанія въ винѣ, и какъ они все еще продолжали отрицаться, то ихъ заковали въ желѣзо и передъ ними разложили орудія пытки. Одного вида этихъ страшныхъ орудій достаточно было для того, чтобы побѣдить упорство виновныхъ и расположить ихъ къ признанію. Наталисъ поколебался первый, и начавши свое признаніе съ Пизона, впуталъ потомъ сюда и Сенеку, по всей вѣроятности желая этимъ важнымъ открытіемъ болѣе расположить въ свою пользу цезаря. Примѣръ Наталиса подѣйствовалъ и на его товарища. Думая, что тайна уже обнаружена вполнѣ, Сцевинъ болѣе не дорожилъ ею и выдалъ прочихъ соучастниковъ; а тѣ въ свою очередь назвали нѣсколько новыхъ именъ, такъ что менѣе чѣмъ въ сутки составилъ самый полный списокъ всѣхъ лицъ, подлежащихъ обвиненію.

Такимъ образомъ Неронъ держалъ въ своихъ рукахъ весь нити обширнаго заговора. Но прежде чѣмъ начать разбирательство, онъ вспомнилъ объ Эпихарисѣ, которая продолжала содержаться подъ стражею, и хотѣлъ непременно дознаться, не была ли и она замѣшана въ то же самое дѣло. Такъ какъ отъ нея ничего не могли добиться обыкновенными средствами, то, по приказанію цезаря, подвергла ее различнымъ истязаніямъ. Но Эпихарисъ осталась тверда по прежнему среди самыхъ жестокихъ мученій: какъ бы посмѣваясь надъ напряженными усиліями своихъ истязателей, она вытерпѣла одно за другимъ все терзанія пытки и не измѣнила себя ни однимъ словомъ. Ее довели до совершеннаго изнеможенія, прежде чѣмъ могли выпудить у нея какое-нибудь признаніе. Впрочемъ даже безпомощное состояніе подсудимой женщины не склонило ея судей ни на милость, ни на снисхожденіе: ее оставили

въ покое до другаго дня, чтобы потомъ снова начать тѣ же истязанія. Лишь слѣдующій день положилъ конецъ ея невыносимымъ страданіямъ — почти не менѣе ужасною смертію. Разбитая всеми членами, Эпихарисъ не могла болѣе двигаться, такъ что надобно было прибѣгнуть къ носильнымъ кресламъ, чтобы перенести ее на мѣсто допроса. Во время пути, вѣроятно воспользовавшись невнимательностію носильщиковъ, она собрала послѣднія свои силы, перетянула себѣ шею грудною подпояскою, которую другимъ концомъ захлестнула за спинку своего сѣдалища, сама между тѣмъ опустилась внизъ тяжестію своего тѣла и такъ сказала «выдавила изъ себя послѣдній духъ», прежде чѣмъ успѣла подать ей какую нибудь помощь.

Не останавливаясь много на родъ смерти этой несчастной женщины, достойной впрочемъ гораздо лучшей участи, нашъ историкъ, въ заключеніи своего расказа о ней, не можетъ довольно надвинуться той необыкновенной твердости духа, которую она показала въ послѣдніе дни своей жизни. Онъ особенно пораженъ тѣмъ, что въ простой отпущенницѣ, въ жилахъ которой вѣроятно не было ни одной капли настоящей римской крови, нашлось однако столько силы воли, что никакими истязаніями не могли исторгнуть у нея чужой тайны, между тѣмъ какъ благороднѣйшіе римскіе граждане, сенаторы и всадники, едва завидѣвъ издали орудія пытки, спѣшили выдать руками своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей, чтобы только выручить себя изъ бѣды¹. И въ самомъ дѣлѣ человеку мыслящему было надъ чѣмъ призадуматься. Люди, которые думали предписывать законы своему отечеству и располагать его судьбами, были такъ ничтожны и слабудушны, что при первой мысли объ опасности становились робки какъ дѣти и искали себѣ спасенія въ предательствѣ своихъ кровныхъ и изменѣ другъ другу! Чего могло ожидать себѣ общество отъ подобныхъ ревнителей? Большая часть изъ нихъ старались отдѣлаться отъ бѣды, обнося своихъ товарищей, а кто такъ не постоялъ даже за свою родную мать. Пизонъ, который считался главою всего предпріятія, велъ себя достойнѣе другихъ, но въ рѣшительную минуту, когда многое еще зависѣло отъ его энергій и предпримчивости, показалъ лишь апатическое безстрастіе и совершенную неспособность къ какой бы то ни было дѣятельности. Пока проходилъ допросъ Сцевина, и дѣло еще не было приведено въ ясность, многіе совѣтовали Пизону отправиться въ лагерь, или выдти на площадь, и обратившись къ войску, или народу, прямо потребовать ихъ содѣйствія. Весь расчетъ очевидно состоялъ въ томъ, чтобы, если

¹ Tac. lib. c. 57; tenuem jam spiritum expressit (Epicharis), clariore exemplo libertina mulier in tanta necessitate alienos ac prope ignotos protegendo, cum ingenui et viri et equites romani senatoremque intacti tormentis carissima morum quisque pignorum proderant. Cp. D. Cass. 62, 27.

можно, предупредить Нерона и не дать ему времени приготовиться къ нападенію. И самые неустрашимые люди—говорили совѣтники Пизона—теряются, будучи захвачены въ расплохъ: а нашъ китаредъ, какъ извѣстно, храбръ только на сценѣ, и въ случаѣ нужды ему не на кого больше опереться, кромѣ Тигеллина съ его бабьей свитой. Рѣшимость и предприимчивость побуждаютъ и не такія трудности. Да и во всякомъ случаѣ — гораздо лучше дѣйствовать, пока еще есть время, нежели, положившись на сомнительную скромность другихъ, выжидать сложа руки рѣшенія своей участи. Если бы даже попытка не удалась, — былъ ихъ послѣдній выводъ — все же лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, въ глазахъ цѣлаго народа, защищая правое дѣло, чѣмъ безчестно умереть отъ руки палача. Принимая во вниманіе безвыходное положеніе Пизона и его товарищей, нельзя не сознаться, что совѣтники его были правы, что ему дѣйствительно не оставалось другаго выбора. Было притомъ довольно впрое основаніе думать, что, еслибы только ему удалось возбудить нѣкоторое сочувствіе въ народѣ, Неронъ совсѣмъ бы потерялъ голову: еще не видя передъ собою явной опасности, при одномъ только извѣстіи о существованіи заговора, онъ уже дрожалъ отъ страха и тѣмъ больше падалъ духомъ, чѣмъ больше называли ему соборниковъ¹. Но на Пизона не дѣйствовали никакія убѣжденія: онъ равнодушно выслушалъ поданный ему совѣтъ, прошелся немного по улицамъ и потомъ преспокойно отправился домой, въ той увѣренности, что ему не уйдти отъ смерти, и думая побыть нѣсколько съ самимъ собою, чтобы встрѣтить ее какъ слѣдуетъ человеку его званія и возраста.

И нескромность однихъ и нерѣшимость другихъ равно послужили въ пользу Нерона. Онъ имѣлъ время оправиться отъ страха, принять всѣ мѣры предосторожности, удвоить стражу, занять войскомъ важнѣйшіе посты въ городѣ, запереть всѣ выходы и разставить вооруженные отряды по всѣмъ окрестностямъ. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ въ Римѣ обнаружались какіе нибудь симптомы движенія, онъ ужъ былъ полнымъ его господиномъ и могъ по своей волѣ располагать участію всѣхъ тѣхъ, которые словомъ или дѣломъ были замѣшаны въ неудавшееся покушеніе. Никто болѣе не могъ уйдти изъ его рукъ, если бы даже чье имя ошибкою занесено было въ списокъ участниковъ несчастнаго предпріятія. Нечего говорить о великодушіи: въ послѣднее время Неронъ не показывалъ даже и вида его; но, казалось, можно еще было ожидать отъ него пощады виновнымъ по крайней мѣрѣ изъ нѣкотораго снисхожденія къ нимъ, ибо опасности болѣе не было, а прямыхъ инстинктовъ жестокости въ Неронѣ не замѣчалось до сего вре-

¹ Ibid: magis magisque p. vido Nerone.

мени. На дѣль однако оказалось другое: не то чтобы Инстинкты, которыхъ дѣйствительно не было въ человѣкѣ, взяли теперь только свою силу надъ нимъ, но тѣмъ больше способенъ былъ онъ почувствовать оскорбленіе, чѣмъ дальше былъ отъ него своимъ положеніемъ и своею мыслию. Не самая власть была дорога Нерону, а та полная и безусловная свобода дѣйствій, когорую она открывала ему. Вкусивши ее разъ, онъ уже не чувствовалъ болѣе никакого желанія разстаться съ нею и всякимъ покушеніемъ противъ своей власти оскорблялся какъ покушеніемъ противъ своей безграничной свободы. Это уже стало дѣломъ его личнаго самолюбія. Не будучи жестокъ отъ природы, онъ впрочемъ никому болѣе не могъ простить того, что считалъ личною обидою себя; онъ не нуждался въ наказаніи виновнымъ, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи мщенія.

Мы уже сказали, что прежде чѣмъ вскрылось движеніе, Неронъ былъ полнымъ его господиномъ. Итакъ ему стоило теперь лишь произнести свое слово, чтобы немедленно начались казни. Такъ какъ правосудіе было тутъ обстоятельство совершенно постороннее, и никакой протестъ не въ состояніи былъ измѣнить принятое рѣшеніе, то и не сочли за нужное обманывать народъ законными формами: дѣло обошлось безъ нихъ и вообще безъ суда. Пизонъ одинъ изъ первыхъ испыталъ на себѣ всю беспощадность мстителя. Убийцы пришли къ нему на домъ и тотчасъ приступили къ предписанной имъ операциі: Пизону открыты были жилы на рукахъ, отъ чего онъ скоро истекъ кровію¹. Плавтій Латеранъ былъ второю жертвою гнѣва цезаря. Но съ нимъ поступили еще суровѣе: онъ отведенъ былъ на мѣсто публичныхъ казней и тамъ сложилъ свою голову подъ рукою палача-трибуна. Всего пріятнѣе впрочемъ для мстительности Нерона была третья жертва, потому что она давно составляла предметъ его ненависти. Несчастный, которому выпалъ этотъ черный жребій, былъ не кто иной, какъ столько извѣстный воспитатель и руководитель цезаря, Анней Сенека, который смѣлъ еще существовать, потерявши его расположеніе, и даже — верхъ преступленія! — не хотѣлъ сдѣлать ни одного шага для возвращенія его благосклонности. Еще въ то время, когда Сенека былъ при дворѣ, Неронъ весьма нетерпѣливо сносилъ его присутствіе какъ живую улику себѣ; но онъ еще менѣе могъ помириться съ мыслию, чтобы человѣкъ, который состоялъ въ явной немилости у него, могъ однако существовать независимо отъ него и нисколько не чувствовать своего лишенія. Это было хуже чѣмъ

¹ Впрочемъ выраженіе Тацита (с. 59) не совсѣмъ опредѣленно: оно оставляетъ мѣсто и такому толкованію, что Пизонъ предупредилъ убійцъ, добровольно набравши этотъ родъ смерти. Ср. то, что говорится ниже (с. 60) о смерти Латерана.

непростительно въ глазахъ цезаря, это была постоянная рана для его большого самолюбія, избалованнаго низкою лестію и самымъ раболѣпнымъ подобострастіемъ. Зная образъ мыслей своего воспитателя, онъ хорошо понималъ, что Сенека удался отъ двора не съ благодарными чувствами, и возмущался мыслию, что въ Римѣ есть хотя одна неподкупная совѣсть, которая можетъ думать о немъ что хочетъ. Выходило, что или Нерону надобно было измѣнить свое поведеніе и нѣкоторымъ образомъ самую природу свою, или Сенека не жить болѣе на свѣтѣ. Последнее было разумѣется легче и удобоисполнимѣе. Поэтому вскорѣ послѣ удаленія Сенеки отъ двора начались уже попытки подвести его подъ какое-нибудь уголовное преступленіе, чтобы нѣсколько благовиднѣе и вѣрнѣе сбрызнуть его съ рукъ¹. Когда же первая такая попытка не удалась, нетерпѣливые преслѣдователи пробовали извести ненавистнаго имъ челоуѣка не дѣлая никакого шума, посредствомъ тайной отравы². Но почему-то и эта вторая проба осталась столько же безуспѣшною. Наконецъ заговоръ Пизона представилъ ненавистникамъ Сенеки самый вѣрный случай для его гибели. Имъ только и нужно было, чтобы кто-нибудь изъ участниковъ назвалъ его по имени. Недостатокъ вины легко можно было восполнить заранѣе принятою увѣренностію въ ней. Какъ самъ Неронъ, такъ и его ближайшіе совѣтники были на этотъ счетъ весьма не взыскательны. Единственный поводъ къ обвиненію Сенеки состоялъ въ показаніи Наталіса, утверждавшаго, что онъ отправлялся къ нему по порученію Пизона, который жаловался на его недоступность и, подъ предлогомъ дружбы, желалъ войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Всякій видитъ, что показаніе говорило скорѣе въ пользу Сенеки, чѣмъ противъ него, тѣмъ болѣе, что, по словамъ того же свидѣтеля, Сенека отклонилъ отъ себя предложеніе. Но Нерону надобно было едва замѣтную искру превратить въ пожаръ. Онъ не только принялъ свидѣтельство Наталіса за несомнѣнное, но и обратилъ его въ положительное обвиненіе. Сенека оставалось лишь отвѣчать на вопросъ, признаетъ ли онъ самъ, или нѣтъ, сдѣланное противъ него показаніе. Какъ нарочно, онъ случился на тотъ разъ въ окрестностяхъ Рима, куда незадолго передъ тѣмъ перебрался изъ своего кампанскаго уединенія. Въ то время, какъ Сенека спокойно сидѣлъ съ своею женою и двумя добрыми пріятелями за вечернимъ столомъ, домъ, гдѣ они находились, окруженъ былъ военною стражею, и собесѣдники увидѣли передъ собою преторіанскаго трибуна. Появленіе его впрочемъ нисколько не смутило того, къ кому оно всего болѣе относилось.

¹ См. Tac. I. XIV, с. 65.

² Тамъ же, XV, с. 45.

На запросъ, сдѣланный трибуномъ, Сенека не только подтверждалъ почти въ тѣхъ же словахъ показаніе Наталіса, но еще далъ замѣтить посланному, что Нерону лучше нежели кому-нибудь извѣстно, что ему равно нельзя ожидать отъ своего воспитателя — ни хитрости, ни ласкательства. Цезарь, выслушавши донесеніе трибуна, не сомнѣвался болѣе, что Сенека понялъ его мысль, и хотѣлъ только знать, не намѣренъ ли онъ предупредить ожидающій его приговоръ добровольною смертію? Но, къ удивленію, всѣ подробности, сообщенныя посланнымъ, показывали противное. Ни изъ словъ, ни изъ движеній Сенеки нельзя было замѣтить, чтобы его смущала кака-нибудь темная мысль, или чтобы имъ овладѣло уныніе: видно, что онъ вовсе и не помышлялъ о скорой смерти. Неронъ взглянулъ на присутствующихъ: ихъ было только двое, Тигеллинъ и Поппея. Черезъ минуту потомъ состоялся приказъ трибуну отправиться вторично къ Сенецъ и объявить волю цезаря — умереть немедленно.

Повелѣніе Нерона было исполнено въ самомъ непродолжительномъ времени. Узнавши волю цезаря, Сенека не показалъ ни страха, ни смущенія. Передъ смертію онъ пожелалъ лишь написать завѣщаніе, чтобы сдѣлать своихъ друзей участниками своего благопріобрѣтеннаго достоянія; но ему не позволили даже распорядиться своею собственностію, такъ что онъ могъ имъ завѣщать только свой примѣръ, какъ единственное наследство по себѣ. Друзья философа не могли удержаться отъ слезъ, пораженные его рѣдкимъ благодушіемъ при этой вопіющей несправедливости судьбы къ нему. Сенека, вмѣсто того чтобы принимать отъ нихъ утѣшенія, самъ нашелся вынужденнымъ утѣшать ихъ въ своемъ несчастіи и дружески укорялъ ихъ въ недостаткѣ твердости духа, которая никогда не должна оставлять людей, посвятившихъ себя изученію мудрости. Онъ ссылался на извѣстныя всѣмъ свойства сына Агриппины и выражалъ твердое убѣжденіе, что Неронъ былъ бы непослушавателемъ, если бы, убивши мать и брата, хотѣлъ послѣ того пощадить жизнь своего воспитателя¹. За тѣмъ онъ обратился къ жепѣ, и смягчивши прежній нѣсколько суровый тонъ, трогательно умолялъ ее — сколько возможно умѣрить свою печаль и стараться лучше утѣшать себя добрыми воспоминаніями о томъ, кто скоро перестанетъ служить ей опорой и утѣшеніемъ въ самой жизни. Паулина (такъ звали ее), бывъ до сихъ поръ вѣрною подругою мужа и какъ-бы вдохновившись его мужествомъ, никогда желаніе не разлучаться съ нимъ даже и въ смерти. Рѣшеніе ея было такъ твердо, и вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе въ будущемъ представлялось столько безотраднымъ, что въ самой любви

¹ Tac. XV, c. 62: neque aliud superesse post matrem fratremque interfectos quam ut educatoris praecceptorisque necem adiceret.

своей къ ней Сенека нашелъ довольно побуждений, чтобы не противиться ея намѣренію. Ты меня удивляешь, говорилъ онъ женѣ: я старался познакомить тебя съ лучшими сторонами жизни, чтобы заставить тебя полюбить ее, а ты отказываешься отъ нея — ради честной смерти! Пусть будетъ по твоему: поравняемъ во всемъ—какъ въ жизни, такъ и въ самой смерти. Я не могу поравняться съ тобою лишь въ свободѣ выбора: это ужь твое преимущество, и пусть оно останется при тебѣ. Заключивши между собою это грустное условіе, оба они вмѣстѣ открыли себѣ жилы на рукахъ. Но какъ старческая кровь Сенеки текла медленнѣе, то онъ велѣлъ еще повторить ту же операцію надъ своими ногами. Потомъ, чтобы не смутить жену своими страданіями и не смутиться самому ея предсмертными муками, онъ попросилъ нѣсколько удалить ее отъ себя, самъ между тѣмъ спѣшилъ воспользоваться остающимся временемъ, чтобы продиктовать на память друзьямъ свои послѣднія мысли. Но его заботы о женѣ оказались напрасны: безжалостный къ мужу, Неронъ хотѣлъ показать на ней свое примѣрное чловѣкълюбіе, и узнавши, что Паулина тоже приготовилась разстаться съ жизнью, точно такъ же *встрѣтилъ* ей умирать, какъ приказалъ Сенека. Ей тотчасъ перевязали руки и уняли текущую кровь. Такимъ образомъ Паулина—противъ воли, хотя можетъ быть и не совсѣмъ противъ сердечнаго желанія—была еще спасена для жизни. Сенека между тѣмъ продолжалъ медленно изнемогать, и наконецъ, утомленный долгою борьбою, пожелалъ для скорѣйшаго ея исхода выпить отраву, которую обыкновенно подносили осужденнымъ на смерть Афинянамъ. Ему еще успѣли влить ядъ, но на окостенѣвшіе члены онъ не могъ болѣе произвести замѣтнаго дѣйствія. Сенека имѣлъ еще послѣ того довольно силъ, чтобы войти въ холодную воду, и когда брызги отъ нея упали на близъ стоявшихъ рабовъ, онъ могъ проговорить, что дѣлаетъ это возліаніе въ честь Юпитера, дарующаго ему свободу. Перенесенный отсюда въ теплую ванну, онъ скоро испустилъ послѣднее дыханіе.

Въ Римѣ стало однимъ благонамѣреннымъ чловѣкъкомъ еще менѣе. Любопытно было бы знать, сколько именно осталось ихъ по смерти Сенеки: ибо выпадаютъ несчастныя эпохи, когда и добрыя намѣренія, хотя бы и не осуществившіяся, имѣютъ всю цѣну гражданскихъ подвиговъ и потому заслуживаютъ памяти исторіи. Сенека безспорно былъ лучше своего вѣка и тѣми или другими средствами хотѣлъ быть полезенъ своимъ современникамъ; надежда его не сбылась, намѣренія не исполнились: кто однако возьметъ на себя обвинить его въ неудачѣ или осудить за бесплодную жизнь? кто захочетъ бросить камнемъ въ чловѣка, который не отказывался послужить добру въ такое время, когда большинство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряло вѣру въ него? Какъ чловѣкъ, Сенека былъ не безъ слабостей: память его не совсѣмъ чиста отъ

различныхъ уступокъ, которыя и онъ принужденъ былъ дѣлать то своей молодости, то духу своего времени: но за нимъ всегда останется та неоспоримая честь, что, даже дѣлая нѣкоторыя уступки публичному разврату, онъ въ то же время не переставалъ бороться съ нимъ, и когда потерялъ всякую надежду на успѣхъ, устранился отъ всякой дѣятельности. Не ясный ли знакъ, что нравственная природа его способна была къ совершенствованію, и что она дѣйствительно очищалась по мѣрѣ того, какъ развратъ дѣлалъ очевидныя успѣхи около него. Свою же неизвинную вѣру въ добро Сенека запечатлѣлъ самою смертію. Развратъ подъ конецъ исполнился къ нему смертельной ненависти, потому что узналъ въ немъ своего непримѣримаго врага: чтоже? — онъ только увеличилъ число неподкупныхъ свидѣтелей противъ себя и далъ Сенеку лишь новое право на симпатію къ нему даже отдаленнѣйшаго потомства.

Между тѣмъ какъ Сенека расплачивался своею жизнію за то, что не хотѣлъ настроить ее на господствующій ладъ, другія жертвы, хотя вина ихъ была совсѣмъ иного свойства, ждали своей роковой очереди. Не смотря на различіе преступленій, расплата была одинаковая. Передъ остальными жертвами Сенека имѣлъ лишь преимущество свободного выбора смерти: имъ не приказывали умереть, какъ бы сами онъ хотѣли, а поручали это дѣло палачу, который расправлялся съ ними по своему. Такъ погибли Субрій Флавъ, Сульпицій Асперъ и за нимъ Феній Руфъ, товарищъ Тигеллина по власти надъ преторіанскими когортами. Субрій былъ допрошенъ самимъ Нерономъ, который хотѣлъ знать отъ него лично, что могло пробудить его къ нарушенію вѣрности. «Я любилъ тебя, пока ты стоилъ любви—отвѣчалъ ему трибунъ съ грубою откровенностію солдата—и повѣрь, что въ цѣломъ войскѣ не было человека болѣе тебя преданнаго; а потомъ я возненавидѣлъ тебя всею силою души, потому что развѣ можно питать другое чувство къ человеку, который убилъ мать и брата, къ скомороху и поджигателю?» Казнь его поручена была другому трибуну. Тотъ вышелъ Субрія въ поле, и чтобы сильнѣе на него подѣйствовать, заранее велѣлъ вырыть ему могилу. Но Субрій, взглянувъ на эту яму, замѣтилъ только, что она и мелка и узка, и подставляя свою шею подъ топоръ палача, выразилъ лишь одно желаніе, чтобы, если можно, съ нимъ покончили однимъ ударомъ. Сульпицій Асперъ тоже умѣлъ не измѣнить себя въ послѣднія минуты жизни. На вопросъ Нерона, что могло заставить его рѣшиться на такое преступное дѣло, онъ отвѣчалъ коротко, что не видѣлъ другаго средства положить конецъ его злодѣянамъ, и потомъ, когда пришелъ его послѣдній часъ, спокойно сложилъ свою голову подъ рукою исполнителя казни. Подобною же смертію умерли и другіе его товарищи, которые были замѣшаны въ дѣло Пизона. Общій начальникъ ихъ, Феній Руфъ, оказался всехъ слабѣе духомъ. Чтобы лучше отвести отъ себя

подозрѣніе, онъ не воспротивился даже принять на себя роль обвинителя другихъ; но это самое еще больше раздражило тѣхъ, которые владѣли его тайною. Его скоро потомъ выдали цезарю, и онъ долженъ былъ умереть наравнѣ съ другими, нигдѣ не заслуживши себя ни уваженія, ни жалости. Человекъ довольно умеренный, но безъ характера, онъ никогда не принадлежалъ сполна ни той ни другой сторонѣ, и какъ жизнь, такъ и самую смерть ни въ комъ не могъ возбудить къ себѣ теплаго участія.

Было бы утомительно всчислять по именамъ всѣ жертвы гнѣва цезаря. Мѣшая виновныхъ съ невинными, ожесточившаяся рука его карала даже и тѣхъ, противъ которыхъ онъ не имѣлъ ничего болѣе, кромѣ чисто личнаго неудовольствія. Никакая власть и никакое достоинство не спасали отъ его безошадной мстительности. Поразительнымъ примѣромъ тому служить жестокая участь Вестина, товарища Нервы по консульству. Все преступленіе его состояло въ томъ, что онъ имѣлъ несчастіе почувствовать склонность къ одной женщинѣ, по имени Статилія Мессалия, и вступилъ съ нею въ бракъ, вовсе не подозрѣвая, что цезарь принадлежалъ къ числу тайныхъ ея обожателей. Одна слабая тѣнь участія въ заговоръ могла бы навѣрное погубить ненастного консула; но, къ удивленію и досадѣ Нерона, имя Вестина ни разу не было названо въ показаніяхъ соумышленниковъ Пизона, и никто не показывалъ желанія быть его обвинителемъ. Тогда рѣшено было произвести расправу, не дожидаясь ни суда, ни обвиненія. Цѣлая когорта преторіянцевъ вдругъ окружила домъ консула подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ замышляетъ что-то недоброе противъ государства. Вместе съ отрядомъ явился и медикъ, чтобы по первому востребованію приступить къ известной операци. Застыгнутый среди многочисленнаго общества собесѣдниковъ, Вестинъ былъ тотчасъ же отведенъ въ особую комнату, подвергнуть обычному кровопусканію, потомъ пропущенъ черезъ теплую и холодную ванну и такимъ образомъ въ самое непродолжительное время превращенъ въ бездушный трупъ. Онъ умеръ, не испустивши ни одного вздоха. Между тѣмъ гости его оставались подъ стражею и ожидали себя той же участи. Но сверхъ всякаго чаянія имъ удалось отдѣлаться однимъ страхомъ. Нѣсколько позабавившись на ихъ счетъ, Неронъ далъ приказаніе выпустить ихъ на свободу.

Поэтъ Анней Луканъ, которому вѣрно было умереть тою же самою смертью, окончилъ жизнь, декламируя стихи изъ своей поэмы, которые наиболѣе приходились къ его собственному положенію. За тѣмъ следовало еще нѣсколько смертей, менѣе замѣчательныхъ. Между тѣмъ какъ въ Кампаниі становилось тѣсно отъ множества жертвъ, рѣдкое семейство въ городѣ не оплакивало тайнѣ потерю своего ближайшаго родственника. Кто лишился отца, кто — брата, а кто не досчитывался одного изъ своихъ друзей. Почти каждый носилъ печаль и ненависть

въ душѣ, а между тѣмъ всё непрерывъ другъ передъ другомъ показывали видъ, будто радуются торжеству цезаря надъ врагами его. На алтаряхъ курился благодарственный ениміамъ богамъ, дома убирались лавровыми вѣтвями. Страхъ, какъ извѣстно, давить слезы и родить лицемеріе. За казнями слѣдовали болѣе легкія наказанія. За родство, за дружескія связи съ виновными, наказывали какъ за преступленія. Одни лишались своихъ мѣстъ, другіе должны были отправиться въ изгнаніе. Женщины терпѣли одну участь съ мужчинами. Наконецъ, когда ужь некого было карать, Неронъ принялся награждать тѣхъ, которые своимъ совѣтомъ или извѣтомъ содѣйствовали его торжеству. Милыхъ получалъ первый богатыя денежныя награды и сверхъ того почетное титло Оберегателя. Тигеллинъ, по предложенію самого цезаря, удостоенъ былъ отъ сената почестей, которыя опредѣлялись лишь побѣдителямъ на войнѣ. Нимфидію, заступившему мѣсто несчастнаго Фенія Руфа, присвоены были знаки консульскаго достоинства. Войску преторіанцевъ розданы денежныя подарки, на каждого рядоваго вдвое противъ обыкновеннаго, и сверхъ того произведена имъ же не въ зачетъ раздача хлѣбныхъ припасовъ на цѣлый мѣсяць.

Сенатъ скоро превзошелъ всѣ сословія въ выраженія раболѣпныхъ чувствованій. Ему обыкновенно нужно было лишь задать тонъ, и онъ уже не зналъ мѣры въ пизкой угодливости. Въ собраніи его опредѣлено было во первыхъ воздать торжественную благодарность богамъ, которые спасли драгоценныя дни Нерона, отпраздновать праздникъ Цереры съ особеннымъ великолѣпиемъ и построить вновь храмъ Спасенію; имя Нерона положено увѣковѣчить перенесеніемъ его на названіе мѣсяца (апрѣля), въ который произошли эти достопамятныя событія; наконецъ, доводя лестъ до послѣдняго безобразія, кто-то подалъ голосъ, что надобно воздвигнуть особое святилище въ честь самаго цезаря, какъ уже превзошедшаго обыкновенную мѣру человѣческихъ почестей. Предложеніе не состоялось лишь потому, что нѣкоторыя увидѣли въ немъ неблагопріятное предзнаменованіе для смертной жизни новопроизведеннаго божества!

Сбылось небывалое досель. Безъ борьбы и почти безъ всякаго успѣха, цезарь торжествовалъ побѣду надъ врагами. Онъ не готовилъ себѣ побѣды, и однако она досталась ему безъ раздѣленія. Повидимому положеніе его не измѣнилось, въ сущности—оно стало совсѣмъ другое. Тайная болѣзнь передъ Римомъ прошла: побѣдителя нечего было боять-

ся побужденныхъ имъ. Цезарь не только вышелъ изъ подъ опеки своихъ воспитателей— онъ выросъ въ мѣру мужа передъ цѣлымъ городомъ. Все испытаніе стоило ему лишь временнаго страха: не переживши кризиса, онъ могъ потомъ перейти прямо къ мщенію и снималъ головы, у кого хотѣлъ, какъ спѣлые колосья съ поля. Всякій чувствовалъ тогда лишь свое безсиліе передъ нимъ, и никто не смѣлъ возвысить противъ него своего голоса. Въ некоторомъ смыслѣ все народонаселеніе Рима лежало у ногъ Нерона: ни одна голова не спаслась помимо его воли.

Здѣсь было начало глубокаго народнаго униженія, передъ которымъ ничто были всѣ прежніе знаки раболопства. Народъ, пережившій подобную эпоху, теряетъ послѣднее чувство правды и всякое уваженіе къ ней: онъ становится развратенъ не по склонности, но, что гораздо хуже, по самой необходимости, ибо въ глазахъ его совершенно стирается черта, раздѣляющая честное отъ безчестнаго, правое отъ несправедливаго. Съ другой стороны ничто такъ не поднимаетъ челоуѣка съ собственныхъ глазахъ, какъ чувство своего торжества. Какими бы средствами оно ни досталось, оно даетъ сознаніе силы даже тому, кто прежде не чувствовалъ въ себѣ ея присутствія. Оно въ состояніи придать лишнюю спѣсь самой благонамѣренности; тамъ же, гдѣ ея нѣтъ вовсе, оно скоро перерождается въ оскорбительное чувство безусловнаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ. Ничтожество поднимается имъ до гордаго самодовольства, порочное узаконивается какъ самое чистое и безукоризненное дѣло. Тому ничто болѣе не свято въ другомъ, въ комъ успѣхъ развѣшилъ всѣ сомнѣнія.

Въ такомъ положеніи былъ Неронъ послѣ казни Пизона и его какъ истинныхъ такъ и мнимыхъ соучастниковъ. Что впервые проявилось въ немъ какъ страсть, какъ потребность мщенія, то самое могло ужиться въ немъ и навсегда, какъ постоянное чувство. Неожиданный и легкій успѣхъ самаго обширнаго изъ всѣхъ его покушеній на личную безопасность римскихъ гражданъ сдѣлалъ его самонадѣяннѣе, чѣмъ онъ былъ, а множество жертвъ, которыя падали одна за другою отъ руки палача, но не вызвали за себя ни одного мстителя, пріучало его равнодушно смотреть на пролитую кровь. Впредь его не испугало бы вдвое большее количество жертвъ, лишь бы это не вредило его личной безопасности; впредь никто не свободенъ былъ отъ Дамоклова меча надъ головою, хотя бы безъ всякаго чувства вины за собой. Отнынѣ не крепки были головы даже тѣхъ, которые ближе всего стояли къ цезарю, хотя бы они вмѣли всѣ права на пощаду и снисхожденіе съ его стороны; отнынѣ самая любовь Нерона переставала быть надежнымъ щитомъ противъ его внезапнаго гнѣва. Кто идетъ смѣло впередъ своего дорогомъ, тотъ не смотритъ на муравья, котораго давятъ подъ своею ногою.

Первыя дѣйствія Нерона послѣ казни въпрочемъ были не таковы, чтобы могли оправдать подобное предположеніе. Но тѣ, которые стали бы судить по нимъ, очень ошиблись бы въ своихъ заключеніяхъ: это было лишь первое упоеніе побѣдою, чувство самодовольства, послѣ выразившееся у цезаря своего рода разгуломъ. Приближалось время празднованія пятилѣтнихъ игръ, которыя за нѣсколько лѣтъ вновь установлены были Нерономъ и носили его имя (Neroniana). Сенатъ, зная страсть цезаря къ сценѣ и желая, какъ кажется, ослабить въ немъ главный интересъ къ участию въ публичныхъ увеселеніяхъ¹, положилъ заранѣе присудить ему награду и напередъ провозгласить его побѣдителемъ въ искусствѣ пѣнія и краснорѣчія. Но цезарь отвергнулъ отъ себя предложеніе сената, какъ недостойное истиннаго артиста: онъ объявлялъ, что не принимаетъ незаслуженнаго и вовсе не намѣренъ добиваться славы какими-нибудь происками, но что, чувствуя въ себѣ довольно силъ, чтобы поравняться съ кѣмъ угодно въ сценическомъ искусствѣ, хочетъ не иначе получить достойную награду, какъ по добросовѣстному приговору особо назначенныхъ для того судей и въ присутствіи всей публики. Чтò можно было возразить противъ такого рѣшенія? Сенаторамъ оставалось развѣ только дополнить собою ряды многочисленныхъ зрителей, которые стекались со всѣхъ сторонъ, какъ скоро открыты были публичныя увеселенія. На этотъ разъ Неронъ кажется хотѣлъ превзойти самого себя: онъ не только выступилъ на сцену дѣйствующимъ лицомъ, по своему обыкновенію, но еще сверхъ того изумилъ присутствующихъ рѣдкою пунктуальностію въ выполненіи всѣхъ обычныхъ пріемовъ, которые были въ употребленіи между публичными пѣвцами. Такъ, не смотря на усталость, онъ никогда не позволялъ себѣ садиться на сценѣ, не сморкался, не отхаркивался и не иначе обтиралъ съ себя потъ, какъ рукавомъ своей рубашки; потомъ, окончивши свою партію, онъ становился на одно колено, обращался съ признательнымъ жестомъ къ зрителямъ и съ видомъ непритворной робости ждалъ себя приговора².

Дѣйствіе, произведенное этимъ новымъ фарсомъ на публику, было въпрочемъ не совсѣмъ одинаковое. Различіе замѣчено было еще современниками, и мы охотно пользуемся ихъ указаніемъ, чтобы еще разъ остановить вниманіе читателя на одномъ весьма важномъ пунктѣ, котораго мы имѣли уже случай коснуться въ нашемъ изложеніи: это различіе между Римомъ и провинціею. Каковы бы ни были настоящія чувства Римлянъ, они всегда показывали большое сочувствіе къ артистическимъ наклонностямъ цезаря и дружно рукоплескали ему, видя его на сценѣ. Новый фарсъ его, казалось, доставлялъ имъ даже особенное удоволь-

¹ Tac. Ann. XVI, c. 4: qua (sc. Victoria) cincta set corona facui diae, ludicra deformitas veliretur.

² Tac. ibid.; ср. Suet. Ner.; c. XXIV.

ствіе. Но между зрителями были также провинціалы, которые прѣѣхали въ Римъ изъ отдаленныхъ областей, кто по своимъ частнымъ дѣламъ, кто и по обязанностямъ службы, и случайно попали на римскія празднества. Мало знакомые съ утвердившимися обычаями римскаго публичнаго разврата, эти люди съ своею грубою провинціальною простою не могли принять никакого участія въ римскихъ увеселеніяхъ, и если желали, никакъ не умѣли приладиться къ нимъ по своей неловкости. Они или вовсе не выносили зрѣлища и уходили вонъ, не дождавшись конца, или, пробуя подражать рукоплесканіямъ Римлянъ, попадали не въ тактъ и только нарушали своимъ неловкимъ вмѣшательствомъ условленный между ними порядокъ и мѣру извѣстныхъ знаковъ одобренія, что тотчасъ же давали имъ чувствовать кулаки солдатъ, которые нарочно были приставлены, чтобы смотреть за этимъ порядкомъ. Вообще, Римъ и провинція, встрѣтившись на этомъ празднествѣ, почти не узнавали другъ друга: провинція поражала Римъ своимъ грубымъ безвкусіемъ, а Римъ платилъ ей за то побоями!

Правду сказать, Римляне и сами много поохладѣли къ этимъ забавамъ, послѣ того какъ онѣ перестали быть новостію. Какъ у всякаго избалованнаго народа, вкусы Римлянъ въ эпоху цезарей были довольно измѣнчивы. Да и не въ натурѣ человѣческой долго выдерживать одинъ и тотъ же фарсъ: самое занимательное шутовство покажется скучнымъ и утомительнымъ, если оно растянется на долгій срокъ времени. А Нероповскіе фарсы страдали этимъ недостаткомъ въ сильной степени. Принявшись разъ забавлять публику, Неронъ никогда не умѣлъ кончить во время. Онъ готовъ былъ день и ночь проводить на сценѣ; были бы только зрители, а онъ съ своей стороны не зналъ усталости; онъ хотѣлъ быть первымъ во всѣхъ родахъ сценическаго искусства, и только что кончивши одну роль, начиналъ другую. Празднество недаромъ носило на себѣ его имя: оно не только обязано было ему своимъ происхожденіемъ, но и все до краевъ наполнялось его неутомимою сценическою дѣятельностію, какъ сосудъ наполняется водою, или какою другою жидкостію. Сколько бы дней оно ни продолжалось, и какъ бы ни разнообразились входившія въ него увеселенія, зрители постоянно видели передъ собою одно главное дѣйствующее лице. Неудивительно поэтому, что, пригвожденные день и ночь къ своимъ скамьямъ¹, многіе изъ нихъ теряли терпѣніе и должны были дѣлать усилія надъ собою, чтобы сохранить свои мѣста до самаго конца зрѣлища. Тутъ ужъ конечно думали не о томъ, чтобы восхищаться искусствомъ несравненнаго пѣвца, а какъ бы только поискуснѣе скрыть зѣвоту и не навлечь на себя подозрѣнія въ невниманіи. Изъ приличія, а еще больше изъ

¹ Tac.: dum diem noctemque sedilibus continuant.

страха, надобно было показывать веселую мину, хоть приходилось почти умирать со скуки. Задача была не всякому по силамъ: иные не могли выдержать принужденія и тотчасъ же были позваны къ отвѣту за свою вину; другіе, хотя не менѣ повинные въ томъ же преступленіи, но болѣе именитые люди, имѣли передъ первыми лишь то преимущество, что наказаніе ихъ было отложено до окончанія праздника, такъ что нѣкоторые изъ нихъ могли еще принять свои мѣры противъ ожидающей ихъ участи.

Итакъ во все время, пока продолжались празднества, надъ образованными Римлянами не менѣе, какъ и надъ невѣжественными провинціалами, постоянно висѣла гроза гнѣва и немилости цезаря. Отъ того притягивая зрителей къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили увеселенія, былъ одинаково великъ во всѣ дни, и — какъ это всегда бываетъ при многочисленномъ стеченіи народа — дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ. Рассказываютъ, что нѣсколько человекъ изъ сословія всадниковъ были совершенно смяты при самомъ входѣ отъ сильной давки, между тѣмъ какъ другіе почти не менѣ пострадали отъ крайняго изнеможенія, до конца оставаясь вѣрны долгу внимательныхъ зрителей. Все это впрочемъ было легкою тѣнью передъ тѣмъ, что ожидало Римлянъ послѣ праздниковъ. Чѣмъ выше было упоеніе Нерона своимъ устѣхомъ и своею славою, тѣмъ оно было опаснѣе. При первомъ сильномъ потрясеніи оно могло переродиться въ совершенно противоположное ощущеніе, и тогда никакая жизнь и никакая честь не были безопасны противъ его ярости. Нѣтъ еще разстоянія болѣе короткаго, какъ то, которое раздвѣляетъ блаженство самодовольства отъ крайней степени раздраженія; можетъ быть нигдѣ такъ не сходятся крайности между собою, какъ въ глубинѣ человѣческаго чувства. Счастливое настроеніе въ цезарѣ было нарушено однимъ разомъ. Однажды онъ очень поздно возвратился съ ристалища: известно, что наиздничество всегда было однимъ изъ самыхъ любимыхъ его занятій. Поппея, которая была тогда въ состояніи беременности, встрѣтила его горькими упреками ¹. Надобно полагать, что въ послѣднее время она потеряла свое прежнее очарованіе въ глазахъ своего мужа, и въ ней накопилось много неудовольствія. Нашъ историкъ лишь мимоходомъ упоминаетъ объ отношеніяхъ Нерона къ Статиліи Мессалинѣ; но и того довольно, чтобы дать замѣтить читателю, какъ много измѣнились прежнія его чувства къ единственной женщинѣ, которая была неспривторно любима имъ. Оскорбляемая невниманіемъ своего мужа, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряя терпѣніе, Поппея рѣшилась наконецъ высказаться. Она еще думала поддѣлываться на него упреками, когда онъ не способенъ былъ сносить и са-

¹ Suet. Ner. c. XXXV.

мой тыни неудовольствія! Притомъ же въ позднюю пору годовъ его рѣдко была свободна отъ вичихъ паровъ. Неожиданный упрекъ почувствовался ему какъ нестерпимое оскорбленіе. Не помня себя отъ ярости, онъ ударилъ Поппею ногою. Къ несчастію, нога цезаря была вооружена шпорою. Бѣдная женщина, которая была въ такомъ состояніи, что малѣйшее потрясеніе могло сдѣлать ей вредъ, не выдержала удара и умерла, прежде чѣмъ успѣла дать жизнь своему дѣтищу. Убийца могъ плакаться сколько хотѣлъ на свою неосторожность: никакія человѣческія силы не въ состояніи были поправить бѣду, которая была дѣломъ одного несчастнаго мгновенія.

Среди множества насильственныхъ смертей никого конечно не удивитъ несчастная участь Поппеи, которая добровольно соединила судьбу свою съ судьбою Августова дома и замѣшалась во всѣ кровавыя его интриги, не призванная къ тому ни родомъ, ни положеніемъ. Женщина покрѣпче ея характеромъ и несравненно выше по энергіи воли не могла пройти этого опаснаго поприща безъ того, чтобы не поплатиться за свою роль самою жизнью. Въ женской хитрости и ловкости Поппеи едва ли уступала кому-либо изъ своихъ современницъ; но съ тѣхъ поръ, какъ она отдалась цезарю, жизнь ея привязана была лишь къ самому тонкому волоску. Правда, что ей на долю досталось рѣдкое исключеніе: это была единственная любовь Нерона въ цѣлой его жизни. Любовь Нерона безъ сомнѣнія была спасительнѣе его ненависти, и за нею, какъ за щитомъ, дѣйствительно можно было не бояться ни явной, ни тайной вражды: по крайней мѣрѣ всѣ враги Поппеи сошли со сцены прежде ея. Но самая эта любовь не походила ли на тонкій волосокъ, который могъ оборваться каждую минуту? Тогда какимъ щитомъ могла бы прикрыться Поппеи противъ гнѣва цезаря, — она, которая только и была сильна его слѣпою привязанностію? Ея предшественницы умирали не прежде, какъ истощивши всѣ свои силы въ неравной борьбѣ; ей же нечего было думать о борьбѣ, когда вся сила ея состояла въ одномъ обманчивомъ призракъ: стояло только ему разсѣяться, и голова жены цезаря также мало была вѣрна у ней на плечахъ, какъ у послѣдней рабыни. Эта страшная минута могла наступить для нея днемъ раньше или днемъ позже — все равно: съ потерю любви своего мужа Поппеи была одинаково беззащитна и всегда равно обречена неминуемой гибели.

Нечаянная смерть Поппеи представила Нерону новый прекрасный случай отличиться передъ публикой своимъ краснорѣчіемъ. Какъ ни возмутительна была подобная роль въ положеніи цезаря, онъ однако не отказался принять ее на себя. Само собою разумѣется, что о настоящей причинѣ несчастія, которымъ такъ внезапно постигнуто было его семейство, не могло быть рвчи: всякій могъ думать о ней про себя,

по нѣкто не смѣлъ выговаривать своихъ мыслей. Ораторъ болѣе всѣхъ имѣлъ причины не распространяться объ этомъ предметѣ: онъ и не коснулся его, а воспользовался даннымъ случаемъ лишь для того, чтобы въ публичной рѣчи восхвалить красоту покойной и отдать должную справедливость всѣмъ прочимъ ея достоинствамъ и заслугамъ отечеству. Впрочемъ Неронъ вовсе не былъ такъ безчувственъ, какъ казался: смерть жены произвела въ немъ потрясеніе, отъ котораго черныи слѣды идутъ потомъ черезъ долгій рядъ его дѣйствій. Давно охладѣвши къ Пoppей, едва ли онъ много жалѣлъ о потерѣ ея: но въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ея смерть, было слишкомъ много потрясающаго душу, чтобы тотъ, чья совѣсть несла на себя всю тяжесть хотя и неумышленного злодѣяства, могъ сохранить свое обычное спокойствіе. Это счастливое равновѣсіе, которое Неронъ незадолго передъ тѣмъ нашелъ для себя въ своемъ двойномъ торжествѣ и въ отсутствіи вышнихъ стѣсненій, было нарушено и возмущено самымъ непредвидѣннымъ образомъ. Другой, въ комъ не совсѣмъ еще погнбло нравственное чувство, искалъ бы себѣ исхода въ примиреніи съ своею совѣстью, чего бы оно ни стоило. На Нерона это потрясеніе подѣйствовало какъ укушеніе бѣшенаго животнаго. Первые минуты онъ повидимому сохранилъ полное самообладаніе, но вскоре послѣ того страшно заметался и, не одолевая болѣе внутренняго раздраженія, началъ браться на всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе попасться на глаза ему. Не находя мира съ самимъ собою, онъ видѣлъ для себя единственную отраду въ томъ, чтобы возмущать миръ другихъ. Кто радовался смерти Пoppей, какъ счастливому событію, тотъ очень обманывался въ своихъ предположеніяхъ. Справедливо, что, сдѣлавшись женою цезаря, она не принесла съ собою никакого особаго счастья Римлянамъ; но не менѣе вѣрно и то, что, умирая, она еще менѣе оставляла его позади себя. По крайней мѣрѣ впредь не нужно было вышшняго повода, чтобы расположить Нерона къ свирѣпости.

Наступила новая эпоха казней. Она открылась вскоре послѣ смерти Пoppей Сабини, хотя не было ни тѣни заговора, ни подозрѣнія о какихъ-нибудь тайныхъ замыслахъ. Обвиненіе предшествовало винѣ, казнь неминуемо слѣдовала за обвиненіемъ. Не было принято никакихъ общихъ мѣръ, но жертвы, обреченныя смерти, выступали одна за другой по выбору ¹. Первый на очереди былъ Кассій, принадлежавшій къ извѣстной въ Римѣ плебейской фамиліи и считавшійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ римскаго права ². вмѣстѣ съ нимъ отмѣченъ былъ темною краскою нѣкто Силанъ, его воспитанникъ и вѣрный послѣдователь, ко-

¹ Suet. Ner. c. XXXVII. quoscumque libuisset (sc. Neroni). quocumque de causa.

² См. объ немъ Tac. I, XII, c. 12; XVI, c. 7; Suet. ibid. Рассказъ о немъ Тацитъ приводитъ тотчасъ послѣ извѣстія о смерти Пoppей и потомъ выразительно прибавляетъ: quod primum indicium mali.

торый производилъ родъ свой, по женской линіи, отъ самого Августа¹. Настоящая вина ихъ передъ цезаремъ состояла въ томъ почетъ, которыми пользовались имена ихъ между Римлянами: но какъ она не годилась для публичнаго обвиненія, то Кассію вмѣнено было въ преступленіе то, что онъ держитъ у себя изображеніе своего предка, известнаго своимъ участіемъ въ смерти перваго цезаря, а Силану поставлено въ вину самое содружество его съ такимъ опаснымъ человекомъ для общества. По требованію Нерона, сенатъ отставилъ ихъ отъ всѣхъ должностей; но это было лишь начало ихъ преслѣдованія. За однимъ обвиненіемъ не замедлило вырости другое, вдвое болѣе опасное, хотя въ немъ не было уже и тѣни правды, и оба мнимые преступника, Кассій и Силанъ, по приговору сената должны были отправиться въ изгнаніе. У Силана оставалась родная тетка, Лепида; она же была женой Кассія: слѣдовательно преступленіе ея было двойное. Неронъ оказалъ ей честь, приговоривши ее отъ себя лично къ тому же самому наказанію. Говорить ли объ участи, которая ожидала ихъ въ ссылки? Кассію дали дожить послѣдніе дни, потому что ихъ ужъ оставалось немного; но Силанъ, который имѣлъ несчастіе быть въ полномъ цвѣтѣ силъ, дождался подосланнаго убійцы, прежде чѣмъ завидѣлъ приближеніе смерти издали. Вскорѣ потомъ списокъ невинныхъ жертвъ пополнился еще нѣкоторыми болѣе или менѣе известными именами. Семейство Антистія Вета, бывшаго консуломъ въ одинъ годъ съ Нерономъ и потомъ проконсуломъ въ Азіи, было виновно тѣмъ, что состояло въ родствѣ съ Рубелліемъ Плавтомъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя подозрѣніе цезаря и сдѣлаться жертвою его гнѣва: не только самъ проконсулъ, но и его теща, по имени Секстія, и дочь, Рубеллія, были обречены гибели по злостному доносу одного ихъ отпущенника, который разорилъ своего патрона, и чтобы уйдти отъ заслуженнаго наказанія, рѣшился выступить противъ него обвинителемъ. Напрасно несчастный отецъ думалъ склонить цезаря на милость, заставивши свою дочь умолять его о снисхожденіи; напрасно надѣялась она тронуть его своими воплями и рыданіями: Неронъ остался глухъ ко всѣмъ ея мольбамъ и не хотѣлъ ни на волосъ измѣнить своего приговора. Антистію совѣтовали потомъ, чтобы избавиться отъ бѣды, обнародовать завѣщаніе съ назначеніемъ цезаря въ числѣ своихъ наследниковъ. Навѣрное можно сказать, что это средство было бы подѣйствительнѣе безсильныхъ женскихъ слезъ; но гордый Римлянинъ отвергнулъ его съ презрѣніемъ, говоря, что онъ не хочетъ положить пятна на свою жизнь передъ смертію. За тѣмъ, предупреждая насиліе, онъ велѣлъ приготовить три ложа рядомъ и вмѣстѣ съ двумя женщинами, которыя составляли его семейство, присту-

¹ Id. I XIII, 1.

шли къ известной операци. Уже бездушные трупы ихъ скоронены были въ землю, какъ состоялось сенатское рѣшеніе, присуждавшее ихъ къ смертной казни. Тогда Неронъ, какъ бы принимая на себя роль посредника и смягчая приговоръ, объявлялъ, что онъ позволяетъ виновнымъ самимъ выбрать себѣ родъ смерти. Такъ, губя безпощадно свои жертвы, онъ преслѣдовалъ ихъ еще и въ могилѣ своими насмѣшками!

Случившаяся въ то время смѣна одного гражданскаго года другимъ, которая обыкновенно означалась избраціемъ новыхъ консуловъ, не произвела никакой перемѣны въ чувствахъ и расположеніяхъ цезаря. Онъ продолжалъ свирѣпствовать противъ всѣхъ, кто имѣлъ несчастье носить имя, пользовавшееся какою-нибудь известностію, или когда-либо достигавшее до его слуха, и къ сожалѣнію все еще не находилъ довольно знаменитой жертвы, чтобы хотя на нѣкоторое время почувствовать пресыщеніе. Нащъ историкъ замѣтно утомляется, видя, какъ подъ рукою у него возрастаетъ число тѣхъ, которые безъ вины и безъ пользы для общества погибли въ эту темную эпоху римской исторіи. «Если бы даже» — говоритъ онъ, какъ бы нѣсколько обременившись долгомъ добросовѣстнаго историка — «я описывалъ кровавыя битвы за отечество, гдѣ люди умирали бы смертію храбрыхъ, и тогда этотъ непрерывный рядъ безотрадныхъ смертей, хотя бы онъ были самага безукоризненнаго свойства, навелъ бы невольную грусть на меня и тоску на моихъ читателей. Но когда видишь передъ собою столько даромъ пролитой крови и глубокое раболѣпство вокругъ, тяжело становится на душѣ, и сердце сжимается отъ уныніа. Впрочемъ, какъ эти несчастныя жертвы достойны больше жалости, нежели ненависти за слабодушіе, то я не считаю себя въ правѣ предать имена ихъ ничѣмъ незаслуженному забвенію ¹».

И списокъ историка, рѣшившагося передать памяти потомства имена всѣхъ тѣхъ, которые испытали на себѣ жестокость Нерона, въ самомъ дѣлѣ выросъ до такой степени, что перечитывая его, приходишь къ печальному заключенію, что Римъ переживалъ въ это время свою эпоху террора, отъ котораго единственное спасеніе было въ совершенной безвѣстности. Довольно было имѣть какую-нибудь репутацію или известность въ обществѣ, чтобы подвергнуться неминуемому преслѣдованію. Ожесточившаяся рука сыла вокругъ себя кару, не останавливаясь ни передъ какимъ титуломъ или достоинствомъ. Таланты и заслуги особенно возбуждали подозрительность цезаря и навлекали на себя скорый и безпощадный гнѣвъ его. Имя, однажды прозвнесенное безчестнымъ обвинителемъ, становилось уже опальнымъ, какъ самое преступное. Жизнь была преступленіемъ, смерть казалась благодѣніемъ. Оправданіе потеряло свой смыслъ и никому не приходило болѣе въ голову. Счастливымъ считалъ себя тотъ, кто почуялъ приближеніе бѣды

¹ Таковъ почти смыслъ тѣхъ словъ, которыми начинается 16-я глава послѣдней книги «Альтопдсей» Тацита.

издали и могъ заблаговременно распорядиться на счетъ своей смертной участи. Дорожили свободною смертію, потому что право на жизнь стало рѣдкимъ исключеніемъ!

Печальна участь народа, который дожилъ до такого страшнаго безразличія между жизнью и смертію. Мы впрочемъ не считаемъ за нужное передавать вслѣдъ за Тацитомъ все частныя случаи, составляющіе содержаніе его длиннаго списка жертвъ. Большая часть этихъ именъ намъ почти вовсе незнакома и мало что могли бы прибавить къ собраннымъ нами прежде свидѣніямъ объ исторіи того времени. Римскій историкъ не могъ не назвать по имени каждаго новаго свидѣтеля, которыхъ онъ вызывалъ, одного вслѣдъ за другимъ, для обличенія Нерона въ бесплодную жестокости; для насъ же, послѣ столькихъ опытовъ его бенющадныхъ наклонностей, довольно знать, что число говорящихъ противъ него свидѣтелей почти равняется числу тѣхъ, которые погибли при немъ преждевременною смертію. Не пропускаемъ лишь два послѣдніе случая, которыми Неронъ заключилъ на этотъ разъ свои кровавыя потѣхи. По своему характеру оба они легко соединяются въ одномъ представленіи и могутъ назваться послѣднимъ подвигомъ цезаря— въ смыслѣ крайняго напряженія силы, дѣйствующей во известному направленію. Мы также не раздѣлимъ ихъ въ нашемъ изложеніи.

«Наконецъ»—говоритъ Тацитъ—«Неронъ почувствовалъ желаніе вовсе истребить добродѣтель въ лицѣ немногихъ оставшихся ея представителей»¹. Это была старая ненависть, которая давно пыталась въ немъ разными случаями, но теперь лишь созрѣла до того, что въ состояніи была принести свой гнилой плодъ. Предметомъ ея были два человѣка, наиболее сохранившіе среди своего развращеннаго вѣка чистоту мыслей, которая отражалась потомъ и на всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Одинъ изъ нихъ, соединявшій рѣдкую твердость убѣждений съ удивительнымъ благородствомъ характера, давно извѣстенъ намъ по имени и по дѣламъ своимъ. Это былъ Тразелъ Петъ, посвященнѣйшій мужъ своего времени, который могъ бы составить гордость и украшеніе всякаго поколѣнія, сколько нибудь чувствительнаго къ личнымъ человѣческимъ достоинствамъ: сознаніе лучшаго порядка вещей, сколько еще оставалось его между Римлянами, имѣло въ немъ самый сильный и самый верный свой органъ. Другой былъ Барей Соранъ, занимавшій нѣкогда высшія должности въ римской администраціи, человѣкъ, который, если и не имѣлъ генія Тразеля, то не менѣе его заслуживалъ уваженія по своимъ правиламъ. Въ пользу его много уже говоритъ то обстоятельство, что Неронъ поравнялъ ихъ обоихъ въ своей ненависти. Барей никогда конечно не заслужилъ бы этой чести, если бы цезарь не находилъ въ его поведеніи и самомъ образѣ мыслей много общаго съ ненавистнымъ ему философомъ.

¹ Tac. I. XVI, c. 21.

Причины ненависти Нерона къ Тразев такъ очевидны, что почти не требуютъ объясненія. Онъ заключался въ самомъ существѣ ихъ натуръ, прежде чѣмъ проявились и возросли еще болѣе во внѣшнихъ столкновеніяхъ ихъ между собою. Тразев былъ одинъ изъ тѣхъ цѣльныхъ характеровъ, въ которыхъ мысль и дѣло находятся между собою въ совершенной гармоніи, какъ въ художественномъ произведеніи: ничто не нарушало въ немъ этого единства, потому что вся жизнь его отличалась по его же твердымъ убѣжденіямъ. Чувственная натура Нерона отвращалась убѣждений, какъ чего-то вовсе несроднаго ей. Не имѣя въ себѣ никакой твердой внутренней основы, онъ мало по малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей жизни, до такой степени проникнулся ложью, что подъ конецъ сталъ исполненъ ею съ головы до ногъ. Ему была бы только форма, а содержаніе для него не существовало вовсе. Онъ походилъ въ своей жизни на тѣхъ бесплодныхъ художниковъ, которые, не имѣя никакихъ идей, не перестаютъ однако наполнять область искусства своими бездушными произведеніями и до того доводятъ щегольство пустою формою, что она становится противною глазу. Если бы Тразев и хотѣлъ, къ чему привязалъ бы онъ въ Неронѣ свое сочувствіе? У Сенеки была по крайней мѣрѣ одна сторона, обращенная къ Нерону: Тразев, напротивъ того, чѣмъ больше жилъ, тѣмъ больше расходился съ нимъ. Самая жизнь ихъ расположилась такимъ образомъ, что они, сами того не замѣчая, становились какъ бы двумя противоположными полюсами въ цѣломъ римскомъ обществѣ. Ничтожный по личному характеру, чтобы быть достойнымъ соперникомъ такого человека, какъ Тразев, Неронъ выравнивался съ нимъ и даже закрывалъ его своимъ положеніемъ. И по своимъ правиламъ и по своей природѣ Тразев былъ другъ мира и спокойствія; но какъ гражданинъ, любящій свое отечество, а еще болѣе того, какъ римскій сенаторъ, вполне проникнутый сознаніемъ своего долга, онъ не могъ измѣнить правды въ своей публичной дѣятельности, и встрѣчаясь съ ложью или лицемеріемъ, волею или неволею становился ихъ обличителемъ. Другими словами, столкновенія между Нерономъ и Тразеей были неизбежны, хотя ни съ той ни съ другой стороны не было къ тому прямого расположенія, и каждый изъ нихъ по возможности щадилъ другаго въ выраженіи личныхъ чувствъ своихъ.

Хотя не хотя, Тразев своими дѣйствіями постоянно питалъ въ цезарѣ враждебное чувство къ себѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число столкновеній, прибавлялись и пункты обвиненія. Намъ извѣстны уже многіе изъ нихъ. Можно сказать, что всякій разъ, какъ только Тразев приходилось говорить въ сенатъ, онъ подавалъ противъ себя новое оружіе своимъ обвинителямъ. Нерѣдко впрочемъ и самое молчаніе его принимало видъ обличенія. Когда въ сенатъ производилось дѣло Антистія, Тразев, противъ желанія цезаря, одинъ говорилъ въ пользу помилова-

нія и силою своего краснорѣчія успѣлъ склонять многихъ на свою сторону; а когда надобно было оправдать Нерона въ матерубійствѣ, Тразеза хранилъ глубокое молчаніе и потомъ своимъ отсутствіемъ протестовалъ противъ позорнаго рѣшенія своихъ товарищей. Не преступленіе ли было потомъ со стороны Тразеза, что въ то время, когда другіе, оставляя всѣ свои дѣла, постоянно бѣгали за цезаремъ съ одной сцены на другую и пріятно улыбались каждому новому его фокусу, онъ едва показывался между любопытными и смѣлъ не восхищаться искусствомъ несравненнаго артиста? Наконецъ, когда по случаю смерти Поппеи, сенатъ съ важностію присуждалъ ей божескія почести, Тразеза опять не могъ сдержать своего негодованія и вышелъ вопъ изъ курій, бросивъ безмолвный укоръ въ лице всему раболѣпному собранію. Оскорбленіе почувствовалось тѣмъ сильнѣе, что виновный не хотѣлъ почтить памяти Поппеи и присутствіемъ на похоронахъ ея. Это значило, не касался лично цезаря, затронуть однако самую больную его сторону. Въ припадкѣ раздраженія, которое тогда овладѣло имъ, ненависть его къ Тразезѣ созрѣла до послѣдней степени. Кто хотѣлъ, могъ легко пожать ея плоды. Капитонъ Коссуціанъ, зять Тигеллиана и достойный его послѣдователь, нашолъ случай очень благопріятнымъ, чтобы выслужиться передъ цезаремъ и вмѣстѣ удовлетворить своему личному мщенію: когда, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, жители Киликія, гдѣ онъ былъ правителемъ, жаловались сенату на его лихоимство, Тразеза своимъ авторитетомъ рѣшилъ его осужденіе. Въ безстыдствѣ и наглости Коссуціанъ мало уступалъ своему знаменитому тестю, въ легкости клеветы едва ли не превосходилъ его. Получивши, вѣроятно съ его помощью, доступъ къ Нерону, онъ употребилъ всѣ пружины, чтобы разжечь его ненависть къ неподкупному сенатору до опаснаго пламени. Мало было ему повторить всѣ прежнія обвиненія: у него нашлось еще довольно новыхъ извѣстовъ противъ Тразеза. Подъ злымъ языкомъ обвинителя, преступленія вырастали съ неимоверною скоростію. Послушать его, такъ каждый шагъ Тразеза былъ направлеиъ противъ цезаря, каждое его движеніе было измѣною. Онъ никогда не старался публично заявить свою преданность цезарю и не дѣлалъ никакихъ обѣтовъ за его благоденствіе; онъ долгое время вовсе не показывался въ сенатѣ, и недавно еще, когда требовалось содѣйствіе всѣхъ добрыхъ гражданъ, чтобы избавить отечество отъ нѣкоторыхъ вредныхъ членовъ его (при этомъ обвинитель разумѣлъ въ особенности Силана и Антистія Вета), отозвался своими частными дѣлами и не хотѣлъ присутствовать въ засѣданіи. Онъ смѣлъ не дать вѣры тому, что Поппея достойна божескихъ почестей. Онъ просто кощунъ и законопреступникъ. Не надобно смотреть на то, что Тразеза не дѣлаетъ того и другаго: тѣмъ-то онъ и изобличаетъ свою злонамѣренность. Воздерживаясь отъ извѣстной дѣятельности, онъ еще лучше достигаетъ своихъ цѣлей, чѣмъ дѣйствуя положительно. Въ войскѣ,

въ провинціи прежде всего спрашиваютъ о томъ, чего не сдѣлалъ Траезъ, или въ чемъ онъ не участвовалъ, и по его примѣру соображаютъ свои собственныя дѣйствія. Напрасно думаютъ, что Траезъ одинъ: у него есть множество тайныхъ послѣдователей, готовыхъ на все, которые ждутъ только сигнала отъ него, чтобы начать дѣйствовать и испровергнуть существующій порядокъ въ имперіи.

Ничто такъ не обличаетъ политическаго разврата въ народѣ, какъ легкость самыхъ чудовищныхъ обвиненій съ одной стороны и совершенная беззащитность съ другой. Тогда-то въ особенности расползаются такъ называемыя отрицательныя преступленія, которыя по самой натурѣ своей не допускаютъ никакого оправданія, ибо существуютъ только въ воображеніи, и потому болѣе всѣхъ другихъ подвержены неизбѣжному осужденію. Такимъ образомъ и мнимая випа Траезъ могла вырасти до ужасающихъ размѣровъ, по тому самому, что не имѣла никакого дѣйствительнаго основанія и возникла изъ призрака. Чѣмъ чище былъ Траезъ въ жизни, тѣмъ легче было сдѣлать изъ него преступника по способу отрицательнаго обвиненія. Мало того, что его обвиняли въ безвѣрїи и въ презрѣнїи къ закону: изъ словъ Коссуціана выходило, что интригами Траезъ разрушено единство римскаго міра, который какъ бы раздѣлился на два враждебные лагеря, и что цезарю не остается другаго выбора, какъ или погибнуть самому, или восторжествовать надъ своимъ опаснымъ противникомъ! Даже изъ поэтовъ не всякому дана способность создавать такъ много изъ ничего! Въ свою очередь Неронъ былъ слишкомъ воспрїимчивъ для страха, чтобы не повѣрить на слово обвинителю; а если чего и недоставало ему для полной вѣры, то съ избыткомъ дополнялось старою его ненавистію къ Траезъ. Прибавивъ къ этому несчастное раздраженіе, въ которомъ цезарь находился со времени смерти Поппеи, мы легко поймемъ, какимъ образомъ цѣлая сказка Коссуціана могла не только произвести впечатлѣніе, но и послужить главнымъ основаніемъ цѣлаго уголовного процесса, который ни въ какомъ случаѣ не обѣщалъ добраго исхода для обвиняемаго. Но какъ зло плодovitо, то успѣхъ одного обвиненія тотчасъ же вызвалъ за собою другое, въ безстыдствѣ и наглости мало уступавшее первому. Нѣкто Осторій Сабинъ, изъ благороднаго сословія римскихъ всадниковъ, по примѣру Коссуціана взялся быть обвинителемъ Барей Сорана, который, не имѣя извѣстности Траезъ, во многомъ впрочемъ напоминалъ его своимъ правомъ и образомъ мыслей. Чистота нравовъ и благородство мыслей стали такъ рѣдки между Римлянами, что не прикрывались даже скромностію и выставлялись на видъ какъ какія-нибудь общественныя уродливости. Осторію стоило лишь пошире развязать свой языкъ на клевету, и скромный Барей тотчасъ подведенъ былъ подъ разрядъ государственныхъ преступниковъ наравнѣ съ Траезею. Не нужно говорить, что второму обвинителю такъ же повѣрили на слово, какъ и первому: пуж-

дались не въ доказательствахъ вины, когда было много желанія находить ее во всемъ, а развъ въ товарищахъ казни главнаго преступника, которому какъ-то не приходилось умирать одному, когда его именно обвиняли въ томъ, что у него много послѣдователей. Итакъ малоизвѣстное имя Барен стало рядомъ съ именемъ знаменитаго сенатора и вмѣстѣ съ нимъ осталось въ исторіи.

Отличивъ Тразею отъ прежнихъ жертвъ постоянствомъ и глубиною своей ненависти, Неронъ отличилъ его и самую форму суда. Кто подумаетъ, что онъ хотѣлъ почтить добродѣтель, подвергнувъ ее прежде осужденія правильному судебному процессу. Ближе къ истинѣ впрочемъ будетъ предположить, что самое это преувеличенное и вообще фальшивое понятіе, которое цезарь имѣлъ о замыслахъ и средствахъ своего противника, побуждало его дѣйствовать осмотрительно, чтобы сохранить хотя наружный видъ правосудія. Онъ въ самомъ дѣлѣ боялся вліянія Тразеи и потому не смѣлъ погубить его безъ суда. Чтобы осудить законнымъ порядкомъ знаменитаго сенатора, цезарю прежде всего нужно было имѣть на своей сторонѣ согласіе цѣлаго сенаторскаго сословія. Съ этою цѣлю Коссуціану внушено было выступить обвинителемъ Тразеи передъ самою куриєю, и въ пособіе ему назначенъ еще Эпрій Марцеллъ, человекъ нечистый, давно ославившій себя корыстолюбіемъ и лихонимствомъ, но за то отличавшійся необыкновенною бойкостью и извительностью языка¹. Другая трудность состояла въ томъ, чтобы, перенося процессъ въ курию, сколько можно отвѣлечь отъ него народное вниманіе. Неронъ тѣмъ болѣе имѣлъ причинъ опасаться возстанія, что, зная то уваженіе, которымъ имя Тразеи пользовалось въ народѣ, онъ сверхъ того воображалъ его себѣ главою многочисленной партіи. Поэтому для начала процесса выбрано было то время, когда всѣ жители Рима заняты были ожиданіемъ новаго вассала имперіи, армянскаго царя Тиридата, который долженъ былъ прибыть въ городъ, чтобы принять свою корону изъ рукъ цезаря. Ибо, несмотря на гніеніе внутри организма, жизненная сила его еще продолжала проявляться на окончательныхъ; въ то время, какъ Римъ, внутри своихъ стѣнъ, вмѣстѣ съ чистотою нравовъ слагалъ съ себя и всѣ прежнія доблести, римское оружіе еще доканчивало свои победы и вѣнчалось прежнею славой въ отдаленныхъ провинціяхъ. Такимъ образомъ одно изъ самыхъ черныхъ дѣлъ Нерона могло совпасть по времени съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ триумфовъ его властвованія. Это торжество приходилось ему очень кстати, чтобы пустить въ ходъ готовое обвиненіе противъ Тразеи и между тѣмъ отвести глаза Римлянъ въ другую сторону. Дѣло Барен Сорана должно было еще незамѣтно пройти подъ тѣмъ же самымъ прикрытіемъ.

Лишь въ день, назначенный для торжественной встрѣчи Тиридата,

¹ См. о немъ App. I. XIII, с. 33.

Тразей впервые узналъ объ угрожающей ему опасности, извѣстившись, что ему воспрещено участвовать въ процессѣ вмѣстѣ съ прочими сенаторами. Съ глубокимъ сознаниемъ своей правоты, онъ тотчасъ же обратился письменно къ цезарю, прося о сообщеніи обвинительныхъ пунктовъ, если какіе существуютъ противъ него, и вызываясь дать потребный и откровенный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Неронъ съ радостію схватился за письмо, въ той увѣренности, что найдетъ въ немъ признаніе вины, или по крайней мѣрѣ выраженіе страха и низкую угодливость: можно себя представить, какъ онъ озлобился, обманувшись еще разъ въ своихъ ожиданіяхъ! Онъ оробѣлъ еще болѣе передъ лицомъ этой спокойной неустрашимости, и не давая никакого отвѣта Тразею, спѣшилъ созвать сенаторовъ, чтобы ускорить его осужденіе.

Какъ ни старался цезарь избѣгать всякаго шума, его собственный страхъ изменилъ ему. Мучимый томительнымъ безпокойствомъ, не доверяя ни себѣ, ни Римлянамъ, онъ видѣлъ опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было, и вопреки своимъ же намѣреніямъ, старался заранее оградить себя чрезвычайными мѣрами безопасности. Во-первыхъ, сенату назначено было собраться въ храмъ Венеры-Родительницы, какъ бы въ знакъ того, что оскорбленный цезарь ставитъ себя подъ особое покровительство этого божества, отъ котораго, по преданію, происходилъ весь родъ его. Въ день собранія двѣ когорты преторіанцевъ помѣщены были внутри святилища, да кромѣ того цѣлая толпа вооруженныхъ стояла у самаго входа въ него, такъ что сенаторы, проходя мимо, видѣли кругомъ себя угрожающія лица. Военные отряды разставлены были сверхъ того по всему городу; форумы и базилики наполнены были вооруженною силою. Передъ пещистою совѣстію цезаря весь Римъ лежалъ какъ темная ночь и пугалъ ее несуществующими призраками. Безмолвное отъ страха собраніе куріи открылось рѣчью квестора, который говорилъ отъ имени самого цезаря. Ораторъ никого не называлъ по имени, но въ общихъ выраженіяхъ жаловался на то, что сенаторы забываютъ свои обязанности и тѣмъ подаютъ худой примѣръ римскимъ всадникамъ, второму сословію въ имперіи, которое также должно бы составлять одну изъ главныхъ опоръ государственнаго благоустройства. Въ доказательство своихъ словъ онъ сослался на то, что, не говоря уже о тѣхъ, которые живутъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, многіе, занимающіе публичные должности въ самомъ Римѣ, гораздо больше думаютъ о пріятностяхъ домашняго уединенія, чѣмъ объ общественной пользѣ, и явлю пренебрегаютъ своими служебными занятіями. Последний намекъ былъ хорошо понятъ всеми присутствующими. Обвинители тотчасъ же схватились за него, чтобы представить сенату формальное обвиненіе Тразея съ мнимыми его сообщниками въ государственной измѣнѣ. Первый подалъ голосъ Коссуціанъ, за нимъ послѣдовалъ Эпрій Марцеллъ, а потомъ, когда они истощили весь свой запасъ клеветы, выступилъ и Осторій Сабинъ съ своею же-обличитель-

ною рѣчью противъ Барей Сорана. Зная, какъ безстыдный и злой языкъ ихъ освоился съ клеветкою, мы не будемъ повторять всего сплетенія лжи, которымъ они, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду, занимали почтенное собраніе. Довольно сказать, что никто не смѣлъ остановить чернаго потока обвиненій, и вся жизнь обвиняемыхъ представилась какимъ-то безобразнымъ скопищемъ преступленій всякаго рода. Никогда еще краснорѣчіе не было такимъ непотребнымъ орудіемъ въ рукахъ чловѣка, никогда еще такъ не искажалось его высокое назначеніе. Если чего одинъ изъ ораторовъ не договаривалъ словами, то другой давалъ чувствовать своими выразительными жестами и мицами, какъ-бы паслуя мнѣніе своихъ слушателей, которые въ то же время были и судьями ¹. Какъ рѣка, выступившая изъ своихъ береговъ, необузданная клевета обвинителей не ограничилась только главными своими жертвами, но коснулась и тѣхъ, которые находились въ близкихъ связяхъ съ ними, или были имъ лично преданы. Въмѣстѣ съ именемъ Тразена названы были также имена Гельвидія Приска, его зятя и вѣрнаго послѣдователя, и Пакоція Агриппина, родственнаго ему же, если не по кровнымъ связямъ, то по одинаковымъ убѣжденіямъ, вынесеннымъ, какъ кажется, изъ одной школы ². Сюда же вмѣшано было еще менѣе извѣстное имя Курція Моптана, хотя повидимому между ними и товарищами его участи не было ничего общаго ни въ жизни, ни въ направленіи. Наконецъ обвинитель Сорана не постыдился замѣшать въ одну дѣло съ отцомъ единственную дочь его, Сервилію, которая составляла послѣднее утѣшеніе его въ старости. За тѣмъ оставалось лишь судьямъ произнести свой приговоръ надъ обвиненными, и сердечное желаніе цезаря, чтобы въ Римѣ не было болѣе мѣста для добродѣтели, нашло бы себѣ почти буквальное исполненіе.

Тразен не явился вовсе на засѣданіе, въ которомъ рѣшалась его участь. Еще наканунѣ, видя, что въ невинности нѣтъ спасенія, онъ собралъ у себя своихъ друзей и держалъ съ ними совѣтъ о томъ, нужно ли защищаться передъ сенатомъ, или нѣтъ. Мнѣнія были различны. Голоса раздѣлились, смотря по характеру совѣтниковъ и ихъ взгляду на вещи. Одни изъ нихъ, которыхъ можно назвать идеалистами, по свойственной имъ довѣрчивости къ людямъ и по недостатку опытности не только не сомнѣвались въ успѣхѣ оправданія для самого обвиненнаго, но еще ожидали отъ его защитительной рѣчи благотвельнаго вліянія на другихъ — на сенатъ, на цѣлый римскій народъ и даже на самого цезаря. Имъ казалось, что такимъ образомъ онъ можетъ подать высокій примѣръ народу, что присутствіе его въ куріи ободритъ робкихъ сенаторовъ, и что можетъ-быть самъ Неронъ не устоитъ противъ общаго увлеченія и склонится на милость. Какъ чувствуется, что эти совѣтни-

¹ Ана. I. XVI, с. 29:.... Marcellus voce vultu oculis ardesceret, etc.

² См. о немъ Epict. Fragm. 56.

ки были юны лѣтами и опытностію! Другіе напротивъ, по всей вѣроятности очень практическіе люди, весьма благоразумно совѣтовали Тразев не раздражать больше Нерона, чтобы онъ не сталъ потомъ мстить и самому его семейству, и избавить сенатъ отъ стыда — произнести приговоръ достойнѣйшему изъ своихъ сочлеповъ въ его личномъ присутствіи. Тразев молча выслушалъ тѣхъ и другихъ и предоставилъ рѣшеніе своему собственному размышленію. Лишь одному молодому трибуну, съ горячею головою, который легкомысленно вызывался силою своей власти остановить сенатское рѣшеніе, онъ далъ почувствовать его безразсудность, замѣтивъ ему, что кто всю жизнь свою шелъ однимъ путемъ, тотъ не захочетъ при самомъ концѣ сворачивать на другой. Вмѣстительство народныхъ трибуновъ давно вышло изъ употребленія, и Тразев, какъ другъ мира и порядка, не хотѣлъ принять на себя ответственности за тѣ послѣдствія, которыми могли произойти отъ возобновленія права, почти вовсе утратившаго свою законную силу. Кромѣ того, какъ человекъ опытный, онъ хорошо понималъ всю бесплодность подобной попытки для себя и опасность ея для самого начинателя. Не обольстили его также и обманчивыя надежды тѣхъ, которые чаяли всякаго успѣха отъ его самозащитенія въ сенатѣ. Обсудивъ самъ съ собою возможные послѣдствія этой во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной мѣры, онъ конечно нашелъ, что бесплодно тратить слова тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе никакого смысла для правды, и какъ свойственно истинному мудрецу, рѣшился лучше затвориться въ своемъ уединеніи и спокойно ожидать себя приговора, чѣмъ выходить на арену, гдѣ не видно было ни одного честнаго бойца, и публично препираться съ безуміемъ. Вѣдь только неопытные юноши могли еще надѣяться тронуть Нерона или ожидать правдиваго рѣшенія между обнаженныхъ мечей. И Тразев былъ совершенно правъ, когда отказался повѣрить правосудію римскаго сената: что выигралъ Баревъ тѣмъ, что лично присутствовалъ вмѣстѣ съ своею дочерью при засѣданіи и пробовалъ защищаться противъ своихъ наглыхъ обвинителей, или что вымолила несчастная Сервилія, когда, бросившись въ отчаяніи къ изображенію Венеры, свидѣтельствовалась всѣми богами въ своей невинности и заклинала цезаря и сенаторовъ пощадить неповинную жизнь отца ея? Свидѣтель этихъ сценъ, сенатъ сохранилъ видъ равнодушнаго зрителя и равно остался глухъ къ трогательному оправданію отца и къ слезнымъ моленіямъ дочери. Рѣшеніе заранѣе уже было написано на угрожающихъ лицахъ преторіанцевъ. Однимъ приговоромъ Тразевъ, Соранъ и Сервилія были осуждены на смерть, а Гельвидій Прискъ и Паконій Агриппинъ — на изгнаніе изъ Італіи. Лишь Курцію Монтану дозволено было жить и оставаться въ Римѣ, но возбраненъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Не забыты были притомъ и обвинители: каждый изъ нихъ получилъ награду по своимъ заслугамъ. Коссуціанъ и Эпрій были возна-

граждены деньгами, а Осторій сверхъ того возведенъ въ достоинство квестора. При всемъ томъ спокойствіе въ Римъ ни на минуту не было нарушено.

До насъ дошли некоторыя подробности о послѣднихъ минутахъ Тразена. Безпорочное теченіе жизни его заключилось не менѣе достойною смертію. Въ ожиданіи сенатскаго рѣшенія друзья Тразена собрались у него въ домъ. Это былъ немногочисленный, но избранный кругъ людей образованныхъ и мыслящихъ, которые, не смотря на различіе взглядовъ, соединены были между собою крѣпкимъ союзомъ взаимнаго уваженія. Стожки сходились здѣсь съ книжками, государственные люди съ простыми гражданами. Общество украшалось сверхъ того присутствіемъ женщинъ, въ томъ числѣ — достойной супруги Тразена и его дочери. Не смотря на то, что бѣда висѣла надъ головою, Тразена хранилъ въ кругу друзей своихъ невозмутимое спокойствіе. Постоянно питая мысль возвышенными предметами, онъ мирно разсуждалъ съ Димитріемъ Книжникомъ о природѣ души и о разлученіи ея съ тѣломъ, когда Домицій Цециліанъ, принадлежавшій къ тому же тѣсному кругу, возвратился изъ сената и возвѣстивъ о послѣдовавшемъ рѣшеніи. Первымъ дѣломъ Тразена при этой вѣсти было остановить слезы и рыданія присутствующихъ и внушить имъ болѣе твердости. Между тѣмъ квесторъ, посланный отъ сената, принесъ, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ смертнаго приговора, извѣстіе о прочихъ рѣшеніяхъ сената. Узнавши, что смерть не угрожаетъ Гельвидію, Тразена принялъ квестора, какъ вѣстника радости, и ни на минуту не теряя мужественнаго самообладанія, съ тѣмъ же спокойствіемъ распорядился обычными приготовленіями къ смерти. Вскорѣ явился Гельвидій Прискъ и вмѣстѣ съ Димитріемъ Книжникомъ допущенъ былъ своимъ тестемъ быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ его. Въ предсмертную минуту, когда кровь текла ручьями изъ открытыхъ венъ Тразена, онъ велѣлъ еще позвать къ себѣ квестора, и брызгая передъ нимъ кровію, сказалъ, что это возліаніе онъ приноситъ Юпитеру Освободителю. Онъ умиралъ, а между тѣмъ на умѣ у него былъ еще полезный урокъ юношѣ. Смотри, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ ему потомъ — да не будетъ смерть моя для тебя недобрымъ предзнаменованіемъ: впрочемъ ты живешь въ такія времена, когда всякому нужно запастись твердостью и образцы ея постоянно держать въ своей памяти¹. Но смерть еще медляла... Тогда, въ послѣдней борьбѣ съ нею, обратившись къ Димитрію, онъ проговорилъ еще разъ, что дѣлаетъ возліаніе Юпитеру Избавителю, и съ этими словами испустилъ дыханіе².

На этихъ словахъ же прерывается, къ вѣчному можетъ-быть сожалѣнію потомства, непощаженный завистливою судьбою и расказъ великаго историка.

Юль 1854 года

П. Кудравцевъ.

¹ Ibid. c. 33: ce:um in ea tempora natus es, qui us firmar: animum expediat constantibus exemplis.

² См. Sch. Juven. 5, 38; также Dio Cass. N. r. 62. 23.

КЛАВДІЙ-МЛАДШІЙ.

І.

Всѣ поступки римскихъ цезарей, и хорошіе и дурные, носятъ одинъ общій характеръ неумѣренности и крайности: и по великодушію и по жестокостямъ ихъ узнаешь людей, неумѣвшихъ подчиняться нравственной нормѣ, дѣйствовавшихъ единственно по своему капризному произволу, и по этому не знавшихъ ни въ чемъ мѣры. Такъ Домиціанъ, думавшій прежде о томъ, какъ бы запретить закланіе животныхъ при жертвоприношеніяхъ, находя это жестокимъ и безбожнымъ, — послѣ казнилъ сенаторовъ за малѣйшее противорѣчіе и тѣла ихъ предавалъ псамъ. Последніе годы Домиціанова правленія были чрезвычайно тяжкимъ временемъ: жестокость его дошла до того, что онъ, по выраженію римскаго историка, однимъ разомъ поглотилъ все государство (*velut uno ictu republicam exhausit*). Между прочимъ пострадала отъ Домиціана одна римская семья, пріобрѣтшая печальную извѣстность тѣмъ, что, недовольная тогдашнимъ порядкомъ вещей, обнаруживала это недовольство и на словахъ и на дѣлѣ и тѣмъ постоянно навлекала на себя гнѣвъ цезарей. Еще во время императора Клавдія родоначальникъ этой семьи, полководецъ Цецина-Петъ, былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ неудавшемся замыслѣ далматскаго легата Скрибоніана; жена Пета, знаменитая Аррія, уговаривала мужа умереть вмѣстѣ съ ней, не дожидаясь исполненія приговора и, пронзивши сперва себя кинжаломъ, имѣла еще силу подать кинжалъ мужу и сказать ему: «Петъ, не бой-

но» (Paete, non dolet). Этимъ геройскимъ поступкомъ Аррія прославила себя, и на нее указывали, какъ на образецъ древней римской доблести.... Дочери ея, Аррія-Младшей, представился случай идти по стопамъ матери: мужъ ея, Тразей-Петъ, Нерономъ былъ приговоренъ къ смерти за то, что дерзнулъ въ сенатъ противорѣчить цезарю. Повинуясь волѣ мужа, Аррія-Младшая отказалась отъ своего намѣренія умереть вмѣстѣ съ нимъ: она осталась въ живыхъ, какъ-бы для того, чтобы видѣть весь длинный рядъ несчастій своей семьи. Дочь ея, Фаннія, два раза сопровождала въ ссылку мужа своего, Гельвидія-Старшаго; возвратившись изъ второй ссылки, Гельвидій за неосторожныя выраженія былъ казненъ при Веспасианѣ. — При Домиціанѣ еще живы были Аррія-Младшая, Фаннія и ея сынъ Гельвидій-Младшій. Гельвидія Домиціанъ казнилъ за то, что въ одной комедіи его нашлись намеки на цезаря. Аррія и Фаннія были отправлены въ ссылку.... Даже люди посторонніе, принимавшіе участіе въ этой несчастной семьѣ, дорого платились за это участіе. Такъ при Домиціанѣ же были казнены Геренній Сенеціонъ и Юній Рустикъ: вина ихъ заключалась въ томъ, что они въ своихъ сочиненіяхъ отзывались съ уваженіемъ о Тразей-Петѣ и Гельвидіи-Старшемъ.

Вслѣдъ за ними едва не погибъ одинъ молодой Римлянинъ, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Гельвидіевъ и сильно обнаружившій свое участіе къ людямъ, преслѣдуемымъ цезарскимъ гнѣвомъ. То былъ Плиній - Младшій, племянникъ извѣстнаго ученаго Плинія-Старшаго. Воспитанный людьми самаго безукоризненнаго характера, съ дѣтства находившійся въ дружескихъ связяхъ со всеми мужами, которыми Римъ въ то время могъ по справедливости гордиться, Плиній уже прежде обнаружилъ сильный и благородный образъ мыслей: съ Геренніемъ Сенеціономъ за нѣсколько лѣтъ до его казни онъ былъ адвокатомъ провинціи Испанія-Бетика противъ Домиціанова любимца Бебія Массы; Бебіи далъ дѣлу такой оборотъ, что Гереннію угрожала опала, и Плиній спасъ его смѣлою выходкой, подвергая себя той же опасности. Не смотря на это онъ сначала, по видимому, пользовался расположеніемъ Домиціана и даже удостоенъ преторскаго сана раньше законнаго возраста. Но долго сохранить расположеніе Домиціана было невозможно другу Фанніи и Гельвидіевъ. Очень многіе изъ его близкихъ были или казнены или находились въ ссылкѣ; по случаю казни Юнія Рустика всѣ философы были изгнаны изъ Рима и изъ Италіи: въ Плиніи были затронуты двѣ самыя чувствительныя струны — привязанность къ друзьямъ и любовь къ наукѣ. Не боясь огласки, онъ ссудилъ деньгами изгнанныхъ, и когда они принуждены были оставить Римъ, онъ посѣщалъ ихъ за городомъ, не смотря на то, что былъ въ то время, и еще по цезарской милости, преторомъ: потомъ, жда, что при Домиціанѣ ему нельзя двѣ-

ствовать по убѣжденію, онъ добровольно отказался отъ общественной дѣятельности и до самой смерти Домиціана не принималъ никакой должности. Такимъ поведеніемъ Плиній пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ благомыслящихъ людей: это общественное мнѣніе, между прочимъ, высказалось въ томъ, что одна изъ сосланныхъ, Гратилла, жена Арулена Рустика, завѣщала ему свое имѣніе, лишивши наслѣдства своего сына, который сдѣлался клеветомъ Домиціановымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Плиній навлекъ на себя цезарскій гнѣвъ: по смерти Домиціана въ его кабинетѣ нашли смертный приговоръ Плинію. Плинія-Младшаго спасла лишь преждевременная смерть Домиціана.

Познакомимся теперь поближе и съ молодостью Плинія и съ жизнью его при цезаряхъ Нервѣ и Траянѣ. Судя по нашему вступленію къ его характеристикѣ, читатели, можетъ быть, подумаютъ, что изъ представителей печальной эпохи распаденія древняго міра мы выбрали именно Плинія, дабы представить болѣе свѣтлыя стороны этого времени. Но въ картинѣ, которую мы попытаемся набросать, найдется мало отраднаго. Такъ сильно было тяготѣніе ко злу въ эту печальную эпоху, что и люди, одаренные благородными свойствами и поставленные въ наилучшія отношенія, не могли устоять противъ всеобщаго тяготѣнія. Все, чѣмъ держался древній міръ, мало-по-малу рушилось, а то, за что можно было единственно ухватиться, было почти совсѣмъ неизвѣстно Риму. Римлянину тѣхъ времянь, если онъ хотѣлъ сохранить чистоту своей души отъ порчи вѣка, нужно было прежде всего прочувствовать и понять во всей глубинѣ эту порчу, проникнуться сознаниемъ современнаго зла — и проводить жизнь въ тяжелой, безвыходной тоскѣ по томъ, что погибло и чему не видно было замѣны. Но только Тацитъ, душа котораго болѣла о современномъ обществѣ, и немногіе ему подобные люди могли перенести во всей глубинѣ это сознание о современномъ злѣ, сознание, обрекавшее ихъ на печальную жизнь, но за то возвышавшее ихъ души надъ мелкими интересами жизни и честолюбія. Въ Плиніи мы не видимъ такого глубокаго протеста противъ современнаго общества. Принадлежа къ лучшимъ людямъ своего вѣка, онъ конечно смотрѣлъ съ негодованіемъ на нѣкоторыя явленія современной жизни, наиболее рѣзко выдававшіяся, но впрочемъ не понималъ болѣзни своего времени во всемъ ея объемѣ. Онъ былъ вполне сыномъ своего времени. — Эпоху паденія Рима мы привыкли характеризовать такими лицами, какъ Тиберій, Калигула, Мессалина, Неронъ и т. п., лицами, отъ которыхъ даже современники съ ужасомъ отвращались. Любопытно и поучительно прослѣдить темныя стороны этой эпохи на такихъ людяхъ, которые поставлены были въ самыя выгодныя для нормальнаго развитія отношенія, и на которыхъ современники смотрѣли съ уваженіемъ и сочувствіемъ. Къ такимъ именно лицамъ принадлежалъ Плиній-Младшій.

II.

Кай-Плиний-Цецилий-Секундъ происходилъ изъ знатнаго и богатаго плебейскаго рода Цецилиевъ; онъ родился въ 62 г. по Р. Х. въ сѣверной Италіи, въ Комъ, тѣлосложеніе былъ не крѣпкаго и въ продолженіе всей жизни довольно слабъ здоровьемъ. Восьми лѣтъ онъ лишился отца: опекунами его и воспитателями были Вергиній-Руфъ и потомъ Плиній-Старшій.

Вергиній-Руфъ пользовался необыкновеннымъ почетомъ у современниковъ: три раза удостоенъ онъ былъ консульскаго сана, что въ тѣ времена считалось величайшею почестью; еще при его жизни славилъ имя его въ историческихъ сочиненіяхъ, и въ честь его писали стихотворенія; по смерти его, на торжественныхъ похоронахъ, похвальное слово ему говорилъ Тацитъ. Какимъ же необыкновеннымъ подвигомъ заслужилъ онъ такія почести? Во время смутъ, происходившихъ послѣ смерти Перона, будучи начальникомъ германскихъ легионовъ, онъ одержалъ побѣду надъ галльскимъ преторомъ Юліемъ Виндексомъ, сторошникомъ не признаваемого еще сенатомъ Галбы, усмиралъ Галлію и не хотѣлъ воспользоваться побѣдою для своей личной выгоды. Три раза германскіе легионы предлагали Руфу цезарскій вѣнецъ, а онъ, не желая мутить государство, три раза отказывался съ опасностью жизни, и едва спасся отъ ярости солдатъ, раздраженныхъ троекратнымъ отказомъ. — Что Руфъ самъ высоко цѣнилъ свой подвигъ, видно изъ эпитафій, которую онъ самъ велѣлъ вырѣзать на надгробномъ памятникѣ:

*Hic situs est Rufus, pulso qui Vindice quondam
Imperium adseruit non sibi, sed patriae.*

Какъ бы то ни было, фигура Руфа рзко выдается изъ толпы тѣхъ римскихъ полководцевъ, которые принимали вѣнецъ отъ возмущившихся легионовъ и нерѣдко сами гибли послѣ эфемернаго торжества. Руфъ добрую славу предпочиталъ блестящимъ почестямъ; въ немъ жилъ еще древній римскій патриотизмъ.

Вергиній-Руфъ до своей смерти сохранилъ сильное вліяніе на Плинія, но опекуномъ его онъ былъ недолго. Его смѣнилъ дядя Плинія-Младшаго, Плиній-Старшій, возвратившійся изъ Испаніи въ 72 г. Онъ усыновилъ племянника, который и принялъ его имена (Caius Plinius Secundus), прибавивъ къ нимъ свое родовое имя (Caecilius). — Плиній-Старшій былъ вполне ученый; всю жизнь посвящалъ онъ наукѣ. Не смотря на то, что онъ занималъ много государственныхъ должностей,

онъ по смерти оставилъ 7 многотомныхъ сочиненій въ 102 книгахъ; (изъ нихъ до насъ дошли только 37 книгъ Естественной Исторіи) и кромѣ того выписокъ изъ различныхъ сочиненій 160 томовъ. Для одной Естественной Исторіи онъ прочелъ 2000 книгъ и сдѣлалъ выписки изъ нихъ. Дѣятельность и трудолюбіе его были удивительны: цѣлый день онъ былъ занятъ. Время, которое не было посвящено наукамъ, считалъ онъ потеряннымъ. За обѣдомъ, во время купанья, даже въ дорогѣ, ему читалъ рабъ-чтецъ (*anagnostes, lector*), или онъ диктовалъ что нибудь рабу-писцу (*notarius*). Известно, что онъ погибъ при изверженіи Везувія, куда его повлекла любознательность, желаніе поближе увидѣть страшное явленіе природы.

Стремленіе къ славѣ, которое мы видимъ въ Руфѣ, и любовь къ наукѣ, которая одушевляла Плинія-Старшаго, мы встрѣчаемъ и у ихъ воспитанника. Стремленіе къ славѣ, соединенное съ патріотизмомъ, проходитъ, какъ отличительная черта, черезъ многіе римскіе характеры: въ древнія времена она порождала тѣ геройскіе подвиги, которыми полна исторія Рима. Въ эпоху распаденія Рима, когда, по выраженію Тацита, у Римлянъ уже не было отечества, это стремленіе рѣдко находило себѣ достойное поприще. Оставалось заботиться о себѣ, объ извѣстности своего имени, и высокое стремленіе къ славѣ не рѣдко переходило въ тщеславіе. И Вергинія-Руфа даже современники обвиняли въ томъ, что онъ самъ слишкомъ дорожилъ своею славой. — Какъ высоко Плиній Младшій ставилъ славу, можно видѣть изъ его писемъ. Приведемъ одно мѣсто: «Я считаю счастливыми тѣхъ, которымъ милостью боговъ даровано совершать подвиги достойные того, чтобы объ нихъ писали, и писать сочиненія достойныя того, чтобы ихъ читали; счастливейшіе же по моему мнѣнію тѣ, которымъ досталось въ удѣлъ и то и другое.» — Это стремленіе къ славѣ у Плинія, болѣе чѣмъ у его воспитателя, переходило въ неумѣренную заботливость объ извѣстности своего имени. Жизнь его намъ болѣе известна, чѣмъ жизнь другихъ замѣчательнейшихъ писателей, хотя свидѣтельствъ древнихъ авторовъ о немъ очень мало: всѣ подробности о его жизни сообщены имъ же самимъ. Любопытно видѣть, съ какимъ искусствомъ онъ въ письмахъ приискиваетъ случай сказать нѣсколько словъ о себѣ. Тщеславіе его доходило до того, что въ письмахъ, изданныхъ при его жизни имъ самимъ, онъ во всеуслышаніе объявляетъ, что такому-то онъ сдѣлалъ подарокъ въ такую-то сумму. — Что же касается до любви къ наукамъ, которую встрѣчаемъ у Римлянъ того вѣка, то она не была свѣжимъ плодомъ здоровой цивилизаціи: къ наукамъ прибѣгали отъ скуки, чувствуя пустоту общественной жизни. Настоящихъ ученыхъ, подобныхъ Тациту, у которыхъ на первомъ планѣ стоитъ живое участіе къ изучаемому предмету, не много было тогда въ Римѣ. Плиній-Старшій, котораго его племянникъ,

всеобщій панегиристъ, выставляетъ образцомъ ученаго, имѣлъ не только терпѣніе — конечно похвальное — изъ множества книгъ составить компиляцію, которую ученые нашихъ временъ упрекаютъ въ недостаткѣ критики: онъ имѣлъ сверхъ того терпѣніе сосчитать, сколько фактовъ, наблюдений и цитатъ приведено въ его сочиненіи: передъ каждою книгою его Естественной Исторіи можно встрѣтить объявленіе, сколько сотенъ фактовъ и наблюдений въ ней содержится, сколько цитатъ изъ римскихъ и иностранныхъ писателей. Такъ и видишь наслажденіе ученаго мужа, подводющаго итоги своей учености... Еще болѣе было тогда ученыхъ дилеттантовъ, смотрѣвшихъ на ученые занятія, какъ на пріятное препровожденіе времени, и къ нимъ-то принадлежалъ племянникъ Плинія-Старшаго. Впрочемъ нужно отдать справедливость Плинію-Младшему: онъ высоко цѣнилъ и науку и ученыхъ, и самъ любилъ заниматься. «Въ ученыхъ занятіяхъ», говоритъ онъ, «для меня и радость и утѣшеніе, и нѣтъ печали, которой бы они не заставляли забыть.» Въ этомъ ему можно повѣрить: привязанность къ наукамъ составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ и привлекательныхъ сторонъ его характера; гоненіями, которымъ науки подвергались во время Домиціана, конечно она была только усилена.

Плиній рано полюбилъ занятія. До четырнадцати лѣтъ онъ учился подъ руководствомъ домашнихъ учителей и сдѣлалъ такіе успѣхи, что 14 лѣтъ написалъ греческую трагедію. Потомъ онъ посѣщалъ публичныя школы, и здѣсь его наставникомъ былъ знаменитый Квинтиліанъ. Подъ его руководствомъ Плиній особенно занимался чтеніемъ Ливія (Саллюстія Квинтиліанъ не давалъ своимъ ученикамъ). Мы не станемъ вычислять имена всѣхъ наставниковъ и товарищей Плинія, между которыми попадаетъ не одно знаменитое имя; укажемъ только на несчастную семью Гельвидіевъ и на Тацита, съ которыми онъ съ дѣтства былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — И въ воспитателяхъ, и въ учителяхъ, и въ друзьяхъ юности Плиній-Младшій имѣлъ превосходившихъ людей своего времени.

III.

Черезъ годъ по смерти Плинія-Старшаго его племянникъ, 16-ти лѣтъ, выступилъ на ораторское поприще. Два года спустя, въ первый годъ правленія Домиціана, Плиній занялъ первыя государственныя должности, составлявшія первыя ступени государственной службы, а въ 82 г. онъ отправленъ былъ въ Сирію военнымъ трибуномъ. «Въ старіцу», говоритъ

онъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писемъ, «юноши государственный поприще начинали военною службою, для того, чтобы при строгой военной дисциплинѣ они, повинувшись старшимъ, научились повѣлывать, и, слѣдуя за вождями, впоследствии сѣумѣли бы сами быть вождями.... И мы, конечно, въ нашей юности жили въ военномъ станѣ; но тогда доблесть была заподозрена, а бездѣтельность цѣнилась, тогда вожди потеряли свое значеніе, а войны совѣсть: нигдѣ не было ни власти, ни повиновенія; все распалось, пришло въ безпорядокъ и сдѣлалось противоположнымъ тому, чѣмъ слѣдовало быть; наконецъ ничему не научились въ военной службѣ и старались скорѣе объ ней забыть». — Если такимъ образомъ военная служба потеряла всякое значеніе, не удивительно, что Плиній не занимался ею ревностно: смотря на трибунатъ, только какъ на необходимую ступень къ высшимъ должностямъ, онъ, будучи трибуномъ, посвящалъ себя не столько военной службѣ, сколько ученымъ и философскимъ занятіямъ. Въ то время было въ Сиріи нѣсколько извѣстныхъ философовъ, между прочимъ Музоній-Руфъ, изгнанный Домиціаномъ, и Эвфратъ: въ бесѣдахъ съ ними Плиній проводилъ большую часть своего времени. Эвфрата философа нѣкоторые изъ его современниковъ обвиняютъ въ томъ, что онъ, льстя цезарямъ, составилъ себѣ огромное богатство. Плиній объ этомъ умалчиваетъ, хвалитъ напротивъ его мудрость и святость его жизни. Такое разногласіе объ одномъ человѣкѣ объяснить не трудно: съ одной стороны и въ образованнѣйшихъ людяхъ того времени, и въ философахъ, нечего искать строгой нравственности, и Эвфратъ, будучи человѣкомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ, могъ подчасъ и на лесть смотрѣть какъ на невинное средство; съ другой стороны Плиній вообще снисходительно судилъ объ людяхъ и за одну хорошую черту прощалъ всѣ недостатки. Съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ о *платоновской* высокопарности (*sublimitas*) Эвфрата, о сладости его рѣчей; съ какимъ восторгомъ описываетъ и наружность его: «статный ростъ его, говоритъ онъ, красивое и благородное лицо, длинные волосы и большая сѣдая борода снискивали ему еще большее уваженіе». Объ томъ, что болѣе прозорливые люди упрекали Эвфрата въ хвастовствѣ и шарлатанствѣ, Плиній умалчиваетъ.

Полтора года Плиній оставался въ Сиріи; потомъ, на возвратномъ пути въ Италію, онъ былъ задержанъ бурей на островѣ Икаріи: на этотъ случай онъ написалъ стихи, которые не дошли до насъ. Въ Римѣ онъ женился и продолжалъ свое ораторское поприще. Въ первый разъ всеобщее вниманіе было обращено на молодаго оратора, когда онъ явился защитникомъ нѣкоего Юлія Пастора противъ сильныхъ людей и друзей цезаря. Такая смѣлость ему однакожь не повредила въ службѣ, и онъ сначала назначенъ былъ квесторомъ императора, потомъ военнымъ трибуномъ, далѣе народнымъ трибуномъ, и наконецъ въ 93 г.

преторомъ, какъ мы сказали раньше законнаго срока. И такъ на 31-мъ году Плиній уже занималъ сенаторскій санъ. Пусть онъ самъ расскажетъ о положеніи сената въ то время. «Въ древнія времена (говорить онъ) юноши наставлялись не только словами, но и примѣрами старшихъ. Поэтому по окончаніи военной службы они присутствовали при собраніяхъ куріи и были свидѣтелями рѣшенія государственныхъ дѣлъ прежде, чѣмъ принимали въ немъ участіе. И мы присутствовали при собраніяхъ куріи, — но курія тогда была трепещущая и нѣмая: говорить по убѣжденію было опасно, а противъ него постыдно. Чему можно было тогда научиться? А если и научался кто, какая въ томъ польза? Сенатъ созывался или для того, чтобы празднымъ быть, или чтобы одобрить преступныя дѣла. Онъ сходился, чтобы сносить насмѣшки и оскорбленія, и никогда не рывалъ важныхъ дѣлъ, а часто оскорбительныя для сенаторской чести. Все это мы видѣли въ продолженіи многихъ лѣтъ и сами переносили это, будучи сенаторомъ и участникомъ въ этихъ бѣдствіяхъ, которыми духъ нашъ и на будущее время былъ притупленъ, ослабленъ и сокрушенъ.» Плиній пытался возстановить высокое значеніе должностей, имъ занимаемыхъ. Поэтому, въ то время когда онъ былъ народнымъ трибуномъ, онъ на время отказался отъ ораторской дѣятельности, отъ веденія тяжбъ, для того, говоритъ онъ, «чтобы не унижить священнои особы трибуна, чтобы тотъ, передъ которымъ всѣ обязаны были вставать, не стоялъ одинъ передъ цѣлымъ обществомъ, чтобы тотъ, который однимъ словомъ могъ заставлять всѣхъ молчать, и котораго не позволено было прерывать, не принужденъ былъ входить въ споръ и выслушивать брани.» Съ тою же энергіей, которая слышится въ жалобѣ Плинія на упадокъ куріи, онъ и дѣйствовалъ въ послѣдніе годы Домиціана. Онъ явился защитникомъ нѣкоей Аріопиллы противъ доносчика Домиціанова Регуллы, потомъ, вмѣстѣ съ Геренніемъ Сенеціономъ, противникомъ Бебія Массы, другаго клеветы Домиціанова (о чемъ мы уже прежде упомянули). Если онъ этимъ неоднократно подвергался опасностямъ, то этимъ же снискалъ уваженіе благомыслящихъ людей: такъ Нерва — будущій императоръ, — узнавъ о сильной выходкѣ Плинія, которою онъ спасъ Гереннія, тотчасъ написалъ ему письмо, въ которомъ благодарилъ его за то, что онъ въ этомъ случаѣ поступилъ, какъ древній Римлянинъ. Если это время и было печально для Плинія, оно въ томъ отношеніи было лучшее время его жизни, что обстоятельства вызвали въ немъ необыкновенную энергію и смѣлость, которая изсякла при переѣзѣ къ лучшему. — Мы уже говорили о томъ, какъ Плиній не утратился обнаружить свое участіе къ людямъ, гонимымъ цезарскимъ гнѣвомъ, какъ онъ отказался отъ общественной дѣятельности и подпалъ опалѣ, и какъ его спасла лишь преждевременная смерть Домиціана.

IV.

Въ 96 г. былъ убитъ Домиціанъ; на престолъ вступилъ Нерва, а въ 98 году ему наследовалъ Траянъ. Для Рима наступили лучшія времена. Довосчики, эта язва Домиціановыхъ временъ, были призваны на судъ и сосланы на необитаемые острова. Теперь цезарь, говоритъ Плиній, посещалъ храмы, чтобы совершать молитвы богамъ, а не для того, чтобы ему самому оказывали божескія почести. Злоупотребленія государственной и императорской казны, *эрарія* и *фиска*, прекратились; цезарь усердно заботился объ нуждахъ народа, и науки, угнетенныя Домиціаномъ, опять призваны были къ жизни. Всѣ почувствовали, какъ будто съ нихъ сняли оковы, всѣ встрепенулись отъ радости, всѣ оживались. Лучъ радости и надежды проникъ въ душу благороднаго Тацита, такъ глубоко скорбѣвшаго о своемъ вѣкѣ. Но онъ хорошо понималъ, что зло не заключалось въ одномъ томъ, что цезарскій престолъ бывалъ занятъ людьми недостойными; что и добродѣтельный и благонамѣренный императоръ не въ силахъ одинъ улучшить состояніе всего испорченнаго общества. Вотъ что онъ писалъ въ началъ правленія Траяна: «Хотя ежедневно возрастаетъ благополучіе государства подъ правленіемъ Нервы Траяна, и общественное благоустройство составляетъ не только предметъ надежды и моленій, но осуществляется на самомъ дѣлѣ и вступаетъ въ силу: *однако уже по самой слабости человеческой природы исцѣленіе дѣйствуетъ медленно недуга*; и какъ тѣло медленно растетъ и быстро разрушается, такъ точно легче подавить духъ и науки, чѣмъ снова оживить ихъ. Вѣдь въ самую праздность вкрадывается сладость, и *бездѣятельность, сначала ненавистная, подъ конецъ правится и дѣлается привычною*. Чтоже? Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ — много времени при скоротечности человеческой жизни — многіе погибли случайно, а самые благородные и энергическіе люди по жестокости цезаря. Намъ осталось немного, и мы пережили не только другихъ, но такъ сказать и самихъ себя, потому что изъ среды нашей жизни у насъ вырвали столько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, въ праздности и молчаніи, юноши приблизились къ старости, а старцы ко гробу.» Какъ видно, и перемена къ лучшему не могла настроить Тацита на болѣе радостный ладъ: онъ слишкомъ хорошо понималъ положеніе дѣлъ, чтобы грусть его такъ легко изгладилась, и, какъ говорится, начавъ за здравіе, онъ оканчивается за упокой... Не такъ подвѣствовало на Плинія вступленіе на престолъ Траяна. Римское общество дошло до того, что появленіе хорошаго импера-

тора не только не могло искоренить всего зла, но даже дурно дѣйствовало на такихъ людей, какъ Плиній, — а ихъ было много: оно подавало имъ поводъ утѣшиться и забыть все зло, которое тяготѣло надъ цѣлымъ обществомъ; оно вызывало на лести и убивало ихъ энергію, пробудившуюся было при дурныхъ обстоятельствахъ... Плиній не знаетъ предлюбовъ своему восторгу и благоговѣнію передъ Траяномъ; онъ спѣшитъ сбросить съ себя скорбь, которая его только тяготила и не шла къ его легкому характеру; теперь онъ уже совершенно доволенъ положеніемъ дѣлъ, и спокойно и снисходительно смотритъ на современное общество, не видя въ немъ того, что могло вызвать на грустныя мысли челоѣка образованнаго и мыслящаго и помѣшать ему восторгаться. — Въ одномъ письмѣ къ Траяну, Плиній объявляетъ ему, что въ своихъ владѣніяхъ онъ воздвигаетъ храмъ и проситъ позволенія въ этомъ храмѣ (на ряду со статуями боговъ) поставить статуи Нервы и Траяна. Траянъ ему отвѣчаетъ: «хотя я *очень рѣдко* допускаю воздавать себѣ такіа почести, однакожь поставить мнѣ статую въ томъ мѣстѣ, гдѣ желаешь (т. е. въ храмѣ — Траянъ какъ бы боится назвать это мѣсто по имени), я тебѣ позволяю, дабы не казалось, что я сдерживаю твое усердіе ко мнѣ (ne impedisse cursum esca me pietatis tuae videar)». — Неужели Плиній, ученикъ философовъ, полагалъ, что Нерва и Траянъ боги? Или онъ думалъ, что, если Домиціану воздавались божескіа почести, все зло заключалось въ томъ, что Домиціанъ былъ *дурной* челоѣкъ?...

Императоръ Нерва отличался мягкостью и кротостью въ отношеніяхъ со всеми подданными. Доброта его доходила до того, что онъ милостиво принималъ къ себѣ людей, запятнавшихъ свою честь при Домиціанѣ доносами; между прочими называютъ по этому поводу нѣкоего Фабриція Веіентана. Разъ Нерва обѣдалъ съ этимъ Веіентаномъ и немногими другими, въ числѣ которыхъ находился Юлій Маврицій, челоѣкъ прямой и рѣзкій. Зашла рѣчь о Катулѣ Мессалинѣ, другомъ доносчикѣ Домиціановомъ, и о злодѣйствахъ, имъ совершенныхъ. Вспомнивъ о томъ, что прошли времена доносовъ, Нерва спросилъ: «что было бы съ Мессалиномъ, если бы онъ былъ живъ?» — Онъ обѣдалъ бы съ нами, отвѣчалъ Маврицій. — Плиній, рассказывая этотъ анекдотъ, хвалитъ смѣлость, съ которою Маврицій упрекнулъ Нерву въ неумѣстной милости къ Веіентану. Но самъ онъ никогда не дерзалъ говорить такіа рѣзкіа вещи цезарямъ; онъ воздвигалъ имъ храмы и не понималъ, что иногда требуется болѣе силы и полезнѣе говорить правду хорошему, чѣмъ дурному челоѣку.

Чтобы убѣдиться, до какой степени Плиній былъ доволенъ всѣмъ и всеми, стѣдуетъ только послушать, съ какими восторженными похвалами онъ въ письмахъ отзывается рѣшительно о всѣхъ друзьяхъ и пріате-

ляхъ — а ихъ было несчетное множество. Только о признанныхъ злодѣяхъ онъ не такъ снисходительно говоритъ. Уже современники замѣчали ему, что похвалы его нерѣдко переходятъ за границы истины. «Пусть они», восклицаетъ онъ, «не таковы, какими я ихъ представляю; я счастливъ тѣмъ, что они мнѣ кажутся такими». А вотъ и мотивъ такой снисходительности. «Должно хвалить», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, «и тѣхъ, кто лучше тебя, — иначе и тебя самого нельзя будетъ похвалить; — должно хвалить и тѣхъ, кто равенъ тебѣ и ниже тебя, потому что тѣмъ болѣе чести для тебя, чѣмъ лучше кажется тотъ, кто хуже тебя или равенъ тебѣ.» Значитъ, всѣхъ должно хвалить... Послѣ этого нельзя такъ высоко цѣнить гуманности Плинія, о которой столько толковали: то была гуманность сангвиника и свѣтскаго чело­вѣка, который на все смотритъ снисходительно, потому что все принимаетъ *легко*. «Кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей», говоритъ Плиній себѣ въ оправданіе. Нѣтъ, кто горячо любитъ доброе, не можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ зла, и безъ ненависти къ пороку нельзя удержаться на нравственной высотѣ. — Читая похвалы, расточаемыя Плиніемъ всему свѣту, невольно вспоминаешь слова, сказанныя Сентъ-Бёвомъ о *de Бальзакъ*, писателѣ 17-го вѣка, подвизавшемся, подобно Плинію, въ эпистолярномъ родѣ, о такомъ-же всеобщемъ панегириствѣ: «Il y avait en lui cette vanité si pleine et surabondante que commençant par elle même elle se répand volontiers sur les autres.» — Плиній не похожъ на такихъ людей (какъ на примѣръ Тацитъ или Нибуръ), которые принимаютъ до того горячее участіе въ судьбѣ общества, что общественное несчастіе лишаетъ ихъ веселости, налагаетъ на нихъ какой-то мрачный и болѣзненный отпечатокъ, или даже низводитъ ихъ въ могилу. Самодовольствіе вытѣснило изъ его души скорбь, — и успокоившись появленіемъ добраго цезаря, онъ спѣшилъ опять на поприще государственной службы, чтобы тамъ, удовлетворивши свое честолюбіе, предаться наслажденіямъ тихой, безмятежной жизни.

V.

При Нервѣ и Траянѣ Плиній занималъ высокія государственныя должности и пользовался особеннымъ расположеніемъ обоихъ цезарей. Должно замѣтить, что онъ изъ этого расположенія извлекалъ пользу не для одного себя, но еще болѣе для своихъ друзей: онъ является всеобщимъ покровителемъ и ходатаемъ у императоровъ, которые всегда

благосклонно принимали все его просьбы. — Оудовѣвъ въ это время, онъ во второй разъ женился—на Калпуріи. Жена его была женщина очень образованная, занималась науками, какъ многія изъ тогдашнихъ римскихъ дамъ, въ особѣнности же любила читать сочиненія своего мужа: стихи его она знала наизусть и пѣла ихъ, а въ отсутствіи мужа она клала сочиненія его на его мѣсто. Должно быть это былъ совершенно счастливый бракъ: они были другъ другомъ довольны и нѣжно любили другъ друга. Когда Плиній велъ тяжбу, она подсылала людей, которые приходили извѣщать ее объ успѣхѣхъ его рѣчи; читалъ ли въ присутствіи друзей свои сочиненія — жена сидѣла за занавѣсомъ и съ восторгомъ слушала похвалы, расточаемыя ей мужу. — Дѣтей у Плинія не было, а между тѣмъ въ тѣ времена всеобщаго разврата люди, имѣющіе много дѣтей, пользовались особенными правами и привилегіями, по одному закону (lex Papia Poppaea), изданному Августомъ, который желалъ этимъ остановить развратъ и пріохотить Римлянъ къ брачной жизни. Но скоро это постановленіе потеряло всякую силу: императоры позволяли и бездѣтнымъ своимъ любимцамъ пользоваться привилегіями, назначенными для людей имѣющихъ трехъ дѣтей (ius trium liberorum), и ius trium liberorum стало раздаваться, какъ орденъ, безъ разбору холостякамъ и женатымъ, людямъ семейнымъ и бездѣтнымъ. Такъ и Плиній выхлопоталъ эти привилегіи и себѣ и нѣкоторымъ изъ своихъ друзей.

Въ 100 г. Плиній былъ назначенъ консуломъ на два мѣсяца, и въ этой должности онъ былъ обязанъ отъ имени сената и народа произнести благодарственное слово Траяну. Рѣчь эту, говоренную въ сенатъ, онъ послѣ распространилъ и обработалъ, читалъ ее у себя на литературныхъ вечерахъ и выпустилъ въ свѣтъ. Рѣчь длинная — онъ читалъ ее три вечера сряду, и хотя въ это время стояла ненастная погода, три вечера все друзья стекались къ нему, чтобы дослушать эту рѣчь до конца... Этотъ «Панегирикъ» важенъ, какъ единственный источникъ для первыхъ годовъ правленія Траяна, и содержитъ такое изобиліе фактовъ, что должно жалѣть о томъ, что Плиній говорилъ его не нѣсколькими годами позже: въ такомъ случаѣ у насъ были бы болѣе подробныя извѣстія и о послѣдующихъ годахъ Траянова царствованія, объ которыхъ теперь имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія. Начало этого панегирика великолѣпно. «Не будемъ», говоритъ Плиній, «льстить Траяну, какъ богу, какъ сверхъ-естественному существу: мы здѣсь говоримъ не о тираннѣ, а о гражданинѣ, не о властителѣ нашемъ, а объ отцѣ.... Постараемся въ нашей рѣчи сообразаться съ скромностью и умѣренностью государя и будемъ обращать вниманіе какъ на то, что заслуживаютъ его доблести, такъ и на то, что слухъ (скромность) его можетъ перенести... Пусть моя благодарствен-

ная рѣчь такъ же далека будетъ отъ лестн, какъ она далека отъ принужденія.» Не смотря на всѣ эти благія намѣренія, высказанныя такъ краснорѣчиво, читатель скоро вспоминаетъ о томъ, что это панегирикъ, что Плиній его говорилъ. Приведемъ два мѣста, изъ которыхъ можно увидѣть, на сколько Плиній сдержалъ свое слово—не льстять Траяну. Такъ Плиній чрезвычайно распространяется о томъ, что Траянъ, избранный въ консулы въ первый годъ своего правленія, отказался принять этотъ санъ; за это Плиній восхваляетъ его до небесъ, припоминаетъ, какъ Домиціанъ иногда самъ производилъ себя въ консулы, лишая консульства избранныхъ по закону, — и этотъ поступокъ Траяна выставляетъ, какъ необыкновенный и геройскій; — а потомъ самъ же прибавляетъ, что Траянъ потому *не могъ* принять консульства, что въ то время былъ далеко отъ Рима, въ Германіи... Былъ обычай въ Римѣ, чтобы при вступленіи цезарей на престолъ народу раздавались деньги и хлѣбъ; — этотъ обычай, вызванный несчастнымъ положеніемъ римской черни, конечно доставлялъ ей только временное облегченіе и былъ величайшимъ зломъ, хотя и сдѣлался необходимою. Траянъ, кромѣ такихъ обычныхъ раздачъ денегъ, назначилъ известную сумму для воспитанія дѣтей бѣдныхъ родителей. Плиній по этому поводу расточаетъ такія похвалы Траяну, какъ будто онъ этимъ спасъ все челоѵчество. «Пусть Римляне», восклицаетъ онъ, «пріучаются любить свое отечество не только какъ отечество, но и какъ кормилицу (*altricem*).» Но неужели Плиній не видѣлъ, что уже давно Римляне смотрѣли на Римъ не какъ на отечество, но не болѣе какъ на кормилицу? — Вообще самыя обыкновенныя поступки Траяна Плиній до того восхваляетъ, что этотъ панегирикъ въ высшей степени утомителенъ, хотя и есть нѣкоторые дѣйствительно патетическія мѣста, напримѣръ всѣ мѣста, гдѣ Плиній говоритъ о Домиціанѣ.

Одинъ весьма поздній римскій писатель слѣдующимъ образомъ отзывался объ этомъ панегирикѣ: «Кай Плиній рѣчью, говоренной въ защиту Акціи Варіолы передъ центумвирскимъ собраніемъ, снискалъ себѣ болѣе славы, чѣмъ тогда, когда Марку Ульпію Траяну, необыкновенному государю, говорилъ очень обыкновенный панегирикъ (*quasi incomparabili principi comparabilem Panegyricum dixit*)¹.» — Акція Варіола, объ которой здѣсь упоминается, была лишена наслѣдства 80-лѣтнимъ отцомъ, вздумавшимъ на старости лѣтъ жениться во второй разъ. Плиній явился ея защитникомъ, и эта рѣчь считалась лучшею изъ всѣхъ его рѣчей. Вообще Плиній славился, какъ первый ораторъ своего дѣка, но кромѣ Панегирика ни одна изъ его рѣчей не дошла

¹ Sidon Apollin. VIII, ep. X.

до насъ. Такъ какъ мы по этому ничего не можемъ сказать о Плиніи, какъ объ ораторѣ, скажемъ по крайней мѣрѣ нѣсколько словъ о тѣхъ изъ его тяжбъ, о которыхъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ.

VI.

Гельвидій-Младшій, о которомъ мы упоминали, былъ казненъ при Домиціанѣ по доносу Публиція Церта (отчима первой жены Плиніевой). Какъ только Домиціанъ умеръ, Плиній, желая отомстить за погябшаго друга своего, обвинилъ Церта въ несправедливомъ доносѣ, и вслѣдствіе этого Цертъ былъ отстраненъ отъ консульства, котораго искалъ. И эта рѣчь Плинія, говоренная въ защиту Гельвидія, конечно увеличила славу Плинія. Самыя замѣчательныя изъ его тяжбъ тѣ, въ которыхъ онъ являлся защитникомъ провинцій, притѣсненныхъ проконсулами. Сколько въ это время провинціи терпѣли отъ проконсуловъ, видно изъ того, что одинъ Плиній упоминаетъ о пяти проконсулахъ и нѣсколькихъ легатахъ, обвиненныхъ провинціями въ продолженіи 9 лѣтъ. Такъ еще при Домиціанѣ Бебій Масса, проконсулъ Бетическій (въ Испаніи), былъ обвиненъ и осужденъ за взятки. Адвокатами провинціи были, какъ уже упомянуто, Плиній и Геренній Сенеціонъ. Въ третій годъ правленія Траянова Африканская провинція подала жалобу на проконсула Марія Приска: онъ не только бралъ взятки, грабилъ вверенную ему провинцію, но даже велѣлъ казнить невинныхъ людей, подкупленный ихъ непріятелями: вотъ до чего доходили злоупотребленія проконсульской власти! Получивъ отъ нѣкогого Вителлія Гонората 300,000 сестерціевъ ¹, Прискъ по его просьбѣ изгналъ изъ провинціи одного всадника, ни въ чемъ не провинившагося, а семерыхъ изъ его друзей предалъ смертной казни. По просьбѣ другаго, Марціана Флавія, другой римскій всадникъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, приговоренъ къ работамъ въ рудникахъ и наконецъ задушенъ въ темницѣ: за всѣ эти мученія всадника, ничѣмъ не заслуженныя, Флавій заплатилъ Приску 700,000 сестерціевъ ². Провинція прибѣгла, какъ къ адвокатамъ, къ Плинію и Тациту. Слѣдствіе объ этомъ дѣлѣ надѣлало много шума въ Римѣ и по важности случая, и по торжественности, съ которой происходило: оно производилась въ январь, — а въ этотъ мѣсяць сенатъ всегда бывалъ полнѣе обыкновеннаго; — предсѣдательствовалъ самъ Траянъ. Пли-

¹ 15,000 р. с.

² 35,000 р. с.

ний говорилъ почти 5 часовъ сразу, такъ что Траянъ подослалъ къ нему раба и велѣлъ сказать, чтобы онъ поберегъ себя, пощадилъ горло и грудь. Прискъ, конечно, былъ осужденъ: 700,000 сестерціевъ, полученныхъ отъ Марціана, Прискъ долженъ былъ внести въ эрарій, и кромѣ того ему было запрещено пребываніе въ Римъ и въ Италиа, а Марціану — и въ Африкѣ. Вителлій Гоноратъ, какъ часто случалось въ подобныхъ случаяхъ, очень кстати умеръ передъ самымъ слѣдствіемъ. Легата Приска, обличеннаго въ незаконномъ присвоеніи 10,000 сестерціевъ, сенатъ лишилъ права управлять провинціей. Въ тотъ же самый годъ провинція Бетика (Испанія) избрала вторично Плинія своимъ адвокатомъ противъ проконсула Цецилія Классика. Классикъ не могъ надѣяться на то, что оправдается: въ перебранчинныхъ его бумагахъ нашлись собственноручныя его записки о томъ, сколько взятокъ и за что онъ получалъ; нашлось письмо его къ одной пріятельницѣ слѣдующаго содержания: «Радуюсь, я явлюсь къ тебѣ *свободнымъ* (отъ долговъ); продавъ въ рабство нѣсколько Испанцевъ, я получалъ 4 милліона сестерціевъ»¹. Не видя себѣ спасенія, Классикъ умеръ кстати до началія слѣдствія. Сенатъ рѣшилъ, чтобы все, приобрѣтенное Классикомъ во время управленія провинціей, возвратить ограбленнымъ, а остальное имѣніе оставить его наследникамъ. Многие изъ его соучастниковъ были осуждены.

Такимъ образомъ провинціи добились правосудія и, если повѣрить Плинію, Траянъ отнялъ у нихъ страхъ передъ обидами и необходимость жаловаться. Однакожь провинціи не переставали подавать жалобы на проконсуловъ, — Плиній же теперь отказывается быть адвокатомъ провинцій. Мы не рываемъ, употребляли-ли провинціи во зло благосклонность Траяна, и стали ли онъ слишкомъ взыскательны въ своихъ требованіяхъ, — или, можетъ быть, постоянныя жалобы надоели Траяну и ему непріятно было видѣть, что унижается власть проконсульская: только съ этихъ поръ Плиній защищаетъ уже не провинціи, а проконсуловъ, которые теперь и оправдываются. — Провинція Вонивія обвинила Юлія Басса въ лихоимствѣ. Плиній, какъ адвокатъ Басса, объяснилъ, что онъ человекъ честный, но только неосторожный: онъ принималъ отъ провинціаловъ кое-что на память, какъ отъ друзей, а эти подарки, поднесенные проконсулу ими же самими, говорилъ Плиній, они называютъ взятками, и обвиняютъ Юлія въ рабствѣ. Конечно, часто трудно рѣшить, что подарки и что взятки: Юлія Басса былъ оправданъ. — Черезъ годъ та же провинція обвинила и наследника Бассова въ лихоимствѣ. Плиній снова былъ адвокатомъ проконсула, — и провинція вдругъ почему-то вздала навадыю жалобу, а Траянъ, чтобы успокоить провинцію, послалъ туда легатомъ

¹ 200,000 р. с.

Плинія. Вионнія собственно принадлежала къ сенаторскимъ провинціямъ, т. е. къ такимъ, которыя управлялись проконсулами, выбираемыми по жребію. Траянъ, замѣтивъ въ этой провинціи много злоупотребленій и не доверяя проконсуламъ, назначаемымъ по жребію, рѣшился причислить Вионнію къ императорскимъ провинціямъ и въ замѣнъ ея предоставить сенату Памфілію, а въ Вионнію вмѣсто проконсула назначить императорскаго легата. Выборъ Траяна палъ, какъ сказано, на Плинія, который и отправился въ 103 году въ Вионнію императорскимъ легатомъ и пропреторомъ съ консульскою властью.

Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда Плиній самъ не могъ рѣшить дѣла, онъ относился не къ сенату, какъ проконсулы, а къ цезарю. Письма Плинія къ Траяну и ответы Траяновы составляютъ 10-ую книгу собранія Плиніевыхъ писемъ. Изъ этой для познанія того времени весьма важной переписки мы узнаемъ, въ какія подробности долженъ былъ входить цезарь, чтобы привести въ благоустройство провинцію, столько терпѣвшую отъ прежнихъ проконсуловъ. Было-ли недоумѣніе о какомъ нибудь наслѣдствѣ, находили-ли Плиній между публичными рабами преступниковъ, избѣжавшихъ казни, къ которой они были приговорены, затѣвалъ-ли какой нибудь городъ постройку общественной бани, театра или водопровода, обо всемъ Плиній относился къ Траяну и на все получалъ удовлетворительный отвѣтъ. Должно замѣтить, что въ то время страсть къ постройкамъ была всеобщая, и многіе цезари (Траянъ на прим., а еще болѣе Адрианъ) были заражены этой страстью; поэтому не должно удивляться, что изъ переписки между Плиніемъ и Траяномъ, содержащей около ста писемъ, болѣе 15-ти относятся къ постройкамъ разнаго рода. Вотъ что между прочимъ отвѣчалъ Траянъ на запросъ Плинія о построеніи театра и гимнасіа въ Никей: «Греки любятъ гимнасіа (*gymnasia indulgent Graeculi*), по этому, можетъ быть, Никейцы слишкомъ горько взялись за эту постройку: они должны довольствоваться тѣмъ, что совершенно съ ихъ средствами.» Въ Никомедіи въ то время бывали частые пожары, и, такъ какъ противъ нихъ не принимали никакихъ мѣръ, то эти пожары были очень опустошительны: для избѣжанія этого, Плиній предложилъ Траяну учредить въ этомъ городѣ гильдію работниковъ, *collegium fabrorum* (Lib. X. Ep. XLII Ed. Gierig Ep. XXXV). Траянъ не согласился на это предложеніе, полагая, что опасно учреждать такія гильдіи, что онѣ подають только поводъ къ образованію обществъ (*hetaeriae*) и причиняють мятежи. По этому, говорилъ онъ, для погашенія пожаровъ лучше употреблять сбѣжавшуюся толпу народа. Фактъ замѣчательный! Римскіе цезари сами чували, какъ слабо было то, чѣмъ связывались разнородныя части ихъ государства и чѣмъ держалось римское общество: они боялись всякаго общества, и страшились даже

учреждать общепользныя гильдіи! — Плиній пробыль въ Виеннѣ болѣе года, и, кажется, эта провинція вполне могла быть довольна въборомъ Траяна. Заботясь усердно о вѣренной ему провинціи, Плиній впрочемъ не всегда держался строгихъ правилъ нравственности, а больше руководствовался тѣмъ, что называется «общественною моралью». Собрать въ Никомедіи подати, Плиній опасался, чтобы эти деньги, принадлежавшія государственной казнѣ, не залежались безъ пользы для государства; дабы избѣжать этого, онъ придумалъ слѣдующее средство: «если никто не найдется, кто бы пожелалъ принять эти деньги, съ обязательствомъ платить за нихъ извѣстные проценты, то раздать ихъ декуріонамъ, если бы даже они не нуждались въ нихъ, взять съ нихъ надлежащіе залогіи и, чтобы имъ это было не слишкомъ тяжело, уменьшить нѣсколько проценты». Траянъ на это предложеніе отвѣчалъ: «Несогласно съ правосудіемъ нашего правленія (*non est ex iustitia potestrogum temporogum*) заставлять другихъ по неволѣ принимать деньги, которыя и у нихъ, можетъ быть, будутъ лежать праздыми.»

VII.

Въ 105 г. Плиній возвратился въ Римъ. По совѣту друзей онъ собралъ письма свои къ разнымъ лицамъ, болѣе тщательно написанныя, и издалъ ихъ въ девяти книгахъ: всѣхъ писемъ его свыше 200. Содержаніе этихъ писемъ весьма разнородно и въ высшей степени занимательно и поучительно. Онъ предлагаетъ въ нихъ подробности о замѣчательныхъ современникахъ, государственныхъ мужахъ и ученыхъ, рассказываетъ о важныхъ или любопытныхъ происшествіяхъ въ Римѣ, объ образѣ жизни въ городѣ и въ деревнѣ и т. д.¹ Все это представляетъ весьма живую картинку римскаго общества. Во многихъ письмахъ Плиній говоритъ объ себѣ, иногда очень искусно, и этия-то письмамы обязаны свѣдѣніями, собранными въ нашей статьѣ. «Не знаю», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, «будетъ ли потомство помнить и заботиться объ насъ. Мы заслужили, чтобы память объ насъ сохранилась, не говорю, что дарованіями (то было бы гордостью), но стараніемъ, трудами и уваженіемъ къ суду потомства.» Изъ уваженія передъ су-

¹ Для занимающихся естественными науками будутъ интересны слѣдующія письма: Lib. IV, Ep. 30, L. VI, E. 13. Lib. VIII, Ep. 8, 20, Lib. IX, Ep. 33; а для медиковъ Lib. VII, Ep. 24.

домъ потомства онъ между прочимъ самъ написалъ письмо къ Тациту, въ которомъ рассказываетъ о томъ, какъ смѣлою выходкою спасъ Геренія Сенеціона (въ тяжбѣ противъ Бибія Массы), и проситъ Тацита внести этотъ рассказъ въ его «Исторію».

Есть много и такихъ писемъ, которыя по содержанию не представляютъ никакого интереса: единственнымъ побужденіемъ при изданіи ихъ было мнѣніе Плинія, что они заслуживаютъ вниманія по красотѣ слога. Какъ ни остроумны и игривы многія изъ этихъ писемъ, имъ сильно вредитъ то, что въ нихъ Плиній менѣе заботился о томъ, что сказать, нежели о томъ, какъ бы повскуснѣе сказать самыя простыя вещи: подобно всемъ сочиненіямъ, въ которыхъ главное или исключительное вниманіе обращено на слогъ, они отличаются изысканностью и пустою. Впрочемъ будемъ справедливы. Хотя изысканность и излишняя заботливость объ украшеніяхъ проглядываютъ во всехъ сочиненіяхъ Плинія (особенно въ Панегрике), однакожъ вообще слогъ его изященъ и легокъ: видно, что Плиній преодолѣлъ все техническія затрудненія. Тѣмъ письмамъ, которыя представляютъ нѣкоторый интересъ и по содержанию, придаетъ особенную привлекательность мастерство слога, тонъ порою игривый, порою восторженный, остроуміе и живость разказа. Чтобы окончить характеристику Плинія, какъ писателя, укажемъ на то, какому слогу онъ отдавалъ преимущество и чего требовалъ отъ хорошаго писателя. Въ то время и въ самомъ Римѣ подымался не одинъ голосъ объ упадкѣ литературы и въ особенности ораторскаго искусства. Упадокъ послѣдняго, конечно, условливался тѣмъ, что послѣ Августа оно потеряло прежнее значеніе. Въ старину ораторъ, съ молодыхъ лѣтъ присутствовавшій въ народномъ собраніи при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, получавшій свое ораторское образованіе на форумѣ, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ лицъ въ государствѣ, — руководитель народа. И если рѣчи прежнихъ ораторовъ по формѣ иногда и были грубоваты и неизящны, за то въ нихъ обращалось и вниманіе не на красоту слога, а на дѣло: слово было важнымъ *дѣломъ*. Послѣ Августа все перемѣнилось, и упадокъ ораторскаго искусства яснѣе всего выразился въ томъ, какое образованіе получали теперь ораторы. Въ такъ называемыхъ ораторскихъ школахъ, чтобы упражнять молодыхъ людей въ краснорѣчію, ихъ заставляли говорить длинныя рѣчи о вымышленныхъ и несбыточныхъ случаяхъ, предлагали имъ для декламацій такіе сюжеты, о которыхъ имъ въ дѣйствительной жизни никогда не приходилось послѣ говорить. Теперь слово ораторовъ перестало быть дѣломъ и стало само себѣ цѣлью. Поэтому, какъ ни краснорѣчивы, какъ ни пылки и торжественны были рѣчи тогдашнихъ ораторовъ, уже современники Плинія сознавали, что ораторское искусство пришло въ упадокъ. Замѣчательно, что Плиній не былъ этого мнѣнія. «Если когда-ли-

бо», говорить онъ, «въ Римъ процвѣтали науки и искусства, то въ наше время они въ самомъ цвѣтущемъ состояніи (si quando urbs nostra liberalibus studiis, nunc maxime floret).» Какія же свойства современныхъ писателей привели его къ этому убѣжденію! Въ философъ Эвратъ онъ хвалитъ цвѣтистость, высокопарность и роскошность слога и сладость рѣчей, которыя и противниковъ его увлекали; въ ораторъ Помпей Сатурнинъ — то, что онъ часто и кстати вставлялъ въ свои рѣчи важныя и пышныя сентенціи, благозвучныя и старинныя слова; въ реторъ Исея, — что онъ искусно умѣлъ украшать рѣчь, что у него попадаются и глубокомысленныя сентенціи и тонкія и искусныя выраженія (venius reconditi occurrant, verba, sed qualia! quaesita et exculpta). — Украшенному и цвѣтистому слогу Плиній явно отдавалъ преимущество передъ простою сжатою рѣчью. «Не сжатая и какъ бы обрѣзанная рѣчь, а «полная, торжественная и возвышенная увлекаетъ и поражаетъ всѣхъ какъ бы громовыми ударами. Скажутъ, что должно знать мѣру во всемъ. Конечно. Но не соблюдаетъ мѣры и тотъ, кто говоритъ меньше, чѣмъ требуетъ дѣло, и тотъ, кто говоритъ больше. И тотъ и «другой грѣшатъ, но одинъ по безсилію, другой по изобилію силъ. Я, «кажется», продолжаетъ онъ, «удачно выразился объ одномъ современномъ ораторѣ, въ которомъ есть и благородство и здравый смыслъ, «но который мало заботится объ величественности и украшеніяхъ: «онъ ни въ чемъ не грѣшитъ, развѣ только въ томъ, что онъ ни въ «чемъ не грѣшитъ. Ораторъ долженъ возвышаться, парить, иногда «приходить во восторгъ и подыматься до опасной высоты». — Плиній слишкомъ мало цѣнилъ простоту и естественность выраженія; онъ требовалъ отъ писателей искусности и смѣлости въ выраженіяхъ, слишкомъ высоко ставилъ преодолѣніе трудностей и въ этомъ, самъ не сознавая того, платилъ дань вѣку, отличавшемуся испорченностью вкуса. «Возвышенная мѣста», говорить онъ въ одномъ письмѣ къ Тацитъ у, «граничатъ съ опасными обрывами; идти по равнинѣ — безопаснѣе, но и доставляетъ менѣе чести. Кто бѣжитъ, можетъ скорѣе упасть, чѣмъ кто «сползетъ: но этому никакой славы нѣтъ, что онъ не падаетъ, а тому, «хоть онъ и падетъ, больше славы.... Какъ во всѣхъ искусствахъ, такъ «и въ краснорѣчій больше всего привлекаетъ преодолѣніе опасностей. «Смотри, какіе восторженные крики возбуждаетъ тотъ, кто по «крату высоко подымается, потому, что ежеминутно кажется, что онъ «падетъ. Такъ и въ краснорѣчій больше всего достойно удивленія то, «что неожиданно и сопряжено съ опасностями.» Итакъ ораторы очень наввно сравниваются съ канатными плясунами! Послѣ этого, кажется, нечего говорить, какъ ложно было литературное направленіе Плинія. Цицеронъ, какъ извѣстно, въ часы досуга писалъ и стихи. Объ нихъ одинъ современникъ Плинія вотъ какъ выразился: «Цезарь и Брутъ пи-

сади и стихи—не лучше Цицерона, но были счастливые его: очень не многимъ известны ихъ стихи». Плиніи не только что не судилъ такъ объ стихахъ великаго оратора, но даже почелъ своею обязанностью и въ этомъ подражать своему образцу. Побужденный, какъ онъ самъ говоритъ, примѣромъ Цицерона, Плиніи сталъ забавляться гениемъ элегій, эклогъ и т. д. и держась того мнѣнія, что стихи

tunc denique habent salem et leporem
si sunt molliculi et parum pudici,

онъ считалъ своею обязанностію писать стихи «игриваго» содержанія. Сохранились изъ нихъ немногіе, которые онъ приводитъ въ одномъ письмѣ. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего поэтическаго.

Замѣчательно, какимъ образомъ Плиніи писалъ вообще всѣ сочиненія. Каждое сочиненіе свое онъ читалъ сперва немногимъ друзьямъ, и исправлялъ то, что имъ не нравилось. Потомъ это сочиненіе читалось другими, и каждый отмѣчалъ, что, по его мнѣнію, требовало поправки. Наконецъ, на литературномъ вечерѣ сочиненіе читалось передъ многочисленнымъ собраніемъ, и тогда, соображаясь съ многоразличными толками и сужденіями, Плиніи принимался передѣлывать и поправлять свое сочиненіе, и только потомъ издавалъ его. Такимъ образомъ каждое сочиненіе его переходило черезъ множество рукъ. Конечно, такое авторство въ компаніи очень странно; однакожь въ то время оно, кажется, было во всеобщемъ употребленіи. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ, что и Тацитъ посылалъ Плинію свои сочиненія, для того чтобы онъ исправлялъ то, что, по его мнѣнію, неудовлетворительно.

VIII.

Литературные вечера въ то время играли важную роль. Иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца не было дня, въ который бы не было какого нибудь замѣчательнаго литературнаго вечера (*recitatio*). Въ выборъ сочиненій для чтенія авторы не затруднились и нередко полагали, что интересное для нихъ самихъ будетъ интересно для публики: такъ нѣкто Маркъ Регулъ (плохой ораторъ и клеветръ Домиціана), желая почтить память сына, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, написалъ его біографію, читалъ на литературномъ вечерѣ, и наконецъ въ тысячь спискахъ разослалъ по Италіи и провинціямъ. Плиніи публично читалъ и стихи свои и рѣчи; — нѣкоторые современники замѣчали, что

стихи онъ читаетъ плохо, а рѣчи его утомительны. Трөгательно одно письмо Плинія, въ которомъ онъ жалуется на равнодушіе публики къ этимъ литературнымъ вечерамъ: «Немного», говоритъ онъ, «сходится слушателей, и большая часть изъ нихъ только тогда идутъ въ залу (auditorium), когда узнаютъ, что авторъ вошелъ и прочелъ предисловіе. Уходятъ многіе, не дождавшисъ конца, одни тихо и украдкой, другіе по просту, не церемонясь. Кончилось чтеніе — слушатели сидятъ какъ глухіе и нѣмые: никакого знака одобренія не подають, не разжимають губъ, не подымають рукъ, не встають даже, — какъ будто и не устали сидѣть». Говоря съ негодованіемъ объ этомъ равнодушіи публики, Плиній замѣчаетъ, что онъ не только уважаетъ всякаго, кто хоть что нибудь сдѣлалъ въ наукѣ, но и благоговѣетъ передъ нимъ, и что онъ самъ не пропускалъ почти ни одного литературнаго вечера, на которомъ бы читалъ одинъ изъ его пріятелей (а онъ былъ знакомъ почти со всеми литераторами). Великая жертва друзьямъ и литературъ! Но понятно, что не каждый могъ ему въ этомъ подражать.

Важность этихъ литературныхъ собраній намъ будетъ понятна, если припомнимъ всю пустоту тогдашней общественной жизни Рима. Сенатъ и форумъ потеряли свое значеніе; даже въ центумвирскихъ судахъ, гдѣ рѣшались важнѣйшія уголовныя дѣла, и къ которымъ доступъ прежде былъ труденъ и для опытныхъ, теперь ораторствовали молодые и неопытные люди, и прибѣгали къ подкупамъ, чтобы наполнить свои аудиторія. «Всѣ, кому угодно, — восклицаетъ Плиній, — являютсѣ ораторами, и за ними слѣдуютъ, подобно фигурантамъ, наемные слушатели... Вчера двухъ рабовъ моихъ за три денарія наняли, чтобы они присутствовали при судебномъ собраніи и аплодировали одному оратору. Вотъ какъ дешево можно прослыть краснорѣчивымъ! Вотъ за какую цѣну наполняются мѣста слушателей, и они подымають нескончаемые крики, когда имъ подають знакъ. А знакъ имъ подавать нужно, потому что они и не понимаютъ преній, и даже не слушаютъ ихъ, — и не смотря на это постоянно раздаются одобрительные *вопли*: иначе нельзя назвать эти крики, которые были бы неприличны и въ театрахъ.» Гладіаторскіе бои цирка и другія народныя увеселенія, конечно, не всѣмъ могли представлять интересъ. Говоря о томъ, какъ пусты и пошлы цирцейскія игры, Плиній удивляется, что и серьезные люди находятъ въ нихъ удовольствіе. Неприличіе многихъ изъ этихъ публичныхъ представленій доходило до того, что они не разъ были запрещаемы императорами.

Послѣ всего этого понятно, какую важность для такихъ людей, какъ Плиній, могли имѣть литературныя собранія. Каковы бы они ни были, на нихъ переносили интересъ, котораго не могла возбудить общественная жизнь. Для образованныхъ Римлянъ литература стала общественнымъ дѣ-

ломъ, единственнымъ достойнымъ развлеченіемъ среди пустой городской жизни. Какъ городская жизнь тяготила и Плинія, видно изъ слѣдующаго письма его: «Удивительно, что, пока живешь въ городѣ, кажется, какъ будто можно отдать отчетъ о каждомъ днѣ, а если взять всѣ дни въ совокупности, то самъ не знаешь, какъ они прошли. Если спросить когонибудь: что ты дѣлалъ сегодня? отвѣтъ былъ бы: я былъ при принятіи мужской тоги, на сговоръ или на свадьбу; тотъ приглашалъ меня на тяжбу, другой на совѣщаніе. Все это, въ тотъ день, когда этимъ занимаешься, кажется необходимымъ, но если вспомнишь, что этимъ ежедневно занимался, оно покажется пустымъ и пошлымъ, особенно когда удалишься въ деревню. Тогда вспоминаешь: сколько дней и на какія пустяки потратилъ я! Это со мной бываетъ, когда я въ своей лавретинской виллѣ читаю, или сочиняю, или отдыхомъ подкрѣпляю тѣлесныя силы, при чемъ освѣжается и духъ мой. Здѣсь ничего не слышу и ничего не говорю, объ чемъ приходилось бы расказываться, что я слышалъ это или говорилъ; никто въ непріязненныхъ рѣчахъ не чернятъ другихъ; я самъ никого не порицаю, развѣ одного себя, если недоволенъ своими сочиненіями. Никакая надежда, никакой страхъ не тревожить, никакіе толки не заботятъ меня. Съ собой только и съ книжками я бесѣдую. Вотъ настоящая, отъ всего дурнаго чистая жизнь! Вотъ пріятный и честный досугъ, прекраснѣе почти всякаго дѣла! О море, о берега, — вы подлинно обиталища музъ! Сколько чувствъ вы пробуждаете въ душѣ, сколько мыслей внушаете писателю.... Дѣйствительно, лучше быть безъ дѣла, чѣмъ заниматься бездѣльемъ.»

И вотъ Плиній изъ шумнаго Рима, подобно многимъ, удаляется въ свои виллы. Но въ тихой и безмятежной жизни онъ забываетъ о томъ, что его изгнало изъ города, и на немъ сбывается сказанное Тацитомъ: «праздность и неучастіе въ общественныхъ дѣлахъ, къ которымъ насильно принуждаютъ обстоятельства, и которыя сначала казались ненавистными, наконецъ становятся милыми и привлекательными».... Отъ городскихъ тревогъ Плиній отдыхаетъ въ деревнѣ — мы чуть не сказали на лонъ природы, посреди мирныхъ поселянъ; но и въ виллѣ окружала Плинія, какъ и всѣхъ богатыхъ Римлянъ, не природа, а цивилизація со всеми ея утопченностями; природа служила только заднимъ фономъ, и отъ поселянъ онъ такъ же далекъ былъ въ своей виллѣ, какъ и въ Римѣ. Деревенская жизнь Плинія была деревенская жизнь горожанина, и нисколько не была похожа на простую деревенскую жизнь его предковъ. «Встарину, говорить Катонъ, если кого хотѣли похвалить, говорили, что онъ хорошій хозяинъ, хорошій земледѣлецъ. Эта похвала считалась высшею... Изъ земледѣльцевъ выходили храбрые мужи и доблестные граждане. То самый благочестивый и надежный промыселъ и менѣе всѣхъ подающій поводъ къ распрямъ, а кто ему

предается, тотъ менѣе имѣеть дурныхъ помысловъ.» Теперь времена перемѣнились. Теперь уже иначе смотрѣли на полезныя деревенскія заботы и труды, служившія прежде какъ бы приготовленіемъ къ общественной дѣятельности. Въ деревенской жизни стали искать однихъ удовольствій для себя, прибѣгали къ ней, покидая общественную дѣятельность, и старались забыть о всякомъ дѣлѣ. «Если ты», пишетъ Плиній одному пріятелю, «слишкомъ заботишься о хозяйственныхъ дѣлахъ (*res familiaris*), ты одинъ изъ толпы (*unus ex multis*). Брось эти низкія и грязныя заботы, и въ уединеніи своемъ предавайся литературнымъ занятіямъ, которыми можешь снискать себѣ безсмертную славу.» Плиній жалуется, что поселяне надѣлали ему и счетами и жалобами, говорить, что нехотя выслушиваетъ ихъ, когда они толкуютъ ему о своихъ дѣлахъ, и что всѣ заботы по хозяйственной части предоставилъ своимъ городскимъ рабамъ (*urbanis* — управляющимъ). «Я удался, пишетъ онъ, въ этрусскія помѣстья, чтобы дѣлать все, какъ мнѣ угодно; но и въ своей виллѣ я этого не могу добиться. Поселяне беспокоятъ меня жалобами и отчетами. Отчеты впрочемъ заброшены, какъ будто меня здѣсь не было. Иногда я сажусь на коня, и на столько исправляю должность хозяина (*patrem familias ago*), что объѣзжаю свои владѣнія, но только ради прогулки.» Не таковы были встарину настоящіе римскіе *patres familias*!

Однимъ отдѣломъ хозяйства Плиній занимался: онъ любилъ строитья и въ этомъ слѣдовалъ общей модѣ, надъ которою впрочемъ уже современники его подсмѣивались. Любопытно начало одного письма Плиніева къ одному пріятелю. «Ты пишешь, что ты строишь. Я этому радъ: теперь нашель я оправданіе для себя. Теперь могу извиниться въ томъ, что строюсь, потому что и ты дѣлаешь то же самое.» Плиній оставилъ намъ интересныя подробныя описанія своихъ виллъ. Онъ былъ очень богатъ, и судя по этимъ описаніямъ, виллы его были великолѣпны, заключали въ себѣ всѣ возможныя удобства, и никакъ не могли служить образцемъ древней простоты, о которой Плиній часто говоритъ съ восторгомъ.

Въ своихъ великолѣпныхъ виллахъ, помѣщенныхъ близь берега морскаго, Плиній предавался сладкой праздности (*illud iucundum nihil agere*, выраженіе самого Плинія, — *dolce far niente*), или литературнымъ занятіямъ, которыми наполнялся весь день. Во время обѣда рабъ вслухъ читалъ какую нибудь книгу легкаго содержанія; отправлялся ли Плиній на ловлю вепрей, — сидя у тенетъ, онъ имѣлъ при себѣ всѣ письменные матеріалы и записывалъ мысли, которыя ему приходили въ голову. Во время дороги съ нимъ былъ или рабъ-чтець, или рабъ-писецъ, руки котораго во время дурной погоды защищались отъ холода рукавицами, «чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, даже холодная ногада не

похищала времени у литературных занятій.» Для образованныхъ Римлянъ множество рабовъ сдѣлалось какъ бы необходимою, и, не будь ихъ у Плинія, ему бы пришлось совершенно пережвѣнить образъ жизни. Плиній самъ не читалъ и не писалъ, — ему читалъ рабъ, и диктовалъ онъ опять таки рабу. Рабы смотрѣли и за хозяйствомъ и за сельскими работами, между рабами были и пѣвцы и комедіанты и такіе образованные люди, что въ ученыхъ бесѣдахъ съ ними Плиній пріятно проводилъ время. Литературныя занятія его иногда прерывались странными и неприятными случаями. Такъ тещъ Зосимъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и комедіантъ (*comoedus*) и талантливый пѣвецъ (*lygistes*), отъ напряженнаго и продолжительнаго чтенія сталъ харкать кровью, и Плиній долженъ былъ разлучиться съ своимъ любимымъ тещомъ и дать ему возможность въ Египтѣ подкрѣпить свое здоровье. (Въ Египетъ въ то время отправлялись для исцѣленія чахоточные). Возвратившись изъ Египта, Зосимъ опять вступилъ въ свою должность, но такъ какъ снова по цѣлымъ днямъ читалъ громкимъ голосомъ, то кашель и харканье кровью возобновились, и Плиній опять къ сожалѣнію долженъ былъ разстаться съ нимъ. О другомъ тещѣ своемъ, Энколпѣ, Плиній упоминаетъ, что онъ былъ подверженъ тому же недугу, какъ и Зосимъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Плиній говоритъ: «Постоянно я помню Гомеровское выраженіе: *πατήρ δ' ὄντ' ἦπιος ἦεν* — онъ былъ ласковъ и милостивъ, какъ отецъ, — и наше выраженіе *pater familias* (какъ назывался у Римлянъ хозяинъ)». — Полагалъ ли Плиній, что если онъ позаботится объ исцѣленіи Зосима, отъ него больше нечего требовать? Впрочемъ если отъ его любви къ наукамъ такъ терпѣли его рабы, конечно это должно отнести не къ жестокосердію Плинія, а къ господствовавшимъ тогда понятіямъ. Сообразно съ римскими понятіями Плиній былъ даже очень милостивъ къ своимъ рабамъ: онъ никогда не ввергалъ ихъ въ оковы, въ кандалы, позволялъ имъ дѣлать завѣщанія (что по законамъ имъ не было дозволено) и исполнялъ завѣщанія эти, какъ будто они были законны.

Сколько рабы терпѣли отъ своихъ господъ и какъ мало находили они сочувствія, видно изъ слѣдующаго рассказа. Нѣкто Ларгій Македонъ, сынъ вольноотпущеннаго, не помня, что и отецъ его былъ рабомъ, обращался чрезвычайно жестоко съ своими рабами. Рабы задушили его въ банѣ и, какъ слѣдуетъ, были казнены. Это печальное происшествіе привело Плинія къ слѣдующимъ разсужденіямъ. Рассказавъ одному пріятелю объ убіеніи Македона и казни рабовъ, онъ продолжаетъ: «Видишь-ли, какимъ опасностямъ, поношеніямъ и позорамъ подвержены. Снисходительностью и мягкостью нельзя обезопасить себя.»

IX.

О послѣднихъ годахъ жизни Плинія у насъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. На основаніи одного свидѣтельства нѣмецкіе ученые полагаютъ, что въ 113 г. по Р. Х. Плиній былъ еще живъ, т. е. что онъ достигъ 52-го года жизни¹. Годъ его смерти неизвѣстенъ. По крайней мѣрѣ онъ дожилъ до того времени, когда исполнилось одно изъ величайшихъ его желаній: между современниками его утвердилось слава его, какъ ученаго и благороднаго мужа, сочиненія его проникли въ дальнюю Галлію, стихи его переводились на греческій языкъ, и, какъ онъ самъ увѣряетъ, людьми, которые ради его стиховъ выучились латинскому языку. Больше всего онъ пользовался славою, какъ отличный ораторъ. «Часто случалось со мной, говоритъ онъ, что, когда я велъ тяжбу, центумвиры, сохранявши сначала долго важность и серьезность судей, всѣ вдругъ, какъ будто невольно увлеченные и побужденные, подымались съ своихъ мѣстъ и начинали хвалить меня. Часто и въ сенатѣ имѣлъ я такой успѣхъ, какого только могъ желать.» Но выше всего самъ Плиній цѣнилъ то, что общественное мнѣніе ставило его наряду съ Тацитомъ, что имена ихъ были какъ бы нераздѣльны и доносились въ дальнія провинціи, какъ имена двухъ ученѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей тогдашняго Рима.

Если Плиній имѣлъ удовольствіе видѣть распространеніе своей славы, онъ также на опытъ видѣлъ, какъ исчезала память о мужахъ, не менѣ славныхъ въ свое время. Прошло десять лѣтъ со смерти знаменитаго воспитателя Плиніева Вергинія Руфа, — а его уже забыли и не поставили надъ его могилой даже того надгробнаго памятника, на которомъ онъ завѣщалъ вырѣзать эпитафію, приведенную въ началѣ нашей статьи. Съ грустью человека, который видитъ, что забывается то, что ему самому дорого, Плиній упоминаетъ объ этомъ равнодушіи къ памяти Вергинія. «На меня нападаетъ негодованіе и грусть, когда вижу, что безъ памятника и имени лежитъ прахъ того, имя котораго, десять лѣтъ тому назадъ, гремѣло по всей вселенной.... До того рѣдко постоянство въ дружбѣ, до того всѣ склонны забыть умершихъ, что мы сами должны заботиться о могилахъ и надгробныхъ памятникахъ своихъ, и сами исполнять обязанности нашихъ наследниковъ. Кто

¹ Полагаютъ по этому же извѣстію, впрочемъ сомнительному, что Плиній писалъ и историческіе сочиненія: если онъ и писалъ, до насъ они не дошли.

можетъ не опасаться того, что, какъ видимъ, постигло Вергинія? Его слава дѣлаетъ постыдною и достойною всякаго порицанія несправедливость къ его памяти».... Sic transit gloria mundi!

У одного позднѣйшаго писателя¹ сохранилось преданіе, будто Плиній въслѣдствіи принялъ христіанство. Это извѣстіе всѣми теперь признано за недостоверное и рѣшительно отвергается. Поводомъ къ этому преданію, вѣроятно, послужило извѣстное письмо Плинія къ Траяну о христіанахъ. Обстоятельство, что это преданіе въ первый разъ упоминается такъ долго спустя послѣ Плинія, далѣе—извѣстный характеръ Плинія, и наконецъ самое это письмо служатъ несомнѣнными доказательствами, что не ошиблись отвергнушіе извѣстіе о принятіи Плиніемъ христіанства, какъ ложное извѣстіе. Предлагаемъ здѣсь переводъ этого замѣчательнаго письма: оно поможетъ намъ окончательно дорисовать изображеніе Плинія, и вмѣстѣ съ тѣмъ читатели увидятъ, какъ свидѣтельство самаго противника христіанства, противъ его воли, рѣшительно клонится къ прославленію Божественной Вѣры.

«Плиній къ Траяну императору.»

«Для меня обратилось въ привычку, государь, обо всемъ, объ чемъ я сомнѣваюсь, относиться къ тебѣ. Ибо кто можетъ лучше тебя направить меня, если я колеблюсь, и научить меня, если ошибаюсь? Прежде я никогда не присутствовалъ при слѣдствіяхъ о христіанахъ: поэтому не знаю, за что и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ наказывать или взыскивать. Я не мало сомнѣвался: должно-ли дѣлать какое нибудь различіе по возрасту подсудимыхъ, или же взрослыхъ и дѣтей нѣжнаго возраста судить съ одинаковою строгостью; обращать ли вниманіе на раскаяніе, или тому, кто вообще былъ христіаниномъ, никакой пользы отъ того нѣтъ, что пересталъ быть христіаниномъ; *наказывать ли за самое названіе, даже если съ нимъ не связано преступленій, или одни преступленія, связанныя съ этимъ названіемъ.* Покуда, я поступалъ съ тѣми, на которыхъ мнѣ доносили, какъ на христіанъ, слѣдующимъ образомъ. Я спрашивалъ ихъ, христіане-ли они? Тѣхъ, которые сознавались, я во второй и въ третій разъ предлагалъ тотъ же вопросъ; тѣхъ, которые настаивали на томъ, что они христіане, я приказывалъ отводить къ казни. *Ибо я не сомнѣвался, что, каково бы ни было то, въ чемъ они сознавались, по крайней мѣрѣ за упрямство и непреклонное упорство ихъ слѣдуетъ наказывать.* Были и другіе обвиненные въ сходномъ съ христіанами безуміи, и такъ какъ то были римскіе граждане, я ихъ записалъ и отправилъ въ Римъ. Потомъ, въ продолженіе самаго слѣдствія открылось еще нѣсколько примѣровъ этого заблужденія. Мнѣ предло-

¹ Pseudo-Dexter in Chronico.

жили безыменную обвинительную грамоту, содержащую между прочимъ имена многихъ, которые однакоже утверждали, что они или теперь уже не христiane, или никогда не были. Когда они, по моему примѣру, призывали боговъ и приносили жертвы ладаномъ и возліаніемъ вина передъ твоимъ образомъ, принесеннымъ для этой цѣли вмѣстѣ съ изображеніями боговъ, и кромѣ того хулили Христа (*а ни къ чему изъ этого нельзя, какъ говорить, принудить тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ христiane*), я ихъ велѣлъ отпустить. Другіе, названные въ доносѣ, сказали, что они христiane, потому отрицали это: они говорили, что конечно прежде были, но теперь перестали быть христianeами, кто за три года, кто за много лѣтъ, иные даже за двадцать лѣтъ. Всѣ они преклонились и передъ твоимъ образомъ и передъ изображеніями боговъ и хулили Христа. Они однакоже утверждали, *что все ихъ преступленіе или заблужденіе состояло въ томъ, что они имѣли обыкновеніе въ известный день до разсвѣта сходиться, славить между собой Христа, какъ бога, и другъ друга обзывать присягою, не на преступленіе какое нибудь, а на тѣ, чтобы не совершать воровства, грабежа, прелюбодѣлія, не нарушать даннаго слова, не задерживать обманомъ того, что вѣрено въ видѣ залога; что потомъ они расходились и снова сходились для принятія пищи, но что собранія ихъ были незамкнутыя, обыкновенныя и невинныя; что они прекратили однако эти собранія послѣ моего эдикта, которымъ я согласно съ твоимъ повелѣніемъ запретилъ существованіе всѣхъ гетерій (обществъ). Вслѣдствіе этого, я почелъ за необходимое распросить и даже пытатъ (et per tormenta quaerere) двухъ служанокъ, которыя у нихъ называются діакониссами (ministrae), чтобы узнать всю правду. Но я не нашелъ ничего кромѣ лжи и суевѣрія, превышающаго всякую мѣру (superstitionem gravam et immodicam), и поэтому, отсрочивъ слѣдствіе, прибѣгаю къ тебѣ за советомъ. Дѣло мнѣ показалось достойнымъ совѣщанія, особенно по числу находящихся въ опасности. Многіе люди всѣхъ возрастовъ и сословій и обоеихъ половъ подвергаются и будутъ подвергаться опасности, ибо не только по городамъ, но и по деревнямъ и селамъ распространилась зараза этого суевѣрія. Это, кажется, можно поправить и остановить. По крайней мѣрѣ известно, что храмы, почти совсѣмъ заброшенные, снова стали посѣщаться, что обычныя жертвоприношенія, прекратившіяся было, возобновлены, что кое-гдѣ опять продаются животныя для жертвоприношеній, для которыхъ въ последнее время очень мало было покупателей. Изъ этого легко можно усмотрѣть, какое множество людей можно направить на путь истины, если оказывать снисхожденіе къ ихъ раскаянію.»*

«Траянъ къ Плинію.»

«Ты поступилъ, мой Секундъ, какъ следовало, при изслѣдованіи винъ тѣхъ, которые были передъ тобою обвинены въ христіанствѣ. Нельзя вообще опредѣлять что-нибудь, что во всѣхъ случаяхъ имѣло бы общую силу. Отъискивать ихъ не должно, если же они будутъ обвинены и обличены, то должно ихъ наказывать, съ тѣмъ однакоже, чтобы тѣмъ, которые утверждаютъ, что они не христіане, и подтвердить это на дѣлѣ, то-есть поклонятся нашимъ богамъ, вслѣдствіе ихъ раскаянія оказывать помилованіе, хотя бы они и были заподозрены въ проплюмъ. Безыменные обвинительныя грамоты не должны имѣть силы, потому что это дурной обычай и не согласный съ духомъ нашего правленія.»

1852.

К. Зедергольмъ.

ЛИТЕРАТОРЫ И ПУБЛИКА ВЪ РИМЪ *).

Одно письмо Плинія-Младшаго къ другу заключаетъ въ себѣ слѣдующія изліянія сердечнаго прискорбія объ отношеніи римской публики къ литераторамъ въ сотыхъ годахъ по Р. Х.

«Въ теченіи послѣдняго мѣсяца не проходило дня, въ который бы не было какого нибудь чтенія. Пріятно видѣть ученія запятія въ такой силѣ, пріятно, что на поприщѣ литературной дѣятельности не перестаютъ являться новые таланты, не смотря на то что публика такъ лѣниво собирается слушать. Большая часть собравшихся сидятъ за дверьми залы и убиваютъ время, слушая разный вздоръ, и по временамъ спрашиваютъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, много ли еще ему остается читать, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочтена, тогда только, и то медленно и какъ бы не хотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи высадѣть до конца и начинаютъ расходиться одни украдкой, незамѣтно, другіе — открыто и не стѣсняясь приличіями. То ли бывало въ прежніе годы. . . . Теперь самаго отъявленнаго празднолюбца приходится приглашать заранее, да и то онъ или совсѣмъ не явится, или, если и придетъ, то жалуются послѣ, что у него день пропалъ даромъ — именно потому, что въ первый, можетъ быть, разъ въ жизни у него не пропалъ день. Тѣмъ болѣе уваженія и благодарности достойны тѣ, у которыхъ это лѣнивое равнодушіе и гордая невнимательность публики не отнимаетъ охоты къ литературнымъ трудамъ и публичному чтенію своихъ произведеній.»

* Лекція, читанная въ берлинскомъ Обществѣ Наукъ (wissenschaftlicher Verein) Мартиномъ Герцемъ. Переведена съ нѣмецкаго г. Студентомъ Живаго.

Таковы были литераторы и публика въ Римѣ, современномъ Плинію-Младшему. Но совершенно иной порядокъ вещей встрѣтимъ мы, если обратимся къ временамъ болѣе древнимъ. Необычайная энергія въ практической дѣятельности, полнота въ разработкѣ гражданскаго и военнаго дѣла поражаютъ насъ своимъ величіемъ почти на каждой страницѣ древнѣйшей римской исторіи; но мы видимъ, что литература и наука — блага невѣдомыя и что они долго еще остаются чуждыми потребностямъ римскаго народа. Служить отечеству, этому служенію отдавать всего себя и все свое — такъ опредѣлялъ свой долгъ древній римскій гражданинъ. Исполненіе этого долга составляло задачу и содержаніе цѣлой его жизни; она вся наполнялась строгою, серьезною дѣятельностію; въ ней не было мѣста для заботы о прикрасахъ. Римлянинъ не понималъ возможности того безпечнаго, наивнаго способа жить, который любить и отыскиваетъ прекрасное, находя въ немъ удовлетвореніе и наслажденіе. Та гармонія въ развитіи, которая дѣлаетъ самую жизнь челоука какъ бы художественнымъ произведеніемъ, возникающимъ изъ свободной игры избыточествующихъ силъ духа и тѣла, гармонія, которой мы такъ удивляемся и завидуемъ въ Грекахъ, была также невѣдома Римлянину. Если Греку, на порогъ его литературной исторіи, видѣлся любимый и свѣтлый, внушавшій ему благоговѣйное удивленіе, образъ Гомера, — божественнаго пѣвца, котораго пѣснопѣнія раздавались на устахъ каждаго Грека, — въ Римѣ, послѣ мрака, продолжавшагося почти половину тысячелѣтія, послѣ скудныхъ начатковъ, отъ которыхъ не отдѣляется ни одна сколько нибудь выступающая личность, мы встрѣчаемъ суровый, повелительный образъ стараго консуляра, слѣпаго Аппія Клавдія, который кромѣ слѣпоты едва ли имѣлъ что нибудь общаго съ Гомеромъ. Не поэтическія преданія, подслушанныя у народа, а законы обычнаго права и краткія нравоучительныя изреченія, исполненыя глубокой житейской мудрости, вносили въ свои записки первый римскій литераторъ. Когда посланникъ Пирра, въ числѣ условій для открытія мирныхъ переговоровъ, требовалъ отъ сената допустить эпирскаго царя въ вѣчный городъ, то этотъ же самый Аппій, удрученный старостью и давно уже ослѣпшій, велѣлъ принести себя въ курію и сильною энергической рѣчью заставилъ сенаторовъ, колебавшихся и склонныхъ къ миру, отвергнуть требованіе посла. До насъ дошло нѣсколько словъ изъ этой рѣчи. Въ суровыхъ, полныхъ горькаго негодованія выраженіяхъ, укорялъ онъ членовъ сената, не заботясь о томъ, что въ настоящее время называется законами парламентскаго приличія. «Куда, говорилъ онъ, вашъ разумъ, прежде всегда здравый и неуклонно-прямой, сбился такъ далеко съ прямого пути?» Обращаясь съ такими грозными словами къ сенату, Аппій казался повелителемъ въ этомъ «собраніи царей», и магистрое собраніе склонилось предъ словомъ магистаго оратора.

Велико такое торжество краснорѣчія. Конечно сильна и полна энергіи была рѣчь Аппія, но также мало отвѣчала она требованіямъ искусства, какъ мало тогдашняя публика была въ состояніи смотрѣть на краснорѣчіе съ художественной точки зрѣнія.

Правда, первый шагъ къ знакомству съ греческимъ языкомъ и греческою литературой уже былъ сдѣланъ, но внести ихъ, какъ элементы дальнѣйшаго развитія, въ различные слои римскаго общества и чрезъ это положить начало образованію публики, доступной литературнымъ интересамъ, удалось не прежде, какъ когда уже былъ побѣжденъ Пирръ, покорена вся Нижняя Италия, и Карфагеняне въ первый разъ смирились послѣ двадцати двухъ-лѣтней всемірно-исторической борьбы. Вскорѣ послѣ окончанія первой пунической войны, Ливій Андроникъ, взятый въ плѣнъ при осадѣ Тарента, проданный въ рабство и попавшій въ одинъ знатный римскій домъ, но чрезъ нѣсколько времени получившій свободу, поставилъ на римскій театръ драматическія представленія, составленныя по образцу греческихъ. Сценическія представленія вмѣстѣ съ играми цирка были извѣстны въ Римѣ уже въ продолженіи болѣе 120-ти лѣтъ, но Ливій первый осмѣлился, соединяя въ своемъ лицѣ автора и актера, предложить Римлянамъ драму, построенную по законамъ художественнаго единства. Сочувствіе, которымъ встрѣтила эту попытку масса римской публики, имѣло источникомъ не столько эстетическій интересъ, сколько интересъ сюжета, начинавшій появляться вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Греками. Ливій Андроникъ самъ понималъ это и потому старался чтеніемъ своихъ собственныхъ произведеній и истолкованіемъ греческихъ поэтовъ развить эстетическое чувство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ избранныхъ кружкахъ римскаго общества. Положеніе его въ Римѣ было вовсе незавидное. Правда, когда, во время пунической войны, онъ написалъ гимнъ для хора дѣвъ, и когда потомъ война приняла благопріятный оборотъ, то было позволено внести въ честь Ливія торжественные дары въ авентинскій храмъ Минервы, но тѣмъ не менѣе, какъ актеръ, Ливій былъ лишенъ правъ гражданства, да и самая поэзія не пользовалась особымъ уваженіемъ. Поэтовъ и тунеццевъ, живущихъ на чужой счетъ, тогдашніе Римляне называли однимъ и тѣмъ же словомъ — *glavatores*.

Какое неизмѣримое разстояніе между вольноотпущеннымъ тарентинскимъ поэтомъ и между тѣмъ ораторомъ и правовѣдомъ древняго аристократическаго происхожденія, занимавшимъ высшія должности въ государствѣ и управлявшимъ рѣшеніями первенствующаго сословія! — И долго еще продолжались такія отношенія. Судебное краснорѣчіе, правовѣденіе и начинающая появляться со времени второй пунической войны историческая литература, которой первообразъ мы видимъ въ запискахъ великихъ жрецовъ и въ семейныхъ преданіяхъ патриціанскихъ родовъ, предоставлялись исключительно людямъ, занимавшимъ

высокое положеніе въ обществѣ и происходившимъ большею частію изъ первыхъ римскихъ фамилій. Это были не писатели въ собственномъ смыслѣ этого слова, а дѣловые люди, которые посвящали литературнымъ трудамъ часы, свободные отъ служебныхъ занятій. Напротивъ того поэзію занимались провинціалы, люди по большей части низкаго происхожденія и часто даже вольноотпущенники. Къ этому классу принадлежали почти всѣ ученые по профессіи, грамматикъ, и всѣ безъ исключенія риторы. Отацілій Пилитъ, удостоившійся быть наставникомъ Великаго Помпея въ риторикѣ, былъ, говорятъ, первый вольноотпущенникъ, отважившійся выступить на поприще исторической литературы. Хотя молодые люди изъ самыхъ знатныхъ римскихъ фамилій не стыдились посѣщать школы риторовъ, однакоже сами риторы, до временъ имперіи, выходили изъ сословія либертиновъ, ибо, по странному, укоренившемуся съ временемъ предразсудку, казалось предосудительнымъ, какъ выразился одинъ первоклассный риторъ перваго столѣтія по Р. Х., учить тому, чему учиться считалось приличнымъ. Но даже и учиться всегда ли было дозволяемо со стороны коренныхъ приверженцевъ старинной республики? Еще въ 161-мъ г. въ сенатѣ происходило совѣщаніе о риторакъ и философахъ, и одному претору было дано лаконическое порученіе — позаботиться, чтобы въ Римѣ не водилось такого народа. Семьдесятъ лѣтъ спустя, ценсоры эдиктомъ официально объявляли свое негодованіе по поводу посѣщенія римскою молодежью школъ латинскихъ риторовъ. Въ этомъ случаѣ не обходилось, конечно, и безъ противодѣйствія. Такъ когда, вскорѣ послѣ изданія этого эдикта, въ Римѣ прибыли съ дипломатическими порученіями три аѳинскіе философа, римское правительство не въ состояніи было помѣшать имъ — произносить публичныя рѣчи и приобщивать своихъ слушателей къ изученію философіи. Напрасно Катонъ, думая, что блестящая греческая діалектика лишь затемняетъ истину, и опасаясь, чтобы римская молодежь не научилась предпочитать ораторскіе триумфы славы, добытой подвигами, требовалъ выслать чужеземцевъ, дабы они возвратились въ свои школы учить сыновей Эллиновъ, а римское юношество оставилъ, по старому, внимать законамъ и повиноваться правительству. Это желаніе стараго ценсора не нашло исполненія. Рядомъ съ начинавшею проявляться наклонностью къ изученію философіи шло другое, филологическое направленіе занятій. Около того же времени и также для дипломатическихъ переговоровъ пріѣзжалъ въ Римъ ученый греческій грамматикъ Кратесъ, начальникъ одной изъ двухъ господствовавшихъ въ то время школъ. Задержанный въ Римѣ переломомъ ноги, Кратесъ употребилъ долговременное пребываніе на произнесеніе цѣлаго ряда публичныхъ чтеній. Принятая благосклонно публикою, чтенія эти вызвали подражаніе въ римскихъ

образованныхъ людяхъ. По крайней мѣрѣ съ этихъ поръ римскіе ученые начинаютъ гораздо прилежнѣе изучать поэтическія произведенія отечественной литературы и стараются, всенародно читая и объясняя ихъ, дѣлать ихъ доступными и для другихъ классовъ общества — конечно въ размѣрахъ довольно тѣсныхъ. Выборъ въ этомъ случаѣ зависѣлъ частію отъ достоинства самыхъ произведеній, частію отъ совершенно постороннихъ побужденій, потому что ученые чаще всего разбирали труды своихъ умершихъ друзей. Вообще мы рано встречаемъ интриги и зависть между римскими литераторами, но за то мы также очень рано находимъ у нихъ слѣды довольно тѣснаго сближенія, которое нерѣдко, въ особенности у поэтовъ, получаетъ даже характеръ корпораций. Такъ напримѣръ Плавтъ принимаетъ живое участіе въ томъ, что его собрать по искусству Невій томится въ заключеніи по приговору триумвировъ за то, что позволилъ себѣ на сценѣ ¹ насмѣшки надъ нѣкоторыми изъ важныхъ государственныхъ саповниковъ. Плавтъ негодуетъ на это и свое негодованіе влагаетъ въ уста эфесскаго старика, одного изъ лицъ комедіи «Хвастливый Воинъ».

«Вотъ онъ строитъ», говоритъ Периплекоменъ, смотря на раба Палестриона, погруженнаго въ свои замыслы, «вотъ онъ строитъ; подперъ подбородокъ рукою, словно колонною. Прочь съ этой постройкой, не правится она мнѣ. Слышалъ я, что такое положеніе принималъ римскій поэтъ, при которомъ безпрестанно было два сторожа ².»

Еще болѣе этихъ наружныхъ изъявленій сочувствія, о внутренней тѣсной связи, существовавшей между немногочисленными въ то время представителями римской литературы, свидѣтельствуетъ то теплое участіе, съ которымъ литераторы слѣдятъ за развитіемъ молодыхъ талантовъ, стараются поощрять ихъ, не отказываютъ имъ въ советѣ и помощи. Когда Теренцій, молодой и неизвѣстный, принесъ свою первую комедію чиновникамъ, на которыхъ лежала обязанность устраивать на играхъ сценическія представленія: его послали узнать о ней мнѣніе комика Цецилія, пользовавшагося въ то время большою славой. Теренцій засталъ Цецилія спокойно расположившимся на софѣ за обѣдомъ. Бѣдно - одѣтому молодому человѣку указали мѣсто на скамьѣ, поодаль отъ хозяина, но нѣсколько первыхъ стиховъ, произнесенныхъ имъ, показали Цецилію, что передъ нимъ равноправный поэтъ. Онъ тотчасъ усадилъ молодого собрата съ собою за столъ, а послѣ обѣда они продолжали чтеніе, которое до конца сопровождалось искренними похвалами чуждаго зависти Цецилія. Прославленный поэтъ Эній

¹ «De graecorum poetarum more» Gell. III, 3 См. Ritschl Parerga zu Plautus und Terenz I, 57.

² По переводу г. Шестакова (Проп. III, отд. 1, стр. 11).

самъ занимался образованіемъ поэтическихъ дарованій своего внука по сестрѣ, живописца Пакувій, который, сдѣлавшись въ послѣдствіи замѣчательнымъ трагикомъ, былъ въ свою очередь руководителемъ младшихъ собратій¹. Когда, удрученный лѣтами и болѣзнію, Пакувій удалился въ Тарентъ, то здѣсь, — конечно желая почтить искусство въ лицѣ его престарѣлаго представителя, — посетилъ его Аттій, тотъ самый, въ произведеніяхъ котораго суждено было римской трагедіи со временемъ достигнуть высшей точки расцвѣта. Аттій нашелъ у Пакувія, который былъ старше его почти на цѣлое полу столѣтіе, самый радушный пріемъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней пользовался его гостепріимствомъ. По просьбѣ хозяина онъ прочелъ ему одну изъ своихъ трагедій, о которой Пакувій высказалъ свое мнѣніе съ отеческимъ участіемъ и вмѣстѣ съ полною откровенностію, стараясь навести талантливаго новичка на настоящую дорогу. Послѣ такихъ фактовъ нѣтъ основаній отрицать², что въ послѣдствіи, именно въ 90-хъ годахъ, тотъ же самый Аттій былъ членомъ почти формально организовавшаго литературнаго клуба, въ которомъ образованные люди собирались читать и обсуживать его новыя произведенія. Изъ того, какъ Аттій держалъ себя въ отношеніи къ другимъ членамъ клуба, видно, что въ это время даровитые поэты уже знали себя цѣну. При входѣ въ собраніе одного важнаго государственнаго сановника, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и драматическій писатель, первый римскій трагикъ никогда не подымался съ мѣста — не изъ пренебреженія къ его общественному положенію, но потому что сознавалъ свое превосходство въ литературной области³.

Была и литературная зависть, и нигдѣ не обнаруживается она съ такою силою, какъ въ безпрестанныхъ выходкахъ одного малоизвѣстнаго комическаго писателя (Лусція Ланувица) противъ Теренція, который въ свою очередь нещадно мститъ ему въ прологахъ своихъ комедій. Неугомонный завистникъ то упрекаетъ Теренція въ литературной кражѣ, то стихи его зоветъ сухою прозою, или наконецъ, истощивъ весь запасъ злословія, провозглашаетъ, что «Теренцій взялся за искусство безъ призванія, надѣясь не на свой талантъ, а на талантъ друзей⁴».

¹ Отрывокъ Варроновой сатиры *divos laetas* по тексту восстановленному Лакманомъ, къ Лукр. V, 679:

Pacvi discipulus dicor, porro is fuit Enni,
Enniū Musarum: Pompilius cluor.

² Какъ дѣлаетъ Бернгардъ Grundriss der röm. Litteraturg., 2-te Bearb., стр. 73. — ученый, съ которымъ недовольно было бы разнорѣчь въ одной частности, не сопровождая своего противорѣчія выраженіемъ благодарности за многое, чему мажнть его сочиненія.

³ Val. Max. III, 7, 11 и Saresber. въ прологѣ къ сочиненію De septem septenis: Opp. V, 209 Giles.

⁴ Прологъ къ комедіи *Neautentimorumenos*.

Кто же были эти друзья? Другіе современные поэты? Такъ надобно было бы ожидать; но на дѣлѣ это были люди изъ высшей римской аристократіи, занимавшіе первыя государственныя должности, каковы Младшій Сципіонъ, принадлежавшій по происхожденію къ знаменитой фамиліи Эмилиевъ, а по праву усыновленія къ немецкему знатному роду Корнелиевъ, и весь блестящій кругъ его друзей и знакомыхъ. Мы остановимся нѣсколько долѣе на этомъ явленіи. Въ то время, какъ литература не могла еще ожидать участія со стороны массы публики, она находила благосклонный пріемъ и покровителей въ кругу просвѣщенныхъ аристократовъ.

Римскіе государственные люди дѣлились въ этомъ отношеніи на двѣ партіи, резко одна другой противоположныя. Одна, строго національная, въ распространеніи греческаго образованія и литературы съ ужасомъ видѣла начало будущаго растлѣнія римскаго духа. Отъ этой партіи выходили тѣ враждебныя образованію распоряженія, о которыхъ мы упомянуть прежде, и многія другія, которыя она проводила съ желѣзнымъ упорствомъ. Но противъ этой партіи выступаетъ благородная половина римской молодежи, которую поражало великое значеніе греческой литературы, и которая, не отрицая доблестныхъ качествъ, составившихъ драгоценное зерно римской народности, сознавала потребность — смягчить его грубую оболочку, украсить и облагородить жизнь изящными духовными наслажденіями. Во главѣ приверженцевъ старины стоялъ Катонъ, совершенный типъ Римлянина — стараго покроя. Онъ не былъ однако совершенный профанъ въ наукахъ и литературѣ, и для своего времени обладалъ даже довольно обширными свѣдѣніями, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ его можно назвать первымъ римскимъ энциклопедистомъ. Но онъ смотрѣлъ на науку съ точки зрѣнія исключительно національной; свои энциклопедическія свѣдѣнія онъ прилагалъ единственно къ жизни и къ различнымъ отраслямъ практической дѣятельности ¹. Какъ характеристическій образецъ его взгляда на вещи и оригинальнаго способа выражаться, мы приведемъ его собственныя слова къ сыну. «Я раскажу, гдѣ слѣдуетъ (говоритъ онъ), что я узналъ отъ этихъ Грековъ, живя въ Афинахъ. Я докажу, что на ихъ литературу можно взглянуть издали, изучать ее отнюдь не годится. Это народъ негодный, несмысленный, и, повѣрь мнѣ, не даромъ пророчать, что они погубятъ насъ своею литературой, особенно, если еще стануть присылать намъ своихъ врачей.» «Греки (прибавляетъ онъ) поклялись извести своими зельями всѣхъ варваровъ, а, чтобы легче обмануть насъ, они берутъ деньги за свое лѣченье.» Здѣсь должно впрочемъ

¹ O. Jahn въ *Berichte der sächs. Gesellsch. der Wissenschaften*, phil.-h. Kl. 1850, 263 — 272.

замечить, что римская публика была задумана уже перенять греческую врачебную, который поселился в Риме передъ началомъ второй пунической войны. Пользуясь сначала покровительствомъ сената и многочисленнымъ стечениемъ пациентовъ, врачъ этотъ съ такимъ отчаяннымъ усердиемъ принялся рызать и жечь, что скоро заставлялъ всѣхъ держаться въ почтительномъ разстояніи отъ себя и отъ своего искусства¹. Суровый отзывъ Катона о Грекахъ находить отголосокъ въ словахъ простаго честнаго помѣщика, Марка Цидерона, внуку котораго впоследствии суждено было сдѣлаться соперникомъ Демосоева и посредникомъ въ знакомствѣ римскаго народа съ идеями греческой философіи. Маркъ Цидеронъ утверждалъ, что Римляне возложи на сирійскихъ невольниковъ: чѣмъ больше кто знаетъ по гречески, тѣмъ выгоднѣе².

При всемъ уваженіи къ этимъ честнымъ и невольничьимъ поборникамъ старшины, нельзя не обвинить ихъ исключительно-патриотическій взглядъ на вещи въ излишней односторонности. Въ самомъ дѣлѣ Сципіонъ, победитель Картагена и Нуманціи, былъ не менѣе доблестный Римлянинъ, и не менѣе свято соблюдалъ онъ коренные обычаи старшины. Въ лагерѣ онъ былъ строгій блюститель дисциплины; какъ цензоръ, въ одной рѣчи къ народу онъ строго увѣщевалъ не изменять древнимъ отеческимъ преданіямъ; въ другой рѣчи онъ горько жалуется на тѣхъ гражданъ, которые ходятъ въ театральныя школы учиться нѣнию, что предки ихъ считали позоромъ для всякаго свободно-рожденнаго человека. Съ особенною силой возстаетъ онъ противъ того, что мальчики и девочки, дѣти свободныхъ родителей, учатся плясать. Онъ говоритъ, что даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы люди изъ хорошихъ семей могли позволять своимъ дѣтямъ — учиться такому искусству; но, посѣтивъ разъ танцевальную школу, увидѣлъ, что ошибался. Греки смотрѣли на этотъ предметъ совсѣмъ другими глазами, но Сципіонъ въ этомъ случаѣ твердо держался національнаго образа мыслей, который нигдѣ не высказался такъ рельефно, какъ въ известномъ выраженіи Цидерона: «ни одинъ трезвый человекъ не станетъ плясать, если онъ только не сошелъ съ ума» Этого довольно, чтобы убѣдиться, что Сципіонъ далеко не былъ поклонникъ греческой моды³. Но это не мѣшало ему любить просвѣщеніе, литературу, философію. Окруженный молодыми людьми однихъ мыслей съ нимъ, изъ самыхъ знаменитыхъ римскихъ семей, онъ былъ въ то же время въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ многими учеными Греками, въ числѣ которыхъ упо-

¹ Plin. N. H. XXIX, c. 7.

² Cic. deorat. II, 66, 265.

³ О Сципіонѣ Appian, Iber. 84 sqq. Meier fragm. p. 180 sqq. Gerlach Hist. Studien 8. 212 ff.

минается знаменитый историкъ и глубокий политикъ Полибій. Римскіе ученые и литераторы также пользовались участіемъ и покровительствомъ Сципіона и его друзей. Этѣмъ-то людямъ — мы опять возвращаемся къ тому обстоятельству, которое заставило насъ сдѣлать это отступление — имъ-то приписываютъ дѣятельное участіе въ комедіяхъ Теренція.

Вотъ какой анекдотъ сохранился объ одномъ изъ членовъ Сципіонова кружка, о Леліи, занимавшемъ въ немъ послѣ Сципіона самое видное мѣсто. Рассказываютъ, что Лелій, живя лѣтомъ въ своемъ помѣстьи при Неаполитанскомъ-заливѣ близъ Поццуоли, былъ однажды позванъ женою обѣдать нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и пріосилъ не мѣшать ему. Наконецъ долго спустя, Лелій вошелъ въ столовую и сказалъ присутствующимъ, что рѣдко удавалось ему писать такъ счастливо, какъ въ этотъ разъ, и когда его попросили сообщить написанное, то онъ прочелъ стихи, которые потомъ появились въ одной комедіи Теренція.

Очевидно, что писатели по немногу становились въ самыя короткія отношенія къ высшему кругу общества. Правда, они проходили много тяжкихъ испытаній, прежде чѣмъ ихъ положеніе дѣлалось сносно. Хуже всѣхъ прашлось Плавту¹. Потерявъ въ неудачныхъ спекуляціяхъ все состояніе, скопленное прежними трудами, онъ возвратился въ Римъ въ крайней бѣдности и, чтобы только не умереть съ голоду, вынужденъ былъ наняться въ работники къ хлѣбопеку, ворочать жернова на ручной мельницѣ. Мукомольня была колыбелью многихъ его комедій, изъ которыхъ ни одна не принесла ему такого богатаго вознагражденія, какъ Теренцію его «Евнухъ». — Эта комедія такъ понравилась публикѣ, что ее поставили въ другой разъ заново на сцену, а авторъ получалъ за это второе представленіе 8000 сестерцій (около 400 руб. сер. на наши деньги)—цѣну до тѣхъ поръ еще не слышанную.

Хозяйство Эннія² также не отличалось богатствомъ, когда онъ поселился въ Римъ. Вся его прислуга состояла изъ одной служанки, хотя онъ никогда не отказывалъ себѣ въ кубкѣ вина, который былъ ему необходимъ для вдохновенія. Послѣ онъ нашелъ покровительство и цѣнителей среди образованныхъ аристократовъ, изъ которыхъ къ нему былъ особенно расположенъ Сципіонъ Старшій. Говорятъ даже, что въ награду за пьесопѣнія, которыми поэтъ прославлялъ подвиги великаго полководца, Сципіоны поставили въ честь его статую въ своемъ семейномъ склепѣ, а по другимъ свидѣтельствамъ онъ былъ похороненъ тамъ. Извѣстіе, будто бы Сципіонъ даже во время походовъ

¹ О Плавтѣ Gell. III, 3. Ritschl L. S. 330 fg.

² Объ Эннии Ritter Z. f. A. 1840. N 46. C. F. Hermann diss. de scriptoribus illustribus quorum tempora Hieronymus ad Eusebii Chronica annotavit (Gött. 1838) p. 4.

былъ окруженъ учеными и художниками, не заслуживаетъ довѣрія, какъ вымыселъ одного изъ позднѣйшихъ поэтовъ¹. Но въ лицѣ его внука по усыновленію дѣйствительно «можетъ быть въ первый разъ въ римскомъ народѣ государственная мудрость соединилась съ глубокимъ смысломъ для просвѣщенія²» — и дѣйствительно онъ бралъ съ собою въ походы историка Полибія и родоскаго философа Панетія, а въ лагерь при Нуманціи дѣлилъ часы досуга въ веселой и остроумной бесѣдѣ съ Делемъ и Луцилемъ, гениальнымъ создателемъ римской сатиры.

Не смотря на то, народъ не умѣлъ еще въ это время воздать должнаго уваженія таланту и умственной дѣятельности. Это лучше всего доказываетъ судьба одной Теренціевой комедіи.

«Мня пьесы», такъ начинается прологъ, произнесенный при второмъ представленіи этой комедіи, «мня піесы — *Свекровь*. Въ первый разъ съ ней случилась неслыханная бѣда: ее не хотѣли знать, и она не была дана на сценѣ; съ такою безумною жадностью народъ спѣшилъ смотрѣть на плясуну канатныхъ.» Какъ же пришла пьеса во второй разъ? Это мы узнаемъ изъ пролога, написаннаго для ея третьяго представленія:

«Въ первомъ дѣйствіи моя пьеса поправилась. Вдругъ пронесся слухъ, что идетъ бой гладіаторовъ! Начинается дѣвка, шумъ; всѣ кричатъ, спорятъ за мѣста, а мнѣ не удалось удержать своего мѣста за собой.»

За тѣмъ слѣдуетъ обращеніе актера, читавшаго прологъ, къ публикѣ съ просьбою, чтобы она, по крайней мѣрѣ хотя въ этотъ разъ, когда нѣтъ повода къ нарушенію тишины, показала, что умѣетъ цѣнить драматическія представленія. А между тѣмъ въ сценическихъ представленіяхъ было еще что посмотреть, и это сообщало имъ нѣкоторую прелесть въ глазахъ толпы, которая вообще, когда ее не отвлекали болѣе грубымъ наслажденіемъ, была довольно хорошо расположена къ театру, и умный драматургъ, при нѣкоторомъ терпѣніи, могъ понемногу пріучить публику понимать даже то, что ей сначала не нравилось.

Дѣйствительно, когда кругъ писателей значительно расширился, когда къ концу республики и еще болѣе въ началѣ имперіи, упали тѣсныя границы, раздѣлявшія представителей различныхъ областей науки и поэзіи, тогда увеличилась и публика; она сдѣлалась болѣе доступною литературнымъ интересамъ, способною къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Съ этимъ нельзя не согласиться, когда мы знаемъ, что въ Цицероново время даже толпа отличалась «вѣрнымъ слухомъ и живымъ чувствомъ гармоніи» и «съ чуткостью почти афинскою

¹ Claudian. de laudib. Stilich. III praef.

² Слова Бергарди стр. 48.

замѣчала даже самый легкій промахъ противъ размѣра и количества слоговъ ¹.» Актеръ, который позволялъ себѣ такія ошибки, могъ быть увѣреннымъ, что его проведать со сцены свистомъ и стукомъ. Гораций рассказываетъ, что если игра актера не согласовалась съ положеніемъ представляемаго имъ лица, то подымался смѣхъ не въ одну только переднихъ рядѣхъ, гдѣ сидѣли богатые и образованные всадники, но и во всемъ театрѣ. Гораций не рѣзъ совѣтуетъ своему ученику не терять изъ виду требованій публики, а въ одномъ мѣстѣ даже называетъ ихъ своими собственными ².

Между тѣмъ самъ Гораций, въ шутку намекая на слова одной освищенной театральнѣй героини, говорить, что съ него довольно одобренія — однихъ всадниковъ ³. Это не должно удивлять насъ, когда въ его время еще нередко случалось, что публика, въ этомъ отношеніи не много измѣнившаяся со времени Теренція, въ срединѣ драматическаго представленія вдругъ начинала волноваться и кричать, чтобы ей показали медвѣжью травлю или бой гладиаторовъ; когда, по собственному выраженію поэта, даже у самыхъ всадниковъ потребность наслажденія перешла изъ ушей въ глаза ⁴. Гораций рассказываетъ, что по цѣлымъ часамъ въ театрѣ смотрѣли на бой гладиаторовъ, на триумфальныя шествія или на жирафовъ и бѣлыхъ слоновъ, — точъ въ точъ какъ иногда въ нашихъ операхъ и балетахъ. Онъ же описываетъ, съ какою шумною радостью народъ встрѣчалъ новыя декорации и великолѣпные костюмы.

Справедливо негодуя на такой упадокъ вкуса въ римской публикѣ, Гораций былъ вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не равнодушенъ къ своимъ литературнымъ успѣхамъ. Въ поэтическомъ восторгѣ ему уже представляется, какъ слава его произведеній «на крыльяхъ пѣсни» разносится по вселенной; онъ видитъ себя въ образѣ лучезарнаго лебедя восхищеннымъ въ свѣтлыя обители Олимпа... и тяжело бываетъ ему возвращаться къ печальной необходимости — со всемъ смиреніемъ угождать публикѣ. «Иногда», говоритъ онъ, «народъ судить вѣрно, а иногда ошибается ⁵.» Въ этомъ случаѣ Гораций, обыкновенно тонкій наблюдатель, выказалъ, кажется, менѣе наблюдательности, нежели Гёте, который въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Штейнъ выразился такъ: «можно быть увѣреннымъ, что эта публика, боготворимая и пренебрегаемая нами, почти всегда ошибается въ сужденіи объ отдѣль-

¹ Слова Беригард и стр. 58.

² Tu quid ego et populus mecum desideret audi A. P. 155. стр. 32', 342.

³ Sat. I, 10, 76 sq.

⁴ Ep. II, 1, 182 sqq.

⁵ Ep. II, 1, 63.

ных частях художественнаго произведенія и почти всегда права въ приговоръ о цѣломъ ¹.» Какъ посвященный служитель Музъ, Гораций съ презрѣнiемъ смотритъ на непосвященную толпу и держится вдали отъ нея ². Онъ считаетъ недостойнымъ себя — задиравать толпу и ея запявалъ, римопоетовъ и грамматистовъ, обыкновенными средствами, т. е. лестью, угощенiями или хоть даже подарками изъ обношеннаго платья ³. За то онъ долженъ былъ долгое время переносить неизвѣстность, и сначала стиховъ его никто не читалъ ⁴, а впоследствии, когда не знать его сдѣвалось уже невозможнымъ, то благодарные читатели, въ четырехъ стѣнахъ признавая всѣ достоинства его произведенiй, старались всячески унижить ихъ въ общественномъ мнѣнiи ⁵. Приобрѣтать популярность публичными чтенiями Гораций также считалъ унижительнымъ. Прежде выдачи въ свѣтъ своихъ произведенiй онъ читалъ ихъ не всѣмъ и не всякому, а только немногимъ избраннымъ друзьямъ, которыхъ мнѣнiемъ онъ дорожилъ болѣе всего ⁶. Это были первые знатоки, лучшiе представители современной литературы — и каждый изъ нихъ былъ достоинъ общества Мецената и Виргилiя, составлявшихъ лучшее украшенiе этого дружескаго ареопага.

Корпоративный элементъ, зародыши котораго мы встрѣтили еще при началѣ римской литературы, достигаетъ полнаго развитiя при Августѣ. Не одна только личная склонность, но и общiе литературные интересы участвуютъ въ образованiи кружковъ между литераторами, въ особенностяхъ между поэтами. Въ этихъ клубахъ соединяются замкнутыми фалангами члены отдѣльныхъ литературныхъ партiй. Тутъ, въ кругу друзей, обыкновенно читались въ первый разъ новыя произведенiя, здѣсь авторъ въ первый разъ вкушалъ сладкое предчувствiе того восторга и удивленiя, которыхъ онъ надвiялся для своихъ произвенiй отъ публики. Въ случаѣ нападенiя съ какой нибудь стороны, все стоятъ за общее дѣло, какъ одинъ человекъ ⁷. Услужливые прiатели часто берутъ на себя трудъ — разболтать о новомъ превосходномъ произведенiи, которое готовится къ нибудь или скоро должно появиться въ свѣтъ, а иногда слишкомъ щедро надѣляютъ другъ друга безсмертiемъ: «отступите, всѣ римскiе поэты,» восклицаетъ Проперцiй, восхищенный Энеидою, «отступите и вы, Греки, — здѣсь готовится нечто выше

¹ 10 Дек. 1781: II, 121 Scholl.

² Carm. III, 1, 1 sq.

³ Ep. I, 19, 37 sq.

⁴ Sat. I, 4, 22 sq.

⁵ Ep. I, 19, 35 sq.

⁶ Sat. I, 4, 23. 73. Ep. I, 20, 4.

⁷ Sat. I, 4, 140 sqq.

Илиады¹. Эту гиперболу впрочемъ еще можно извинить дружескому усердію Проперція, потому что она относится къ произведенію, дѣйствительно замѣчательному, которое должно было послужить къ славѣ римскаго народа и римской литературы; — но, по большей части, не требовалось заслугъ автора Энеиды, чтобы быть превозносимымъ до небесъ друзьями испаннаго калibra. Въ этомъ случаѣ долгъ бываеъ красенъ плателемъ, и если сочинитель элегій сравнивалъ лирика съ величайшимъ лирическимъ поэтомъ Греціи, то этотъ въ свою очередь обязывался отплатить своему другу такою же любезностью, т. е. назвать его, чаще по его же собственному выбору, именемъ одного изъ первыхъ греческихъ элегиковъ и чрезъ это дать ему ходъ въ общественномъ мнѣніи². Такіе жалкіе плоды товарищества должны были внушать отвращеніе истинному поэту, который въ тѣсномъ сближеніи съ своими собратіями видѣлъ возможность соединенными усиліями доставить преобладаніе извѣстнымъ литературнымъ принципамъ, которые руководствовали ими въ литературной критикѣ чужихъ произведеній, и соединяли, какъ внутренняя связь, въ одно цѣлое ихъ собственныя. Такъ Гораций и его друзья, слѣдуя греческимъ образцамъ, старались ввести и въ римскую поэзію ту правильную чистоту во вѣшной отдѣлкѣ и ту оконченность въ разработкѣ содержанія и формы, которыхъ недоставало въ произведеніяхъ римскихъ поэтовъ древняго періода. Оттого такъ строги ихъ приговоры объ этихъ поэтахъ и объ ихъ одностороннихъ цѣнителяхъ того времени, которые хотя также составляли довольно сильную партію, но не могли доставить перевѣсъ славѣ отжившаго поколѣнія въ состязаніи съ живыми представителями новыхъ литературныхъ стремленій³. Имена ихъ едва извѣстны, между тѣмъ какъ новая школа представляетъ собою высшій расцвѣтъ римской поэзіи. Овидій восторженно описываетъ свое вступленіе въ этотъ литературный кругъ, который казался ему собраніемъ боговъ⁴. Онъ, правда, уже не засталъ въ живыхъ Тибулла и могъ только взглянуть на Вергилія, но, кромѣ другихъ, почти не менѣ замѣчательныхъ личностей, его очаровалъ Гораций мастерскимъ чтеніемъ своихъ стиховъ, и онъ скоро сблизился съ Проперціемъ, который, по смерти Тибулла и Галла, былъ признанъ первымъ элегикомъ своего времени. Второе мѣсто послѣ него занялъ самъ Овидій, и подроставшее литературное поколѣніе смотрѣло на него самого съ тѣмъ же почтеніемъ, какое онъ некогда цѣнилъ къ своимъ старшимъ предшественникамъ.

¹ El. III (II), 34, 65 sq.

² Hor. Ep. II, 2, 91 sqq.

³ См. особенно Hor. Sat. I, 4 и 10. Ep. II 1, и A. P.

⁴ Trist. IV, 10, 41 sqq. ср. ex Pont. IV, 16.

Но не на однихъ только чтеніяхъ въ литературныхъ клубахъ можно было узнать мнѣніе своихъ друзей; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе оно высказывалось въ замѣчаніяхъ, которыя ближайшіе друзья автора дѣлали на поляхъ рукописи, сообщавшейся имъ большею частию въ чернѣ и нерѣдко только въ первомъ очеркѣ плана. Такія отношенія нигдѣ не раскрываются такъ ясно, какъ въ дружеской перепискѣ Цицерона съ Помпоніемъ Аттикомъ, который съ огромнымъ богатствомъ соединялъ и просвѣщенный взглядъ знатока и принималъ равно дѣятельное участіе въ коммерческихъ и литературныхъ предпріятіяхъ. Къ его домашнему кружку принадлежало множество отлично образованныхъ людей, сотрудниковъ Аттика въ его обширныхъ литературныхъ спекуляціяхъ, къ числу которыхъ между прочимъ относится изданіе Цицероновскихъ манускриптовъ ¹. Но кромѣ этихъ коммерческихъ отношеній переписка Цицерона съ Аттикомъ представляетъ другіе, гораздо болѣе любопытные интересы. Цицеронъ сообщаетъ Аттику свои авторскіе планы, присылаетъ ему сочиненія, не назначенныя для публѣки, распространяется о самыхъ мелкихъ подробностяхъ касательно экономіи своихъ сочиненій, каковы напримѣръ заглавіе и посвященіе, спрашиваетъ его совѣта о томъ, кого ввести разговаривающимъ лицомъ въ свои діалоги о философіи, часто проситъ его о присылкѣ какой нибудь нужной книги или какой нибудь исторической справки. Аттикъ, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ сколько можно видѣть изъ писемъ Цицерона, которыя одни дошли до насъ изъ этой любопытной переписки, со всевозможною готовностью исполняетъ желанія своего друга, часто вызываетъ его на новые литературные труды, совѣтуетъ ему сдѣлать то или другое измѣненіе въ экономіи сочиненія и другихъ подробностяхъ. Мало того — онъ нерѣдко обращаетъ его вниманіе на географическую или историческую обмолвку и, скажемъ это къ утѣшенію всѣхъ латинистовъ, дѣлаетъ ему даже грамматическія и стилистическія замѣчанія ². Сомнительныя или не совсѣмъ правящіяся мѣста Аттикъ отмѣчалъ краснымъ карандашомъ ³, котораго Цицеронъ, по его собственному шутивому признанію, очень боялся и называлъ своего друга Аристархомъ своихъ рвчей. Еще чаще мы встрѣчаемъ подобныя отношенія во времена имперіи. Вообще римскій принципатъ, при самомъ началѣ своего существованія, долженъ былъ видѣть большую выгоду въ покровительствѣ безвреднымъ литературнымъ занятіямъ. По мѣрѣ того, какъ народъ все болѣе и болѣе устранился отъ участія въ великихъ

¹ Drumann Gesch. Roms V, 68. Schmidt Gesch. d. D. - u. Gl. - fr. S. 120.

² Ad Att. VI, 2, 3. VII, 3, 10 (cp. VI, 9, 1). XIII, 21, 3. XV, 13, 3.

³ Miniata cerula, cerulae miniatulae ibid. XV, 14, 4. XVI, 11, 1. Впрочемъ означались и цвѣт-ки, др 27, XVI, 2, 6. 11, 1.

государственныхъ вопросахъ, новая государственная власть должна была заботиться о томъ, чтобы прискаты для Римлянъ какое нибудь развлеченіе. Дабы занять грубую толпу, нужны были средства грубыя. Потому, если уже республиканскіе чиновники, для достиженія высшихъ государственныхъ мѣстъ, старались спускывать любовь толпы великопными зрѣлищами, то теперь этотъ блескъ сдѣлался еще бѣльшею потребностью. Приведенныя нами жалобы Горація показываютъ, какъ много потерпѣла отъ того сцена ¹. Давно также признано всеми, что, поощряя пантомиму со всеми ея чувственными соблазнами и страстями партій, которая она принесла съ собой, Августъ имѣлъ въ виду не одно только желаніе угодить дружбѣ Мецената къ красивому плясуну, но главнымъ образомъ — глубокіе политическіе расчеты ². И въ самомъ дѣлѣ римскій народъ, нѣкогда распорядившійся почестями и властью въ государствѣ, скоро успѣлъ позабыть обо всемъ, кромѣ «хлѣба и зрѣлища». Болѣе возвышенныя наслажденія понадобились для образованныхъ классовъ общества. По внушенію своего просвѣщеннаго ума и собственной склонности къ изящнымъ наслажденіямъ, Августъ, при содѣйствіи своихъ приближенныхъ, успѣлъ сдѣлать императорскій свой дворъ блестящимъ пріютомъ музъ и сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ замѣчательнѣйшихъ дарованій Рима. Достойный племянникъ великаго дяди, отъ котораго онъ наследовалъ верховную власть, Августъ очень искусно умѣлъ — въ цезарскій лавръ, обвивавшій вѣчною зеленью его императорскій вѣнецъ, вплетать и оливу, и розу, и миртъ. Онъ не разрывалъ вдругъ всѣхъ связей съ преданіями старины, и, постепенно подкапывая старинную жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ старался во всемъ соблюдать паружныя формы старины. Такимъ образомъ для приверженцевъ прежняго государственнаго порядка онъ приготовлялъ возможность честнаго перехода подъ знамя новой имперіи. По крайней мѣрѣ отъ нихъ не требовалось тѣхъ крутыхъ переломовъ, какіе мы встречаемъ у Ларошъ-Жакленовъ и Пасторетовъ, умвующихъ разомъ отрѣзаться отъ всего прошедшаго въ своей собственной жизни и въ исторіи своего народа. Принимая съ отверстыми объятіями тѣхъ, кто охотно подчинялся нововведеніямъ, Августъ умѣлъ отдать должную справедливость и твердому убѣжденію, которое медленно и недоверчиво сближалось съ новымъ государственнымъ порядкомъ. Такой образъ дѣйствія былъ главною причиною того, что всѣ литературныя и политическія знаменитости скоро помирились съ этимъ новымъ порядкомъ и даже полюбили императора и его гостепріимный домъ. Литераторы очень хорошо понимали, что миръ, рукою могущественнаго императо-

¹ Вторая книга «Посланий» писана послѣ 20 г. до Р. X.

² Tacit. Ann. 4, 54. Bernhardy Ann. 179, 231.

ра приготовленный римскому государству, истощенному долгами и кровавыми расправами и еще не успевшему совершенно оправиться отъ нихъ, — что этотъ миръ обѣщаетъ и имъ болѣе досуга для мирныхъ литературныхъ занятій, а ихъ произведеніямъ болѣе вниманія со стороны публики. Правда, что крайнее напряженіе политическихъ страстей въ последнее время, возвело искусство краснорѣчія на высокую степень совершенства; правда, что великія событія отразились въ блестящихъ успѣхахъ историческаго искусства: но если два великихъ мужа этой эпохи — одинъ великій ораторъ, другой великій историкъ и вмѣстѣ величайшій политическій характеръ своего времени, — если Цицеронъ и Цезарь иногда касались лиры, то потомство объ этихъ незаконныхъ порожденіяхъ ихъ прихоти можетъ сказать только то, что Цезарь, какъ поэтъ, не выше, но счастливѣе Цицерона, потому что его произведенія менѣе извѣстны. А подѣ покровомъ имперіи поэзія и свободныя науки не только получаютъ покровительство и щедрое поощреніе, но въ лицѣ самого императора и въ кругу его придворныхъ находятъ вкусъ и просвѣщенную оцѣнку и въ своихъ знатныхъ покровителяхъ встрѣчаютъ дилетантовъ, повимающихъ двло. и собесѣдниковъ чуждыхъ чопорнаго чванства.

Исторія не знаетъ другаго временищика, который бы любилъ литературу и литераторовъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ Меценатъ. Имя его вполне заслуживаетъ быть почетнымъ эпитетомъ для всѣхъ великодушныхъ покровителей наукъ и искусствъ. Если его можно отчасти упрекнуть въ изнѣженности, если его царственный другъ не безъ причины подсмѣивался надъ нимъ, называя его нѣсколько вычурный слогъ распомаженнымъ и убраннымъ въ кудри ¹, то это нѣсколько не можетъ уменьшить въ нашихъ глазахъ великихъ заслугъ Мецената. Отъ природы одаренный вѣрнымъ чувствомъ изящнаго, онъ понялъ значеніе новой литературной школы, не щадилъ своихъ частныхъ средствъ для поощренія ея лучшихъ представителей, обращалъ на нихъ вниманіе Августа, доставлялъ имъ возможность счастливаго и не смущеннаго житейскими заботами досуга и такимъ образомъ ускорила расцвѣтъ лучшихъ цвѣтовъ римской поэзіи. Чувствительный, дѣвически-нѣжный Вергилій и Варій, превосходный эпикъ и трагикъ, были съ нимъ на самой короткой ногѣ. Такая же дружба соединяла эти двѣ замѣчательныя личности между собою — Варій былъ одинъ изъ двухъ друзей, которымъ Вергилій, умирая, поручилъ изданіе своей Энеиды — и въ такихъ же почти отношеніяхъ она находилась и къ Августу. Варій, какъ старый партизанъ цезаря, не могъ не любить Августа, который умѣлъ награждать

¹ *«мнроврехѣтѣ cincinni Suet. Aug. 86. calamistri Maecenatis Tac. dial. 26. Ср. особенно Sen. ep. 114 и кромѣ того 19. 22. 101. Macr. Sat. II, 4, 12.*

его привязанность. За одну трагедію, игранную въ день торжественнаго въезда Октавіана въ Римъ послѣ победы при Акціумѣ, Варій получилъ отъ него въ подарокъ миллионъ сестерцій, т. е. около 50,000 р. с.¹ Виргилій, не связанный съ прошедшимъ никакими политическими убѣжденіями, также могъ свободно обратиться къ кроткамъ для него и благотворнымъ лучамъ новаго светила. Не таково было положеніе Горациіа. Онъ покинулъ Аѳины, покинулъ любимыя занятія, чтобы сражаться подъ знаменами Брута — въ послѣдней рѣшительной борьбѣ за погибавшую республику. Послѣ несчастной битвы при Филиппи онъ возвратился въ Римъ. Первые литературныя попытки обратили на него вниманіе коринѳеевъ новой литературной школы. Онъ скоро сблизился съ Виргиліемъ и Варіемъ; они представили его Меценату. Поэтъ откровенно расказалъ ему все свое прошедшее — но Меценатъ былъ на этотъ разъ почему-то очень неразговорчивъ. Казалось, онъ потомъ совсѣмъ забылъ о Горациіа, какъ вдругъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этого перваго свиданія онъ совершенно неожиданно приглашаетъ его къ себѣ и равняетъ съ своими давнишними друзьями². Его щедрости обязавъ Горациіа своимъ независимымъ положеніемъ и возможностью — вполне наслаждаться поэтическимъ досугомъ и незатѣйливымъ комфортомъ сельской жизни въ своемъ помѣстьѣ, съ которымъ онъ разстался очень неохотно даже на вызовы самого Мецената. Нельзя думать, что участіе Мецената къ Горациіа было основано на одномъ только желаніи — имѣть у себя за столомъ или въ гостиной однимъ умнымъ собесѣдникомъ болѣе. Это видно изъ того, что Горациіа, не смотря на всѣ благодѣянія Мецената, не боялся отклонять отъ себя вниманія своего покровителя, когда оно становилось стѣснительнымъ. Горациіа не разъ высказывалъ самому Меценату и другимъ лицамъ, что онъ нигдѣ не чувствуетъ себя счастливымъ, какъ въ невозможномъ, созерцательномъ безмятежии сельской жизни, что онъ никогда не рѣшится, да и другимъ не советуетъ жертвовать своею независимостью для милости вельможъ³. Точно также держалъ себя Горациіа и съ Августомъ, котораго отношенія къ нему почти напоминаютъ манеры робкаго влюбленнаго передъ непреступною красавицей. Августъ цѣнилъ поэтическія дарованія и другія достоинства Горациіа. Онъ часто указывалъ ему темы для стихотвореній, содѣйствовалъ ихъ изданію въ свѣтъ, часто дѣлалъ ему значительныя подарки и, желая совершенно прива-

¹ Weichert de L. Varii et Cassii Parm. vita et carm. p. 33 sqq. 72. Harbertie въ cod. imp. (тогда regius) 7370, сообщенное у Quicherat bibl. de l'école des chartes (Paris 18⁹⁰/40), 52. ср. Schneidewin Rhein. Mus. NF, 1842, 106 sqq. и Leutsch тамъ же 111, прим.

² Горациіа самъ расказываетъ объ этомъ Sat. I, 8, 52 sqq.

³ См. особенно первую книгу «Посланій».

зять его къ себѣ, хотѣлъ даже сдѣлать его своимъ кабинетнымъ секретаремъ. Гораций, извиняясь разстроеннымъ здоровьемъ, отказался отъ этого почетнаго предложенія — и повелитель полвселенной не разсердился на то, но продолжалъ по прежнему писать ему самыя ласковыя письма, въ которыхъ просить обращаться къ его дружескому расположенію такъ же смѣло, какъ если бы Гораций принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ къ нему лицъ, и увѣряетъ его, что не хочетъ платить высокою цѣною за его гордый отказъ. «Знай, что я на тебя сержусь», пишетъ онъ ему однажды, не найдя въ книгѣ изъ двадцати стихотворныхъ посланій ни одного обращеннаго къ себѣ, «знай, что я на тебя сержусь за то, что въ большей части своихъ посланій ты избегаешь обращаться ко мнѣ. Ужь не стыдишься ли ты у потомства прослыть моимъ другомъ ?» Такимъ образомъ Гораций умѣлъ поддержать свое достоинство даже въ отношеніяхъ съ императоромъ. Что онъ не остался до конца вѣрноп своимъ прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ, что онъ скоро призналъ *fait accompli* Августова господства и подъ чашъ пѣлъ даже похвалы властителю — все это, при нѣкоторомъ снисхожденіи къ человѣческой слабости и особенно если принять въ расчетъ обстоятельства времени — все это можно если не оправдать, то по крайней мѣрѣ объяснить ². Съ другой стороны обхожденіе Августа, рассчитанное и въ высшей степени деликатное, заслуживаетъ нашей полной похвалы.

Вообще никто лучше Августа не умѣлъ пользоваться людскими маленькими слабостями, никто лучше его не умѣлъ похвалить человѣческому тщеславію. Не лестно ли было напримѣръ для всей пишущей братіи, когда самъ императоръ являлся при чтеніи всѣхъ новыхъ литературныхъ произведеній поэтическаго или историческаго содержанія, а равно рѣчей и діалоговъ, внимательнымъ и — мимоходомъ прибавляетъ Светоній ³, которому мы обязаны этимъ извѣстіемъ — терпеливымъ слушателемъ ?

И прежде водилось у авторовъ до отдачи въ свѣтъ своихъ произведеній — сообщать ихъ въ рукописи своимъ друзьямъ или извѣстнымъ литературнымъ знатокамъ. Иногда они читались въ небольшихъ дружескихъ кружкахъ ⁴. Но когда великіе интересы практической дѣятельности по немногу перешли на второй планъ, то очнь естественно, что вниманіе образованнаго общества исключительно обратилось къ вопросамъ умственной и литературной дѣятельности. А средствомъ со-

¹ Suet. VII. Notat.

² Вѣрное слово объ этомъ сказано Лёббедемъ въ Raumer's Hist. Taschenb. V, 238.

³ Aug. 89. Онъ самъ читалъ прозаическія сочиненія свои предъ небольшимъ кружкомъ друзей, *ibid.* 85.

⁴ См. напр. Cic. ad Att. XVI, 2, 6. ср. *ib.* 3, 1.

общенія между пишущимъ людомъ и обществомъ служили публичныхъ чтенія.

Азиній Поліонъ, человекъ замѣчательныхъ дарованій и независимаго характера, основатель первой публичной библиотекы въ Римѣ, первый ввелъ въ обыкновеніе сзывать слушателей формальными приглашеніями. Азиній былъ чрезвычайно строгъ въ литературной критикѣ и страшно самолюбивъ ¹. Однажды онъ былъ позванъ въ домъ къ одному знатному и известному по своимъ ораторскимъ дарованіямъ любителю литературы, — позванъ слушать новое поэтическое произведеніе. Когда поэтъ (Sextilius Neps) произнесъ первый стихъ, начинавшійся словами:

«Плачьте объ Цицеронѣ! Языкъ Рима онѣмѣлъ...»

Азиній обидѣлся. «Ты можешь позволять у себя въ домъ все, что тебѣ угодно, но я не желаю слушать человека, которому я кажусь гнѣмымъ» — сказалъ онъ съ досадою хозяину, потомъ всталъ и ушелъ изъ собранія ².

Иногда авторъ публично объявлялъ объ своихъ чтеніяхъ; тогда онъ конечно не могъ располагать выборомъ слушателей ³. Но кто рассылалъ именныя приглашенія, тотъ долженъ былъ очень остерегаться, чтобы какъ не зазвать людей, которые неумѣстною шуткой или злою эпиграммой могутъ повредить успѣху литературнаго собранія, стоившаго иногда столькихъ хлопотъ и приготовленій. Плинію рассказываетъ такой случай объ одномъ элегическомъ поэтѣ ⁴. Этотъ поэтъ пригласилъ къ себѣ на чтеніе известнаго правовѣда Яволена Приска, который очень любилъ его, но имѣлъ несчастье быть страшно разсеяннымъ. Приступая къ чтенію, поэтъ съ приличной важностію произнесъ:

«Прискъ! тебѣ угодно...»

«Мнѣ ничего не угодно» раздался вдругъ голосъ Приска, который между тѣмъ успѣлъ замечаться и позабыть о всемъ окружающемъ, и вдругъ такъ не кстати очнулся, услыхавъ свое имя. Послѣ этого бѣдный поэтъ не могъ уже вполнѣ овладѣть вниманіемъ своихъ слушателей. Еще хуже пришлось другому поэту, о которомъ рассказываетъ

¹ «Iniquus optimorum Latinitatis auctorum censor». См. о немъ Lachmannъ въ Лукр. 1, 515. Thorbecke de C. Asinii Pollionis vita et studiis doctrinae. Никакого достоинства не имѣетъ разсужденіе: Ueber Pölie von Clemens, Lemgo 1842. О библиотекѣ: Plin. К. Н VII, 31, 115. XXXV, 2, 10. Isid. Orig. VI, 5, 2. О приглашеніяхъ M. Sen. praef. exc. controv. I. IV, p. 419 Zweibr.

² Historiogr. de Cic. elog. при M. Sen. suas. VI.

³ «Populum advocare» въ противоположность къ certis electisque напр. у Плинія ep. VII, 17. О публичныхъ чтеніяхъ Hor. Sat. I, 4, 74 sqq. Ep. I, 19, 41 sq.

⁴ Passenus (см. Naupf. Berichte d. sächs. Ges. d. Wiss., ph.-h. Kl., 1849, 263) Paulus, Plin. ep. VI, 15.

Сенека ¹. Онъ читалъ новое произведеніе и едва успѣлъ кончить, какъ одинъ изъ присутствующихъ всталъ, громко объявилъ прочтенное стихотвореніе своею собственностію и въ доказательство повторилъ его безъ запинки наизусть отъ перваго стиха до послѣдняго. Бѣдный авторъ, не обладавшій такою прекрасною памятью, не могъ сдѣлать этого и такимъ образомъ не только лишился ожидаемыхъ рукоплесканій, но еще подѣрнулся цареканію за присвоеніе чужой собственности. Въ этомъ отношеніи литераторъ, читая въ публичномъ собраніи, и риторъ, декламируя въ своей аудиторіи, должны были равно остерегаться, по крайней мѣрѣ въ первое время, когда на эти чтенія собиралась внимательная и даже нѣсколько придирчивая публика, которая никогда не отказывала себѣ въ удовольствіи — вырвать краденый цвѣтокъ изъ лавроваго вѣнка поэта или ратора. Но потомъ обстоятельства измѣнились; публика пресытилась. Тогда, пользуясь равнодушіемъ слушателей, сдѣлалось можно вставлять безнаказанно въ свои сочиненія цѣлыя мѣста изъ славныхъ ораторовъ — и Марціалъ не разъ жалуется на людей, которые выдаютъ его стихи за свои собственные ². Съ увеличеніемъ числа блудъ все болѣе и болѣе притуплялся аппетитъ публики: она становилась, правда, требовательнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе привязывалась къ той вычурной, переполненной антитезъ и общихъ мѣстъ манерѣ, которую ввели въ моду риторы. Изъ нихъ нѣкоторые пользовались неограниченнымъ уваженіемъ своихъ учениковъ, доходившимъ иногда до самыхъ смѣшныхъ крайностей. Такъ напримѣръ ученики затверживали наизусть рѣчи своихъ наставниковъ, а изъ Цицероновыхъ читали только тѣ, противъ которыхъ ихъ учитель писалъ возраженія ³. Изъ словъ Плинія, приведенныхъ нами въ началѣ, можно видѣть, до какой степени охладѣло участіе публики къ литературѣ. Это описаніе относится собственно къ поэтическимъ чтеніямъ, но такое же печальное зрѣлище представляли въ это время и аудиторіи раторовъ. Когда риторъ кончалъ вступленіе, слушатели расходились, къ заключенію собирались опять, а средину слушалъ только тотъ, кто по чему нибудь не могъ уйти ⁴.

И отъ какихъ ничтожныхъ, совершенно постороннихъ обстоятельствъ зависмо иногда участіе публики, которая скоро стала искать въ литературныхъ чтеніяхъ не серьезнаго занятія для ума и сердца, а средства разсвѣтъ скуку! Не къ однимъ только философамъ можно отнести

¹ Praef. contr. I, p. 66. Подобныя же приключенія contr. I, 2, p. 91 и III, p. 399.

² Epigr. I, 29. 38. 52. 53. 68. 72. Ср. II, 20. X, 102. О чтеніяхъ раторовъ много свѣдѣній въ *Suasoria M. Senecae*.

³ M. Sen. exc. contr. I, III praef. p. 369 о Цестіи.

⁴ M. Sen. exc. contr. III, p. 368.

жалобу Луція Сенеки ¹, что объ нихъ вспоминають лишь въ такіе дни, когда идетъ дождь или нѣтъ никакихъ зрѣлищъ.

Но нечего было дѣлать: кто хотѣлъ пріобрѣсти литературную извѣстность, составить себѣ имя, тотъ долженъ былъ прибѣгать къ публичнымъ чтеніямъ. Если онъ не принадлежалъ къ числу богатыхъ сочинителей, которые могли располагать для этого своимъ собственнымъ домомъ, то онъ долженъ былъ выпросить у богатаго покровителя или нанять за деньги залу, снабдить ее всѣмъ нужнымъ и взять на прокатъ скамьи для слушателей. Между тѣмъ какъ онъ заботился о раздачѣ программъ, разсылая приглашенія, дѣлалъ визиты, чтобы залучить побольше слушателей, — у него уже трещала голова при мысли о безчисленномъ множествѣ чтеній, которыя онъ, по долгу вѣжливости, осуждался выслушать у лицъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ его собственное чтеніе. Особенно несносны бывали въ этомъ отношеніи дилетанты: приглашая бѣднаго писателя обѣдать, они даже во время стола не давали ему покоя своими стихами.

Наконецъ наступалъ день, когда авторъ долженъ былъ представить на судъ публики свой трудъ, — трудъ, которому онъ посвящалъ дни и большую часть ночей въ продолженіе можетъ-быть цѣлаго года затворнической жизни. Въ этотъ роковой день онъ долженъ былъ позаботиться и объ своей наружности. Заучивъ напередъ всѣ измѣненія голоса, придавъ ему томную мягкость, въ новомъ платьѣ бѣлаго цвѣта, тщательно завитый и непременно съ драгоценнымъ перстнемъ — иногда, смотря по обстоятельствамъ, занятымъ у пріятеля, — вступалъ онъ на приготовленное въ залѣ возвышеніе. Поэтъ могъ читать сидя, между тѣмъ какъ декламаторы и судейскіе риторы обыкновенно читали стоя. Хорошо, если онъ успѣлъ собрать многочисленную и благосклонную публику; счастливъ онъ, когда слушатели обнаруживали сочувствіе, если не громкими рукоплесканіями, то по крайней мѣрѣ вниманіемъ и сохраненіемъ тишины; но счастливы и слушатели, когда они не попадались на истязаніе плохому автору или, что еще хуже, плохому чтецу, въ родѣ того, къ которому Марціалъ обращается съ такими словами:

Ты хочешь намъ стихи читать и въ шерсть закутагъ свою шею.

Любезный другъ, скорѣй нужна намъ слушателямъ въ уши шерсть ².

Къ сожалѣнію сочинители, для полученія рукоплесканій, не считали ни одного средства слишкомъ низкимъ. Судейскіе ораторы употребляли

¹ Qu. nat. VII, 32: Quis philosophiam aut ullum liberale respicit studium, nisi cum ludi interscantur, cum pluvias aliquis intervenit dies, quom perdere libet?

² III, 41.

ли для этого наемныхъ хлопальщиковъ, съ которыми, безъ всякаго стыда, ридились въ самый судъ за три денарія на человека. Эти хлопальщики, не понимая и не слушая даже, о чемъ идетъ рѣчь, подымали оглушительныя рукоплесканія по знаку одного изъ нихъ, который былъ дирижеромъ цѣлой артели. Но и не подкупленные слушатели должны были, хотя бы только изъ вѣжливости, обнаруживать свое сочувствіе языкомъ и руками, а иногда даже вставать съ мѣста. Плиній резко порицаетъ несоблюденіе этихъ правилъ вѣжливости, въ которыхъ онъ могъ служить образцомъ. Будучи писателемъ, онъ являлся почти на всѣхъ литературныхъ собраніяхъ, хотя бы и не имѣлъ намеренія самъ читать — дабы не подумали, что онъ ходитъ не изъ любознательности, а для того только, чтобы запастись слушателями для своихъ собственныхъ чтеній. Онъ самъ рассказываетъ, какъ онъ послѣ одного чтенія подошелъ къ молодому автору, обнялъ его, расхвалилъ, советовалъ ему продолжать начатый путь. При этомъ присутствовало семейство молодого поэта: его мать и родной братъ. Последний особенно обратилъ на себя общее вниманіе, не переставая во все продолженіе чтенія обнаруживать сначала тревожное, а потомъ радостное участіе. И къ нему Плиній обратился съ поздравленіями, а, возвратясь домой, написалъ объ этомъ маленькомъ происшествіи прекрасное письмо, которое далеко разнесло извѣстіе о первомъ успѣхѣ молодого поэта. Каждое чтеніе составляло событіе въ известномъ литературномъ кружкѣ и нѣсколько дней служило темой для толковъ. Прочтенный манускриптъ являлся потомъ во множествѣ списковъ у какого нибудь книгопродавца. Если сочиненіе нравилось публикѣ и было не очень велико — толстыхъ книгъ не любили — то оно находило охотниковъ и покупателей; а неудачныя произведенія, застоившіяся у продавца, поступали обыкновенно въ народные школы, гдѣ по нимъ учились читать и писать, или въ мелочныя лавки на завертку, — если только книгопровицу не удавалось сбыть ихъ въ провинцію.

Провинціальная книжная торговля вообще много содѣйствовала распространенію славы писателей далеко за предѣлы Рима и Италіи. Такъ напримѣръ известно, что одинъ житель Кадикса нарочно прѣзжалъ въ Римъ, для того только, чтобы видѣть Ливія, и, исполнивъ это желаніе, тотчасъ возвратился въ свой родной городъ. Впрочемъ и въ Римѣ въ эпоху Августа высоко цѣнили гениальныхъ людей. Римская публика ходила слушать зятя Ливіева, не для него самого, а изъ уваженія къ его знаменитому тестю. Когда въ театрѣ были разъ прочтены стихи Виргилія, то всѣ зрители встали съ мѣстъ, и замѣтивъ присутствіе поэта оказали ему почестъ наравнѣ съ императоромъ. Уваженіе къ личности великихъ писателей доказывается и тѣмъ, что введенный Азиніемъ Поліономъ обычай — украшать ихъ бюстами бібліотеки, скоро

былъ принятъ во всѣхъ римскихъ домахъ. А Виргилія ожидала еще высшая честь: его изображеніе, изгнанное было изъ библиотекъ сумасшедшимъ Калигулой, при другомъ императорѣ удостоилось почти божескихъ почестей¹.

Это случилось именно при Александрѣ Северѣ въ первой половинѣ III-го столѣтія по Р. Х. Изъ двухъ храмовъ, находившихся при императорскомъ дворцѣ, Северъ назначилъ одинъ для поклоненія богамъ, на ряду съ которыми поставилъ бюстъ Александра Великаго, считая его какъ бы своимъ особеннымъ покровителемъ (Александръ Северъ родился въ храмъ, посвященномъ Александру Великому и въ честь его получилъ свое имя). Другой храмъ былъ посвященъ геніальности и добродѣтели. Здѣсь рядомъ съ образцами высокой доблести и царственныхъ добродѣтелей находились изображенія мужей, прославившихся чистотою нравственнаго ученія и добродѣтельною жизнію². Здѣсь же стояли бюсты Цицерона и Виргилія, котораго Александръ называлъ Платономъ между поэтами.

И въ другихъ отношеніяхъ Александръ Северъ показалъ себя покровителемъ литературы и писателей. Но это былъ только одинъ изъ немногихъ проблесковъ среди наступавшихъ сумерекъ римской жизни. Мы не будемъ останавливаться на этой печальной эпохѣ постепеннаго разложенія всего, что было выработано прошедшимъ въ различныхъ сферахъ умственнаго развитія.

Обратимся лучше къ темъ болѣе привлекательной и постараемся бросить хотя бѣглый взглядъ на прекрасную половину писавшаго и читавшаго Рима.

Во времена святой старины дѣятельность Римлянки, чуждая суетности, сосредоточивалась около домашняго очага. На римской женщинѣ лежала забота о хозяйствѣ и о воспитаніи дѣтей, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго возраста. Но римская матрона благороднаго происхожденія, не смотря на то, что она часто не умѣла ни читать, ни писать, не смотря на тѣсный кругъ ея скромной дѣятельности, тѣмъ не менѣе оказывала не малую услугу литературѣ, ибо сохраняла языкъ въ неизмѣнной чистотѣ изустнаго преданія; сидя у нея на рукахъ, играя вокругъ нея, его затверживали на всю жизнь ея дѣти и внуки³. Корнелія, благородная мать Гракховъ, которая умѣла дать своимъ сыновьямъ самое

¹ Suet. Calig. 34. Ael. Lampr. Alex. Sev. 31.

² Lampr. ib. 45.

³ Cic. de or. III 12. 45. Brut. 58. 211. Domestica consuetudo: Bernhardt у Ann. 38

блестящее воспитаніе, письма которой заставляли удивляться величайшаго мастера писать по латыни ¹, положила начало непосредственному, хотя конечно болѣе страдательному, нежели дѣятельному сближенію римскихъ женщинъ съ литературой. Говорю болѣе страдательному, имѣя въ виду большинство случаевъ, хотя сохранились нѣкоторые слѣды и производительной дѣятельности римскихъ женщинъ на литературномъ поприщѣ. Не станемъ говорить о безнравственной сообщницѣ Катилины Семпроніи, не смотря на ея многостороннее образованіе и довольно замѣчательный поэтический талантъ ²: она выходитъ изъ круга женственности. Но, когда двадцать лѣтъ спустя триумвиры обложили римскихъ матронъ тяжкою податью, и ни одинъ мужчина не смѣлъ возвысить голосъ въ ихъ защиту, тогда наследница великаго имени, дочь знаменитаго оратора Квинта Гортензіи явилась передъ сенатомъ заступницей женщинъ и отстояла ихъ дѣло такъ успешно, что рѣчь ея, полную силы и энергіи, читали еще цѣлое столѣтіе спустя — и притомъ не изъ одного только уваженія къ полу автора ³. Между сочиненіями Тибулла ⁴ также сохранился, если вѣрить некоторымъ признакамъ, образецъ дамской поэзіи въ трехъ или четырехъ любовныхъ запискахъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, что заставляетъ приписывать ихъ дамской ручкѣ: скажемъ только, что проникательный взглядъ издателя Рейнскаго Альманаха (Rhein. Museen-Almanach), на страницахъ котораго мы такъ часто встречаемъ женскія имена, открылъ въ нихъ признаки «дамской латыни» ⁵.

Гораздо серьезнѣе настроена позднѣйшая соименица той Сулпиціи, которой принадлежать эти письма. До насъ дошла ея жалоба въ стихахъ на печальное состояніе римскаго общества въ правленіе Домиціана ⁶; кромѣ того она посвятила семейному счастью и святой супружеской любви нѣсколько пѣснопѣвій, которыя Марціалъ ⁷ особенно советуетъ читать дѣвицамъ и мужьямъ. Для чтенія благовоспитаннаго

¹ Cic. Brut. 27, 104; 58, 211, см. Mercklin de Corneliae P. F. Graechorum matris vita moribus et epp. comm. Dorpati 1844. 8. Сохранившіеся отрывки изъ писемъ Корнеліи «ex libro Corneliae Nepotis de Latinis historicis excerpta» не могутъ быть подлинными.

² Sall. Cat. 25.

³ Val. Max. VIII. 3, 3. Quint. 1, 1, 6.

⁴ IV, 8—12.

⁵ Gr u ppe die römische Elegie I, 48 fgg. «Вникнувъ нѣсколько глубже, критикъ скоро отличить здѣсь женскую латынь, которая не выдерживаетъ строгаго грамматическаго разбора. Лишенная искусственнаго или рассчитаннаго краснорѣчія, она находится простая и естественная выраженія для обычныхъ представленій, а тамъ, гдѣ мысль нѣсколько возвышается, прибѣгаетъ къ вольной конструкціи по смыслу (constructio ad sensum).»

⁶ Срав. сомнѣнія по этому поводу у Bernhardt у прим. 472.

⁷ X, 35 срав. 38. Wernsdorff poet. lat. min. III, LX слл.

юношества обоихъ половъ онъ тоже рекомендуетъ еще другаго поэта ¹, благоразумно умалчивая о своихъ собственныхъ произведеніяхъ. Онъ очень хорошо зналъ, что ему не скажутъ спасибо ² ни одна порядочная дама, которой попадутся въ руки его эпиграммы — хотя впрочемъ находились читательницы и по немъ ³.

Нужно ли говорить, что у каждой изъ любительницъ чтенія между римскими дамами былъ свой любимый авторъ ⁴? — Но нельзя не упомянуть о томъ, что даже и въ древности водились синіе чулки. Марциалъ ⁵ въ числѣ своихъ завѣтныхъ желаній полагаетъ не слишкомъ ученую жену, а Ювеналъ ⁶ даже того мнѣнія, что жена, которая придерживается чарки, не такъ несносна, какъ та, которая — не успѣешь съѣсть за столъ — тотчасъ заводитъ литературно-критическую бесѣду, начинаетъ хвалить Виргилія, сравниваетъ его съ Гомеромъ, разбираетъ достоинства того и другаго, трещитъ какъ колокольчикъ и не дастъ другому слова вымолвить. «Вмѣсто Гомера, Виргилія», замѣчаетъ одинъ новѣйшій комментаторъ ⁷, на которомъ пускай и будетъ вся отвѣтственность, «поставьте Гёте и Шиллера, и все это можно будетъ какъ нельзя лучше приложить къ нашимъ современнымъ дамамъ.»

«Не нуженъ стиль», восклицаетъ Ювеналъ ⁸, обращаясь къ этимъ ученымъ женскаго пола, «не нуженъ стиль для женщины, не нужно, чтобъ она умѣла въ закругленныхъ фразахъ сплестать хитрымъ умничаньемъ парадоксы. Не нужно знать ей всѣ бытописанья; пусть лучше кое-чего въ книгахъ она и не пойметъ. Терпеть я не могу женщины, которая съ утра до ночи возится съ грамматикой и правилами, боясь, чтобъ какъ не ошибиться противъ законовъ рѣчи, набила себѣ голову стихами, какихъ и я не слыхивалъ, и ссорится съ подругой за такія выраженія, въ которыхъ и мужчина ошибки не примѣтитъ.» Какой контрастъ между этими смѣшными притязаніями на ученость и простодушнымъ благоговѣніемъ жены Плинія Младшаго передъ мужемъ ⁹. Оно получаетъ тѣмъ болѣшую цѣну въ глазахъ нашихъ, что она сдѣлалась его женою въ цвѣтущей молодости, между тѣмъ какъ онъ былъ уже въ лѣтахъ ¹⁰. Изъ любви къ мужу, она стала сама усердною почита-

¹ Sesonius см. III, 69. О дамскомъ чтеніи послѣ Овидія см. Bernhady Ann. 190.

² X, 64.

³ Указаніе на то, къ какому классу общества онѣ принадлежали III, 69, 5 sq. Сюда же идетъ IV, 81. — конечно не «*casta puella*» въ городѣ Віеннѣ VII, 88, 4. Однакожъ «*huc est usque tibi scriptus, matrona, libellus*» III, 68, 1 и часто другія подобныя выраженія см. Teuffel въ Paulys Realencycl. IV, 1643.

⁴ См. напр. выраженіе «*tuus vates*» Mart. X, 64, 3. къ Подлѣ.

⁵ II, 90, 9. сравни XI, 19, 57.

⁶ Juv. VI, 454 sqq.

⁷ Heinrich II, стр. 290 его изданія.

⁸ V, 448 sq.

⁹ Plinii epp. IV, 19.

¹⁰ «*Non enim aetatem aut corpus diligit, quae peulatum occidunt ac senescunt, sed gloriam diligit.*»

тельницей литературы; у нея было полное собраніе его сочиненій; она ихъ читала, перечитывала и учила даже наизусть. Она пѣла пѣсни, сочиненныя ея мужемъ, которыя сама положила на музыку, не руководимая ни кѣмъ, кромѣ любви, этого лучшаго учителя, какъ прибавляетъ самъ Плиній. Съ восторженнымъ участіемъ слѣдила она за всѣми его рѣчами и чтеніями, во время которыхъ она садилась какъ можно ближе къ кафедрѣ и здѣсь скрытая за занавѣсью, съ упоеніемъ прислушивалась къ похваламъ и рукоплесканіямъ, которыя раздавались въ честь ея мужа. Для ея любви самое долгое изъ этихъ чтеній, отнимавшее нерѣдко лучшіе часы дня ¹ или даже нѣсколько дней сряду, ² не казалось слишкомъ утомительнымъ.

Трогательный примѣръ внимательности и терпѣнія, за которымъ впрочемъ я прошу моихъ слушательницъ не видѣть никакой задней мысли съ моей стороны. Я привожу его съ добрымъ намѣреніемъ въ время кончить мое чтеніе.

¹ Mart. X. 70. 10. «Auditus tota saepe poëta die». Juv. I, 4. «impune diem consumpserit ingens Telephus».

² Plin. еpp. III, 48. IV, 3. VII, 21 о двухдневныхъ чтеніяхъ. «Declamatio per triduum» M. Sen. controv. II. 42. p. 171.

ПОРТРЕТНОМЪ ИСКУССТВЪ У ДРЕВНИХЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЛЕКЦІЙ РАУЛЬ-РОШЕТТА, СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
К. К. ГЕРЦА.

Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ, въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ вмѣстѣ съ господствовавшюю тогда страстью къ классической древности, съ восторженнымъ уваженіемъ къ произведеніямъ ея писателей и дѣланіемъ ея великихъ людей, родилось и весьма естественное желаніе обладать портретами этихъ великихъ геніевъ. Съ тѣмъ же рвеніемъ, съ которымъ отыскивали и собирали греческія и латинскія рукописи, стали отыскивать и собирать портреты древнихъ знаменитыхъ мужей, составлять изъ нихъ коллекціи и издавать эти новооткрытыя сокровища. За неимѣніемъ подлинныхъ, иногда выдумывали недостающіе портреты, напр. Сципіона, Аристотеля и Платона. Уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтія начали появляться въ свѣтъ многочисленные сборники портретовъ римскихъ императоровъ и славныхъ мужей Греціи и Рима, снятыхъ съ извѣстныхъ тогда художественныхъ памятниковъ древности, но всѣ эти сборники превзошло своимъ умнымъ выборомъ и полнотою собраніе Фульвія Урсина или, произнося по итальянски, Орсини. Этотъ извѣстный ученый, жившій въ половинѣ XVI-го вѣка, всю жизнь свою собиралъ мраморныя статуи, бюсты, монеты, рѣзные камни, однимъ словомъ всякаго рода художественные памятники, которые изображали черты знаменитыхъ людей древности. Французъ Антуанъ Лафрери издалъ въ 1569 г. часть этой коллекціи,

но присоединилъ и портреты, заимствованные изъ другихъ собраній. Сборникъ его имѣлъ такой успѣхъ, что на слѣдующій годъ явилось второе изданіе, исправленное и очищенное самимъ Фульвіемъ Урсиномъ, со многими историческими замѣчаніями эпохи ученаго антикварія. Позднѣе собраніе Фульвія Урсина было издано еще нѣсколько разъ въ пополненномъ видѣ Теодоромъ Галломъ, Жаномъ Лефевромъ и Иоанномъ Каниною (со многими прекрасными гравюрами извѣстнаго Бернара Пикара). Въ теченіи XVII и XVIII-го столѣтій число древнихъ портретовъ увеличилось, и появились новые сборники Беллори, Гроновія, основанные однако преимущественно на собраніяхъ Фульвія Урсина.

Но всѣ эти сборники были составлены безъ критики и наполнены грубыми ошибками и подлогами. Не говоря о преднамѣренныхъ обманѣхъ, издатели ихъ сами были часто вводимы въ обманъ существовавшими тогда въ Италіи поддѣлывателями античныхъ монетъ и рѣзныхъ камней и допускали въ свои сборники снятые съ этихъ поддѣлокъ портреты за подлинныя. Не руководясь никакою системою, они принимали портреты лицъ чисто-миеологическихъ за историческія, давали портретамъ имена, основываясь на надписяхъ мраморныхъ подставокъ, къ которымъ часто бывали придѣланы совершенно не принадлежавшія имъ головы. Они вообще принимали древніе портреты на слово, безъ доказательствъ, безъ критическаго разбора подлинности своихъ источниковъ. Однимъ словомъ это были *сборники портретовъ, но наука о портретахъ* еще не существовала.

Честь основателя *науки о древнихъ портретахъ* или *древней иконографіи* принадлежитъ знаменитому археологу нынѣшняго столѣтія — Эннью Квирину Висконти. Онъ родился въ Римѣ въ 1751 и умеръ въ Парижѣ 7-го февраля 1818 года. Первое мѣсто въ длинномъ спискѣ его сочиненій занимаютъ «Описаніе Пюклементійскаго Музея»¹ и «Древняя Иконографія». Необыкновенныя способности и любовь, которую онъ съ ранняго дѣтства обнаружилъ къ классической древности, ея языкамъ и преимущественно къ ея археологін, обратили на него вниманіе папы Пія VI, который, назначивъ его консерваторомъ Капитолійскаго Музея, поручилъ ему продолженіе начатаго его отцемъ, Иоанномъ Баттистомъ Висконти, Описанія Музея, созданнаго имъ и его знаменитымъ предшественникомъ. Успѣхъ Описанія Пюклементійскаго Музея былъ необыкновенный: появленіе каждаго новаго тома этого обширнаго труда, состоящаго изъ 7 частей, увеличивало славу Висконти и обнаруживало блестящія качества его ума. Произведеніе это требовало многихъ условій, рѣдко встрѣчаемыхъ въ такой гармонической

¹ Такъ называется главнѣйшее отдѣленіе Ватикана, по имени папы Пія VI и Климента XIV.

связи: обширной начитанности въ классическихъ писателяхъ, которыхъ Висконти зналъ навзустъ почти съ пеленокъ, необыкновенной ясности ума, узнающей съ перваго взгляда истинное значеніе античнаго художественнаго произведенія, и критической способности, которая опровергаетъ прежнія ложныя мнѣнія объ немъ и полагаетъ прочныя основанія новому на него воззрѣнію. Висконти описалъ сокровища Пюклементійскаго Музея въ систематическомъ порядкѣ, имъ изобрѣтенномъ, и если его объясненія можно сдѣлать какой нибудь упрекъ, то онъ будетъ относиться развѣ только къ скудости, съ которою авторъ удѣлялъ для любознательныхъ читателей сокровища своего обширнаго знанія. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто простаго указанія желалось встрѣтить болѣе подробныя свѣдѣнія, которыя могли бы представить читателю въ болѣе полномъ свѣтѣ описываемый предметъ. Сочиненіе Висконти было переведено на французскій языкъ, что послужило еще къ большому его распространенію, и если современная наука предъявляетъ нынѣ требованія относительно музеографіи, то тѣмъ не менѣе сочиненіе Висконти до этихъ поръ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду археологическихъ сочиненій.

Событія, происшедшія въ концѣ прошлаго столѣтія, принудили Висконти покинуть Италію и искать убѣжища во Франціи. Здѣсь тотчасъ были признаны его ученые заслуги. Онъ былъ назначенъ администраторомъ Музея древностей въ Лувръ и избранъ въ члены Парижской Академіи Художествъ и Академіи Надписей. Скромный ученый съ ревностью и успѣхомъ исполнялъ свои новыя должности, когда Наполеонъ, бывший тогда первымъ консуломъ, вызвалъ его на новый, знаменитый и обширный трудъ. Однажды, окруженный своею блестящею свитой и многими членами Академіи Надписей, первый консулъ посѣтилъ Луврскій Музей. Онъ проходитъ мимо одного мраморнаго бюста, подъ которымъ находится надпись: *Аннибаль*, останавливается и разсматриваетъ его. Не находя въ немъ ни одной черты, характеризующей людей гениальныхъ, Наполеонъ обратился къ окружавшимъ его лицамъ и сказалъ: «это не портретъ Аннибала». Директоромъ Луврскаго Музея въ то время былъ Денонъ, человекъ очень любезный и остроумный, но лишь дилетантъ въ дѣлѣ искусствъ, мало знакомый съ древностію. Смѣшавшись, онъ отвѣчалъ, что бюстъ считается подлиннымъ, но не былъ въ состояніи привести ни одного доказательства въ пользу своихъ словъ. Тогда Наполеонъ, желая составить себѣ положительное мнѣніе на счетъ этого вопроса, спрашиваетъ окружающія его лица, не находится ли въ числѣ ихъ Висконти. Свита поспѣшно раздвигается, и скрывавшійся назади Висконти выступаетъ скромно передъ новымъ повелителемъ.

— Аннибаловъ ли это бюстъ передъ нашими глазами? спросилъ его Наполеонъ.

— До сихъ поръ, отвѣчалъ Висконти, мы не имѣемъ ни статун, ни бюста, ни монеты, которыя передали бы намъ черты этого великаго чловѣка. Нѣкоторые изслѣдователи думали найти его портретъ на рѣзныхъ камняхъ, но эти предположенія еще подлежатъ критикѣ.

— Нѣтъ ли у насъ сочиненія, которое знакомяло бы насъ съ достоверными портретами знаменитыхъ людей древности, дошедшими до нашихъ временъ?

— У насъ есть нѣсколько такихъ сочиненій, но они не полны и исполнены ошибокъ.

— Нельзя ли написать новое сочиненіе, болѣе подробное, точное и поучительное?

— Это трудъ тяжелый и положительный.

— Но онъ не выше силъ автора Описанія Пюклементійскаго Музея. Не хотите ли вы его предпринять?

— Если первый консулъ прикажетъ.

— Прикажетъ? Non, on ne commande point au génie. Le devoir d'un souverain est de l'exciter et-le soutenir. Я съ удовольствіемъ приму вашъ проэктъ этого труда.

Таковъ былъ поводъ новаго знаменитаго труда Висконти.

Черезъ нѣсколько дней Висконти представилъ первому консулу планъ своей древней иконографіи, ея раздѣленіе и списокъ лицъ, которыхъ подлинныя портреты дошли до насъ. Наполеонъ съ удивленіемъ пробѣжалъ этотъ очеркъ. «Да, я вижу», сказалъ онъ, «что это продолжительный трудъ, но я убѣжденъ также, что онъ достоинъ васъ. Онъ придастъ новый блескъ нашей литературѣ и вашей славѣ. Я велю издать его на счетъ государства. Гравюры будутъ сдѣланы искуснѣйшими нашими художниками, чтобы онъ были достойны подобнаго памятника. Съ нынѣшняго дня я назначаю вамъ пенсію въ 4,000 франковъ: она не останется единственнымъ награжденіемъ за этотъ благородный трудъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ Висконти представилъ Наполеону, сдѣлавшемуся между тѣмъ императоромъ, свою Греческую Иконографію, государь сперва приказалъ напечатать ее въ числѣ 200 экземпляровъ, in fol., которые были розданы главнѣйшимъ лицамъ французскаго и иностранныхъ дворовъ, а потомъ второе изданіе in 4°, напечатанное въ числѣ 1000 экземпляровъ, которые продавались каждый по 240 франковъ. Въ доказательство своей совершенной благосклонности, Наполеонъ послалъ Висконти 500 экземпляровъ. Онъ думалъ, что сдѣлалъ такимъ образомъ знаменитому автору подарокъ въ 120,000 франковъ, но истинный ученый, исключительно посвящавшій свое

время наукъ, вовсе не заботился о продажѣ своего сочиненія, и послѣ его смерти семейство его нашло почти всѣ экземпляры нераспроданными ¹.

Легко понять, съ какими затрудненіями сопряжено было исполненіе подобнаго ученаго предпріятія. Надлежало сперва собрать всѣ портреты, которые должны были войти въ коллекцію; опредѣлить подлинность ихъ среди самыхъ противорѣчащихъ мнѣній; выбрать изъ различныхъ портретовъ, носившихъ одно имя, самый схожій по всемъ вѣроятностямъ. Но къ этой критической работѣ нужно было присоединить еще другую, чисто — практическую: Висконти долженъ былъ обращаться въ разныя страны Европы за слѣпками, снимками и рисунками со всѣхъ тѣхъ портретовъ, которые находились въ чужеземныхъ собраніяхъ; наконецъ онъ самъ наблюдалъ надъ рисовальщиками и граверами и такимъ образомъ соединилъ въ себѣ ученость антикаря съ просвѣщеннымъ вкусомъ знатока. Всѣ эти разнообразныя трудности Висконти преодолѣлъ самымъ счастливымъ образомъ.

Опредѣливъ хронологическую границу своего сочиненія, которое должно было доходить до половины IV столѣтія и окончиться вмѣстѣ съ смертію Юліана Отступника, этуо олицетворенною вторичною смертію языческаго міра, Висконти раздѣлилъ все сочиненіе свое на двѣ части: Иконографію греческую и Иконографію римскую. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свои два подраздѣленія. Первое составляютъ портреты знаменитыхъ мужей, прославившихся въ наукахъ и литературѣ, въ войнѣ и въ администраціи государства. Второе — государи, которыхъ изображенія слѣдуютъ по странамъ въ порядкѣ географическомъ, принятомъ нумизматами, и наконецъ внутри cadaго географическаго подраздѣленія — въ порядкѣ хронологическомъ. Каждый портретъ сопровождается, написаннымъ по источникамъ, историческимъ очеркомъ жизни и характера изображеннаго лица; за тѣмъ слѣдуетъ разборъ художественныхъ памятниковъ, передавшихъ намъ черты его лица. Эти очерки — слава Висконти. Въ этихъ портретахъ одушевленныхъ и остроумныхъ, поучительныхъ, но въ то же время и занимательныхъ, во всемъ блескѣ проявляются два отличительныя качества Висконти: ученость и критическій тактъ. Висконти мало говоритъ о жизни такихъ знаменитыхъ людей, какъ напр. Александръ Великій, потому что объ нихъ вездѣ можно найти много свидѣній; за то онъ подробенъ въ жизнеописаніяхъ менѣе известныхъ людей. Но въ тѣхъ и другихъ жизнеописаніяхъ онъ старается уничтожить ложныя мнѣнія о великихъ мужахъ древности, распространенныя въ публикѣ и получавшія силу авторитета, ошибки разныхъ авторовъ и т. д. Особенное вниманіе посвящаетъ онъ нрав-

¹ Этотъ расказъ заимствованъ мною изъ неизданныхъ бумагъ лучшаго друга Висконти, Салот, бывшаго директоромъ монетнаго двора въ Парижѣ.

ственной физиономіи: изъ разныхъ чертъ жизни, изреченій, расказовъ, онъ старается возсоздать нравственный портретъ великаго мужа и съ этимъ портретомъ сблизить и имъ объяснить его внѣшнія черты. Наконецъ онъ исчисляетъ и разбираетъ художественные памятники, передающіе намъ портреты славныхъ мужей древности и подлинность избранныхъ имъ портретовъ старается основать на положительныхъ фактахъ. Это, можетъ быть, лучшая часть его сочиненія. Здѣсь обнаружилъ онъ необыкновенное искусство анализа и тонкій археологическій тактъ. Наконецъ главная характеристическая черта этого сочиненія Висконти, по моему мнѣнію, заключается въ *положительности*. Странно видѣть этотъ элементъ господствующимъ въ сынѣ юга. Изъ матеріаловъ, разбросанныхъ до тѣхъ поръ въ безпорядкѣ, онъ хотѣлъ сдѣлать и сдѣлалъ дисциплину положительную, науку основанную на прочныхъ основаніяхъ. Онъ допустилъ въ свою Иконографію только два классическіе народа древности, потому что иконографія прочихъ имѣла для него совершенно проблематическій характеръ. Онъ устранилъ всѣ портреты, столь многочисленныя, лицъ мнѳологическихъ, также потому что видѣлъ въ иконографіи науку положительную: только лица дѣйствительно существовавшія, чисто-историческія, которыхъ подлинныя, а не апокрифическіе портреты дошли до насъ, имѣли право занять въ ней мѣсто. Онъ рѣдко допускаетъ предположенія: положительныя свидетельства и подлинныя памятники составляютъ краеугольный камень его труда, и въ этомъ отношеніи его Иконографія должна занять первое мѣсто въ ряду всѣхъ его сочиненій.

Кромѣ двухъ вышеозначенныхъ трудовъ, въ жизни Висконти есть еще событіе достославное, которое показываетъ, какое великое уваженіе внушали современникамъ его обширныя археологическія свѣдѣнія, его артистическій вкусъ, его безкорыстная любовь къ изящнымъ произведеніямъ древности и наконецъ, безпристрастіе и честность его характера. Лордъ Эльджинъ, во время пребыванія своего въ Левантѣ, собралъ большое количество древнихъ произведеній скульптуры, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали статуи и рельефы, украшавшія Парѳенонъ, драгоценныя и единственныя остатки школы Фидіа, по которымъ мы можемъ судить объ эпохѣ высшаго развитія греческаго ваянія. Онъ перевезъ ихъ въ Англію и предложилъ за высокую цѣну англійскому народу. Британскій парламентъ избралъ нарочную комиссію для опредѣленія достоинства этихъ скульптуръ и денежной ихъ цѣны. Мнѣнія англійскихъ судей, въ числѣ которыхъ было много извѣстныхъ художниковъ, напр. Флакманъ, Чентрей, Вестмекотъ, Лоренсъ, Пайнъ Нейтъ и т. д., были чрезвычайно разногласны. Одни ставили ихъ выше всѣхъ произведеній древности, говоря, что они передаютъ природу возвышенную во всемъ ея величій; другіе, находя ихъ

прекрасными, ставили ихъ однако ниже Аполлона Бельведерскаго, Торсо и Лаокоона. Чтобы выйти изъ хаоса противорѣчащихъ мнѣній, британскій парламентъ, отъ имени англійской націи, пригласилъ въ 1815 г. Висконти прѣхать въ Англію и произнести свое рѣшеніе въ этомъ трудномъ вопросѣ. Висконти объявилъ, что въ статуяхъ фронтоновъ Паренена греческое вааніе достигло до крайнихъ предѣловъ искусства, и если оно обязано Праксителю пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ красотъ, то эти красоты состоятъ болѣе въ утонченностяхъ граціи, нежели въ созданіи возвышеннаго стиля. Онъ подалъ мнѣніе и о денежной суммѣ, которую имѣлъ право получить за свое собраніе лордъ Эльджинъ, и его рѣшеніе было принято парламентомъ. Висконти издалъ свое разсужденіе объ этихъ фрагментахъ въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: *Deux Mémoires sur les ouvrages de sculpture dans la collection de Mylord Comte d'Elgin. Londres. Murray. 1816.* Это былъ его послѣдній трудъ, и память о славнѣйшемъ событіи его жизни передана потомству слѣдующими словами на его надгробной надписи:

Provexit Ennii gloriam ea Britannorum sententia, qua unus arbiter optatus est qui adquisita monumenta ipsorum dijudicaret, pretiumque singulorum ediceret.

Со времени Висконти наука иконографическая, какъ и всѣ прочія вѣтви древней археологіи, сдѣлала значительные успѣхи. Самый кругъ нашихъ свѣдѣній о древнемъ искусствѣ сталъ шире: новыя открытія ввели въ него новые народы, произведенія которыхъ считались до настоящаго времени давно погибшими; неистощимая классическая почва Греціи и Италіи вывела на свѣтъ новыя сокровища, обогатившія нашъ иконографическій матеріалъ, и наконецъ самыя предѣлы науки были распространены новыми вошедшими въ составъ ея частями. Эти новыя иконографическія изслѣдованія принадлежатъ въ особенности Рауль-Рошетту, безъ сомнѣнія одному изъ первыхъ археологовъ нашего времени. Судьба хотѣла, чтобы онъ умеръ весною 1854 года. Наши слова о немъ будутъ и воспоминаніемъ ученика и краткимъ некрологомъ.

Ученые труды Рауль-Рошетта начали появляться въ свѣтъ съ 1822 года и обнимаютъ почти всѣ сферы древней археологіи. Первымъ археологическимъ опытомъ его были изслѣдованія о греческихъ древностяхъ Босфора Киммерійскаго, но уже прежде увѣнчана была Парижскою Академіею Наукъ его «Критическая исторія основанія греческихъ колоній». Путешествія по Италіи и Сициліи познакомили его со множествомъ неизданныхъ художественныхъ памятниковъ, которые послужили матеріаломъ для его большаго сочиненія: *Monuments inédits d'antiquité figurée grecque, étrusque et romaine. Paris. Imprimerie royale. 1828.* Въ этомъ сочиненіи онъ положилъ основанія героической иконографіи Грековъ. Ученый споръ съ товарищемъ по Академіи Надписей, также умершимъ знаменитымъ археологомъ Летрономъ, подалъ ему поводъ

написать сочинение о древней живописи — вопрос очень темный, который впрочем никогда вполне не будет объяснен. Множество мелких сочинений о разных предметах нумизматики и древней скульптуры занимают большое место в списке трудов Рауль-Рошетта; более 25 летъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ *Journal des savants*. Длинный рядъ его критическихъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, обнимаетъ почти все замѣчательныя большія сочинения объ археологiи, вышедшія в теченіе этого времени. И эти статьи — не простые критическіе разборы, а цѣлыя самостоятельныя разсужденія о предметѣ разсматриваемой книги. Въ последнее время занятія его касались преимущественно сравнительной миѳологiи древнихъ народовъ. Его изслѣдованіи о миѳѣ Геркулеса по памятникамъ ассирійскимъ, финнійскимъ и греческимъ составляютъ эпоху въ области этой науки.

Въ качествѣ профессора археологiи при парижской публичной библиотекѣ, Рауль-Рошеттъ читалъ съ 1826 г. публичныя лекціи объ этомъ предметѣ. Одна изъ залъ нижняго этажа бывшаго дворца кардинала Мазарини служила аудиторіей знаменитому археологу. Она принадлежитъ къ кабинету древностей публичной библиотекы: стѣны ея уставлены египетскими муміями, греческими скульптурами, римскими саркофагами, но самый замѣчательный предметъ въ ней — знаменитый зодиакъ изъ Дендера, котораго древность была некогда жаркимъ и спорнымъ вопросомъ науки. Въ этой аудиторіи по вторникамъ, въ 3 часа послѣ обѣда, собиралось небольшое, но избранное число слушателей. Каждый годъ Рауль-Рошеттъ бралъ новую тему для своихъ чтеній: въ этотъ длинный періодъ времени онъ успѣлъ ознакомить своихъ слушателей почти со всеми вѣтвями археологiи. Одинъ изъ такихъ курсовъ, именно тотъ, который былъ читанъ въ 1853 году, удалось посвятить и мнѣ. Его предметомъ была иконографія. Я записывалъ за профессоромъ по русски, извлекая существенное изъ его словъ, и теперь дѣлюсь съ читателями «Пропплеевъ» одною частію моихъ записокъ.

Главное отличительное достоинство Рауль-Рошетта, какъ археолога, составляетъ необыкновенно обширное наглядное знаніе дошедшихъ до насъ художественныхъ памятниковъ древности. Развалины строительнаго искусства, все памятники ваянія, остатки древней живописи, вазы, камни и монеты — все было известно ему не изъ однихъ рисунковъ или книгъ, какъ многимъ нѣмецкимъ археологамъ, но изъ живаго воззрѣнія, изъ нагляднаго изученія. Эта самонаглядность (автопсія) придавала необыкновенную живость его словамъ. Но это достоинство осталось бы одностороннимъ, если бы къ нему не присоединялась обширная ученость, знакомство съ классическими писателями древности и отличное знаніе языковъ и современной археологической литературы

Италии, Англии и Германіи. Дружескія сношенія со всеми известными нынѣшними археологами быстро знакомилъ его съ новыми открытіями и сочиненіями. Наконецъ къ этимъ двумъ качествамъ должно присоединить краснорѣчивое изложеніе: Рауль-Рошеттъ, какъ французъ, уже отъ природы былъ одаренъ ораторскимъ талантомъ. Сущность излагаемаго предмета никогда не останавливала или затрудняла его слово: даже самымъ сухимъ разысканіямъ, которыя необходимо встрѣчаются въ каждой наукѣ, онъ умѣлъ сообщить жизнь. Нужно ли прибавлять, что его постоянно одушевляла любовь къ его предмету и, главное, что онъ умѣлъ сообщить эту любовь своимъ слушателямъ?

Я думаю сдѣлать услугу русской публикѣ, сообщивъ извлеченіе изъ вступительной общей части курса, который Рауль-Рошеттъ читалъ объ отдѣлѣ археологіи, мало известномъ у насъ, но обнимающемъ много чрезвычайно любопытныхъ сторонъ древней жизни и могущемъ интересовать каждаго любознательнаго человѣка. Обстоятельство, что этотъ курсъ не былъ и конечно не будетъ никогда изданъ, можетъ быть еще увеличить его занимательность.

К. Гёрцъ.

Происхожденіе портретнаго искусства. Идея сохранить отъ забвенія черты любимыхъ лицъ, родственниковъ, а въ послѣдствіи и знаменитыхъ людей, весьма естественна: она должна была бы родиться даже въ самомъ началѣ гражданскаго общества. Но портретъ требуетъ отъ художника умѣнья передавать сходство, и поэтому онъ можетъ явиться только тогда, когда искусство значительно подвинулось впередъ и сдѣлало правильные успѣхи, — когда оно уже подражательное, а не конвенціонное. Народы азіатскіе и Египтяне не могли имѣть портрета, потому что ихъ искусство было условное. Напротивъ того у Грековъ портреты являются со времени довольно отдаленнаго.

«Дибутады изъ Сикіона, ремесломъ горшечникъ, (говоритъ Плиній Старшій ¹⁾), первый изобрѣлъ въ Коринѣ искусство дѣлать портреты изъ той самой земли, изъ которой дѣлалъ горшки, т. е. изъ глины. Онъ сдѣлалъ это изобретеніе при содѣйствіи своей дочери. Дѣвушка была влюблена въ одного молодого человѣка, и когда этотъ юноша разставался съ нею, она сдѣлала на стѣнѣ очеркъ тѣни, падавшей отъ лица его при свѣтѣ лампы. Отецъ, наложивъ на этотъ очеркъ глину, сдѣлалъ рельефъ, и поставилъ его на огонь для обожженія вмѣстѣ съ прочими своими горшками. Говорятъ, что этотъ первый портретъ сохра-

¹ П. Н. XXXV, 43.

нялся въ Римѣ, до тѣхъ поръ, пока Муммій разрушилъ Коринѣ (въ 608 году отъ основанія Рима).» Расказъ чрезвычайно граціозный и символическій, драгоценная страница въ исторіи древняго искусства! Мы не знаемъ эпохи, въ которую жилъ горшечникъ Дябутадъ, но можемъ относить его къ времени весьма отдаленному. Греки во все времена приписывали происхожденіе искусства подражанію природѣ. Поэтому изобретеніе портрета могло быть связано у нихъ съ самымъ первымъ началомъ искусства.

Портреты, посвященные въ храмахъ. Портреты новодителей на играхъ. Число портретовъ, существовавшихъ въ древней Греціи, было огромно, неисчислимо. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ обычаевъ этой страны состоялъ въ томъ, что каждый, кто бы онъ ни былъ, даже самый темный и неизвѣстный человекъ, могъ поставить свой портретъ въ храмъ какого-либо божества. Это посвященіе дѣлалось безъ всякаго предварительнаго позволенія. Каждый, кто хотѣлъ, могъ посвятить храму свой портретъ; тамъ сохранялся онъ, дѣлался предметомъ священнымъ, и даже если посвятившее лицо въ послѣдствіи становилось преступникомъ и измѣнникомъ отечеству, то портретъ его тѣмъ не менѣе оставался въ храмъ и не могъ быть вынесенъ оттуда. Иную судьбу имѣли портреты, выставленные въ публичныхъ мѣстахъ: тамъ они подвергались всякому измѣненію общественнаго мнѣнія; но въ храмахъ портреты даже самыхъ неизвѣстныхъ людей сохранялись, какъ священные предметы. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ этого рода есть очень древняя такъ называемая сиегская надпись, повидимому принадлежащая VI-му вѣку до Р. Х. Она изсѣчена на мраморномъ четверугольномъ столбѣ, имѣющемъ видъ гермы¹; на верху этого столба есть дыра, въ которую вставлено было портретное изваяніе, сдѣланное изъ мрамора. Этотъ столбъ сохранялся въ церкви одной деревушки близъ Сиегскаго-мыса; онъ открытъ былъ двумя Англичанами и вмѣстѣ съ собраніемъ лорда Эльджина перешелъ въ Британскій Музей. На немъ находится надпись, написанная древнѣйшими греческими буквами способомъ *βοῦβροφῶν*. Вотъ эта любопытная надпись: «я портретъ (это слова портрета, точно такъ, какъ въ средніе вѣка изъ усть лица, изображеннаго на картинѣ, выходила слова, написанныя на длинной бумажкѣ) Фанодика (это неизвѣстнѣйшій человекъ), сына Гермократа, изъ Проконеса, и я далъ кратерь съ базисомъ и воронку для пританея въ мою память Сиегцамъ. Если я что-либо претерплю, то прошу Сиегцевъ позаботиться обо мнѣ. Сдѣлавъ я Этою и его братьями.»² Если самый безвѣстный гражданинъ могъ

¹ О гермахъ см. Прол. I, въ статьѣ г. Благовѣщенскаго стр. 7.

² Welckh. С. I. С. I, p. 14.

поставить свой портретъ въ храмъ, подъ покровительство священнаго мѣста, то тѣмъ чаще должны были встрѣчаться изображенія людей, болѣе замѣчательныхъ. Въ особенности это относится къ лицамъ, прославившимся побѣдою на публичныхъ состязаніяхъ. И не только одни мужчины, одержавшіе побѣду, посвящали свои изображенія, но даже и женщины. Такъ Павсаній (въ V кв. гл. 16) говоритъ, что онъ видѣлъ въ храмѣ Юноны Элійской портреты двушекъ, выигравшихъ призы въ бѣгу. Онъ столь точно и подробно описываетъ костюмы этихъ двушекъ, что по его описанію узнали одну превосходную античную статую, находящуюся въ Ватиканѣ, которой объясненіе до тѣхъ поръ оставалась загадкою для антикваріевъ. Общій обычай требовалъ, чтобы всѣ побѣдители дѣлали свои портреты и посвящали ихъ мѣсту своей славы. Исчисленіе портретовъ, находившихся въ Дельфахъ и Олимпіи, у Павсанія, писателя жившаго уже во II вѣкѣ по Р. Х., почти нескончаемо, хотя известно, что Неронъ въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. вывезъ изъ Дельфъ болѣе 500 статуй; видно, сколь велико было число статуй, существовавшихъ въ древности. Первое условіе для такихъ изображеній состояло въ томъ, чтобы они были точнымъ снимкомъ лица, — что называлось *статуею иконическою*, вѣрно во всѣхъ подробностяхъ. Но побѣдители, заказывавшіе такіе портреты, часто требовали еще отъ художника, чтобы онъ изобразилъ ихъ въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ они одержали побѣду, что было иногда трудно, потому что поза, очень выгодная для одержанія побѣды, могла быть нисколько не художественна. О происхожденіи этого рода статуй говоритъ Корнелій Непотъ въ жизнеописаніи Хабріа (гл. 1): «Всего знаменитѣе маневръ, изобрѣтенный Хабріемъ, въ сраженіи при Фивахъ, когда онъ пришелъ на помощь Беотійцамъ. Въ этомъ сраженіи его противникъ полководецъ Агесилай, обративъ въ бѣгство наемныя войска, уже надѣялся на побѣду, когда Хабрій повелѣлъ остальной фалангѣ не трогаться съ мѣста, и ставъ на колѣно и покрывъ себя щитомъ, протянулъ копье и показалъ солдатамъ примѣръ, какимъ образомъ должно ожидать нападенія непріятелей. Агесилай, пораженный этимъ новымъ маневромъ, не осмѣлился сдѣлать нападенія и приказалъ трубать ретираду въ то время, когда его солдаты уже начали натискъ. Это проявленіе было столь прославлено во всей Греціи, что когда Аѳиняне народнымъ постановленіемъ повелѣли воздвигнуть ему на форумѣ статую, Хабрій захотѣлъ быть изображеннымъ въ вышеописанномъ положеніи. Съ тѣхъ поръ и атлеты и прочіе побѣдители на публичныхъ играхъ, когда имъ воздвигали статуи, выбирали то же самое положеніе, въ которомъ одержали побѣду.» Итакъ статуя Хабріа изображала побѣдителя въ минуту побѣды. Нѣкоторые думали, что копія ея есть такъ называемый

гладивора Боргезе, но это несправедливо. Лучшие во всѣхъ отношеніяхъ портреты подавали поводъ къ разногласнымъ мнѣніямъ. Въ Дельцахъ находилась статуя Филомена, которая, какъ достоверно извѣстно, была очень не хороша собою. Но во второмъ вѣкѣ по Р. Х. мы слышимъ двойное мнѣніе о ея лицѣ. Павсаній, судя по портрету, говоритъ: *Филоменка была дурна лицомъ, а Плутархъ: она была не очень дурна, судя по портрету*. Оба автора правы, только каждый смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія: Павсаній былъ пораженъ некрасивостью, которую художникъ долженъ былъ воспроизвести, а Плутархъ тѣмъ, что художникъ не сдѣлалъ это некрасивое лицо оскорбительнымъ для глазъ. Были портреты, имѣвшіе необыкновенную славу за природную красоту того лица, которое они изображали. Такъ напримеръ Алкивиадъ въ юности отличился на разныхъ играхъ и былъ изображенъ различнымъ образомъ въ память своихъ побѣдъ. Картина Аглаонты, ученика Полигнота, представляла его между Пивією (швейцкія игры) и Олимпією (олимпійскія игры), которыя были изображены въ видѣ женщинъ. Другая картина изображала Алкивиада на колѣнахъ Немея, которая радовалась ласкамъ красивѣйшаго юноши въ Греціи. Эта картина произвела необыкновенный энтузіазмъ въ Греціи, и всѣ Аѳоны стекались въ мастерскую художника, чтобы ее видѣть. Потомъ она выставлена была въ Пинакотеку акрополя аѳинскаго, гдѣ ее видѣлъ Павсаній.

Портреты владѣтелей. Въ храмѣ Минервы въ Сиракузахъ цѣлый рядъ картинъ изображалъ владѣтелей республики. Это были мастерскія произведенія; ихъ всѣ присвоилъ себѣ Верресъ, за что уверкаетъ его Цицеронъ въ четвертой рѣчи своей. «Верресъ похитилъ», говоритъ онъ, «кромя того изъ храма Минервы двадцать семь превосходно написанныхъ картинъ; въ числѣ ихъ были портреты сивилійскихъ царей и правителей, которые не только восхищали зрѣніе превосходствомъ живописи, но и напоминали Сиракузанамъ черты дорогихъ имъ лицъ»¹. Слова Цицерона чрезвычайно замѣчательны: они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти картины были не только замѣчательныя произведенія въ художественномъ отношеніи, но и *вѣрныя* портреты, воспроизводившіе во всей точности оригиналь. — Въ Сикіонѣ, въ разныхъ храмахъ и зданіяхъ, находилась также рядъ портретовъ сикіонскихъ владѣтелей работы тамошней весьма замѣчательной школы живописи. Когда Аратъ, возстановивъ республиканское правленіе, велѣлъ уничтожить всѣ эти портреты, то некоторые, по художественному ихъ достоинству, были оставлены на мѣстѣ. Плутархъ (въ жизнеописаніи Арата) рассказываетъ, что одинъ изъ

¹ Cic. in Verr. or. IV. Vixinti et septem praeterea tabulas pulcherrime pictas ex aede Minervae sustulit; in quibus erant imagines Siciliae regum et tyrannorum, quae non solum pictoris artificio delectabant, sed etiam commemoratione hominum et cognitione formarum.

никъ изображалъ правителя Архестрата, который шелъ везти Побѣды, стоявшей на колесницѣ. Эта картина написана была Мелантѣемъ, учителемъ Апеллеса. Не смотря на всеобщую ненависть къ этому правителю, мастерское произведеніе, по просьбамъ Сикюнцевъ, было сохранено; только стерли лице, и другой художникъ написалъ другое. Вотъ одно изъ доказательствъ страсти Грековъ къ изящнымъ искусствамъ!

Портреты лицъ, спасенныхъ отъ опасности. Между другими классами людей, публично выставлявшихъ свои портреты, одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ составляли тѣ, которые спасены были отъ какой-либо смертельной опасности чрезъ покровительство какого нибудь бога, напримеръ отъ кораблекрушенія и т. п. Они посвящали свой портретъ (ex-voto) храму того бога, которому приписывали свое спасеніе. Такъ претерпѣвшіе кораблекрушеніе ставили свои изображенія въ храмахъ Посидона, Амфитриты, Диоскуровъ и Нерейдъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ такого рода былъ храмъ Кабировъ на островѣ Самоэракіи; Цицеронъ изображаетъ его наполненнымъ портретами. Въ романѣ Лонга: Любовь Даониса и Хлосе, храмъ Нимфъ изображенъ наполненнымъ такими портретами спасенныхъ лицъ.

Лица, излечившіяся отъ волыны, ставили свои изображенія въ храмъ Эскулапа. Главные храмы этого бога находились въ Эпидаврѣ, Трикѣ и Косѣ, и Страбонъ говоритъ, что они наполнены портретами людей, излечившихся отъ тяжкой болѣзни. Часто эти картины изображали и самую болѣзнь, или больной членъ, или же все тѣло. Большая часть картинъ этого рода были поставлены людьми изъ самаго низшаго класса и слѣдовательно, по искусству, принадлежали самому послѣднему разряду. На нихъ находились надписи, въ которыхъ излагались подробности болѣзни, и Гиппократъ, уроженецъ Коса, воспитанный тамъ, такъ сказать, въ храмѣ Эскулапа, изъ этихъ древнихъ картинъ и надписей вывелъ свою терапевтику.

Портреты лицъ, посвященныхъ въ таинства. Они составляли также классъ многочисленный. Такъ въ Аѳинахъ былъ древній обычай посвящать богинямъ элевсинскимъ, Деметрѣ и Персефонѣ, дѣтей лѣтъ осьми и десяти. Это была церемонія домашняя, происходившая въ родительскомъ домѣ, и до насъ дошло много надписей аѳинскихъ, въ которыхъ сказано, что *отецъ Н. Н. и мать Н. Н. посвятили ребенка Н. Н. двумъ великимъ богинямъ элевсинскимъ*. Есть также барельефъ въ акрополѣ аѳинскомъ, который изображаетъ подобное посвященіе, что доказывается надписью. Неизвѣстно, изъ какого матеріала дѣлались эти портреты, и въ какой формѣ являлись эти изображенія. Бѣкъ полагаетъ, что это были статуи; но его мнѣніе едва ли вѣроятно, потому что не всѣ семейства были для того достаточно богаты. Хотя скульптурныя произведенія въ древности были несравненно дешевле, чѣмъ въ насто-

ящее время, но все таки расходъ былъ значительный. Вѣроятно, это были портреты писанные и притомъ изображенія поясныя. Мы знаемъ также, что въ Элевсинѣ было много подобныхъ портретовъ, и, въ числѣ множества неизвѣстныхъ, были многіе замѣчательные и по лицу изображенному, и по письму. Такъ изъ Плинія мы знаемъ, что въ Элевсинѣ одинъ отличный портретъ изображалъ молодую дѣвушку и написанъ былъ женщиною Иреною, знаменитою дочерью и ученицею живописца Кратина ¹, — портретъ интересный уже потому, что написанъ былъ женщиною. Другой портретъ, упоминаемой Плиніемъ, былъ написанъ Атеніономъ и изображалъ филарха ². Я думалъ сначала, что это знаменитый историкъ Филархъ, славный въ древности своими антикварными и историческими сочиненіями, но теперь нѣмецкій ученый Преллеръ доказалъ, что филархось значитъ — генералъ отъ кавалеріи, и это лицо есть Олимпіодоръ, аѳинскій генералъ, который начальствовалъ въ войнѣ противъ Кассандра и отличился въ битвѣ близъ Элевсина. Изъ Павсанія мы знаемъ, что Олимпіодоръ получилъ отъ Аѳинянъ въ награду статую и портретъ; первая поставлена была въ Аѳинахъ, а картина въ Элевсинѣ; объ ней-то Плиній и упоминаетъ. Такимъ образомъ въ Элевсинѣ было много портретовъ людей неизвѣстныхъ, портретовъ, худо написанныхъ, но въ числѣ ихъ находилось также много хорошо написанныхъ и изображавшихъ лица извѣстныхъ. Ораторъ Аристидъ, жившій при Антонинахъ, говоритъ, что элевсинскій храмъ наполненъ портретами и статуями. — Другой храмъ богинь элевсинскихъ находился въ Аѳинахъ и содержалъ также много портретовъ этого рода, что видно изъ одного мѣста Аристофана, гдѣ никто не ожидалъ встрѣтить подобное указаніе. Это мѣсто, мною найденное, находится въ комедіи *ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΣΤΩΝ*, «Женщины, празднующія Тесмофоріи» — пятидневное торжество въ честь богинь элевсинскихъ. Въ этой комедіи, направленной противъ Эврипида, старикъ Мнесилохъ переодѣвается въ женщину, чтобы узнать тайны культа; но его открываютъ, и дабы избавить себя отъ опасности, въ которой онъ находится, и увѣдомить объ ней виновника своего жалкаго положенія, онъ говоритъ, что хочетъ употребить средство Паламеда, Эврипидовскаго героя. «Теперь», говоритъ Мнесилохъ, «какое придумать для спасенія средство, какую хитрость, какую тонкую штуку, потому что виновникъ моего бѣдствія до сихъ поръ не является? Какого вѣстника послать мнѣ къ нему? Знаю,

¹ Plin. N. H. XXXV. § 43. Irene, Cratini pictoris filia et discipula, puellam quae est Eleusine.

² Ibid. Nicae comparatur et aliquanto praefertur Athenion Maronites, Glauconis Corinthii discipulus, et austerior color et in austeritate jucundior ut in ipsa pictura eruditio eluceat. Pinxit in templo Eleusine Phylarchum.

что встрѣчается такое же запутанное дѣло въ Паламедѣ¹. Какъ онъ, а напишу повѣсть моихъ бѣдствій на веслахъ и брошу ихъ въ море. Но здѣсь въ храмѣ нѣтъ весель. Гдѣ въ этой бѣдѣ найти весла? Гдѣ? Что если я возьму вмѣсто весель эти изображенія (*αἰμάματα*), напишу на нихъ и разбросаю ихъ? Это гораздо лучше! какъ ты, такъ и эти изъ дерева²»

Итакъ всѣ стѣны храма увѣшаны были деревянными дощечками, портретами и т. д. Фритше, издатель ученаго комментарія къ этой комедіи Аристофана, не объяснилъ этого мѣста. Слово, непонятое толкователями, есть *αἰμάματα*. Оно сперва означало всякое украшеніе въ храмѣ, а такъ какъ священнѣйшій предметъ въ храмѣ была статуя бога, то потомъ означали этимъ словомъ статуи боговъ. Для изображенія челоука Греки употребляли слово *ἀνδρίας*; Фидій дѣлалъ статуи боговъ и по этому назывался *αἰμαματοποιός*, а Пракситель и въ особенности Лисиппъ, дѣлавшіе статуи людеи — *ἀνδριαντοποιοί*. Поэтому-то думали, что въ вышеприведенномъ мѣстѣ Аристофана *αἰμάματα* значить: деревянные статуи боговъ, но ясно, преимущественно изъ послѣдующихъ словъ комика, что здѣсь оно значить не статуи, а доски, дощечки, по всему вѣроятію съ портретами, посвященными во храмъ.

ПОРТРЕТЫ ГЕТЕРЬ. Обычай ставить въ храмахъ портреты былъ распространенъ въ Греціи на всѣ классы людей, даже на классъ гетеръ. Есть много примѣровъ, что эти женщины, изъ которыхъ нѣкоторыя, напримѣръ знаменитая Ланса, пользовались величайшею славою, выставили свои портреты. Такъ въ Греческой Антологіи есть стихотвореніе женщины — поэта Носсисъ, въ которомъ сказано, что прекрасная Калло выставила свой портретъ въ храмъ Афродиты: «Калло, приказавъ написать свой портретъ совершенно сходно съ природою (т. е. въ ростѣ), по-

¹ Паламедъ, герой одной изъ трагедій Эврипида, преслѣдуемый Одиссеемъ, былъ осужденъ невинно и казненъ. Корабельныя весла, на которыхъ онъ написалъ свои несчастія, были брошены въ море, чтобы дать вѣсть его отцу о судьбѣ сына.

² Aristoph. Thesmoph. vers. 765 sqq.

ἄγε δὴ τίς ἐστὶ μηχανῆ ζωηρίας,
τίς κείρα, τίς ἐπίνοι; ὁ μὲν γὰρ αἰτίος
κἄμ' ἐκκυλίβας ἐς τοιαυτὰ πράγματα
οὐ φαίνεται οὐπω φέρε, τίν' οὖν ἂν ἄγγελον
πέμψαιμ' ἐν' αὐτόν; οἶδ' ἐγὼ καὶ δὴ κόρον
ἐκ τοῦ Παλαμήδους· ὡς κείνος, τὰς πλάτας
δίφω γράφων. ἀλλ' οὐ κέρειον αἱ πλάται
πόθεν οὖν γίνοιντ' ἂν ἀθλίῳ πλάται; κίθην;
τί δ' ἂν, εἰ ταδί τ' αἰμάματ' ἀντὶ τῶν πλατῶν
γράφων διαβρίσσοιμι; βέλτιον κολύ.
εὐλον γέ τοι καὶ ταῦτα κἀκεῖν ἦν εὐλον.

святила эту картину въ храмъ белокурой Аφροδίτης¹. Во время персидской войны, Коринѣи, главное въ Греціи мѣсто поклоненія Аφροδίτης, гдѣ служительницами ея были многочисленныя гетеры, называвшіяся *ἰστρούλαι*, устроили религиозную процессію въ честь этой богини, чтобы въ грозившей ему опасности получить отъ нея покровительство. Гетеры тоже приняли участіе въ этой процессіи, и когда опасность прошла, то жители Коринѣа захотѣли изъяснить свою благодарность богинѣ, посвятивъ ей картину, которая изображала самую процессію и лица, въ ней участвовавшія. Извѣстившія гетеры были изображены въ ростъ и совершенно схожи. Это была превосходная картина одной изъ лучшихъ школъ греческой живописи — коринѣской. Она поставлена была въ храмъ Аφροδίты, съ надписью славнаго поэта Симониды.

Различныя названія и формы портретовъ. Портреты были или скульптурныя или живописныя. Портреты перваго рода дѣлались обыкновенно въ видѣ гермы; такова была упомянутая выше герма Фанодика. Важныя лица изображались въ статуяхъ изъ бронзы; таковы были статуи побѣдителей на олимпійскихъ, немейскихъ, пифійскихъ и дельфійскихъ играхъ, въ храмахъ этихъ и другихъ мѣсть; какъ уже сказано, исчисленіе подобныхъ статуй у Павсанія очень велико, хотя Римъ похитилъ изъ нихъ большую часть. Въ живописи были въ употребленіи два рода портретовъ: *въ ростъ*, и *въ поясъ*; и тѣ и другіе писались на деревѣ. Греческіе термины суть слѣдующіе: *Εἰκὼν ὑρακτῆ τέλεια* — означаетъ *цѣлую фигуру*. Портретъ въ поясъ означался словомъ: *εἰκὼν ὑρακτῆ ἐν ὀπλω* — *на щитѣ написанный портретъ*. Объяснимъ это послѣднее выраженіе. У древнихъ Грековъ, съ глубочайшихъ временъ, изображались на щитахъ разные символы, эмблемы, головы и т. д. Когда искусства сдѣлали успѣхи, то этотъ обычай получилъ измѣненіе: на щитахъ начали писать портреты. Подобныя щиты ставились во всѣхъ мѣстахъ, въ храмахъ, на колоннахъ, на фризахъ и т. п., такъ что эти портреты составляли декорацію священнаго мѣста; они находились даже въ храмъ Юпитера Капитолійскаго въ Римѣ. Этого рода портреты писались и на мѣди, и на деревянныхъ доскахъ. Они дѣлались обыкновенно болѣе естественной величины, какъ видно изъ одной остроумной Цицерона. Онъ видѣлъ въ Малой Азіи портретъ брата своего Квинта, написанный на щитѣ; такъ какъ братъ его былъ очень малъ ростомъ, то онъ подсмѣивается, что полншой пор-

¹ Antholog. Graeca, ed. Tausch. IX. 205.

*Τὸν πίνακα ἑαυτοῦ Κελλῶ δόμον εἰς Ἀφροδίτας,
εἰκόνα γραφάμενα πάντ' ἀνέθικεν ἴσαν.*

треть величиною болѣе, чѣмъ весь оригиналъ¹. Этотъ обычай изображать на щитахъ полные портреты болѣе натуральной величины продолжался до самыхъ позднихъ временъ упадка древняго искусства, что видно изъ базилики S. Paolo fuori le mura въ Римѣ, гдѣ фризъ главной части былъ украшенъ портретами первыхъ папъ, въ подражаніе древнему обычаю. Базилика эта сгорѣла въ 1823 году; теперь ее реставрируютъ.

Были ли эти портреты въ лицо (*en face*), или въ профиль? Для того, кто знакомъ съ памятниками, это не вопросъ; но знаменитый нѣмецкій филологъ Готфридъ Германнъ, мало занимавшійся археологіей, въ одномъ изъ своихъ сочиненій утверждалъ, что эти портреты были въ профиль, *obliquae imagines*. Онъ основываетъ свое мнѣніе на словахъ Плинія, рассказывающаго о портретѣ Антигона; но этотъ портретъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть исключеніе, единственное въ древности. Выраженіемъ: *obliquae imagines* означается также «профиль» еще въ другомъ мѣстѣ Плинія (N. H. XXXV. § 34.) «Кимонъ изъ Клеонен (греческій художникъ въ родѣ Джіотто), говоритъ Плиній, изобрѣлъ *catagrapha*, т. е. *obliquas imagines*.» Но этотъ переводъ греческаго слова сдѣланъ, можетъ быть, не самимъ Плиніемъ, а его переписчиками; въ противномъ случаѣ, онъ доказывалъ бы только, что Плиній сдѣлалъ ошибку, что впрочемъ часто встрѣчается въ его сочиненіи, наскоро написанномъ. Греческое слово: *κατάγραφα* означаетъ просто всякій предметъ, воспроизведенный живописью, всякій рисунокъ; идея профиля тутъ нѣтъ.

О портретѣ азіатскаго царя Антигона Плиній говоритъ въ книгѣ XXXV, § 36, въ статьѣ объ Апеллесѣ. «Апеллесъ,» говоритъ Плиній, «написалъ также портретъ царя Антигона (который лишенъ былъ одного глаза), употребивъ средство, придуманное еще прежде для скрытія тѣлесныхъ пороковъ. Онъ изобразилъ его въ профиль, такъ что то, что было недостаткомъ лица, казалось болѣе недостаткомъ картинн.» Плиній приписываетъ необыкновенную важность этому факту, хотя Апеллеса руководилъ въ этомъ случаѣ просто здравый смыслъ художника. Упомянутое объ этомъ портретѣ именно доказываетъ, что портреты обыкновенно писались въ лицо. Квинтиліанъ говоритъ о томъ же портретѣ: «То, что особенно имѣетъ значеніе въ живописи есть — все лицо (*tota facies*, т. е. портретъ *en face*). Апеллесъ однако сдѣлалъ портретъ Антигона въ профиль, дабы скрыть безобразіе утраченнаго глаза.» Итакъ портреты обыкновенно дѣлались въ лицо, и портретъ Антигона, написанный Апеллесомъ, одинъ составлялъ исключеніе. Все

¹ Macrob. Satur. II. 7. Cicero cum in ea provincia quam Quintus frater rexerat vidisset clypeatam ejus imaginem, ingentibus lineamentis usque ad pectus ex more pictam (erat autem Quintus ipse staturae parvae) ait: «Frater meus dimidius major est quam totus».

дошедшіе до насъ художественные памятники подтверждаютъ это мнѣніе. Въ благодарности за услуги, оказанныя государству цезаремъ Августомъ, сенатъ опредѣлялъ сдѣлать въ честь ему серебряный щитъ, на которомъ изображенъ былъ портретъ Августа съ приличною надписью. На монетѣ, изображающей этотъ щитъ и дошедшей до насъ, находится также портретъ и именно въ лицо, а это доказываетъ, что оригинальный портретъ, который находился на щитѣ, былъ тоже въ лицо. Въ палаццо Нанни въ Венеціи сохранилась мраморная доска, которая принадлежала надстолпію храма Минервы въ Аѳинахъ: она представляла посявительную надпись портрета на щитѣ; надъ надписью находился портретъ въ лицо. Неизвѣстно, гдѣ теперь этотъ памятникъ, но онъ изданъ въ числѣ греческихъ памятниковъ того палаццо. Есть еще копии портретовъ въ лицо, писанныя въ Геркуланумъ, и въ одной римской виллѣ нашли Менандра и Софокла, которые изображены на мраморномъ щитѣ и также въ лицо; никогда въ профиль.

Еще слово о неправильномъ переводѣ греческаго термина: *catagrapha* — портретъ въ профиль. Зная исторію искусства, нельзя думать, чтобы профиль означалъ успѣхъ, шагъ впередъ въ искусствѣ. Напротивъ, профиль есть первый опытъ искусства: такъ дитя начинаетъ рисовать съ профили, и дочь Дибутада, сикіонскаго горшечника, изобразившая на стѣнѣ углемъ портретъ своего возлюбленнаго, сдѣлала профиль, а не цѣлое лицо. Египтяне и другіе азіатскіе народы, у которыхъ искусство сдѣлало мало успѣховъ и скоро закоснѣло, никогда не дѣлали портретовъ иначе, какъ въ профиль; у Грековъ древнѣйшія вазы все изображаютъ лица въ профиль, что есть признакъ дѣтства искусства. Напротивъ *catagrapha* означаетъ не *obliquae imagines*, а просто рисунокъ, сдѣланный перомъ или т. п. — Плинію должно читать съ большою осторожностью.

Размѣщеніе портретовъ въ храмахъ. Такъ какъ все эти портреты были посвящены въ храмахъ, то необходимо было ихъ размѣщать матеріально въ такомъ порядкѣ, чтобы они составляли хорошую декорацию. Въ этомъ отношеніи свидетельства древнихъ многочисленны: изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, надписей и текстовъ мы знаемъ, что въ стѣнахъ дѣлались ниши, называемыя *ἀποθήκη*, назначенныя для вставки портретовъ. Онѣ должны были быть довольно велики, потому что иные портреты были поясные, написанныя на щитахъ, другіе въ цѣлую фигуру, написанныя на деревѣ. До этихъ поръ не думали объ этомъ вопросѣ, но онъ чрезвычайно важенъ. Мы должны взять въ соображеніе множество портретовъ всѣхъ родовъ, находившихся въ храмахъ; всѣмъ имъ нужно было найти помѣщеніе или въ нишахъ или въ шкафахъ; при томъ мы должны вспомнить, что, кромѣ того, греческіе храмы, особенно знаменитѣйшіе, наполнены были еще другими посвящен-

ными предметами различнѣйшаго рода, напримѣръ драгоценными тканями и матеріями, всякаго рода оружіемъ, щитами, дорогими вазами, ожерельями и т. д. Если взять все это въ соображеніе, то необходимо вывести важное заключеніе: невозможно, чтобы греческіе храмы, столь наполненные на всѣхъ стѣнахъ различными предметами, могли быть украшены сверхъ того живописью, потому что въ подобномъ случаѣ она была бы скрыта отъ глазъ посвященными предметами. Какія средства употребляли древніе для размѣщенія этого множества предметовъ, мы не знаемъ. Бросимъ однакожъ взглядъ на знаменитѣйшій греческій храмъ. Известно, что въ Парѣенонѣ аѣнскомъ находилось множество посвященныхъ предметовъ; древній инвентарій ихъ, начертанный на мраморныхъ таблицахъ, былъ найденъ въ XVIII-мъ столѣтіи, привезенъ въ Англію и находится теперь въ Британскомъ музеѣ. Недавно было открыто еще нѣсколько досокъ, которыхъ текстъ изданъ однимъ молодымъ французскимъ ученымъ, такъ что теперь число всѣхъ таблицъ простирается отъ 25—30. Въ этомъ каталогѣ точно означены мѣста, гдѣ находились посвященные предметы. Это суть три части храма: 1) *πρῶτος* — передняя часть храма, подъ колоннадою; 2) *κατόπιπεδον* — пространство во 100 футовъ, согласное по названію съ мѣрою составлявшею собственный храмъ, и 3) *Παρθενών* — мѣсто, гдѣ находилась та удивительная статуя Минервы Фидія. Въ этихъ частяхъ Парѣеона аѣнскаго сохранялись посвященные предметы; по множеству священныхъ вещей и сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, названныхъ въ каталогѣ, мы не знаемъ, какъ можно было ихъ размѣстить въ храмъ, котораго стѣны были украшены живописью: живопись была бы скрыта ими отъ взоровъ посѣтителей. Въ описаніи Парѣеона у Павсанія, (Павсаній интересуется описаніемъ не художественныхъ предметовъ, а мѣзовъ), нѣтъ слова о стѣнной живописи; если бы она существовала, то онъ упомянулъ бы объ ней, потому что она вѣроятно изображала бы мѣвы, касающіеся до богини. Павсаній говоритъ только о двухъ картинахъ въ Парѣенонѣ, и эти двѣ картины были вотивные сюжеты, а не на стѣнѣ написанныя картины. Одна изъ нихъ изображала полководца Геліодора; другая Фемистокла, портретъ, сдѣланный его дѣтьми, для того, чтобы загладить несправедливость аѣнскаго народа противъ нихъ отца. Итакъ въ храмѣ всего находились только двѣ замѣчательныя картины.

ПОРТРЕТЫ, СДѢЛАННЫЕ ВЪ СЛѢДСТВІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ДЕКРЕТА.
До этихъ поръ мы говорили только о портретахъ, поставленныхъ разными лицами, по личному побужденію. Но существовали еще портреты, выставленные публично въ слѣдствіе правительственнаго декрета. На это у Грековъ смотрѣли, какъ на величайшую честь. Правда, съ теченіемъ времени, и измѣненіемъ публичныхъ нравовъ, этотъ обычай

перешелъ въ злоупотребленіе. Діонъ Хрисостомъ, современникъ и другъ императора Траяна, говоритъ, что Греція наполнена портретами, выставленными на публичныхъ мѣстахъ, агорахъ, въ портникахъ и т. д. Въ Аѣнахъ почетнѣйшее мѣсто для воздвиженія статуй были Акрополь и Керамикъ, главная улица Аѣинъ, и хотя Римляне увезли множество статуй изъ Аѣинъ, но все таки, даже въ самыя позднія времена, тамъ оставалось ихъ огромное число. Мы не можемъ исчислять здѣсь ихъ подробно, но упомянемъ о главнѣйшихъ. Первыя статуи, выставленныя на публичномъ мѣстѣ, были изображенія Гармодія и Аристогитона, сдѣланныя въ 67-ой олимпіадѣ или въ 509 г. до Р. Х., по Плинію, который говоритъ, что тогда впервые воздвигнуты были изображенія простыхъ смертныхъ, а до тѣхъ поръ ставили статуи однимъ богамъ. — Эти статуи вовсе не были первыя, сооруженныя въ честь смертныхъ людей, но первыя, воздвигнутыя въ слѣдствіе правительственнаго декрета, потому что гораздо прежде уже ставили статуи атлетамъ, борцамъ и т. д.; но эти статуи были воздвигаемы ими самими, ихъ родственниками или соотечественниками, а не декретомъ народнымъ. Вотъ какъ должно понимать слова Плинія. — Изображенія Гармодія и Аристогитона сдѣланы были Антеноромъ. При взятіи Аѣинъ Ксерксомъ, персидскій царь увезъ ихъ, какъ трофеи, въ Сузы, гдѣ онѣ и были выставлены; но когда Александръ Великій покорилъ персидское государство, то, по просьбамъ аѣинскаго посланника, онъ повелѣлъ возвратить ихъ въ Аѣины, гдѣ онѣ и были поставлены на новые пьедесталы, съ новою надписью. Эта база, послѣ столькихъ столѣтій недавно найденная, существуетъ еще нынче въ Аѣинахъ! Находящаяся на ней надпись прочитана: эти статуи сдѣланы Антеноромъ, и мѣсто, гдѣ онѣ стояли, находилось на возвышеніи, соединяющемъ подошву Акрополя съ подошвою холма Ареопага. Когда эти статуи находились еще въ Сузахъ, Аѣиняне, возстановивъ разрушенный Персами городъ, воздвигнули Гармодию и Аристогитону второй памятникъ, произведение художниковъ Критіоса и Несіота, въ 477 г. до Р. Х., на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли статуи Антенора, и гдѣ потомъ, возвращенныя Александромъ Великимъ, древнія статуи были поставлены возлѣ новыхъ. Павсаній видѣлъ еще и тѣ и другія. Какое священное уваженіе существовало въ Аѣинахъ къ мѣсту, на которомъ находился этотъ памятникъ, видно изъ того, что возлѣ него воздвигали изображенія только самыхъ знаменитыхъ и достойныхъ людей. Мы имѣемъ доказательство этого уваженія въ надписи народнаго декрета о знаменитомъ ораторѣ Ликургѣ, который въ теченіи 15 лѣтъ управленія финансами оказалъ важнѣйшія услуги отечеству. Въ этомъ декретѣ народъ опредѣляетъ воздвигнуть ему статую, и дозволяетъ ему поставить ее вездѣ, гдѣ ему будетъ угодно, въ Керамикѣ, на

агоръ и т. д., однимъ словомъ вездѣ, кромѣ лишь того мѣста, гдѣ находились статуи Гармодія и Аристогитона. И этотъ человекъ былъ однакоже Ликургъ! Это любопытная черта, свидѣтельствующая о политическомъ духѣ древнихъ.

Бронзовыя статуи, воздвигнутыя въ слѣдствіе народнаго декрета, были родъ апофеозы великимъ гражданамъ. Сначала и весьма долго эта *героическая почесть* была раздаваема весьма рѣдко, но, съ упадкомъ народнаго правленія, число статуй, воздвигаемыхъ по народному декрету, увеличилось необыкновенно, и скоро явились безчисленныя мастерскія произведенія въ этомъ родѣ. Изъ одного мѣста у Демосеена видно, что первая статуя, воздвигнутая аѣинскому гражданину, послѣ долгаго промежутка, во время котораго никому не ставили статуй, была воздвигнута Конону, возстановителю Аѣинъ послѣ несчастныхъ уроновъ пелопоннесской войны. За ней послѣдовали статуи Хабрію и Тимоею. Вотъ первыя статуи, воздвигнутыя въ слѣдствіе правительственнаго декрета послѣ статуй Гармодія и Аристогитона. Итакъ всѣ статуи, о которыхъ говоритъ Павсаній, что онѣ находятся въ портикахъ Керамяка или Акрополя, статуи Мильтіада и Фемистокла, были гораздо новѣе и воздвигнуты не при жизни ихъ. Онѣ были позднѣе статуй Конона, Хабріа и Тимоея и слѣдовательно изъ временъ македонскихъ. Со времени Александра Великаго роскошь въ статуяхъ такъ увеличилась, что нельзя вообразить себѣ числа ихъ. Лестъ до того усилилась, что одному человеку, напримѣръ Дмитрію Фалерейскому, воздвигалось множество статуй. Кассандръ, царь македонскій, сдѣлалъ этого знаменитаго оратора, приставшаго къ македонской партіи, правителемъ Аттики. Благодаря вліянію Македонянъ, онъ избранъ былъ десятилѣтнимъ архонтомъ въ 318 году до Р. X. Онъ отличился умѣренностью и справедливостью во время своей администраціи въ Аѣинахъ, и Аѣиняне соорудили ему, по сказанію однихъ, 300 статуй, по другимъ 360, а по инымъ даже 1,500. Большая часть изъ нихъ были бронзовыя и конныя статуи. Предполагая последнее число преувеличеннымъ, а первое ниже истины, можно принять, что ему было воздвигнуто 360 статуй. И однакожь когда Дмитрій Полиоркетъ, дабы уничтожить въ Аѣинахъ македонское вліяніе, объявилъ себя возстановителемъ прежней свободы, то въ городѣ образовалось множество заговоровъ противъ жизни Дмитрія Фалерейскаго. Изъ страха и отвращенія къ непостоянству Аѣинянъ онъ удалился въ Египетъ къ Птолемею Лагу, и едва только это успѣло случиться, какъ статуи его были сброшены съ пьедесталовъ, разбиты и перелиты въ сосуды самаго низкаго употребленія.

Портреты въ публичныхъ и частныхъ зданіяхъ. Со временъ Александра Великаго стали помѣщать не только статуи, но и живописные портреты въ ростъ во всѣхъ зданіяхъ. Такъ въ Аѣинахъ было зданіе,

называвшееся Помпеионъ; оно служило магазиномъ, складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ вещей и снарядовъ, употребляемыхъ въ публичныхъ торжествахъ (*τομπαί*). Это зданіе было украшено цѣлыми рядами портретовъ; по извѣстію Плинія живописецъ Кратинъ изобразилъ тамъ рядъ знаменитыхъ комиковъ ¹. Но Помпеионъ былъ не единственное аѳинское зданіе, которое мы можемъ цитовать въ изслѣдованіяхъ, насъ занимающихъ. Въ верхнемъ, ближайшемъ къ Акрополю концѣ Керамика, находилось другое зданіе знаменитое, котораго мѣсто недавно найдено, зданіе назначенное для засѣданій Совѣта Пятисотъ и называвшееся *Βουλευτήριον*. Оно украшено было портретами, изображавшими рядъ знаменитыхъ законодателей, работы Протогена, великаго живописца времени Александра.

Чтобы получить понятіе о множествѣ бюстовъ частныхъ лицъ въ частныхъ домахъ, нужно прочесть одно мѣсто въ Характерахъ Теофраста ². Тамъ *суевѣрный человекъ* занять *цѣлый день* тѣмъ, что кладетъ вѣнки на гермафродитовъ своего дома: это гермы, въ которыхъ двѣ головы находятся на одномъ столбѣ, изображенія или двухъ родственниковъ или двухъ знаменитыхъ лицъ, уроженцевъ одного и того же мѣста. Таковы напримѣръ двойныя гермы Солона и Эврипида, потому что оба были изъ Саламина, Гомера и Архилоха и т. д. Такіе гермафродиты находились въ домѣ Теофрастова суевѣрнаго человека, и вѣроятно всѣ достаточные люди въ Аѳинахъ имѣли ихъ. Суевѣрный человекъ проводить цѣлый день въ томъ, что надѣваетъ на бюсты своихъ родственниковъ вѣнки, вѣроятно съ разными священными церемоніями.

Портреты въ гробницахъ. Кромѣ того существовалъ еще другой классъ портретовъ этого рода: въ гробницахъ извѣстныхъ людей, кромѣ изображенія покойника, ставились еще изображенія близкихъ ему людей или по родственнымъ связямъ или по генію. Такова была возлѣ Аѳинъ могила Исократы, украшенная портретами знаменитыхъ ораторовъ. Гробницы трагическихъ поэтовъ украшались портретами трагиковъ и т. д.

Художественное достоинство греческихъ портретовъ. Эстетическія воззрѣнія древнихъ на искусство. Характеръ переворота, провозвѣданаго въ греческомъ искусствѣ Лисиппомъ. Относительно портретнаго искусства намъ представляется любопытный вопросъ, который мы не можемъ здѣсь изслѣдовать вполне, однако обозначимъ главнѣйшія его

¹ Plin. N. Hist. XXXV. § 40. Cratinus comoedus Athenis in Pompio pinxit.

² Theophr. Char. XXV (XVI). *Περὶ δευδαίμωνίας*. 3. Καὶ ταῖς τετάρταις δὲ καὶ ταῖς ἑβδομάταις προβάξας οἶνον ἔφειν τοῖς ἔνδοις, ἐξελθὼν ἀγοράσαι μυρβίνας, λιβανωτῶν πίνυκα, καὶ ἐξελθὼν εἶδω στεφανοῦν τοὺς Ἑρμαφροδίτους δλην τὴν ἡμέραν.

черты. Вотъ этотъ вопросъ: Слѣдуя какой системѣ подражанія исполняли греческіе художники свои произведенія? Эти искусные артисты, эти знаменитые живописцы и скульпторы, имѣли ли они единственную цѣлью — точно воспроизводить природу, какъ она представлялась ихъ глазамъ и слѣдовательно подражать ей съ самою строгою вѣрностью, или допускали они начало изящнаго, красоту идеальную? Я не думаю, чтобы Греки, подъ словомъ *идеальная красота* разумѣли нѣчто фантастическое. Разсматривая художественное произведеніе, они смотрѣли сперва на то, выбрана ли натура съ толкомъ, потомъ воспроизведена ли она съ талантомъ. Одинъ изъ величайшихъ ваятелей Греціи, прославившихся портретнымъ искусствомъ, былъ Лисиппъ, процвѣтавшій около 350 года до Р. Х.: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ трехъ артистовъ, которымъ Александръ Великій позволилъ воспроизводить свои черты. Этотъ великій художникъ, портретистъ, *ἀνδριαντοποιός* (а не *ἀγαλματοποιός*), обладавшій превосходными качествами въ своемъ искусствѣ, по увѣренію древнихъ вмѣстѣ съ Праксительемъ *достигъ до истины въ искусствѣ наилучшимъ образомъ*. Это говоритъ Квинтиліанъ, XII. 10. «Утверждаютъ (вотъ слова его), что Лисиппъ и Пракситель достигли до истины наилучшимъ образомъ, потому что Димитрій (тоже известный аѳинскій художникъ) упрекаютъ въ преувеличенномъ подражаніи природѣ. Онъ любилъ болѣе сходство, нежели красоту»¹. Изъ этого мѣста ясно видно, что Лисиппъ и Пракситель достигли совершенства въ искусствѣ, соединяя истину природы съ стремленіемъ къ изящной, идеальной красотѣ, а Димитрій, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, отличался тѣмъ, что слишкомъ близко подражалъ дѣйствительности, не выбиралъ изящныхъ образцовъ, однимъ словомъ, въ искусствѣ воспроизводилъ истину ежедневную, площадную. Этотъ художникъ жилъ въ IV-мъ вѣкѣ и прославился своею *Музыкальною Минервою*, такъ названною потому, что змѣи, украшавшія ея горгону, при сотрясеніи издавали звукъ, похожій на звукъ музыкальнаго инструмента. Димитрій, кажется, совершенно лишень былъ чувства изящной красоты. Вѣрное доказательство справедливости этого мнѣнія находится у Лукіана, который, въ *ΦΙΛΟΣΟΦΙΑΝ*, говоритъ о коринѣскомъ генералѣ Пеллихосѣ, который своими военными доблестями заслужилъ себѣ статую работы Димитрія. Пеллихосъ былъ славный генералъ, но человекъ уже со всѣми недостатками старости: лысый, съ надутымъ животомъ и т. д. Описаніе статуи этого старика, страдавшаго водяною болѣзнію, у Лукіана весьма живо. «Видѣлъ ли ты статую Пеллихоса², коринѣскаго генерала? Это

¹ Quint. XII. 10. Ad veritatem Lysippum et Praxitelem accessisse optime affirmant: nam Demetrius tanquam nimius in ea reprehenditur et fuit similitudinis quam pulchritudinis amantior.

² Лукіанъ зоветъ Пеллихоса Пеллихосомъ.

старикъ съ надутымъ животомъ; онъ лысъ и полунагъ; вѣтеръ развѣваетъ жидкіе волосы его бороды, и жилы все до одной рѣзко выдаются на поверхности кожи. Эта статуя — точно живой человекъ¹.» Мы видимъ, что Дамитрій изобразилъ Пелихоса безъ малѣйшаго отступленія отъ оригинала, но съ талантомъ. Какъ понималъ онъ искусство, видно изъ описанія другой статуи, вѣроятно вышедшей изъ его же школы. Оно находится въ письмахъ Плинія-младшаго². «Изъ полученнаго мною наслѣдства я недавно купилъ статую коринѣской бронзы, правда небольшую, но отчетливо сдѣланную и выразительную, сколько могу судить въ этомъ дѣлѣ я — плохой судья можетъ быть и вообще, но уже рѣшительно не знатокъ въ дѣлѣ скульптуры. Но эту статую даже я понимаю, потому что она совершенно нагая и слѣдовательно не скрываетъ ни своихъ недостатковъ, ни красоту. Она изображаетъ стоящаго старика: кости, мускулы, вены, даже морщины — все это, какъ на живомъ человекѣ. Волосы у него рѣдкіе и падаютъ въ беспорядкѣ, лобъ широкій, лицо сжалось, шея вытянулась, мышцы ослабли, грудь повисла и животъ впалъ. И сзади это опять тотъ же самый старикъ, что спереди. Даже бронза обличаетъ старину и ветхость своимъ потемнымъ цвѣтомъ. Словомъ, все въ этомъ бронзовомъ старикѣ приковываетъ глаза художника и останавливаетъ восторженные взоры простаго зрителя. Вотъ почему я — профанъ въ дѣлѣ искусства — купилъ эту статую и купилъ не для того, чтобы держать ее у себя, потому что въ моемъ домѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одной коринѣской статуи, но за тѣмъ, чтобы поставить ее въ знаменитомъ мѣстѣ на моей родинѣ — въ храмѣ Юпитера. Даръ, думаю я, достойный храма, достойный божества.» Вотъ точное описаніе манеры Дамитрія, который не страшился передать въ художественномъ произведеніи старческую грудь, отвислый животъ и прочіе тѣлесные недостатки болѣзненной старости. Но о Ласиппѣ древніе говорятъ, что онъ достигъ до истины въ искусствѣ наилучшимъ образомъ. Въ чемъ же состоитъ это его достоинство? Хотя оригиналы

¹ Luciani Philops. c. 18. *ὅτι δὲ εἴ τινα παρὰ τὸ ὄσασ τὸ ἐπιβῆον εἶδες προυκίτορα, φιλαντίαν, ἡμίγυμνον τὴν ἀναβολὴν. ἡνωμένον τοῦ πάγυνο: τὰς τριχὰς ἐνίας, ἐπίθμον τὰς φλέβιας, αὐτοανδράπων ὄμοιον, ἐκείνον ἄγων, Πέλιχος ὁ Κορινθίος στρατηγὸς εἶναι δοκεῖ.*

² Plinii Epist. III. 6. Ex hereditate, quae mihi obvenit, emi proxime Corinthium signum, modicum quidem, sed festinum et expressum, quantum ego sapio, qui fortasse in omni re. in hac certe perquam exilium sapio: hoc tamen signum ego quoque intelligo. Est enim nudum, nec aut vitia, si qua sunt, celat, aut laudes parum ostendat. Effingit senem stantem, ossa, musculi, nervi, venae, rugae eiam ut spirantis apparent: rari et cedentes capilli, lata frons, contracta facies oculi callum; pendent laerti, papillae jacent, recessit venter. A tergo quoque eadem aetas, ut a fronte. Aes ipsum, quantum verus color indicat, vetus et antiquum. Talia denique omnia, ut possint artificum oculos teneri, delectare imperitorum. Quod me, quamquam tirunculum, sollicitavit ad emendum. Emi autem, non ut haberem domi (neque enim ullum ad hoc Corinthium domi habeo), verum ut in patria nostra celebri loco ponerem; ac potissimum in Jovis templo. Videtur enim dignum templo, dignum deo donum.

статуи Лисиппа до насъ не дошли, но изъ многочисленныхъ древнихъ копій видно, что его метода состояла въ соединеніи, примиреніи (conciliation) греческаго идеала съ истиною въ природѣ. Это была задача, достойная искуснаго и гениальнаго художника. Когда Лисиппъ хотѣлъ сдѣлать портретъ, то, имѣя въ виду двойную цѣль, которой хотѣлъ достигнуть, онъ старался сперва воспроизвести все, что характеризировало это лицо (отличало отъ другихъ) въ позѣ, въ движеніяхъ т. д. Потомъ онъ опускалъ всѣ ненужныя детали, противурѣчащія чувству изящнаго, подробности, которыя часто вмѣсто того, чтобы украшать произведеніе, его обезображиваютъ. Къ сожалѣнію, оригинальныя произведенія Лисиппа, какъ я уже сказалъ, потеряны: время и люди разрушили ихъ. Но чтобы вознаградить насъ за недостатокъ въ его оригинальныхъ произведеніяхъ, до насъ дошло столько подробныхъ описаній лицъ, воспроизведенныхъ его рвцомъ, что мы легко можемъ составить себѣ идею о произведеніяхъ этого великаго художника. Кроме того, мы можемъ судить о его манерѣ по римскимъ копіямъ, сдѣланнымъ, вѣроятно, съ произведеній Лисиппа. Такъ напримѣръ извѣстно, что онъ сдѣлалъ Сократа въ афинскомъ Помпеіонѣ. Эта фізіогномія очень некрасивая; любимый ученикъ Сократа — Платонъ, въ разговорѣ «Симпосіонъ» описываетъ его похожимъ на Силена. Голову Сократа можно найти во всѣхъ музеяхъ; нѣкоторые бюсты изображаютъ его похожимъ на Силена, и нѣтъ сомнѣній, что они истинны. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отъ выраженія ума, въ нихъ вложеннаго, есть что-то высокое, какое-то чувство красоты. Вѣроятно эти послѣдніе бюсты сдѣланы римскими художниками по оригиналу Лисиппа. То же видно и изъ другихъ памятниковъ. Такъ напримѣръ Лисиппъ сдѣлалъ портреты семи греческихъ мудрецовъ. Судя по времени, когда онъ жилъ (семь мудрецовъ принадлежатъ VII-му, VI-му и V-му вѣку до Р. Х.), можно заключать, что это были не дѣйствительные портреты, но совершенно условныя изображенія, изобрѣтенныя по фізіогноміи ученія и сочиненій этихъ философовъ, по всѣмъ даннымъ, которыя могъ въ то время найти Лисиппъ. Таковъ и знаменитый портретъ Гомера въ Неаполѣ, превосходно передающій нравственную фізіогномію великаго поэта. Портретъ Эзопа, сдѣланный Лисиппомъ, по словамъ Федра, поставленъ былъ въ Афинахъ, вѣроятно въ Помпеіонѣ; но какъ изобразилъ его Лисиппъ? — Эзопъ, намъ извѣстно, былъ уродъ. И таковымъ вѣроятно сдѣлалъ его Лисиппъ, не скрывъ его уродства, но вѣроятно въ то же время, онъ умѣлъ представить его такъ, что показалъ и обнаружилъ все, что въ лицѣ его было умнаго, тонкаго, философскаго, и подобною комбинаціею природы съ идеаломъ умѣлъ реализовать типъ Эзопа въ искусствѣ. Это описаніе принадлежитъ моему фантазіи, но въ бюствѣ, хранящемся въ валѣ Албани въ Римѣ, сдѣланномъ,

вѣроятно, по оригиналу Лисиппа, мы видимъ соединеніе всѣхъ выше-названныхъ характеристическихъ чертъ. Видѣвшіе этотъ бюстъ вѣроятно его не забыли. Такъ велико было греческое искусство въ портреты: оно удивительнымъ образомъ соединяло въ одно и то же время дѣйствительнаго человѣка и идеалъ. Оно торжествуетъ въ портреты, и это торжество состоитъ въ соединеніи двухъ началъ: подражанія природы и чувства изящнаго.

Сказанное относится къ эпохѣ высшаго развитія греческаго искусства; но у насъ есть свидѣтельство, что уже въ древнѣйшую эпоху Греки умѣли вѣрно передавать и списывать природу. Гиппонактъ, поэтъ, жившій въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х., былъ очень не красивъ. Бупаль и Стенксъ, славные артисты, которые не любили его за сатирическіе стихи, сдѣлали въ скульптурѣ его карриатуру, которую выставили публично. Гиппонактъ пришелъ оттого въ ярость и написалъ столь ядовитые стихи на этихъ двухъ скульпторовъ, что, по преданію, принудилъ ихъ повѣситься. Плиній (N. H. XXXVI, 4) говоритъ, что это не правда, потому что извѣстны произведенія ихъ, позднѣе этого происшествія. Какъ бы то ни было, карриатурный портретъ поэта, искажая черты лица, предполагаетъ въ художникахъ умѣнье вѣрно и свободно передавать природу. Еще важный фактъ: Лисистратъ, братъ Лисиппа, тоже хорошій скульпторъ, первый, по словамъ Плинія (N. H. XXXV, 44), возымѣлъ мысль снять алебастровый слѣпокъ съ лица живаго человѣка; потомъ онъ наполнялъ эту пустую маску воскомъ, поправлялъ восковую фигуру по живому оригиналу и такимъ образомъ получалъ самые вѣрные портреты. Подобные снимки дѣлалъ онъ также съ извѣстныхъ статуй и такимъ образомъ получалъ алебастровые слѣпки, похожіе на наши. Изобрѣтеніе его имѣло такой успѣхъ, что съ его временъ статуи не дѣлались безъ глиняной модели¹. Итакъ этотъ процессъ самаго точнаго и вѣрнаго сниманія съ природы былъ введенъ только со временъ Лисиппа. «Лисистратъ первый», говоритъ Плиній, «постановилъ правиломъ передавать сходство лица; до него художники старались дѣлать лица какъ можно болѣе красивыми». Изъ этихъ словъ мы ясно видимъ, что это было уже не подражаніе природе, а сама живая модель. До него подражали только изящной природе, брали въ природѣ только изящное; онъ первый ввелъ изученіе истины матеріальной.

¹ Plinii N. H. XXXV. 44. Hominis autem imaginem gypso e facie ipsa primus omnium expressit, ceraque in eam formam gypsi infusa emendare instituit Lysistratus Sicyonius, frater Lysippi. Hic et similitudinem reddere instituit: ante eum quam pulcherrimas facere studebant. Idem et de signis effigiem exprimere invenit. Crevitque res in tantum, ut nulla sig. a, statu aeve, sine argilla fierent.

ПОРТРЕТЫ НА ПАНАТЕЙСКОМЪ ПЕПЛОСѢ. Въ «Введеніи въ Иконографію» у Висконти исчислены источники этого предмета, но онъ забылъ еще портреты, вышитые, по религиозному обычаю, на панатенейскомъ пеплосѣ богини Паллады. Большіе панатенейскіе праздники торжествовались каждыя пять лѣтъ, малые ежегодно. Въ эти праздники статуя Аѳины въ древнемъ храмѣ ея, Эрехеонѣ, была облакаема тканью, которую вышивали дѣвушки знаменитѣйшихъ аѳинскихъ семействъ. На ней изображались первоначально главнѣйшія дѣянія Аѳины и черты изъ гигантомахіи, въ которой она принимала столь славное участіе. Но скоро ввелся обычай вышивать на этой ткани портреты лицъ, прославившихся на войнѣ, особенно аѳинскихъ полководцевъ. На пеплосѣ вышивали цѣлыя фигуры, обыкновенно многихъ знаменитыхъ лицъ, и ежегодно на немъ являлись новыя портреты. Изъ достовѣрныхъ фактовъ, до насъ дошедшихъ, мы знаемъ, что этотъ обычай, введенный въ Аѳинахъ въ до-перикловскія времена, сохранялся тамъ даже въ эпоху римскаго владычества, потому что портретъ Марка Антонія, по словамъ Діодора Сицилійскаго, былъ на немъ вышитъ. Этому аѳинскому обычаю вышивать портреты на пеплосѣ подражали и въ другихъ городахъ. Аристотель одно изъ своихъ сочиненій даже назвалъ: *Πέπλος*. Это были біографіи героевъ временъ Гомера, о которыхъ Аристотель собралъ всѣ возможные свѣдѣнія; статья о каждомъ героѣ была сопровождаема надгробною надписью въ стихахъ для его гробницы. Такихъ надписей до насъ дошло много, съ именемъ и безъ имени Аристотеля. Точныя указанія объ этомъ предметѣ можно найти въ отличной монографіи Шнейдевина: *de reple Aristotelis Stagiritae*. Здѣсь собраны всѣ свѣдѣнія о потерянномъ сочиненіи Аристотеля, всѣ его дистихи и тѣ, которые могутъ ему принадлежать. Ясно, что Аристотель выбралъ заглавіе для своего сочиненія о жизни и смерти гомерическихъ героевъ, явля въ виду панатенейскій пеплосъ, на которомъ были вышиты изображенія знаменитыхъ воиновъ.

Медали и монеты. Иконографическій источникъ, также весьма обильный, и, главное, весьма достовѣрный, составляютъ медали и монеты, на которыхъ со временъ Александра Великаго являются портреты царей, знаменитыхъ лицъ и т. д. Но только со временъ Александра Великаго; хотя Висконти въ «Введеніи въ Иконографію» и говоритъ, что греческіе города имѣли обычай еще до Александра Великаго выбивать портреты на монетахъ. Онъ ошибся: при Александрѣ и его пріемникахъ впервые стали изображать на монетахъ портреты живыхъ людей.

Сначала типомъ служила голова какого нибудь животнаго или другое подобное изображеніе. Древнѣйшія греческія монеты, дошедшія до

нась, суть эгинскія: на нихъ изображена черепаха, а на оборотъ ядолобленный четверугольникъ, раздѣленный полосами, его пересѣкающими. Долгое время монетное искусство у Грековъ оставалось въ этомъ состояніи дѣйстви и безъ сомнѣнія прошло не мало времени до тѣхъ поръ, пока не дошли до искусства двѣять типъ и на оборотъ. Когда это нововведеніе вошло въ общее употребленіе (думаютъ, что это изобретеніе сдѣлано было въ Аѣинахъ), то на монетахъ начали выбивать съ одной стороны типъ мѣстнаго божества, съ другой — символическое животное, ему посвященное. Такъ на аѣинскихъ тетрадрахмахъ находится съ одной стороны Минерва, съ другой — посвященная ей сова. Всѣ монеты этой эпохи похожи одна на другую: на монетахъ Аргоса изображенъ волкъ, на монетахъ Беотіи — щитъ. Но съ Александра Великаго является другая система. Должно дать себѣ отчетъ въ этой перемѣнѣ и въ обстоятельствахъ, которыя заставили поступить такимъ образомъ Александра Великаго. Александръ самъ вѣрилъ, что онъ богъ. Уже во время битвы при Граникѣ его считали и вѣроятно онъ самъ считалъ себя богомъ, и вотъ тому доказательство. Когда онъ прибылъ въ Эѣесъ, то онъ увидѣлъ, что жители снова строятъ свой знаменитый храмъ, разрушенный Геростратомъ въ годъ рожденія Александра; но доходы ихъ были недостаточны, и храмъ оставался недостроеннымъ. Александръ предложилъ жителямъ докончить его, если они упомянутъ его имя въ посвянительной надписи храма. Эѣесей не смѣли прямо отказать, но это предложеніе не было пріятно ихъ патріотической гордости: они желали построить свой храмъ изъ собственныхъ средствъ. Чтобы смягчить непріятный отказъ, они отвѣчали Александру: «богу не прилично строить храмъ богамъ». (По Страбону). Мы видимъ, что Александръ уже въ это время считался богомъ, ибо вѣроятно онъ остался доволенъ уклончивою лестію Эѣесевъ. Скрытая насмѣшка могла заключаться въ отвѣтъ ихъ, но именно только скрытая: иначе Александръ не принялъ бы этой злой лести. А послѣ длиннаго ряда великихъ битвъ и великихъ дѣяній Александръ уже совершенно вѣрилъ въ свою божественность, особенно со времени посѣщенія храма Юпитера-Аммона; съ этой эпохи Александръ въ публичныхъ актахъ называется *сыномъ Аммона*. Даже портреты изображали его съ рогомъ Аммона, и онъ хотѣлъ, чтобы греческіе города обращались съ нимъ, какъ съ богомъ. Декретъ объ апоѣозѣ Александра былъ всездѣ принятъ европейскими Греками, кромѣ Аѣинъ, долго не хотѣвшихъ признать за нимъ это новое достоинство бога. Спартанцы напротивъ отвѣчали лаконически: «такъ какъ Александръ хочетъ быть богомъ, пусть будетъ имъ». Впрочемъ черезъ нѣсколько времени всякая оппозиція противъ этого постановленія исчезла. Когда Александръ умиралъ, неизвѣстно, отъ излишества ли въ развратѣ или въ слѣдствіе яда Антипатрова, много депутацій

отъ греческихъ городовъ находилось въ Вавилонѣ для донесенія ему о народныхъ опредѣленіяхъ, признававшихъ его богомъ. Поэтому неудивительно, что онъ велѣлъ перенести свое изображеніе на монету. Мы смѣло можемъ допустить, что при этомъ онъ руководился идеей о своей божественности. Монеты время Александръ, которыми богаты всѣ нумизматическіе кабинеты, суть во 1-хъ золотыя и во 2-хъ серебряныя. На золотыхъ изображена голова Минервы, его богини - покровительницы, а на оборотъ — побѣда, которая держитъ вѣнецъ. Выбитая позже серебряная монета въ четыре драхмы, равняющаяся пятифранковой французской монетѣ, съ одной стороны имѣетъ изображеніе безбородаго героя съ львиною шкурою; съ другой — Юпитера съ орломъ. Кто этотъ безбородый молодой человекъ, Александръ или Геркулесъ? Я нисколько не сомнѣваюсь, что это не идеальная голова, а портретъ Александра. Во первыхъ, эта голова не можетъ принадлежать Геркулесу, потому что она не имѣетъ ни одной характеристической черты изъ тѣхъ, которыя отличаютъ это миеологическое лицо; во вторыхъ, эта голова нисколько не походитъ на изображенія Геркулеса, находящіяся на древнихъ македонскихъ монетахъ. Итакъ это голова не идеальная, а портретъ Александра. Далѣе, есть еще фактъ, рѣшительно говорящій въ пользу этого мнѣнія. Не смотря на свое необузданное честолюбіе, генералы — наследники Александра сначала подавали видъ, будто бы управляютъ провинціями, которыми они овладѣли, во имя наследниковъ великаго завоевателя. Лишь послѣ раздѣла 311 года они начали править въ полномъ смыслѣ этого слова и чеканить монету. Такимъ образомъ до насъ дошли монеты Александровыхъ генераловъ, напримѣръ Лисимаха, на которыхъ находится его имя съ титуломъ царя. На этихъ монетахъ мы видимъ также изображеніе юнаго и безбородаго героя, но этотъ герой имѣетъ здѣсь особенность, именно — бараній рогъ, указывающій на сына Юпитера Аммона, т. е. Александра. Лисимахъ не смѣлъ выбивать на монетѣ свой портретъ. Онъ и его товарищи всѣми силами старались быть признанными за законныхъ наследниковъ иль прежняго повелителя. Чтобы заявить свое законное право на престолъ, онъ чеканилъ монету съ портретомъ Александра и его характеристическимъ признакомъ. И дѣйствительно, сравнивая типы этой его монеты съ упомянутыми четырехдрахмовыми монетами Александра Великаго, мы видимъ одно и то же лицо. Есть еще монета египетскаго царя Птолемея Сотера, на которой съ одной стороны изображенъ юный герой съ кожею слона (символь Африки) и бараньимъ рогомъ; на другой — Минерва, съ надписью: *ΛΙΣΙΜΑΧΟΥ*. Итакъ эта монета сдѣлана въ память Александра, и на ней та же голова, что на монетахъ Лисимаха и самого Александра Македонскаго. Совершенно тѣ же черты представляетъ

намъ подлинная герма Александра, въ Луврскомъ музеѣ, если смотреть на нее въ профиль.

Ближайшіе преемники Александра, т. е. цари первой генераціи, принуждены были дѣйствовать съ большою осторожностью. Во Фракіи, Македоніи, Сиріи, Египтѣ, память о прежнемъ ихъ повелителѣ была еще слишкомъ свѣжа: они не смѣли явно равнять себя съ Александромъ, котораго наследниками однакоже объявляли себя. Это поведеніе объясняетъ намъ причины, побудившія ихъ сохранить на монетѣ типъ Александра. Но съ теченіемъ времени не нужно уже было такой воздержности. Такъ въ Египтѣ Птолемей Филадельфъ, наследникъ Птолемея Лага, съ первыхъ годовъ царствованія чеканилъ монету, на которой сначала былъ изображенъ портретъ его отца — старика, съ его именемъ, а позднѣе его собственный портретъ. Должно замѣтить также, что многія монеты этого царя имѣютъ два портрета: это портреты Птолемея Филадельфа и его сестры и супруги Арсиной; на нихъ находится греческая надпись: *ΘΕΩΝ ΑΔΕΛΦΩΝ*. — Сирія вскоре послѣдовала примѣру Египта. Селевкъ I, называвшій себя также богомъ, имѣлъ наследникомъ сына своего Антиоха I. Антиохъ чеканилъ на монетѣ сперва изображеніе своего отца, съ надписью: *ΘΕΟΣ*, а потомъ свое собственное. Съ этой эпохи македонская система сдѣлалась всеобщею и была принята царями Фракіи, Пергама, Ввоніи, Коммагены и т. д. Даже Сицилія послѣдовала всеобщему примѣру, и Геронъ II выбивалъ на монетѣ сперва изображенія своихъ предковъ, а потомъ свой собственный портретъ. Такимъ образомъ монеты сдѣлались богатымъ источникомъ для портретовъ.

Въ монетномъ дѣлѣ, какъ и въ прочихъ искусствахъ, Римъ пошелъ по пути, предназначанному Греціей. Въ продолженіи долгаго времени въ Римѣ была въ употребленіи только тяжелая мѣдная литая монета, называвшаяся: асъ, и имѣвшая свои подраздѣленія, отъ половины асса, *sestis*, до унціи. На этой монетѣ изображался типъ какого либо божества или его символъ. За тѣмъ послѣдовали серебряные денаріи, съ изображеніемъ богини Рима, *dea Roma*. Но къ концу республики, когда Римляне узнали греческіе обычаи, когда покореніе Египта, Сиріи, Греціи и Испаніи, наполнило Римъ сокровищами цѣлаго міра, въ фабрикации монеты произошла значительная перемѣна. Римскіе монетные триумвиры, *triumviri monetales*, позволили себѣ бить на монетѣ изображенія своихъ предковъ, хотя на счетъ этого предмета не существовало никакого закона. Такъ фамиліи, производившія себя отъ первыхъ царей, били на монетѣ вымышленныя изображенія Нумы, Анка Марціи и т. д. Римскія аристократическія фамиліи имѣли обычай сохранять въ атриумахъ своихъ домовъ изображенія предковъ, и эти-то портреты,

болѣе или менѣе достовѣрные — мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе ниже — дали возможность монетнымъ триумвирамъ чеканить на римской монетѣ изображенія своихъ предковъ.

Обычай чеканить монету съ изображеніями знаменитыхъ людей продолжался съ Александра Великаго до періода самаго глубокаго упадка древняго міра.

Въ эту позднюю эпоху является классъ монетъ, не важный въ артистическомъ отношеніи; но на немъ находятся портреты, не встречающіеся въ другихъ классахъ. Это такъ называемые *конторніаты*. Они дѣлались въ IV-мъ и V-мъ вѣкѣ по Р. Х., для игръ въ циркѣ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ: ихъ бросали на память собравшемуся народу. Эти жетоны древнихъ временъ существуютъ во всѣхъ нумизматическихъ собраніяхъ во множествѣ: на нихъ часто встречаются портреты знаменитыхъ людей. Эпоха глубокаго упадка искусства объясняетъ недостаточность этихъ портретовъ въ артистическомъ отношеніи, но сравнивая ихъ съ другими древними памятниками видно, что неискусные граверы этихъ медалей брали хорошіе образцы и употребляли все стараніе для сохраненія сходства въ портретахъ. Такимъ образомъ въ художественномъ отношеніи незначительные конторніаты въ отношеніи сходства заслуживаютъ довѣрія. Портреты Виргилія и Горация напримѣръ извѣстны намъ только изъ этихъ жетоновъ; въ другихъ родахъ художественныхъ предметовъ эти драгоценные портреты до насъ не дошли.

Портреты на рѣзныхъ камняхъ. Новый классъ портретовъ представляютъ памятники глиптическіе, т. е. рѣзные камни. Граверы на драгоценныхъ камняхъ были тѣ же самыя лица, которые гравировали на мѣди и на другихъ металахъ. До насъ дошло такого рода рѣзныхъ камней цѣлое множество, и этотъ обширный классъ представляетъ много портретовъ знаменитыхъ людей, но для насъ онъ лишился своего огромнаго значенія, потому что не даетъ намъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя мы находимъ на монетахъ; именно: на рѣзныхъ камняхъ чрезвычайно рѣдко бываетъ означено имя и титулъ изображеннаго лица, а безъ надписи трудно узнать портретъ. Это очень достойно сожалѣнія: для иконографіи камни съ портретами, но безъ надписи, бесполезны. Здѣсь есть еще опасность другаго рода: съ XV-го вѣка, со временъ возрожденія наукъ и искусствъ въ Западной Европѣ, очень искусные итальянскіе художники начали на древнихъ камняхъ прибавлять къ портретамъ апокрифическія надписи для возвышенія дѣяности этихъ камней. Еще чаще производили они двойной подлогъ: поддѣлывали и портретъ и надпись. Примѣровъ такого подлога мно-

жество: я приведу только одинъ. Долго славилась два камня, на которыхъ, по надписямъ, находились портреты Александра Великаго и Фокіона и стояло имя гравера: Пирготелесъ. Это былъ славный художникъ времени Александра, которому одному Александръ позволилъ рѣзать на камнѣ свои изображенія, какъ въ другихъ вѣтвяхъ искусства онъ давалъ подобное позволеніе только Лисиппу и Апеллесу, потому что хотѣлъ быть изображеннымъ лучшими художниками въ каждомъ родѣ. Плиній говоритъ о Пирготелесѣ. Эти два камня долго считались подлинными, такъ же, какъ и надпись на нихъ, но стоитъ только прочесть Вазари: онъ хвалитъ гравера XVI-го вѣка Александра Чезаря, или правильнѣе, Чезатта, который прославился прекрасно-вырѣзаннымъ портретомъ Фокіона; кромѣ того, и вотъ что главное, форма буквъ на надписи — новая, и поэтому эти камни подложны. Подобные обманы повторялись часто въ новѣйшія времена; поэтому рѣзные камни должно разсматривать и изучать съ большою осторожностью.

Портреты въ библиотекахъ. Кромѣ нумизматики и глиптики въ древности существовалъ еще другой обычай для распространенія портретовъ знаменитыхъ людей. Со времени Александра Великаго вкусъ публики къ людямъ ученымъ, софистамъ, риторамъ, и т. д. чрезвычайно развился. Такъ какъ ученики Лисиппа были очень многочисленны, то портреты знаменитыхъ писателей и ученыхъ, которые дѣлались для библиотекъ, стали съ этого времени тоже очень многочисленны. Я упомяну только о знаменитѣйшей библиотекѣ древняго міра. Въ Александріи Птолемей Лагъ былъ основателемъ обширнаго книгохранилища, известнаго подъ именемъ Серапеума, котораго исторія составляла у древнихъ предметъ многочисленныхъ сочиненій. Мы знаемъ изъ сочиненія Плинія Старшаго,—и это должно въ особенности замѣтить,—что манускрипты великихъ писателей, философовъ и поэтовъ, здѣсь собранные, были украшены рисованными портретами, а залы, въ которыхъ находились эти сочиненія, ихъ бюстами изъ бронзы и мрамора. До насъ дошли свидѣтельства изъ V-го ст. по Р. X., что еще въ эту позднюю эпоху александрійская библиотека была наполнена портретами. То же самое было и въ Пергамѣ. Какое огромное число портретовъ должны были содержать эти библиотеки!

Когда Римляне войною проникли въ Азію и тамъ познакомились съ греческимъ искусствомъ, то вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ перешелъ и къ нимъ. Тамъ же приобрѣли они вкусъ и къ портретамъ знаменитыхъ людей. У нихъ возродилось желаніе владѣть подобными портретами, и они тысячами увозили ихъ въ Римъ. Такъ поступали не только великіе завоеватели, каковы были Помпей и Силла, покорявшіе ог-

ромныя государства, но даже простые консулы и преторы, какъ напр. Верресъ, который прославился своими грабежами. Римъ въ концѣ республики, былъ наполненъ греческими и азіатскими произведеніями всѣхъ родовъ и въ особенности портретами. Римляне особенно любили портреты знаменитыхъ людей, и мы изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ знаемъ, что въ эту эпоху не строили большого дома, не прибавивъ пинакотеки (картинной галереи), въ которой находились писанные портреты. Этимъ свидѣніемъ мы обязаны Витрувію, который даетъ правила построенія пинакотекъ. Изъ свидѣтельства Плинія (N. H. XXXV, 2) мы знаемъ, что пинакотеки въ Римѣ были наполнены греческими портретами, даже изъ старыхъ школъ. Онъ жалуется, что отечественные портреты, портреты предковъ, пренебрежены и забыты. «Нынѣшніе Римляне, говоритъ онъ, и украшаютъ пинакотеки старинными картинами и воздаютъ почести чужеземнымъ портретамъ. Иначе было у нашихъ предковъ: они глядѣли не на статуи иностранныхъ артистовъ, на мраморныя или бронзовыя изображенія, а на портреты своихъ предковъ¹. Вотъ важный фактъ, указывающій, какое огромное количество греческихъ портретовъ перешло въ Римъ въ коллекціи частныхъ людей. Въ эту же эпоху основаны были въ Римѣ двѣ большія бібліотеки: одна — Палатинская — Августомъ на Палатинѣ, и другая — Полюномъ на Авентинѣ; въ нихъ находились портреты и манускрипты. «Нынѣ», говоритъ Плиній (кн. XXXV, гл. 2), «въ бібліотекахъ сооружаютъ изъ золота или серебра или по крайней мѣрѣ изъ бронзы изображенія тѣхъ людей, которыхъ безсмертный духъ говорить въ этихъ мѣстахъ².» Такимъ образомъ обычай, введенный Птолемями въ Александрію, перешелъ и въ Римъ. Любопытно знать устройство древнихъ бібліотекъ. Въ одномъ изъ писемъ Цицерона къ Аттику есть описаніе расположенія его бібліотеки. Манускрипты, писанные на пергаментъ или папирусъ, навертывались на деревянную палку, которая служила имъ осью и оттого они назывались: *volumen* (отъ *volvere* — свертывать) — свертокъ; ихъ клали въ *serinium* — котораго форма видна изъ многихъ статуй, гдѣ у ногъ писателя или оратора находится подобный *serinium*. Манускрипты сберегались въ шкафахъ — *armaria*, въ которыхъ находились полки; на шкафу была подпись — *rubrica*, съ именемъ автора, означавшая, что въ этомъ отдѣленіи находились всѣ его сочиненія или выборъ изъ нихъ. На шкафѣ стоялъ портретъ автора, а передъ шкафомъ было сидали-

¹ Pliii N. H. XXXV. 2. . . . pinacothecas veteribus tabulis consunt, alienasque effigies colunt. Aliter apud majores: in atriis haec erant, quae spectarentur, non signa exteruorum artificum, nec aera, aut marmora: expressi cetera vultus singulis disponebantur armariis....

² Pliii N. H. XXXV. 2. Non est praetereundum et novitium inventum. Siquidem non solum ex auro argenteo aut certe ex aere in Bibliothecis dicantur illi, quorum immortales animae in locis iisdem loquuntur: quin immo etiam quae non sunt, finguntur.

ще — *sedicula*, на которое садились, брали книгу и читали. Нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ древнiя книгохранилища были расположены такимъ же образомъ, какъ Цицеронъ описываетъ устройство своей библіотеки.

Портреты на кольцахъ, сосудахъ, одеждахъ и т. д. Размножившееся число портретовъ такъ распространило вкусъ къ нимъ, что портреты дѣлались даже на кольцахъ и чашахъ, назначенныхъ для питья. Плиній рассказываетъ это объ портретѣ Эпикура. Изъ другихъ свидѣтельствъ извѣстно, что портреты дѣлались даже на серебряныхъ блюдахъ. Со временъ Александра Великаго серебро служило для скульптуры всякаго рода предметовъ, напр. вазъ, мебели и т. д. При сирійскомъ и египетскомъ дворахъ роскошь въ этомъ отношенiи дошла до высочайшей степени: всѣ мебели были украшены фигурами и портретами. Нѣкоторые художники, которыхъ произведенiя для насъ потеряны, прославились въ этомъ родѣ своимъ изящнымъ вкусомъ, котораго отблескъ мы можемъ видѣть въ нѣкоторыхъ вещахъ греческой работы, найденныхъ въ Помпеи. Вкусъ къ портретамъ заставлялъ Римлянъ вводить ихъ повсюду: это видно напримѣръ изъ серебрянаго туалетнаго ящика какой-то римской дамы V-го вѣка, принадлежащаго герцогу Блакасу, на которомъ находятся два портрета. Портреты изображались также на тканыхъ коврахъ и вышитыхъ одеждахъ, и этотъ обычай сохранился до V-го вѣка по Р. X., потому что Юаннъ Златоустъ жалуется, что его прихожане вышиваютъ портретъ Александра на всѣхъ одеждахъ, считая его за талисманъ.

Сочиненiя объ иконографiи, существовавшiя въ древности. Первое римское иконографическое сочиненiе приписывается Аттику, другу Цицерона. О немъ говоритъ Плиній. «Свидѣтелями страсти къ портретамъ могутъ служить Аттикъ, другъ Цицерона, написавшiй объ нихъ одно сочиненiе, и Маркъ Варронъ ¹». Читая эти немногія строки Плинія можно подумать, что Аттикъ написалъ о портретахъ разсужденiе, можетъ быть съ художественной точки зрѣнiя. Но другое мѣсто въ биографiи его, написанной Корнелиемъ Непотомъ, даетъ намъ болѣе полное понятiе объ этомъ важномъ трудѣ. «Ничего не можетъ быть интереснѣе этихъ книгъ», говоритъ Корнелій Непотъ, «для тѣхъ, которые имѣютъ хотя малѣйшее желанiе познакомиться съ жизнеописанiями знаменитыхъ людей. Аттикъ описалъ въ стихахъ жизнь тѣхъ Римлянъ, которые прославились почестями или великими дѣлами, такъ что подъ каждымъ портретомъ означалъ ихъ военныя или гражданскiя

¹ Pliii N. H. XXXV. 2. Imaginum amore flagrasse quondam testes sunt et Atticus ille Cicero-
nis, edito de his volumine, et Marcus Varro.

двѣяніа не болѣе, какъ въ четырехъ или пяти строкахъ. Почти невѣроятно, какъ могъ онъ вмѣстить столько подробностей въ столь малый объемъ ^{1.} Жаль, что это истинно-биографическое сочиненіе погибло.— Но вотъ другой фактъ, еще важнѣе и страннѣе предъидущаго: это именно иконографическое сочиненіе Варрона, о существованіи котораго мы знаемъ только изъ словъ Плинія, — текста очень темнаго, который до этихъ поръ остался загадкою, неразрѣшимою для археологовъ. «Маркъ Варронъ», говоритъ Плиній, «сдѣлалъ благотвельное изобрѣтеніе. Въ обширномъ трудѣ своемъ онъ помѣстилъ не только біографіи 700 знаменитыхъ людей, но и ихъ изображенія. Не желая, чтобы эти портреты погибли, и великіе люди были потомствомъ преданы забвенію, онъ даровалъ человечеству изобрѣтеніе, которому могутъ позавидовать сами боги, потому что удѣлялъ великимъ гениямъ не только безсмертіе, но и послалъ изображенія ихъ во всѣ концы земли, такъ что вездѣ ихъ можно было считать присущими и сохранять, какъ свою собственность ^{2.}»

По свидѣтельству Авла Геллія сочиненіе Варрона состояло изъ 700 портретовъ, которые были изданы во 100 тетрадахъ, каждая съ 7 портретами, подъ заглавіемъ: *Hebdomades*. Но почему Плиній называетъ сочиненіе Варрона изобрѣтеніемъ благотвельнымъ и, вмѣсто простаго описанія, своими похвалами возноситъ его до небесъ? Текстъ Плинія очень темень и по этому представляетъ обширное поле для догадокъ. Французскій переводчикъ Плинія Бротъ е думалъ, что новоизобрѣтенное средство Варрона состояло въ томъ, что портреты, писанные на пергаментѣ, были вшиты въ книгу, но это не новое изобрѣтеніе: этотъ способъ былъ уже извѣстенъ древнимъ Грекамъ. Въ чемъ же состояло изобрѣтеніе Варрона, которое Плиній выхваляетъ неумѣренными словами? Другіе ученые думали, что это былъ процессъ множительный: но въ чемъ состоялъ онъ? Катрмеръ де Кенси въ 1836 г. издалъ объ иконографіи Варрона цѣлое разсужденіе. Въ немъ онъ допускаетъ

¹ *Corn. Nep. Atticus. c. 18. Quibus libris nihil potest esse dulcius iis, qui aliquam cupiditatem habent notitiae clarorum virorum. Attingit quoque poeticon: credimus, ne ejus expert esset suavitatis; namque versibus, qui honore rerumque gestarum amplitudine ceteros populi Romani praestiterunt, exposuit; ita ut sub singulorum imaginibus facta magistratusque eorum non amplius quaternis quinisque versibus describeret: quod vix credendum sit, tantas res tam breviter potuisse declarari.*

² *Plinii N. H. XXXV. 2. Imaginum amore flagrasse quondam testes sunt et Atticus ille Cicero- nis, edito de his volumine, et Marcus Varro benignissimo invento, insertis voluminum suorum foecunditati, non nominibus tantum septingentorum illustrium, sed et aliquo modo imaginibus: non passus interciderere figuras, aut vetustatem aevi contra homines valere, inventor muneris etiam diis invidiosi, quando immortalitatem non solum dedit, verum etiam in omnes terras misit, ut praesentes esse ubique, et claudi possent.*

множительный процессъ, и старается изслѣдовать, въ чемъ заключалась новость изобрѣтенія Варрона. Съ вышеприведеннымъ мѣстомъ онъ очень остроумно сличилъ другое мѣсто Плинія о женщинѣ-живописцѣ Лаллѣ, которая славилась въ древности скоростью своего писанья и изготовляла портреты для сочиненія Варрона. Плиній говоритъ: «Лалла писала изобрѣтенія Марка Варрона и кистью и грабштихомъ на слоновой кости»¹. Изъ этого мѣста и нѣкоторыхъ другихъ Катрмеръ де Кенси выводитъ заключеніе, что такъ какъ древніе были очень хорошо знакомы съ энкавстическою живописью и умѣли гравировать на всякаго рода матеріалѣ, то Лалла сперва писала для Варрона портреты обыкновеннымъ у древнихъ способомъ, потомъ гравировала ихъ на слоновой кости, послѣ чего ихъ отпечатывали на особо-приготовленномъ холстѣ; такимъ образомъ эти гравюры могли, по выраженію Плинія, «быть посланы во все концы земли, и каждый могъ считать этихъ великихъ людей своею собственностью». Кажется, такимъ образомъ легко объяснится весь процессъ новаго изобрѣтенія Варрона. Но нѣмецкій ученый Беккеръ, въ замѣчаніяхъ къ своему сочиненію: *Gallus*, справедливо говоритъ, что слоновая кость — предметъ слишкомъ хрупкій для того, чтобы служить какъ гравировальная доска при тисненіи; съ мѣдною доскою это можно дѣлать; слоновая кость сломалась бы. Следовательно объясненіе, предложенное знаменитымъ французскимъ археологомъ, не можетъ быть примѣнено къ изобрѣтенію Варрона.

Но если объясненіе Катрмера де Кенси не разрѣшаетъ удовлетворительнымъ образомъ всѣхъ проблемъ этого вопроса, то должны ли мы отказаться отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій? Я думаю, нѣтъ. Объясненіе изобрѣтенія Варрона не можетъ, по моему мнѣнію, подлежать большимъ трудностямъ. Оно очевидно состояло въ новомъ примѣненіи гравированія на мѣди, уже извѣстнаго древности. Главное украшеніе этрусскихъ ручныхъ зеркалъ составляютъ гравированныя на нихъ картинки и я, дѣлая опыты на счетъ этого вопроса, получилъ съ нихъ прекрасные оттиски. Но хотя гравированіе извѣстно было древнимъ, однако оно представляло имъ большія затрудненія, для насъ не существующія. Вещества, на которыхъ они обыкновенно писали, негодны для отпечатыванія: пергаментъ и папирусъ слишкомъ тверды и имѣютъ неровную поверхность. Впрочемъ кромѣ этихъ двухъ веществъ они употребляли еще также и холстъ (извѣстны ихъ *libri lintei*), и это-то вещество, приготовленное особеннымъ образомъ, могло служить Варрону. Итакъ

¹ Plinii N. H. XXXV. 40. § 43. Lala Cyzioena, perpetua virgo, Marci Varrois inventa Romae et penicillo pinxit et cestro in ebore.

пеплография Варрона (такъ называется его сочиненіе Цицеронъ) вѣроятно состояла изъ слѣдующихъ элементовъ: портреты сперва писались кистью, потомъ гравировались на мѣди и наконецъ отпечатывались на холстѣ, особенно приготовленномъ. Такимъ образомъ Варронъ составилъ свое сочиненіе съ 700 портретами, которое можно было разсылать во всѣ страны. — Катрмеръ де Кенси, читая свое разсужденіе въ Академіи Наукъ, приводилъ въ доказательство своего мнѣнія барельефъ, существовавшій въ XVI столѣтіи въ Римѣ во дворцѣ Чампини и изданный въ сочиненіи Беллори: *I sepolcristi antichi*. Онъ изображаетъ сцену, въ которой иллюстрировано это изобрѣтеніе Варрона: мужчина, съ кистью и палитрой въ рукахъ, стоитъ передъ мольбертомъ, на которомъ находится картина. Возлѣ картины — женщина, безъ сомнѣнія муза живописи; она обращается къ мужчине и говоритъ ему съ вдохновеннымъ видомъ: «Смѣлый Варронъ!» (*Faxia Varro*). Но это очевидно барельефъ подложный, сдѣланный итальянскими поддѣльвателями XVI-го вѣка по тексту Плинія, потому что *никто* съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ столѣтій, не видалъ этого памятника. Въ послѣдствіи Катрмеръ де Кенси самъ согласился съ этимъ моимъ мнѣніемъ и не упомянулъ объ этомъ памятникѣ въ своемъ сочиненіи. Портреты иконографии Варрона были, также иллюминированы, что ясно изъ древнихъ текстовъ. Но отчего такое славное новое изобрѣтеніе, отчего такой важный процессъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ древности, и отчего Плиній не сказалъ ни слова о гравюрѣ и ея примѣненіи? Древняя гравюра испытала судьбу многихъ славныхъ раннихъ изобрѣтеній: она умерла вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ. Явленіе странное, хотя и несомнѣнное.

Бюсты и его исторія. Классъ портретовъ, очень распространенный въ древности, составляютъ *бюсты*, т. е. изображеніе главныхъ, самыхъ характеристическихъ и благородныхъ частей человѣческаго тѣла: головы съ шеею, руками и грудью. Этотъ классъ памятниковъ, который съ извѣстнаго времени входитъ во всеобщее употребленіе, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему происхожденію и имени. Древнѣйшею формою портретовъ у Грековъ была *герма*, т. е. человѣческая голова на четвероугольномъ столбѣ. Эта форма держалась у нихъ долго, особенно въ Аѳонахъ, гдѣ она и была изобрѣтена. Аѳоняне, изъ національной гордости, предпочитали ее всѣмъ прочимъ. Кромѣ Портика Герма въ Керамикѣ, ими наполненаго, въ этомъ городѣ находилось ихъ вездѣ множество; каждый домъ имѣлъ свою герму. Аѳоны можно назвать *городомъ гермъ*. Потомъ съ теченіемъ времени, вошли въ употребленіе портреты на цитахъ, о которыхъ мы говорили. Вотъ другая форма портретовъ въ греческой древности. Но удивительно, что нигдѣ мы не встречаемъ тамъ бюста и его имени. У Павсанія, жившаго

во II столѣтїи по Р. Х., въ сочиненїи котораго исчислены всѣ роды памятниковъ искусства, есть только два мѣста, въ которыхъ описываются статуи, похожія на бюсты, но для означенїя ихъ онъ употребляетъ описательныя выраженїя. Такъ напримѣръ онъ называетъ бюстъ Геркулеса: *πρόσωπον Ἡρακλέους ἄχρις ἐς τοὺς ὄμους* — лицо Геркулеса до плечъ (Паус. II, 23). Уже изъ этого длиннаго описанїя ясно, что во II-мъ столѣтїи по Р. Х. портреты въ формѣ бюста были для Грековъ вещь маловѣстною, не имѣвшею даже своего имени. Новость этой формы у Грековъ, всеобщее употребленїе ея у Римлянъ и особое слово: *bustum* для ея означенїя — представляютъ поводъ къ важнымъ вопросамъ. Откуда происходитъ это латинское слово: *bustum*, и отъ него произведенныя: итальянское *busto* и французское *buste*? Мена жъ, французскїй ученый XVII-го вѣка, думалъ, что итальянское слово происходитъ отъ нѣмецкаго *Brust* — грудь, но какимъ образомъ могла Италия, наполненная бюстами, заимствовать его отъ Готовъ или Вандаловъ? Это невѣроятно, и въ текстахъ среднихъ вѣковъ нѣтъ повода къ подобной этимологїи. Самое вѣроятное происхожденїе этого слова изложено въ Иконографїи Висконти. У Римлянъ называли мѣсто, гдѣ сожигали мертвое тѣло — *bustum*. Въ послѣдствїи этимъ словомъ означали гробницу, въ которой сохранялся сожженный прахъ; лучшіе римскїе писатели, напримѣръ Цицеронъ, употребляли его для означенїя гробницы и мѣста сожженїя. Но мы знаемъ, что у древнихъ существовалъ обычай украшать гробницы фигурами; ихъ ставили въ нишахъ, и до этихъ поръ можно встрѣтить множество ихъ въ римской Кампанїи. Могила Исократы была украшена портретами предшествовавшихъ ему ораторовъ, и вообще знаменитые люди у Грековъ украшали свои гробницы портретами людей, прославившихся на томъ же поприщѣ; этотъ обычай соблюдался и въ Римѣ. Въ гробницѣ Сципіоновъ сохранялся портретъ Энія, который былъ ихъ другомъ. Слово *bustum* такимъ образомъ могло быть перенесено съ самой гробницы на портреты, ее украшавшіе. Это самое вѣроятное объясненїе происхожденїя этого слова.

Намъ остается рассмотреть, какимъ образомъ эта форма замѣнила всѣ прежнія и получила первенство надъ ними въ римской древности. Всѣ наши музеи наполнены бюстами, и вѣроятно въ мїрѣ нѣтъ бюста эпохи греческой. Мы упомянули, что во II вѣкѣ по Р. Х. Павсанїй въ Греціи видѣлъ только два бюста. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы они существовали ранѣе времени Александра Македонскаго. Первый по времени портретъ въ формѣ бюста, который извѣстенъ намъ, есть удивительный памятникъ искусства — камней съ портретами Птолемея Филадельфа и его супруги Арсинои. Онъ долго сохранялся въ Мальмезонѣ и теперь составляетъ одно изъ главныхъ украшенїй Импе-

РАТОРСКОГО Эрмитажа въ С.-Петербургѣ. Это одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческаго искусства, до насъ дошедшихъ: на немъ вырѣзаны два бюста, которые свидѣтельствуютъ, что эта форма уже существовала въ эти времена. Очевидно, что у Грековъ она произошла отъ портретовъ на цитахъ, которые сперва изваявались, а потомъ расписывались красками. Но Римляне, заимствовавшіе эту форму отъ Грековъ, довели ее до совершенства. Всеобщему распространенію ея у нихъ содѣйствовала тотъ оригинальный обычай, о которомъ я уже упоминалъ, именно — *jus imaginum*, право знатныхъ (*nobiles*) выставлять публично изображенія своихъ предковъ. Въ чемъ собственно состояло это *jus imaginum*, столь важное право римскимъ патриціевъ, это очень важный и спорный вопросъ. Всѣ тексты о немъ собраны и изслѣдованы въ сочиненіи Эйхштедта: *de imaginibus Romanorum. Petropoli 1806*. Я выберу изъ этого сочиненія самыя замѣчательныя мѣста. Въ каждомъ большомъ римскомъ домѣ была комната, или часть дома, называвшаяся *atrium*. Тутъ находились деревянные шкафы, сдѣланные въ видѣ храмиковъ съ фронтонами; въ нихъ сохранялись восковыя маски, изображавшія портреты предковъ этого дома. Въ дни праздничныя, — государственныя или семейныя, — эти шкафы открывали и выставляли портреты предковъ на показъ многочисленнымъ кліентамъ, собиравшимся поздравлять хозяина. Вотъ что составляло гордость римскихъ аристократическихъ фамилій. Между шкафами находились писанныя портреты, и отъ одного къ другому были протянуты тесемки изъ холста, на которыхъ написана была исторія изображеннаго лица. Описаніе подобнаго атриума находится у Плинія (N. H. XXXV, 2). При похоронахъ каждаго члена аристократической фамиліи, всѣ эти восковыя изображенія предковъ должны были слѣдовать за умершимъ потомкомъ; цѣлая толпа предковъ шла за гробомъ: каждый видѣлъ, какое множество членовъ гордой патриціанской фамиліи было тутъ на лицо. Маски предковъ были сдѣланы изъ воска и сдѣланы не только вѣрно, но и расписаны по оригиналамъ; на людей, которыхъ нанимали для этого торжества и нарочно выбирали схожихъ съ подлинникомъ, надѣвали великолѣпныя одежды, означавшія достоинство представленнаго лица, напримѣръ одежды консула, претора, цензора и т. д. Мы не знали бы этого обычая, если бы онъ не имѣлъ свидѣтелемъ — энтузіаста, современника Спичионовъ, Полибія, который описалъ подобное погребальное торжественное шествіе. Я читаю его расказъ всякій разъ съ тѣмъ же потрясающимъ впечатлѣніемъ, которое онъ впервые произвелъ на меня ¹. «Когда въ Римѣ скончается знатный мужъ, его несутъ при похоронахъ съ обычнымъ торжествомъ на форумъ къ мѣсту, называемому *rostris*, иногда

¹ Polyb. Hist. VI. 53. "Ὅταν γὰρ μεταλλᾶεντις παρ' αὐτοῖς τῶν ἐπιφανῶν ἀνδρῶν,

въ стоячемъ положеніи, чтобы онъ былъ виденъ всемъ, а рѣже въ лежачемъ. Тамъ, въ присутствіи всего народа, входитъ на ростры и произноситъ рѣчь или сынъ покойника, если тотъ оставилъ взрослого сына, который на этотъ разъ будетъ въ Римѣ, или, въ противномъ случаѣ, кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ. Въ этой рѣчи ораторъ говоритъ о добродѣтеляхъ умершаго и о дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ при жизни. Живая память объ этихъ дѣлахъ возникаетъ не только передъ глазами тѣхъ, которые сами могли въ этихъ подвигахъ принимать дѣятельное участіе, но и передъ глазами всей толпы. Эти воспоминанія поражаютъ такую всеобщую печаль, что трауръ принадлежитъ по видимому не однимъ только родственникамъ, но всему народу. Схоронивъ покойника и совершивъ надъ нимъ обычные обряды, ставятъ его изображеніе на самомъ видномъ мѣстѣ въ домѣ, соорудивъ надъ нимъ деревянный малый храмъ. Это изображеніе есть портретъ покойника, сдѣланный совершенно схожимъ съ чертами и цвѣтомъ его лица. Въ народные празднества эти портреты, украшенные тщательнымъ образомъ, выставляются на показъ. Если же умереть какой-либо знаменитый мужъ изъ той же самой фамиліи, то при его похоронахъ эти портреты надвѣваются на людей, представляющихъ наибольшее сходство съ покойниками какъ по росту, такъ и вообще по всему тѣлосло-

βουτελουμένης τῆς ἐκφορᾶς κομίζεται μετὰ τοῦ λοιποῦ κόσμου πρὸς τοὺς καλουμένους Ἐμβόλους εἰς τὴν ἀγορὰν, ποτὲ μὲν ἐστὼς ἐναργῆς, σπανίως δὲ κατακλιμένος. Πέριξ δὲ παντὸς τοῦ δήμου στέντος, ἀναβὰς ἐπὶ τοὺς Ἐμβόλους, ἂν μὲν υἱὸς ἐν ἡλικίᾳ καταλείπεται καὶ τύχη παρῶν, οὗτος· εἰ δὲ μὴ, τῶν ἄλλων εἰ τις ἀπὸ γένους ἔπαρχει. Λέγει περὶ τοῦ τετελευτηκότος τὰς ἀρετὰς, καὶ τὰς ἐπιτατυγμένους ἐν τῷ βίῳ πράξεις. Δι' ὧν συμβαίνει, τοὺς πολλοὺς ἀναμνησκομένους καὶ λαμβάνοντας ὑπὸ τὴν ὄψιν τὰ γεγονότα, μὴ μίγον τοὺς νεκροκωνηκότας τῶν ἔργων, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐκτὸς, ἐπὶ τοσαῦτον γίγνεσθαι συμπαθεῖς, ὥστε μὴ τῶν κηδεύοντων ἴδιον, ἀλλὰ κοινὸν τοῦ δήμου φαίνεσθαι τὸ δόμπτωμα. Μετὰ δὲ ταῦτα θάψαντες, καὶ κοιψάντες τὰ νομιζόμενα, τιθεῖσι τὴν εἰκόνα τοῦ μεταλλήξαντος εἰς τὸν ἐκφανίστατον τύπον τῆς οἰκίας, ἑὶλίνα ναῖδια περιτιθέντες. Ἡ δ' εἰκὼν, ἔστι πρόσωπον εἰς ὁμοίτητα διαφερόντως ἐχειρασμένον, καὶ κατὰ τὴν κλάσιν, καὶ κατὰ τὴν ὑπογραφήν. Ταῦτας δὲ τὰς εἰκόνας ἐν τε ταῖς δημοτελέσι θυσίαις ἀνοίγοντες κοσμοῦσι φιλοτίμως· ἔπὰν δὲ τῶν οἰκείων μεταλλάξῃ τις ἐκφανῆς, ἀγούσιν εἰς τὴν ἐκφορὰν περιτιθέντες ὡς ὁμοιοτάτοις εἶναι δοκοῦσι κατὰ τε τὸ μέγεθος, καὶ τὴν ἄλλην περιουσίαν. Οὗτοι δὲ προσαναλαμβάνοντι ἐσθλῆτας, ἂν μὲν ὕπατος ἢ στρατηγὸς ἢ γεγευῶς, περιποφύρους· ἂν δὲ τιμητῆς· πορφυράς· ἂν δὲ καὶ τεθροισμευκῶς, ἢ τι τοιοῦτον κατειργασμένος, διαχρίδους. Αὐτοὶ μὲν οὖν ἐφ' ἀρμάτων οὗτοι πορεύονται, ῥάβδοι δὲ καὶ κελύεις καὶ τέλλα, τὰ ταῖς ἀρχαῖς εἰωθότα συμπαρακείσθαι, προηγείται κατὰ τὴν ἀξίαν ἐκάστῳ τῆς γεγενημένης κατὰ τὸν βίον ἐν τῇ πολιτείᾳ προαγωγῆς. Ὅταν δὲ ἐπὶ τοὺς Ἐμβόλους· ἔλθωσι, καθίζονται πάντες ἐξῆς ἐπὶ δίφρων ἐλεφαντίνων. Ὅς κάλλιο· οὐκ εὐμαρὲς ἰδεῖν θεάμα νύφφιλοδύξῃ καὶ φιλαγάθῃ. Τῇ γὰρ τὰς τῶν ἐπ' ἀρετῇ δεδοξαμένων ἀνδρῶν εἰκόνας ἰδεῖν ἡμοῦ πάθος οὐκ ἴσθαι καὶ πεπνυμένας, τίν' οὐκ ἂν παραστήσαι; τί δ' ἂν κάλλιον θεάμα τοῦτου φανεῖν;

женію. Эти наемники облачаются въ претексты, какъ скоро покойникъ былъ консулъ или преторъ; если же ценсоръ, — въ тогу пурпурную, а если онъ удостоился триумфа или почести, равной триумфу, то въ золотую. Они шествуютъ на колесницахъ и передъ каждымъ, смотря по должности, которую онъ занималъ въ государствѣ при жизни и почестямъ, которыя ему воздавались, несутъ ликторскія связки, съкиры и прочіе знаки, обыкновенно сопровождающіе государственныхъ сановниковъ. Когда эта процессія достигнетъ роstrъ, то всѣ садятся по порядку на сѣдалища изъ слоновой кости. Нельзя представить себѣ зрѣлища болѣе прекраснаго и поучительнаго для юноши, жаждущаго почестей и проникнутаго любовью къ высокимъ подвигамъ. Кто не пришелъ бы въ восторгъ при взглядѣ на эти изображенія доблестныхъ людей, которые какъ будто вновь оживаютъ и дышать полною жизнью? Что можетъ быть возвышеннѣе! Это одна изъ лучшихъ страницъ римской исторіи: сколько поучительныхъ уроковъ представляло подобное зрѣлище! Но здѣсь представляется намъ важный вопросъ: какую роль играла маска покойника при похоронахъ? Въ началѣ разсказа, Полибій говоритъ: покойника несутъ, но его ли самого или его восковую фигуру? несутъ ли его въ стоящемъ положеніи или въ лежащемъ? Это повидимому странные вопросы. Одинъ изъ комментаторовъ Полибія думалъ, что на живаго челоуѣка надѣвали маску и такъ его несли. Эйхшtedтъ предполагаетъ, что несли изображеніе или статую покойника изъ воска; много текстовъ древнихъ писателей доказываютъ справедливость его остроумнаго и вѣроятнаго предположенія. Такъ въ описаніи погребеній Цезаря, Августа и, въ позднѣйшія времена, Пертинакса и Септимія Севера, сказано, что восковое изображеніе покойниковъ несли до форума въ стоящемъ положеніи на катафалкѣ. Фигура покойника изображала его совершенно точно во всѣхъ подробностяхъ. При похоронахъ Цезаря, который получилъ 23 раны, несли его восковую фигуру, на которой были изображены эти 23 раны. За нею шло лицо, которое указывало на эти раны, одну за другою, для возбужденія народнаго гнѣва. Аппіанъ говоритъ, что эта фигура была изъ воска. Итакъ аналогія объясняетъ намъ этотъ римскій обычай.

Наконецъ я долженъ замѣтить, что нѣкоторые антикваріи думали, будто у Римлянъ въ шкафахъ сохранились не восковыя маски, а писанные портреты, потому что, по мнѣнію ихъ, восковыя маски не могутъ долго сохраняться: воскъ скоро высыхаетъ и гибнетъ. Но эти антикваріи не знаютъ, что въ кабинетѣ древностей Лувра есть не только греческіе, но даже египетскіе памятники изъ воска. Воскъ черезъ соединеніе съ разными веществами получаетъ такую твердость, что дѣлается камнемъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что у древнихъ, гдѣ воскъ былъ въ большомъ употребленiи, умѣли дѣлать его крепкимъ. Всѣ древнiе рассказы объ этихъ маскахъ вѣрны, и какъ будто для доказательства справедливости этого мнѣнiя недавно въ одной гробницѣ въ Кумахъ были найдены два совершенно сохранившiеся скелета, кромѣ головы, которая замѣнена *восковою*. Какъ объяснить это неслыханное явленiе? Этимъ скелетамъ вѣроятно болѣе двадцати столѣтiй. Мы ожидаемъ подробныхъ объясненiй этого изумительнаго открытiя отъ неаполитанскихъ археологовъ ¹.

¹ *Прим. Издат. Проп.* При этихъ словахъ Рауль-Рошеттъ имѣлъ въ виду интересное открытiе, о которомъ помѣщена статья извѣстнаго неаполитанскаго археолога г. Минервини, въ январскомъ номерѣ журнала *Bulletino archeologico Napoletano* на 1852 годъ. Не подалеку отъ развалинъ, извѣстныхъ подъ именемъ Храма Гигантовъ, на мѣстѣ древнихъ Кумъ, найдены римскiя гробницы, изъ которыхъ одна обратила на себя особое вниманiе. Это комната со сводомъ, вдоль боковыхъ стѣнъ которой устроены приступки. На приступкахъ лежали четыре скелета, у которыхъ не было череповъ, а у двухъ изъ нихъ, именно у лежавшихъ на лѣвой приступкѣ, вмѣсто настоящихъ головъ были приставлены головы изъ воска съ стеклянными глазами. Между предметами, найденными въ гробницѣ, была монета Дiоклетiana, опредѣляющая ея эпоху. Г. Лонгперье во французскомъ Атенеумѣ 1853 года № 14 указываетъ по поводу этого открытiя на мѣсто Варрона de lingua latina V, 21, изъ котораго слѣдуетъ, что Римляне отнимали иногда отъ трупа голову для совершенiя очистительныхъ обрядовъ. Онъ приводитъ также фактъ, оставшiйся доселѣ неизвѣстнымъ, что въ 1833 году при раскопкахъ въ департаментѣ Оазы на земляхъ общины Lagny-le-Sec, онъ нашелъ самъ нѣсколько гробницъ съ скелетами безъ черепа и между ними одну гробницу, имѣющую въ длину менѣе одного метра ($1\frac{1}{2}$ аршинъ) и заключающую въ себѣ человѣческой черепъ, обложенный круглою стѣнкою изъ гипса. Не была ли это голова, отдѣленная отъ трупа для поманутыхъ пурификацiй и потому погребенная особено?

О ПОЛОЖЕНИИ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ *.

Одинъ молодой Аѳинянинъ, изъ знатнаго и богатаго дома, Гиппократъ, сынъ Аполлодора, исполненный честолюбиваго желанія отличиться въ государственной службѣ и искусствѣ ораторскомъ, пришелъ однажды къ Сократу и просилъ рекомендовать его знаменитому софисту Протагору, который, совершая по Греціи свое круговое путешествіе виртуоза-философа, прибылъ тогда въ Аѳины. «Надвюсь, что ты не хочешь», сказалъ Сократъ молодому человеку, «сдѣлаться такимъ же софистомъ, таскающимся по Гелладѣ и за деньги преподающимъ свое искусство быть мудрымъ. При всемъ удивленіи, которое ты питаешь къ Протагору какъ софисту, я думаю, ты счелъ бы это за стыдъ.»— «Ежели говорить откровенно, то да», отвѣчаетъ покраснѣвшій отъ одной этой мысли, юный аѳинскій аристократъ, и Сократъ, чтобъ успокоить его, продолжаетъ такъ: «Я понимаю, не правда ли, Протагоръ долженъ быть для тебя въ своемъ искусствѣ тѣмъ же, чѣмъ были для тебя учителя словесности, музыки и гимнастики: *ты вѣдь пользовался ихъ преподаваніемъ не съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать изъ этихъ занятій свое ремесло, а съ намѣреніемъ—вполнѣ образовать себя, какъ прилично свободному мужу.*»

Эти слова Платона, находящіяся въ началѣ его разговора «Протагоръ», заключаютъ въ себѣ взглядъ, который часто повторяется въ Платоновыхъ сочиненіяхъ и можетъ быть принятъ за господствующее

* Изъ книги: *Torso. Kunst, Künstler und Kunstwerke der Alten. Von Adoif Stahr. I-er Theil. Braunschweig. 1854.*

мнѣніе всей греческой древности. Самъ по себѣ опъ ясенъ, но едва ли позволительно строить на немъ какія либо заключенія, не озаботившись сначала ближайшимъ опредѣленіемъ его мысли.

Между тѣмъ нѣкоторые новѣйшіе ученые, и между нашими современниками въ особенности Карлъ Фридрихъ Германнъ, основываютъ на подобныхъ сужденіяхъ древнихъ мыслителей невыгодное заключеніе о положеніи сословія художниковъ въ греческомъ обществѣ. «Греческій художникъ», говоритъ Германнъ, «былъ, собственно говоря, ремесленникомъ (*δημιουργός, χειρωνακός*). Величайшіе художники не возвышались, по понятію Грековъ, надъ классомъ ремесленниковъ (*βύναυτοι*), работающимъ за плату для чужихъ потребностей. Они выдавались только передъ своими сотоварищами и пріобрѣтали славу за свое превосходство, но какъ члены сословія они все таки стояли ниже публики, которой служили — какъ орудіе для ея цѣлей¹». Посмотримъ однако, что собственно высказывается въ сужденіяхъ, подобныхъ приведенному выше. Если мы взглянемъ на дѣло безпристрастными глазами, то легко будетъ замѣтить, что подобныя сужденія отнюдь не относятся къ общественному положенію сословія художниковъ, а выражаютъ лишь взглядъ на отношеніе свободнаго человека, — то-есть, прибавимъ, полноправнаго гражданина, — къ искусству и художественной дѣятельности вообще, и притомъ взглядъ, составленный съ точки зрѣнія государственной педагогики. И Платонъ и Аристотель — въ этомъ случаѣ совершенно согласны съ своимъ великимъ учителемъ — имѣютъ въ виду образованіе свободно-рожденнаго гражданина для государственной дѣятельности въ англочно-республиканскомъ смыслѣ. Они хотятъ приготовить въ немъ дѣятельнаго члена такого общества, — Греки называли это общество *κοινωνία*, Римляне *respublica*, «дѣло общее», — которое требовало, чтобы посвящавшій ему себя въ качествѣ гражданина, приносилъ этому служенію нераздѣлимую силу всего своего существа и всѣ стремленія своей жизни. Съ точки зрѣнія этихъ требованій Платонъ и Аристотель опредѣляютъ мѣру, въ которой молодой гражданинъ долженъ заниматься искусствами. Никто не могъ быть въ одно и то же время художникомъ по ремеслу и практическимъ членомъ греческаго государства, которое само было своего рода великимъ художественнымъ произведеніемъ, создававшимся и украшавшимся трудами его гражданъ. Таковъ взглядъ, руководящій совѣтами и предписаніями Платона и Аристотеля, когда они говорятъ, какъ государственные педагоги. Здравіе и красота тѣла, самоувѣренность, ловкость и навыкъ во всемъ, что требуется отъ гражданина въ мирное и военное время — вотъ качества, которыя, по мнѣнію Аристотеля, должна давать молодому Геллену гим-

¹ K. Fr. Hermann Ueber die Studien der griechischen Künstler. S. 5.

настика. И потому этотъ великій мыслитель, бывшій въ то же время и величайшимъ публицистомъ древней Греціи, строго порицаетъ спартанское военное государство за то, что оно хочетъ сдѣлать изъ своихъ гражданъ лишь атлетовъ и воиновъ. Чѣмъ гимнастика была для гармоническаго развитія тѣла, тѣмъ долженствовала быть музыка для образованія душевнаго настроенія¹. Греческій гражданинъ долженъ былъ испытать на себѣ нравственно образующую и облагораживающую силу этого чистѣйшаго изъ искусствъ, дабы быть въ состояніи находить истинный живительный отдыхъ послѣ утомительныхъ и волнующихъ душу политическихъ занятій, и среди досуга — этой всегдашней цѣли человѣческаго труда — возстановлять и оживлять свои силы самымъ достойнымъ и благороднымъ наслажденіемъ. «Человѣкъ лишь тѣмъ по истинѣ узнаеть, что самъ производитъ». Это основное положеніе стоитъ у Аристотеля на первомъ планѣ, когда онъ говоритъ о художественномъ воспитаніи греческаго гражданина. Въ такомъ смыслѣ предписывается учить молодаго Грека и искусству рисованія — во время Аристотеля были уже публичныя рисовальныя школы во многихъ греческихъ городахъ — учить не какъ будущаго рисовальщика, а лишь для того, чтобы упражненіемъ въ этомъ искусствѣ образовать его глазъ и вкусъ, и сдѣлать его способнымъ наслаждаться великими произведеніями художества и вѣрно оценивать ихъ. Какъ распространено было обученіе рисованію въ странахъ греческаго образованія, можно видѣть изъ того извѣстія, что несчастный сынъ побѣжденнаго Римлянами македонскаго царя Персея снискивалъ себѣ въ Римѣ пропитаніе художнической работой, пока ему наконецъ не дали одного канцелярскаго мѣста.

Какая польза отъ такого ученія искусствамъ? Подобный вопросъ такъ называемыхъ положительныхъ людей уже Аристотель могъ предполагать въ своихъ читателяхъ, и онъ отвѣчаетъ, приравливаясь къ понятіямъ спрашивающихъ: «Получившій такое образованіе можетъ оградить себя отъ обмана при покупкѣ и продажѣ художественныхъ произведеній.» Но онъ сопутствуетъ это объяснительное замѣчаніе безсмертнымъ словомъ: «Впрочемъ при всякомъ дѣлѣ спрашивать о поль-

¹ Слово музыка, *μουσική* т. е. *τέχνη*, «искусство Музы», имѣло у Грековъ гораздо болѣе обширное значеніе, нежели какое имѣеть у новѣйшихъ народовъ это самое слово, заимствованное нами у Греціи. Для избѣжанія недоразумѣній иногда бываетъ рѣшительно нужно передавать греческое выраженіе какиминибудь другими словами. Русскій языкъ могъ бы, кажется, воспользоваться старинною формою *музикія*, перенесенною прямо изъ греческаго, между тѣмъ какъ употребительная теперь форма *музыка* перешла въ нашъ языкъ чрезъ посредство Западной Европы. Читатель захватитъ, что омытъ такого употребленія слова *музикія* сдѣланъ г. Карповымъ въ его переводѣ Федона.

зѣ — наименѣ прилично челоуѣку возвышенныхъ мыслей и мужу свободному.» А такими-то людьми возвышенныхъ мыслей хотѣлъ Аристотель сдѣлать юношей, приготовляющихся къ политической жизни. И можно сказать, что вмѣстѣ съ Аристотелемъ хотѣлъ того же весь греческій міръ.

Аристотель есть мѣрило высоты греческаго образованія. Онъ имѣлъ самое высокое понятіе о значеніи и достоинствѣ искусства. Известно знаменитое воззваніе Шиллера къ челоуѣку:

Im Fleiss kann dich die Biene meistern,
In der Geschicklichkeit ein Wurm dein Lehrer sein.
Dein Wissen theilest du mit vorgezogenen Geistern;
Die Kunst, o Mensch, hast du allein!

Это великое слово сказано совершенно въ греческомъ духѣ. «Искусство», говоритъ Аристотель, «есть исключительная принадлежность челоуѣка. Обладаніе имъ отличаетъ челоуѣка отъ прочихъ живыхъ существъ. Оно содѣйствуетъ осуществленію высшихъ жизненныхъ цѣлей, добродѣтели и нравственности. Художественное творчество, а равно и разсудительное созерцаніе художественныхъ произведеній и наслажденіе ими принадлежать не только къ высшимъ наслажденіямъ, но и къ тѣмъ высшимъ дѣятельностямъ духа, которыя имѣютъ цѣль свою въ самихъ себѣ. Поэтому и то и другое есть благороднѣйшее и чистѣйшее изъ наслажденій, — наслажденіе, которое приноситъ съ собою самое полное, божественное блаженство и свѣтитъ роду челоуѣческому, отягощенному заботами жизни, — какъ вождельная утѣшительная цѣль напряженныхъ трудовъ въ военномъ и государственномъ дѣлѣ. Это не простой отдыхъ, состоящій въ прекращеніи усиленной дѣятельности душевныхъ силъ, — напротивъ это досугъ, который самъ есть чистая, божественная дѣятельность, такая дѣятельность, которая сама по себѣ составляетъ цѣль всякаго стремленія, между тѣмъ какъ военныя и государственныя дѣла имѣютъ цѣль, лежащую внѣ дѣятельности съ ними соединенной, и потому не заключаютъ сами въ себѣ блаженства, этого послѣдняго предѣла всѣхъ челоуѣческихъ стремленій. Они лишь возбуждаютъ въ челоуѣкѣ вождельніе по томъ досугъ, который наиблагороднѣйшимъ образомъ наполняется художественною дѣятельностію и созерцаніемъ изящнаго, создаваемаго и воплощаемаго искусствомъ. Ибо художникъ есть творецъ, и искусство соперничаетъ съ природою въ творчествѣ, съ тѣмъ различіемъ, что природа творитъ безсознательно, а искусство съ сознаніемъ. Не частныя подробности случайнаго бытія, а пребывающее и существенное — идея — вотъ что одушевляетъ художника и составляетъ душу его произведенія. Художникъ — господинъ надъ отдѣльнымъ и частнымъ; съ творческою свободою онъ пользуется

ся имъ и распоряжается какъ своимъ матеріаломъ, чтобы въ своемъ произведеніи изобразить совершенное.»

Такъ мыслятъ творецъ и совершитель греческой эстетики о значеніи и достоинствѣ искусства и художественнаго творчества, и неужели народъ, которому онъ принадлежалъ, для котораго онъ былъ воплощеннымъ самосознаніемъ, неужели могъ этотъ народъ презрительно думать о тѣхъ генияхъ, которые получили отъ боговъ столь высокое дарованіе художественнаго творчества, и не давать почетнаго мѣста въ жизни людямъ, которыхъ произведенія дѣлали для него самую жизнь любовною? Этотъ народъ, который воздавалъ почти божескія почести миѳическому изобрѣтателю искусства Дедалу, который избралъ въ военачальники творца Антигоны изъ благодарности за наслажденіе, доставленное ему великою трагедіей, который воздвигалъ статуи художникамъ наряду съ государственными людьми и полководцами, философами и поэтами, дозволилъ Фидію на изображеніи олимпійскаго Зевса начертать гордую надпись: «Фидій сынъ Хармидовъ Аеинянинъ меня создалъ», народъ, который не считалъ неприличнымъ даже въ своихъ святилищахъ на ряду съ изваяніями боговъ ставить изображенія художниковъ, надъ ними трудившихся, неужели такой народъ могъ имѣть предразсудокъ противъ сословія художниковъ и художническаго призванія?

Нельзя отрицать, что греческое искусство и греческій художникъ должны были служить цѣлямъ государства и религіи, точно такъ же какъ всякая сила и дѣятельность тѣлесная и душевная долженствовала посвящать себя интересамъ цѣлаго. Но Греки строго различали дѣятельность свободно творящаго художника и трудъ ремесленника, рабски и за плату служащаго посторонней для него цѣли, и кромѣ того между самыми искусствами они дѣлали различіе, находящееся въ тѣсной связи съ античнымъ взглядомъ на жизнь. Всякое нисшее тѣлесное напряженіе, всякое занятіе и всякое дѣло, нуждающееся въ тѣлесной силѣ, какъ въ физическомъ средствѣ, представлялись Греку недостойными свободаго мужа, греческаго полноправнаго гражданина. «Самыя низкія изъ человѣческихъ занятій», говоритъ Аристотель, «суть тѣ, въ которыхъ трудится тѣло, подобно тому какъ самыя презрѣнныя тѣ, которыя наименѣе требуютъ внутренняго достоинства». На этомъ основаніи, искусства располагались для Грека по разнымъ степенямъ. Выше всего стоялъ поэтъ, для котораго служить матеріаломъ безтѣлесное слово. Эсхиль и Софокль, Пиндаръ и Аристофанъ были цареподобные мужи, равные знатнѣйшимъ въ народѣ и съ лучшими изъ нихъ связанные узами дружбы. Въ образовательныхъ искусствахъ мѣсто художника также опредѣлялось мѣрою тѣлеснаго труда. «Не работники, которые обтесываютъ камень, суть создатели храма», говоритъ тотъ же Аристотель. «Сла-

ва произведенія принадлежитъ архитектору, начертавшему планъ. Какъ мыслящій разумъ есть виновникъ добродѣтели, такъ архитекторъ есть мыслящій разумъ, создающій художественное произведеніе.» Достоинство и почетъ всякаго упражненія и занятія уменьшается по мѣрѣ того, какъ оно привязываетъ челоѵка къ веществу и принуждаетъ его истощать свои силы въ борьбѣ съ преодоленіемъ затрудненій. Утомительная работа, по понятію всей древности, не есть дѣло свободнаго мужа. Рабъ есть орудіе, доставляющее гражданину его жизненныя потребности. На ближайшихъ степеняхъ къ рабу стоятъ поденщикъ и ремесленникъ (*βίναυτος*), который хотя и не рабъ и работаетъ не для одного, а для всѣхъ, и выбираетъ себѣ работу по произволу, однакоже, какъ прямо и съ полнымъ убѣжденіемъ высказываетъ Аристотель, не можетъ имѣть притязанія на полноту гражданскихъ правъ въ благоустроенномъ государствѣ, въ истинной республиканской политикѣ.

То, что унижаетъ ремесло, не есть собственно ремесленный трудъ, а его послѣдствіе, его вліяніе на нравственное и духовное состояніе челоѵка. И въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Аристотеля, всякое занятіе, всякое искусство и даже всякая наука должна быть признана за недостойную, низкую и ремесленную, если ослабляетъ въ челоѵкѣ его *ἀρετή*, эту доблесть и силу цѣльнаго челоѵка, и препятствуетъ осуществленію его назначенія быть челоѵкомъ и гражданиномъ, — свободнымъ, прекраснымъ, крѣпкимъ и душою и тѣломъ. «Занятія», говоритъ Аристотель, «раздѣляются на такія, которыя приличны свободному челоѵку, и на такія, которыя неприличны ему. Изъ занятій, приносящихъ матеріальную пользу, могутъ быть допущены только тѣ, которыя не дѣлаютъ челоѵка ремесленникомъ и не вредятъ его тѣлесному и духовному челоѵческому достоинству. Унижающимъ же челоѵка занятіемъ должно признавать всякую дѣятельность, всякое искусство и всякую науку, какъ скоро онъ или тѣло или мысль свободнаго челоѵка дѣлаютъ неспособными достойно наслаждаться жизнью и сохранять приличную свободному челоѵку доблесть. Поэтому мы называемъ ремесленнымъ всякое искусство и ловкость, которыя наносятъ вредъ здоровью и гармоническому развитію тѣла. Низкія же работы дѣлаютъ и самую мысль челоѵка несвободною и низкою.» Эти слова особенно знаменательны въ устахъ того мужа, который самъ былъ виртуозъ труда и ученой работы, и которому по справедливости принадлежитъ имя учителя ученыхъ, *il maestro di color che sanno*, какъ называетъ его Дантъ.

Тотъ же самый взглядъ находимъ мы почти чрезъ половину тысячелѣтія въ сужденіяхъ весьма образованнаго ученаго и врача Галена, малоазійскаго Грека, бывшаго, можно сказать, Аристотелемъ своего времени. Цвѣтеніе греческой жизни давно уже кончилось; па-

родъ, нѣкогда любимецъ боговъ; признававшій своимъ правомъ господствовать надъ варварами, давно уже преклонилъ гордую выю подъ иго римскаго рабства: и тѣмъ не менѣе въ эти дни второй половины втораго столѣтія по Р. Х., когда при Адрианѣ и Маркѣ Авреліи греческое художество блистательно доживало послѣдній свой вѣкъ, Галенъ еще различалъ благородное и свободное творческое искусство ваятеля и живописца отъ ремесленнаго рукодѣлья. «Одни искусства», говоритъ онъ, «суть искусства духовныя, мыслию дѣйствующія и возвышенныя; другія напротивъ имѣютъ въ себѣ нѣчто презрительное и низкое, и именно въ слѣдствіе соединенной съ ними утомительной тѣлесной работы». Къ первымъ относятъ онъ медицину и реторику, музыку, математику, астрономію (медицина впереди, какъ его собственная наука), и къ нимъ же, по его мнѣнію, можно причислить ваяніе и живопись, «ибо хотя эти искусства и требуютъ труда руками, однакоже для своего осуществленія нуждаются собственно не въ тѣлесной силѣ». Отсюда уже не далеко до извѣстнаго слова Лессинга, что родился Рафаэль и безъ рукъ, онъ все таки былъ бы величайшимъ гениемъ живописи.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ противъ того замѣчанія, будто бы древніе смѣшивали художество съ ремесломъ и не имѣли для строгаго различенія ихъ опредѣленныхъ терминовъ. Правда, что греческое слово *τέχνη*, въ особенности во множественномъ числѣ, употребляется о ремеслѣ и его разныхъ видахъ; правда, что какого нибудь особенно ловкаго ремесленника Греки иногда называли художникомъ, *τεχνίτης*. Но не говорятъ ли и новые Европейцы о столпномъ искусствѣ, объ искусствѣ часовыхъ дѣлъ мастера? Этотъ обычай даже основанъ на весьма вѣрномъ инстинктѣ, что всякая ловкость и всякое умѣнье родственны съ искусствомъ. Но тѣмъ не менѣе кто станетъ утверждать, что въ новой Европѣ не дѣлается различія между искусствомъ и ремесломъ? Точно также и у Грековъ. Гдѣ Аристотель, гдѣ вообще образцованная древность говоритъ объ искусствѣ, какъ объ искусствѣ, тамъ разумѣется то искусство, которымъ создается изящное, и конечно ни Аристотелю, ни кому либо изъ образованныхъ Грековъ не приходило въ голову относить къ искусствамъ въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно къ музыкѣ, поэзій, образовательнымъ искусствамъ, орхестикѣ, какое нибудь еще напримѣръ горшечное искусство. Что затѣмъ единственно остается отъ предполагаемаго смѣшенія художника и ремесленника, есть нѣчто весьма разумное. Это во первыхъ скромность искусства, не забывающаго о своемъ внѣшнемъ происхожденіи отъ ремесла, и потомъ это тогъ взглядъ, который проникалъ всю греческую и вообще всю античную жизнь, что и самое ремесло должно служить гдѣ украшенію жизни, и приближаться къ искусству; взглядъ, благодаря которому самая невидная и незначительная античная утварь отражаетъ на себѣ лучъ отъ непре-

ходящаго солнца изящества, и самый низкій ремесленникъ могъ находить наслажденіе и гордость въ отдылкѣ своей работы, какъ художественнаго произведенія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно ремесло сливалось съ искусствомъ, и умный ремесленникъ, работавшій съ любовью и старавшійся возвысить свое дѣло до степени художества, могъ въ Аеннахъ пользоваться уваженіемъ и даже снискать себѣ славу. Точно то же мы видимъ и въ Италіи подѣ конецъ среднихъ вѣковъ въ незабвенную эпоху процвѣтанія художествъ. Живописца звали тогда мастеромъ, *maestro*, его рабочая комната не только слыла мастерскою, какъ говорятъ и досель, но даже лавочкою, *bottega*. Тѣ братства мастеровъ, которыя съ конца тринадцатаго столѣтія образовались во всѣхъ большихъ городахъ Италіи, заключали въ себѣ кромѣ живописцевъ и ваятелей еще всякаго рода ремесленниковъ, которыхъ занятія состояли въ какомъ нибудь отношеніи къ дѣятельности художниковъ въ собственномъ смыслѣ, и хотя мастеръ, приготовлявшій дерево для картины, или наводившій золото на ея поле, конечно не равнялъ себя съ какимъ нибудь Джіотто или Леонардо да Винчи, однакожъ тѣмъ не менѣе Рафаэль раздѣлялъ почетное имя мастера съ каждымъ дѣльнымъ ремесленникомъ, и мѣсто, гдѣ Микель-Анджело создавалъ свои вѣковыя творенія, называлось также *bottega*, какъ рабочая какого нибудь столяра. Великій Альбрехтъ Дюреръ, равно какъ и Бенвенуто Челлини, былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и несравненный Петръ Фишеръ изобразилъ себя на лучшемъ своемъ произведеніи — гробницѣ Себальдовой, какъ простаго ремесленника въ рабочемъ костюмѣ съ инструментомъ въ рукахъ. Лишь испорченному вкусу позднѣйшаго времени, времени упадка не только въ искусствѣ, но и въ общемъ уровнѣ образованія, принадлежитъ мнѣніе, будто бы подобное отношеніе къ ремеслу унижительно для искусства и составляетъ признакъ грубости вѣка, еще мало образованнаго. «Теперь», съ триумфомъ восклицаетъ Ланци о своемъ осьмнадцатомъ столѣтіи, «теперь мы называемъ живописцевъ профессорами и ихъ мастерскія студіями.» Восклицаніе чрезъ мѣру наивное въ устахъ автора Исторіи Италіанской Живописи, который очеь хорошо долженъ былъ знать, что то грубое и необразованное время породило Леонардовъ и Микель-Анджеловъ, Рафаэлей и Тиціановъ, между тѣмъ какъ восхваляемый Ланціемъ профессорскій вѣкъ могъ противоставить такимъ именамъ только развѣ своего Менгса или Гаккерта.

Въ древнѣйшія времена греческой исторіи ремесло было почетнымъ занятіемъ, нисколько не унижательнымъ для свободнаго гражданина. Ловкость и смышленость ремесленника всегда высоко чтится у Гомера. Цари и царственныя жены сами занимаются ремеслами. Одиссей плотничаетъ, Пенелопа и Навсикая ткуть; боги и богини покровительствуютъ разнымъ мастерствамъ; кузнецы имѣютъ своимъ патрономъ

Гефеста, ткачи и плотники Палладу, гончары Прометея, и Гефестъ даже самъ не считаетъ ниже своего божественнаго достоинства подражать произведенію мнѣйшаго художника Дедала.

Но обратимся къ историческому времени. *Эидій* и *Полигнотъ* дѣйствительно называются *деміургами*, и то же самое имя *деміурговъ* дается ремесленникамъ. Но никогда образованный чело­вѣкъ не назвалъ бы этихъ художниковъ именемъ, которое въ греческомъ языкѣ означаетъ по преимуществу, и можно даже сказать исключительно, ремесленниковъ, именемъ *χειρωναξ*. Последнее по своему производству значить «владыка своихъ рукъ» и относится прямо къ ремесленникамъ и ихъ рукодѣлю; но иное происхожденіе слова «деміургъ». Оно знаменуетъ чело­вѣка работающаго для общины, для народа (демоса), и имѣетъ слѣдовательно гораздо болѣе обширный смыслъ. Поэтому уже у Гомера *деміургами* называются не только плотники, но и глашатаи, врачи и прорицатели, даже пѣвцы и поэты. Въ позднѣйшее республиканское время объемъ значенія этого слова, можно сказать, еще болѣе распространился. Зодчій, воздвигавшій Грекамъ ихъ храмы, наятель, воплощавшій предъ ихъ дивящимися взорами идеальные образы боговъ и героевъ, живописецъ, возвеличивавшій блескомъ и яркостію своихъ красокъ дѣянія героической эпохи и побѣдоносныя битвы своихъ предковъ и современниковъ, поэтъ и музыкантъ, восхищавшій сердца и чувства согражданъ своею пѣсною и игрою, — всѣ они назывались у Грековъ *деміургами*. И даже еще болѣе. Грекъ употреблялъ это имя для обозначенія той дѣятельности, которая въ его глазахъ — въ глазахъ политическаго по преимуществу чело­вѣка — занимала высшее мѣсто и давала высшую почесть: для обозначенія дѣятельности государственнаго чело­вѣка. Не только въ дорической Спартѣ, но и во многихъ другихъ государствахъ высшіе сановники назывались *деміургами*, а самое ихъ дѣло *деміургіею*, то есть работою надъ благомъ общества. Греческіе философы не усомнились дать это имя даже самому бо­жеству, и зиждителя великаго художественнаго цѣлаго вселенной, именуемаго у Грековъ *космосомъ*, зовутъ они *деміургомъ* (*δημιουργός του κόσμου*). Мы видимъ слѣдовательно: въ имени *деміурга*, въ этомъ словѣ самомъ по себѣ, не можетъ лежать ничего унижительнаго. Дѣло не въ имени, а въ томъ, кто его носитъ, и какого рода занятіе имъ означается. И дѣйствительно, множество внутреннихъ и вѣншихъ оснований и различныхъ свидѣтельствъ доказываютъ, что если когда Греки отзывались съ презрѣніемъ о художникахъ, то причиною тому было не *деміургическое*, то-есть общественной потребности посвященное занятіе ихъ, а то, что эти художники были посредственные или бездарные *деміурги*. Можно доказать, что художникъ, по истинѣ достойный этого имени, пользовался у Грековъ не только обществен-

нымъ уваженіемъ, но даже высокимъ почетомъ и восторженнымъ удивленіемъ.

Мы уже выслушали голосъ лучшаго представителя греческой образованности о достоинствѣ искусства. Рядомъ съ Аристотелемъ, мнѣніе котораго было приведено нами, стоитъ Платонъ, его великій учитель. Платонъ былъ идеалистъ и доктринеръ. Какъ политическій мыслитель, онъ не находить нигдѣ въ дѣйствительности полного осуществленія той идеи государства и государственной жизни, которую онъ посылъ въ себѣ. Поэтому онъ, собственно говоря, не доволенъ ничѣмъ существующимъ, въ томъ числѣ и образовательнымъ искусствомъ и художниками своего времени. И они не всѣ, и не во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, осуществляютъ высокую нравственную идею блага, которая неразрывно связана съ идеею прекраснаго въ понятіи платоновской *καλοκάγαθία*, то есть нравственно-совершенной красоты. Платонъ выходилъ изъ убежденія, что должно быть возможно преобразовать на основаніи идеи дѣйствительный міръ, и онъ былъ настолько смѣлъ, что провелъ этотъ свой взглядъ со всею послѣдовательностію. Все, чтó въ искусствѣ и его созданіяхъ не вполне соответствуетъ его понятію о нравственной красотѣ, все это онъ безпощадно устранилъ отъ своего идеала. Но тѣмъ не менѣе онъ отнюдь не былъ слѣпъ къ гениальнымъ художникамъ своего времени и своего народа. Вездѣ, гдѣ онъ называетъ ихъ по имени, — а мы встречаемъ въ его произведеніяхъ не только имена Фидія и Поликлета, но и Леохара, Полигнота, Аглаофонта, Зевксиппа и Аристофонта — вездѣ онъ отзывается съ уваженіемъ о ихъ искусствѣ и дарованіи. Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о его идеальномъ государствѣ. Тутъ онъ становится ригористомъ и требуетъ искусства съ нравственнымъ направленіемъ, искусства, производящаго созданія безукоризненныя въ нравственномъ отношеніи, чего тогдашняя дѣйствительная жизнь ему не представляла и не могла представить. Поэтому въ его образцовой республикѣ поэты должны или ограничиваться областію нравственно-благого, или не смѣть ничего производить. Тотъ же самый ригоризмъ отвлеченной идеи онъ распространяетъ и на образовательное художество. Въ его государствѣ ни одинъ художникъ не долженъ браться за дѣло, будетъ ли то зданіе, или картина, или изваяніе пластическое, если онъ не въ состояніи во всякомъ произведеніи, даже въ самомъ малозначительномъ, изобразить высоту нравственной идеи, или по крайней мѣрѣ устранить все, чтó можетъ послужить къ соблазну и причинить вредъ строгому общественному благонравію и дисциплинированной добродѣтели. Никогда идеализмъ не доходилъ до такой безсмертной странности, какъ въ этомъ судѣ философа надъ цѣлою весьма значительною областію искусства. Пляшущій Сатиръ, пьяный Силень, обнаженная томная Афродита, или вакханка предающаяся упоенію — надъ всѣмъ подобнымъ Платонъ ло-

иметь свой жезлъ доктринара. Но при этомъ не должно упускать изъ виду главной сущности платоновской мысли, того, что въ ней заключается вѣчно-истиннаго. Въ этомъ кажущемся безуміи божественнаго идеалиста есть своя метода, и Платону оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы достигнуть до истины своей собственной мысли, до той истины, которая лишь въ наше время нашла признаніе, именно: что всякое истинно художественное произведеніе заключаетъ въ себѣ самомъ нравственно образующую, облагораживающую и очищающую силу, хотя бы поэтъ или вообще художникъ и не имѣлъ въ виду дѣйствовать на нравственное чувство людей. И прибавимъ, самый этотъ шагъ, совершенный умственными героями предъидущаго столѣтія, не былъ ли онъ сдѣланъ въ виду великихъ остатковъ античнаго искусства и возвышенныхъ созданій греческой мысли?

Перейдемъ теперь отъ мудрецовъ и мыслителей, отъ Платона и Аристотеля, къ самому народу, который ихъ произвелъ, — къ этому вѣчно незабвенному народу Гелленовъ и его понятіямъ о художникахъ.

«Кротонскіе граждане», такъ рассказываетъ Римлянинъ, котораго коснулось вѣяніе греческаго духа, и который былъ бы достоинъ родиться Грекомъ лучшаго времени, — человекъ греческаго образованія, ума тонкаго и обильнаго, однимъ словомъ Цицеронъ, — «кротонскіе граждане во время своего лучшаго процвѣтанія, богатые и образованные болѣе другихъ италійскихъ Грековъ, остановились однажды на мысли украсить храмъ главной своей богини Юноны образцовыми произведеніями живописи. На этотъ конецъ они пригласили подъ обѣщаніемъ большаго вознагражденія гераклейскаго гражданина Зевксиса, который пользовался тогда славою величайшаго живописца своего времени. И онъ написалъ имъ нѣсколько картинъ, которыя подъ охраненіемъ святыни, отчасти сохранились до нашего времени. Имѣя въ виду изобразить въ нѣмомъ образѣ высочайшую женскую красоту, онъ сказалъ Кротонцамъ, что хочетъ написать Елену. Это было принято съ большою радостію, такъ какъ Кротонцы очень часто слыхали, что именно этотъ художникъ далеко превосходить всѣхъ другихъ живописцевъ въ изображеніи красоты женскаго тѣла. Они полагали, что когда въ томъ родѣ, въ которомъ онъ особенно силенъ, онъ создастъ что нибудь превосходное, то это неопытное произведеніе поступитъ въ ихъ храмъ. И въ этомъ ожиданіи они не обманулись. Но Зевксисъ спросилъ ихъ, какія у нихъ есть прекрасныя дѣвушки. Тогда они повели его въ палестру и показали много юношей необыкновенной красоты, ибо то было время, когда Кротонцы считались людьми самыми крѣпкими и красивыми и приносили съ состязаній и игръ самыя почетныя награды въ свой городъ. Когда поэтому живописецъ подивился прекрасному тѣлосложенію юношей и отроковъ, то Кротонцы сказали ему: «Такихъ

юношей сестры суть наши дѣвы. Ты можешь самъ предполагать, какова красота ихъ.» — Такъ я же прошу васъ, отвѣчалъ художникъ, чтобы изъ этихъ вашихъ дѣвъ вы поставили передо мною самыхъ прекрасныхъ, когда я буду писать то, что я вамъ обѣщалъ, — вполне вѣрную и живую красоту въ нѣмомъ образѣ. — Тогда Кротонцы, разсмотрѣвъ дѣло въ государственномъ собраніи, повѣдали дѣвушкамъ собраться въ определенномъ мѣстѣ и дали живописцу полномочіе избрать изъ нихъ ту, которую онъ захочетъ. А онъ выбралъ изъ нихъ пять какъ самыхъ красивыхъ, — и съ тѣхъ поръ имена ихъ воспѣвались многими поэтами, ибо ихъ красота стояла выше всякаго сомнѣнія, такъ какъ ее призналъ тотъ, чье сужденіе въ дѣлѣ красоты по необходимости должно быть признано за непререкаемое.»

Я не безъ намѣренія передалъ отъ слова до слова этотъ небольшой граціозный расказъ. Прежде всего надобно замѣтить, что римскій авторъ не дѣлаетъ никакого намека на невѣроятность дѣла, а напротивъ общаетъ его съ полнымъ довѣріемъ какъ фактъ историческаго времени, ибо Зевксисъ былъ современникъ Сократа и Аристофана, и его картины въ Кротонѣ видѣлъ самъ Цицеронъ. Но если бы этотъ расказъ и былъ вымышленъ, то онъ конечно вымышленъ въ чисто греческомъ духѣ. Итакъ, мы можемъ заключить, что греческому духу не противорѣчила рѣшимость кротонскихъ гражданъ обнажить передъ художникомъ красоту дочерей своихъ и признать совершеннымъ вознагражденіемъ за эту жертву дѣвичьей стыдливости обладаніе великимъ художественнымъ произведеніемъ и право употребить его на украшеніе одного изъ храмовъ своего города. Они не задумались нарушить законъ обычной строгости женскихъ нравовъ, для того чтобы содѣйствовать созданію художественнаго произведенія. Въ Аѣнахъ мы встрѣчаемъ то же. Знатнѣйшій изъ знатныхъ, первый богачъ въ цѣлой Греціи, Алкивиадъ, будучи ребенкомъ, служилъ натурою для изображенія бога любви, а сдѣлавшись юношею, — для Поликлетовой статуи Гермеса. Благороднѣйшія жены и дѣвы аѣнскія считали себѣ за честь являться въ мастерскую Фидія и благородствомъ формъ своего тѣла воодушевлять его при созданіи пареонскаго фризса. — Далѣе этотъ расказъ о Зевксисѣ изображаетъ намъ греческаго художника какъ предметъ уваженія во всѣхъ греческихъ земляхъ. Онъ показываетъ, какъ была распространена слава великихъ художниковъ даже еще при ихъ жизни, какъ великъ былъ интересъ къ искусству во всѣхъ сословіяхъ даже отдаленной колоніи, и какъ ревностно заботилась самая государственная власть о искусствѣ и художественныхъ произведеніяхъ. Онъ показываетъ намъ народъ, для котораго живая красота была высочайшимъ счастьемъ и завидною честью отдѣльнаго человѣка, а обладаніе изображающимъ красоту художественнымъ произведеніемъ не меньшимъ

счастьемъ и славою цѣлаго города, славою, которую нельзя слишкомъ дорого купить ни за какія пожертвованія, не говоря уже о деньгахъ.

И этотъ-то народъ гелленскій, говорятъ намъ, будто бы низко ставилъ своихъ художниковъ, и въ его глазахъ будто бы какое-то пятно клеймило сословіе людей, создававшихъ ему въ блескъ непреходящей красоты тѣ, чѣмъ душа его была наполнена, какъ весенній цвѣтокъ бываетъ наполненъ росой! Художникъ — вѣдь это было солнце, преобразующее въ алмазъ чистую каплю утренней влаги въ чашкѣ цвѣтка. Художникъ удовлетворялъ и насыщалъ глубочайшую потребность греческаго духа, потребность изящнаго, — вездѣ, въ храмахъ и святилищахъ боговъ, на улицахъ и площадяхъ города, въ рощахъ и портикахъ, служившихъ мѣстами прогулки, въ палестрахъ, гдѣ Грекъ работалъ надъ крѣпостію и красотою своего тѣла, и даже во внутренности частныхъ жилищъ, гдѣ онъ отдыхалъ отъ публичной жизни, — вездѣ художникъ дарилъ Гелленамъ возможность радоваться красотѣ и наслаждаться изящнымъ, и даже самыя мѣста покоя умершихъ умѣлъ онъ окружить своими свѣтлыми чарами и мрачное убѣжище смерти украсить такою жизненною полнотою изящнаго, что, по словамъ германскаго Геллена,

— die Asche da drinnen.

Schien, im stillen Bezirk, noch sich des Lebens zu freuen.

Народъ, который прекрасному юношѣ, Кротонцу Филиппу, воздвигнулъ на его могилѣ святилище, какъ герою, и приносилъ ему жертвы, только потому, говоритъ Геродотъ, «что онъ былъ такъ хорошъ собою»; народъ, который толпился на художественныхъ выставкахъ и принималъ живѣйшее участіе въ состязаніяхъ художниковъ, — этотъ народъ Гелленовъ, отправлявшихся въ далекое странствіе, чтобы взглянуть на знаменитое изваяніе, — первый и единственный въ мірѣ художественный народъ — будто бы онъ мало уважалъ сословіе художниковъ!

Изъ міра греческаго искусства дошли до насъ только обломки. Необозримый лѣсъ статуй, покрывавшій всю Гелладу, безчисленныя картины, которыя тысячами украшали греческіе города и храмы, все это обиліе художественныхъ произведеній, столь необъятное, что даже самый маленькій островъ, самый отдаленный городокъ не былъ лишентъ своихъ сокровищъ, и путешественникъ Павсаній, объѣхавшій Грецію во II столѣтіи по Р. Х., послѣ нѣсколькихъ вѣковъ римскаго хищничества, нашелъ мраморныя изваянія даже въ какой нибудь фокейской Панопѣ, которую нельзя назвать ниже городкомъ, — все это богатство, сравнительно съ которымъ наши музеи показались бы скудною лептою нищаго, исчезло съ лица земли. И точно такъ же, какъ сохранившіеся обломки относятся къ обилію погибшихъ сокровищъ искусства, точно въ такомъ же отношеніи стоятъ дошедшія до насъ извѣстія о художествен-

ныхъ произведеніяхъ и художникахъ къ существовавшей въ древности художественно-исторической литературѣ. Отъ множества жизнеописаній и трактатовъ о памятникахъ остались только отдѣльныя извѣстія или скудныя извлеченія и компіляціи, сдѣланныя безъ всякой критики. У насъ нѣтъ біографія ни одного художника, и даже о жизни знаменитѣйшихъ артистовъ мы имѣемъ свѣдѣнія или скудныя, или темныя и сомнительныя. Но въ этихъ жалкихъ остаткахъ сохранилось довольно много данныхъ, доказывающихъ, что Грекъ не менѣе цѣнилъ художниковъ, какъ и ихъ произведенія, и что художники греческіе пользовались тѣмъ признаніемъ и почетомъ, которые во все времена и при всѣхъ обстоятельствахъ составляютъ жизненную атмосферу и насущный хлѣбъ для искусства. Сословіе, унижаемое націею, не можетъ дойти до сознанія своей цѣны, до того гордаго сознанія человѣческаго достоинства, которымъ пылъ исполненъ почти всякій европейскій рабочій челоуекъ. Въ Греціи если не ремесленники, то художники несомнѣнно имѣли такое сознаніе. Они хвалились своимъ искусствомъ и рядами своихъ предковъ, прославившихся въ искусствѣ и передававшихъ его по греческому обычаю наследственно отъ отца къ сыну. Но память о художникахъ была увѣковѣчена и въ этой сословной преемственности. Рядомъ съ позолоченнымъ кумиромъ Аполлона въ Тегев стояла мраморная статуя ваятеля Хирисофа. Художники Стратонъ и Ксенофилъ были изображены въ двухъ сидящихъ статуяхъ, по сторонамъ произведенныхъ ими статуй Эскулапа и Гигіеи (Γυγίει) въ Аргосѣ. Рельефный портретъ ваятеля Алкамена, ученика Фидіева, находился на фронтонѣ элевсинскаго храма. Священныя и свѣтскія мѣста, портики и стой, рынки, зданія всякаго рода не рѣдко назывались благодарный народъ по имени архитектора, ихъ устроившаго, или художниковъ, украсившихъ своими работами. Въ древнѣйшія времена близкое отношеніе къ религіи давало художникамъ даже почти жреческое значеніе. Оскорбленіе ихъ считалось нечестіемъ противъ боговъ; оракулъ налагалъ иногда штрафъ за такое преступленіе на цѣлые города, что однажды случилось, какъ рассказываетъ Павсаній, съ городомъ Сикіономъ.

Слава художника распространялась и на его отечество, и многіе города спорили между собою за художниковъ. Въ одномъ — знаменитый художникъ родился, въ другомъ долго жилъ, въ третьемъ получилъ почетное гражданство. Каждый изъ этихъ городовъ хотѣлъ считать его своимъ, какъ семь городовъ считали своимъ пѣвца Илиады. Прибытіе знаменитаго живописца или ваятеля въ какое нибудь мѣсто на его путешествіи составляло событіе. Замѣчательное новое художественное произведеніе было извѣстно всѣмъ и каждому; Аристофанъ дѣлаетъ намеки на новыя картины и увѣренъ, что всякій Афинянинъ пойметъ его

мысль¹. Агоракритъ, любимый ученикъ Фидіа, изваялъ Венеру въ состязаніи съ Алкаменомъ, другимъ ученикомъ того же великаго мастера; первый былъ иностранецъ, родомъ съ острова Пароса, а его соперникъ—коренной Афинянинъ. И когда судьи дали первенство послѣднему, то Агоракритъ, приписывая этотъ приговоръ пристрастію, преобразилъ свою Венеру въ карающую Немесиду и отдалъ ее жителямъ Рамнуса для тамошняго Немесидина храма съ условіемъ, что статуя никогда не должна попасть въ Афины. Еще большую гордость показалъ живописецъ Зевксисъ, человекъ весьма богатый: онъ не разъ дарилъ свои произведенія, потому что, какъ говорилъ онъ, нельзя назначить имъ цѣны.

Гордости художниковъ соответствовало уваженіе публики къ художественнымъ произведеніямъ. Городъ Книдъ имѣлъ счастье обладать знаменитою Праксителивой Афродитой, изваяніемъ, которое привлекало въ Азію многихъ греческихъ путешественниковъ. Граждане Книды гордились этою статуей, прославленною по цѣлой Гелладѣ. Во время довольно позднее, привсѣмъ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, они получили отъ вавилонскаго царя Никомеда предложеніе уступить ему статую Афродиты за весь ихъ огромный государственный долгъ. Но они не согласились; они лучше хотѣли принести послѣднія жертвы, нежели разстаться съ такимъ произведеніемъ. «И они были правы», говорить даже Римлянинъ Плиній, рассказывающій намъ эту исторію, «потому что этимъ художественнымъ произведеніемъ Пракситель на вѣки облагородилъ ихъ городъ.» Эта черта не стоитъ отдѣльно; увѣреніе хищника Верреса, что онъ скупилъ похищенные имъ художественныя произведенія, Цицеронъ отражаетъ словами: «никогда и ни одинъ городъ въ Греціи и Азіи не продавалъ добровольно за деньги кому бы то ни было знаменитое произведеніе пластики и живописи.» Трогательными чертами изображаетъ великій ораторъ гордость и любовь, съ которыми еще тогдашніе Греки были привязаны къ своимъ художественнымъ произведеніямъ. «Они считаютъ величайшимъ стыдомъ», говорить онъ, «продавать художественныя сокровища, наслѣдованныя отъ отцовъ; мудрая политика побудила Римлянъ оставлять побужденнымъ эти предметы восторженной привязанности, какъ утѣшеніе въ рабствѣ». *Oblectamenta et solatia servitutis* — весьма наивное выраженіе въ устахъ Римлянина! Или еще одинъ весьма замѣчательный фактъ. Александръ Македонскій предлагалъ жителямъ Эфеса возстановить ихъ храмъ Артемиды единственно на томъ условіи, чтобы на посвянительной надписи храма онъ былъ названъ какъ его возобновитель. Они отклонили отъ себя это предложеніе, какъ унижительное для ихъ чести, и дали Александру отвѣтъ, замѣчательный по остроумію и сарказму: «неприлично,

¹ Letronne sur l'emploi de la peinture historique murale p. 291.

чтобы одно божество строило храмъ для другаго». И однакожь эти самые Ээесен, которые не хотѣли видѣть на своемъ храмѣ имени царя, покорившаго мѣръ, не отказали бы въ этой чести простому архитектору изъ своей среды. Патриотизмъ игралъ не малую роль при оцѣнкѣ художника. Художники, которые писали объ искусствѣ, ставили произведенія Телефана на ряду съ работами Поликлета, Мирона и Пивагора, и одвакоже этотъ художникъ никакъ не могъ прославиться въ Греціи. «Причина была та», говорятъ Плиній, «что онъ работалъ на персидскихъ царей Ксеркса и Дарія.» — Разрушеніе художественнаго произведенія считалось преступленіемъ противъ всей греческой націи, пятномъ, котораго ничѣмъ нельзя было смыть. Димитрій Полиоркетъ отказался отъ покоренія Родоса, но не рѣшился напасть на городъ съ самой слабой стороны, потому что въ такомъ случаѣ знаменитое произведеніе живописца Протогена, находившееся въ этой части города, подверглось бы опасности разрушенія. «Скорѣе сожгу я», сказалъ онъ, «изображеніе моего отца, нежели такое превосходное созданіе». Протогенъ тогда былъ еще въ живыхъ. Онъ продолжалъ спокойно писать своего знаменитаго Сатира въ своемъ помѣстьи недалеко отъ осажденнаго города. Димитрій позвалъ его къ себѣ въ лагерь и спросилъ, какъ онъ осмѣлился въ военное время оставаться внѣ стѣнъ укрѣпленнаго города. «Я зналъ, что ты ведешь войну съ Родосцами, а не съ искусствомъ», отвѣтилъ спокойно художникъ — отвѣтъ, дѣлающій честь и Протогену, и тому лицу, которому можно было такъ отвѣтить. Дѣйствительно, по приказанію Димитрія, караулъ былъ поставленъ у жилища художника, и царь оставалъ иногда свои осадныя работы, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ работа художника.

Не только народъ чтилъ художниковъ, и часто выражалъ свое удивленіе къ нимъ, не только цари и правители обращались съ ними, какъ съ равными, но и поэты въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ прославляли ихъ произведенія и восхваляли ихъ гений. Греческая Антологія представляетъ много примѣровъ тому. И не было ли высокою честью для художниковъ, что, какъ сообщаетъ намъ Платонъ, аѣнскій народъ, считавшій каждаго гражданина способнымъ произнести сужденіе о государственныхъ вопросахъ, тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ искусства, при сооруженіи храмовъ и воздвиженіи художественныхъ произведеній, обращался за совѣтомъ и мнѣніемъ лишь только къ художникамъ. «Благодаря этому», говоритъ Винкельманъ, «честь художника и его успѣхъ зависли у Грековъ не отъ каприза какого нибудь сильнаго чловѣка, и художественныя произведенія оцѣнивались не по случайнымъ прихотямъ какого нибудь невѣжественнаго судьи, котораго одна лишь рабская лесть провозгласила судьбою въ искусствѣ, но мудрѣйшіе изъ всего народа провозносили судъ надъ художниками и присуждали награду за ихъ произведенія.»

Мы знаемъ, какъ дорожили Аѳиняне правомъ гражданства. Иностранецъ, которому доставалась въ удѣлъ великая честь быть принятымъ въ число аѳинскихъ гражданъ, назывался «кусыновленнымъ всего аѳинскаго народа». Лишь большія заслуги давали право на такую почесть, и законы окружили произнесеніе подобнаго приговора разными затрудненіями. Предложеніе должно было быть читано въ двухъ народныхъ собраніяхъ. Во второмъ изъ этихъ собраній въ его пользу должно было оказаться не менѣе шести тысячъ тайно поданныхъ голосовъ, и даже послѣ этого народное опредѣленіе въ продолженіи цѣлаго года подлежало пересуду. Это показываетъ, какъ высоко ставили Аѳиняне право своего гражданства. И эту-то честь гордые Аѳиняне оказали во время Перикла иностранцу Паррасію, чтобы получить право именовать своимъ этого великаго живописца. И это удалось имъ. Хотя Паррасій былъ родомъ изъ Эфеса, но потомство называетъ его по большей части Аѳиняниномъ¹. Впрочемъ самъ Паррасій былъ не такой человекъ, чтобы эта почесть заставила его позабыть свой родной городъ. На многихъ своихъ произведеніяхъ онъ помѣщалъ надпись, говорящую, что его родина былъ «многославный Эфесъ». Онъ вполне зналъ себѣ цѣну, какъ всѣ истинно великіе художники греческаго народа. Есть преданіе, что онъ называлъ Аполлона своимъ прародителемъ. Плиній признаетъ это преданіе за подлѣйшую выдумку и можетъ быть это дѣйствительно такъ, хотя и не видно основанія, почему бы греческій художникъ не могъ символически хвалиться происхожденіемъ отъ того бога, который считался вождемъ музъ и покровителемъ искусствъ. Плиній не имѣлъ смысла ко многому въ греческой жизни. Такъ напримѣръ онъ совершенно не понималъ слѣдующей черты, которая рассказывалась также о Паррасіи. Паррасія однажды спросили, кто былъ у него натурою для его знаменитаго лидійскаго Геркулеса. Самъ богъ, часто являвшійся мнѣ въ сновидѣніи, отвѣчалъ онъ. Паррасій былъ надменный художникъ, столько же гордый какъ и остроумный. Когда его картину «Аяксъ побужденный Одиссеемъ въ споръ за оружіе» поставили при раздачѣ награды ниже произведенія Тиманеа, онъ отозвался такъ: «очень жаль бѣднаго Аякса, что ему въ другой разъ достается одинаковый жребій — уступать недостойному». Плиній и Сенека не могли понять этого гордаго сознанія въ греческомъ художникѣ, но оно конечно не казалось страннымъ той публикѣ, для которой Паррасій писалъ слѣдующіе стихи:

¹ Такое дарованіе гражданства художникамъ, принадлежавшимъ другому греческому городу, встрѣчается довольно часто. См. Тѣлькеа въ Бѣттигеровой Амалтѣ III, 123. Оно было въ употребленіи еще во времена Адриана Восточн. С. Инст. I, p. 339.

Пусть сомнѣются люди, но я говорю, что искусство
 Крайній достигнуть предѣлъ; свѣту явила сіе
 Нилъ Паррасіа кисть; можа стоять неподвижно,
 Хоть совершеннаго вѣтъ — въ томъ, что творить человекъ.

Интересна другая эпитаграмма, которую онъ любилъ подписывать подъ
 своими произведеніями:

Нѣжныхъ обычаевъ мужъ, добродѣтели чтила Паррасіа
 Эту картину писалъ. Родной былъ мнѣ Эвель,
 Грель многославный, отецъ же Эвареръ всерналъ женоинца,
 Первымъ въ искусствѣ своемъ вся ного Греція чтила.

Вотъ какіе люди были греческіе художники, и вотъ какое сознание
 могли они имѣть о себѣ среди того общества, въ которомъ жили.
 Лишь по утратѣ независимости, когда народъ ниспалъ съ высоты свое-
 го прежняго, истинно греческаго характера, онъ утратилъ, по
 крайней мѣрѣ отчасти, способность цѣнить по достоинству своихъ ве-
 ликихъ людей и съ благороднымъ энтузіазмомъ удивляться имъ гению
 и характеру. Ни буръ сказалъ однажды страшно жесткое слово о по-
 добномъ измѣненіи нѣмецкаго народнаго характера: «Нѣмецъ», писалъ
 онъ къ одному другу, «съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ прежнюю
 высокую простоту своего характера, сдѣлался отъ природы склоненъ
 къ придирчивости и завистливому порицанію; его вовсе нельзя назвать
 справедливымъ и еще тѣмъ менѣе любящимъ. Почтить кого нибудь
 стало двоякъ чрезвычайно тяжкимъ для Нѣнца.» Ничто подобное ис-
 пыталъ на себѣ греческій характеръ послѣ утраты національной неза-
 висимости. Тогда-то появилось въ литературѣ это поколѣніе мелкихъ
 людей, отыскивающихъ скандальныя исторіи и гонимыхъ за анек-
 дотами, людей, которые не оставили въ покоѣ почти ни одного вели-
 каго человека изъ времени прошлаго, которые рады были пятнать
 благородство и величіе, ибо не имѣли къ нему ни смысла, ни вѣри, и
 предавшись дежону празднословію, соединяли съ легковѣріемъ ложь и
 вносили самыя нелѣпыя и низкія вещи на такихъ великихъ мыслителей
 и поэтовъ, каковы Платонъ и Аристотель, Эсхилъ и Соφοклъ. Въ это-
 то время одинъ жалкій острякъ думалъ унижить Паррасіа, сочинивъ
 каламбуръ, еще не совсѣмъ ловкій, будто Паррасіа не *ἀβρὸ βιάτος*, т. е.
 вѣжною и изящною жизнію живущій, а *ραψὸβιάτος*, т. е. отъ своей
 кисти живущій. Изъ такихъ же испорченныхъ источниковъ происходятъ
 исторіи, которыя Сенека рассказываетъ о Паррасіа. При завоеваніи Оли-
 веа македонскимъ Филиппомъ Паррасіа будто бы купилъ плынаго ста-
 рика, гражданина этого города, привезъ его въ Аѳины и замучилъ
 въ своей мастерской, чтобы имѣть живую натуру для своей картины
 «Прикованнаго и коршуномъ пожираемаго Промедея». Гнусная выдум-
 ка, которая столько же идетъ къ Паррасіа, какъ Сенека и пероков-

скій Римъ покожи на Платона и на городъ Паллады. Она опровергается и хронологіей и внутреннею невѣроятностью. Нѣкоторую тѣнь правдоподобія она могла имѣть развѣ только для фантазій Римлянина, воспитаннаго на звырячьихъ травляхъ и гладіаторскихъ играхъ. Но ни Греку, ни человеку нашего времени не было бы простительно повѣрить ей. И какъ не удивиться, что одинъ изъ извѣстнѣйшихъ филологовъ нашего времени, принимаетъ на взру подобныя исторіи и еще выводитъ изъ нихъ заключенія о пріемахъ и методахъ греческаго искусства! Надобно впрочемъ прибавить, что простонародная фантазія, пораженная вѣрностію и силою художественнаго изображенія, бываетъ способна раззыряться до подобныхъ вымысловъ. О Микель Анджеоло тоже рассказывается, будто онъ распикалъ на крестѣ человека.

Но возвратимся къ греческимъ художникамъ времени процвѣтанія. Уваженіе, которымъ они пользовались, основывалось не на одномъ ихъ искусствѣ; они все были люди свободнорожденные, полноправные граждане своего отечественнаго города, а иногда и почетные граждане другихъ городовъ. При всей скудости нашихъ источниковъ мы знаемъ около полутысячи именъ греческихъ живописцевъ и скульпторовъ, но ни объ одномъ изъ нихъ не извѣстно съ достовѣрностію, чтобы онъ былъ рабскаго, несвободнаго происхожденія, или чтобы избранное имъ призваніе повлекло за собою уменьшеніе полноты его гражданскихъ правъ. Павсаній, писатель поздній, называетъ, правда, одного живописца Омфаліона рабомъ и любимцемъ его учителя Никія; но самъ Павсаній прибавляетъ: «какъ утверждаютъ нѣкоторые». Слало быть и это единственное исключеніе основывается только на слухѣ. Напротивъ того мы знаемъ, что законами было запрещено несвободному человеку заниматься искусствомъ. «Въ Греціи», говоритъ Плиній, «никогда не дозволялось рабамъ учиться живописи; лишь свободнорожденные посвящали себя этому искусству, а впоследствии по большей части дѣти извѣстныхъ семействъ (honesti)». «Поэтому», прибавляетъ онъ, «ни въ живописи, ни въ торевтикѣ — подъ этими именами онъ очевидно разуметь здѣсь всю пластику — неизвѣстно ни одного художника несвободнаго происхожденія, который бы снискалъ себѣ славу своими произведеніями.»

Греческіе художники являются постоянно какъ люди образованные и остроумные, нерѣдко даже какъ люди замѣчательные по своимъ познаніямъ, или по слою политическому смыслу, и за эти качества уважаемые благороднѣйшими изъ своихъ современниковъ. Остроумныя изреченія, тонкіе отвѣты, замѣчательныя выраженія благородства и независимости передъ сильными и великими людьми приписываются многимъ художникамъ и составляютъ предметъ любимыхъ рассказовъ древности. Праздную рѣчь одного высокаго покровителя Зевксисъ превралъ однажды словами: «Иль ты не видишь, какъ мои растирники кра-

сокъ снѣются надъ тобою?» Объ Апеллессѣ утверждаютъ, что онъ далъ подобный отвѣтъ самому Александру Македонскому. Еще императору Адриану, который былъ большой любитель искусства и самъ не послѣдній художникъ, пришлось выслушать отъ одного художника: «Ступай и рисуй свои огурцы; о моемъ искусствѣ ты не имѣешь никакого понятія.» Такихъ примѣровъ и остроумія и независимости права можно было бы привскаать много. Греческіе художники стояли по образованію по большей части на одномъ уровнѣ съ первыми людьми между своими современниками. Музыканты: Дамонъ, Агзевокъ, Пнеоклитъ, короткіе друзья Перикла, были люди такого образованія, которое внушало уваженіе самому Платону; они размышляли о сущности своего искусства и въ то же время о государственной мудрости; это были умы, родственные съ умомъ Перикла, и потому они имѣли большое вліяніе на него. «Дамонъ», говоритъ Платонъ, «облекъ свое настоящее свойство великаго мыслителя и государственнаго мужа скромнымъ покровомъ музыки.» Для своего друга Перикла, этого политическаго атлета, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ для настоящаго атлета бываетъ учитель, придающій ловкость его членамъ и укрѣпляющій ихъ упражненіемъ. Сократъ былъ сынъ ваятеля и продолжалъ заниматься искусствомъ отца своего, отправляя обязанности полноправнаго аѳинскаго гражданина, и сражался за отечество въ битвахъ. Потомъ, по всему вѣроятію, онъ пересталъ заниматься ваяніемъ, но мы знаемъ, что во всю свою жизнь онъ особенно охотно обращался съ художниками и ремесленниками. Статуя Гермеса и мраморное изваяніе Харитъ, произведенія его рукъ, стояли еще чрезъ пять сотъ лѣтъ послѣ его смерти близъ входа въ аѳинскій Акрополь, гдѣ ихъ видѣлъ Павсаній. Фидій былъ также другъ и доверенный человекъ Перикла и отличался самымъ многостороннимъ образованіемъ. Поликлетъ и Апеллессъ, Паррасій и Асклепідоръ, Эвраноръ, скульпторъ и живописецъ, котораго по многосторонности его образованія Квинтилианъ сравниваетъ съ Цицерономъ, Ксенократъ, весьма плодовитый ваятель изъ школы Лисипповой, все они извѣстны и какъ писатели о своемъ искусствѣ. Скульпторъ Менехмъ, кромѣ сочиненія о своемъ искусствѣ написалъ еще исторію Александра Великаго; Памфилъ, учитель Апеллеса, былъ превосходный математикъ: безъ математики нельзя быть художникомъ — было его любимое слово; въ своемъ отечественномъ городѣ онъ основалъ рисовальную школу для всѣхъ гражданъ. Живописецъ Полидъ былъ авторъ диаграммъ; Гитіадъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ художниковъ Лакедемона, писалъ гимны къ богинѣ Палладѣ, которой храмъ и идолъ были имъ же сооружены. Писатель, современникъ Помпея, составилъ книгу о знаменитѣйшихъ художественныхъ произведеніяхъ міра. Эмилий Павлъ, побѣдитель Персея, просилъ себѣ разъ у Аѳинянъ хорошаго философа для

воспитанія дѣтей и опытнаго живописца для прославленія своего триумфа. Аѳиняне прислали ему Метродора, который былъ равно силенъ и въ томъ и другомъ дѣлѣ, и Эмилий нашель, что это дѣйствительно такъ,—прибавляетъ Плиній, рассказывающій эту исторію. Упомянемъ еще о живописцѣ Дюгнетѣ, который училъ живописи императора Марка Аврелія; послѣдній самъ признавалъ, что онъ обязанъ Дюгнету не только своими знаніями въ живописи, но и значительною частью своего общаго образованія. Даже въ самое позднее время, когда солнце древняго міра совершенно склонялось къ закату, даже въ половинѣ IV столѣтія нашей эры, мы находимъ между художниками людей высокаго образованія, каковы были Гиларій и Гермогенъ,—Гермогенъ, тотъ живописецъ—философъ, противъ котораго Тертуліанъ счелъ нужнымъ написать одно изъ своихъ сочиненій. Есть нѣкоторый поводъ думать, что именно въ сословіи художниковъ наиболѣе долго сохранились остатки прежней независимости греческаго характера. Павсаній видѣлъ своими глазами жалкій позоръ аѳинскаго народонаселенія, позволявшаго уничтожать на статуяхъ древнихъ великихъ людей имена Мильтиадовъ и Фемистокловъ, чтобы замѣщать ихъ изъ рабской лести именами какихъ нибудь иллирійскихъ и еракійскихъ варваровъ. Но между тѣмъ какъ это происходило въ самыхъ Аѳинахъ, греческіе художники въ Римѣ были можетъ—быть единственные люди, еще сохранявшіе божественную искру врожденнаго Греку духовнаго благородства. Они продолжаютъ изображать римскихъ императоровъ, какъ первыхъ между гражданами, не придавая имъ вида надменныхъ властителей. «Фигуры, окружающія императора», говоритъ Винкельманъ, «изображаются равнаго роста съ своимъ властителемъ, и послѣдній отличается отъ нихъ лишь тѣмъ, что принимаетъ предпочтительное участіе въ главномъ дѣйствіи. Никто предъ императоромъ не падаетъ ницъ, кромѣ плѣнныхъ варваровъ; никто не выражаетъ своего уваженія поклонами, не понижаетъ своей головы, вступая въ разговоръ съ императоромъ. Мы знаемъ, что въ дѣйствительности сенатъ падалъ къ ногамъ Тиберія, и что Калигула давалъ сенаторамъ цѣловать свою руку и ногу; но искусство продолжало сохранять тотъ старій обычай, который соблюдался во время процвѣтанія аѳинскаго искусства художниками, его возвеличившими.»

Вотъ что мы видимъ во время упадка древняго міра. Какъ же высоко долженъ былъ стоять художникъ въ то время, когда художественная жизнь процвѣтала, когда Перикль считалъ своими друзьями замѣчательнѣйшихъ художниковъ своего времени и народа, когда Александръ Великій окружалъ себя живописцами, зодчими, ваятелями, которые даже сопутствовали ему въ его походахъ, когда онъ, повелитель міра, обращался съ этими людьми не какъ съ слугами своими, а какъ съ друзьями, и когда маслѣдники его царства, эти великіе государи и воена-

чальники, Димитрій Полиоркетъ, Селевкъ, Птоломей и другіе, удостоивали художниковъ своей дружбы, оказывали имъ высокія почести! Я уже упоминалъ, что самъ Плутархъ, который подъ вліяніемъ своего позднѣго времени смотритъ вообще свысока на сословіе художниковъ, что самъ Плутархъ прямо называетъ Фидіа «могущественнымъ другомъ Перикла». Тотъ же безсмертный Периклъ такъ высоко цѣнилъ архитектора Мнесикла, что по выздоровленіи его отъ опасной болѣзни велѣлъ воздвигнуть ему статую, хотя онъ и не былъ афинскимъ гражданиномъ. Живописецъ Полигнотъ находился въ самыхъ дружественныхъ связяхъ съ Кимономъ и въ сестрѣ его Эллиникѣ возбудилъ страстную любовь къ себѣ. Неалкъ, живописецъ не очень извѣстный, былъ другомъ великаго полководца и политика Арата; Протогенъ — другомъ философа Аристотеля, для котораго онъ написалъ портретъ его матери, и который убѣждалъ его избрать сюжетомъ для своего искусства великія дѣянія Александра Македонскаго, потому что безсмертная слава ихъ обѣщаетъ безсмертіе и произведешиямъ художника. Когда живописецъ Аэтонъ выставилъ въ Олимпіи свою большую картину, описанную у Лукіана, — свадьбу Александра съ Роксаною, — тогдашній геллаподикъ Проксенидъ, движимый удивленіемъ къ этому художественному произведенію, предложилъ ему руку своей дочери. Фокіонъ, величайшій воинъ и государственный человекъ своего времени, былъ женою на сестрѣ ваятеля Кефисодота. Дерзкій поступокъ, который позволилъ себѣ запосыивый Алквивіадъ относительно живописца Агаварка изъ Самоса, — онъ его заперъ, чтобы заставить работать, — этотъ самовольный поступокъ произвелъ въ Афинахъ всеобщее негодованіе, хотя оскорбленный художникъ отнюдь не принадлежалъ къ знаменитостямъ. Что по имени великихъ архитекторовъ и скульпторовъ давались имена публичнымъ мѣстамъ, объ этомъ мы уже прежде упоминали. Такъ граждане Элиды назвали одну колоннаду въ священнои рощѣ около олимпійскаго храма по имени того художника, который соорудилъ ее, а Клеотасъ, усовершенствователь формы олимпійскаго гипподрома, могъ хвалиться этимъ изобрѣтеніемъ въ надписи, которую онъ поставилъ подъ своею статуею въ Афинахъ. Художники, которые бывали объявлены побѣдителями въ состязаніяхъ, получали въ Афинахъ право обѣдать на государственный счетъ въ пританей вмѣстѣ съ заслуженными государственными людьми и побѣдоносными полководцами, а живописцу Полигноту въ собраніи Америкліоновъ было даво еще большее право, именно право обѣдать на государственный счетъ во всѣхъ государствахъ союза.

Приведенныя черты, кажется, достаточны для доказательства того, что греческое сословіе художниковъ отнюдь не было унижаемо общественнымъ мнѣніемъ, а напротивъ разсматривалось какъ почетное со-

словіе. Мы переходимъ теперь къ третьему и послѣднему пункту вопроса — къ вопросу денежному.

Нельзя отрицать, что относительно оцѣнки человѣческаго труда древность стояла вообще ниже новаго времени. Что всякій трудъ имѣетъ въ себѣ самодѣльное право и свою честь, этого древніе не знали и не могли знать, потому что имѣли рабовъ, и рабство было по ихъ понятіямъ не только фактически существующимъ, но и теоретически необходимымъ учрежденіемъ. То пониманіе дѣла, которое чтить человѣскій трудъ, какъ таковой, само составляетъ высокую честь нашего времени, и чтобы достигнуть его, требовалось не менѣе, какъ двадцативѣковой періодъ времени, считая съ поры процвѣтанія Греціи. Но даже и у насъ такое пониманіе лишь только возникаетъ, и многимъ столѣтіямъ еще остается трудиться надъ его осуществленіемъ въ жизни.

Древнѣйшее греческое время было впрочемъ въ этомъ отношеніи ближе къ нашимъ понятіямъ. При Сологнъ ходила въ народѣ поговорка: «работать не стыдно». Законодатель Деміи самъ занимался торговлею, и еще прежде поэтъ Гесіодъ давалъ своимъ согражданамъ такое наставленіе:

«Нѣтъ работы постыдной: снѣтъ безъ дѣла постыдно.»

Но этотъ взглядъ претерпѣлъ существенное измѣненіе въ позднѣйшее время, когда понятіе привилегированнаго гражданства опредѣлилось съ ббльшею рѣзкостью. Тогда многіе стали признавать недостойнымъ свободного человека всякій тѣлесный трудъ. Полноправный гражданинъ, считавшій задачей своей жизни политическую дѣятельность и наслажденіе красотой жизни и искусства, предоставлялъ тѣлесный трудъ и вообще всю заботу о стяжаніи рабамъ и насшимъ ремесленникамъ. Въ особенности это имѣло силу въ Спартѣ, гдѣ работать и быть рабомъ были выраженія однозначительныя. Когда одинъ Спартанецъ случился свидѣтелемъ того, какъ въ Афинахъ какого-то гражданина присудили за праздность къ наказанію, онъ попросилъ, чтобы ему показали человека, котораго наказываютъ за то, что онъ живетъ — какъ свободный человекъ. «До такой степени», прибавляетъ Плутархъ, «презираютъ они добываніе денегъ и на всякій трудъ ремесленнической смотръятъ какъ на занятіе рабское.»

Вопросъ о томъ, получали ли писатели въ лучшее время греческой литературы какое нибудь вознагражденіе за свои труды, принадлежитъ къ самымъ темнымъ частямъ классической филологіи, хотя намъ извѣстно, что тогда уже существовала книжная торговля. Платонъ и Аристотель, Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ и другіе дѣятели этой эпохи, по всему вѣроятію, работали безъ вознагражденія. Это были богатые люди, можно бы даже сказать вельможи, если бы это выраженіе соответствовало тогдашнему греческому государственному устрой-

ству. Они не нуждались въ денежной платѣ. Сочиненія свои они давали переписывать своимъ же рабамъ и выпускали въ свѣтъ по большей части для своихъ друзей. Учили они также не за деньги — въ этихъ античныхъ академіяхъ и лицейхъ, кромѣ имени не имѣющихъ ничего общаго съ одноименными имъ новѣйшими учрежденіями. Но съ другой стороны мы знаемъ, что софисты брали деньги, и хотя Платонъ съ своей аристократической точки зрѣнія охотно подсмѣивается надъ этою мудростію, продаваемою за деньги, однакожь общественное мнѣніе не находило въ этомъ ничего несправедливаго или унижительнаго.

Давались ли греческимъ трагикамъ денежные вознагражденія за ихъ драмы, я также не могу сказать. Но то достоверно, что за произведенія комической музы выплачивались въ Аѳинахъ денежные суммы по опредѣленію Совѣта Пяти Сотъ: Аристофанъ въ «Лагушкахъ» нападаетъ на завистливыхъ демагоговъ, которые стараются обрѣзать награду поэта, заслуженную честнымъ трудомъ. Равнымъ образомъ извѣстно, что Пиндаръ заставлялъ себя платить за свои побѣдные гимны, и что никто въ древности этому не удивлялся. Если порицали за то поэта Симонида, котораго самъ Аристотель осуждаетъ за корыстолюбіе, то причиною тому была продажность его музы и ея униженіе вслѣдствіе продажности. Вообще же было совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы поэтъ, не продавая своего голоса, получалъ денежные награды за свои стихотворенія отъ городовъ и царей. То же самое можно сказать и о музыкантахъ. Когда живописецъ Зевксисъ заставлялъ платить себя за входъ на выставку его знаменитой картины *Елена*, то это подвергалось насмѣшкамъ и порицаніямъ не потому, что считали недостойнымъ для художника брать деньги за свои труды, но потому, что требованіе платы за одинъ взглядъ на художественное произведеніе казалось чѣмъ-то новымъ и страннымъ. Впрочемъ можетъ быть, что весь этотъ рассказъ основанъ на вымыслѣ. Мы знаемъ, что Зевксисъ отнюдь не страдалъ корыстолюбіемъ и драгоцѣннѣйшія произведенія своей кисти исполнялъ безвозмездно. Вообще можно считать неоспоримымъ фактомъ, что во время процвѣтанія Греціи искусство искало славы, а не выгоды. Такъ Полигнотъ расписывалъ стѣны знаменитой аѳинской залы фресковъ, *Полигнотъ*, безо всякаго вознагражденія, между тѣмъ какъ товарищъ его Миконъ другую часть той же залы расписывалъ за деньги. Такъ Никію, уже въ македоно-римское время, царь Атталъ предложилъ за одну его картину огромную сумму шестидесяти талантовъ (около 75,000 р. сер.), но онъ предпочелъ подарить эту картину своему отечественному городу Аѳинамъ. И Полигнотъ, и Никій, были оба люди съ огромнымъ состояніемъ.

Вообще замѣчательно, что мы не знаемъ ни одного греческаго сколько нибудь извѣстнаго художника, который находился бы въ стѣснен-

номъ денежномъ положеніи или терпѣлъ отъ недостатка работы. Многіе изъ нихъ были весьма богаты; а богатство конечно и во времена Перикла и Платона приносило съ собою общественное положеніе. «Гдѣ есть деньги, тамъ гребетъ весло и дуется вѣтеръ», было поговоркой уже у современниковъ Сократа. И какъ было нуждаться художникамъ при этой всеобщей любви къ искусству въ эпоху Перикла, при этомъ множествѣ памятниковъ, воздвигавшихся по всей Греціи? А послѣ Александра не только Геллада съ тысячами своихъ городовъ и свѣтлицъ, но и Македонія, Египетъ, Сирія давали греческимъ художникамъ обильныя занятія. Мы знаемъ изъ Плутарха¹, что сооруженіе храмовъ и колоссальныхъ статуй давалось художникамъ по конкурсу. Художниковъ выслушивали, разсматривали ихъ предложенія, рисунки и планы, и предпочитали того, кто, по мнѣнію судившихъ, могъ исполнить дѣло наискорѣйшимъ и наилучшимъ образомъ при наименьшихъ издержкахъ. Такъ Фидій былъ не только художникъ, но и подрядчикъ при его огромныхъ работахъ въ Олимпіи и Аѣнахъ. Подобныя подряды были дѣломъ обыкновеннымъ и требовали значительнаго капитала. Не имѣя состоянія, трудно было имѣть успѣхъ по части скульптуры, а до нѣкоторой степени и по части живописи. Съ другой стороны, кто имѣлъ успѣхъ и бралъ на себя большія работы, тотъ, стало быть, имѣлъ деньги.

Въ древней литературѣ есть, правда, неуважительныя сужденія о прибрѣтеніи денегъ посредствомъ художественной или умственной дѣятельности. Но эти сужденія принадлежатъ позднѣйшему, и именно римскому времени, и притомъ даже и въ это время немногимъ писателямъ. Изъ эпохи греческой самостоятельности мы не имѣемъ ни одного сужденія, которое прямо порицало бы художниковъ за полученіе денежнаго вознагражденія. Когда Демосѣенъ съ презрѣніемъ относится о живописцѣ Филохарѣ, братѣ Эсхина, своего политическаго врага, и говорить, что онъ расписываетъ баночки съ духами, или когда Аристофанъ позволяетъ себѣ насмѣшки надъ живописцами, расписывавшими глиняныя сосуды, то это отнюдь не можетъ служить доказательствомъ ихъ неуваженія къ сословію художниковъ. Они основываютъ свои насмѣшки не на томъ, что люди, подлежащіе ихъ порицанію, занимаются искусствомъ, а на томъ, что они плохіе художники, — не художники, а простые маляры, какъ сказали бы мы. Мы знаемъ, правда, что тотъ художникъ, о которомъ такъ презрительно отзывается Демосѣенъ, былъ на дѣлѣ вовсе не такой ничтожный живописецъ, какъ можно было бы думать судя по словамъ Демосѣена. Но это одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыя нерѣдко позволяли себѣ аѣнскіе ораторы въ жару по-

¹ Въ статьѣ «Достаточно ли порока, чтобы сдѣлать человека несчастнымъ», гл. 3.

литической борьбы. Демосфену нужно было унизить Эсхина, врага своего, всеми средствами, даже въ лицѣ его родственниковъ. До сословія художниковъ это дѣло вовсе не касается. Напротивъ Исократъ прямо говоритъ, что если бы кто поровнялъ Фидіа съ простымъ лѣвщикомъ, а Зевксиса и Паррасія съ малярами, такой человекъ бы себя сумасшедшимъ.

Въ позднѣйшее время взглядъ на искусство отчасти измѣнился. Представителями этого измѣненія могутъ служить въ особенности два писателя, Плутархъ и Сенека. Первый вездѣ, гдѣ говоритъ объ искусствѣ и художникахъ, произноситъ свое сужденіе на основаніи односторонней моральной философіи, которая не въ состояніи отдать должъ справедливости не только художникамъ, но и самому изящному. Вездѣ онъ старается унизить сословіе художниковъ своими разсужденіями о морали, но по счастью, примѣры, имъ приводимые, и случаи, на которые онъ указываетъ, противъ его воли свидѣтельствуютъ, что благородный и художественный греческій народъ совсѣмъ иначе думалъ и чувствовалъ объ искусствѣ и художникахъ. Во всей наготѣ своей является эстетическая ограниченность Плутарха въ первыхъ главахъ его жизнеописанія Перикла. Онъ старается серьезно доказать всю неосновательность общественнаго уваженія къ художникамъ (замѣтимъ мимоходомъ: стало быть, и въ его время художники еще пользовались общественнымъ уваженіемъ). Онъ дѣлаетъ это посредствомъ слѣдующаго парадокса. Цѣнность и достоинство произведенія нисколько не доказываютъ, что производитель можетъ имѣть притязаніе на уваженіе и достоинство. Можно очень высоко цѣнить красивую матерію или благовонныя эссенціи и въ то же время смотрѣть на приготовителей этихъ вещей съ презрѣніемъ, котораго они заслуживаютъ — какъ низкіе ремесленники.» Это умозаключеніе авторъ позволяетъ себѣ приложить потомъ и къ искусству и къ художникамъ, даже къ самому Фидію: «ни одинъ благородный юноша, смотря на Олимпійскаго Зевса, или на Аргивскую Геру, не пожелаетъ самъ сдѣлаться Фидіемъ или Поликлетомъ.» Съ этой точки зрѣнія конечно главною заслугою Полигнота должно было представиться то, что онъ расписалъ безвозмездно аѳинскую Залу Фресковъ, и нельзя было не укорить въ ребяческой безразсудности Лукулла, который подъ конецъ жизни, обильной громкими дѣлами, вздумалъ искать наслажденія въ искусствѣ и составлять коллекціи картинъ и статуй.

Образъ мыслей Сенеки совершенно сходится въ этомъ случаѣ съ Плутарховымъ. «Меня не возможно убѣдить, чтобы къ искусствамъ, приличнымъ свободному человеку, я отнесъ живопись, равно и ваяніе и всѣ прочія искусства, служащія роскоши и разврату.» Изъ этихъ словъ

уже видно, что стойкъ смотрѣлъ на образовательныя художества, какъ на дѣло роскоши, а слѣдовательно имѣлъ о нихъ понятіе совершенно противоположное понятію чисто греческому, нашедшему себѣ выразителя, какъ мы видѣли, не только въ Аристотель, но и въ Галенъ.

Но будемъ справедливы. Правда, что ограниченность, смѣшивающая взгляды Сенеки и Плутарха съ совершенно противоположнымъ эстетическимъ воззрѣніемъ греческой древности, столь же мало извинительна въ изслѣдователѣ новаго времени, какъ и неосмотрительность, пользующаяся одинаковымъ образомъ сужденіями писателей различныхъ эпохъ. Но Сенека и Плутархъ не должны отвѣчать за тѣ выводы, которые дѣлають изъ ихъ словъ наши современники. А что касается до ихъ собственнаго сужденія, то въ оправданіе ихъ можно сказать многое. Уже Платонъ не находилъ современныхъ ему художественныхъ произведеній отвѣчающими его нравственному идеалу. Во сколько же разъ болѣе заслуживающими порицанія должны были казаться художники въ эпоху того глубокаго нравственнаго упадка, среди котораго жили Сенека и Плутархъ? Въ ихъ время нравственная порча дѣйствительно вкрадась и въ художество; художники нерѣдко ставили себѣ задачею льстить грубой чувственности, и произведенія искусства иногда употреблялись какъ искусственные возбуждители истощеннаго сладострастіемъ поколѣнія. Когда Тиберій украшалъ свои опочивальни неблагопристойными картинками, когда не одинъ живописецъ, подобно Плутархову Херриану, снискивалъ себѣ хлѣбъ изображеніемъ изысканныхъ видовъ самаго животнаго сладострастія, тогда человеку нравственному, въ особенности стойку, а тѣмъ еще болѣе римскому стойку, было извинительно произнести строгое слово осужденія надъ искусствомъ, совратившимся съ своего пути.

Мы окончили изложеніе нашихъ доводовъ и можемъ предоставить читателю, чтобы онъ самъ сличилъ набросанную нами картину положенія художника въ греческомъ обществѣ съ тѣмъ мнѣніемъ знаменитаго ученаго, которое мы привели въ началѣ статьи.

Впрочемъ еще нѣтъ; внимательный читатель можетъ—быть замѣтить намъ, что мы не сказали ни слова объ одномъ мѣстѣ Лукіана, которое приводится въ поводу мнѣнія, нами оспариваемаго. Лукіанъ, говорить намъ, — этотъ тонко образованный, остроумный и эстетическій современникъ Марка Аврелія и Галена, — свидѣтельствуетъ положительно, что всякій художникъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, въ глазахъ благоразумныхъ людей считался не болѣе, какъ за ремесленника.

Это было бы свидѣтельство важное, значительно ослабляющее нашу апологію греческаго сословія художниковъ, или лучше греческаго образованія и греческихъ нравовъ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ бы-

ло таково мнѣніе столь одушевленнаго поклонника и тонкаго знатока искусствъ, какимъ мы знаемъ Лукіана? Мы отвѣтимъ на это вопросомъ. Всѣмъ извѣстно, что Лукіанъ былъ большой острякъ и шутникъ, что рѣдко онъ говоритъ безъ ироніи и задней мысли, вѣчно трунить и вѣчно готовъ лукаво подсмѣяться надъ простодушнымъ читателемъ. Не удалось ли ему и въ этомъ случаѣ коварно поймать на удочку серьезнаго филолога XIX столѣтія?

Пусть читатели сами судятъ. Мѣсто Лукіана, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ небольшой статейкѣ сатирика, носящей заглавіе: «Сновидѣніе.» Это небольшой отрывокъ автобіографіи, въ которомъ авторъ съ веселымъ юморомъ рассказываетъ конецъ и начало своего короткаго художественнаго поприща. Родился онъ около 130 г. по Р. X. въ одномъ греческомъ городѣ Малой Азіи въ семействѣ, принадлежавшемъ къ среднему сословію и имѣвшемъ ограниченное состояніе. «Какъ только я пересталъ ходить въ училище, сдѣлавшись уже взрослымъ мальчикомъ, отецъ началъ думать съ друзьями, что бы изъ меня сдѣлать. Бѣльшей части изъ нихъ казалось, что образованіе въ наукахъ требуетъ и труда большаго и времени долгаго и издержекъ не малыхъ, и особенной удачи. А наши дѣла небольшія и нуждаются въ скорой помощи. Если же я выучусь какому нибудь руководящему искусству, то во первыхъ я самъ тотчасъ же буду имѣть, что мнѣ нужно для своего искусства, не буду заставлять себя кормить какъ ребенка на домашній счетъ, а чрезъ нѣсколько времени начну радовать и отца, принося ему свои заработки. Второй былъ вопросъ о томъ, какое искусство лучше, какое легче для изученія и приличнѣе мужу свободному и въ то же время приносить скорыя выгоды и достаточные доходы. Одинъ хвалилъ одно искусство, другой другое, смотря по своимъ понятіямъ и по своему опыту. Но отецъ мой посмотрѣлъ на моего дядю по матери, который считался отличнымъ рѣзчикомъ герма и однимъ изъ извѣстныхъ скульпторовъ, — посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Не слѣдуетъ, чтобы какое нибудь другое искусство было предпочтено въ твоёмъ присутствіи», и указавъ на меня, продолжалъ: «Возьми его и отведи къ себѣ, и обучай его, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ рѣзчикомъ и ваятелемъ. У него, какъ ты знаешь, есть природное расположеніе, которое онъ показалъ своими забавами.» И въ самомъ дѣлѣ какъ только меня, бывало, отпускали учителя, я тотчасъ схватывалъ кусочекъ воску и начиналъ лепить или быковъ, или коней, или даже людей, кланусъ Зевсомъ, и очень похоже, какъ казалось отцу. Итакъ, за что мнѣ прежде приходилось отъ учителей принимать побины, теперь сдѣлалось похвалою моимъ способностямъ, и всѣ возымѣли обо мнѣ вѣрную надежду, что въ короткое время выучусь искусству, какъ убѣждала ихъ моя восковая пластика. День также показывался счастливымъ для начала

запятій; по этому меня тотчасъ же передали дядѣ, и, клянусь Зевсомъ, я самъ не слишкомъ печалился о томъ. Мнѣ казалось, что это дѣло очень веселое и занимательное и придастъ мнѣ важность передъ моими ровесниками, когда они увидятъ меня изсѣкающимъ идола боговъ, и когда я буду дѣлать для себя и для своихъ пріятелей разныя маленькія статуйки. Но случилось то, что обыкновенно случается съ начинающими. Дядя мнѣ далъ рѣзецъ и велѣлъ осторожно проходить имъ по мраморной доскѣ, прибавивъ обыкновенную поговорку: «начало есть уже половина труда». Но я по неопытности надавилъ крѣпче, чѣмъ слѣдовало, и доска у меня лопнула, а дядя, разгнѣванный, схватилъ какой-то попавшійся ему инструментъ и обошелся со мною совсемъ не кротко и не поощрительно, такъ что слезы сдѣлались для меня предисловіемъ искусства. Я пустился бѣжать оттуда и прихожу домой, неумолчно рыдая, съ глазами наполненными слезъ, расписываю, какой это былъ страшный инструментъ, и показывою синяки; жалуясь на кровожаднаго дядю и прибавляю, что онъ это сдѣлалъ изъ зависти, чтобы я не превзошелъ его когда нибудь въ искусствѣ. Мать моя очень разсердилась и сильно бранила своего брата, и когда пришла ночь, то подѣ ворчанье матери я, еще весь въ слезахъ, задремалъ, — и во всю ночь это происшествіе не сходило у меня съ ума.»

«До этихъ поръ», продолжаетъ веселый рассказчикъ, «дѣло было смѣшное и ребяческое; но что за тѣмъ послѣдуетъ, то заслуживаетъ, о слушателя, полнаго вашего вниманія.»

Статейка эта, очевидно, написана для одного изъ публичныхъ чтеній, которыя были въ большомъ ходу въ Лукіаново время. Авторъ хотѣлъ сказать нѣсколько остроумныхъ и занимательныхъ словъ шутиваго тона о художнической и литературной карьерѣ. Теперь онъ начинаетъ съ комическимъ пафосомъ и рассказываетъ, какъ явилось ему въ ту ночь видѣніе, столь ясное и определенное, что еще теперь, черезъ столько лѣтъ, онъ можетъ подробно описать его. «Двѣ женщины схватили меня за руки и начали тянуть съ большою силою, одна — въ одну, другая — въ другую сторону. Чуть чуть онѣ меня не разорвали на двое, сдѣлавъ предметомъ своего раздора. То одна брала верхъ и имѣла меня совсемъ въ своей власти, то опять я попадалъ въ руки другой. Онѣ громко кричали другъ передъ другомъ — одна, что я ей принадлежу, и что она хочетъ владѣть мною, — другая, что тщетное дѣло захватывать себѣ чужое имущество. Была же одна изъ нихъ ремесленнаго вида, похожа на мужчину, съ нечесанными волосами, — руки у нея были покрыты мозолями, платье высоко подпоясано и испачкано въ известкѣ, точь въ точь какъ у дяди, когда онъ бывало рубилъ камень. Другая же была очень благообразна, имѣла наруж-

пость красивую и платье нарядное. Наконецъ онъ предоставилъ самому мнѣ рѣшить, которой изъ двухъ я пожелаю принадлежать. Начала же говорить та грубая и похожая на мужчину:

«Я, милый юноша, — искусство ваятельное, которому вчера ты началъ учиться; я старинный другъ твоего дома; ибо твой дѣдушка — она назвала тутъ имя моего дѣда по матери — былъ ваятель, и оба твои дяди благоденствуютъ по моей милости. Итакъ, если ты захочешь оградить себя отъ пустой болтовни моей соперницы — она указала на нее рукою — и следовать за мною, то во первыхъ ты сдѣлаешься крѣпкимъ и рослымъ молодымъ человекомъ, будешь имѣть сильные плечи и не станешь никому завидовать, и не придется тебѣ сивтаться по чужимъ землямъ, оставить отечество и семейство. И не за пустыя слова будутъ тебя все хвалить. Не смотри съ презрѣніемъ на плотность моего тѣла, или на неопрятность моей одежды. Съ этого началъ в Фидій, явившій людямъ Зевса, и Поликлеть, произведшій Геру, и Миронъ, всеми славимый, и Пракситель, служащій предметомъ всеобщаго удивленія. Имъ вѣдь поклоняются наравнѣ съ богами. Если бы ты сдѣлался однимъ изъ такихъ людей, какую славу снискалъ бы ты во всемъ мѣрѣ! Отецъ твой былъ бы предметомъ зависти. Взора всехъ были бы обращены на твое отечество.»

«Такимъ и подобнымъ тому слова говорило мнѣ не безъ промаховъ въ грамматикѣ Художество, сильно стараясь убѣждать меня.»

Затѣмъ Лукіанъ выводитъ вторую фигуру и передаетъ ея рѣчь, гораздо болѣе выработанную и украшенную чѣмъ тѣ немногія слова, которыми ловкій авторъ вложилъ въ уста образовательнаго художества, обыкновенно немногорѣчиваго. Эта рѣчь госпожи Образованности, — вѣдь которую разумется литературная образованность тогдашняго софиста и ритора, — недопускаетъ извлеченія. Она исполнена тонкой и ядкой ироніи, такъ что становится непонятнымъ, какимъ образомъ можно было припятъ за чистыя деньги какую либо изъ фразъ этой софистической рѣчи. Госпожа Образованность, или точнѣе госпожа Литература старается всячески упизить и представить въ смѣшномъ видѣ искусство: «Если ты послѣдуешь за моею соперницей», говоритъ она, «ты останешься на весь свой вѣкъ работникомъ и плебеемъ, всегда будешь кланяться передъ знатными и ухаживать за умвющими говорить и писать. Жизнь твоя будетъ словно жизнь зайца. Ты будешь служить поживою и орудіемъ людей высшаго круга. Если бы ты даже сдѣлался Фидіемъ или Поликлетомъ и создалъ вещи достойныя удивленія, искусство твое, правда, все будутъ восхвалять, но не найдется никого изъ зрителей, не лишенныхъ разсудка, кто бы пожелалъ самъ

сдѣлаться тебѣ подобнымъ. Ты лично будешь все таки считаться ремесленникомъ, рабочимъ, питающимся отъ рукъ своихъ.»

Можно было бы полагать, что яркій ироническій колоритъ этихъ словъ не укроется ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ филолога. Если когонибудь Лукіанъ задѣваетъ, то ужъ конечно не искусство, а скорѣе людей, какихъ много и въ наше время и было не мало въ древности, людей, которые не могутъ понять, какимъ образомъ посредствомъ одного труда и дарованія человекъ совершенно темный получаетъ перевѣсъ надъ человекомъ хорошей фамиліи. Какъ густо накладываетъ здѣсь Лукіанъ свои краски, можно видѣть изъ того, что онъ заставляетъ дѣлае говорить госпожу Литературу. Она чуть не общается Лукіану всего, что только есть между небомъ и землею. «Я наставлю тебя», говоритъ она, «во всѣхъ дѣлахъ божескихъ и человѣческихъ; удѣломъ твоимъ будетъ вліяніе и уваженіе у знатныхъ и богачей. Вездѣ тебѣ будутъ давать первое мѣсто, вездѣ будутъ указывать на тебя пальцемъ, говоря: вотъ онъ. Когда ты будешь говорить чтонибудь, толпа съ удивленіемъ будетъ ловить твои рѣчи, и даже когда ты отойдешь изъ этой жизни, ты не перестанешь находиться въ сообществѣ съ людьми образованными и бесѣдовать съ наилучшими. Взгляни на Демосеена, Эсхина, Филиппа. Даже самъ Сократъ, бывши ваятелемъ по происхожденію, оставилъ ваяніе и перебѣжалъ въ мой лагерь, и ты знаешь, какую онъ за то пріобрѣлъ славу.»

Лукіанъ рассказываетъ дѣлае комическое окончаніе своего сновидѣнія и не забываетъ прибавить для непонятливаго читателя, что все это не болѣе какъ сновидѣніе, и что заключающееся въ немъ сравненіе двухъ карьеръ произошло навѣрное подъ сильнымъ вліяніемъ полученныхъ отъ дяди побоевъ. Онъ заключаетъ советомъ, что юношество можетъ удостовѣриться на его примѣрѣ въ томъ, какъ изъ бѣднаго мальчика можетъ выдти чтонибудь порядочное. «И вотъ я теперь стою передъ вами—человекъ, хотя не имѣющій въ себѣ ничего особеннаго, однакоже не уступающій въ репутаціи никому изъ скульпторовъ».

Послѣ этого кажется не можетъ быть сомнѣнія, въ какомъ смыслѣ надобно принимать относящіяся къ нашему вопросу слова Лукіана. Правда, онъ не былъ сыномъ цѣлущей эпохи Перикловой. Онъ принадлежалъ къ тому времени приближающагося варварства, когда и на искусство и на науку начинали смотрѣть съ точки зрѣнія приносимой ими пользы,—пользы для вѣнскихъ цѣлей. Но самъ Лукіанъ очевидно стоитъ выше такого взгляда. Мы можемъ съ увѣренностію причислить его къ тѣмъ людямъ съ благородными и высокими мыслями, о которыхъ сказалъ Аристотель, что имъ неприлично при всякомъ дѣлѣ спрашивать о пользѣ. Общее

же наше заключеніе о вопросѣ, насъ занимающемъ, будетъ совершенно противно буквально-филологическимъ выводамъ Карла Фридриха Германна. Мы скажемъ, что искусство было бы счастливо, если бы достойнѣйшіе его представители пользовались въ наше время такимъ же уваженіемъ и почетомъ, какимъ окружало ихъ греческое общество.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

СТАТЬЯ ЛОРАНА ¹,

ПЕРЕВОДЧЕННАЯ

Д. И. КАЧЕНОВСКИИЪ.

І. ЧАСТНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

1. Право гражданства.

Древняя Греція, какъ известно, была раздроблена на множество государствъ, изъ которыхъ каждое сосредоточивалось въ одномъ городѣ.

¹ Предлагаемая статья есть отрывокъ изъ знаменитаго сочиненія, изданнаго въ 1850 году въ Гейтѣ профессоромъ Л о р а н о м ъ подъ заглавіемъ: Histoire du droit des relations internationales. Этотъ обширный трудъ, далеко оставляющій за собою всѣ прежнія изслѣдованія (напр. Г е ф ф е р а, М ю л л е р а - Л о х м у с а и др.), по богатству матеріаловъ, новизнѣ выводовъ и наконецъ по блестящему, одушевленному изложенію, открываетъ — можно сказать — новую эпоху въ литературѣ международнаго права. Не ограничиваясь собственно-юридическими институтами, даровитый авторъ поставилъ себѣ задачу прослѣдить развитіе общечеловѣческихъ идей въ исторіи и показать результаты какъ умственнаго, такъ и нравственнаго вліанія различныхъ націй другъ на друга. Отсюда объясняется разнообразіе и богатство содержанія въ сочиненіи: оно обнимаетъ религію, философію, поэзію и вообще литературу каждаго историческаго народа. До сихъ поръ вышло три тома: въ первомъ разсматривается Востокъ, во второмъ — Греція, въ третьемъ — Римъ. Мы помѣщаемъ здѣсь только двѣ главы нѣ въ второго тома, въ которыхъ авторъ говоритъ о международномъ правѣ собственно гелленскихъ племенъ (не касаясь сношеній Грековъ съ варварами), — и въ слѣдующихъ книгахъ «Пронидея» надѣемся познакомить читателей ближе съ прочими частями Л о р а н о в а творенія. *Прим. Переводчика.*

Эти самостоятельныя республики не имѣли между собою никакой политической связи, даже никакого общенія гражданскихъ правъ; жители разныхъ городовъ смотрѣли другъ на друга, какъ на иностранцевъ. Причину такого разьединенія понять легко: въ началѣ обществъ люди обыкновенно не признаютъ взаимно-человѣческаго сродства; союзъ существуетъ только между членами государства. Кромѣ того у Грековъ была особеннаго рода аристократическая гордость; они думали, что гражданскія и политическія права чрезъ сообщеніе чуждымъ поколѣніямъ теряютъ цѣнность и, подобно родовому дворянству, заботились о томъ, чтобы сохранить свои привилегіи исключительно для себя.

Конечно, и народы новые далеко еще не осуществили въ законодательствѣ братскихъ началъ; суровое имя иностранца до сихъ поръ остается въ кодексахъ, и значительныя юридическія лишенія отдѣляютъ пришельцевъ отъ природныхъ жителей. Но не смотря на это, постановленія настоящаго времени не столько исключительны, какъ законы древнихъ греческихъ республикъ. Во всей Европѣ дитя, рожденное отъ туземца, хотя бы мать была иностранка, пользуется всеми правами гражданства. Напротивъ у Грековъ происхожденіе отъ гражданина и гражданки было существеннымъ условіемъ правоспособности ¹. Впрочемъ въ Аѣнахъ этотъ законъ былъ изданъ уже при Периклѣ ², когда демократія, гордая своею гегемоніею въ Греціи, не хотѣла болѣе допускать смѣшенія своей крови съ кровью иностранцевъ; — прежде право гражданства, наследованное отъ отца, вполне признавалось. По странному случаю, новый законъ поразилъ самого Перикла въ то время, когда моровая язва истребила всѣхъ его родственниковъ ³. Говорятъ, что по смерти послѣдняго изъ своихъ законныхъ дѣтей, знаменитый мужъ совершенно лишился твердости духа и, приблизившись къ тѣлу, чтобы возложить вѣнокъ, громко зарыдалъ. Народъ былъ тронутъ при видѣ этой печали и позволилъ демагогу дать свое имя незаконному сыну и записать его въ число гражданъ. Одинъ греческій писатель видитъ въ несчастіяхъ, постигшихъ Перикла, божеское наказаніе за гордость, которую онъ выказалъ, предлагая такой суровый законъ противъ иностранцевъ. Но Периклъ былъ только органомъ древняго общества. Аѣнскій народъ, сдѣлавши одинъ разъ частное исключеніе, не отиѣнилъ общаго правила, и такъ какъ по строгому закону было положено обращать иностранцевъ за самовольное присвоеніе гражданства въ рабовъ республики, то было произведено слѣдствіе (*διαψήφισις*),

¹ Wachsmuth Hellen. Altherthumskunde § 456 (1, p. 399); Aristot. Oeconom. II, 3.

² Plutarch. Pericl. 37. Cp. Hermann Griech. Staatsalth. § 118.

³ Plutarch. Pericl. 38, 37.

которое кончилось тѣмъ, что болѣе пяти тысячъ иностранцевъ, выдававшихъ себя за гражданъ, потеряли свободу ¹.

Иностранцы могли приобрести качество гражданина посредствомъ натурализаціи. Впрочемъ духъ исключительности, господствовавшій въ греческихъ республикахъ, рѣдко допускалъ подобное благодѣяніе. Напримеръ въ Спартѣ оно почти не встрѣчается. По словамъ Геродота ², только Тисамень и Гегіасъ получили здѣсь право гражданства, но и въ этомъ случаѣ гордая аристократія смирилась только предъ крайнею необходимостью ³. Еще надменнѣе была Мегара: она не хотѣла принять въ число своихъ членовъ никого — кромѣ боговъ. По крайней мѣрѣ, предлагая право гражданства Александру Великому, Мегарійцы сказали, что этой чести не былъ удостоенъ никто, кромѣ Геркулеса ⁴. Даже въ Аѣнахъ, въ этомъ гуманномъ, космополитическомъ городѣ Греціи, законы о натурализаціи кажутся намъ чрезвычайно суровыми. Демосеень говоритъ, что иностранецъ можетъ быть принятъ въ число аѣнскихъ гражданъ только тогда, когда своими поступками онъ покажетъ большую ревность къ пользамъ республики; дѣла такого рода должны быть рѣшены въ народномъ собраніи, въ которомъ присутствуетъ не менѣе шести тысячъ человѣкъ, и голоса подаются секретно. Постановленный здѣсь приговоръ однакоже не имѣетъ окончательной силы: противъ него позволено протестовать каждому Аѣниняину и доказывать передъ судомъ негодность новаго гражданина или незаконность выбора. Эти мудрыя правила — прибавляетъ Демосеень — завершаются еще однимъ закономъ, изданнымъ въ интересахъ религіи: иностранцамъ, принятымъ въ гражданство, запрещено быть архонтами и жрецами; — только дѣти ихъ, рожденные въ бракѣ, допускались къ этимъ должностямъ ⁵. Вообще натурализація не сообщала человѣку полныхъ гражданскихъ правъ: онъ не могъ завѣщивать и не пользовался властію мужа, предоставленною по закону природнымъ Аѣнинянамъ ⁶. Это законодательство доказываетъ, какъ высоко цѣнилось въ Аѣнахъ гражданство; оно давалось очень рѣдко и только за особенныя заслуги ⁷, напр. философамъ ⁸, потому что народъ

¹ Plutarch. Pericl. 37. Περικλῆος § 123.

² Herodot. IX, 35, sq.

³ По словамъ Плуларха, поэтъ Тиртей также былъ принятъ въ число гражданъ, когда Спартянцы поступили подъ его команду. (Aprophthegm. Iason. Ραιμαρ. в. 3, p. 230 E).

⁴ Plutarch. de unius in republica dominatione, c. 2. Селека (de benef. 1, 13) говоритъ то же о Коринѣянахъ.

⁵ Demosth. c. Neaer. § 89—91, p. 1375.

⁶ Wachsmuth § 56, T. 1, p. 474.— Demosth. c. Steph. § 13 sqq. p. 1153.

⁷ Demosth. de rep. ordin. § 23, 24, p. 173, c. Aristocr. § 199, 200, p. 687.

⁸ Luca v. Scythia, c. 8. Plutarch. de repugn. stoic. c. 4.

видѣлъ въ трудахъ мысли одну изъ благороднѣйшихъ заслугъ передъ родомъ человѣческимъ. Одинъ ученикъ Платона сдѣланъ былъ гражданиномъ за то, что убилъ еракійскаго тирана ¹. Но иноземные цари не могли достигнуть этой почести; республика вознаграждала ихъ другими преимуществами ². Только въ періодъ своего упадка Аѳины сдѣлали право гражданства своимъ промысломъ и продавали его, какъ гнилой товаръ, рабамъ и дѣтямъ рабовъ ³.

2. Положеніе иностранцевъ.

У новыхъ народовъ натурализація есть обыкновенный способъ присоединенія иностранцевъ къ туземцамъ: послѣ нѣсколькихъ поколѣній сліяніе совершается окончательно. Напротивъ у Грековъ немногіе иностранцы могли надѣяться на гражданство; на нихъ, какъ на рабахъ, лежала неизгладимая печать происхожденія. А между тѣмъ эти иностранцы были люди одной крови съ гордыми гражданами, которые не хотѣли никому удѣлить своихъ привилегій! По крайней мѣрѣ у древнихъ писателей подъ иностранцами разумются Греки ⁴; народы же, не принадлежавшіе къ гелленскому семейству, назывались тогда варварами. — Выходя изъ своего города, Грекъ становился иностранцемъ ⁵ и не могъ заключать законнаго брака, если не было особеннаго трактата между государствами ⁶. Въ Аѳинахъ, гдѣ, по причинѣ множества иностранцевъ, проживавшихъ въ городѣ и смѣшанныхъ съ жителями по языку и нравамъ, трудно было соблюсти эти запрещенія, — чистота демократической крови охранялась строгими наказаніями⁷. Исключенный отъ семейныхъ отношеній, иностранецъ былъ также неспособенъ къ приобрѣтенію имущественныхъ правъ. Законъ запрещалъ ему владѣть землею, хотя бы онъ издавна поселился въ городѣ и обогатилъ его своею промышленностію ⁸. Правда Греки не развили этихъ началъ съ такою юридическою послѣдовательностію, какою отличается римскій геній, но нѣтъ сомнѣнія, что иностранцы въ Греціи, въ слѣд-

¹ Diog. Laërt. IX, 65.

² Demosth. c. Leptin. § 31, p. 466; de rep. ordin. § 23, 24 p. 173. (рив. Wachsmuth, § 74, T. I, p. 682 sq.

³ Demosth. de ordin. rep. § 24, p. 173, 15. c. Aristocr. § 200, p. 687, 15. Isocr. de pace § 50.

⁴ Гротъ (Hist. of Greece II, 344, ed. 1849) говоритъ: «Отношенія городовъ имѣли характеръ международныхъ отношеній... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ своихъ городскихъ стѣнъ, Аѳинянинъ находился въ территоріи другаго государства, гдѣ его считали иностранцемъ.»

⁵ *ἑτρώς*. Aesch. c. Ctesiph. p. 394 sq.

⁶ Такъ Аѳинянину запрещалось жениться на Олвиискѣ; на островѣ Критѣ не позволялось вступать въ бракъ жителямъ разныхъ городовъ и т. п. Eurip. Ion. v. 290, 94. Sainte Croix *Législ. de la Crète*, p. 358.

⁷ Demosth. c. Neaer. 52, p. 1363; § 16, p. 1350.

⁸ Xenoph. de vectigal. II, 6.

ствіе запрещенія пріобрѣтать недвижимость, не могли также пользоваться правами, вытекающими изъ собственности ¹.

Такое строгое исключеніе иностранцевъ не составляетъ особенности греческаго законодательства; оно встрѣчается у всѣхъ древнихъ народовъ и вездѣ имѣетъ одніи причины: иностранца признаютъ не братомъ, а непріателемъ ². Только въ настоящее время, благодаря христіанскому воспитанію, образованныя націи не смотрятъ болѣе другъ на друга какъ на естественныхъ враговъ; напротивъ древнимъ религіямъ братскія начала были неизвѣстны. На Востокъ каждый человекъ, не принадлежащій къ церковному обществу, считается нечистымъ; его присутствіе оскверняетъ правовѣрныхъ. Греція, отбросивъ касты, сохранила нѣкоторыя черты этого восточнаго духа: иностранцамъ *) было запрещено участвовать въ мистеріяхъ, какъ въ тайныхъ и по самой природѣ исключительныхъ обрядахъ ³. То же должно сказать о публичныхъ церемоніяхъ. Клеомень, занявъ Аттику, хотѣлъ войти въ святилище Минервы, чтобы посовѣтоваться съ богиней, но едва успѣлъ переступить за порогъ, какъ жрица сказала ему: «Лакедемонянинъ, возвратись назадъ! Дорянамъ не позволено присутствовать въ этомъ храмѣ.» ⁴ — Нѣкоторые обычая Греціи еще болѣе напоминаютъ духъ Востока. Такъ жрецы не хотѣли употреблять въ храмахъ вазъ и другихъ вещей иностраннаго происхожденія ⁵. Это опасеніе осквернить обряды чужеземными предметами, эта исключительность вполнѣ доказываютъ глубокое раздѣленіе племенъ. Не соединяясь предъ однимъ алтаремъ, могли ли Греки считать другъ друга братьями?

Таковы общія черты греческаго законодательства объ иностранцахъ. Чтобы лучше понять его, прибавимъ нѣкоторыя подробности объ особенныхъ законахъ двухъ главныхъ республикъ.

Спарта — ксенеласія ⁶. Учрежденіе ксенеласіи всѣ древніе писатели единогласно приписываютъ Ликургу. Біографія спартанскаго законодателя говоритъ, что онъ изгналъ изъ Спарты всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ тамъ безъ пользы, опасаясь, чтобы они не заразили жителей пороками ⁷. Исторія сохранила намъ нѣсколько примѣровъ ксенеласіи, изъ которыхъ можно понять духъ этого учрежденія. Такъ поэтъ

¹ Напр. они не могли завѣщивать и получать по завѣщанію, свидѣтельствовать въ судѣ и пр. Wachsmuth, II, § 103.

² Ἐχθρός, ξένος означаютъ вмѣстѣ врага и иностранца. Pnychius v. ξένος — Herod. IX, 11.

³ Lobeck, Aëlaophamus, I, 271.

⁴ Herod. V, 72. Cp. VI, 81; I, 171. Lobeck, I, 27.

⁵ Herod. V, 88. Athen. IV, 14.

⁶ De la Nauze sur la Xénelasia (Mémoires de l'Académie des Inscriptions XII, p. 159—176.)

⁷ Plutarch. Lycurg. c. 27; Inst. Lacon. § 20; Xenoph. de rep. Lacod. XIV, 4.

*) Подъ иностранцами здѣсь разумѣются варвары. П. им. Изд.

Архилохъ тотчасъ по приѣздѣ въ Лакедемонъ былъ отправленъ назадъ за то, что въ своихъ стихахъ лучше совѣтовалъ бѣжать съ поля битвы, чѣмъ умирать съ оружіемъ въ рукахъ. Потомъ однажды былъ изгнанъ тиранъ, который раздавалъ гражданамъ золотыя и серебряныя вазы, софистъ, который хвалился, что онъ можетъ о какомъ угодно предметѣ разсуждать цѣлый день, поварь, котораго искусство казалось правительству опаснымъ для воздержанія Лакедемонянъ ¹. Впрочемъ исклученіе иностранцевъ не было безусловнымъ, какъ думали нѣкоторые: подобное правило было бы слишкомъ рѣзкимъ насиліемъ противъ челоѣческой природы. Ксенеласія преимущественно поражала тѣхъ иностранцевъ, которые по своему образу жизни могли внушать Спартанцамъ любовь къ богатству, роскоши и наслажденіямъ ². Но сколько бы неудобствъ ни представляло общеніе, люди и народы не могутъ обойтись безъ него: лучшимъ доказательствомъ служатъ государства, которые стремились къ уединенію. Нѣсколько разъ Спарта принуждена была обращаться къ иностранцамъ; самъ Ликуртъ пользовался услугами поэта Фалега, чтобы смягчить души и съ помощію искусства приготовить ихъ къ принятію законодательства. Потомъ чиновники призывали въ Спарту Терпандра, котораго пѣсни возстановили согласіе; Ферекидъ также былъ принятъ съ честью, потому что его муза служила идеямъ Лакедемонянъ; наконецъ Тиртей, говорятъ, даже получилъ право гражданства ³. Чуждые полезнымъ искусствамъ и наукамъ, Спартанцы нерѣдко считали нужнымъ приглашать изъ за границы медиковъ и гадателей ⁴.

Ксенеласія была необходима по духу спартанскаго государственнаго устройства: отличія, раздѣлявшія Спарту отъ другихъ гелленскихъ родовъ, были слишкомъ рѣзки, чтобы сохранить свою чистоту въ постоянномъ сопрیکосновеніи съ иностраннымъ элементомъ. Поэтому уединеніе составляло одно изъ важныхъ условій существованія Спарты: ея нравы и законы измѣнились, когда въ слѣдствіе персидскихъ войнъ она вступила въ связи съ другими племенами Греціи ⁵. Но иначе и быть не могло: такой порядокъ вещей не состоятеленъ; законодатель, прибѣгающій къ уединенію народа, какъ къ средству для охраненія

¹ De la Nause, p. 173.

² Plutarch. Agesil. 10. Вообще ксенеласія была обращена противъ Іонійцевъ, которыхъ характеръ и убѣжденія находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ обычаями Дорянъ. Ср. Müller die Dorier II, 3; Bul'wer Athens 1, 6, 7.

³ De la Nause p. 162 sq.

⁴ De la Nause p. 169 sq.

⁵ Omnem hanc reipublicae conditionem ejusmodi fuisse apparet, quae retineri ac servari integra non facile posset, nisi quamdiu Spartani suis rebus contenti viverent, alienis autem et ab ipsorum modulo abhorrentibus non immiscerentur. Schoemann Antiq. jur. publ. VI, 1, § 22, p. 121.

учреждений, тѣмъ самымъ осуждаетъ свое собственное твореніе. Человѣчество всегда согласится съ поэтами и философами въ порицаніи ксенеласіи, всегда будетъ одобрять Аристофана, который вывелъ на сцену необщительный характеръ Спартанцевъ ¹, и скажетъ вмѣстѣ съ Платономъ ², что ксенеласія есть дѣло варварское и безчеловѣчное, признакъ грубыхъ и дикихъ нравовъ.

Аѣины—Метэки ³. Иностранцы, которые имѣли постоянное жительство въ Аѣинахъ и занимались тамъ всякаго рода промышленностью, носить названіе *метэковъ*. Обязанности, лежавшія на метэкахъ, лучше всего доказываютъ шаткое положеніе иностранца въ древности. Они должны были избрать себѣ между гражданами патрона (*пробάτης*), который представлялъ ихъ во всѣхъ актахъ публичной и гражданской жизни и отвѣчалъ за ихъ поведеніе. За упущеніе этой обязанности метэковъ присуждали къ рабству, или по крайней мѣрѣ къ изгнанію, а имущество ихъ подвергали конфискаціи ⁴. Такія строгія наказанія убѣждаютъ насъ, что патронатъ не былъ установленъ исключительно на пользу иностранцевъ. Правда, простаты были защитниками своихъ кліентовъ, но это покровительство такъ мало ограждало метэковъ противъ несправедливости и угнетенія, что Ксенофонтъ предложилъ учредить для защиты ихъ особыхъ чиновниковъ; онъ сравниваетъ своихъ метэкофлаковъ съ публичными опекунами, назначенными въ Аѣинахъ для сиротъ ⁵. Итакъ иностранецъ, даже имѣя патрона, былъ безъ опоры въ обществѣ, какъ дитя, потерявшее своихъ естественныхъ покровителей.

Метэки, поставленные внѣ земскаго права, по странному противорѣчію были подвержены болѣе тяжкимъ повинностямъ, чѣмъ граждане. Они отправляли военную службу въ пѣхотѣ ⁶ — опасное отличіе, потому что оплиты сражались въ первыхъ рядахъ — и должны были жертвовать своею кровью за страну, которая оказывала имъ почти презрѣніе, наравнѣ съ невольниками. Поголовная подать считалась въ древности признакомъ рабства ⁷: метэки обязаны были платить ее и за малѣйшую неисправность теряли личную свободу. Такъ философъ Ксенократъ, не будучи въ состояніи внести своего подушнаго оклада,

¹ Aristoph. Aves 1013 sq. Pax 623.

² Plat. legg. XII, 950 B.

³ Sainte-Croix mémoire sur les métèques (Mémoires de l'Académie des Inscriptions, T. XLVIII). Petit. Leg. Attic. II, 5.

⁴ Sainte-Croix p. 185 sq.

⁵ Xenoph. de vectig. II, 7.

⁶ Xenoph. de vectig. II, 3.

⁷ Какъ поля, обложенныя податью, теряютъ цѣнность—говоритъ Тертуліанъ (Apol. log. 13)—такъ люди, платящіе за свою голову, теряютъ дослужество: на нихъ лежитъ ксѣймо рабства.

былъ обреченъ на продажу и спасся только благодаря энергіи оратора Ликурга, который палочными ударами принудилъ фискальныхъ агентовъ освободить его ¹.

Спеціальныя повинности, возложенныя на метэковъ, повидимому незначительны: выборъ патрона кажется чистою формальностію; подать также была не велика ². Но здѣсь не должно упускать изъ виду одного обстоятельства. Строгія наказанія, которыми былъ огражденъ законъ, совершенно предавали иностранца на произволъ цѣлаго класса доносчиковъ, составляющихъ пятно въ аѣннской исторіи. Аристофанъ предалъ ихъ презрѣнію потомства: онъ рассказываетъ, что эти жалкіе люди находили въ ложныхъ обвиненіяхъ средство къ существованію и захватывали имущество своихъ жертвъ, часть котораго отдавали имъ законъ. Это постыдное, но выгодное ремесло считалось какъ бы общественною повинностію ³; имъ занимались цѣлыя семейства потомственно; оно оправдывалось мнѣніемъ народа. Оставленные на произволъ наглой демократіи, метэки испытывали всѣ возможныя обиды ⁴; гордые автохтоны подвергали разнообразнымъ утѣсненіямъ поселившихся на ихъ привилегированной землѣ Грековъ и варваровъ ⁵. Презираемые подобно невольникамъ ⁶, несчастные иностранцы, можетъ быть, наконецъ сдѣлались достойными презрѣнія, но и униженіе раба не происходитъ ли отъ жестокости господина?

Въ такомъ положеніи находился иностранецъ въ Аѣнахъ, которая по справедливости считалась среди образованнѣйшаго народа древности самымъ гуманнымъ и космополитическимъ городомъ. Эта репутація и аѣнская общительность привлекали сюда множество пришельцевъ ⁷, но, если вѣрить словамъ, приписываемымъ Исократу ⁸, — благородныя качества народа не могли вознаградить путешественника за опасности и преслѣдованія, которыя грозили его имуществу, а иногда и самой личности. Если, не смотря на доносы, иностранцы цѣлыми тысячами селились въ Аѣнахъ, причину этого предпочтенія объяснить легко: ибо жизнь въ другихъ греческихъ государствахъ соединялась еще съ большими неудобствами. Судьба метэковъ въ Аѣнахъ была сравнительно

¹ Plutarch. Vit. X. Orat., v. Lycurg. § 16.

² Метэки платили :2 драхмъ за мужчину и 6 за женщину. Sainte-Croix p. 134.

³ Aristoph. Aves 1430 sq. 1451 sq.

⁴ Aelian. V. H. VI, 1. Petit. leg. Att. 1, 1, 16.

⁵ Sainte-Croix p. 182 sq.

⁶ Sophocl. Electr. v. 189—192.

⁷ Метэки составляли большую часть населенія Аѣннѣ. По ревизіи, сдѣланной во время архонта Дамитрія Фалерскаго, оказалось, что въ Аѣнахъ находилось 21,000 гражданъ и 10,000 метэковъ. Boeckh Staatshaushaltung der Athener 1, 59.

⁸ Aelian. V. H. XII, 52.

самая благоприятная для иностранца, хотя они были предашы въ добычу самымъ постыднымъ доносамъ!

3. Гостепрѣимство.

Не имѣя гражданскихъ правъ, иностранецъ находилъ гарантіи, которыхъ лишалъ его законъ, въ гостепрѣимствѣ. Эта добродѣтель первобытныхъ вѣковъ встрѣчается и во времена историческія. Жители Коринѳа, Мегары, Аркадіи славились радушіемъ и милостивымъ обхожденіемъ съ иностранцами ¹. Безпокойное состояніе Греціи часто подавало поводъ къ гостепрѣимству: войны и междоусобія изгоняли цѣлыя населенія. Изъ случаевъ подобнаго рода особенно замѣчательна добровольная эмиграція Аѳинянъ. Мы видимъ здѣсь чрезвычайный примѣръ самопожертвованія и великодушія. Оставивъ городъ подъ покровительствомъ Минервы, цѣлая нація принимаетъ рѣшительныя мѣры къ спасенію отечества, и посылаетъ женъ и дѣтей въ Трезенъ. Съ своей стороны Трезеніане приказываютъ кормить пришельцевъ на счетъ общества, позволяютъ дѣтямъ собирать вездѣ плоды и нанимаютъ учителей для ихъ воспитанія ².

Исторія сохранила съ признательностію воспоминаніе о тѣхъ людяхъ, которые употребляли свое имѣніе на пользу бѣдныхъ и странниковъ. Такъ у воротъ Геллія агригентскаго поставлены были слуги, чтобы приглашать къ нему всѣхъ иностранцевъ ³. Но хвастливое гостепрѣимство Геллія, не смотря на все свое великолѣпіе, не столько привлекательно для насъ, какъ простой пріемъ, который Мильтіадъ, предокъ мараѳонскаго героя, сдѣлалъ варварамъ ⁴. Эта высокая добродѣтель переходила въ нѣкоторыхъ семействахъ какъ бы по наследству. Во всемъ древнемъ мірѣ нѣтъ чловѣка болѣе извѣстнаго милосердіемъ, какъ Кимонъ; даже отцы церкви говорятъ о его благодѣтельномъ характерѣ ⁵, который тѣмъ болѣе достоинъ уваженія, что встрѣчается

¹ Brouwer Histoire de la civilisation des Grecs. II, 351. Real-Encyclopädie der Alterthumswissenschaft III, p. 1520.

² Plutarch. Themist. 10. Ср. прекрасныя замѣчанія Врузера о декретѣ Трезеніанъ. II, p. 366.

³ Diodor. XIII, 83. Athen. 1, 5.

⁴ Долонцы (эракійскій народъ), безпокойные своими сосѣдями, спрашивали совѣта у Оракула Дельфійскаго. Инрія сказала имъ, чтобы они просили основать во Эракии колонію того, кто первый пригласитъ ихъ къ себѣ въ домъ. Долонцы прошли Фокиду и Беотию и, такъ какъ никто не оказалъ имъ гостепрѣимства, обратились въ Аѳины. Мильтіадъ, сидя у воротъ подобно древнимъ патріархамъ, увидѣлъ путниковъ, узналъ по наружности, что они иностранцы, позвалъ ихъ къ себѣ и предложилъ имъ обыкновенные подарки, слѣдующіе гостю. Такимъ образомъ слова оракула сбылись. Мильтіадъ сдѣлался правителемъ Хероолеса. Herod. VI, 35, 56.

⁵ Lactant. div. Inst. VI, 9. Egentibus stipem dedit et pauperes invitavit ad coenam et nudos induit.

такъ рѣдко въ древности. Возвратившись изъ персидскихъ походовъ очень богатымъ, этотъ аѳинскій герой употребилъ свое честно нажитое богатство самымъ честнымъ образомъ, на пользу бѣдныхъ и странниковъ. Онъ приказалъ снять ограды съ своихъ садовъ, дабы нищія и путешественники могли собирать здѣсь плоды, и такимъ образомъ — по выраженію Плутарха — возстановилъ общность имущества, которая существовала въ вѣкъ Сатурна ¹.

У нѣкоторыхъ греческихъ народовъ гостепріимство сдѣлалось публичнымъ учрежденіемъ. Такъ, по законамъ Луканцевъ, тотъ, кто отказывался принять въ домъ странника по захожденіи солнца, подвергался штрафу ². Харондасъ считалъ гостепріимство священною обязанностию каждаго гражданина; поставляя эту добродѣтель подъ покровительство Юпитера, славный законодатель какъ будто сознавалъ высокую догму братства, основанную на союзѣ людей съ Богомъ ³. При общихъ объѣдахъ на островѣ Критѣ полагалось, говорить, имѣть два стола для иностранцевъ; имъ посвящены были первыя блюда; имъ подавали кушанье даже прежде чиновниковъ ⁴. Эта совмѣстная жизнь гражданъ и иностранцевъ есть болѣе высокой образъ братства и золотого вѣка, нежели гостепріимство Кимона. Но картина имѣетъ въ себѣ слишкомъ много поэтическаго, чтобы считать ее вѣрною ⁵. Если мы возьмемъ во вниманіе коварство Критянъ, вошедшее въ пословицу, если вспомнимъ, что будучи жителями одного острова, они ненавидѣли другъ друга и вели встребительныя войны между собою, — то откажемся отъ мысли искать идеала въ прошедшемъ. Частые праздники, привлекавшіе посѣтителей со всѣхъ концовъ Греціи, открыли для гостепріимства новое, широкое поприще. Такъ какъ обыкновенныя гражданскія отношенія были недостаточны, чтобы дать пристанище безчисленнымъ иностранцамъ, которые стекались на религіозныя торжества и игры, то вопросъ этотъ обратилъ на себя вниманіе верховной власти. Правительство поручило иностранцевъ особымъ чиновникамъ — проксенамъ. Проксены были учреждены въ Спартѣ ⁶, Дельфахъ ⁷ и конечно во всѣхъ городахъ, куда сходилось много народа изъ разныхъ греческихъ государствъ. Впрочемъ не должно смѣшивать это публичное гостепріимство

¹ Plutarch. Cimon. 10; Corn. Nep. Cim. 9.

² Aelian. V. H. IV, 1.

³ Stob. Floril. XLIV, 40. *Μαθημένους Αἰὸς ἑστίου ὡς κατὰ καθῆκον ἰδρυμένου κοινού θεοῦ, καὶ οὗτος ἐκείνου φιλοξενίας τε καὶ κακοξενίας.*

⁴ Athen. IV, 22.—Ср. Sainte-Croix *Législ. de la Crète* p. 366—98. Носекъ *Creta* III, 127, 129.

⁵ Какъ далеки были Критяне отъ братскихъ чувствъ, видно изъ того, что у нихъ запрещено было молодымъ людямъ путешествовать. Plat. *Protagor.* p. 342 D.

⁶ Herod. VI, 87.

⁷ Euripid. *Androm.* 1106, Ion. 565, 1056.

съ проксенію ¹, которая развила сама собою изъ обычая, когда въ слѣдствіе частыхъ сношеній между сосѣдними городами чувствовали необходимость обезпечить юридическій бытъ иностранцевъ. Въ самомъ дѣлѣ положеніе ихъ должно было сдѣлаться весьма критическимъ: одинъ человекъ не могъ служить протатомъ за всѣхъ разноплеменныхъ пришельцевъ, которые нуждались въ защитѣ. Къ счастью великодушіе, человеколюбіе, а можетъ быть и тщеславіе Грековъ оказали въ этомъ случаѣ неоспоримо важную услугу. Нашлись граждане, которые охотно приняли на себя трудъ защищать иностранцевъ и ходатайствовать за нихъ въ судѣ. Эти-то благородные люди получили названіе проксеновъ. Покровительство проксена было такъ драгоценно, что каждый городъ старался его обезпечить въ пользу своихъ членовъ; между проксеномъ и государствомъ, которому онъ оказывалъ услуги, завязалась самая близкая связь. Проксенія сдѣлалась учрежденіемъ, довольно сходнымъ съ повѣйшими консульствами: разница состоитъ только въ томъ, что проксены не имѣли публичнаго характера, не были официально признаны на мѣстѣ отправленія своей должности и не выходили изъ ряда обыкновенныхъ гражданъ. Впрочемъ иногда государство дѣлало проксеномъ одного изъ своихъ подданныхъ съ согласія того города, гдѣ онъ долженъ былъ жить ². Въ этомъ последнемъ случаѣ проксены приближаются еще болѣе къ нынѣшнимъ дипломатическимъ агентамъ. При первомъ взглядѣ можно думать даже, что греческій институтъ имѣетъ преимущество предъ новоевропейскимъ. Наши посланники и консулы состоятъ въ болѣе прямыхъ отношеніяхъ къ правительству, нежели къ частнымъ лицамъ; между тѣмъ какъ проксены имѣли преимущественно индивидуальный характеръ: они принимали у себя иностранцевъ ³, оказывали имъ возможные услуги, ходатайствовали за нихъ передъ судомъ ⁴. Такимъ образомъ проксенія сохраняла колоритъ частнаго гостепрѣимства ⁵; отношенія, изъ ней истекавшія, были интимнѣе, искреннѣе оффиціальныхъ услугъ современной дипломатіи. Но съ другой стороны это самое лишало проксенію авторитета; — она была чисто индивидуальнымъ пособіемъ. Наши дипломатическіе агенты оказываютъ своимъ согражданамъ дѣйствительное покровительство; напротивъ въ греческихъ республикахъ юридическое огражденіе иностранца зависело не только отъ доброй воли, но и отъ вліянія проксена.

¹ О проксеніи см. Real-Encyclopädie der Alterthumswissenschaft III, 1522—24.

² Thucyd. II, 20.

³ Xenoph. Conviv. VIII, 40.

⁴ Demosth. c. Calipp. § 6 sec., 1237. Diodor. XIII, 27.

⁵ Она была, подобно гостепрѣимству, наследственною обязанностью. Такъ проксенія Смарты въ Аоніяхъ принадлежала фамиліи Алаквіада. Xenoph. Mem. V, 4, 32; VI, 3, 4.

Въ проксеніи мы можемъ видѣть, какой великій шагъ сдѣлала Греція изъ восточнаго уединенія. Каждое изъ теократическихъ государствъ составляло отдѣльный міръ; напротивъ греческія республики завязываютъ между собою болѣе и болѣе дѣятельныя сношенія. Иностранцы здѣсь не брошены на произволъ судьбы безъ права и защиты; челоувѣколюбіе гелленскаго поколѣнія возвышаетъ въ ихъ пользу свой голосъ; правительства начинаютъ заботиться о гражданахъ, находящихся за границею. Впрочемъ союзъ гостепрїимства все еще не искореняетъ вражды отдѣльныхъ племенъ; на иностранца смотрятъ подозрительно, какъ на непріятеля. Городъ остается владычествующимъ элементомъ греческаго общества, и его интересъ, какъ высшій законъ, подчиняетъ себѣ гуманныя идеи.

4. Международныя конвенціи.

Гостепрїимство, давая иностранцу убѣжище и защиту, не могло уничтожить преградъ, положенныхъ духомъ раздѣленія и исключительности между греческими республиками. Гость оставался иностранцемъ и не пользовался правами и привилегіями, которыя принадлежали гражданамъ; ему не позволялось вступать въ семейныя или имущественныя отношенія. Такой порядокъ вещей долженъ былъ затруднить взаимный оборотъ и размѣнъ потребностей между городами, связанными общностию происхожденія, языка, религіи и интересовъ. Поэтому явились конвенціи, которыми была умѣряема строгость закона. Когда два города хотѣли тѣсно соединиться между собою, они соглашались, чтобы гражданинъ одного изъ нихъ, поселясь въ другомъ, пользовался здѣсь не только гражданскими, но и политическими правами¹, т. е. правомъ голоса и правомъ занятія публичныхъ должностей. Такой союзъ назывался у Грековъ «исополитія»². До насъ дошла только исополитическія конвенціи критскихъ городовъ³; — кажется, что между сильными государствами онѣ заключались очень рѣдко. По крайней мѣрѣ, кромѣ

¹ Нибуръ думаетъ, что исополитія не простиралась на политическія права (*Histoire* Т. II, 95 et suiv. trad. franç.), но конвенціи написаны въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: онѣ говорятъ объ участіи «во всемъ божескомъ и челоувѣческомъ». *Corpus inscript.* gr. Т. I, N. 2254, 26; 2256, 13; 2257, 16.

² Не должно смѣшивать исополитію, учрежденную по трактатамъ, съ исополитією, которая давалась въ видѣ награды за оказанныя услуги. Первая по самой природѣ основана на взаимности: обѣ договорившіяся стороны получали одни и тѣ же права; вторая напротивъ служила только одной сторонѣ, въ пользу которой издавался декретъ. Примѣромъ служатъ привилегіи, предоставленныя въ Византіи Аеніанцамъ за пособіе, которое они оказали этому городу противъ Филиппа Македонскаго. *Demosith. de corop.* § 90 sq. p. 255 sq. Другой примѣръ см. у Ксенофонта. *Hellen.* I, 1, 28.

³ *Corpus inscript.* Graec. II, n. 2554, 2556, 2557. Ср. *Sainte-Croix, Législ. de la Crète* p. 357—360.—Ноеск, Крета, Т. III, p. 472 слл.

трактата между Афинами и Родосомъ, заключеннаго уже въ эпоху упадка Греціи ¹, исторія не представляетъ подобныхъ примѣровъ. Соединяя государства самыми близкими узами, исополитія заключала въ себѣ корень единства; изъ ней могла бы развиваться со временемъ федерація всѣхъ греческихъ городовъ; по эту идею не суждено было выработать Грекамъ; партикуляризмъ остался преобладающимъ свойствомъ гелленскаго міра. Исополитія принесла плоды другому народу и послужила въ послѣдствіи основаніемъ для муниципій, которыя играли весьма важную роль при образованіи римскаго единства.

Другія конвенціи греческихъ республикъ имѣють ограниченную цѣль—сообщеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Впрочемъ собственныхъ трактатовъ, заключенныхъ на началахъ взаимности, очень немного; болѣею частію мы встрѣчаемъ декреты одного государства въ пользу другаго или его подданныхъ, преимущественно же въ пользу проксповъ. Такъ народъ афинскій далъ позволеніе Фиваццамъ, жителямъ острова Эвбеи и Платейцамъ вступать въ бракъ съ собственными подданными (*ἐπιγαμία*) ². Право пріобрѣтать поле или домъ въ иностранной территоріи также предоставлялось особыми декретами ³. То же должно замѣтить о прочихъ привилегіяхъ: всѣ онѣ имѣли одинъ источникъ — вознагражденіе за оказанную услугу.

Изъ коммерческихъ потребностей возникли болѣе общія конвенціи. Извѣстно, что точное исполненіе контрактовъ, обезпеченное общественною властью, естъ душа торговли. Но какого правосудія могъ ожидать для себя иностранецъ, если ему не позволяли вчинать искъ отъ своего лица, если его интересы были преданы на произволъ судьи, пристрастнаго къ согражданамъ, если наконецъ его обвиняли по чужимъ, неизвѣстнымъ ему законамъ? Итакъ правосудіе въ дѣлахъ коммерціи было самою настоятельною, самою законною необходимостью столько же для торговыхъ городовъ, сколько для иностранцевъ. Отсюда легко объяснить происхожденіе конвенцій (*σύμβολα*) ⁴, которыми опредѣлялись правила для рѣшенія исковъ, или были учреждены суды изъ членовъ, набранныхъ отъ разныхъ народовъ ⁵. Предъ этими смѣшанными комиссіями иностранецъ могъ защищаться, даже не имѣя патрона. Повидимому здѣсь заключается полная система гарантій для иностранца. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Международнымъ трактатамъ не доставало одного внутренняго, существеннаго условія — равенства, безъ

¹ Polyb. XVI, 26, 9.—Liv. XXXI, 15.

² Demosth. de coron. § 187, p 291.—Lysias or. 34 § 5.—Isocr. Plot. § 51.

³ *Ἐπιγῆσις*. Corp. Inscr. gr. I, 725.

⁴ Cp. Hüllmann *Handelsgeschichte der Griechen* p. 193—6.

⁵ Sainte-Croix *Législ. de la Crète* p. 569 suiv.

котораго они не имѣютъ твердаго авторитета. Если одно государство одерживало надъ другимъ верхъ, оно употребляло это во зло и старалось дѣйствовать на судебные приговоры. Для примѣра можно указать на договоры между македонскими царями и греческими республиками о рѣшеніи процессовъ. Въ это время, преступленія, на которыя жаловались частныя лица, были нерѣдко дѣломъ правительствъ:—какимъ же образомъ слабыя греческіе города могли искать правосудія противъ сильнаго царя македонскаго? День воздаянія наступилъ уже тогда, когда Македонія завязала борьбу съ Римомъ. При этомъ случивъ римскій сенатъ, выслушавъ жалобы Грековъ, показалъ большую милость и твердое намѣреніе вознаградить однимъ за потерю полей, рабовъ, скота, другихъ за проволочки и несправедливые приговоры, на счетъ царя, который обыкновенно останавливалъ дѣйствія международнаго суда силою или подкупомъ ¹.

Отказы въ правосудіи, на которые жаловались сосѣди Филиппа, были неизбежны. Во всѣхъ отношеніяхъ древнихъ народовъ, даже въ области юстиціи, господствуетъ право сильнаго. Не получая удовлетворенія путемъ закона, народы и частныя лица прибѣгали къ самоуправству. Ничто такъ не доказываетъ безпорядочнаго состоянія древняго общества и отсутствія международнаго правосудія, какъ аѳинскій законъ объ андролепсіи. Если гражданинъ республики былъ убитъ за границую, то родственникамъ покойнаго позволялось схватить трехъ подданныхъ того государства, которое не дало удовлетворенія за обиду, и представить ихъ въ судъ для наказанія ². Странное правосудіе—за недостаткомъ виновнаго наказывать невинныхъ! Но оно было почти необходимо въ тотъ вѣкъ, когда иностранецъ не имѣлъ никакихъ, болѣе законныхъ, способовъ вознаградить себя за оскорбленіе.

II. ПРАВО ВОЙНЫ И МИРА.

1. Право мира.

Платонъ говоритъ, что Греки — братья; если между ними возникаютъ раздоры, ихъ нужно оплакивать, какъ болѣзненное состояніе; по нельзя считать настоящими войнами подобно тѣмъ, которыя гелленское племя ведетъ противъ варваровъ ³. Мабли принимаетъ эту теорію аѳинскаго философа за дѣйствительность ⁴. Но факты къ сожалѣнію далеко не гармонируютъ съ идеаломъ. Греки не признавали меж-

¹ Po'ub. XXIV, 1, 2, 11. 12.—Liv. XXXIX, 46, 47.

² Demosth. c. Aristocr. § 82, p. 647. Ср. Heffter die Athenäische Gerichtsverfassung p. 427—2.

³ Resp. 470 C.

⁴ Entretiens de Phocion. 1-er Entretien (T. XIV, p. 30, nota, éd. de 1793.)

ду собою общей юридической, или человеческой связи; взаимныя обязанности государствъ основывались только на словахъ трактата. Понятіе философовъ о естественныхъ, вытекающихъ изъ природы человѣка, обязанностяхъ не перешли въ сферу международныхъ сношеній ¹.

Отсутствіе истиннаго международнаго права у Грековъ доказывается всѣмъ ихъ общественнымъ бытомъ. Привычка къ законному порядку, который существуетъ въ настоящее время, такъ сильна въ насъ, что мы воображаемъ, будто бы онъ всегда господствовалъ среди образованныхъ націй — по крайней мѣрѣ во время мира. Но это мнѣніе не оправдывается исторіею. Греція въ самую блестящую эпоху своей цивилизаціи была потрясаема безнаказанными разбоями. Даже энергическое управленіе Рима было не въ состояніи искоренить древній духъ насилія ². Греки родились пиратами ³; самый гуманнѣйшій законодатель разрѣшилъ имъ учреждать компаніи для грабежа иностранныхъ купцовъ ⁴. Островитяне продолжали заниматься пиратствомъ, не смотря на общее патріотическое возстаніе, возбужденное нападеніемъ Персовъ. Оемистоклъ велъ съ ними за это жестокою войну ⁵: великій человѣкъ негодовалъ, что Греки употребляютъ во зло свою храбрость. Кимонъ также воспользовался морскими разбоями Долоповъ, чтобы овладѣть ихъ островомъ ⁶. На моряхъ свирѣпствовали не только отдѣльныя шайки безымянныхъ корсаровъ;—всѣ торговые народы начали свое поприще съ пиратства и безъ стыда возвращались къ прежнему ремеслу, если благопріятствовали обстоятельства, или заставляла нужда. Такъ Фокейцы занимались вмѣстѣ торговлею и разбоями ⁷; жители Самоса грабили всѣхъ мореплавателей безъ различія ⁸; самыя образованныя племена нерѣдко прибѣгали къ пиратству: когда не было денегъ, въ Аоніахъ снаряжались корабли для нападенія на друзей и

¹ Вопросъ о томъ, имѣли ли Греки понятіе о правѣ международномъ, различно рѣшается новѣйшими учеными. Ваксмютъ (*Jus gentium quale obtinuerit apud Graecos ante bellum cum Persis gestorum initium*) принимаетъ сторону Грековъ; Гейфферъ (*de antiquo jure gentium prolesio*) высказываетъ противоположное мнѣніе.

² Brouwer *histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs* 1, 52.

³ Montesquieu *esprit des lois* XXI, 7.

⁴ L. 3, D. 47, 22. Позволеніе пиратства со стороны Солона казалось новымъ писателямъ слишкомъ невѣроятнымъ; они предполагали, что онъ разрѣшилъ только гражданамъ снаряжать наперовъ противъ враговъ (*Bunkerhoeck observ. jur. I, 16*). Но въ древности всѣ иностранцы считались непріятелями; международный миръ существовалъ только въ силу особыхъ трактатовъ.

⁵ Corn. Nep. Themist. c. 21.

⁶ Долопы грабили даже тѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали къ нимъ для торговли. Plutarch. Cimon. c. 8.

⁷ Justin. XIII, 8. Когда городъ Фокея былъ разрушенъ Персами, Кароагеніе и Тирренцы должны были заключить коалицію, чтобы уничтожить пиратство. Herod. VI, 17; Paus. X, 9, 6.

⁸ Herod. III, 39.

враговъ ¹. Герой первой персидской войны тотчасъ послѣ славной марафонской победы убедилъ Афинянъ дать ему 70 судовъ и, не сказавъ ни слова, противъ кого назначается походъ, общалъ своимъ спутникамъ богатую добычу. Этого было достаточно, чтобы склонить гражданъ къ участию въ экспедиціи. Скоро цѣль ея обнаружилась: Милліадъ приплылъ къ Паросу и потребовалъ у жителей сто талантовъ, грозя въ случаѣ отказа взять городъ приступомъ ². Этотъ пиратскій подвигъ онъ оправдывалъ тѣмъ, что островитяне помогали Персамъ. Но въ послѣдствіи, сдѣлавшись сильнѣе, Афиняне уже не приводили предлоговъ въ такихъ случаяхъ: нужда въ деньгахъ и право сильного казались имъ достаточнымъ основаніемъ безвиннаго грабежа ³.

Къ подобнымъ же средствамъ обращались цари и тираны, чтобы наполнить свою казну. Филиппъ Македонскій пріобрѣлъ посредствомъ морскихъ разбоевъ часть богатствъ, которыми подкупалъ Грековъ ⁴; Лагөөкъ ⁵, Діонисій ⁶, Набисъ ⁷ были открытыми пиратами. Впрочемъ это ремесло питалось не столько корыстолюбіемъ, сколько рабствомъ. Въ самыя древнія времена Гомеръ изображаетъ финикійскихъ корсаровъ похитителями и продавцами невольниковъ. Тотъ же характеръ сохранили пираты греческіе: они смотрѣли на людей, какъ на товаръ, и захватывали ихъ силою или обманомъ. Такимъ образомъ потеряли свободу знаменитые философы Платонъ и Діогенъ: первый былъ выкупленъ друзьями; второй остался въ неволѣ и научалъ сыновей своего господина любить добродѣтель и независимость человека ⁸. Въ послѣдствіи роскошь еще болѣе усилила запросъ на рабовъ, и такъ какъ война не могла покрыть требованій рынка, то обязанность поставлать этотъ товаръ приняли на себя корсары ⁹. Отсюда произошли самыя гибельныя послѣдствія. Пиратство, вмѣсто того, чтобы уменьшиться съ успѣхами цивилизаціи, достигло громадныхъ размѣровъ и, къ концу республики, вызвало Римлянъ на борьбу за морское владычество. Только тогда наконецъ измѣнился взглядъ общества на это ремесло: философы и законодатели объявили его преступленіемъ противъ общенароднаго права, а корсаровъ врагами всего человѣчества ¹⁰. Напротивъ

¹ Thucyd. IV, 50, 75.

² Herod. VI, 132 sq.

³ См. Xenoph. Hell. I, 48. Ср. Воеск. 445.

⁴ Justin. VIII, 3.

⁵ Justin. XXII, 1.

⁶ Diodor. XIV, 84.

⁷ Liv. XXXIV, 36. Polyb. XIII, 8, 9.

⁸ Barthélemy voyage d'Anacharsis. ch. VI.

⁹ Strab. XIV, p. 460, ed. Casaub.

¹⁰ Cicero de Rep. III, 23. Verr. II, 5, 30. Plin. Histor. natur. II, 45 (46). Florus III, 1, L. 24 Dig. XLIX, 15.

Греки имѣли національную склонность къ пиратству: въ нихъ глазахъ оно не заключало въ себѣ ничего противозаконнаго, а считалось чѣмъ-то въ родѣ малой партизанской войны, похвальнымъ удалствомъ — явное доказательство, что они не возвысились до понятія о правѣ международамъ! Насиліе и самоуправство обратились въ Греціи какъ-бы въ теорію. Спарта и Аѣны открыто провозглашали ее; одна философская школа даже оправдывала закономъ природы угнетеніе слабыхъ и беззащитныхъ. Напрасно Платонъ противопоставилъ свой идеалъ справедливости этому превратному ученію; — въ пользу софистовъ говорило общее сознаніе.

2. Право войны.

Демосѣепъ говоритъ, что демократическія республики ведутъ обыкновенно войну между собою за могущество и славу, а съ олигархіями за свободу и независимость; въ первомъ случаѣ миръ легко заключается, во второмъ его нельзя достигнуть, потому что страсть къ владычеству никогда не живетъ въ согласіи съ равенствомъ¹. Эти слова великаго оратора обнажаютъ намъ рану Греціи. Мы видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ тѣ же враждебные элементы, которые раздирали внутреннюю гражданскую жизнь: Спарта группируетъ вокругъ себя дорійскія аристократіи; Аѣны стоятъ во главѣ городовъ демократическихъ. Отсюда легко объяснить суровость войнъ: онѣ производились съ такимъ же ожесточеніемъ, какое обыкновенно встрѣчается въ гражданскихъ междоусобіяхъ. Конечно греческія государства не всегда сражались за принципы, но почти въ каждой войнѣ побѣдители доходили до крайностей, до злоупотребленій, которыя дѣлали невозможнымъ полное примиреніе. Сильная вражда — говоритъ Фукидидъ — можетъ окончиться прочнымъ миромъ только тогда, когда одолѣвшая сторона по великодушію предлагаетъ умѣренныя условія побѣжденнымъ²: но эта умѣренность была совершенно неизвѣстна Грекамъ. Тотъ, кто выигрывалъ поле сраженія, равно какъ и тотъ, кто одерживалъ верхъ надъ враждебною партіею въ городѣ, стремился не къ соглашенію противоположныхъ интересовъ, но къ владычеству, и налагалъ тяжкія обязанности на побѣжденнаго, отъ которыхъ послѣдній — разумвется — старался по мѣрѣ силъ освободиться.

Опустошеніе непріятельской земли считалось обыкновеннымъ средствомъ принудить противника къ миру³. Не ограничиваясь похищеніемъ плодовъ, непріятели истребляли самыя деревья, вырывали съ корнемъ

¹ Demosth. pro Rhod. lib. 17, p. 195.

² Thucyd. IV, 19.

³ Xenoph. Hellen. IV, 6, 13. Thucyd. 1, 81.

виноградныя лозы. Говорятъ, что въ войнѣ между Мегарою и Коринѳомъ было положено считать земледѣльцевъ неприкосновенными ¹. Эта конвенція до такой степени противорѣчитъ греческимъ обычаямъ, что кажется почти баснословною. Жестокость враговъ не давала никакой пощады городамъ. Разрушеніе Кирры, по приказанію Амфиктіоновъ, открываетъ собою длинный рядъ развалинъ, которыми сами Греки усвятили родную землю. Такъ споръ Эліанъ и Писанцевъ объ управленіи олимпійскими играми окончился разрушеніемъ Писы, и непріятель исполнялъ свое дѣло съ такою точностію, что отъ прежняго города не осталось никакихъ слѣдовъ; — во время Страбона многіе даже сомнѣвались въ его существованіи ². Не менѣе печальна судьба Микенъ, древняго мѣстопребыванія Пелопондовъ: онъ былъ разоренъ соседними народами; уцѣлѣли только киклопическія стѣны, которыя свидѣтельствуютъ до сихъ поръ о могуществѣ древнихъ пеласгійскихъ племенъ и жестокости ихъ побѣдителей ³. Примѣръ Микенъ доказываетъ, что ни древность, ни слава не защищали городовъ: въ тотъ же самый вѣкъ, который ознаменованъ героизмомъ Аѳинянъ, Греки разсуждали о разрушеніи города Мицервы, и только Дельфійскій Оракулъ заставилъ ихъ устыдиться.

Когда Фивы возстали противъ Александра, Греки не замедлили воспользоваться этою дерзостію, и отъ города Кадма осталась только цитадель, да немногіе жители ⁴. Родство и сосѣдство, вмѣсто того, чтобы поддерживать братскія чувства между племенами, только питало взаимную ненависть. Такъ Критяне однажды воспользовались отсутствіемъ жителей, чтобы уничтожить соплеменный городъ, противъ котораго они питали вражду ⁵; въ несчастной Сициліи Греки соединились съ варварами для взаимнаго истребленія и обратили въ пепель большую часть городовъ. Во время завоеванія острова къ этимъ старымъ развалинамъ Римляне прибавили новыя ⁶ и только послѣ побѣды положили конецъ разрушенію. Такимъ образомъ подчиненіе чужому владычеству сдѣлалось благодѣяніемъ для Сициліи: оставшись независимою, она должна была неминуемо погибнуть отъ гражданскихъ войнъ ⁷.

Опустошеніе непріятельской земли, разрушеніе городовъ оправдывалось обычаемъ всего древняго міра; Греки кажутся намъ винов-

¹ Plutarch. Quaest. Gr. XVII.

² Pausan. VI, 22, 2, 3. Strab. VIII, p. 245 ed. Casaub.

³ Diodor. XI, 67, Pausan. II, 16, 5 sq.

⁴ Pausan. VIII, 32, 2.

⁵ Polyb. IV, 53, 4; IV, 54, 1—5.

⁶ Strab. IV, p. 168 ed. Casaub.

⁷ Polyb. XI, 3, 12.

ными только потому, что они были единоплеменниками. Но не должно забывать, что сознание родства было имъ чуждо, что взаимная ненависть между врагами легко увлекала победителя къ злоупотребленіямъ. Есть другое качество, за которое можно сдвигать болѣе справедливый упрекъ гелленскому поколѣнію, — вѣроломство. Одинъ греческій компиляторъ, Полиенъ, жившій во времена римской имперіи, счелъ полезнымъ собрать все читаемое имъ у разныхъ писателей о военныхъ хитростяхъ и такимъ образомъ передалъ намъ множество любопытныхъ фактовъ касательно права войны въ древности. Онъ не сомнѣвается въ законности самыхъ возмутительныхъ поступковъ и говоритъ о коварныхъ злодѣяствахъ Діонисія и Агаокла, какъ о стратегемахъ, безъ малѣйшей тѣни неодобренія. Эта книга Полиена есть самый лучший обвинительный актъ противъ Грековъ: Римляне занимаютъ въ ней немного мѣста. Остановимся здѣсь, по крайней мѣрѣ, на главныхъ чертахъ, характеризующихъ цѣлую націю.

Въ примѣръ вѣроломства можно привести поведеніе Никія, друга мира, одного изъ почтенныхъ людей Греціи, во время несчастнаго сицилійскаго похода. Будучи преследуемъ Гилиппомъ, онъ отправилъ къ спартанскому полководцу герольда съ намѣреніемъ сдаться и заключить капитуляцію подъ присягою. Гилиппъ остановился. Тогда Никій, пользуясь довѣріемъ непріятеля, занялъ крѣпкую позицію и возобновилъ военныя дѣйствія ¹. Кромѣ открытаго нарушенія конвенцій, мы встрѣчаемъ еще самый постыдный способъ ихъ толкованія, извѣстный подъ именемъ іезуитскаго и осужденный сознаниемъ новыхъ народовъ. Этотъ способъ введенъ въ первый разъ въ употребленіе не іезуитами; позоръ его изобрѣтенія принадлежитъ древности, какъ доказываютъ безчисленные примѣры изъ книги Полиена: особенно отличаются коварствомъ Спартанцы ²; впрочемъ и другія греческія поколѣнія мало уступали имъ въ незавидномъ искусствѣ исказить смыслъ даннаго слова. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, читая расказъ о вой-

¹ Polyaeu. 1. 39. Такъ же недобросовѣстенъ въ отношеніи къ непріятелямъ былъ Алкибиадъ. Ibid. 1, 40, 4, 5. Во время осады Византии Леонатиномъ Фрасилломъ, жители, боясь, чтобы городъ не былъ взятъ приступомъ, общали сдаться въ извѣстный срокъ и отправили заложниковъ. Фрасиллъ принялъ предложеніе, но потомъ возвратился вѣчью и, пользуясь безпечностью гражданъ, овладѣлъ городомъ. Polyaeu. 1, 47, 2.

² Спартанскій генералъ Тибронъ осаждалъ въ Азій одинъ фортъ и убѣждалъ военнаго выдти, обѣзавшись привести его назадъ, если капитуляція не состоится. Во время свиданія гарнизонъ разошелся; тогда Тибронъ бросился брать городъ и, буквально исполнивъ данное слово, привелъ назадъ непріятельскаго полководца для совершенія надъ нимъ казни. Совѣсть спартенца была спокойна: онъ не обѣщадъ сохранить жизнь своему противнику! Polyaeu. II, 19.

нѣ Тимолеона съ тираномъ Мамеркомъ, который былъ извѣстенъ своимъ коварствомъ и жестокостію къ непріятелямъ. Когда обстоятельства заставили тирана сдаться, Тимолеонъ обещалъ не обвинять его предъ сиракускимъ народомъ, но едва только прибылъ въ городъ, казнилъ его. Я обязался по договору не быть обвинителемъ моего врага—сказалъ при этомъ знаменитый Грекъ — я исполняю свое слово, но справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто погубилъ измѣннически столько людей, самъ погибъ обманомъ ¹. Плутархъ ставитъ Тимолеона выше всѣхъ современниковъ, даже выше Эпаминонда ²; идеалъ античной добродѣтели является какъ бы воплощеннымъ въ коринескомъ героѣ, и между тѣмъ онъ совершаетъ поступокъ, до такой степени возмутительный, что можно усомниться въ его вѣрности. Но причина противорѣчія здѣсь понятна: древній героизмъ сосредоточивался въ городѣ; Тимолеонъ изъ любви къ отечеству рѣшается убить брата, но признаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей къ врагу и тирану. Даже Александръ, самый гуманнѣйшій геній Греціи, чуждый многихъ предразсудковъ своего вѣка, часто нарушалъ данное непріятелю слово ³. Вообще не смотря на отдѣльные факты, изъ которыхъ видно, что народъ болѣе соблюдалъ святость договоровъ, нежели цари и аристократія, можно сказать, что вѣроломство заражало національный геній всей Греціи ⁴. Напримѣръ Локрійцы обязались однажды быть вѣрными данному слову до тѣхъ поръ, пока у нихъ головы остаются на плечахъ, а ноги на землѣ — и на другой день перерезали своихъ непріятелей, высыпавши земля изъ обуви и вынувъ головки чеснока изъ своихъ туникъ ⁵.

Право войны было столько же сурово, сколько вѣроломно. Тѣ, что мы считаемъ теперь жестокостію, Греки называли милостію побѣдителя. Капитуляціи, которыя оставляли жизнь и свободу побѣжденнымъ съ условіемъ отдать имущество побѣдителю, были рѣдки ⁶; еще рѣже мы находимъ такія конвенціи, по которымъ предписывалось только скрыть укрѣпленія, выдать корабли и уплатить контрибуцію ⁷. По правилу, жители завоеванныхъ городовъ были изгоняемы ⁸. Историки

¹ Polyæn. V, 12, 2. Ср. Plutarch. Timol. 10.

² Plutarch. Timol. 36.

³ Polyæn. IV, 3, 20.

⁴ Только Афиняне остаются свободными отъ этого упрека.

⁵ Polyæn. VI, 22.

⁶ Xenoph. Hell. II, 3, 6.

⁷ Thucyd. I, 101, 108, 107.

⁸ Греки обозначаютъ это множествомъ терминовъ: *ἔξωλόνειν*, *ἰστοκίλειν*, *διωκίλειν*. См. Wachsmuth II, § 112, not. 256.

считаютъ похвальнымъ исключеніемъ поступокъ Тимоея, который, овладѣвъ Корцирою, не обратилъ въ рабство гражданъ, не лишилъ ихъ отечества и законовъ ¹. Отсюда видно, какимъ образомъ обыкновенно дѣйствовалъ побѣдитель: не только вооруженные непріятеля, но даже женщины и дѣти теряли свободу, ² — вотъ общенародное право Грековъ. Въ этомъ отношеніи всѣ гелленскія племена поступали одинаково: Аѣиняне и Спартапцы, македонскіе цари и Фиванцы. Послѣ взятія Олинеа Филиппъ роздалъ пѣвннхъ своимъ союзникамъ, и Греки не постыдились принять этотъ подарокъ отъ того, кого считали варваромъ ³. Всѣмъ извѣстенъ восточный обычай изувѣчивать пѣвннхъ, и хотя Греція не усвоила себѣ этого обыкновенія, однакоже Аѣиняне, какъ будто для того, чтобы доказать медленность человѣческаго прогресса, наложили клейма на самосскихъ пѣвннхъ ⁴ и предписали декретомъ отрѣзывать большой палецъ на правой рукѣ у каждаго изъ взятыхъ непріятелей ⁵. Одинъ комментаторъ, приводя эти факты, краснѣетъ отъ стыда и, призывая Юпитера, Минерву и всѣхъ боговъ, высказываетъ желаніе, чтобы подобные законы никогда не были изданы: по его мнѣнію, они остаются пятномъ въ исторіи аѣипскаго народа ⁶.

3. Человѣколюбіе въ войнѣ.

Истинное человѣколюбіе было не извѣстно Грекамъ, какъ и всѣмъ древнимъ народамъ: его нельзя искать ни въ семействѣ, гдѣ отецъ располагалъ жизнью дѣтей, ни въ городѣ. Конечно греческіе законы не расточаютъ изувѣчивающихъ наказаній, какъ на Востокъ, но съ другой стороны не могутъ считаться умѣренными ⁷: самое кровавое наказаніе — возмездіе (*ius talionis*) — признается идеаломъ правосудія въ школѣ Пинегора ⁸; Солоонъ и Харондасъ также одобряютъ его ⁹; наконецъ попытка употребляется противъ невинныхъ, какъ дозволенный способъ къ открытію истины. Вообще воспитаніе не развивало чувствъ кротости

¹ Xenoph. Hell. V, 4, 64.

² Polyb. II, 58, 10.

³ В г о u w e r Civilisation I, 87.

⁴ Клеймо, по словамъ Плутарха, изображало фигуру корабля; за это Самосцы налагали на Аѣинянъ печать съ изображеніемъ совы. Plut. Pericl. 26.

⁵ Чтобы они не могли владѣть копьемъ. Plutarch. Lyandr. 9. Ср. Cicero de off. III, 11. О подобномъ декретѣ упоминается и Ксенофонтъ, но относитъ его къ другому времени. Hell. II, 1, 31. Основывался на этомъ противорѣчій, Г р о т ъ сомнѣвается въ вѣроятности событія. History T. VIII, p. 298.

⁶ Aelian. V. N. II, 9.

⁷ Ораторъ Лакругъ говоритъ, что всѣ древніе законы, подобно Драконовымъ, отличаются жестокостію. (с. Leocr. 183, § 64, ed. Bekk.).

⁸ Arist. Ethic. Nicom. V, 8.

⁹ Diodor. XII, 17.

и милосердія у Грековъ. Монтескье говорить, что гимнастическія упражненія дѣлали изъ нихъ атлетовъ и воиновъ, и въ этой наклонности національнаго характера видить причину, почему законодателя и философы придавали такую важность музыкѣ: гармонія должна была смягчить суровые и дикіе нравы народа ¹. Понятно, что люди, для укромченія которыхъ необходимы сладкіе аккорды, легко забываются въ пылу сраженій.

Однакоже если сравнить Грековъ съ другими націями, нельзя не замѣтить въ нихъ зародышей той высокой добродѣтели, которая оставалась чуждою античному міру. Даже въ своемъ языкѣ они высказывали стремленіе возвыситься надъ варварами чувствомъ состраданія ². Сравненіе греческой религіи съ иноземными культурами также говорить въ пользу гелленскаго поколѣнія. Греція получала начатки умственнаго развитія отъ народа, который приносилъ человѣческія жертвы съ жестокостію, рѣдкою даже въ эпоху варварства, но не развила этихъ страшныхъ обычаевъ. Правда, они встрѣчаются въ первобытныхъ времена и оставили слѣды даже до вѣковъ историческихъ ³, но, собственно говоря, на закланіе трехъ персидскихъ цѣнныхъ предъ саламинскимъ сраженіемъ ⁴ должно смотрѣть, какъ на дѣло вызванное особенными обстоятельствами: подобные случаи встрѣчаются въ исторіи самыхъ гуманныхъ націй, когда страсти заглушаютъ голосъ природы. Послѣ этого человѣческая кровь не осквернила болѣе алтарей Греціи; она осталась свободною отъ упрека въ варварствѣ ⁵.

¹ Montesquieu *Esprit des lois* IV, 8. Миѣніе Монтескье подтверждается указаніемъ Подліба; расудительный историкъ, объясняя причины, почему Киннееве получили свирѣпый характеръ, говорить, что для жителей дикой Аркадіи было необходимо благодѣтельное вліяніе музыки; по его миѣнію, Киннееве отдѣлились отъ того, что пренебрегали этимъ искусствомъ. Polyb. IV, 20 sq. Д о м у (*Cours d'études historiques*) также полагаетъ, что нравы народовъ смягчаются по мѣрѣ развитія изящныхъ искусствъ. (Т. XII, p. 185.)

² *Ἑλληνικὸς, ποιεῖν ἑλληνικὰ* часто употребляются, какъ синонимы съ выраженіемъ «поступать человѣколюбиво». Aelian. V. Н. III, 22; V, 11. Либаній говорить, что Греки отличаются отъ варваровъ гуманностію (*Orat. XI ad Theodos. II, p. 304 Ced. Morell.*) Сами Римляне признають это качество Грековъ. Liv. XXVII, 30. И такъ можно отнести къ цѣлой Греціи эти прекрасныя слова Фокіона: «милосердіе занимаетъ въ сердцахъ человѣческомъ то мѣсто, которое принадлежитъ алтарю въ храмахъ». Stob. Floril. 1, 31.

³ Но крайней мѣрѣ ученые новаго времени, говорятъ что отъ Финикійцевъ Греки заимствовали эти обычаи. Raoul-Rochette *Colon. grecques* I, p. 75, 104, Boettiger *Kunstmythologie* I, 355 sq.

⁴ Plutarch. Themist. 15.

⁵ Бѣттигеръ говорить: «существо гелленскаго состоитъ въ отвращеніи отъ человѣческихъ жертвъ». *Kunstmythologie* II, p. 16 not. Гелловъ, разбивъ Карвагенцевъ, предислалъ имъ, какъ условіе мира, отхлѣбнуть этотъ варварскій обычай. Plutarch. Reg. apophteg. Gelon. n. I.

Въ войнѣ Греція также стоитъ выше варваровъ. Хотя военные обычаи теократическихъ народовъ мало извѣстны, но кровавыя черты на памятникахъ Египта ясно свидѣтельствуютъ, что челоѵколюбіе не было добродѣтелью жрецовъ. Завоеватели Индіи, сохранивъ жизнь побѣжденнымъ, навсегда лишили ихъ челоѵческаго достоинства въ рядахъ низшихъ кастъ. Еще суровѣе номады Верхней Азіи: они уродуютъ, насильственно переселяютъ, истощаютъ податями и повинностями побѣжденныхъ. Наконецъ коммерческія націи торгуютъ челоѵческою кровью, какъ товаромъ; ихъ холодно-расчитанное зѵвръство отвратительнѣе необузданныхъ страстей варваровъ. — Напротивъ у Грековъ высказываются болѣе гуманныя чувства. Будучи сначала почти дикарями, они развили въ себѣ положенныя Провидѣніемъ зародыши челоѵколюбія и воспитали, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ личностяхъ, идеальныя добродѣтели, заслужившія удивленіе потомства. Кромѣ Эпаминонда и Александра, особенно извѣстенъ гуманностію Тимолеонъ, не смотря на нѣкоторыя черты характера, не одобряемыя сознаниемъ новыхъ народовъ. О его великодушій историки говорятъ единогласно. — «Побѣда казалась ему честною только тогда, когда въ ней милосердіе занимало болѣе мѣста, нежели насиліе ¹; онъ проявлялъ храбрость и искусство только противъ варваровъ и тирановъ, а съ Греками и ихъ союзниками обходился правосудно и кротко; трофеи, воздвигнутые имъ, не стоили соотечественникамъ ни слезъ, ни горя ². Даже Спарта, не смотря на дикій патріотизмъ и суровое мужество своихъ жителей, произвела Калликратиду, челоѵка, «котораго можно сравнить съ величайшими изъ Гелленовъ» ³. Во время непродолжительной своей карьеры, онъ создалъ какъ бы новое общенародное право и на убѣжденія союзниковъ продать плѣнныхъ сказалъ, что *«подъ ея командою ни одинъ Грекъ не будетъ обращенъ въ раба»* ⁴.

¹ Corn. Nep. Epam. c. 4.

² Plutarch. Timol. c. 37.

³ Plutarch. Lysandr. 7.—Гротъ (History of Greece, T. VIII, p. 219) прииымаетъ къ Калликратидѣ извѣстные стихи Вергилія (Aen. VI, 870):

Ostendet terris hunc tantum fata, neque ultra
Esse sinent.

⁴ Xenoph. Hell. 1, 6, 14. 'Εαυτοῦ ἀρχοντος οὐδὲνα Ἑλλήνων εἰς τὸ ἐκείνου δυνατὸν ἀνδρακοιδεῖναι. Гротъ справедливо говоритъ: «кто знающъ съ способомъ веденія войны у Грековъ, не можетъ не почувствовать величія этого подвига, сколько я знаю—безпримѣрнаго въ греческой исторіи. Мало того, что плѣнные были освобождены...; это благородное дѣло было совершено во имя гелленскаго братства, въ пользу независимости... и наконецъ на переморъ требованію союзниковъ.» Т. VIII, p. 224 sq.

Впрочемъ челолюбіе не было исключительнымъ достоинствомъ отдельныхъ личностей: оно высказывалось цѣлою націею въ благородныхъ стремленіяхъ смягчить ужасы войны. Греки инстинктивно чувствовали, что они братья, что въ сношеніяхъ между ними долженъ господствовать миръ, и что война, которая нарушаетъ эту гармонию, должна по крайней мѣрѣ имѣть свои законы и границы. Попытки Грековъ опредѣлить права побѣдителя впервые обнаруживаютъ чувство гуманности въ международныхъ сношеніяхъ. Не будемъ презирать эти слабыя стремленія: древность не могла осуществить на практикѣ братство, едва сознаваемое въ области мысли.

Между тѣмъ какъ у варварскихъ народовъ война есть необузданное, беспорядочное насиліе и походить на перевороты физической природы, совершающіеся по невѣдомымъ законамъ, — Греки начинаютъ подчинять ее известнымъ правиламъ, которыя у Римлянъ развиваются еще болѣе и наконецъ образуютъ какъ бы цѣлый международный процессъ, освященный религіею. Въ этихъ постановленіяхъ, известныхъ у Римлянъ подъ именемъ феціальнаго права и встрѣчающихся у Грековъ, въ первый разъ, только въ зародышѣ, обнаруживается стремленіе ограничить военную энергію и обуздать произвольную враждующихъ поколѣній. Такъ еще въ героической вѣкѣ Греки имѣли обыкновеніе посылать къ непріятелю герольдовъ или посланниковъ, чтобы искатъ отъ него удовлетворенія за обиду ¹ — и только тогда, когда попытка къ примиренію не удавалась, признавали законнымъ объявленіе войны. Улиссъ и Менелай передъ троянскимъ походомъ отправляются требовать Елену и уже послѣ отказа въ пріемъ рѣшаются отмстить Парису оружіемъ ². Этому обычаю преданіе приписываетъ самую глубокую древность: онъ встрѣчается даже во время еванскаго похода, когда Греки посылали къ Этеоклу смѣлаго Тидея ³. Конечно въ періодъ насилія герольды рѣдко могли достигнуть своей цѣли; ихъ священный характеръ мало уважали; въ собраніи Троянцевъ даже было сдѣлано предложеніе убить посланниковъ, которые требовали удовлетворенія за нарушение гостепріимства ⁴. Но тѣмъ не менѣе мы видимъ здѣсь первыя усилія предупредить кровавые раздоры народовъ.

Греки употребляли также другіе способы, чтобы остановить войны, раздиравшія отечество, — именно посредничество, что составляетъ боль-

¹ *Iliad*, V, 804; X, 286.

² *Iliad*, III, 205.—Clavier, *histoire des premiers temps de la Grèce* I, 252 suiv.

³ Statius, *Theb.*, II, 368.

⁴ *Iliad*, XI, 140 sq.

шой шагъ къ примиренію человѣческихъ поколѣній. Исторія сохранила множество примѣровъ успѣшнаго приложенія этого способа. Такъ Пантаркесъ, знаменитый атлетъ, возстановилъ согласіе между Элеянами и Ахейцами. Павсаній упоминаетъ даже, что одно изъ условій трактата предписываетъ обѣимъ сторонамъ освободить плѣнныхъ ¹. Аркадяне и Элеяне, споря о границахъ, обращались къ Питталу, побѣдителю на олимпійскихъ играхъ ². Симонидъ ³ примирилъ Гіерона Сиракусскаго и Ферава Агригентскаго, которыхъ войска уже готовы были сразиться. При выборѣ посредниковъ Греки руководствовались особенными правилами, въ которыхъ можно видѣть ихъ національный характеръ ⁴: побѣдителя, увѣнчанные лаврами, и поэты имѣли у нихъ такой авторитетъ, какой другіе народы приписываютъ только могуществу и физической силѣ. Плутархъ приводитъ одинъ примѣръ посредничества, замѣчательный по имени участвовавшаго въ немъ законодателя и по средствамъ, которыя избралъ онъ для защиты отечественныхъ интересовъ. Аэины и Мегара спорили о владычествѣ надъ Саламиномъ и, можетъ-быть подъ вліяніемъ Солона, избрали въ посредники Лакедемонянъ. Говорятъ, что при этомъ случаѣ Солонъ приводилъ въ пользу Аэинъ авторитетъ Гомера, хотя Спартанцы склонились на ихъ сторону болѣе подъ вліяніемъ оракула ⁵. Приговоръ посредниковъ не примирилъ однакоже обѣихъ народовъ; онъ былъ столько же безсмысленъ противъ войны, какъ и феціальное право.

Потребность мира заставляла Грековъ прибѣгать еще къ одному средству противъ кровопролитія. Война есть какъ бы поединкомъ народовъ: за чѣмъ же распространять ея бѣдствіе на цѣлое населеніе, если она произошла въ слѣдствіе личныхъ страстей? Такимъ образомъ когда Греки вооружились, чтобы отмстить Парису за нарушеніе гостепріимства, и похититель предложилъ рѣшить дѣло поединкомъ съ Менеласомъ, это предложеніе было принято въ лагерь съ удовольствіемъ и, вѣроятно, предупредило бы осаду, если бы сами боги, желавшіе погибели Трои, не нарушили перемирія ⁶. Потомъ Гераклиды, какъ говоритъ преданіе, записанное у Геродота, изъявили готовность рѣшить поединкомъ вопросъ, кому должно принадлежать владычество въ Пелопоннесѣ. Дано

¹ Pausan. VI, 15, 2.

² Pausan. VI, 16, 8.

³ Schol. Pindar. Olymp. II, 28.

⁴ Иногда въ посредники выбиралась и города; кромя того Греки обращались къ рѣшенію Дельфійскаго Оракула. См. мѣста, приведенныя у Шёмака: *Antiquitates jurb. publ.* VI, 1 § 2, p. 367.

⁵ Plut. Solon 10. Другіе примѣры посредничества см. у Геродота V, 98; VI, 106.

⁶ Ilad. III, 67 sq.

было клятвенное обѣщаніе возратить имъ наследство праотцевъ, если Гиллъ побѣдитъ своего противника; въ противномъ случаѣ, они обязались возратиться назадъ и въ продолженіи ста лѣтъ не возобновлять своихъ покушеній¹. Но хотя Гиллъ былъ убитъ, Греція не избѣгла отъ дорійскаго нападенія. — Во времена историческія также встрѣчаются примѣры поединковъ въ видахъ предупрежденія войны. Въ доказательство можно привести споръ Аргосцевъ и Спартанцевъ за одну область: обѣ стороны назначили для сраженія по триста человекъ; бой былъ кровавый; въ живыхъ осталось только два Аргосца и одинъ Лакедемонянинъ: первые побѣжали въ Аргосъ объявить о своей побѣдѣ, послѣдній не сходилъ съ поля сраженія и грабилъ убитыхъ враговъ. Отсюда произошло, что какъ та, такъ и другая сторона приписывала себѣ побѣду: Аргосцы потому, что на ихъ сторонѣ былъ численный перевѣсъ, Спартанцы на томъ основаніи, что ихъ воинъ не оставилъ мѣста битвы. Споръ возгорѣлся, и армія снова выступила въ походъ².

Всѣ попытки Грековъ предупредить или остановить войну не имѣли успѣха: она велась, такъ сказать, безъ отдыха, перешла въ привычку. Древнее общество еще не достигло той степени развитія, не усвоило себѣ того образа жизни, когда миръ становится потребностью для всѣхъ и каждаго. Но если Грекамъ не удалось искоренить насиліе и поставить на его мѣсто право и трактаты, — по крайней мѣрѣ они не переставали заботиться о томъ, чтобы по возможности смягчить бѣдствія войны, обуздать своеволие непріятелей. Конечно въ этомъ стремленіи не было строгой логической послѣдовательности; — въ немъ можно видѣть скорѣе невольное инстинктивное движеніе, которое прогрессивно увлекаетъ народы къ миру, но тѣмъ не менѣе Греки занимаютъ здѣсь высокое мѣсто въ сравненіи съ другими племенами: только у нихъ, какъ у народа артистическаго, наука и искусство имѣли силу вырывать оружіе изъ рукъ раздраженнаго непріятеля. Послѣ несчастнаго сицилійскаго похода многіе аѳинскіе пѣвцы, возвратившись въ отечество, привѣтствовали и благодарили Эврипида за спасеніе³: одни были обязаны ему свободою, которую получали отъ непріятелей за то, что познакомили ихъ съ его произведеніями; другіе находили послѣ сраженія кровъ и гостепріимство, потому что умѣли пѣть его пѣсни. Македонскій герой, разрушая Фивы, вспомнилъ, что онъ находится въ отечествѣ пѣвца, обезсмертившаго побѣдителей олимпійскихъ — и жи-

¹ Herod. IX, 26.

² Herod. I, 82.

³ Plutarch. Nic. 29.

лице Пиндара осталось неприкосновеннымъ; юный завоеватель почиталъ его потомковъ ¹.

Союзъ гостепрѣимства, святость котораго была уважаема Діомедомъ и Главкомъ подъ стѣнами Трон, нередко призывалъ побѣдителя къ чело-вѣколюбію. Во время безпощаднаго разграбленія города Пріамова ярость непріятелей остановилась предъ символомъ, оставленнымъ отъ Менелая и Улисса на память радушному хозяину, и не смѣла коснуться Анте-норова дома ². Даже среди кровавой, двадцативосьмилѣтней войны пелопоннесской, въ которой такъ мало встрѣчается чело-вѣколюбія, не изгладились слѣды этого высокаго союза. Отношенія гостепрѣимства, существовавшія между Перикломъ и Архидамомъ, предписывали спартанскому царю шадить земли знаменитаго Аѳинянина, и Перикль, опасаясь, чтобы это не сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ согражданъ, былъ принужденъ объявить все свое загородное имѣніе публичною собственностью ³. Агесилай не захотѣлъ начальствовать надъ Спартанцами въ походъ противъ Мессены, по причинѣ услугъ, оказанныхъ непріятелями его отцу ⁴. Послѣ взятія Эвбѣ Александръ одинъ среди раздраженныхъ Грековъ не утратилъ чувства чело-вѣколюбія и, вспоминая объ отцѣ, котораго здѣсь жалъ заложникомъ, освободилъ отъ рабства не только тѣхъ, которые принимали Филиппа у себя въ домѣ, но и всѣхъ ихъ родственниковъ ⁵.

Впрочемъ уваженіе къ искусству и союзъ гостепрѣимства могли имѣть случайное, временное вліяніе на войну; гораздо сильнѣе и постояннѣе дѣйствовала религія. Въ Греціи находилось много зданій, воздвигну-тыхъ въ честь боговъ религіознымъ чувствомъ и художническимъ ге-ніемъ; передъ ними должна была смириться месть побѣдителя. Дѣйствительно народное сознаніе сдѣлало храмъ священнымъ пріютомъ и убѣжищемъ несчастныхъ ⁶. Нѣсколько разъ оракулы возвышали свой могучій голосъ въ пользу искавшихъ спасенія и объявляли ихъ неприкосновенными. Одна мысль о нарушеніи права убѣжища казалась Грекамъ преступною ⁷: виновнаго, по общему убѣжденію, должно было

¹ Pausan. X, 27, 3.

² Paus. X, 27, 3.

³ Thucyd. II, 13.

⁴ Xenoph. Hell. V, 2, 3.

⁵ Aelian. V. N. XIII, 7.

⁶ Thucyd. IV, 97; Diod. XIX, 63; Polyb. V, 9—11.

⁷ Herod. I, 157—159. Андѣлимии Пактіасъ, возмущившись противъ Персозъ, былъ принужденъ искать убѣжища въ Кирѣ. Царь требовалъ выдачи магежика; Кир-менцы обратились за совѣтомъ къ оракулу, который далъ отвѣтъ о тагопріятный Персамъ. Это неожиданное рѣшеніе удивило Грековъ; они послали новыхъ де-путатовъ; оракулъ повторилъ свои слова. Но одинъ изъ присутствовавшихъ услышалъ тайный голосъ изъ святилища, который объяснилъ ихъ смыслъ: раз-драженный богъ подстрекалъ Кирейцевъ къ святотатству, чтобы наказать ихъ за то, что они осмѣлились спрашивать мѣтвія оракула о выдачѣ несчастнаго чело-вѣка.

поразить небесное мщенье ¹. Поэтому победители даже въ пылу сраженій рѣдко забывали уваженіе къ богамъ. Юпитеръ Додопскій изрекъ Аѳинянамъ слѣдующія слова: «да будутъ для васъ священными дымящійся алтарь Эвменидъ и Ареопагъ, когда побѣжденные Лакедемоняне придутъ туда искать спасенія! Не оскорбляйте этихъ мѣсть кровопролитіемъ: ищущій убѣжища есть лице неприкосновенное» ². Аѳиняне вспомнили этотъ отвѣтъ, когда смерть Кодра заставила Дорійцевъ удалиться изъ Аттики, и часть оставленныхъ Лакедемонянъ скрылась въ храмѣ ³. Спартанцы уважали убѣжище Юпитера даже среди жестокой войны съ Мессенцами и мятежными Илоатами ⁴.

Охраняя неприкосновенность храмовъ, оракулы, какъ органы религіи, по видимому, дѣйствовали болѣе въ ея интересахъ, нежели въ видахъ общественнаго блага. Но не должно забывать, что первыя чувства народовъ высказываются въ религіозной формѣ: право убѣжища не есть исключительная привилегія жрецовъ; устами Пиеи говоритъ голосъ челоувѣчества. Когда Милетійцы предались неслыханнымъ злодѣйствамъ во время гражданскихъ войнъ, оракулъ, который давалъ всякому проходящему, даже варвару, отвѣты, — отказался ихъ слушать. Въ этомъ есть нѣчто подобное отлученію отъ общества вѣрующихъ ⁵. По религіозному убѣжденію Грековъ Дельфійскій Оракулъ считался верховнымъ посредникомъ въ спорахъ ⁶. Конечно его голосъ не могъ остановить гибельныхъ междоусобій, — но по крайней мѣрѣ у бога можно было искать вознагражденія за зло, предупредить которое онъ не имѣлъ силы. Напримѣръ когда Аѳиняне, по строгому праву побѣдителя, изгнали Делійцевъ изъ отечества, — оракулъ напомнилъ имъ прошедшія несчастія въ войнахъ, и его слова возбудили состраданіе пылкаго, но благороднаго народа: онъ возвратилъ Делійцамъ отнятый островъ ⁷. Хотя язычество не возвысилось до идеи мира, потому что не сознавало челоувѣческаго братства, но, какъ всякая религія, имѣло естественное отвращеніе отъ войны, по крайней мѣрѣ между членами духовнаго общества. Освятить извѣстные праздники, греческій полинеисмъ требовалъ, чтобы

¹ Такъ Клеоменъ, нарушившій это право, былъ наказанъ страшною смертью: Спартанцы за то же преступленіе потеряли землетрясеніе. (Herod. VI, 75 — 80; Paus. VII, 23, 5. Justin., XX, 2.)

² Pausan. VII, 25, 1.

³ Paus. VII, 25, 2.

⁴ Thucyd. I, 103. Pausan. IV, 24, 7.

⁵ Herod. Pont. ar. Athen. XII, 26. Когда жители Амазонты отрубили голову осаждавшему ихъ Онеслу и приказали ее къ воротамъ, — оракулъ приказалъ ихъ похоронить голову и, чтобы наказать ихъ за варварство, достойное дикарей, установилъ ежегодныя жертвы въ честь Онесла, какъ город. Herod. V, 114

⁶ G o u w e r hist. de la civilisation grecque t. IV, 160.

⁷ Thucyd. V, 32. Diodor. XII, 77.

по крайней мѣрѣ въ эти короткія минуты Геллены жили между собою какъ братья. Страхъ мести боговъ — покровителей олимпійскихъ игръ в Элиды—былъ такъ силенъ, что давалъ защиту отъ бѣдствій войны многимъ городамъ. Небольшое мѣстечко Алакомене въ Беотіи, построенное на равнинѣ, безъ укрѣпленій — никогда не было опустошаемо: уваженіе къ Минервѣ доставило ему миръ ¹. Наступитъ время, когда вся земля будетъ священна, какъ храмъ Предвѣчнаго, когда люди устращатся проливать кровь на общемъ жилищѣ, какъ Греки предъ уважаемымъ божествомъ! Но въ древности самые смѣлые мыслители были далеки отъ помысла о вѣчномъ мирѣ. Самъ Платонъ желалъ прекращенія только внутреннихъ войнъ между гелленскими племенами. Подобною же мыслию руководствовалась религія, но такъ какъ ее нельзя было осуществить,—старалась по крайней мѣрѣ, чтобы междоусобія не оставляли послѣ себя неизгладимыхъ следовъ. Греческое тщеславіе любило увѣковѣчивать победы трофеями. Поэтому Аменктыоны издали законъ ², внушенный сознаниемъ братства, по которому побѣдителямъ было запрещено воздвигать постоянные памятники прошедшихъ войнъ ³.

Мы исчислили причины, подѣ влияніемъ которыхъ война между Греками получила болѣе кроткій и челоувколюбивый характеръ. Но спрашивается: имѣли ли онѣ чисто случайное, временное дѣйствіе, или постоянно двигали впередъ международное право Греціи? Не должно смѣшивать фактъ съ правомъ. Иногда въ пылу битвы Греки предавали смерти плѣнныхъ, но народное сознание было противъ этого варварства. Одинъ изъ великихъ поэтовъ говорить, что по законамъ Греціи убіеніе плѣннаго считается позорнымъ для побѣдителей ⁴. Въ учрежденіи убѣжищъ подѣ влияніемъ религіи также высказалась высокая плодотворная идея. Если непріятель, ищущій покровительства боговъ, считается неприкосновеннымъ, то почему не сохранить ему жизнь, когда онъ проситъ пардона на полѣ битвы? Итакъ, влиянію религіи обязаны мы этимуъ закономъ милосердія, который провозглашаетъ на сценѣ Эврипидъ. Еще во времена героическія побѣдитель иногда давалъ свободу побѣжденному за выкупъ; самъ Ахиллъ, герой неумолимый, сознается, что до смерти Патрокла ему было пріятно щадить Троянцевъ ⁵;—тѣмъ болѣе этотъ обычай развился въ послѣдствіи: не только

¹ Strab. IX, p. 285. Ed. Casaub.

² Эти постановленія назывались: *νομὸν τῶν Ἑλλήνων νόμιμα, κοινὰ δίκαια*. Thucyd. III, 59.—Diodor. XVI, 25; XIX, 63. Cp. Schoemann Antiq. p. 366.

³ Cicero de Invent. II, 23. Aeternum inimicitiarum monumentum Graios de Graiis statore non oportet.—Cp. Plutarch. Quaest. Rom. 37. Diodor. XIII, 24.

⁴ Euripid. Heraclid. 985 sq.—Cp. Thucyd. III, 58.

⁵ Иліад. XXI, 104.

человѣколюбіе, но и интересъ воюющихъ сдѣлали его почти всеобщимъ¹. Есть даже примѣры отпуски пленныхъ на честное слово: въ той же самой войнѣ, въ которой Мегаряне и Коринтяне объявили неприкосновенными земледѣльцевъ, пленныхъ приглашали къ столу побѣдителя и отпускали домой съ обязанностію уплатить выкупъ. Тѣ, которые рѣшились бы нарушить этотъ священный обѣтъ, потеряли бы доброе имя не только въ глазахъ непріятеля, но и собственныхъ согражданъ. Пленные, которые внесли выкупную сумму и освободились отъ рабства, пользовались за это гостепріимствомъ побѣдителя, и такъ какъ греческій языкъ не имѣлъ слова для означенія этихъ благородныхъ отношеній, то произошелъ новый терминъ, въ которомъ были соединены мало сродныя въ то время идеи гостя и побѣжденнаго (*δοῦλεύεις*)². Отсюда видно, что война создавала между непріятелями то братство по оружію, которое обыкновенно существуетъ только между людьми, сражающимися подъ однимъ знаменемъ, — рѣдкое и поэтическое исключеніе изъ суровыхъ военныхъ обычаевъ Греціи! Оно раскрываетъ въ народномъ характерѣ то челоѣколюбіе, черты котораго мы преслѣдуемъ. Впрочемъ не одно желаніе получить выкупъ заставляло побѣдителя щадить жизнь побѣжденныхъ, съ этимъ были связаны другіе болѣе важные интересы. Всѣ греческія республики имѣли на маломъ пространствѣ незначительное количество гражданъ, и постоянныя войны могли бы скоро погубить свободное населеніе, если бы непріятели лишали жизни или обращали въ рабство пленныхъ. Отсюда родилась потребность взаимнаго размына: щадить жизнь пленныхъ было полезно для всѣхъ³.

Такимъ образомъ идея права проникала въ область грубаго насилія. Орудіемъ этого прогресса была религія, которая старалась также, хотя и безуспѣшно, искоренить самый постыдный порокъ греческаго поколѣнія — вѣроломство. Вообще нельзя не отдать справедливости попыткамъ язычества къ основанію международныхъ сношеній на началахъ справедливости и взаимнаго довѣрія. Доказательствомъ этихъ стремлений служатъ: священный характеръ, усвоенный посланникамъ и герольдамъ; жертвоприношенія при заключеніи трактатовъ, призваніе боговъ съ цѣлію гарантіи, обезпеченіе конвенцій противъ обмана присягою и т. п.⁴. Присяга возобновлялась ежегодно; договоры хранились въ мѣс-

¹ He. od. V, 77. Ксенофонтъ обѣщаетъ вѣнчать пленныхъ см. Real-Encyclopädie der Alterthumswissenschaft IV, p. 1319.

² Plutarch. Quaest. Gr. 24.

³ См. Thucyd. II, 103; IV, 58; V, 3.

⁴ Herod. IX, 7.—Thucyd. V, 18, V, 47, V. 23. См. Wa ch s m u t h Hell. Alth. II, § 112 p. 340.

тахъ священныхъ среди статуй боговъ ¹. Къ сожалѣнiю всѣ эти предосторожности доказываютъ обширность зла, противъ котораго онѣ употреблялись. Не довѣряя другъ другу, Греки давали клятву за клятвою, чтобы подкрѣпить шаткое обязательство, и между тѣмъ не рѣшались заключать союзы или трактаты навсегда: — такъ мало развито было у нихъ чувство мира. Конечно это условiе, принятое трактатами европейскихъ народовъ, не всегда выполняется, но по крайней мѣрѣ оно открываетъ намъ великую идею международнаго права: убѣжденiе, что миръ есть законъ человѣческаго рода, существуетъ въ современномъ сознанiи; напротивъ въ древности примиренiе, соединенiе, являются только какъ исключенiе, какъ перемирие среди общей войны. Вообще Греки заключали мирные и дружественные трактаты на 100 лѣтъ ²; но едва ли можно указать на соглашенiя, которыя бы вполнѣ сохраняли до срока свою силу: цѣлый вѣкъ спокойствiя и добраго согласiя между народами не встрѣчается въ печальной исторiи тогдашнихъ временъ; принятая присяга тотчасъ же забывалась. Правда, оракулы грозили мщенiемъ виновному и всему его потомству: «отъ присяги, говорила дельфiйская жрица, рождается сынъ безъ имени, безъ рукъ и безъ ногъ; быстрымъ налетомъ онъ бросается на клятвopреступника и губить его вмѣстѣ съ домомъ и поколѣнiемъ, между тѣмъ какъ потомки того, кто свято соблюдалъ свое слово. благоденствуютъ» ³. Но эти угрозы были тщетны. Вѣроломство осталось пятномъ греческаго характера; обманъ перешелъ въ привычку, обратился въ пословицу; измѣна получила въ Греции названiе ессальской шутки; фальшивая монета — ессальской монеты. Не только невѣжественныя поколѣнiя были заклеймены этими пословицами, но даже тотъ народъ, который имѣлъ образцовое законодательство между всеми дорiйскими племенами, котораго цари были такъ справедливы, что боги сдѣлали ихъ судьями аяда, короче сказать, народъ критскiй, — самый вѣроломный изъ всѣхъ Грековъ. Онъ велъ войну только обманами и измѣнническими средствами ⁴: поступать по критски съ Критами значить на греческомъ языкѣ то же, что плутовать съ плутами ⁵. Почти такую же извѣстность приобрѣли себѣ жители острова Эгины и Пароса: подражать Парсцамъ ⁶ и нарушить трактатъ — есть синонимъ. Если въ пословицахъ

¹ Thucyd. V, 23. Polyb. XXVII, 16, 3.

² Thucyd. III, 114. Cp. Herod. IX, 26.

³ Herod. VI, 86.

⁴ *Κριτῆς δὲ ἐφ' ἑδβραι.* Callimach. Hymn. in Iov. v. 8.

⁵ Plutarch. Philop. 13, Lysandr. 20, P. Aemil. 23.

⁶ Polyb. VIII, 21, 5: *πρὸς Κριτῆα κρητίδων.* Cp. VIII, 18, 5: *ὁλέφεις Κρητικῆ.*

⁷ *Ἀρακαριδίδων.* Ephor. fragm., n. 107.

видна народная мудрость, то какое понятие можемъ мы составить себѣ о Греціи? Но будемъ справедливы: въ древности никто не соблюдалъ даннаго неприятелию слова — доказательствомъ служатъ пуническая со-
веть. Одни Римляне имѣли болѣе уваженія къ присягѣ и потому-то были призваны, какъ достойнѣйшіе, къ высокому назначенію: имъ вы-
пало на долю завосаніе міра и соединеніе рода человеческого.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО АНТИЧНОМУ ОТДЕЛЕНІЮ ЭРМИТАЖА.

1. Первый залъ античной скульптуры.

1. Перлъ этого зала есть знаменитая статуя Афродиты (Венеры), известная подъ именемъ Таврической и уже описанная однажды въ «Прописяхъ»¹. Она безспорно принадлежитъ къ самымъ лучшимъ изваяніямъ Венеры, дошедшимъ до насъ отъ древности.

Ея идея — женская красота и грація, возвышенная выраженіемъ непритворной женской стыдливости. Богиня обнажилась, чтобы вскупать и умастить свое тѣло. Вдругъ возникаетъ въ ней опасеніе, чтобы чей набудь нескромный взглядъ не упалъ на нее. Озабоченная, она оглядывается въ сторону, дабы удостовѣриться, что ей не угрожаетъ опасность. Обнаженный станъ ея невольно сгибается; правая нога приподнимается отъ земли и прижимается къ лѣвой; руки ищутъ укрыть грудь и лоно. Таврическая статуя очень похожа на Медицейскую² и можетъ спорить съ нею о первенствѣ. Къ ней вполне относится то, что Винкельманъ³ такъ удачно сказалъ о Медицейской Афродитѣ: «это роза, раскрывающаяся послѣ прекрасной зари при восхожденіи солнца; изъ возраста жесткаго и твердаго, какъ плоды не вполне созрѣвшіе, она вступаетъ въ тотъ возрастъ, когда сосуды начинаютъ расширяться и грудь полнѣетъ: по этому грудь ея болѣе развита, нежели

¹ Т. I. О. 1. стр. 133. Слѣпки съ нея весьма распространены. Ихъ есть нѣсколько въ Московскомъ Художественномъ Классѣ, одинъ — въ Кабинетѣ Древностей Московскаго Университета. Таврическую эту статую обыкновенно называютъ по дворцу, въ которомъ долго хранилась. *Изд.*

² Медицейская статуя наилучшимъ образомъ издана въ *Gallerie de Florence* t. IV. pl. 12.

³ *Werke* Bd. IV. S. 112.

какъ бываетъ въ нѣжныя дѣвичьи годы». Наша статуя походитъ на Медицейскую и по своей необыкновенно маленькой головкѣ, и по длиннотѣ шеи. Оба изваянія отличаются отъ равно превосходной Венеры въ Капитолинскомъ музеѣ¹, въ особенности тѣмъ, что въ этой послѣдней формы выражены съ ббльшею рѣшительностію и полнотою, ибо художникъ хотѣлъ изобразить богиню на болѣе зрѣлой степени телеснаго развитія. Интересно также сравнивать нашу статую съ помѣщеннымъ подлѣ нея торсомъ, представляющимъ Афродиту точно въ такомъ же положеніи. Этотъ торсъ не лишенъ замѣчательнаго художественнаго достоинства, но легко видѣть, что у его ваятеля было меньше тонкое чувство формы, нежели у того художника, которому мы обязаны полнѣе сохранившеюся Таврической статуею. Известно, что всѣ статуи этого разряда въ главномъ своемъ мотивѣ примыкаютъ къ знаменитому оригиналу Книдской Афродиты работы Праксителя, хотя и не составляютъ точнаго повторенія². О нашей статуѣ можно сказать съ увѣренностію, что она произведена никакъ не позже перваго столѣтія нашей эры; впрочемъ она можетъ происходить и изъ II-го и III-го вѣка до Р. X. Въ Петербургѣ она находится со временъ Петра Великаго, которому Папа Климентъ XI «въ угодность подарилъ» ее въ 1719 году³.

Къ сожалѣнію Таврической статуѣ не достаетъ обѣихъ рукъ, изъ которыхъ правая прикрывала грудь, лѣвая пояс; но голова, хотя и наставленная, принадлежитъ этой самой статуѣ. Реставрированы: носъ, небольшая часть волосъ и одежды, наброшенной на сосудъ съ ароматами, и часть правой ступни. Пятна, которыя получилъ мраморъ отъ долговременнаго пребыванія въ землѣ, могутъ нѣсколько портить впечатлѣніе въ челоуѣкѣ, не привыкшемъ разсматривать остатки древнаго искусства; но всякой знатокъ будетъ благодаренъ за то, что при отчищеніи этой статуи не было употреблено крѣпкой водки, которая свела бы пятна, но за то повредила бы эпидерму и лишила бы насъ возможности любоваться этимъ нѣжнымъ, утонченнымъ изяществомъ оригинальныхъ линій и поверхностей.

2. Рядомъ съ богинею любви по всему праву стоитъ ея вседневный спутникъ Эротъ (Амуръ). Онъ изображенъ, какъ довольно часто, въ дѣтскомъ возрастѣ, уже приближающемся къ юношескому. Мотивъ — натягиваше лука — даетъ ему возможность раскрыть передъ зрителемъ характеристическія особенности челоуѣческаго тѣла на этой порѣ жизни.

¹ Bottari Museum Capitolinum T. I. tab. 19. См. также Проплея Т. I. О. I. стр. 131 сл.

² Lewezow, Ob die Medicaische Venus ein Bild der Knidischen sei. Berlin 1806.

³ Документы о ея приобритеніи и перевозкѣ напечатаны въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1848-го года и въ Проплеяхъ Т. I. О. I. стр. 152.

Рыжая живость, очаровательная принадлежность этого возраста, одушевляет все тѣло и особенно выказывается во взглядѣ, который обращенъ не на лукъ, а смотреть вдаль и старается какъ бы уловить тотъ предметъ, на который будетъ направлена стрѣла: глаза петербургиваго олимпійскаго отрока упреждаютъ дѣло, которымъ занимаются руки. Мы лишены возможности опредѣлить или по крайней мѣрѣ предположительно указать мастера, которому первоначально принадлежитъ эта мысль. Но множество повтореній, дошедшихъ до нашего времени, показываетъ, что она была оцѣнена древними по ея достоинству. Лучшимъ изъ многочисленныхъ повтореній считается капитолинская статуя ¹. Наша принадлежитъ также къ числу наилучшихъ; впрочемъ нѣкоторыя особенности ея манеры, именно въ работѣ волосъ и лица, указываютъ на второе столѣтіе по Р. Х. Реставрированы руки отъ локтя, крылья и нѣкоторыя мелочи, какъ-то: носъ, часть шеи и др. Статуя была приобретена отъ папскаго правительства чрезъ мѣну въ 1851 году.

3. Греческая фантазія, которая имѣла обыкновеніе олицетворять все вещественное, населила пространную область горъ, лѣсовъ и полей цѣлымъ рядомъ мифологическихъ существъ, къ числу которыхъ между прочимъ принадлежали такъ называемые сатиры. По своему внутреннему характеру и вѣншему виду эти послѣдніе стояли въ серединѣ между человѣкомъ и животнымъ. Тѣлосложеніе ихъ было крѣпкое, носъ вздернутый и тупой, уши козлиныя, волосы щетинистые и вскокоченные, на шеѣ иногда желваки, сзади хвостъ. Въ лѣсахъ, по горамъ и долинамъ, они занимались охотою, пасли стада, тѣшились пляской и музыкой, сторожили нѣмѣ; наконецъ, сопутствуя Діонису, упивались виномъ и давали полную волю своему рязвому и шаловливому веселью. Ихъ пляска, состоявшая въ подражаніи козлинымъ прыжкамъ, называлась двумя именами: *сіхирис* и *кѳрбаѣ*. Музыкальными инструментами при этомъ служили: цѣвница, свирель, камвалы и *краталы* (нѣчто въ родѣ нашихъ кастаньетъ). Искусство древнѣйшаго времени изображало сатировъ по большей части съ бородою и давало имъ видъ уродливый, похожій на обезьянъ. Но съ теченіемъ времени ихъ сталъ себѣ представлять болѣе и болѣе юными и нѣжными существами пріятнаго и благороднаго вида, такъ что животный элементъ сдѣлался мало замѣтенъ и выказывался почти только въ остроконечныхъ ушахъ. Особенною славою пользовалась картина Протогена—юношественный сатиръ, съ свирелью въ рукѣ, наклоненною головою и задумчивымъ видомъ, отдыхающій отъ своихъ проказъ, прислонясь къ столбу и перекрестивъ ноги. Знаменитый художникъ былъ занятъ въ Родосѣ исполненіемъ этого произведе-

¹ Bottari Museum Capitolinum. T. III. tab. 31.

денія, когда городъ былъ осажденъ Димитріемъ Полиоркетомъ¹. Оно сохраняло славу свою до поздней древности и называлось: *Сатиръ отдыхающій*, *ἀναλαυόμενος*¹. Еще теперь мы имѣемъ множество скульптурныхъ повтореній этой композиціи. До недавняго времени онъ считался за копию одной статуи Праксителиевой, такъ называемаго *Пресловутаго Сатира* (*περιβόητος*). Новѣйшія болѣе точныя изслѣдованія² показали, что послѣдній былъ задуманъ совсѣмъ иначе, и что статуи отдыхающаго сатира, находящіяся въ нашихъ музеяхъ, представляютъ мотивъ Протогеновой картаны. Лучшимъ изъ всѣхъ сохранившихся экземпляровъ признается тотъ, который находится въ Римѣ, въ Капитолинскомъ музѣе³. Императорскій Эрмитажъ имѣетъ пять экземпляровъ, въ томъ числѣ одинъ превосходный. Это именно тотъ, что стоитъ возлѣ описаннаго выше Эрота и былъ вмѣстѣ съ нимъ привезенъ изъ Рима. Въ этой прекрасной статуѣ реставрированы: лѣвая рука почти отъ плеча, кисть правой руки, большая половина базы и дерева, къ которому прислоняется сатиръ, и другія мелочи. Остальные четыре экземпляра, изъ которыхъ два помѣщены въ этомъ же залѣ, а два въ галлерей древней скульптуры, стоятъ очевидно гораздо ниже въ художественномъ отношеніи.

4. Мы упомянули, что пляскою, въ особенности принадлежащею сатирамъ, древность считала дигій и не совсѣмъ благопристойный *кордаксъ*, отъ котораго не далека была по характеру такъ называемая *οικτιμυγία*. По этому-го на безчисленныхъ изваяніяхъ, сохранившихся до нашихъ временъ, мы видимъ, что древніе художники, изображая сатировъ пляшущими, представляютъ ихъ въ угловатыхъ движеніяхъ одной изъ этихъ двухъ плясокъ. Но кромѣ того сатирамъ иногда приписывали пляску болѣе благородную, состоящую изъ тѣлодвиженій плавныхъ и вѣжныхъ и строго соблюдавшію законы приличія и пристойности, — пляску, которая употреблялась въ трагедіи и называлась *ἐμμέλεια*⁴. Художественныя произведенія, изображающія сатировъ въ пляскѣ этого рода, не многочисленны. Преимущественно относятся сюда

¹ Plin. N. H. XXXV, 106. Sequiturque tabulam istius temporis haec fama, quod cum Protogenes sub gladio procecit. Satyrus hic est, quem ἀναλαυόμενον vocant, ut quid desit temporis eius securitati, tenentem tibiis. Cf. Strab. XIV, 965.

См. Проп. Т. V, О. I. стр. 209.

² Stark Archäol. Studien. S. 19. 26.

³ Bottari Mus. Cap. T. III. tab. 32.

⁴ Lucian. de saltatione 22. Τριῶν γούν οὐδῶν τῶν γενικωτάτων ὀρχήσεων, κίρδακος καὶ σικιννίδος καὶ ἐμμελείας, οἱ Διονύσου Σεράφοιτες, οἱ Σάτυροι ταύτας ἐφευρόντες ἀφ' αὐτῶν ἐκάστην ἀνόμισαν. Athen. Deipnos. XIV, 631. Ο μὲν κόρδαξ παρ' Ἑλλήσι φορτικὸς, ἡ δ' ἐμμέλεια σπιυδρία.

статуи сатира, дѣлающаго небольшой шагъ впередъ въ спокойномъ и легкомъ плясовомъ движеніи. Онъ касается земли только пальцами ногъ; голову онъ несетъ высоко, немного позорачиваетъ въ сторону и смотритъ вверхъ; одна рука его опущена, другая поднята и запесена въ сторону. Вѣроятно онъ щелкалъ ею по обычаю сатировъ², или держалъ кроталы, которыми сопровождалъ свою пляску. Эти статуи рѣдки, — но нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ въ нихъ подражаніе какому нибудь знаменитому оригиналу. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находятся два такіе экземпляра. Они стоятъ рядомъ съ двумя статуями отдыхающаго сатира, передъ симъ упомянутыми. Хотя реставрированныя во многихъ частяхъ, онѣ принадлежатъ однакоже къ хорошимъ экземплярамъ. Особенно хорошо передано условленное мотивомъ напряженіе мускуловъ и ихъ расположеніе, уклоняющееся отъ обычнаго. Черты лица одной изъ этихъ двухъ статуй превосходно выражаютъ общій характеръ сатира, а въ мнѣе счастливо уловлено и высказано, какую полную радость и веселье доставляетъ пляшущему его запятіе. Правая рука этой статуи къ сожалѣнію неправильно реставрирована. Новый художникъ не понялъ мотива и вложилъ въ нее яблоко³. Лучше реставрирована правая рука въ другой изъ этихъ двухъ статуй. Но на этой послѣдней голова, по видимому, не античная.

5. Рядомъ стоитъ замѣчательная статуя, остающаяся до сихъ поръ неразрѣшенною загадкою археологіи⁴. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ она находилась во дворцѣ Соранцо въ Венеціи, куда многими вѣками прежде была привезена изъ Греціи. Юноша тонкаго, но крѣпкаго тѣлосложенія стоитъ спокойно подлѣ древеснаго ствола и смотритъ вверхъ, обратившись нѣсколько въ сторону. Строеніе тѣла показываетъ свѣдущаго художника, но черты лица страннымъ образомъ удаляются отъ обыкновенныхъ греческихъ идеальныхъ формъ, и общее выраженіе бездушно. Постановка головы совсѣмъ не изящна; длинныя кудри, покрывающіе сзади шею, работы тяжело и грубо. Руки отъ локтя реставрированы, но сохранившіяся античныя части показываютъ, что обѣ руки были опущены внизъ подлѣ самаго туловища. Новѣйшій реставраторъ не имѣлъ никакого повода дать лѣвой рукѣ это неловкое безсмысленное движеніе и вложить въ правую грифель. Но болѣе сказать объ этой статуѣ трудно. Средства, которыми

¹ Особенно извѣстна изъ нихъ одна, хорошо выполненная, въ Villa Borghese близъ Рима; впрочемъ она очень подлещена и плохо реставрирована. *Mon. um. Ined. publ. dall' Instit. archeol.* T. III, Tav. 59

² Прихѣромъ можетъ служить значительная бронзовая статуя въ Неаполѣ: *Mus. Borbon.* T. II, Tav. 21. Впрочемъ сравн. *Jahrb. Sitzungs-Berichte der kön. Sächs. Ges. d. Wiss.* 1851. S. 172 ff.

³ Рисунокъ ея есть у Кларака въ его *Musée de sculpture*. Pl. 722 N° 1734.

⁴ Издана въ *Revue archéologique* T. V. Pl. 101.

въ настоящее время располагаетъ археологія, недостаточны для того, чтобы опредѣлить ея сюжетъ, и еще тѣмъ менѣе мы можемъ дать ей имя. Можно было бы думать, что она изображаетъ молящагося юношу — мотивъ, встрѣчающійся на другихъ статуяхъ¹, сохранившихся отъ древности: къ этой мысли даетъ поводъ взоръ, обращенный вверхъ. Но въ такомъ случаѣ руки были бы подняты выше, и взоръ устремленъ прямо вверхъ, а не въ сторону. Надобно ожидать, пока новыя открытія доставятъ намъ средство разрѣшить эту загадку. Кроме рукъ въ этой статуѣ реставрированы: носъ и часть базы и пальцевъ ногъ.

6. Порядокъ, въ которомъ размѣщены изваянія этого зала, приводитъ насъ къ разсмотрѣнію маленькой статуи, интересной не по отлѣлкѣ или счастливому сохраненію, а по идѣе, которая въ ней выражена. Во время римской имперіи, когда искусство, ища новизны, обратилось къ фантастическимъ сюжетамъ всякаго рода, не имѣвшимъ ничего общаго съ народнымъ вѣрованіемъ, тогда появился цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ дѣйствительность и міеологія были замѣнены изображеніями изъ дѣтскаго міра, представлявшими дѣтей въ положеніяхъ взрослыхъ людей и даже боговъ и героевъ. Художники, искавшіе необыкновеннаго, сдѣлали еще шагъ далѣе: окруживъ дѣтей атрибутами лицъ, которыхъ мѣсто дѣти заступали, они не стѣснялись строгою выдержкою соответствующаго положенія или дѣйствія. Дѣтскій элементъ получалъ свое мѣсто на ряду съ первоначальнымъ сюжетомъ, и изображеніе оживлялось и разнообразилось мотивомъ дѣтской игры. Но и этотъ міръ, населенный дѣтьми, оказался скоро недостаточнымъ. Старались придать ему новое значеніе и интересъ, и дабы возвысить его надъ обыкновеннымъ и всѣдневнымъ, стали изображать вмѣсто дѣтей маленькихъ Эротовъ и Психей, — первыхъ съ птичьими крылышками, вторыхъ съ крыльями бабочки, — и такимъ образомъ вводили свои сюжеты въ болѣе идеальную сферу этихъ невъжныхъ существъ². Изображенія этого рода дошли до насъ въ удивительномъ множествѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ отличаются такою пріятною и неожиданною оригинальностью, что производятъ самый счастливый эффектъ. Одинъ изъ любимыхъ приемовъ этого времени состоялъ въ томъ, что художники повторяли въ видѣ дѣтей и Эротовъ знаменитыя статуи, изображавшія боговъ и героевъ. Примѣръ послѣдняго представляетъ наша статуя. Мы знаемъ, что въ римское время было очень любимо то изображе-

¹ Самая известная статуя этого рода есть такъ называемый *adorante* въ берлинскомъ Музѣ. Lewezow *De juvenis adorantis signis*. — *Stephani: Bull. hist.-philol. de l'Académie Imp. des sciences*. T. VIII. p. 387.

² Дальнѣйшія подробности объ этомъ обычѣ можно найти въ моемъ сочиненіи: *Der ausruhende Herakles*. S. 95 ff.

ніе Геркулеса, которое дошло до насъ въ знаменитой Фарнезской статуѣ¹: этимъ мотивомъ воспользовались художники и стали изображать дѣтей и Эротовъ въ видѣ Фарнезскаго Геркулеса. Нѣсколько такихъ произведеній дошло до нашего времени²; маленькая статуя, о которой мы теперь говоримъ, занимаетъ между ними не послѣднее мѣсто. Она отступаетъ отъ фарнезскаго мотива только тѣмъ, что львиная кожа покрываетъ собою голову мальчика. Привлекательностью своею она обязана преимущественно высокому достоинству самаго мотива, который принадлежитъ къ счастливейшимъ созданіямъ древности. Какую точку зрѣнія ни изберете, вы съ перваго раза угадываете сюжетъ перво-класснаго изваянія; вездѣ вы видите стройное распределение массъ, совершенное отсутствіе жесткой угловатости, или пробѣловъ, нарушающихъ впечатлѣніе, наконецъ самое богатое разнообразіе членовъ, поддерживающихъ тяжесть туловища, и членовъ поддерживаемыхъ: Фарнезская статуя есть замкнутое цѣлое, какъ по формѣ, такъ и по мысли. Могучая сила, въ героѣ живущая, широкое употребленіе ея, готовность къ новымъ дѣланіямъ, если они будутъ пужны, все это столь же явственно напечатлѣно на этомъ возвышенномъ образѣ, какъ съ другой стороны потребность спокойствія и отдыха и настоящее полное удовлетвореніе этой потребности. И эта двойная мысль въ изображеніи Фарнезскаго Геркулеса не затемнена ничѣмъ постороннимъ и лишнимъ. — Въ нашемъ эротическомъ повтореніи знаменитаго оригинала многія части наставлены и можетъ быть не античны, именно: ноги отъ коленъ, скѣла, часть дубины и правой руки.

7. Насупротивъ маленькаго Геркулеса стоитъ Аѳина (Минерва), которая выгодно отличается отъ многихъ другихъ статуй этой богини рѣзательностью постановки и гармоническою обработкой цѣлаго³. Въ сознаніи своей силы богиня принимаетъ мужественную осанку и какъ бы ожидаетъ, кто дерзнетъ противостать ей. Она составляетъ совершенный контрастъ къ описанной передъ этимъ Афродитѣ. Одежда плотно обхватываетъ ея дѣвственное тѣло, эгида защищаетъ грудь, коринѣскій шлемъ покрываетъ голову; въ правой рукѣ она держала копье, означенное теперь небольшою частію древка, лѣвою она гордо подпирается. Спокойный взоръ ея обращенъ вверхъ и какъ бы вопрошаетъ сильныхъ Олимпа, у кого изъ нихъ найдется охота — испытать свои силы въ борьбѣ съ любимою дочерью Зевса. Реставрирована въ этой статуѣ, кромѣ мелочей, правая рука, но нѣтъ сомнѣній, что она была опущена внизъ и держала копье.

¹ Въ помнутаомъ мѣстѣ, стр. 159 слл., я разсуждалъ подробно обо всѣхъ вопросахъ, касающихся этой статуи, и о многочисленныхъ повтореніяхъ ея.

² Онѣ приведены у меня въ мѣстѣ на стр. 183.

³ Рисункъ ея у Кларака: Musée de sculpture Pl. 170 N° 394.

8. Рядомъ съ Аенной помѣщена колоссальная статуя императора Адриана, изображеннаго съ атрибутами высочайшаго изъ боговъ, Юпитера. Въ правой рукѣ онъ держитъ знакъ неограниченнаго могущества, скипетръ (отъ котораго осталась теперь только часть ствола); въ левой — земной шаръ, ему одному принадлежащій. Онъ одѣтъ не какъ смертный: на немъ нѣтъ туники, верхнее одѣяніе оставляетъ непокрытыми нѣкоторыя части тѣла, ноги свободны отъ обуви. Стилъ статуи показываетъ, что она произведена нѣсколько позже царствованія этого императора. Она впрочемъ очевидно относится къ самымъ лучшимъ статуямъ этой поздней эпохи. Кромѣ другихъ незначительныхъ частей въ ней реставрированы руки, но нѣтъ сомнѣнія, что совершенно вѣрно.

9. Древнее искусство во время своего процвѣтанія изображало преимущественно жизнь боговъ и героевъ и поставляло главною своею задачею создать для нихъ формы, отличающіяся наивозможною возвышенностію и красотою. Но и на лучшей своей порѣ оно не пренебрегало сюжетами изъ вседневной человѣческой жизни. Только обработка этихъ сюжетовъ носила рѣшительный отпечатокъ преобладавшаго идеальнаго направленія. Художники были совершенно далеки отъ копированія дѣйствительности. Идеальное направленіе было живительнымъ началомъ искусства, и художникамъ не приходило на мысль поставить себѣ задачею и признать за коренное начало въ искусствѣ такую вѣрность подражанія дѣйствительности, какую мы находимъ напримѣръ въ фламандскихъ *tableaux de genre*. Напротивъ художество постоянно старалось даже и вседневную жизнь возвысить надъ дѣйствительностію. Нѣкоторые художники александрійскаго времени, изображавшіе сюжеты изъ этого круга, стали впрочемъ болѣе или менѣе приближаться къ направленію новѣйшей живописи, и еще чаще это встрѣчается въ римское время. Но и тогда искусство не доводило этого направленія до такой крайности, какую мы видимъ въ новое время. Произведенія этого рода, дошедшія до насъ изъ римскаго времени, состоятъ по болѣе части въ рельефахъ и живописи. Статуи гораздо рѣже. Тѣмъ болѣею цѣнностію и занимательностію имѣетъ статуя, поставленная рядомъ съ Адрианомъ. Говорятъ, что она привезена въ Петербургъ еще въ царствованіе Петра Великаго. Она изображаетъ поселянина, одѣтаго въ платье греческихъ чернорабочихъ, *ἐξομῆς*¹. Въ мѣшкѣ, который виситъ у него слѣва на ремнѣ идущемъ черезъ правое плечо, несетъ онъ двухъ пѣтуховъ, а въ правой рукѣ держитъ какое-то четвероногое животное — вѣроятно для продажи въ городѣ. Голова, шея и грудь сельскаго жителя ра-

¹ Becker Ch. rikles Th III S. 162 2-го изданія.

ботаны превосходно и не без ловкаго подражанія дѣйствительности. Нельзя того же сказать объ одеждѣ, рукахъ и ногахъ, и еще менѣе о животныхъ. Это объясняется общею привычкою древнихъ исполнять поверхностно второстепенныя принадлежности. Изображеніе и подробное объясненіе этой статуи издано Кёлеромъ ¹. Она составлена изъ многихъ частей, впрочемъ по ббльшей части античныхъ и принадлежащихъ статуѣ. Новой работы только: правая голень, часть правой руки и некоторыя части животнаго, находящагося у старика въ правой рукѣ. Какое это животное, сказать трудно: овечка, козленокъ или сайга?

10. Нѣсколько подалѣе стоитъ колоссальная статуя Антонина Пія. Нельзя впрочемъ рѣшить, изображала ли она первоначально этого императора; потому что голова ея, хотя и античная, наставлена. По всему вѣроятію, голова не принадлежала къ статуѣ: костюмъ, драпировка и весь характеръ статуи указываютъ скорѣе на изображеніе сановника, ученаго или поэта, нежели на изображеніе римскаго императора. Костюмъ точно такой, какой употребляли знатные Римляне внѣ военной службы. Мы легко узнаемъ нижнее одѣяніе съ короткими рукавами (туника) ², широкое верхнее одѣяніе, которое по обычаю римскаго времени заброшено на лѣвое плечо (тога) ³, обыкновенную римскую обувь (soleae) ⁴, и внизу у ногъ ящикъ съ свертками папируса (scipium) ⁵. Реставрированы: правая рука и кисть лѣвой, многія части одежды, ступни ногъ и ящикъ съ рукописями, по всѣ эти дополненія очевидно сдѣланы правильно.

11. Совершенно въ другомъ видѣ представляетъ императора Марка Аврелія стоящая неподалеку колоссальная статуя. Голова и на ней наставлена, но несомнѣнно принадлежитъ ей, и вообще эта статуя отличается хорошимъ сохраненіемъ. Не смотря на нѣсколько спазъ, которые на ней замѣтны, въ ней нѣтъ ничего неантичнаго, за исключеніемъ одной части правой руки. Императоръ стоитъ въ спокойномъ положеніи, одѣтый въ одну хламиду, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ въ правой рукѣ было копьѣ, котораго теперь нѣтъ, но котораго остатокъ сохранился на базѣ. Статуи этого рода имѣли своимъ назначеніемъ выставлятъ на видѣ воинскую доблесть изображеннаго. Костюмъ былъ заимствованъ отъ статуѣ древнихъ героевъ и въ осо-

¹ Memoires de l'Acad. Imper. des scie.nc. Série VI. T. III. p. 55.

² Becker Gallus Th. III. S. 117.

³ Id. ibid. S. 107.

⁴ Id. ibid. S. 130.

⁵ Id. ibid. S. 526.

бенности отъ изображеній Ахилла; по этому ихъ называли — *statuae Achilleae* ¹.

12. Наконецъ въ этой залѣ заслуживаютъ вниманія двѣ мраморныя плиты, украшенныя рельефами. Онѣ составляли первоначально переднія стороны римскихъ саркофаговъ. Художественное достоинство ихъ незначительно. Но онѣ заимствуютъ интересъ отъ круга идей, къ которымъ относятся ихъ изображенія. Одинъ изъ этихъ двухъ рельефовъ, исполненный въ стилѣ весьма грубомъ и во многихъ мѣстахъ дополненный новѣйшими реставраціями, представляетъ девять музъ и ихъ божественныхъ предводителей, Аполлона и Минерву. Подлѣ перваго видны грифонъ и воронъ, подлѣ второй сова и змѣя, охранявшая ея святилище на аѳинскомъ акрополѣ. На второмъ изъ двухъ рельефовъ изображены два сѣинкса, какъ архитектурное украшеніе, и между ними Плутонь, сопутствуемый маленькимъ богомъ любви и увлекающій Персефону (Прозерпину) въ подземное царство. За Плутоновой колесницей видны три нимфы, въ сопровожденіи которыхъ Прозерпина играла на лугу, когда ее вдругъ похитилъ страшный властитель преисподней. Минерва, принимавшая участіе въ игрѣ дѣвъ, также находится здѣсь. Она одна имѣетъ смѣлость воспротивиться могучему богу и спѣшить за нимъ, чтобы вырвать добычу. Мать Персефоны Деметра (Церера) уже замѣтила отсутствіе дочери. На другомъ концѣ изображенія спѣшить она по горамъ и доламъ на колесницѣ, везомой двумя большими змѣями, съ горящими факелами въ рукахъ, и ищетъ свою любимую дочь.

Оба изображенія принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ сюжетамъ, которыми въ римское время украшались саркофаги ². Въ эту эпоху, когда вѣра въ посмертную жизнь колебалась, искусство, желая оживить надежду на безсмертіе и вмѣстѣ доставить утѣшеніе родственникамъ умершаго, выбирало для саркофаговъ мнѳологическія изображенія, заключавшія въ себѣ указаніе на возвратъ изъ преисподней или вообще на счастливую жизнь по смерти ³. Ни одинъ сюжетъ не былъ такъ приличенъ для этого, какъ похищеніе Прозерпины, этой цвѣтущей дѣвы, увлеченной Плутономъ отъ любящей матери въ царство смерти, но потомъ по просьбамъ Деметры получившей отъ Зевса право проводить жизнь свою полгода въ нижнемъ и полгода въ верх-

¹ Plin. Nat. Hist. XXXIV, 18. *Togatae effigies antiquitus ita dicebantur. Placere et nudaе tenentes hastam ab ephēborum e gymnasiis exemplaribus, quas Achilleas vocant. Graeca res nihil velare, at contra Romana ac militaris thoracas addere.*

² Нѣсколько изображеній перваго изъ этихъ двухъ сюжетовъ приведены мною въ прибавленіяхъ къ Кёлеровымъ *Gesamm. Schriften Th. III. S. 533*. Самые важныя изъ рельефовъ со вторымъ сюжетомъ перечислены у Велькера въ *Zeitschrift für alte Kunst S. I*.

³ Дальнѣйшія подробности въ моемъ сочиненіи: *Der ausruhende Herakles S. 40*.

немъ міръ, такъ что она равно принадлежала и царству смерти и царству жизни. Музы съ ихъ проводителями Аполлономъ и Минервой представляли также сюжетъ способный влить утѣшеніе въ душу, смущенную смертію. Ихъ изображеніемъ на саркофагъ высказывалось, что умершій, оставая земную жизнь, уносится на Олимпъ и вступаетъ въ кругъ этихъ божественныхъ существъ. На одномъ изъ саркофаговъ этого рода мы находимъ подпись: «И послѣ смерти монѣ тѣломъ Музы владѣють.»

. καὶ μετὰ τὴν θάνατον
Μοῦσαι τὸ βῆμα μου κρατοῦσιν. ¹

II. Второй залъ античной скульптуры.

1. Между драгоценными статуями этого зала первое мѣсто принадлежитъ колоссальной женской статуѣ, которая помѣщена на не видномъ мѣстѣ и потому не тотчасъ обращаетъ на себя вниманіе. Она находилась прежде во дворцѣ Альгаротти въ Венеціи и составляетъ часть значительнаго ряда статуй, отъ котораго дошли до нашего времени еще три статуи, именно двѣ находящіяся въ библиотекѣ св. Марка въ Венеціи и одна въ публичномъ музеѣ въ Мантуѣ ². Всѣ четыре въ точности подходятъ одна къ другой, по величинѣ, стилю и общему характеру. Для опредѣленія сюжета мы имѣемъ вѣрное указаніе въ одной изъ статуй, хранящихся въ Венеціи. Въ правой рукѣ она держитъ маску, и какъ маска, такъ и рука, объантивчныя. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что это муза, а отсюда слѣдуетъ, что некогда было восемь другихъ статуй, составлявшихъ съ нею одно цѣлое. Къ этому-то цѣлому несомнѣнно принадлежали три остальныхъ названныя нами статуи, и между ними наша петербургская. У всѣхъ этихъ статуй одна рука опущена внизъ и первоначально держала какой нибудь характеристической атрибутъ; другая рука была поднята вверхъ въ сторону. Последнее заставляетъ полагать, что эти музы служили кариатидами ³ въ какомъ нибудь большомъ зданіи, напр. театрѣ. Только такимъ предположеніемъ объясняется это движеніе руки при совершенно спокойномъ положеніи остальнаго тѣла. Удивленія заслуживаетъ вся концепція этихъ возвышенныхъ изваяній, широкая манера въ изображеніи формъ тѣла, спокойное движеніе драпировки, одинаковой у всѣхъ четырехъ, наконецъ простота стила, которая въ нѣкоторыхъ частностяхъ, какъ

¹ Franz. Corp. Inscr. Graec. N. 6287.

² Рисунки всѣхъ четырехъ статуй въ Annali dell' Instit. archeol. T. XXIV. Tav. d'agz. A — D.

³ О кариатидахъ вообще можно справиться съ статейкой Преллера въ Annali dell' Inst. archeol. T. XV. p. 306.

напримѣръ въ постановкѣ погъ, въ работѣ волосъ, въ особенности же въ этихъ шести симметрически ниспадающихъ на грудь локонахъ, доходить до нѣкоторой строгости и заставляетъ отнести первоначальную композицію къ эпохѣ Фидія. Но если всмотрѣться внимательно въ отдѣлку подробностей, напр. въ работу глазъ, рта, складокъ одѣянна, то опытный глазъ замѣтитъ отсутствіе той точности и опредѣленности, которая составляетъ принадлежность оригинальныхъ произведеній того времени, и которой мы удивляемся, изучая памятники, еще теперь находящіеся въ Греціи. Поэтому для опытнаго археолога не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти четыре статуи, при всемъ ихъ высокому художественномъ достоинствѣ, не суть однакоже оригиналы, происходящіе изъ Фидіевыхъ временъ, а копии, сдѣланныя съ тѣхъ оригиналовъ можетъ быть въ эпоху Августа. Наилучшую аналогію къ этимъ статуямъ составляетъ превосходная ватиканская каріатида, которая, какъ извѣстно, есть копія знаменитой каріатиды аѣническаго Эрехееона ¹, произведенная во время Августа аттическимъ художникомъ Диогеномъ. Впрочемъ если наша статуя и не можетъ имѣть притязанія на славу оригинала, происходящаго изъ IV-го или V-го столѣтія до Р. Х., то очевидно, что она передаетъ древній оригиналъ съ невозможною вѣрностію и не можетъ происходить изъ времени болѣе поздняго, нежели время Августа. Во всякомъ случаѣ она принадлежитъ къ самымъ драгоценнымъ изъ дошедшихъ до насъ остатковъ античной скульптуры. Реставрированы на ней: вся нижняя часть отъ колѣнъ, правая рука и кисть лѣвой съ находящеюся въ ней книгою.

2. Наряду съ музой-каріатидой заслуживаетъ особеннаго вниманія статуя Діониса (Бакха), болѣе нежели въ естественную величину, стоящая прямо противъ входа въ залу ². Къ сожалѣнію она составлена изъ такого множества античныхъ и новыхъ кусковъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже трудно отличить оригинальныя части отъ реставрированныхъ; но значеніе цѣлаго не уменьшается отъ того и не становится сомнительнымъ. Діонисъ изображенъ здѣсь передъ нами точно такъ, какъ его представлялъ себѣ Анакреонъ ³, когда восклицалъ къ нему: «Эротъ могущественный, и темноокія нимфы, и Афродита пурпурная соучастники твоихъ утѣхъ, о царь; а ты направляешь свой бѣгъ по вершинамъ высокихъ горъ. Преклоняю предъ тобою колѣна.»

*Ἦναξ, ᾧ δαμάλης Ἔρωσ;
καὶ Νύμφαι: κυανώπιδες;
πορφυρέη τ' Ἀφροδίτη*

¹ См. мое примѣчаніе въ журналѣ Шнейдевина *Philologus* Th. V. S. 178.

² Рисунокъ находится у Кларака: *Musee de sculpture*. Pl. 695. No. 1813. Слѣпокъ можно видѣть въ Кабинетѣ Древностей Московскаго Университета.

³ Bergk. *Poetae Lyrici* S. 775. No. 2. ed. 2.

θυμπαίζουσιν· ἐπιστρέφει δ'
 ἰψηλῶν κορυφᾶς ὄρέων.
 γουνοῦμαί σε.

Діонисъ является здѣсь какъ юношественный богъ, блуждающій по горамъ и лѣсамъ и сопровождаемый шумнымъ весельемъ. Поэтому его обувь состоитъ изъ охотничьихъ сапоговъ ¹, нижнее одѣяніе подобрано и подпоясано по обычаю охотниковъ, а поверхъ накинута шкура пантеры и короткое верхнее одѣяніе. Но художникъ не забылъ его тѣсной связи съ богинею Афродитой. Діонисъ опирается на маленькую женскую фигуру гіератическаго строгаго стиля ² въ длинномъ одѣяніи, которое она нарядно придерживаетъ и немного приподнимаетъ лѣвою рукою по обычаю пишущихъ. Мы встрѣчаемъ довольно часто подобныя изображенія ³; вездѣ мы видимъ, что въ правой рукѣ онъ держитъ гранатный цвѣтокъ, который совершенно вѣрно реставрированъ и на нашей статуѣ. На основаніи многихъ данныхъ археологія признаетъ эти фигуры за изображеніе то Афродиты, то Эльпиды (Надежды). Въ нашей статуѣ выборъ не подлежитъ сомнѣнію: это конечно Афродита, которую упоминаетъ и Анакреонъ въ приведенномъ мѣстѣ. Реставрированы обѣ руки главной статуи съ находящимися въ нихъ атрибутами и правая рука маленькой фигуры.

3. Между меньшими статуями этого зала отличается своимъ изяществомъ статуя Асклепія (Эскулапа), замѣчательная по своему превосходному сохраненію. Богъ, правившій драгоценною для всего міра цѣлебною силою природы и употреблявшій ее преимущественно для блага людей, изображенъ здѣсь въ своемъ обычномъ величественномъ спокойствіи, съ тѣмъ характеромъ, который ведетъ свое начало вѣроятно отъ знаменитаго кумира пергамскаго храма. Образованіе лица и обработкѣ волосъ приближается, какъ обыкновенно, къ типу Зевса. Широкое верхнее одѣяніе ясно обрисовываетъ крѣпкое сложеніе тѣла. Въ правой рукѣ Асклепій держитъ жезлъ, безъ котораго мы его почти никогда не встрѣчаемъ. Ему нуженъ былъ этотъ посохъ въ его странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто для оказанія помощи страждущему человечеству—то благимъ советомъ, то спасительнымъ дѣломъ. Поэтому посохъ Эскулапа бываетъ обвить его неразлучною спутницею змѣею, которая, какъ кажется вслѣд-

¹ *Ευδρονιδας*: Becker Charikles Th. III S. 227 2-го изданія.

² О гіератическомъ стилѣ см. Проппен Т. I, О. I. стр. 1 сл., въ статьѣ г. Благовѣщенскаго.

³ См. напр. Проппен Т. I, О. I. стр. 74 и рисунокъ № 2.

ствіе повѣрья о ея способности обновляться, была принимаема за символъ цѣлительной силы ¹, а иногда и за самого Эскулапа ².

4. Подлѣ бога врачующаго помѣщена спокойная и самодовольная фигура одного изъ спутниковъ Бакха, дородный бородатый мужчина съ лысою бородою и заостренными ушами (форму ушей можно еще разсмотрѣть не смотря на поврежденіе), одинъ изъ тѣхъ старыхъ сатировъ, которыхъ звали силенами ³. Его тѣло поросло волосами, чѣмъ означаетъ болѣе животный, чѣмъ человѣчскій характеръ силен-старца, *Σειληνῆς πάππος* ⁴. Большія заботы не удручали его тѣла, которое округлилось и переполнилось. Художникъ превосходно изобразилъ эту сопливую дородность, которою силенъ повидимому такъ доволенъ. Онъ нисколько еще не думаетъ отказаться отъ наслажденія жизнью. Лысая голова его увѣнчана виноградною вѣтвію, въ лѣвой рукѣ у него кисть винограда, въ правой чаша съ виномъ. Раскрытый ротъ показываетъ, что онъ сопровождаетъ пѣніемъ питье воодушевительнаго напитка. Тяжесть его тѣла не позволяетъ ему принимать участіе въ рывкихъ прыжкахъ его собратій. Онъ принужденъ прибѣгать къ разнымъ средствамъ, чтобы облегчить свои ноги. Онъ прислоняется къ древесному стволу и перекрещиваетъ ноги ⁵. Единственное свое одѣяніе, шкуру пантеры, онъ сбросилъ съ себя: она лежитъ на стволѣ. Реставрированы: чаша, ноги отъ колѣнъ, нижняя часть ствола и нѣкоторыя мелочи; реставрація несомнѣнно правильна ⁶.

5. Но вотъ совершенная противоположность къ тяжеловѣсному спутнику Бакха: мы стоимъ передъ подвижнымъ и легкимъ, тонко сложеннымъ сыномъ Маіа, котораго характеръ лучше бросается въ глаза при такомъ сосѣдствѣ. Между тѣмъ какъ старый Силенъ, утѣшая себя пѣніемъ и виномъ, предается безпечному спокойствію, юный вѣстникъ боговъ смотритъ внизъ задумчиво и серьезно и какъ бы размышляетъ о разныхъ дѣлахъ и подвигахъ, которые предстоятъ ему на всѣхъ мѣстахъ міра, и которые онъ намѣревается исполнить или по собственному побужденію, или по порученію Зевса. Характеръ работы показываетъ, что мы должны приписать эту маленькую статую Гермія (Меркурія)

¹ Schol. Aristoph. Plut. 733. 'Αριστεύεται δὲ (δράκων) τῷ Ἀσκληπιῶ, ἐπειδὴ τὴ γῆρας ἀποβάλλει, καὶ ἡ ἱατρικὴ δὲ φυλάττει φύσει τὸ νέον, ἔκδοσθα τὰ νοσήματα.

² Почти во всѣхъ домахъ держали ручныхъ змій. Stephani, der ausruhende Herakles, S. 63.

³ Pausanias I. 23. 5. Τοὺς γὰρ ἡλεκίαι τῶν Σατύρων προήκοντες ὀνομάζουσι Σειληνοὺς.

⁴ Pollux IV. 142. Σατυρικὰ δὲ πρόσωπα Σάτυρος πολιός, Σάτυρος γενεῶν, Σάτυρος ἀγίναιος, πλὴν ὅσοις ἐκ τῶν ὀνομάτων αἱ παραλλαγὰι δηλοῦνται, ὥσπερ καὶ ὁ πάππος Σειληνὸς τὴν ἰδίαν ἐστὶ Θηριωδέστερος.

⁵ Болѣе подробностей объ этомъ обычѣ см. въ моемъ сочиненіи: Der ausruhende Herakles s. 173 ff.

⁶ Рисунокъ этой статуи у Кларака: Musée de Sculpture Pl. 730 N 1757.

одному изъ хорошихъ художниковъ римской эпохи. Къ сожалѣнію она составлена изъ очень многихъ частей, и голова наставлена; впрочемъ очевидно, что голова античная и принадлежала къ этой самой статуѣ. Маленькія крылья, которыя очень часто украшаютъ голову или шляпу быстроногаго бога, реставрированы на мѣстахъ античной приставки. Короткіе курчавые волосы и чрезмѣрно большія, какъ бы разбитыя уши не должны казаться странностью. Это принадлежность Гермія, какъ предводителя юношей и бога гимнасій. Левая рука почти вся новой работы. Она держала безъ сомнѣнія жезлъ глашатаевъ, такъ называемый *κρημῆϊον*, *caduceus*¹. Правая рука составлена изъ мелкихъ, но по большей части античныхъ кусковъ; даже отъ кошелька, который находится въ этой рукѣ, одна частица кажется античная. Кошелекъ есть рѣдкій атрибутъ Меркурія. Избирая его, художникъ могъ имѣть въ виду барыши, которые Меркурій даруетъ купцамъ, или вообще богатство нѣдръ земли, происходившее, по мнѣнію древнихъ, отъ плодотворящей силы Гермія².

6. Изъ числа остальныхъ статуй этого зала я упомяну еще небольшую женскую статую, стоящую за Меркуріемъ и замѣчательную не столько по своему художественному достоинству, сколько по сюжету. Это древняя главная богиня Египта, представительница все поражающей и все питающей природы, Исида, которая довольно рано стала пользоваться поклоненіемъ у Грековъ и Римлянъ и была прославлена у нихъ въ многочисленныхъ изображеніяхъ. Наша статуя произведена по всему вѣроятію въ Италіи, около втораго вѣка по Р. Х. Голова и обѣ руки у ней приставныя. Последнія кажется даже новой работы, но голова несомнѣнно античная и повидямому принадлежала статуѣ. Въ ней нѣтъ ничего портретнаго; напротивъ она показываетъ обыкновенныя идеальныя черты греческаго искусства, но въ стилѣ гѣратическомъ и принужденномъ, что особенно замѣтно въ очертаніяхъ подбородка, рта, глазъ и волосъ. Одежда состоитъ въ длинномъ нижнемъ одѣяніи, на которое наброшено большое, бахрамоу украшенное, верхнее одѣяніе. И замѣтимъ, что оно наброшено тѣмъ оригинальнымъ способомъ, который составляетъ исключительную принадлежность Исиды и ея жриць. Одна часть его окутываетъ голову и плечи, какъ покрывало, между тѣмъ какъ другая охватываетъ остальное тѣло и сдерживается на груди узломъ. Гѣратическая принужденность, замѣчаемая въ формахъ лица, не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, какъ старательно придерживались древніе этого стариннаго стила, именно въ изображеніяхъ Исиды. Въ пра-

¹ См. о кадудцѣ Преллера въ Шнейдевиновомъ *Philologus* 1846 S. 512.

² Подробности объ этомъ значеніи кошелька смотри у Яна *Sitzungsberichte der kaiserl. Acad. Ges. der Wiss.* 1849 S. 102.

вой рукъ безъ всякаго сомнѣнія первоначально находился музыкальный инструментъ, такъ называемый *σειβτρον*, *sistrum*.

7. Между бюстами, которыми такъ богатъ этотъ залъ, занимаетъ первое мѣсто превосходная голова Ахилла. Энергія Пелеева сына и его глубокая чувствительность, обнаружившаяся особенно въ его отношеніи къ Патроклу, равномѣрно выражены въ благородныхъ юношескихъ формахъ лица. На ланитахъ замѣтны лишь первые признаки пробивающейся бороды; пряди волосъ съ скромною простотою выдвигаются изъ подъ могучаго шлема. На последнемъ кромѣ обычнаго украшенія — сфинкса и грифоновъ — замѣтно еще болѣе рѣдкое изображеніе — двѣ собаки, которыя, кажется, отыскиваютъ чутьемъ по землѣ чей-то слѣдъ. Поводомъ къ этому орнаменту было очевидно употребленіе, для котораго собаки служили въ древности на войнѣ¹. Къ сожалѣнію этотъ превосходный бюстъ, остающій далеко позади себя всѣ остальные извѣстные изображенія Ахилла, не остался безъ поврежденія. Сфинксъ и панашъ на шлемѣ принадлежатъ почти совершенно новѣйшей реставраціи; кромѣ того — кончикъ носа и нижняя губа. Но что мы имѣемъ передъ собою Ахилла, а не Арея (Марса), въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться длинные волосы и явственно выраженный задумчивый характеръ лица.

8. Не меньшимъ достоинствомъ отличается бюстъ Аѳины, поставленный симметрически съ Ахилловымъ. Величественность, сила, мудрость, дѣвственная чистота напечатлѣны на ясномъ челѣ, на благородныхъ ланитахъ, на глазахъ спокойно взирающихъ, и напечатлѣны такъ явственно, какъ на немногихъ изображеніяхъ этой дѣятельной богини. Уши были просверлены для припятія золотого или бронзоваго украшенія. Реставрированы: кончикъ носа и небольшія части отличающагося простотою коринтскаго шлема.

9. Насупротивъ Аѳины стоитъ хорошо-исполненный бюстъ Сераписа, бога, пользовавшагося въ римское время всеобщимъ поклоненіемъ. Древнѣйшимъ мѣстомъ служенія ему была Синопа; Птолемен перенесъ его отсюда въ Египетъ, а изъ Египта впоследствии поклоненіе ему распространилось повсюду, гдѣ только жили Греки и Римляне². Двѣ главныя стороны его существа, свойство бога подземнаго и бога цѣлительнаго, нашли въ его типѣ счастливое выраженіе. Кротость и спокойствіе высказываются въ выраженіи глазъ и чертаніи устъ, между тѣмъ какъ чело, покрытое нависнувшими прядями волосъ, обличаетъ мрачную думу царя преисподней. На головѣ Сераписа, какъ обыкновенно, находится

¹ Дальнѣйшія подробности объ этомъ можно найти у Келера въ *Gesammelte Schriften*. Th. III. S. 22 и въ моемъ примѣчаніи тамъ же на стр. 230.

² Parthey въ изданіи Плутархова сочиненія *Isis et Osiris* стр. 213. Сл. Проппель Т. IV, стр. 372.

круглый сосудъ, которымъ мѣряли хлѣбъ, modius; онъ украшенъ тремя лавровыми деревьями.

10. Педалеко отъ Сераписа стоитъ бюстъ неизвѣстнаго Римлянина. Манера исполненія, впрочемъ тщательнаго, и въ особенности означеніе зрачковъ углубленіемъ, встрѣчающееся на мраморныхъ изваяніяхъ лишь послѣ времени Адриана¹, указываютъ на вторую половину втораго вѣка по Р. Х. Вниманіе любителя древности особенно возбуждаетъ широкая полоса, идущая на одеждѣ поперекъ черезъ грудь. Такая полоса нерѣдко встрѣчается на римскихъ бюстахъ; но, не смотря на многократное стараніе, еще не удалось найдти для нея вполне достовѣрнаго объясненія².

11. Вблизи двери, черезъ которую посѣтитель входитъ въ этотъ залъ, обращаетъ на себя вниманіе двойной бюстъ Діониса. Онъ замѣчательнъ не только по рѣдкости двойныхъ бюстовъ вообще, но и по превосходному стилю, въ которомъ онъ исполненъ. Съ одной стороны мы видимъ изображеніе бога въ возрастѣ перешедшемъ предѣлъ мужества, съ длиною бородою и благородными формами лица, съ священными повязками и виноградными вѣтвями на головѣ: эта форма передаетъ идею, лежащую преимущественно въ основаніи азіатскихъ вѣрованій. Съ другой стороны тотъ же богъ, но юношественный и безбородый, съ чертами лица не менѣе благородными, но болѣе нѣжными и болѣе соответствующими чисто греческому, свѣтлому представленію; голова бога и съ этой стороны украшена точно также.

12. Счастливыи эффектъ по противоположности своего характера производитъ стоящій возлѣ бюстъ того же бога. Здѣсь почти скрылось то духовное благородство, которому мы удивляемся въ обоихъ изображеніяхъ двойнаго бюста. Здѣсь Діонисъ является только какъ сила, живущая и дѣйствующая въ виноградѣ и почти съ нимъ тождественная. Формы его тѣла теряются въ формахъ этого растенія; волосы на бородѣ и головѣ переходятъ въ листья и плоды винограда.

13. Накопецъ не слѣдуетъ пропустить безъ вниманія бюстъ съ слѣдующей надписью:

M· AVR· AVG· LIB·
IRENEVSATIVTOR
TERMARVM· TRAI·A·

т. е. «вольнотпущенникъ Марка Аврелія Августа, Иреней, помощникъ въ Траяновыхъ термахъ.» — Голова этого бюста наставлена.

¹ Подробно говорилъ я объ этомъ въ моемъ сочиненіи: Der ausruhende Herakles S. 188.

² O. Müller въ Бѣттигеровой Amalthea Th. III. S. 256. и въ Zeitschrift für Alterthumswissenschaft. 1845. S. 107. Hawkins: Marbles in the British Museum T. X. Pl. 12.

14. Надъ статуею музы вдѣлано въ стѣну нѣсколько замѣчательныхъ рельефовъ. Самый важный изъ нихъ есть довольно большая плита, въ началѣ прошедшаго столѣтїя находившаяся на островѣ Самось и уже тогда изданная Турнефоромъ, только въ обратномъ изображенїи¹. Мы видимъ лежащаго на постели мужчину, занимающагося ѣдою и питьемъ. Передъ нимъ стоитъ небольшой столъ, уставленный сосудами и яствами, и подлѣ стола мальчикъ, играющій съ маленькою собакою. У груди лежащаго извивается змѣя, это демоническое существо, которое было у древнихъ спутницею и охранительницею даже на паршествахъ². По сторонамъ сидятъ двѣ женщины, каждая въ сопровожденїи служанки, а въ углу изображенїя виденъ виночерпїй подлѣ большаго кратера. Въ верхней своей части плита раздѣлена на четыре поля, изъ которыхъ въ первомъ изображена лошадиная голова, во второмъ верхушки двухъ деревь, въ третьемъ шлемъ и предметъ похожій на панцырь, въ четвертомъ щитъ. Такія плиты сохранились до нашего времени въ большомъ числѣ, но по большей части представляютъ менѣе сложные изображенїя. Въ этомъ же залѣ есть другая подобная плита, третья находится въ галлерей античной скульптуры, и фрагменты четвертой и пятой въ залѣ керченскихъ древностей подлѣ N° N° 25 и 26³. Своимъ происхожденїемъ онѣ обязаны поклоненїю усопшимъ. Это были приношенїя въ честь умершихъ, изображающїя тѣ наслажденїя, которыхъ они должны были достигнуть за гробомъ, по вѣрованїю, весьма распространенному въ древности⁴.

15. Не менѣе интересна маленькая плита, вдѣланная въ стѣну тотчасъ подлѣ предыдущей. Это также приношенїе (знаема). На немъ изображены три нимфы, изъ которыхъ средняя держитъ передъ собою большую раковину, а двѣ другія выливаютъ воду изъ сосуда. Сверху высѣчены слова:

FOLIA· HEROIS· NYMPHIS

снизу:

NITRODIAES· D· D· CVRAVIT· M· V· D
D I O M E D E S

Изъ этого мы видимъ, что какал-то Фолїя Героида посвятила это приношенїе нимфамъ Нитродамъ. Поклоненїе этимъ Нитродамъ известно только на островѣ Искїа близъ Неаполя. На этомъ островѣ существуютъ еще теперъ теплые источники, насыщенные тѣмъ минераломъ,

¹ Voyage du Levant (1718) T. I. p. 167.

² Seneca De ira II, 31: Aspice—repentes inter pocula vinusque innoxio lapau dracones.

³ См. Der auzruhende Herakles S. 82.

⁴ Въ доселѣ неизвѣстныхъ плиты этого рода приведены мною и объяснены подробнѣе въ выше упомянутомъ сочиненїи стр. 78 слл.

который древніе называли нитромъ. И теперь еще, какъ въ древности, эти источники прилежно посѣщаются большими и доставляютъ большую пользу. Древніе приписывали ихъ цѣлебную силу нимфеамъ, которыхъ они называли Нитродами (Nitrodes), и которыми они приносили по возстановленіи здоровья, въ знакъ благодарности, обѣтныя плиты. Къ числу такихъ плитъ принадлежитъ находящаяся передъ нами. Ихъ всѣ, сколько ихъ было тогда извѣстно, я перечислилъ и объяснилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹. Не можетъ быть сомнѣнія, что и нашъ рельефъ происходитъ изъ острова Искіи.

16. По другую сторону того рельефа, о которомъ мы говорили подъ № 14, находится мраморная плита, посвященная богу Митрѣ, перенесенному въ греческую и римскую религію позднѣйшаго времени изъ азіатскихъ странъ. Какъ обыкновенно, Митра изображенъ здѣсь въ азіатскомъ одѣваніи; онъ попираетъ ногою быка и закаляетъ его. На быка въ то же время нападаютъ ракъ, змѣя и собака, а сверху смотритъ на него воронъ ². Надъ изображеніемъ мы читаемъ надпись:

D. DEO
MARCI
FOR TV NA
TVS

INVICTO · D
MATTI
ET · ALEXANDER
ET · PARDVS
ET · EFICAX

а внизу его:

PER . . . L · ALEXANDRO · PATRE.

17. Между рельефами, вѣданными въ другой стѣнѣ, замѣчательнъ одинъ надгробный камень чисто греческаго стиля. Уже самая его форма — небольшая ширина сравнительно съ высотой — свидѣтельствуетъ о его греческомъ происхожденіи. Но еще явственнѣе выказывается греческій духъ въ благородной простотѣ рельефа. Мы видимъ одну только фигуру спокойно стоящаго юноши, ничѣмъ не окруженную; наклоненная голова показываетъ глубокую грусть объ оставленіи здвннятаго міра. Важенъ для насъ этотъ рельефъ еще тѣмъ, что по его аналогіи можно съ достовѣрностью дополнить недостающія части прекраснаго фрагмента, находящагося въ залѣ керченскихъ древностей подъ № 27.

18. Подлѣ этого камня находится рельефъ едва ли меньшаго художественнаго достоинства. Въ самомъ изящномъ стилѣ онъ изображаетъ

¹ Titul. Graec. Part. V. стр. 24 и слѣд.

² Почти полный перечень подобнаго рода произведеній можно найти у Лажара — Recherches sur le culte de Mithras. Paris 1847.

трехъ Мойръ (Паркъ), этихъ могущественныхъ богинь, которыя, по вѣрованію древнихъ, зачинають, прядуть и разрываютъ нить человеческой жизни ¹. Отъ одной, которая стоитъ, сохранились къ сожалѣнію только немногія части. Вторая сидитъ и прядетъ. Третья, опираясь на колонну и имѣя въ рукѣ глобусъ, ставитъ гороскопъ. Съ этимъ превосходнымъ и еще совсѣмъ неизвѣстнымъ ученому міру рельефомъ, можетъ быть поставлена на ряду только та плита, которая находится во владѣніи г. Гумбольдта и о которой было такъ много говорено ².

III. Галерея античной скульптуры.

1. Входящій въ галерею прежде всего находитъ передъ собою у ея дверей двѣ статуи болѣе нежели естественной величины. Онѣ были найдены въ близости Керчи въ 1850 году и изданы недавно въ вышедшемъ большомъ описаніи древностей Босфора Киммерійскаго, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ ³. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ представляютъ двухъ супруговъ и принадлежали ихъ общему памятнику, воздвигнутому вѣроятно въ I-мъ столѣтіи по Р. Х. На это время указываетъ съ достовѣрностью ихъ стиль. Къ превосходному исполненію присоединяется удивительное, почти безпримѣрное сохраненіе. Видимыя части тѣла, лицо ⁴, шея и руки, имѣють цвѣтъ болѣе свѣтлый и болѣе нѣжнаго тона, нежели какъ на остальномъ мраморѣ. Онѣ были очевидно напѣтаны воскомъ, сообразно съ любимымъ обычаемъ древнихъ художниковъ, для подражанія нѣжности тѣла. Женщина имѣетъ на ногахъ сандали, тщательно исполненныя, длинное нижнее одѣяніе и широкое верхнее. Последнее служитъ вмѣстѣ и покрываломъ. Правую руку она придерживаетъ его на груди, — мотивъ, который въ то время былъ въ большой модѣ для портретныхъ статуй и особенно общезвѣстенъ по знаменитой такъ называемой Геркуланіанкѣ, находящейся въ Дрезденѣ ⁵. Статуя мужчины позоряетъ одинъ изъ тѣхъ мотивовъ, который Греки означали выраженіемъ *ἀνδρῶν τῆς παιδείας* ⁶. Мы видимъ мужчину во всей полнотѣ силъ. Онъ стоитъ спокойно; правая рука его придерживаетъ на груди одѣяніе, плотно охватывающее его тѣло,

¹ Весьма полное собраніе вѣхъ указаній, касающихся до этихъ богинь, находимъ у Клаузена въ *Zeitschrift für Alterthumswissenschaft* 1840 S. 217.

² См. Велькера: *Zeitschrift für alte Kunst* Taf. 3 и Schincke: *Leben und Tod, oder die Schicksalsgöttinnen*. Leipzig 1825.

³ Древности Босфора Киммерійскаго. Заглавный листъ № 7. 8. О нихъ говорено въ *Пропискахъ* Т. I. О. II, стр. 98.

⁴ Vitruv. VII, 9

⁵ Becker Augusteum Th. I. Taf. 19—22.

⁶ Spratt and Forbes: *Travels in Lycia* T. II. p. 278. Keil, *Hallische Litteratur-Zeitung* 1848. № 163.

между тѣмъ какъ лѣвая рука, въ которой безъ сомнѣнія находился свертокъ папирова, бездѣйственно опущена внизъ. На ногахъ мы замѣчаемъ особеннаго рода греческую обувь, весьма похожую на наши чулки (росси). Подлѣ стоитъ связка свертковъ папирова и снабженный замкомъ ящикъ, заключающій въ себѣ предметы пужные для письма.

2. Не далеко отъ этихъ статуй у стѣны противоположной окнамъ стоитъ маленькая статуя, которая привлекаетъ къ себѣ вниманіе живостью мотива и ловкостью исполненія. Это мальчикъ, поднимающій обѣими руками свою любимую птичку и весело ея любующійся. Изображенія этого рода, схваченныя изъ жизни, были у древнихъ очень любимы и сохранились до нашего времени въ большомъ числѣ изъ всѣхъ отраслей искусства¹. Во второмъ залѣ античной скульптуры Эрмитажа есть двѣ такія статуи, но какъ опъ, такъ и большая часть статуй другихъ музеевъ далеко уступаютъ въ художественномъ достоинствѣ этому превосходному произведенію. Жаль, что оно потерпѣло столь значительныя поврежденія. Рѣзцу восстановителя принадлежатъ ноги отъ колѣна, руки и голова, но цѣль сомнѣній, что новѣйшій художникъ вѣрно понялъ древній мотивъ.

3. Какъ по архаическому стилю, такъ и по рѣдкости матеріала заслуживаетъ вниманія торсъ Аѣины, который стоитъ неподалеку. Цѣлоцѣлаго трудно опредѣлить по причинѣ значительнаго поврежденія. Видно только, что богиня была изображена стоя и въ снокойствіи. Пьедесталь статуи составляетъ интересный подробный жертвенникъ, украшеніе котораго, какъ часто, заимствовано изъ бакхическаго круга. На передней сторонѣ находится латинская надпись, и кромѣ того мы видимъ опьянѣлаго силеца, ѣдущаго верхомъ на ослѣ. Предшествуетъ ему Панъ и старается принудить осла идти впередъ; сзади слѣдуетъ сатиръ. На каждой изъ боковыхъ сторонъ изображено по менадѣ (ваханкѣ) въ бакхическомъ изступленіи. Заднюю сторону украшаетъ пляшущій сатиръ; у ногъ его стоитъ мистическая циста съ обыною змѣею, выползающею изъ подъ крыши; крышу приподнимаетъ пантеръ. Надпись гласитъ такъ:

P S C A N T I V S P L
O L Y M P V S
F E C I T S I B I V A L X X
S I N E C R I M I N A E
V I T A E E T S C A N T I A E A G E L E C O N L I B E R T
O P T I M A E D E S E B E N E M E R I T A E

¹ К. Fr. Hermann Der Knabe mit dem Vogel. 1817. Jahn Sitzungs-Berichte der kön. Sächs. Gesellsch. der Wiss. 1848. S. 49. Stephani: Bull. hist.-philol. de l'Acad. Imp. des sciences T. IX. стр. 217.

т. е. «Публий Сканцій Олимпъ соорудилъ для себя и для Сканціи Агелы, соотпущенницы дражайшей, много добраго для него сдѣлавшей. Жилъ онъ семьдесятъ лѣтъ безъ укоризны.»

4. Нѣсколько шаговъ далѣе помѣщенъ необыкновенно изящный фрагментъ памятника, принадлежащаго къ тому же кругу,—голова со статуи юношественнаго Діониса. Въ ея формахъ, исполненныхъ съ необыкновенною чистотою и точностью, чуднымъ образомъ соединяется возвышенное величіе съ выраженіемъ мечтательной и нѣжной душевности. Узкая повязка, лежащая на благородномъ челѣ бога мистерій, и вѣнокъ изъ плюща, перевивающій его густые волосы, много содѣйствуютъ увеличенію эффекта, производимаго цѣлымъ. Надъ головою замѣтны остатки руки, приводящіе къ заключенію, что статуя изображала Діониса, какъ онъ, предавшись покою и мечтамъ, положилъ—по любимому у древнихъ обычаю¹—правую руку себѣ на голову. Реставрированы: шея, губы, носъ и нѣкоторыя части кисти руки.

5. Немного далѣе стоитъ третій замѣчательный памятникъ, принадлежащій тому же кругу идей,—передняя часть саркофага, на которомъ изображена спящая Аріадна и приближающійся къ ней Діонисъ. Последний занимаетъ среднее мѣсто въ цѣломъ. Онъ опирается на сатира и весь погрузился въ безмолвное удивленіе покоящейся дѣвы. Панъ и Эроть сопутствуютъ ему и служатъ. Они поднимаютъ одежду, которая покрывала прекрасную героиню. Еще одного сатира привлекло любопытство. Онъ старается какъ можно лучше рассмотреть неожиданное зрѣлище и дѣлаетъ рукою жестъ, который у Грековъ назывался *ἀποβοκείν*². Остальные спутники кажется еще ничего не успѣли замѣтить. Слѣва мы видимъ сатировъ, Пана, менадъ (бакханокъ) и мальчиковъ. Не обращая вниманія на то, что происходитъ близъ нихъ, она забавляются между собою, пляшутъ, тѣшатся музыкой. Направо приносится жертва божеству, которое не легко определить. — Изображенія этого рода были очень употребительны на саркофагахъ римскаго времени, какъ было уже замѣчено выше. Аріадна представляетъ собою покойницу; приближающійся богъ указываетъ на то, что онъ призываетъ къ новой жизни лежащую въ саркофагѣ и приметъ ее въ свое сообщество, подобно тому, какъ онъ некогда избралъ себѣ въ супруги оставленную Тесеемъ Аріадну.

¹ Подробности объ этомъ обычаѣ можно найти въ моемъ сочиненіи: *Der ausruhende Herakles*. S. 132.

² Подробно объ этомъ жестѣ я говорилъ въ *Bull. hist. - philol. de l'Acad. Imp. des sciences* T. XII. p. 278 = *Mélanges greco-rom.* T. I p. 552.

6. Рядомъ съ этою плитой стоитъ надгробный камень, немного лѣтъ тому пайденный въблизи Смирны и замѣчательный преимущественно по своей надписи ¹. Онъ былъ назначенъ сохранить память объ одномъ четырнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, по имени Трифонъ, который изображенъ на немъ вмѣстѣ съ своею любимою собакой. Надпись гласитъ:

*Ζητεῖς, ὧ παροδεῖται, τίς ἢ στήλλη, τίς ὁ τύμβος,
τίς δὴ ἐν τῇ στήλλῃ εἰκῶν νεότευκτος ὑπάρχει;
Τίς Τρίφωνος, τοῦνομα τὰτὸν ἔχων,
τεσσαραναίδεκα ἔτη δόλιχον βίотου σταδιεύσας,
τοῦθ' ἰποτεῶν γέγονα στήλλη, τύμβος, λίθος, εἰκῶν.*

т. е. «Ты спрашиваешь, о путникъ, чтò это за камень, чтò за гробница, чтò это за новое изваяніе видно на камнѣ? — Сынъ Трифона, то же имя носящій. Четырнадцать лѣтъ бѣжалъ я по стадіи жизни, и вотъ чѣмъ наконецъ сдѣлался — плита, гробница, камень, изображеніе.»

7. Высокимъ достоинствомъ отличается помѣщенная возлѣ этого надгробнаго камня женская голова. Благородная величавость и прелесть женской граціи равно выражены на этомъ лицѣ. Въ художественномъ исполненіи замѣтна такая точность и чистота очертаній и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственность и свѣжесть чувства, что нельзя не узнать греческаго рьзца. О сюжетѣ не можетъ быть сомнѣнія. Мы стоимъ передъ Афродитой (Венерой) и должны не задумываясь отнести эту голову къ наилучшимъ изъ сохранившихся изображеній этой богини.

8. Напротивъ этой головы помѣщенъ на ствѣнѣ рельефъ, едва-ли уступающій ей въ художественномъ достоинствѣ: Геба, богиня юности, подаетъ на Олимпѣ Зевсову орлу нектаръ, напитокъ боговъ. Все въ этомъ рельефѣ показываетъ высокое совершенство: юношественныя формы женскаго тѣла, изящное движеніе линий, которыми оно очерчено, наявная грація, съ которою рука богини касается головы пьющаго орла, достоинство и сила, высказывающіяся въ формахъ царственной птицы. Дополненія, сдѣланныя новѣйшимъ художникомъ, можно также назвать удачными.

9. Изъ надгробныхъ жертвенниковъ, расположенныхъ въ соседствѣ этого рельефа, слѣдуетъ отличить тотъ, который украшенъ изображеніемъ охоты за кабаномъ, любимаго сюжета во II-мъ и III-мъ столѣтіи по Р. Х. Страшное животное выходитъ изъ своей берлоги и уже успѣло поразить одного охотника и одну собаку. Двѣ другія собаки и три охот-

¹ См. Stephani: Bull. hist. - philol. de l'Acad. Imp. des sc T, XI. p. 238. = Mélanges gr. - rom. T. I. p. 411.

ника берутся продолжать борьбу, между тѣмъ какъ двое другихъ людей спокойно ожидаютъ ея окончанія. Обработка подробностей показываетъ уже недостатокъ тонкаго чувства формъ, характеризующій позднее время. Надпись слѣдующая:

D. M
C. CORNELI
ZOTICI
AMICI
OPTIMI
T. FI. CERDO
HERES

т. с. «Манамъ Корнелія Зотика, друга превосходнаго, наследникъ его Цердонъ.»

10. Легкимъ и плавнымъ исполненіемъ отличается рельефъ помещенный немного далѣе. Два сатира забавляются музыкой и пляской. Одинъ, играющій на двойной свирѣли, имѣетъ на шеѣ вѣнокъ изъ плюща, по обычаю, очень употребительному въ древности ¹. Другой сатиръ надѣлъ себѣ плющевый вѣнокъ на правую руку, которою онъ, кажется, щелкаетъ; въ лѣвой онъ держитъ зайца, этого постояннаго спутника сатировъ, близкаго къ нимъ и по своей жизни въ лѣсахъ и поляхъ, и по своей трусливой и вмѣстѣ эротической натурѣ ².

11. Къ драгоценнѣйшимъ художественнымъ памятникамъ этого зала принадлежитъ еще фрагментъ статуи нагаго юноши съ длинными ниспадающими волосами и съ грустнымъ поникшимъ взглядомъ. Найденъ онъ былъ въ Римѣ на склонѣ Квиринала въ саду Мути, и равно замѣчательнъ по работѣ и по сюжету. Только двѣ подобныя статуи дошли еще до нашего времени, и притомъ обѣ въ такомъ же поврежденіи. Одна изъ нихъ находится въ Римѣ въ Ватиканскомъ музеѣ ³, другая въ Неаполь ⁴. Относительно обѣихъ было много спору, представляють ли онѣ Эрота, или смертный сонъ. Поникшій взглядъ и вообще грустное выраженіе, а равно и то обстоятельство, что на нашей статуѣ несомнѣнно не было крыльевъ, говорятъ въ пользу послѣдняго толкованія; колчанъ и лукъ, отчасти античные въ неапольской статуѣ, указываютъ на Эрота. Вѣроятно, надобно разумѣть эти статуи такъ, что онѣ изоб-

¹ См. мое сочиненіе: Der ausruhende Herakles. S. 35.

² Jah n Sitzungs - Berichte der kön. Sächs. Ges. der Wiss. 1854, S. 255, Stephani Bull. hist.-phil. de l'Ac. Imp. des scienc. T. XII, p. 291 = Mélanges gréco-rom. T. I, p. 565.

³ Visconti, Mus. Pio. Clem. T. 1. Tav. 12.

⁴ Mus. Borbon. T. VI. Tav. 25.

ражаютъ генія смерти въ образъ Эрота—представленіе, бывшее въ ходу въ римское время ¹.

12. Недалеко отсюда стоитъ греческій надгробный камень, привезенный съ острова Эгины ². Онъ украшалъ некогда гробницу двѣнадцатилѣтняго отрока Темистокла изъ Антиохіи, который изображенъ на немъ сидя на возвышеніи съ стригиломъ (полукруглымъ желѣзомъ ³, которымъ скоблили себѣ тѣло послѣ намащенія) и одною игрушечкою въ рукѣ ⁴. Подлѣ него стоитъ, опираясь на герму, сопутствуемый собакою взрослый человекъ, отецъ его или учитель. Внизу мы читаемъ надпись:

*Αντιοχίῃ Θεμιστόκτου ἀεθλοφίρου κόνις ἦδε
κεύθει δωδεχέτη παῖδα Θεμιστοκλέα,
ὃς βουλὰν καὶ θάρσος ἔχων ἰσὶ ὀμιώνυμφ ἀνδρὶ
θνήσκει τὴν Μοῖρῶν οὐ προφυγῶν δύναμιν.*

т. е. «Пыль эта покрываетъ увѣчаннаго побѣдою двѣнадцатилѣтняго Темистотова сына, Антиохійца Темистокла, который духомъ и разумомъ былъ похожъ на одноименнаго мужа, но не избѣгнулъ могущества Мойръ (Паркъ) и умеръ.»

13. Помлнутый камень стоитъ на римскомъ надгробномъ жертвенникѣ, богато украшенномъ архитектурными орнаментами. Мифологическое изображеніе, которое мы находимъ на этомъ жертвенникѣ, показываетъ пеловкву работу III-го столѣтія по Р. Х., но важно для насъ по рѣдкости сюжета. Сирены—такъ рассказывали древніе ⁵—надменно ставили себя въ пѣніи и музыкѣ выше самыхъ музъ; онѣ вызвали музъ на состязаніе, но, суетныя, были побѣждены; въ знакъ побѣды музы вырвали у нихъ перья и украсили ими свои головы. На нашемъ жертвенникѣ мы видимъ одну изъ побѣжденныхъ сиренъ, удаляющуюся послѣ состязанія и еще держащую въ рукѣ флейты. Одна муза слышитъ вырвать у нея нѣсколько перьевъ ⁶.

IV. Залъ вазъ.

Роскошно украшенный залъ, къ описанію котораго мы обращаемся, содержитъ въ себѣ богатое собраніе тѣхъ расписныхъ глиняныхъ со-

¹ Stephani Der ausruhende Herakles S. 30.

² Stephani Bull. hist.-philol. de l'Acad. Imp. des scienc. T. IX. p. 273.—Mélanges gréco-rom. T. I. p. 193. Keil Philologus T. VIII. S. 171.

³ *στλεγγίς* Becker Charikles Th. III, S. 78 2-го изд.

⁴ Маленькая колесница, *ἀμαξίς*, Jahn Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Gesellsch. der Wiss. 1854. S. 249. Въ изданіи мною прежде сего описаніи сказано по ошибкѣ *τροχός* вмѣсто *ἀμαξίς*.

⁵ Pausan. IX, 34. 2.

⁶ Самое знаменитое изъ дошедшихъ до насъ изображеній подобнаго рода — это плита саркофага во Флоренціи. Millingen Unedited Monum. T. I. Pl. 15.

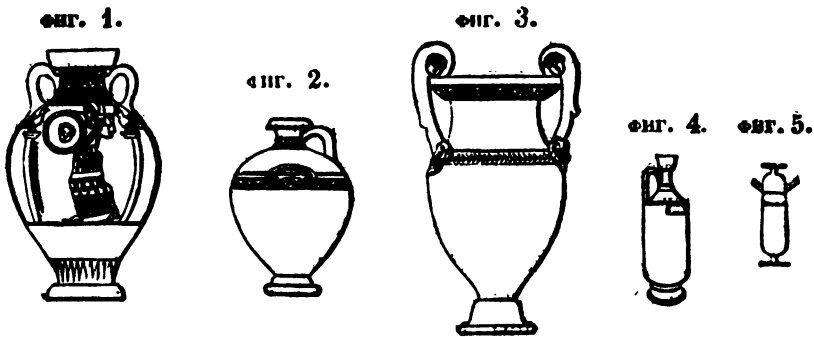
судовъ, которые въ началъ прошлаго столѣтїа, когда они въ первый разъ сдѣлались известными, были названы *этрусскими вазами*, отчасти по незнацію, отчасти вслѣдствіе патріотической наклонности итальянскихъ ученыхъ приписывать древне-итальянское происхожденіе сколько можно большому числу художественныхъ произведеній. Такимъ образомъ случилось, что до сихъ поръ еще не перестали означать эти сосуды именемъ этрусскихъ вазъ, хотя несомнѣнно, что всѣ они, даже и тѣ, которые были найдены въ Этрурін, суть чисто греческій фабрикатъ¹.

Мнѣстомъ походы этихъ сосудовъ служатъ почти исключительно гробницы, но весьма рѣдко вазы бывають въ нихъ употреблены для храненія пепла. Обыкновенно онѣ стоятъ или лежать вокругъ трупа или висятъ на стѣнахъ гробницы. Многія изъ нихъ, какъ несомнѣнно показываютъ нѣкоторыя обстоятельства, уже служили потребностямъ ежедневной жизни, прежде нежели были употреблены для погребальной цѣли. Другія не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ употребленія, или даже совсѣмъ не были для него назначены, какъ напримѣръ вазы немураленныя извнутри, или тѣ сосуды изъ разрада называвшихся въ древности *βυτᾶ* (сосуды для питья, имѣющіе видъ рога), въ которыхъ нѣтъ отверстія. Такія вазы служили, можетъ быть, для украшенія жилищъ, или изготовлялись именно лишь для употребленія въ гробницахъ. Вообще же вазы помѣщались въ гробницахъ съ тою самою цѣлю, съ которою мертвыхъ окружали многими другими предметамъ утвари. И по смерти не хотѣли отказать покойникамъ въ тѣхъ вещахъ, которыя были имъ особенно прїятны при жизни, и въ которыхъ, какъ полагаемъ, они будутъ нуждаться. Замѣтимъ однакоже, что мнѣніе нѣкоторыхъ археологовъ, будто эти вазы служили воспоминаніемъ разныхъ событій жизни, напримѣръ свадьбы, дней рожденія, одержанныхъ побѣдъ и т. п., не имѣетъ достаточнаго основанія.

Относительно разнообразныхъ формъ и связаннаго съ ними различнаго употребленія этихъ сосудовъ, обыкновенно раздѣляютъ ихъ на четыре разрада: 1) сосуды, въ которыхъ сохранялись хозяйственные припасы, 2) сосуды, въ которыхъ разводили вино водою, 3) сосуды, которыми черпали напитки, и наконецъ 4) сосуды, изъ которыхъ пили. Даже тѣ вазы, которыя не были изготовляемы для этихъ потребностей и служили только украшеніемъ жилищъ, по большей части подходятъ подъ одну изъ этихъ четырехъ формъ, которыя такимъ образомъ могутъ быть признапы за главныя. Впрочемъ древніе писатели, въ особенно-

¹ Общіе вопросы относительно расписныхъ сосудовъ наилучшимъ образомъ разсмотрѣны Яномъ въ введ. къ его Beschreibung der Vasensammlung König Ludwigs (München 1834).

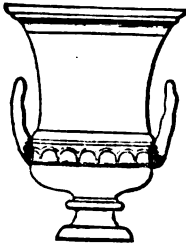
сти изъ позднѣйшаго времени, передали намъ множество именъ вазъ, заимствованныхъ отъ формы, матеріала, назначенія и отъ другихъ особенностей, а иногда отъ многихъ изъ этихъ свойствъ вмѣстѣ. Но показанія древнихъ такъ не точны и запутаны, и самое употребленіе именъ въ древности было такъ разнообразно и неопредѣленно, что весьма немногія имена допускаютъ приравненіе къ сохранившимся сосудамъ ¹. Мы приведемъ только самыя важныя ихъ этихъ именъ, тѣ, которыхъ значеніе не подлежитъ сомнѣнію и которыя поэтому мы будемъ употреблять при слѣдующемъ за симъ описаніи вазъ Эрмитажа.

Изъ большихъ сосудовъ хозяйственнаго назначенія сюда относятся *амфоры* (*αμφορέϊς*, amphora, diota), въ которыхъ сберегали вино, масло, медъ (фиг. 1 и 3), и *морим*, въ которыхъ носили воду, а иногда и другія жидкости (фиг. 2); изъ меньшихъ сосудовъ — *лекивы* (*λέκιθος*) (фиг. 4) и *албастры* (фиг. 5) (*ἀλβάστρον*), служившіе для храненія благоуханныхъ маселъ. Сосуды, въ которыхъ при пиршествахъ мѣшали вино съ водою, носили общее имя *кратеровъ*, къ которому присоединяли для дальнѣйшаго обозначенія много разныхъ прилагательныхъ (фиг. 6). Изъ числа сосудовъ для черпанія самымъ важнымъ была *прохура* (*πρόχους*, *πρόχους*); имъ возливали вино изъ кратеровъ въ чаши для питья; по скольку этотъ сосудъ употреблялся для разливки вина, его называли *энохей* (*οἶνοχ'η*) (фиг. 7). Сосуды для питья раздѣляются на чаши и кубки. Наиболее употребительная изъ чашъ была снабжена ручками и ножкой и называлась *клизма* (*κλίμα*) (фиг. 8). Изъ кубковъ заслуживаетъ особеннаго упоминанія широкій *скифосъ*

¹ Что объ этомъ предметѣ излагается въ сочиненіяхъ Нильсона (*Lecherons ant. des véritables noms des vases grecs. Paris, 1820*), Гергарда (*Annali dell' Inst. arch. T. III. стр. 221 слл.*) и Краузе (*Angelologie. Halle 1854*), не имѣетъ прочнаго значенія въ наукѣ. Важно одно только изслѣдованіе Уссинга: *De nominibus vasorum graecorum disputatio.* Kopenh. 1819. Дѣя I, I. стр. LXXXVI примыкаетъ къ результатамъ этого изслѣдованія.

фиг. 6.

фиг. 7.

фиг. 8.

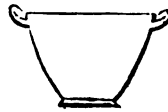
фиг. 10.

фиг. 11.

фиг. 9.

(*κύφος*), любимый кубокъ Геркулеса (фиг. 9), и канваръ (*κάνθαρος*) съ высокою ножкой и двумя большими ручками; его мы находимъ особенно часто въ рукахъ Діониса (фиг. 10). Далѣе сюда же относится *ротъ* (*κέρας*), сосудъ, названный такъ по виду и имѣвшій въ остромъ концѣ отверстіе, чрезъ которое жидкость текла въ ротъ тонкою струею; вслѣдствіе того сосуды этого рода назывались также *ρύτά* (фиг. 11).

Древнѣйшіе изъ сохранившихся расписныхъ вазъ относятся несомнѣнно къ VI-му столѣтію до Р. Х., а отчасти, можетъ быть, восходятъ и ко времени болѣе древнему. Съ тѣхъ поръ до перваго столѣтія передъ началомъ христіанской эры эта отрасль художественныхъ произведеній была въ постоянномъ, хотя и не всегда въ одинаково-обширномъ употребленіи. Въ древнѣйшія времена главнымъ мѣстомъ производства былъ Коринѣъ; въ эпоху высшаго процвѣтанія древняго искусства — Аѣны, а съ половины третьяго вѣка до Р. Х. — города Апуліи и Луканіи. Коринѣъ и Аѣны производили эту отрасль промышленности весьма дѣятельную и обширную торговлю, что не мѣшало однакожъ и другимъ городамъ собственной Греціи и колоній изготовлять расписныя вазы въ болѣемъ или меньшемъ количествѣ. Ихъ находили до сихъ поръ почти во всѣхъ странахъ, куда только проникало греческое образованіе и греческій вкусъ. Естественно предполагать, что первое мѣсто между этими странами должна занимать собственная Греція, т. е. материкъ и острова; если эти мѣста относительно числа сосудовъ, вырытыхъ по настоящее время, далеко уступаютъ многимъ городамъ Италіи, то это происходитъ лишь отъ того, что въ Греціи не было еще производимо обширныхъ систематическихъ разрытій. Какъ богата почва Греціи памятниками этого рода, показываетъ весьма значительное число вазъ, которыя уже до сихъ поръ совершенно случайно были найдены въ Аѣнахъ, Коринѣѣ и на островѣ Эгинѣ. То же самое можно сказать о городахъ мало-азіатскаго берега, напримѣръ о Смирнѣ, Ксанѣѣ и другихъ, между тѣмъ какъ въ разныхъ частяхъ Крымскаго полуострова, въ особенности въ Керчи, гдѣ производились систематическія раскопки, не было недостатка въ обильной добычѣ по части распис-

ныхъ вазъ. Въ Африкѣ интересныя находки были сдѣланы въ особенности въ Бенгази (древней Береникѣ) и въ Триполѣ. Довольно много сосудовъ было открыто въ Мальтѣ, и особенно много вазъ замѣчательной красоты почти во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ въ древности городахъ Сициліи, именно въ Ченторби (Кентурипы), Лентини (Леонтины), Палаццо (Акры), Террануова (Гела), Джирдженти (Агривенти). Въ Бруттиумѣ и Калабріи до сихъ поръ оказывалось мало вазъ, но тѣмъ значительнѣе находки, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ Апуліи, гдѣ гробницы были тщательно разрываемы. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать Руво (Руби), мѣсто прославившееся своими вазами уже съ половины прошлаго столѣтія. Но и Фазано (Гнація), Альтамура (Лупация), въ особенности же Челіе (Целія) и Бари (Баріумъ, Баръ-градъ) имѣютъ большое значеніе. Луканія не уступаетъ Апуліи. Арменго, Кастеллюччіо, Анци (Анксія), Пестъ и Эболи извѣстны какъ по числу, такъ и по достоинству вазъ, которыя были найдены въ тамошнихъ гробницахъ. Впрочемъ и другія мѣста Луканіи, какъ напримѣръ Пистиччи, Сан-Арканджело, Потенца (Потенція), Ачеренца (Ацерунція) и др. дали находки заслуживающія вниманіе. Въ Кампаніи Нола и Сант-Агата-де-Готи (Плестія) приобрѣли уже съ давнихъ временъ славу за множество и за красоту своихъ сосудовъ. Кумы, Капуя и нѣкоторые другіе города Кампаніи также сберегли намъ весьма замѣчательные экземпляры. Въ свѣрхой Италіи особенно извѣстна Этрурія, какъ мѣсто давнишнихъ обширныхъ раскопокъ: она доставила несчетное множество глиняныхъ сосудовъ. Главныя открытія были сдѣланы въ Черветри (Цере), Вольчи и Кьюзи (Клузіумъ); кромѣ того многія другія мѣста, какъ-то Изола-Фарнезе (Веи), Сельва-ла-Рокка, Корнето (Тарквини), Бомарцо, Перуджія (Перузія), Вольтерра (Волатерры) и разныя другія до Мантуи и Адрии служили болѣе или менѣе къ обогащенію существующихъ нынѣ собраній.

Хотя всѣ эти расписныя сосуды имѣютъ между собою весьма много общаго, тѣмъ не менѣе однакожь они представляютъ столь важныя различія по стилю, по формѣ, по технику и по надписямъ, что на основаніи этихъ различій можно опредѣлять съ нѣкоторою точностью время, къ которому данный сосудъ относится. Древнѣйшія вазы отличаются отъ другихъ блѣдно-желтымъ тономъ глины; фигуры нарисованы черноватою или коричневою краскою, рядомъ съ которой нрѣдко употребляются фіолетовая и бѣлая; всѣ эти краски имѣютъ очень мало глянца. Украшенія состоятъ преимущественно изъ фигуръ животныхъ: львы, пантеры, олени, козлы, бараны, лебеди, пѣтухи, и существа баснословныя: сфинксы, сирены, грифоны. Встрѣчаются впрочемъ и человѣческія фигуры, именно крылатыя женщины, мужскія и женскія фигуры, оканчивающіяся тѣломъ рыбы и т. д. Эти изображенія бывають

размѣщены весьма просто, одно подлѣ другаго, и образуютъ длинныя полосы, идущія въ нѣсколько рядовъ вокругъ сосуда. Какого нибудь опредѣленнаго индивидуальнаго дѣйствія мы стали бы тщетно искать на этихъ древнѣйшихъ вазахъ. Но формы онѣ все почти подходятъ подъ три разряда: лекнеовъ, прохусовъ и глубокихъ чашъ. Какъ изображенія, такъ и стили имѣютъ весьма много сходства съ произведеніями азіатскаго искусства, въ особенности съ тѣми, которыя были найдены въ Ниневіи и Вавилонѣ. Это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что начатки горшечнаго дѣла въ Греціи не обошлись безъ азіатскаго вліянія. Что касается до времени, къ которому относится главная масса глиняныхъ сосудовъ этого разряда, то мы едва ли ошибемся, если укажемъ на VI-е столѣтіе до Р. X.

Вторую группу образуютъ тѣ сосуды, которые, сохраняя все особенності, составляющія отличіе первой группы, отдаляются отъ нея тѣмъ, что наряду съ фигурами животныхъ и орнаментами представляютъ изображенія лицъ, соединенныхъ для одного дѣйствія. Мы видимъ на этихъ сосудахъ отчасти общія изображенія сценъ всѣдневной жизни, напримѣръ кабанью охоту, воиновъ на колесницѣхъ или на конѣ, отчасти мифологическія сцены, въ особенности изъ троянскаго, геркулесоваго, эвскаго и каледонскаго круга. Рисунки сохраняютъ тотъ же характеръ, какъ и въ предшествовавшей группѣ. При спокойномъ положеніи фигуры—натянута неподвижность, въ движеніи—резкость и отсутствіе гибкости, вообще недостатокъ знакомства съ формами человѣческаго тѣла, оказывающійся особенно въ неправильности сокращеній. Но при всей этой неловкости постоянно замѣтны старательность и неослабное прилежаніе къ дѣлу. Таковы главныя черты этого стиля. Надписи, находящіяся на сосудахъ, оказываютъ діалектъ и принадлежатъ отчасти дорійской, отчасти аттической и свидѣтельствуютъ о коринтскомъ и аеянскомъ происхожденіи этихъ сосудовъ. Время опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что они показываютъ уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ сосудами первой группы. Мы должны относить ихъ ко второй половинѣ VI-го и къ первой половинѣ V-го столѣтія до Р. X.

Третья группа обнимаетъ вазы съ черными фигурами по красному полю. Формы сосудовъ этой группы разнообразнѣе и красивѣе: преобладаютъ здѣсь амфоры (съ двумя ушками), гидрии (съ тремя ушками), чаши, прохусы и лекнеи. Изображенія располагаются уже не полосами, какъ въ предшествовавшихъ группахъ, но каждая отдельная поверхность вазы бываетъ занята однимъ какимъ нибудь изображеніемъ. Работа почти безъ исключенія отличается крайнею чистотою и тщательностію; глазурь блестящая; черная краска чрезвычайно черна; интуитивный красный тонъ глины возвышенъ прибавкою краски. Из-

которыя подробности на фигурахъ означены темномалиновомъ или бѣлою краскою. Въ рисункѣ при всей недостаточности познаній, которая видна напримѣръ въ сокращеніяхъ, замѣтенъ сравнительно съ предъидущею группою существенный успѣхъ, особенно въ изображеніи деталей, которыя показываютъ иногда необыкновенно тщательную миніатюрную отдѣлку. Изображаются чаще всего собранія боговъ безъ какого нибудь опредѣленнаго дѣйствія: это по большей части дружественная встрѣча, прощаніе или взаимное пріятельство. Изъ героической мифологіи предпочитаютъ сказанія о Геркулесѣ, не исключая впрочемъ сценъ троянскаго, аттическаго, египскаго, каледонскаго круга и нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ мы встрѣчаемъ весьма разнообразныя сцены вседневной жизни, какъ напримѣръ гимнастическія упражненія, снаряженія на войну, охоту, пиршества, женщинъ у колодца, женщинъ въ кушальнѣ, брачныя сцены, разные религіозные обряды и т. д. Алфавитъ и діалектъ по преимуществу, хотя и не исключительно, аттическіе. Главная масса этихъ сосудовъ происходитъ несомнѣнно изъ первой половины V-го столѣтія.

Почти одновременна съ этой четвертая группа, заключающая въ себѣ древнѣйшія вазы съ красными фигурами по черному полю. Она отличается отъ третьей лишь тѣмъ, что фигуры и поле обмѣнялись красками. Черный цвѣтъ, служащій въ третьей группѣ для фигуръ, сдѣлался здѣсь цвѣтомъ поля, и наоборотъ красный цвѣтъ, служащій для поля въ третьей группѣ, сдѣлался здѣсь цвѣтомъ фигуръ. Но форма сосудовъ, композиція и рисунокъ изображеній, алфавитъ и діалектъ надписей остались безъ измѣненія. Около половины V-го столѣтія вообще перестали изготовлять вазы съ черными фигурами по красному полю; эта манера стала употребляться только въ отдѣльныхъ случаяхъ и по какому нибудь особенному поводу. Съ этихъ поръ сдѣлалась въ большомъ ходу фабрикація сосудовъ съ красными фигурами; съ теченіемъ времени она получала все большее и большее развитіе и прошла по всемъ степенямъ, которыя были вообще пройдены древнимъ искусствомъ; время ея окончилось, когда вообще перестали изготовлять гляннныя расписныя сосуды, именно въ I-мъ столѣтіи до Р. X. Сходство стила четвертой и третьей группы свидѣтельствуетъ о ихъ приблизительно современной, но различіе въ манерѣ позволяетъ полагать, что фабрикація сосудовъ четвертой группы началась нѣсколько ранѣе и прекратилась нѣсколько позднѣе.

Къ четвертой группѣ примыкаетъ далѣе рядъ группъ, представляющихъ собою эпоху высшаго развитія древняго искусства и степени его упадка. Ближайшее по времени мѣсто занимаетъ значительное число вазъ, которыя изображенія исполнены въ самомъ благородномъ и чистомъ стилѣ IV-го столѣтія и годовъ непосредственно ему предъ-

шествовавшихъ. Отчасти сцены домашней жизни, но преимущественно древнее мифологическое сказаніе,—являются здѣсь въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, нежели прежде, и въ полнѣйшемъ видѣ. Аттическое вліяніе оказывается и въ выборѣ сюжетовъ, и въ подписяхъ; съ теченіемъ времени оно становится все болѣе и болѣе явственно. Художники начинаютъ заимствовать сюжеты не только изъ сказаній, переданныхъ древнимъ эпосомъ, но изъ тѣхъ формъ мифа, которыя были выработаны аттической трагедіей.

Въ противоположность этому разряду вазы III-го столѣтія слагаются въ новую группу, которая показываетъ не меньшее познаніе и не меньшую ловкость, но въ то же время носить на себѣ слѣды небрежности и поверхностнаго исполненія, менѣе тонкаго чувства формъ, а отчасти и бедности мысли въ композиціи. Впрочемъ, техника сдѣлала въ это время даже нѣкоторый успѣхъ; стали чаще употреблять позолоту, начали разнообразить фигуры допущеніемъ новыхъ красокъ, напримѣръ зеленой и голубой, изображать нѣкоторыя фигуры въ рельефѣ.

Дальнѣйшій шагъ къ упадку показываютъ вазы II-го и I-го столѣтія, находимыя по болѣе части въ Луканіи и Апуліи. Техника и рисунокъ становятся все болѣе и болѣе неудовлетворительными и принимаютъ ремесленный характеръ; красная краска почти вытѣсняется бѣлою и желтою. Становится замѣтенъ дѣйствительный недостатокъ основательныхъ знаній; композиція страдаетъ скудностью содержанія.

Таковы были судьбы греческаго горшечнаго искусства. Слѣдуетъ еще упомянуть, что до нашего времени дошло нѣсколько подражаній греческимъ глинянымъ сосудамъ, сдѣланныхъ Этрусками, Римлянами и туземными обитателями Крымскаго полуострова. Они отличаются грубостью и неловкостью выполненія. Это различіе ихъ отъ сосудовъ греческой работы такъ очевидно, что невозможно смѣшать одни съ другими.

Вазы, находящіяся въ томъ залѣ Эрмитажа, о которомъ мы теперь говоримъ, почти всѣ были найдены въ Кампаніи, Луканіи и Апуліи. Только весьма немногія происходятъ изъ Сициліи и Этруріи. Въ шкафахъ, находящихся подлѣ оконъ, онѣ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ; въ остальныхъ частяхъ зала разстановка болѣе зависѣла отъ условій мѣста, но и здѣсь однородное помѣщено по возможности въ наименьшемъ отдаленіи. При описаніи этого собранія я натурально долженъ еще болѣе слѣдовать тому правилу, котораго я держался при описаніи мраморныхъ вещей, правилу — указывать лишь на самые замѣчательные предметы. Это собраніе такъ богато, что я могу обратить вниманіе посѣтителя только на небольшое число самыхъ замѣчательныхъ вазъ.

I, 3. Большая *амфора* изъ Руво въ Апуліи, относящаяся къ первой половинѣ III-го столѣтія до Р. Х., одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сосудовъ всего собранія. На передней сторонѣ тулова изображенъ Триптолемъ на колесницѣ, запряженной змѣями. Деметра (Церера) наливаетъ ему вино, какъ возліаніе, *σποιδή* ¹. Представлена та минута, когда Триптолемъ отправляется въ свое путешествіе по обитаемымъ странамъ земли, дабы учить людей земледѣлю и даровать сѣменамъ плодоносіе. Деметра содѣйствуетъ ему, призывая на его дѣло, посредствомъ обычнаго въ древности возліанія, Зевсову помощь. На переднемъ планѣ сцены лежитъ Нилъ; его присутвіемъ означаетъ то главное средство, которое будетъ содѣйствовать плодоносію нивъ. Кромѣ того присутствуетъ Афродита, охранительница цвѣтовъ и плодовъ (*Ζεῖδαρος, εὐμάρπος*) ², съ ея постоянными спутниками, Эротомъ и Богинею Убѣжденія (*Πείθω*), а съ другой стороны двѣ Горы, безъ сомнѣнія объ аттическія Горы, Фалло и Карпо ³, т. е. богини весны цвѣтенія) и времени собираенія плодовъ. Какъ представитель свободной природы и жизни, въ ней господствующей, изображенъ на заднемъ планѣ сатиръ: прислонившись къ дереву, онъ спокойно смотритъ на собраніе боговъ, милостиво покровительствующихъ успѣхамъ царства растительнаго. Наконецъ кошка, которая на переднемъ планѣ ловитъ птицу, олицетворяетъ участіе животнаго царства въ жизни природы ⁴. — На шейкѣ сосуда изображено конское ристаніе; на задней сторонѣ тулова — несложная бакхическая сцена. Волюты украшены съ одной стороны Амазонкою на конѣ, съ другой рогатою юношественною головою: и то и другое въ рельефѣ и расписано разными красками.

III, 10. Маленькій сосудъ съ широкимъ туловомъ, изъ древнѣйшаго разряда расписныхъ вазъ. Украшеніе состоитъ изъ птицы съ женскою головою, т. е. сирены. Этотъ сосудъ найденъ въ Нолѣ въ Кампаніи.

IV, 35. Чаша *киликъс*, найденная въ Нолѣ, относящаяся къ одному разряду съ предыдущимъ номеромъ. Внутри изображенъ бородатый чело­вѣкъ на конѣ, вооруженный копьемъ, въ спокойномъ положеніи. Передъ нимъ и подъ нимъ двѣ птицы. Сзади быстрымъ шагомъ идетъ къ нему маленькая крылатая фигура, вѣроятно богъ смерти, памѣре­вующійся овладѣть имъ среди битвы. Внизу этого изображенія—змѣя ⁵.

¹ Объ обрядѣ возліанія см. К. Fr. Hermann Gottedienstliche Alterthümer S. 25.

² См. Preller Griechische Mythologie (Leipzig 1854) Th. I. S. 218.

³ Pausan. IX, 55, 1.

⁴ Подробнѣе говорилъ я объ этомъ изображеніи въ Bulletin hist.-philol. de l'Acad. Imp. des sciences T. XII, p. 274 = Mélanges gréco-rom. T. I. p. 517.

⁵ Рисунокъ этой вазы находится у Micali: Storia degli antichi popoli ital. Tav. 87. N° 3. О богѣ смерти см. мои замѣчанія въ Bulletin hist.-philol. de l'Acad. Imp. des sciences T. XII. p. 309 = Mé. gr.-rom. T. I. p. 590.

V, 54. Большой *прохусь*, найденный въ Ноль. Изображеніе представляетъ тотъ же стиль, какъ на двухъ предшествующихъ вазахъ, но изображенныя фигуры, воины пѣшіе и конные, соединились для одного опредѣленнаго дѣйствія—битвы. Въ этомъ виденъ уже дальнѣйшій шагъ въ развитіи искусства.

VI, 67. *Гидрія*, найденная въ Гольчи, относящаяся къ третьему изъ принятыхъ нами выше разрядовъ вазъ. Главное изображеніе представляетъ Ахилла въ шлемъ, поножахъ и короткомъ одѣяніи, какъ онъ снимаетъ оружіе съ трупа побѣжденнаго имъ Гектора и привязываетъ его къ своей колесницѣ, чтобы влечь въ триумфъ въ греческій станъ. На колесницѣ стоитъ Ахилловъ возница въ обыкновенной дѣянной и бѣлой одеждѣ возницъ, съ щитомъ, висающимъ за спиною. Колесница запряжена четырьмя конями; передъ нею стоитъ женщина, жестомъ своимъ выражающая изумленіе, можетъ-быть Гекуба или Андромаха¹. Кромѣ того на вазѣ видны надписи, состоящія изъ греческихъ буквъ, но не представляющія никакого смысла,—явленіе, довольно часто встречающееся на расписныхъ сосудахъ: оно показываетъ, что фабриканты иногда сами не понимали надписей, служившихъ имъ оригиналами, и что такія вазы съ бессмысленными надписями назначались для сбыта въ странахъ, гдѣ греческій языкъ не былъ извѣстенъ. На шейкѣ нашего сосуда помѣщено изображеніе меньшаго размѣра: воинъ, восходящій на колесницу, запряженную четырьмя конями; вокругъ него стоятъ и сидятъ другіе мужчины.

VIII, 95. *Гидрія*, того же стиля и тамъ же найденная. Геркулесъ, съ дубиною въ рукѣ и въ богатомъ вышитомъ одѣяніи, стоитъ на колесницѣ богини Лейны. Богиня въ шлемъ и эгидѣ держитъ возжи четырехъ коней своихъ и восходитъ на колесницу, чтобы везти своего любимца къ богамъ на Олимпъ². Аполлонъ напутствуетъ отправляющихся звуками струнъ своихъ; Гермій (Меркурій) предшествуетъ, чтобы указывать путь. Къ нимъ на встрѣчу уже выступаетъ бородатый Діонисъ съ большимъ канеаромъ въ рукѣ и приводитъ повому богу новую олимпійскую его супругу, Гебу. На шейкѣ сосуда воинъ защищается съ колесницы, запряженной четырьмя конями, противъ двухъ пѣшихъ воиновъ.

¹ О подобныхъ изображеніяхъ см. Wieseler Denkmäler der alten Kunst (новое изданіе собранія рисунковъ Мюллера и Устерлеа) Th. I. № 97.

² Подобное этому изображеніе находилось на такъ называемомъ минкейскомъ тронѣ, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ архаическаго искусства. Павсаний, описывая его, упоминаетъ между прочимъ объ «Лейнѣ, ведущей Геркулеса, который съ этихъ поръ будетъ сожителемъ боговъ». Paus. III, 18, 7. О рисункахъ вазъ, представляющихъ этотъ сюжетъ, см. K. O. Müller Handbuch der Archäologie S. 683 3-го изд.

IX, 103. *Гидрія*, того же стиля и того же мѣста находки. Главное изображеніе представляетъ двушекъ у колодца. Въ глубинѣ портика мы видимъ львиную пасть, изъ которой течетъ вода ¹. Пять дѣвъ принесли свои гидрии, чтобы наполнить ихъ водою.—На шейкѣ сосуда изображенъ Геркулесъ, побѣждающій немейскаго льва. Колчанъ его лежитъ въ сторонѣ. Онъ снялъ его, чтобы имѣть больше свободы при трудной борьбѣ. Подлѣ Геркулеса съ одной стороны стоитъ его вѣрный спутникъ Толай, съ другой сидятъ его божественная покровительница Аѳина (Минерва), а за нею видны четыре коня ея колесницы.

IX, 105. Аттическая *амфора*, того же стиля, изъ числа служившихъ призами на панаѳенейскихъ играхъ, праздновавшихся въ Аѳинахъ ². На передней сторонѣ Аѳина, вооруженная эгидою, шлемомъ и круглымъ щитомъ (на щитѣ изображена змѣя ³), идетъ быстрымъ шагомъ впередъ и правою рукою поднимаетъ копье. По обѣимъ сторонамъ изображено по колоннѣ съ пѣтухомъ на верху (пѣтухъ—обычный символъ гимнастическихъ состязаній). На задней сторонѣ четверо юношей занимаются кулачнымъ боемъ. Вазы этого рода, дошедшія до насъ въ значительномъ числѣ, давались въ Аѳинахъ панаѳенейскимъ побѣдителямъ, наполненные масломъ съ священныхъ оливковыхъ деревьевъ. Побѣдитель получалъ, смотря по различію победы, отъ 6 до 140 такихъ амфоръ съ священнымъ масломъ ⁴.

XI, 139. *Гидрія*, найденная въ Вольчи, изъ древнѣйшаго разряда вазъ съ красными фигурами. Исполненіе ея очень чисто и тщательно, изображеніе замѣчательно по сюжету, и потому было нѣсколько разъ издано ⁵ и служило предметомъ частыхъ разсужденій. Къ сожалѣнію однакоже до сихъ поръ не удалось отыскать вполне удовлетворительнаго объясненія. Мы видимъ двухъ увѣчаныхъ мужчинъ, съ лысою головою и бѣлыми волосами, въ короткомъ, богато украшенномъ хитонѣ. Передняго изъ нихъ силою влечетъ къ Діонису богъ Гермій, имѣющій въ рукахъ кадуцей и какую-то утварь, похожую на связку рукописей. Старецъ сопротивляется Гермію, при чемъ ему помогаетъ его съдовласый спутникъ; а Гермія ободряетъ самъ Діонисъ, стоящій съ другой стороны съ канѳаромъ и виноградною лозою въ рукѣ. Судя по цегреческому виду бѣловласыхъ мужчинъ, принимали это изображеніе за индійскій походъ Діониса, и связку рукописей относили къ тому.

¹ О львиной пасти какъ украшенія фонтановъ см. Jahn die Ficoronische Cista S. 24.

² Рисункомъ одной изъ такихъ панаѳенейскихъ вазъ сообщенъ выше между политическими, представляющими формы вазъ, фиг. 1.

³ Объ этомъ орнаментѣ см. Fuchs De ratione, quam veteres artifices in clypeis imaginibus exornandis adhibuerint (Gotting. 1852) p. 21.

⁴ См. Jahn Vasensammlung König Ludwigs. S. CI

⁵ Въ послѣдній разъ у Визелера: Denkmäler der alten Kunst Th. II № 448.

что Діонисъ, по сказанію, явился въ Индіи какъ законодатель. Это объясненіе заслуживаетъ предпочтенія предъ другими, доселѣ предложенными, но и противъ него могутъ быть сдѣланы возраженія.

XI, 138. *Гидрія*, того же стиля и мѣста находки. Вооруженный безбородый воинъ, котораго щитъ украшенъ изображеніемъ льва ¹, прислѣзъ позади фонтаннаго камня и сторожить двушку, пришедшую съ другой стороны за водою и подставившую свою гидрію подъ львиную пасть фонтана. На фонтанномъ столбѣ сидитъ обращенный къ двушкѣ воронъ — Аполлонова птица, предвѣщающая дѣвъ недоброе. Изображенія этого рода дошли до насъ въ большомъ количествѣ. Сюжеты ихъ—или Тидей и Исмена въ Фивахъ, или Ахиллъ и Поликсена передъ стѣнами Трои. Въ нашемъ рисункѣ нѣтъ ближайшихъ указаній для того, чтобъ отнести его къ какому нибудь одному изъ этихъ двухъ мѣстовъ.

XII, 150. Нарядный маленькій *киликъ* съ черными фигурами; найденный въ Вольчи. На обѣихъ сторонахъ изображенъ Гераклъ, одолеваящій немейскаго льва; греческія буквы не представляютъ смысла.

На столбѣ XIII-мъ помѣщены *капельные сосуды* одинаковаго стиля. Всѣ они черные, украшены маленькими рельефными изображеніями того же цвѣта и очевидно относятся къ одному и тому же, сравнительно позднему, времени. Между изображеніями можно отличить слѣдующія: NN° 158, 161, 171 головы Силена; N° 165 Побѣда, закалывающая быка; N° 168, 174 стоящая менада (вакханка); N° 172 грифонъ, терзающій оленя; N° 173 менада, ѣдущая на пантерѣ.

XIV, 177. *Амфора*, съ красными фигурами въ изящномъ стилѣ лучшаго времени. Безбородый мужчина, вооруженный шлемомъ, щитомъ и копьемъ, держитъ въ правой рукѣ чашу. Передъ нимъ стоитъ женщина съ выраженіемъ стыдливой робости; она держитъ въ рукѣ прохусъ, но еще медлитъ наливать изъ него вино въ чашу мужчины. Сзади нея изображенъ съдовласый старецъ, опирающійся на длинный посохъ; за воиномъ видна другая женщина. Очевидно, мы имѣемъ передъ собою одну изъ сценъ прощанія, дошедшихъ до насъ въ чрезвычайномъ множествѣ экземпляровъ. Наибольшее сходство съ нашимъ изображеніемъ представляетъ ваза ватиканскаго собранія ², важная для насъ по ея надписямъ: воинъ означенъ на ней какъ Гекторъ, молодая женщина какъ Гекуба, старецъ какъ Пріамъ. Можетъ быть, эти лица были въ мысляхъ и у художника нашей вазы. Въ такомъ случаѣ женщина, стоящая позади воина, будетъ служанка Гекубы. Съ другой стороны возможно, что мы имѣемъ передъ собою общее изображеніе сцены прощанія изъ обыкновенной жизни.—На задней сторонѣ въ небрежномъ очеркѣ пред-

¹ См. Fuchs I. I. p. 34.

² Museum Gregorianum T. II, Tab. 60. N° 2.

ставлены обыкновенныя на такихъ вазахъ три фигуры въ плащахъ ¹.

XV, 187. Найденная въ Нолѣ маленькая *амфора*, по стилю совершенно подобная предшествующей. Прекрасная богиня зари, Эосъ, въ длинномъ одвѣяннѣ и высокой діадемѣ, летитъ на своихъ крыльяхъ, преслѣдуя любимаго юношу, охотника Кефала. Она неожиданно застаётъ его на охотѣ; поэтому онъ одѣтъ въ хламидѣ, и за плечами у него виситъ дорожная шляпа, *петасъ* ²; поэтому же онъ вооруженъ палицей и двумя пиками. Но гордый юноша старается укрыться отъ любящей его богини и бодро спѣшитъ къ своему отцу, который стоитъ на задней сторонѣ вазы и ожидаетъ сына ³.

XV, 191. Маленькая *амфора*, самаго щеголевататаго стиля, найденная въ Нолѣ. Двѣ дѣвушки забавляются музыкой; одна, стоя, играетъ на двойной флейтѣ, другая сидитъ и бряцаетъ на лирѣ. Маленькій Эротъ, парящій въ срединѣ между ними, позволяетъ угадать смыслъ ихъ мелодій. А на задней сторонѣ вазы мы видимъ и самого юношу, внимающаго ихъ сладкимъ звукамъ.

XVII, 220. Маленькая *амфора* изъ Нолы, съ красными фигурами строгаго стиля. Зевсъ представленъ въ борьбѣ съ однимъ изъ гигантовъ. Далеко простираетъ онъ лѣвою рукою царственный скипетръ, а въ правой держитъ перуны. Лавровый вѣнокъ, украшающій его чело, предвѣщаетъ победу,—и въ самомъ дѣлѣ гигантъ уже обращается въ бѣгство и почти готовъ пасть отъ полученной, какъ кажется, раны ⁴. На задней сторонѣ спокойно стоитъ юноша и протягиваетъ впередъ руку.

XVIII, 230. Маленькая *амфора*, того же мѣста находки и самаго изящнаго стиля. Богиня победы, съ кадуцеемъ ⁵ въ одной рукѣ, наливаетъ другою рукою изъ прохуса вино въ чашу бородатаго мужчины, стоящаго противъ нея въ лавровомъ вѣнкѣ и съ скипетромъ. По аналогіи одного сосуда, на которомъ есть надписи ⁶, мы можемъ признать бородатую фигуру за Зевса и, следовательно, наливаемую жидкость за нектаръ. На задней сторонѣ двѣ обыкновенныя фигуры въ плащахъ.

XVIII, 231. *Кратеръ*, изъ Руво, рисунка чрезвычайно ловкаго и оживленнаго. Діонисъ и Ариадна лежатъ на носилкахъ, Діонисъ съ ган-

¹ Весьма похожее изображеніе находится на одной амфорѣ, хранящейся въ кабинетѣ древностей Московскаго Университета. Изд.

² См. Becker Charikles Th. III, S. 212 (2-го изд.).

³ О многочисленнымъ подобнымъ изображеніямъ см. Jahn Archäol. Beiträge S. 93.

⁴ Шитъ гиганта украшенъ изображеніемъ коня. Объ этомъ см. Fuchs I. I. p. 30.

⁵ См. мое сочиненіе: Der ausruhende Herakles стр. 259.

⁶ Stackelberg: Gräber der Hellenen Taf. 18.

варомъ и еирсомъ въ рукахъ и повязкою на головѣ. Носилки несутъ на себѣ лошаки. Ему предшествуетъ сатиръ, сопровождающій свою веселую плясовую походку звуками двойной флейты. На задней сторонѣ сосуда въ небрежномъ очеркѣ изображена одна изъ обыкновенныхъ гимнастическихъ сценъ.

XVIII, 237. 238. Два аттичскіе *лекива* изъ того рода, который употреблялся въ Аѳинахъ при погребеніи и особенно при умащеніи трупа ¹. На обоихъ глина покрыта бѣлою краскою, по которой нанесено разноцвѣтное изображеніе. Къ надгробному памятнику, имѣющему форму столба или *стелы*, приближаются два лица: на одномъ сосудѣ дѣвушка съ юношей, на другомъ — дѣвушка и бородатый мужчина; они приносятъ покойному обычное возліаніе.

XX, 271. *Кратеръ*, найденный въ Апуліи. Изображеніе показываетъ замѣтную небрежность и можетъ служить образчикомъ первой степени упадка этой отрасли искусства. Орестъ, преследуемый *фуріями*, ищетъ убѣжища въ дельфійскомъ святилищѣ Аполлона. Одна изъ *фурій* проникла вслѣдъ за нимъ въ самый храмъ, но, увидѣвъ приближающагося бога, не смѣетъ ступить далѣе. Аполлонъ украшенъ лавровымъ вѣнкомъ; въ лѣвой рукѣ у него чаша, въ правой лавровая вѣтвь, которую онъ погрузилъ въ свою чашу, дабы окропить Ореста и очистить отъ преступленія ². Позади Аполлона въ ужасѣ отъ страшныхъ пришельцевъ убѣгаетъ сѣдая жрица Пноеія ³; въ рукѣ у нея большой ключъ отъ храма ⁴. На задней сторонѣ вазы находятся обыкновенныя гимнастическія фигуры.

XXI, 288. Малый *кратеръ*, найденный въ Бари, того же стиля. Персей, исполняя порученіе Полидекта принести ему на островъ Серифъ голову страшной Медусы, счастливо совершилъ трудное предпріятіе при содѣйствіи Аѳины. Мы видимъ его, безбородаго юношу, какъ онъ, вооруженный двумя пиками и серпомъ, полученнымъ отъ Гермія (Меркурія), поднимаетъ вверхъ отдѣленную отъ туловища голову. Подлѣ него стоитъ Аѳина, та богиня, которой онъ преимущественно обязанъ счастливымъ успѣхомъ. Она не имѣетъ на себѣ шлема и вооружена только двумя копьями и щитомъ. Съ другой стороны подоспѣлъ любопытный сатиръ. Въ ужасѣ отъ того, что представилось его глазамъ, онъ закрываетъ лицо обѣими руками ⁵. На задней сторонѣ вазы изображены — юноша и двѣ дѣвушки, занимающіяся музыкой.

¹ См. Jahn Vasensammlung König Ludwigs S. LXXXV.

² Объ этомъ обрядѣ см. Hermann: Gottesdienstliche Alterthümer § 23.

³ См. Jahn: annali dell' Instituto archeol. T. XX. p. 208.

⁴ Подробнѣе говорилъ я объ этомъ изображеніи и другихъ подобныхъ въ Bull. hist.-phil. de l'Acad. Imp. des sciences. T. XII. p. 296—Mél. gr.-rom. T. II. p. 573.

⁵ И объ этомъ изображеніи вмѣстѣ съ другими подобными ему я говорилъ въ Bull. hist.-philol. de l'Acad. Imp. des scienc. T. XII. p. 274—Mélanges gréco-rom. T. I. p. 546.

Витринъ XXII-й заключаетъ въ себя богатое собраніе *роуовъ* (*ditā*). Почти у всѣхъ острый конецъ имѣетъ форму головы какого нибудь животнаго: быка, барана, свиньи, собаки, кошки или грифона. Вокругъ верхняго широкаго отверстія на многихъ экземплярахъ есть рисунки, преимущественно бакхическаго содержанія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ сосудъ № 305: онъ былъ найденъ въ Апулія и имѣетъ форму Мавра, сражающагося съ крокодиломъ.

XXVI, 340. Большая апульская *амфора*, самага поздняго, небрежнаго стиля. Красный цвѣтъ почти совсѣмъ уступилъ мѣсто бѣлому и желтому. На передней сторонѣ тулова изображена гробница въ видѣ небольшого храма, внутри котораго представлена покойница съ опахаломъ въ рукѣ. Съ двухъ сторонъ подошли къ ней двѣ подруги, чтобъ отдать ей послѣднюю честь. Онѣ сидятъ; у той и другой въ рукѣ по зеркалу.—Шейка вазы украшена изображеніемъ женской головы и богатыми фантастическими орнаментами. На задней сторонѣ представлена женская голова въ большомъ размѣрѣ. На волнотахъ Медусины головы въ рельефѣ.

XXVI, 342. *Амфора*, того же стиля и мѣста находки. Надгробный памятникъ принадлежитъ здѣсь юношѣ, который въ немъ сидитъ съ большою чашею въ рукѣ; прохусь виситъ передъ нимъ. Съ одной стороны къ нему приближается юноша съ винограднымъ гроздіемъ и вѣтвію, съ другой стороны дѣвушка съ двумя вѣнками. Подобная же сцена изображена и на задней сторонѣ. Надгробный памятникъ имѣетъ здѣсь форму стелы. Юноша и дѣвушка приближаются къ нему съ двухъ сторонъ.—На шейкѣ сосуда представленъ Эротъ на колесницѣ, везомой двумя лебедями. Волноты украшены Медусиными головами въ рельефѣ.

XXVII, 358. *Кратеръ*, того же стиля, найденный въ Сант-Агата-де-Готи¹. Кадмъ въ странствіяхъ, предпринятыхъ для отысканія сестры Европы, прибылъ на то мѣсто, гдѣ по волѣ Аполлона онъ былъ долженъ основать городъ Фивы. Вблизи находился источникъ, котораго вода была нужна ему для принесенія жертвы Аѳинѣ. Но этотъ источникъ, говорило сказаніе, былъ охраняемъ страшнымъ дракономъ, отъ котораго гибли всѣ, кого Кадмъ посылалъ за водою. Кадмъ принужденъ былъ самъ вступить въ бой. Пользуясь покровительствомъ Аѳины, онъ поразилъ чудовище камнемъ и умертвилъ его. Зубы дракона онъ разсыпалъ по землѣ, и изъ нихъ выросли первые обитатели новаго города, *спарты*. Этотъ мифъ служитъ сюжетомъ главнаго изображенія на нашемъ сосудѣ. Мы видимъ Кадма съ сосудомъ для воды въ одной

¹ Смимокъ съ него у Гергарда въ *Campanische Vasenbilder Taf. C. № 6.*

рукъ и съ роковымъ камнемъ въ другой. Дѣйствіе происходитъ въ пещеръ; за пещерою видна Аѳина, сопровождаемая совою; она ободряетъ юнаго героя своимъ восклицаніемъ. Панъ, обитатель льсовъ, привлеченъ любопытствомъ и заглядываетъ сверху на мѣсто борьбы. Въ его движеніи видно удивленіе, соединенное съ насмѣшкой. На задней сторонѣ вазы изображена незначительная бакхическая сцена.

XXIX, 407. Большая *амфора*, найденная въ Ноль, съ небрежнымъ изображеніемъ. Юношественный безбородый Гераклъ, вооруженный колчаномъ и дубиной, выступаетъ изъ какого-то строенья, которое означено колонной. Къ нему приближается Богиня Побѣды, чтобы поднести ему вѣнокъ и чашу для возліанія. Возлѣ сидитъ Аѳина, главная помощница Геракла въ подвигахъ. Она вооружена копьемъ и щитомъ, но не имѣетъ шлема. Вѣрный спутникъ героя, Иолай, также присутствуетъ. Онъ стоитъ позади Аѳины и смотритъ на дѣйствіе съ видомъ участія.

XXX, 418. *Гидрія*, найденная въ Вольчи, изъ самаго красиваго разряда вазъ съ черными фигурами. Главное изображеніе представляетъ бородатаго невооруженнаго мужчину, восходящаго на колесницу. Два коня стоятъ уже передъ колесницей. Ихъ запрягаетъ возница, посящій по обыкновенію длинное бѣлое одѣяніе. Ему помогаетъ при этомъ его товарищъ. Третій служитель ведетъ третьяго коня; четвертаго коня еще вовсе не видно. Заслуживаетъ удивленія отчетливость и щеголеватость, съ которою отдѣланы всѣ подробности. Сверху и снизу главнаго изображенія представлены военныя сцены въ меньшихъ размѣрахъ, но въ той же нарядной манерѣ.

XXXI, 419. *Гидрія*, того же стиля и мѣста находки. Гераклъ борется съ Тритономъ, морскимъ чудовищемъ, имѣющимъ верхнее туловище бородатаго мужчины, а вмѣсто нижнихъ оконечностей рыбій хвостъ. Какъ зрители, присутствуютъ мужчина съ бѣлыми волосами и женщина. По аналогіи подобныхъ изображеній¹ мы видимъ въ первомъ Нерей, во второй Амфитриту. Надъ изображеніемъ стоитъ надпись: ΟΝΕΤΟΡΙΔΕΥΚΑΛ, т. е. *Ὀνητοριδης καλ(ε)ς*, «браво, Онеторидъ!» воззваніе, часто встрѣчающееся на расписныхъ сосудахъ². Надъ этимъ изображеніемъ помѣщена одна военная сцена въ меньшемъ размѣрѣ.

XXXV, 423. *Амфора*, найденная въ Анци, поздняго, небрежнаго стиля. На передней сторонѣ музыкальное состязаніе между Марсіемъ и Аполлономъ. Первый уже окончилъ свою игру на флейтѣ. Онъ сидитъ на вѣпномъ мѣхѣ, держитъ въ рукѣ флейту и дерзко смотритъ на Апол-

¹ О нихъ см. Jahn въ Sitzungs-Ber. der kön. sächs. Ges. d. Wiss. 1851 S. 173.

² Больше подробностей объ этомъ обычѣ см. у Яна въ Vasensammlung König Ludwigs S. CXXIV.

лона, котораго побѣду онъ теперь уже предчувствуетъ. Аполлонъ представленъ въ костюмѣ квеарета съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ стоитъ по срединѣ картины и играетъ на лирѣ. Богиня Побѣды подлетаетъ къ нему, чтобы возложить на его голову повязку, какъ знакъ побѣды. Одна женщина и одинъ мужчина, которымъ не легко дать опредѣленные имена, присутствуютъ въ качествѣ зрителей. Женщина сидитъ выше Марсія; на ней надѣто покрывало; въ правой рукѣ у нея вѣнокъ, въ лѣвой чаша. Мужчина стоитъ на переднемъ планѣ, опираясь на посохъ. На задней сторонѣ вазы изображена обширная, весьма замѣчательная бакхическая сцена, которой подробности до сихъ поръ еще не объяснены удовлетворительно.

XLVIII, 440. *Кратеръ*, самаго грубаго поздняго стиля, найденный въ Санкт-Агата-де-Готи. На главной сторонѣ изображена женщина, въ пылу страсти бросающаяся на мужчину, чтобы умертвить его сѣкирой. Мужчина, безбородый, вооруженный шлемомъ и щитомъ, и одѣтый въ хламиду, упалъ подлѣ одной колонны и, повидимому, умоляетъ о состраданіи. Это изображеніе было нѣсколько разъ издано¹; прежде его обыкновенно относили къ Клитемнестрѣ и Агамемнону, но недавно было сдѣлано возраженіе, что Агамемнона нельзя было представить безъ бороды. На этомъ основаніи было предложено другое объясненіе: полагали, что это сцена между Меропою и Полифонтомъ. Мнѣ кажется, что при такой грубой работѣ, какую показываетъ этотъ сосудъ, нельзя придавать большаго значенія отсутствію бороды, и наоборотъ скорее можно предполагать сюжетъ болѣе извѣстный и распространенный. По бокамъ сосуда изображено по одной большой женской головѣ; на задней сторонѣ представлено пиршество, а вверху сосуда тянется кругомъ поясъ, состоящій изъ фигуръ животныхъ.

XLIX, 579. *Кратеръ*, превосходной работы. Богиня зари, Эосъ, въ такомъ же костюмѣ, какъ на одномъ изъ описанныхъ выше изображеній, спѣшитъ за любимымъ своимъ Кефаломъ, чтобы похитить его. Кефалъ не только удаляется отъ богини къ своему престарѣлому родителю, но даже поднимаетъ копье противъ олимпійской дѣвы. На задней сторонѣ три обыкновенныя фигуры въ плащахъ.

LII, 879. *Кратеръ*, изъ Руво, представляющій ловкое и интересное изображеніе сцены, взятой изъ комедіи. Передъ нами три актера въ обыкновенномъ комическомъ костюмѣ. Одинъ очевидно представляетъ Зевса. Онъ сидитъ на возвышеніи и держитъ въ лѣвой рукѣ скипетръ съ орломъ на верхушкѣ. Онъ имѣетъ на себѣ, по обычаю Зевса, одно

¹ Последній разъ *Дюмъ* въ Archäol. Zeitung 1854 Taf. 68 N 3.

лишь верхнее одѣяніе безъ хитона. На головѣ у него нѣчто въ родѣ модія, т. е. античнаго четверика. Правую руку онъ бросаетъ перуны въ другаго актерѣ, который въ лѣвой рукѣ держитъ чашу и, насмѣхаясь надъ нимъ, правую руку суетъ себѣ что-то въ ротъ. Сзади стоитъ третій актеръ съ седыми волосами и совершаетъ изъ прохуса возліяніе на находящейся передъ нимъ жертвенникъ. Мы имѣемъ въ этомъ изображеніи споръ за какой нибудь лакомый кусокъ между двумя актерами, изъ которыхъ одинъ играетъ Зевса, а другой *впрямую* Геркулеса. На задней сторонѣ представлены двѣ обыкновенныя гимнастическія фигуры.

LIII, 963. Большая чаша, поздняго стили. На одной половинѣ наружной стороны представлена сцена дамскаго туалета. Въ серединѣ на креслахъ сидитъ женщина; одна служанка подаетъ ей ящичекъ, другая повязку. Большая повязка виситъ на верху. Третья дѣвушка съ птицей въ рукѣ стоитъ позади госпожи и разговариваетъ съ какимъ-то юношей. Другая половина наружной стороны сосуда представляетъ молодаго человѣка, сидящаго въ пріятномъ покоѣ и положившаго одну руку на голову. На колѣняхъ у него стоитъ Эроть, забавляющійся птичкой, которую онъ заставляетъ летать передъ собой на шнуркѣ; стоящая подлѣ дѣвушка мучитъ птичку горящимъ факеломъ. Одинъ молодой человѣкъ спокойно смотритъ на происходящее; еще другой юноша на другой сторонѣ изображенія несетъ зайца¹, животное, принадлежавшее богинѣ любви.

LV, 1136. Весьма тщательно отдѣланная *идриѣ*, древняго строгаго стили. Бородатый Діонисъ сидитъ въ богатомъ бѣломъ одѣяніи съ вышкомъ изъ плюша на головѣ на складномъ сѣдалищѣ², покрытомъ звѣриною кожей. Въ лѣвой рукѣ у него вѣтвь винограда, въ правой канеаръ. Передъ нимъ стоитъ бородатый сатиръ съ большимъ виннымъ мѣхомъ въ одной рукѣ, а въ другой рукѣ съ прохусомъ, изъ котораго онъ паливаетъ вино въ Діонисовъ канеаръ. Присутствуетъ при этомъ одна менада (вакханка), стоящая позади Діониса съ винограднымъ побѣгомъ и большимъ еирсомъ въ рукѣ.

Шкафъ LVI-й заключаетъ въ себѣ, кромѣ богатаго собранія глиняныхъ лампъ и роговъ безъ глазури, маленькія фигуры изъ жженой земли (терракотты). Между послѣдними мы обратимъ вниманіе на Афродиту въ раковинѣ³.

¹ См. Jahn въ Sitzungs-Ber. der kön. sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1834 S. 253.

² *Δίφρος ὀκλαβίας* Paus. I 27. 1.

³ Подобныя маленькія статуи находятся почти во всѣхъ собраніяхъ см. Jahn Sitzungs-Ber. des kön. sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1833 S. 16.

V. Залъ керченскихъ древностей.

Шкафъ I-й.

Стекланныя вещи.

Самая важная вещь богатаго собранія стеклянныхъ вещей есть сосудъ № 796 с. Первоначально онъ имѣлъ, какъ можно еще теперь видѣть, янтарный цвѣтъ; но въ теченіе долгаго времени, когда онъ находился въ землѣ, на многихъ частяхъ его образовалась непрозрачная бѣлая кора. Особенную важность имѣетъ онъ не только по чистотѣ отдѣлки, но еще потому, что мастеръ назвалъ на немъ свое имя — Энпійонъ ¹. До нашего времени сохранились еще два другіе совершенно подобные этому сосуда, работы того же художника ².

Шкафъ II-й.

Терракотты.

№ 873 а. Двѣ женскія фигуры въ хитонѣ и верхнемъ одѣяніи; ихъ взаимная постановка показываетъ, что онѣ тѣсно соединены дружественнымъ союзомъ. Онѣ несутъ на плечахъ своихъ мальчика въ богатой одеждѣ; у этого послѣдняго были крылья, которыхъ слѣды еще видны. Зная религіозный характеръ сюжетовъ большей части терракоттъ, нельзя сомнѣваться, что здѣсь изображены три божества, тѣсно соединенныя въ элевсинскомъ поклоненіи: Деметра, Кора, дочь ея, и Іакхъ, мистическій богъ-младенецъ ³.

№ 873 б. Группа, которая въ главномъ сходна съ предыдущею, но въ ней нѣтъ одной изъ двухъ женскихъ фигуръ, а ребенокъ и первоначально былъ безъ крыльевъ. По аналогіи болѣе полной группы мы видимъ въ ней Деметру или Кору въ соединеніи съ Іакхомъ ⁴.

№ 873 с. Юноша съ длинными волосами, въ верхнемъ одѣяніи, которое оставляетъ незакрытою его грудь, представленъ въ дружественномъ сближеніи съ женскою фигурою, покрытою хитономъ и верхнимъ одѣяніемъ ⁵.

№ 947. 947 а. 947 б. Три фигуры изъ гипса, которыя первоначально были расписаны пестрыми красками и служили украшеніемъ деревяннаго саркофага ⁶. Это остатки большой композиціи, изображавшей трагическую судьбу семейства Ніобы почти въ томъ же видѣ, какъ зна-

¹ Снимокъ съ него въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго Таб. 78, № 1—4.

² Cavdoni: Annali dell' Inst. arch. T. XVI. p. 161.

³ Древности Босфора Киммерійскаго Таб. 70 а. № 1.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 70 а. № 2.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 70 а. № 3.

⁶ Древности Босф. Кимм. Таб. 67, № 4—6.

менятая флорентинская группа ¹. Сохранялась мать съ дочерью, педагогъ и одинъ изъ сыновей. Подлѣ этихъ трехъ фигуръ разставлено еще нѣсколько другихъ, имѣющихъ съ ними вѣншее сходство. Но онѣ оче видно не принадлежали къ этой композици.

Шкафъ II-й а.

Терракотты.

№ 922. Голова деревенскаго старика, задуманная съ большимъ коморомъ и исполненная весьма ловко ². Подлѣ нея подъ № 922 а стоитъ другая подобная голова, уступающая ей въ достоинствѣ, хотя и эта послѣдняя показываетъ опытную руку. Живостью концепци отличается еще одна маленькая фигура пляшущаго Скиаа, № 868 g; присѣвъ на правое колено и далеко отбросивъ лѣвую ногу, онъ бьетъ руку объ руку надъ головою; на землѣ между его ногами лежитъ нѣчто въ родѣ сосуда ³. — Большой мнѣологическій интересъ имѣютъ группы NN° 871, 872, 872 а, 872 b, 873. Всѣ онѣ представляютъ Афродиту, сидящую и окруженную различными атрибутами, обозначающими ее какъ богиню плодородія, и именно какъ богиню или любви, которая есть начало плодородія въ животномъ мѣрѣ, или моря и воды, служащей общимъ началомъ плодородія въ царствѣ растительномъ. Поэтому около Афродиты изображены Эротъ и гермы Приапа; у ногъ ея видны морскія волны, оживленные Эронтами, разѣзжающими на дельфинахъ. Яблоко, которое на нѣкоторыхъ изъ этихъ изображеній находится въ рукахъ Афродиты, характеризуетъ ее какъ богиню деторожденія, а особеннаго рода вѣнецъ, похожій на кругообразный дискъ, можетъ-быть указываетъ на ея отношеніе къ лунѣ и небу ⁴.

Шкафъ II-й б.

Терракотты.

№ 875 i. Маленькая женская фигура архаическаго стиля; въ правой рукѣ у нея вѣнокъ, лѣвою она беретъ за свое одѣяніе и немного приподнимаетъ его ⁵. Фигуры этого рода, держащія однакожь по большей части вмѣсто вѣнка цвѣтокъ, дошли до насъ въ великомъ множествѣ ⁶ и на основаніи римскихъ монетныхъ надписей признаются

¹ Wieseler Alte Denkmäler Th. I. Taf. 33. 34.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 71. № 3.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 70 а. № 7.

⁴ Рисунки нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ въ Древн. Босф. Кимм. Таб. 65.

⁵ Рисунки въ Древност. Босф. Кимм. Т. II, стр. 162.

⁶ Самые знаменитыя—это двѣ маленькія статуи, составлявшія нѣкогда украшеніе кровли эгипскаго храма. Wieseler. Alte Denkm., Th. I. Taf. 7 и Проплек Т. I, рис. № 2. Подобная же статуэтка служитъ опорой Диониса въ группѣ Фригиджа, находящейся во второмъ залѣ античной скульптуры и описанной выше подъ № 2.

за изображенія Эпидиды (Сред, Надежда). Впрочемъ тотъ же самый мотивъ встрѣчается и на изображеніяхъ Афродиты, такъ что нельзя дать нашей статуѣ вѣрнаго имени.

№№ 877, 878, 884 а. Три самыя изящныя изъ терракоттъ, найденныхъ досель въ Керчи и ея окрестностяхъ¹; онѣ представляютъ трехъ женщинъ различнаго характера: превосходно выражено въ первой гордое и величавое достоинство, во второй нѣжность и скромная кротость, въ третьей иронія и кокетливость. Последняя изъ этихъ фигуръ отличается особеннымъ мотивомъ драпировки: нижняя часть лица закрыта одеждой. Этотъ эффектный мотивъ былъ нерѣдко въ употребленіи у древнихъ художниковъ. Онъ очень идетъ къ тому виду, въ какомъ фантазія представляетъ намъ древнихъ Аспасій, Фринъ и Лаисъ. Двѣ первыя изъ этихъ статуэттъ имѣютъ на головѣ вѣнокъ изъ плюща—принадлежность поэтессъ. Если на этомъ основаніи сравнивать ихъ съ извѣстными намъ женщинами-поэтессами древности, то можно сказать, что первая изъ нихъ имѣетъ характеръ Телесиллы, вторая характеръ Праксиллы. Телесилла, какъ извѣстно, была родомъ изъ Аргоса и прославилась воинственными пѣснями; Павсаній видѣлъ въ аргосскомъ храмѣ Афродиты ея статую въ воинскомъ костюмѣ. Праксилла, родомъ изъ Сикиона, была знаменита дионрамбами, сколіями, гимномъ къ Адонису; мы въ правѣ думать, что ея поэзія отличалась женственнымъ характеромъ².

Шкафъ IV-й.

РАСПИСНЫЯ ВАЗЫ.

№ 107. Самый замѣчательный изъ расписныхъ сосудовъ, найденныхъ на Таврическомъ-полуостровѣ³. На немъ означено имя художника, Ассианина Ксенофанта, который, судя по стилю изображенія и формѣ буквъ, жилъ въ началѣ III-го, а можетъ-быть и въ концѣ IV-го столѣтія до Р. Х. Фигуры исполнены по большей части въ рельефъ и раскрашены разноцвѣтными красками. Главное изображеніе представляетъ Аримасповъ, охотящихся за грифонами и другими животными; художникъ, вѣроятно, придерживался поэмы Арвистея Проконнескаго, называвшейся Аримаспея. Охотники раздѣлены на два ряда, которые помѣщены одинъ надъ другимъ; среднее мѣсто въ нижнемъ ряду занимаетъ Габрокомъ (*Αβροκόμας*); онъ ѣдетъ на колесницѣ, запряженной двумя конями, и направляетъ копьѣ свое противъ кабана, находя-

¹ Рисунокъ въ Древности. Босф. Кимм. Таб. 68.

² О Телесиллѣ см. Fr. Neue de Telesilla reliquis comment. Dorpati 1843. 4° (Ind. Lectt.); о Праксиллѣ Idem de Praxilla Sicyoniae reliquis comment. Dorpati 1844. 4° (Ind. Lectt.).

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 45. 46.

цагося у его ногъ. Передъ нимъ и сзади него другіе Аримаспы охотятся за грифонами. Главное лицо группы, находящейся на право, означено именемъ Сисама (*Σειβάμης*); главное лицо лѣвой группы названо Атрамись (*Ἀτραμῖς*). Въ срединѣ верхняго ряда всадникъ Дарій (*Δάρειος*) поражаетъ оленя. За нимъ три Аримаспа, изъ которыхъ одинъ названъ Эвриаломъ (*Εὐρύαλος*), приготовляются поразить кабана, на котораго уже вспрыгнула ихъ собака. Передъ Даріемъ стоять еще три Аримаспа: подлѣ одного написано его имя, котораго теперь разобрать нельзя; второй держитъ на сворѣ собаку, бросающуюся впередъ; третій приставляетъ руку ко лбу, чтобы лучше рассмотреть происходящее (жестъ *τοῦ ἀποσκοπεῖν*). Мѣстность означена пальмовымъ деревомъ, двумя канделябрами, имѣющими форму растеній *сильфиумъ* съ треножниками на верху, и двумя лавровыми вѣтвями, — указанія на то, что дѣйствіе совершается въ мѣстѣ, посвященномъ Аполлону. Выше главнаго изображенія, непосредственно подлѣ шейкою сосуда, помѣщенъ рядъ рельефныхъ фигуръ меньшаго размѣра, представляющихъ борьбу героевъ съ Кентаврами—и Богиню Победы, вдувающую на колесницѣ; подлѣ колесницы идетъ стрълокъ, натягивающій лукъ.

№ 110. Ваза, которой дана форма фигуры бога Діониса ¹. Голова бога украшена повязкой; широкое одѣяніе отброшено за спину. Онъ стоитъ, открывъ спереди все свое тѣло, и въ правой рукѣ держитъ *прохусь*. Съ лѣвой стороны у его ногъ лежитъ голова пантеры.

№ 111. Ваза, имѣющая форму женской фигуры, прекрасной работы и необыкновенно-счастливаго сохраненія ². Мы видимъ крылатую женскую фигуру, пляшущую вокругъ жертвенника съ *кроталами* (кастаньетами) въ рукахъ и въикомъ изъ плюща на головѣ. На жертвенникѣ видны слѣды принесенной жертвы. Можно разумѣть Ирену, богиню мира.

№ 35. *Амфора*, съ красными фигурами, ловкаго, но довольно небрежнаго рисунка ³. Персей въ хламидѣ, окрѣпленной обуви и остроконечной шапкѣ, отрѣзываетъ серпомъ своимъ голову у Медусы. Онъ отворотилъ въ сторону свое лицо, чтобы не видать ея образа, превращавшаго въ камень. Медуса упала на одно колено и старается вырваться изъ рукъ убійцы. Спутникъ Персея, въ которомъ на подобныхъ изображеніяхъ обыкновенно видать бога Гермія, рѣзкимъ жестомъ ободряетъ героя и какъ бы велитъ ему спѣшить исполненіемъ подвига. На задней сторонѣ вазы обыкновенныя гимнастическія фигуры.

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 70. № 7. 8.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 70. № 1. 2.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 63 а. № 3.

№ 6. *Амфора*, изящнаго стиля ¹. На передней сторонѣ состязаніе Аполлона съ Марсіемъ. Марсіей сидитъ на переднемъ планѣ, весь обнаженный, облокотившись на колено, и смотритъ на Аполлона, какъ бы предчувствуя судьбу свою. Флейты онъ уже выпустилъ изъ рукъ; онъ лежитъ у того возвышенія, на которомъ онъ сидитъ. Аполлонъ, одѣтый въ богатое платье кивареда, стоитъ по срединѣ картины, съ большою киварою въ рукахъ на небольшой приступкѣ. Вѣнокъ украшаетъ его голову, лавровая гирлянда виситъ надъ нимъ на верху, и маленькая Богиня Победы уже паритъ возлѣ него, чтобы увѣнчать побѣдителя. По другую сторону Аполлона въ соотвѣтствіе Марсію изображенъ ученикъ послѣдняго, Фригіецъ Олимпъ. Спокойная, беззаботная поза, въ которой онъ лежитъ и слушаетъ звуки Аполлоновой лиры, показываетъ, что онъ еще не предвидитъ, какой исходъ будетъ имѣть состязаніе. Какъ зрительницы, прибавлены двѣ женскія фигуры, изъ которыхъ одна, съ двумя факелами, есть Артемидъ (Діана), сестра Аполлонова, другая, въ богатой діадемѣ и съ скипетромъ въ рукѣ, можетъ быть принята за Геру (Юнону) или Рею, супругу Кроноса. Задняя сторона вазы представляетъ въ оживленной разнообразной группировкѣ, молодыхъ женщинъ, занимающихся туалетомъ.

Шкафъ V-й.

Расписныя вазы.

№ 37. *Амфора*, съ красными фигурами, рисунка бойкаго, хотя и немного грубаго ². Карлики-пигмеи сражаются съ журавлями. Они должны были ежегодно выдерживать эту борьбу для защиты полей своихъ. На задней сторонѣ вазы три обыкновенныя гимнастическія фигуры.

Шкафъ VI-й.

Расписныя вазы.

№ 13. *Амфора*, съ красными фигурами, хорошаго стиля ³. Юношественный Діонисъ, съ оѵрсомъ въ рукѣ и красивою повязкой на головѣ, сидитъ на возвышеніи и внимательно слушаетъ звуки двойной флейты, на которой играетъ сидящій передъ нимъ сатиръ. Три менады и другой сатиръ стоятъ около сидящихъ. Въ глубинѣ сцены видно дерево, съ котораго срываетъ плоды парижій возлѣ Эротъ и бросаетъ ихъ, по эротическому обычаю древнихъ, одной изъ менадъ, между тѣмъ какъ другая какъ бы советуетъ ей своимъ жестомъ не нарушать тишины. На задней сторонѣ небрежно набросана обыкновенная бакхическая сцена.

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 57.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 55.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 63 № 1—3

№ 29. *Гидрія*, превосходной работы, но къ сожалѣнію много пострадавшая ¹. Красивый юноша сидитъ на кровати; дѣвушка, лежащая на его колѣнахъ, закинула назадъ свою голову, ища его поцѣлуя. Одною рукою она нагибаетъ его къ себѣ, другою опирается на его колѣно. Близъ кровати стоитъ *кратерь*, изъ котораго одна дѣвушка черпаетъ вино и въ то же время смотритъ на любящихся. На нихъ же глядятъ съ любопытствомъ еще двѣ дѣвушки; онѣ любятъ ихъ счастіемъ, между тѣмъ какъ пятая дѣвушка, отличенная отъ зрителейъ бѣлою краской, сидитъ на особомъ сѣдалищѣ и, не обращая вниманія на то, что происходитъ подлѣ нея, занимается разговоромъ съ стоящимъ близъ нея юношей. Надъ всею сценою парятъ два Эрота. Они берутъ любящихся подъ свое покровительство и несутъ имъ повязку и блюдо, въ ролятио наполненное духами.

Шкафъ VII-й.

Расписныя вазы.

№ 1. Маленькій *алабастръ*, на которомъ изображенъ въ архаическомъ стилѣ Геркулесъ, нападающій на погруженнаго въ сонъ гигаута Алкіоня. Вооруженный лукомъ, стрѣлою, колчаномъ и палицею, неси на лѣвой рукѣ львиную кожу, Геркулесъ стремительно бросается на своего противника, между тѣмъ какъ послѣдній едва только успѣлъ приподняться и взять въ руку свою дубину. Ему нѣтъ спасенія; крылатый богъ смерти уже паритъ надъ его головою ².

№ 14. *Прохусъ*, красивой работы ³. Діонисъ и Аріадна удалились въ бесѣдку, составленную изъ лозъ винограда. Два бородатые сатира весело прыгаютъ по сторонамъ сцены. Одинъ изъ нихъ подбирается къ амфору съ виномъ, стоящей возлѣ Аріадны, и пользуется минутою, уже разставляетъ руки, чтобы овладѣть ею.

№ 16. *Амфора*, представляющая другую бакхическую сцену ⁴. На глазахъ у бога вина, два сатира ловятъ попавшую между ними дѣвушку, которая, какъ видно, совсѣмъ пльвила старыхъ проказниковъ. Она старается защититься отъ нихъ своимъ оирсомъ, но крылатый Эротъ уже летитъ къ ней, чтобы смягчить печувствительную.

№ 81. Большая ваза, самаго лучшаго стиля ⁵. Дѣвушка, или молодая дама, въ золотыхъ серьгахъ, въ богатомъ головномъ уборѣ, въ

¹ Древности Босф. Кинм. Таб. 62.

² Древности Босф. Кинм. Таб. 63 а. № 1. Сравните мои замѣчанія въ Bull. hist.-phil. de l'Acad. Imp. des sciences. T. XII p. 306.—Mél. gr.-rom. T. 1 p. 596.

³ Древности Босф. Кинм. Таб. 60.

⁴ Древности Босф. Кинм. Таб. 59—66. № 1.

⁵ Древности Босф. Кинм. Таб. 49.

ожерелье и запястьяхъ, сидитъ на креслѣ и занимается окончаніемъ своего туалета, при чемъ ей помогаютъ два Эрота. Три служанки приносятъ ей повязки и полотенца, ящики съ нарядами, чаши для умыванья. Одна изъ нихъ несетъ еще третьяго Эрота, держащаго въ рукъ гирлянду. Вѣроятно этотъ Эротъ долженъ дополнить число трехъ, известное намъ въ тройственномъ видѣ бога любви, какъ Эрота (любовь), Гимера (желаніе) и Поэоса (томленіе). Кромѣ того съ двухъ сторонъ приближаются двѣ Богини Побѣды (Ники). Онѣ несутъ повязки и сосуды для духовъ; этимъ, вѣроятно, означается, что молодая дама побѣдитъ всѣхъ соперницъ своею красотой и нарядомъ. Поэтому можно полагать, что это не простой всѣдневный туалетъ, а приготовленіе къ одному изъ состязаній въ красоту (*κάλους ἀγῶνες*), сопровождавшихъ разные праздники во многихъ мѣстахъ Греціи. Дѣйствительно, мы знаемъ, что въ этихъ случаяхъ Гречанки надѣвали на себя много золотыхъ украшеній ¹, тогда какъ въ другихъ случаяхъ это не было въ обычаѣ.

Шкафъ VIII-й.

Изъ богатаго собранія бронзовыхъ вещей, находящагося въ этомъ шкафѣ, заслуживаютъ вниманія особенно накопечники стрѣлъ и фрагменты бронзовыхъ чешуйчатыхъ панцырей. И тѣ и другія происходятъ изъ раскопокъ въ Керчи и на устьяхъ Дона (въ древней Танаисѣ).

Шкафъ IX-й.

Терракотты.

№ 882 в. Эротъ и Психея обнимающіеся ², сюжетъ чрезвычайно употребительный въ римское время.

№ 864 а. Маленькое подражаніе Фарнезскому Геркулесу въ видѣ мальчика или Эрота ³.

№ 864 в. Другое маленькое подражаніе Фарнезской статуи въ видѣ взрослога мужчины, уклоняющееся отъ оригинала, тѣмъ, что правая рука лежитъ на груди, а не заложена за спину ⁴.

№ 864 с. Юмористическая статуэтта комическаго актера въ роли Геркулеса ⁵. Голова и спина покрыты львиною кожей. Въ правой рукѣ дубина, въ лѣвой, какъ кажется, лукъ и колчанъ. Спереди обыкновенный *проастридіонъ* комиковъ; ноги перекрещены ⁶.

¹ Athen. Deipnos, XIII, 606.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 64. № 9

³ Сравните выше: Первый залъ античной скульптуры № 6.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 70 а. № 5.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 70 а. № 6.

⁶ См. Stephani: Der ausruhende Herakles S. 173.

№ 870 d. Другая статуэтка комическаго актера, сидящаго и, какъ кажется, размышляющаго о своей роли; какаѣ его роль¹, по костюму опредѣлить нельзя¹.

№ 870 a. Фрагментъ превосходной статуэтки упившагося Силена, обнимающаго мѣхъ съ виномъ и отчасти лежащаго на немъ².

№ 910. Фрагментъ пляшущаго Сивеа, очень хорошей работы³.

Шкафъ IX-й а.

На верхнихъ полкахъ этого шкафа разставлены глиняныя лампы, изъ которыхъ многія украшены изображеніями. На нижнихъ полкахъ размѣщены клейменныя ручки амфоръ⁴. Какъ уже сказано, въ этихъ сосудахъ обыкновенно продавали вино, масло, медъ и подобныя предметы. Штемпели, находящіеся на ихъ ручкахъ, имѣютъ историческую важность, потому что по нимъ опредѣляется мѣсто вывоза товаровъ, и такимъ образомъ узнаются пути древней торговли.

Шкафъ X-й.

Терракотты.

Большая часть маленькихъ фигуръ, помѣщенныхъ въ этомъ шкафѣ, представляютъ дѣтей и сцены изъ дѣтской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что это были игрушки. Онѣ прямо переносятъ насъ въ ежедневный бытъ древнихъ и этимъ, не смотря на свою простоту, привлекаютъ вниманіе. Такъ мы знаемъ, что древніе очень любили пѣтушіей бой,—и вотъ передъ нами терракотта (896 a), представляющая мальчика съ пѣтухомъ на рукахъ. Вѣроятно, это раненый пѣтухъ, а побѣдитель его бѣжитъ за мальчикомъ и преслѣдуетъ его⁵. Другая группа (№ 896 b) представляетъ мальчика съ пѣтухомъ на рукахъ, но безъ другаго преслѣдующаго пѣтуха. Въ третьей группѣ мѣсто простаго мальчика заступилъ Эроть; по видимому, онъ борется съ пѣтухомъ⁶. Наконецъ мы видимъ двухъ мальчиковъ, которые сидятъ на пѣтухахъ верхомъ⁷. Не менѣе любили дѣти играть съ гусями, и эта игра, по видимому, не всегда была дружеская. Въ древности было знаменито произведеніе Бозеа, изображавшее мальчика, какъ онъ задушаетъ гуся⁸. Лучшее мраморное повтореніе

¹ Древности Босф. Клим. Таб. 72. № 10. Объ изображеніяхъ этого рода см. Wieseler Theater-Gebäude Taf. 11. 12.

² Древности Босф. Клим. Таб. 64. № 5.

³ Древности Босф. Клим. Таб. 64. № 1.

⁴ Древности Босф. Клим. Надписи № 55. 79.

⁵ Древности Босф. Клим. Таб. 72. № 7.

⁶ Древности Босф. Клим. Таб. 73. № 2.

⁷ Древности Босф. Клим. Таб. 73. № 9.

⁸ Pin. Nat. Hist. XXXIV. 84.

этой группы изъ числа сохранившихся находится въ Капитолинскомъ музеѣ ¹. Между керченскими терракоттами мы имѣемъ три, представляющія этотъ сюжетъ ² (N° 897 а, 898, 898 а). Третьимъ любимымъ животнымъ дѣтей былъ козель: на одной терракоттѣ мальчикъ ѣдетъ верхомъ на козлѣ ³ (N° 894), на другой мальчикъ борется съ козломъ ⁴ (N° 894 а). Кроме этихъ фигурокъ нельзя не упомянуть о двухъ экземплярахъ мальчика, играющаго съ маской ⁵ (NN° 894 с, 894 d), и о куклѣ съ подвижными руками и ногами, на которую ея античные маленькіе обладатели сами надѣвали платье ⁶ (N° 870 е).

Витринъ XI-й.

Фрагменты золотыхъ вѣнцовъ, золотыхъ украшеній, употреблявшихся для нашивки на платье; остатки древнихъ тканей, между которыми особенно замѣчательны перетканная съ золотомъ; остатки человѣческихъ волосъ и т. п.

Витринъ XII-й.

Чрезвычайно богатое собраніе маленькихъ амулетовъ, отчасти изъ драгоценныхъ камней. Древніе носили ихъ на шеѣ и на рукахъ, въ ожерельяхъ и браслетахъ. — Здѣсь же разставлены другія вещицы изъ драгоценныхъ камней, золота, серебра, кости и дерева, служившія для парада или забавы. Между ними особенно замѣчательны двѣ большія серебряныя тарелки. Одна изъ нихъ (N° 577) превосходной работы, и можетъ быть отнесена къ третьему столѣтію до Р. X. ⁷. Ея край украшенъ лавровымъ вѣнкомъ, вырѣзаннымъ въ насѣчку (*niello*). Тамъ, гдѣ листья этого вѣнка встрѣчаются, помѣщена монограмма, находящаяся въ большихъ размѣрахъ еще разъ на срединѣ тарелки и составленная изъ буквъ *A N T B*. Ее можно читать такъ: *Ἀντίοχος βασιλεύς*, т. е. «царь Антиохъ», и предполагать, что первымъ ея владельцемъ былъ одинъ изъ сирійскихъ царей этого имени. На нижней поверхности тарелки вырѣзана болѣе грубыми чертами позднѣйшая надпись: *Βασιλεὺς Ῥοσκυπορίδης* (т. е. «царя Рескупорида», называющая одного изъ многочисленныхъ боспорскихъ царей этого имени, какъ позднѣйшаго владельца тарелки. Къ имени Рескупорида присоединено еще нѣсколько другихъ знаковъ, которыхъ смыслъ найти трудно. Другая тарелка

¹ Foggini Museum Capitolinum T. III. Tab. 64.

² Древности Босф. Клим. Таб. 75. N° 1.

³ Древности Босф. Клим. Таб. 75. N° 7.

⁴ Древности Босф. Клим. Таб. 72. N° 9.

⁵ Древности Босф. Клим. Таб. 72. N° 4.

⁶ Древности Босф. Клим. Таб. 74. N° 8.

⁷ Древности Босф. Клим. Таб. 30 N° 11.

(№ 578) относится къ позднему римскому времени. Фигуры не выкованы, а вырѣзаны посредствомъ снятія съ поверхности столько металла, сколько было нужно для того, чтобы образовались выдающіяся фигуры. Сюжетъ изображенія составляетъ сцена охоты. На заднемъ планѣ на возвышеніи видна башня. Спереди въ серединѣ изображенія стоятъ двѣ главныя фигуры: молодой человекъ, въ высокихъ сапожкахъ и короткомъ одявѣнн, съ пикою въ рукѣ, и другая фигура, по видимому женская, также въ высокихъ сапожкахъ и короткой одеждѣ; на головѣ у нея вѣнокъ; въ одной рукѣ она держитъ копьѣ, въ другой узду лошади; къ ней приближается слуга, въ особенномъ костюмѣ (его чресла опоясаны кожею); онъ несетъ какое-то мертвое животное, похожее на овцу; за нимъ изображено дерево. Подлѣ молодаго человека, стоящаго въ серединѣ, находится также слуга, вооруженный пикою и держащій лошадь. На оборотѣ тарелки — три штемпеля.

ОВЕЛИСКЪ XIII-Й.

СЕРЕБРЯНАЯ УТВАРЬ.

№ 531. Большой сосудъ оригинальной формы, работы поздней и неоловой, но весьма примѣжной ¹. Онъ найденъ близъ Прута вмѣстѣ съ ведромъ № 541. Ручки имѣютъ форму двухъ Кентавровъ, изъ которыхъ одинъ держитъ въ рукахъ обыкновенную амфору, между тѣмъ какъ у другаго находится въ рукахъ точно такая ваза, какъ самый этотъ сосудъ. Подъ шейкою на верхней поверхности сосуда изображена охота. Одна группа состоитъ изъ кабана и преслѣдующихъ его охотниковъ и собакъ. Другая изъ оленя и лани, которыхъ одинъ охотникъ, сопутствуемый собакою, гонитъ въ разставленные сѣти. Эти сѣти караулитъ мальчикъ, на которомъ надѣта шапка съ капуциномъ — принадлежность сельскаго костюма. На стѣнкахъ сосуда въ его туловѣ изображена борьба Грековъ съ Амазонками: сюжетъ весьма обыкновенный; но исполненіе замѣчательно по той тщательности, съ которою отдѣланы нарядная конская сбруя и богато украшенное оружіе. На нижней полосѣ изображены Нереиды, группированныя съ разными морскими чудовищами.

ОВЕЛИСКЪ XIV-Й.

СЕРЕБРЯНАЯ УТВАРЬ.

№ 541. Большая серебряная ведерка, найденная вмѣстѣ съ предыдущимъ номеромъ ². Фигуры тоже не выкованы, а вырѣзаны. Онѣ представляютъ три эротическія сцены изъ мифологіи. Въ первой группѣ

¹ Древности Босф. Книж. Таб. 40—42.

² Древности Босф. Книж. Таб. 39.

мы видимъ юношу Гиля между нимфами рѣки Асканія. Онъ похитилъ его и не пускаютъ отъ себя. Одна изъ нихъ старается обнять его и внушить ему любовь, но онъ недоступенъ ея ласкамъ. Остальныя нимфы льютъ воду изъ гидрій и приготовляются къ купанью. Вторая группа представляетъ намъ бога музыки Аполлона, какъ онъ застаётъ врасплохъ прекрасную Дафну вблизи источника, текущаго изъ вазы, подлѣ которой сидитъ его нимфа. Испуганная дѣва отталкиваетъ отъ себя приближающагося Олимпійца; лавровыя вѣтви въ рукѣ Аполлона и въ рукѣ ключевой нимфы указываютъ на предстоящее превращеніе Дафны въ лавровое дерево. Въ третьемъ изображеніи мы видимъ Зевса, царя боговъ, какъ онъ, превратившись въ лебедя, приближается къ Ледѣ. Она тоже пытается защититься отъ ищущей ее птицы, но мы замѣчаемъ, что послѣдняя сидитъ на маленькомъ Эротѣ, который показываетъ Ледѣ шаръ — символъ міра — и даетъ ей знать, что она имѣетъ дѣло не съ простою птицей, а съ властелиномъ вселенной. Такимъ образомъ и въ этой сценѣ художникъ довольно ясно далъ предчувствовать будущій исходъ ея.

№ 575. Серебряный рогъ, котораго нижняя часть имѣетъ форму головы быка ¹. Послѣдняя работана превосходно, между тѣмъ какъ фигуры, украшающія шейку сосуда, исполнены въ архаическомъ, весьма неловкомъ стилѣ. Можно думать, что это произведеніе соответствуетъ тому состоянію искусства, которое означало собою переходъ отъ архаическаго стила къ свободному, и котораго представителемъ, какъ мы знаемъ, былъ преимущественно Миронъ. Можно даже утвердительно относить этотъ драгоценный сосудъ къ тому древнему времени. Рельефныя фигуры представляютъ въ двухъ сценахъ сказаніе о Полидорѣ и Полиместорѣ почти точно такъ, какъ оно изложено у Эврипида ². Съ правой стороны мы видимъ царя Херсонеса-Фракійскаго, которому сынъ Гекубы былъ отданъ вмѣстѣ съ богатыми сокровищами на отцовское попеченіе. Но онъ вырвалъ своего питомца изъ рукъ его кормилицы; онъ занесъ уже кинжалъ и готовъ умертвить его, чтобы овладѣть его богатствомъ. Налѣво изображено наказаніе Полиместора за его преступленіе. Негодующая мать вмѣстѣ съ другою Троянкою схватили уже убійцу и держатъ его за руки, изъ которыхъ въ одной мы видимъ кинжалъ, въ другой ножны. Черезъ одно мгновеніе онъ совершатъ надъ злодѣемъ задуманное наказаніе: лишать его зрѣнія. Между двумя сценами видно возвышеніе, вѣроятно кенотафъ Ахилла ³.

¹ Древности Вост. Кнж. Таб. № 1.

² Въ его трагедіи *Hecuba* v. 1132 sqq.

³ См. *Гибель* къ Гекубѣ Эврипида.

Шкафъ XVIII-й.

Въ этомъ шкафѣ хранятся остатки нѣсколькихъ саркофаговъ изъ кедроваго дерева. Они имѣютъ особенную цѣну потому, что до сихъ поръ ни одинъ другой музей не обладаетъ деревяннымъ саркофагомъ греческой работы. Кромѣ того тотъ изъ нашихъ саркофаговъ, который сохранился полнѣе, относится къ времени лучшаго процвѣтанія греческаго искусства. Его украшенія показываютъ стиль, заслуживающій удивленіе. Особенное право на вниманіе имѣютъ три дощечки, составлявшія часть одной изъ короткихъ сторонъ саркофага ¹. На первой представленъ Аполлонъ; на другой Гера; третья занята орнаментомъ, составленнымъ изъ листьевъ и цвѣтовъ. Къ болѣе позднему времени относится другой саркофагъ, который былъ украшенъ живописными изображеніями. На его фрагментахъ можно различить, кромѣ грифона и шантеры, обширную мифологическую сцену — похищеніе Левкиппидъ Діоскурами ². При внимательномъ осмотрѣ мы разбираемъ пять группъ. Средняя состоитъ изъ одной дочери Левкиппа, одного Діоскура и его возницы. Дѣва, находящаяся между двухъ гусей, старается укрыться бѣгствомъ отъ похитителей. Направо другой Діоскуръ, также сопровождаемый своимъ возницей, пытается овладѣть другою дочерью Левкиппа. Налѣво двѣ подруги похищаемыхъ бѣгутъ къ самому Левкиппу, чтобы извѣстить его о происходящемъ. Наконецъ по обѣимъ сторонамъ картины изображено по колесницѣ. На одной еще явственно видна Богиня Победы. Такую же Богиню Побѣды мы въ правѣ предполагать и на другой колесницѣ. Очевидно эти колесницы принадлежатъ Діоскурамъ.

Витринъ XIX-й.

Самый важный изъ предметовъ, хранящихся въ этомъ столѣ, составляютъ буквы дощечки, украшенныя рисункомъ необыкновенно изящнаго стиля ³. Судя по загибамъ этихъ тонкихъ пластинокъ, полагаютъ, что это фрагменты лиры — догадка впрочемъ не совсѣмъ достоверная. Несомнѣнно то, что эти дощечки принадлежатъ къ самымъ драгоценнымъ остаткамъ античнаго искусства, какіе только дошли до нашего времени. Рисунокъ этихъ дощечекъ отличается неподражаемою красотой, выше которой не можетъ быть ничего. Ни одинъ музей Европы не заключаетъ въ себѣ чего либо подобнаго. Фигуры означены, по образцу этрусскихъ зеркалъ, углубленными линиями. Слѣды краски заставляютъ полагать, что онѣ были раскрашены. Къ сожалѣнію такъ много

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 82.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 83, 84.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 79, 80.

частей этого драгоценнаго памятника утратилось, что нельзя определить значенія всѣхъ сохранившихся фигуръ. Лучше всего сохранилось на двухъ фрагментахъ изображеніе Парисова суда. Въ богатомъ азіатскомъ костюмѣ стоитъ троянскій красавецъ передъ тремя богинями. Ближе всѣхъ къ нему Гера, отличимая по своему покрывалу. За нею на другомъ фрагментѣ слѣдуетъ Афина съ кошемъ и племомъ въ рукѣ, и наконецъ Афродита съ положившимъ руки на ея плечо парцимъ Эротомъ. Другой фрагментъ представляетъ безъ сомнѣнія похищеніе Левкиппидъ. Сохранилась верхняя часть колесницы и коней одного изъ Діоскуровъ съ возницей. Передъ колесницей Діоскуръ преслѣдуетъ одну изъ дочерей Левкиппа. На трехъ другихъ фрагментахъ замѣтенъ жертвенникъ, къ которому приводятъ барана, и коня, которыхъ поить человекъ, представленный въ азіатскомъ костюмѣ. По всему вѣроятію это изображеніе относится къ сказанію о Пелопсѣ и Гипподаминѣ. Что касается до другихъ фрагментовъ, то невозможно привести ихъ въ связь и опредѣлить ихъ сюжеты, хотя отдѣльныя фигуры понятны.

Мраморныя вещи.

№ 1. Статуя Кибелы, весьма поврежденная ¹. Богиня сидитъ на тронѣ. Подлѣ нея съ одной стороны сидящій левъ, съ другой тимпанъ.

№ 23. Обѣтная доска, превосходной греческой работы ². Двѣ богини находятся во внутренности святилища, означеннаго пилластромъ. Одна изъ нихъ сидитъ; другая, держащая скипетръ въ рукѣ, стоитъ и дружественно опирается на плечо первой. Къ нимъ приближаются два взрослыхъ мужчины и два отрока, конечно для поклоненія. Одинъ изъ мужчинъ держитъ въ одной рукѣ, какъ кажется, мечъ, въ другой посохъ. То, что мы видимъ въ рукахъ другаго мужчины и двухъ отроковъ, не можетъ быть ничто иное, какъ весло. Поэтому вѣроятно, что эта обѣтная доска была поставлена въ храмъ мореходцами, благополучно окончившими какое нибудь плаваніе, въ благодарность богинямъ, которыхъ покровительству она приписывали счастливый исходъ своего предпріятія.

№ 24. Обѣтная доска — какъ показываетъ надпись, приношеніе Трифона, сына Андроменова ³. Мы видимъ безбородаго мужчину въ скинскомъ костюмѣ на конѣ — вѣроятно молодой воинъ, павшій при одномъ изъ своихъ подвиговъ. Плита эта найдена въ развалинахъ Танаиса.

№ 28. Большой весьма поврежденный саркофагъ, въ которомъ, какъ

¹ Древности Босф. Кимм. Заглавный листъ № 12.

² Древности Босф. Кимм. Заглавный листъ № 3.

³ Древности Босф. Кимм. Т. I стр. 278. Надпись № 77. См. Проплеки Т. IV. стр. 416.

показывают изображенные на его крышке колоссальные фигуры, покоились некогда тела двух супругов¹. На передней стороне был изображен Ахилл, узнаваемый Одиссеем на остров Скирос между дочерью Ликомеда, — изображение, совершенно подобное находящемуся на известном саркофаге Строгановского сада близ Черной речки; сохранились только сам Одиссей и один из его спутников. Одна боковая сторона совершенно утрачена. Рельеф другой боковой стороны почти тождественъ съ изображеніемъ одного знаменитаго капитолинскаго саркофага² и относится, безъ сомнѣнія, къ тому же сказанію, хотя трудно объяснить подробности. На задней стороне Эротъ и двѣ женщины, вѣроятно Горы, несутъ гирлянды, и два Эрота стоятъ на колесницахъ.

№ 29. Надгробный камень II-го или III-го столѣтія по Р. Х.³, какихъ очень много въ собраніи Эрмитажа. Верхнее изображеніе представляетъ, согласно съ распространеннымъ въ древности понятіемъ о загробной жизни⁴, покойника, какъ онъ на томъ свѣтѣ отдыхаетъ, лежа на софѣ и услаждая себя пищею и питьемъ. На коленяхъ у него маленькое дитя; его окружаютъ виночерпій, супруга и ея служанка. Часть нижняго изображенія вмѣстѣ съ надписью утратилась. Впрочемъ можно узнать еще часть туловища молодаго челоуѣка или женщины и за этою фигурою шлемъ.

№ 84. Древнѣйшая изъ найденныхъ досель на Таврическомъ полуостровѣ надписей⁵, фрагментъ почетнаго декрета, которымъ граждане Аркадіи выражаютъ свое уваженіе Левкону, царствовавшему въ Пантгапелъ отъ 393 до 353 г. до Р. Х. Подробности оказанныхъ почестей не могутъ быть определены вслѣдствіе поврежденія камня.

№ 88. Надпись, въ мѣологическомъ и историческомъ отношеніи самая замѣчательная изъ всѣхъ найденныхъ близъ Киммерійскаго Боспора⁶. Камень служилъ первоначально базою для двухъ статуй, не дошедшихъ до нашего времени. Онъ представляли, какъ свидѣтельствуемъ надпись, двухъ боговъ Санерга и Астару и были воздвигнуты Комосаріей, супругою Перисада I-го, царствовавшего въ Боспорѣ отъ 349 до 310 г. до Р. Х.

№ 122. Известный тмутараканскій камень, который былъ бы древнѣйшею русскою надписью, если бы его подлинность не подлежала сомнѣнію.

¹ Древности Босф. Кимм. Заглавный листъ № 9.

² Foggini: *Museum Capitolinum* T. IV. tab. 2.

³ Древности Босф. Кимм. Заглавный листъ № 11.

⁴ Stephani: *Der ausruhende Herakles* S. 18 ff.

⁵ Древности Босф. Кимм. Надписи № 1.

⁶ Древности Босф. Кимм. Надписи № 5.

VI. Залъ мелкой бронзы.

Въ шкафахъ А, В, С, D хранится бронзовая утварь и разныя вещицы изъ мрамора, кости и земли, найденныя въ Помпѣи; шкафъ Е заключаетъ въ себѣ древне-христіанскія вещи, F чудскія, G и H восточныя; наконецъ шкафы I, K и L заняты греческими, римскими, этрусскими и египетскими бронзовыми вещами. Согласно съ нашимъ планомъ мы будемъ говорить только о послѣднихъ.

Шкафъ I.

№ 15. Античный бронзовый сосудъ, на который въ прошломъ столѣтіи былъ переведенъ рисунокъ съ одной мраморной плиты, найденной въ Геркуланумъ. Композиція принадлежитъ къ самымъ непонятнымъ произведеніямъ древняго искусства; она послужила Кёлеру предметомъ обширнаго труда¹, не достигшаго однакожь опредѣленныхъ результатовъ.

№ 58. Шишка пинія, служившая безъ сомнѣнія верхушкою *оурса* (бакхическаго жезла).

№ 60. Этрусское зеркало². Обнаженная женщина, можетъ быть Афродита, окружена двумя безбородыми юношами, вѣроятно Діоскурами, и другою женщиною одѣтою; на юношахъ яйцеобразныя шапки, принадлежность Діоскуровъ, и короткое одѣяніе.

№ 61. Этрусское зеркало. Женщина, которой ноги окрилены, несетъ вмѣстѣ съ другою женщиною трупъ бородатаго мужа. Вѣроятно богиня зари, Эось, уносящая съ поля сраженія тѣло сына своего Мемнона, или, быть можетъ, двѣ богини смерти съ трупомъ неизвѣстнаго мужа.

№ 62. Этрусское зеркало, украшенное изображеніемъ кадуцея (жезла Меркуріева), окриленной шапки и двухъ роговъ изобилія³.

№ 63. Этрусское зеркало безъ украшенія.

№ 116. Патера (тарелка) съ изображеніями на внутренней поверхности сюжета часто повторяющагося: Эантъ (Аяксъ) уноситъ раненаго Ахилла на плечахъ своихъ съ поля сраженія; Эантъ въ полномъ вооруженіи, Ахиллъ безъ оружія⁴.

№ 203. Балка большихъ вѣсовъ.

№ 206. Римскій разновѣсокъ, имѣющій форму бюста Минервы.

¹ *Gesammelte Schriften Th. VI, S. 103.*

² Такое же зеркало у Гергарда въ его *Etruskische Spiegel Taf. 202.*

³ Рисунокъ у Гергарда въ приведенномъ сочиненіи *Taf. 60 № 1*, гдѣ однако не вѣрно упомянуто, будто бы украшенія исполнены въ рельефѣ.

⁴ См. мое замѣчаніе въ *Köhler's Gesammelte Schriften Th. V. S. 137.*

Шкафъ К.

№ 21. Превосходно исполненная статуэтка Силеня, несущаго на плечахъ козу.

№ 22. Голова бородатаго Діониса (Бакха), превосходной работы; замѣчательна необыкновенная форма богато-украшенной головной повязки.

№ 43. Быкъ Аписъ, весьма ловкая работа греческаго художника.

№ 45 в. Въ Египтѣ найденная маленькая группа изъ кедроваго дерева, изображающая въ грубомъ, по характеристическомъ стилѣ Геракла (Геркулеса) въ борьбѣ съ немейскимъ львомъ.

№ 50. Маленькая статуя очень нарядной, но не чрезмѣрно заблѣвливой работы: Аѳина спокойно стоитъ, въ гладкомъ шлемѣ, съ эгидой на груди, въ верхнемъ и нижнемъ одѣянїи; на протянутой впередъ правой рукѣ она держитъ свою любимую птицу сову; глаза богини сдѣланы изъ серебра.

№ 57. Статуя Зевса, не меньшаго художественнаго достоинства. Зевсъ стоитъ съ твердою осанкой и грозитъ молніей, которую онъ поднимаетъ въ правой рукѣ; на немъ нѣтъ никакого одѣянїя.

№ 68. Шесть маленькихъ амулетовъ изъ серебра: Пріапъ съ пердникомъ, наполненнымъ плодами; Зевсъ на тронѣ и подлѣ него орелъ; женская фигура съ неясными атрибутами, между которыми, по видимому, находится зеркало; Гермій съ большимъ жезломъ; женская фигура съ рогомъ изобилїя, вѣроятно Фортуна; сова.

№ 78, 79, 81. Статуэтка вооруженныхъ воиновъ въ древнѣйшемъ строгомъ стилѣ; обѣ послѣднія по тщательности и отчетливости исполненїя представляютъ большое сходство съ знаменитыми эгиптскими статуями¹. Первая № 78 показываетъ руку менѣе опытную и, по всему вѣроятїю, есть произведенїе древне-этрускаго искусства.

№ 83, 84, 85. Еще три воина, замѣчательные образчики самой грубой древне-италїйской работы.

№ 92. Египетскій богъ Анубисъ, римское произведенїе времени императоровъ.

№ 97, 98, 99. Исидя, кормящая грудью младенца Гора, три произведенїя того же поздняго времени.

№ 109. Статуя Исиды, обыкновеннаго римскаго стили, замѣчательная тѣмъ, что богиня изображена съ четырьмя головами, вѣроятно вслѣдствїе смѣшенїя съ Гекатою; впрочемъ на ней надѣто обыкновенное одѣянїе Исиды и обыкновенный египетскій головной уборъ, плотно

¹ Обѣ эгиптскихъ изваянїяхъ см. Проплен Т. I. О. 1, стр. 59—60. Изображенїя см. у Wieseler: Denkmäler der alten Kunst. Th. I Taf 6—8.

охватывающій голову; постановка ногъ — какъ во всѣхъ египетскихъ статуяхъ; жаль, что обѣ руки съ ихъ аттрибутами утратились.

Шкафъ I.

№ 3. Бородатый мужчина, у котораго почти все тѣло поросло волосами; онъ поднималъ дубину надъ головою. Грубая италянская работа.

№ 19, 23. Двѣ статуи, этрусского характера, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ; тѣлодвиженіе странное, повидимому плясовое.

№ 33. Римскій ларь (покровительственный геній) въ высоко подпоясанномъ одѣяніи и въ высокихъ сапогахъ; въ лѣвой рукѣ у него патера, въ правой сосудъ, имѣющій видъ рога (*cornu*). Статуэтты этого рода попадаются во всѣхъ частяхъ Италіи, а особенно въ Геркуланумъ и Помпеи. Что онѣ представляютъ лара, это доказывается надписями двухъ знаменитыхъ жертвенниковъ, изъ которыхъ одинъ находится въ Ватиканѣ¹, другой во Флоренціи².

№ 67. Прекрасная статуя отрока Бакха, найденная въ южной Россіи. Подъ богатыми локонами виденъ вѣнокъ изъ плюща; рукъ и нижней части ногъ недостаетъ. Въ первыя времена христіанства эта статуя, какъ и многія другія произведенія языческаго искусства, получила христіанское назначеніе; на ней были вырѣзаны христіанскія монограммы и надпись: **ΦΩΝΙΚΥΡ. Ο. ΕΡ. ΤΟΝ ΥΔΑΤΟΝ**, т. е. безъ сомнѣнія: *φωνή κυρίου ἐπὶ τῶν ὑδάτων*, что означаетъ: *гласъ Господа надъ водами*.

№ 68. Также въ южной Россіи найденная бронзовая статуя превосходной работы, изображающая безбородаго сатира съ чрезвычайно характерными чертами лица, острыми ушами и небольшимъ хвостомъ, съ вѣнкомъ на волосахъ и шкурою на плечѣ; едва касаясь земли пальцами ногъ, онъ выступаетъ впередъ въ мѣрномъ плясовомъ движеніи³. Къ сожалѣнію руки этой статуи утратились.

VII. Залъ разныхъ камней.

Греческое искусство стало очень рано употреблять драгоценные камни какъ матеріалъ для своихъ произведеній, не смотря на то, что камни этого рода не были добываемы въ странахъ, гдѣ Греки обитали. Ихъ получали посредствомъ торговли изъ Индіи, Цейлона, Аравіи, впоследствии также изъ нѣкоторыхъ частей Африки. Первое побужденіе къ употребленію этого матеріала Греки получали безъ сомнѣнія

¹ Visconti Mus. Pio-Clement. T. IV. Tav. 45.

² Galleria di Firenze. Serie IV. T. III. Tav. 144.

³ Ср. выше Первый залъ античной скульптуры № 4.

отъ Персовъ и Египтянъ, которые ранѣ ихъ занимались обработкою драгоценныхъ камней. Древніе Персы обыкновенно давали драгоценнымъ камнямъ форму цилиндровъ, Египтяне форму жука или *скарабей* потому что жукъ былъ у нихъ священнымъ животнымъ; впрочемъ Египтяне употребляли по большей части менѣ благородные виды камня, какъ напр. порфиритъ, мраморъ, серпентинъ и т. п., въ особенности же фарфоръ. Мы находимъ, что у Грековъ и Этрусковъ была съ самаго начала очень распространена форма скарабей, а такъ какъ жукъ не имѣлъ у нихъ священнаго значенія, то въ этомъ заключается несомнѣнное доказательство египетскаго вліянія. Правда, что Греки уже въ раннее время почти совсѣмъ оставили эту форму¹, но Этруски, по видимому, постоянно придерживались ея не только въ древнѣйшую, но и въ позднѣйшую эпоху². Гораздо послѣ, нежели у Грековъ и Этрусковъ, распространилась любовь къ драгоценнымъ камнямъ у Римлянъ. Поводомъ къ тому было въ особенности перевезеніе въ Римъ Помпеемъ Великимъ богатой дактилютеки поитійскаго царя Митридата. Начиная съ этого времени мы находимъ въ Римѣ необыкновенную страсть къ драгоценнымъ камнямъ, и роскошь, съ которою Римляне стали ихъ употреблять, скоро достигла невиданной дотолѣ степени. Сорты камня, употреблявшіеся въ Римѣ, были чрезвычайно разнообразны: не входя здѣсь въ подробности этого труднаго вопроса³, я только замѣчу, что въ разные времена и для разныхъ цѣлей были въ особенномъ ходу различные камни.

Самыя важныя и подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ мы находимъ у Плинія⁴. Способъ обработки немногимъ отличался отъ нынѣшняго. Изображенія вырезывались или въ глубь, какъ въ печатяхъ, или рельефно: камнямъ перваго рода обыкновенно даютъ итальянское имя *in:agli*, а вторые называются *камни*. Первыхъ сохранилось гораздо больше, нежели вторыхъ, потому что главнымъ назначеніемъ рѣзныхъ камней было служить вмѣсто печатей. Носили ихъ обыкновенно въ перстняхъ, иногда украшали ими браслеты и ожерелья, разные части одежды и оружія и многіе другіе предметы домашней утвари. Лишь во время довольно позднее начали составлять особенныя собранія рѣзныхъ

¹ Известно положительно, что скарабеевъ греческой работы очень мало дошло до насъ. Къ помеченнымъ мною въ примѣчаніяхъ къ Кёлеровымъ *Gesammelte Schriften Th. V. S. 120*, должно прибавить еще найденные въ Керчи; см. Древности Босф. Кимм. Таб. 16.

² О позднѣйшихъ этрусскихъ скарабейхъ, часто находимыхъ въ южной Италиі, см. Кёлер *Gesammelte Schriften Th. III. S. 18*, и *Th. V. S. 128, 204*.

³ Всѣхъ болѣе собралъ матеріала для рѣшенія этого вопроса Кёлеръ въ двухъ разсужденіяхъ, которыя напечатаны въ его *Gesammelte Schriften Th. IV. S. 83* и *157*.

⁴ *Natur. Hist. I. XXXVII*.

камней. Впрочемъ камни такой значительной величины, какъ знаменитый вѣнскій ¹, или парижскій ² камней, едва ли могли и съ самаго начала имѣть другое назначеніе. Древнѣйшая извѣстная намъ дактиліотека — такъ назывались собранія рѣзныхъ камней — принадлежала Скавру, пасынку Суллы. За нею слѣдуетъ собраніе Митридата, привезенное въ Римъ Помпеемъ. О Юліи Цезарѣ мы знаемъ, что онъ выставилъ свою дактиліотеку въ храмъ Венеры-Родительницы. Марцеллъ, сынъ Октавія, помѣстилъ свое собраніе въ храмъ палатинскаго Аполлона.

Геммы были вырѣзываемы преимущественно для цѣли эстетическаго наслажденія; но это не было ихъ единственное назначеніе. Многія служили для амулетовъ, которые у древнихъ были носимы на шеѣ или на пальцахъ, и такъ какъ при камняхъ этого рода не требовалось изящества, то геммы-амулеты обыкновенно вырѣзывались менѣе тщательно. Мы уже упоминали объ употребленіи рѣзныхъ камней вмѣсто печатей. Ихъ обдѣлывали въ перстни и носили на рукахъ. Былъ также очень распространенъ обычай дарить друзьямъ и любимымъ особамъ перстни съ рѣзными камнями въ знакъ любви или памяти. Очень часто наконецъ рѣзные камни служили приношеніями богамъ ³.

Изображенія, которыя вырѣзывались на драгоценныхъ камняхъ, были само собою гораздо проще, нежели въ большей части остальныхъ отраслей искусства. Сюжеты заимствовались или изъ мифологіи боговъ и героевъ, или изъ вседневной жизни, иногда также изъ царства животныхъ. Нерѣдко изображались отдѣльные атрибуты и символы, а для печатей охотно выбирали такіе сюжеты, въ которыхъ заключалось указаніе на имя владѣльца ⁴.

Очень часто мы встрѣчаемъ на рѣзныхъ камняхъ надписи, нерѣдко даже безъ всякаго изображенія. Цѣль и содержаніе надписей весьма различны. Часто онѣ объясняютъ изображеніе, или дополняютъ его. Иногда въ нихъ содержатся восклицанія: или слова, влагаемая въ уста изображенному лицу или животному, или слова къ нимъ обращенныя, или восклицанія, относящіяся къ тому лицу, въ подарокъ которому былъ назначенъ камень, или наконецъ общія сентенціи. Третій немаловажный классъ надписей составляютъ болѣе или менѣе полныя формулы посвященія. Надписи четвертаго класса называютъ владѣльца. Къ пятому

¹ Wieseler Alte Denkmäler. Th. I. N° 377.

² Id. ibid. N° 378.

³ Особенно важны въ этомъ отношеніи извѣстія о сокровищахъ аттическихъ храмовъ у Бѣика въ Corp. Inscr. Gr. NN° 139, 150, 151, 152 и у Rangabé Antiqu. Hellen. p. 92 suiv.

⁴ См. мои замѣчанія къ Келлеровымъ Gesammelte Schriften Th. III S. 286. 271, 277, 314. 345.

можно отнести почти совершенно непонятныя надписи амулетовъ. Наконецъ, въ шестыхъ, бывали случаи, что художники подписывали на камняхъ свое имя. Надписи послѣдняго рода весьма рѣдки, хотя еще недавно ученые допускали значительное количество ихъ. Но болѣе тщательныя новѣйшія изслѣдованія ¹ показали, что большая часть предпологавшихся именъ художниковъ должны быть принимаемы за имена владѣльцевъ, и что другая еще болѣе значительная часть надписей этого рода обязана своимъ происхожденіемъ подлогу новѣйшаго времени. Съ начала прошлаго столѣтія собиратели геммъ придавали высокую цѣну камнямъ съ именами художниковъ, и этимъ побуждая итальянскихъ граверовъ или прибавлять подобныя надписи на античныхъ камняхъ, или даже вырѣзывать ихъ на подделкахъ своей собственной работы. Это дѣлалось съ такою ловкостью, что требуется необыкновенно опытный глазъ, дабы отличить античное отъ новѣйшаго. Въ древности самыми знаменитыми граверами были Парготель, которому одному Александръ Великій позволялъ изображать себя на драгоценныхъ камняхъ, и Діоскоридъ, который работалъ для императора Августа. Но до нашего времени не сохранилось ни одной геммы, на которой бы паходились подлинныя имена этихъ художниковъ.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть о главныхъ коллекціяхъ геммъ въ Европѣ. Изъ существующихъ нынѣ собраній первое мѣсто занимаютъ на ряду съ Эрмитажемъ австрійское собраніе въ Вѣнѣ, французское въ Парижѣ и прусское въ Берлинѣ. Впрочемъ Эрмитажъ превосходить даже эти первоклассныя собранія и числомъ и разнообразіемъ не только античныхъ, но и новѣйшихъ геммъ. Второе мѣсто принадлежитъ собраніямъ, находящимся въ Неаполѣ, Флоренціи, Лондонѣ, Гагѣ и Копенгагенѣ. Огромность дактилютеки Эрмитажа не позволяетъ описывать ее вполнѣ. Я ограничусь самыми важными античными геммами и останю безъ упоминанія камни новѣйшей работы. О послѣднихъ я только замѣчу, что они къ сожалѣнію не отдѣлены отъ античныхъ.

Столѣ А.

V, 2, 17. Этрусскій скарабей изъ сердлика. Эгей, аѳинскій царь, оставляя Эру, дочь трезенскаго царя Питоея, съ которою онъ былъ соединенъ союзомъ любви, положилъ свой мечъ и свою обувь подъ большой камень и наказалъ Эрь, чтобы когда сынъ, котораго она родитъ отъ него, вырастетъ и будетъ въ силахъ поднять камень, чтобы тогда она послала его къ нему въ Аѳины съ этими знаками его проис-

¹ Köhler Gesammelte Schriften Th. III. 1851. и Stephani: Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums 1851. и Rapport sur un ouvrage de Mr. Tölken à Berlin въ Bull. hist.-philol. de l'Acad. Imp. des scienc. T. X. S. 129 = Mém. greco-rom. T. I. p. 213.

хождение. Эра родила Тесея. Когда онъ подростокъ и въ Дельфахъ посвятилъ Аполлону перья срезанныя свои кудри, мать привела его къ камню и велѣла ему, взявъ мечъ и обувь, отправиться въ Аѳины. На описываемомъ нами скарабей изображенъ юный герой въ тотъ моментъ, когда онъ поднимаетъ камень ¹.

V, 2, 18. Этрусскій скарабей изъ сердолика. Тесей сопровождалъ своему другу Парисею въ адъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ извлечь отсюда Кору (т. е. богиню дѣву: такъ называлась Персефона или Прозерпина). Въ гнѣвъ на такую дерзость богъ преисподней наказалъ ихъ тмъ, что они приросли къ камню, на которомъ сѣли отдохнуть. Лишь когда Геркулесъ низошелъ въ адъ, чтобы вывести Кербера, Плутона позволилъ ему взять съ собою въ верхній міръ по однимъ одного Тесея, по другимъ обоимъ героямъ. Скарабей, о которомъ мы говоримъ, представляетъ Тесея сидящимъ на камнѣ въ преисподней и горящимъ о своей судьбѣ. Въ вѣрности этого объясненія удостоверяетъ надпись, называющая имя героя. Скарабей этотъ имѣетъ большую известность ².

V, 2, 25. Олимпъ изъ самыхъ превосходныхъ этрусскихъ скарабеевъ, дошедшихъ до нашего времени. Всѣ подробности исполнены съ необыкновенною тщательностію. На нижней поверхности скарабея изображенъ Эпигъ, поднимающій мертвца Ахилла. Чтобы положить его тѣло себѣ на плечо, онъ сталъ на колѣни и теперь хочетъ приподняться съ своею ношею. Въ сторонѣ летитъ душа Ахилла въ образѣ малой обнаженной фигуры. Это такъ называемый призракъ Ахилловъ, *εἴδωλον*. На задней сторонѣ представлена сирена, бьющая себя обѣими руками въ грудь отъ горя о смерти героя, — обыкновенная въ древности эмблема плача по мертвомъ ³.

V, 6, 23. Этрусскій скарабей не меньшаго художественнаго достоинства. Вполнѣ вооруженный воинъ стоитъ спокойно лицомъ къ зрителю. Онъ спустилъ забрало своего шлема.

Столъ В.

I, 1, 1. Агатъ, замѣчательный болѣе въ мифологическомъ, нежели въ художественномъ отношеніи. Безбородый гигантъ, оканчивающійся, какъ обыкновенно, вмѣсто ногъ змѣями, защищаетъ противъ соперника, оставшагося внѣ изображенія. Онъ протянулъ впередъ лѣвую руку, набросивъ на нее кожу или часть одѣянія. Правую рукою онъ поднимаетъ какой-то шаръ, чтобы бросить его въ своего врага ⁴.

¹ Ср. мое сочиненіе: Der Kampf zwischen Theseus und Minotauros. Leipzig. 1842 S. 42.

² См. приведенное выше сочиненіе стр. 17. 42.

³ Köhler Gesammelte Schriften Th. V. S. 136.

⁴ De la Chau et Le Blond: Descr. des pierr. gr. du cabinet d'Orléans T. I. Pl. 8.

III, 2, 1. Топазь. Селена, богиня луны, представленная въ моментъ захода мѣсяца. Поэтому она изображена летящею внизъ съ опущеннымъ факеломъ. На головѣ ея виденъ полумѣсяцъ; надъ головою разбивается въ видѣ полукруга ея одѣяніе: атрибутъ, общій всемъ божествамъ астральнаго свойства и указывающій на форму небеснаго свода. Композиція оживленная, но исполненіе поверхностно.

III, 5, 1. Сердоликъ. Эвесская Артемида (Діана), изображенная, какъ обыкновенно, съ множествомъ грудей, характеризующихъ всепитающую богиню. Съ каждой стороны ея стоятъ олени. Какъ астральная богиня, она характеризуется звездой, полумѣсяцемъ и круглымъ дискомъ, окружающимъ ея голову.

IV, 1, 2. Камей изъ сардоникса, хорошаго исполненія. На скалѣ стоитъ небольшой храмъ фригійской богини Кибелы съ ея изображеніемъ внутри. Передъ нимъ на возвышеніи жертвенникъ. Внизу у святилища сидитъ юноша въ фригійскомъ костюмѣ и играетъ на флейтѣ, любимомъ инструментѣ поклонниковъ Кибелы. Двѣ женщины приближаются въ оргіастическомъ одушевленіи. Одна поднимаетъ ножъ, другая бьетъ въ кимвалы ¹.

V, 6, 1. Камей изъ сардоникса, значительной величины. Три музы. Одна держитъ въ рукъ двойную флейту, другая лиру, третья положила руку на голову, но атрибута ея нельзя разобрать отъ поврежденія камня. На всѣхъ трехъ богатое одѣяніе.

VI, 2, 11. Большая античная паста, прекрасной работы, происходящая изъ собранія Казановы. Аполлонъ въ лавровомъ вѣнкѣ стоитъ въ спокойномъ положеніи. Одну руку онъ закинулъ на голову. Въ ней онъ держитъ плектронъ, орудіе, которымъ ударили по струнамъ лиры. Въ другой рукъ у него лира, которой нижняя часть украшена изображеніемъ ворона, любимой птицы Аполлона. Лира стоитъ на треножничкѣ, около котораго извивается змѣя. Грифонъ виденъ подлѣ.

Столъ С.

I, 6, 3. Камей изъ сардоникса, превосходной работы. ГермаФродитъ, окруженный Эротами, лежитъ подлѣ дерева. Два Эрота развлекаютъ его музыкой, третій обмахиваетъ его ².

II, 3, 1. Маленькій камей изъ сардоникса, отличающійся плавнымъ исполненіемъ и рѣдкостью сюжета. Эротъ галопируетъ на конѣ.

II, 4, 7. Большой камей изъ сардоникса, хорошаго исполненія. Гру-

¹ Spilsbury Collection of fifty prints from anc. gems Pl. 50.

² De la Chau et Le Blond Descr. des pierr. gr. du cabinet d'Orléans T. 1. Pl. 25.

дное изображеніе Богини Побѣды (Ника или Викторіи) съ пальмою въ рукѣ ¹.

II, 5, 9. Камей изъ сардоникса, котораго изображеніе, исполненное въ самомъ благородномъ стилѣ, къ сожалѣнію весьма повреждено. Богиня Ника, съ бичемъ въ рукѣ, ѣдетъ на колесницѣ, запряженной двумя конями, идущими тихимъ шагомъ ².

III, 4, 9. Аквамаринъ, одна изъ самыхъ драгоценныхъ пьесъ этого собранія. Посидонъ, богъ моря, въ сознаніи своего могущества обзрываетъ стихію ему подвластную. Какъ обыкновенно, онъ поставилъ одну ногу на утесъ и оперся на нее рукою. Въ другой рукѣ у него трезубецъ. Элементъ воды обозначенъ стоящею передъ нимъ гидріей ³.

III, 5, 12. Аметистъ прекрасной работы, но къ сожалѣнію сильно пострадавшій. Нереида сидитъ на морскомъ чудовищѣ, отъ котораго уцѣлѣлъ рыбій хвостъ и собачья голова.

V, 3, 60. Сердоликъ съ привлекательнымъ, но поверхностно исполненнымъ изображеніемъ. Три Эрота играютъ между собою. Одинъ надѣлъ на себя большую маску и приближается къ своимъ товарищамъ, чтобы испугать ихъ. Шутка произвела свое дѣйствіе. Одинъ Эроть уже упалъ отъ страха, другой стоитъ въ изумленіи и старается защитить себя рукою ⁴.

Столъ D.

I, 3, 6. Сердоликъ, котораго изображеніе хотя исполнено довольно поверхностно, но замѣчательно по живости концепціи. Панъ сидитъ на скалѣ и играетъ съ маленькимъ Бакхомъ. Высоко поднимаетъ онъ веселаго младенца обѣими руками. Юношественный сатиръ, стоящій противъ него въ кожѣ пантеры и съ посохомъ, предостерегаетъ его жестомъ руки, чтобъ онъ не причинилъ вреда божественному ребенку.

I, 5, 2. Сердоликъ, пострадавшій отъ огня. Бюстъ менады (вакханки), смотрящей вверхъ въ бакхическомъ изступленіи; голова ея украшена вѣнкомъ изъ плюща. Превосходное изображеніе, въ которомъ все показываетъ необыкновенное мастерство, удивительную нѣжность и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкую точность. Внизу видна древняя подпись, состоящая изъ трехъ буквъ PAB, которыхъ смыслъ нельзя опредѣлить съ достовѣрностью.

III, 1, 6. Сердоликъ. Грубоватое, но весьма оживленное грудное изображеніе Пана. Волосы у него всклокоченные, уши остроконечныя, и

¹ Id. ibid. Pl. 41.

² Id. ibid. Pl. 43.

³ Id. ibid. Pl. 26.

⁴ Касательно изображеній этого рода сравни мѣсочипленіе: Der ausruhende Herakles S. 114.

даже носъ показываетъ животный характеръ. На лбу видны два маленькіе рога. Въ рукъ посохъ, на груди замѣтна часть звѣриной шкуры. Подлѣ надпись: **ΒΟΕΤΡΑ**, известное имя многихъ городовъ въ Азіи (напр. одинъ въ Палестинѣ).

III, 2, 5. Сердоликъ. Поверхностно исполненная, но весьма характеристическая маска, подходящая къ характеру нынѣшняго полишинеля. Она особенно замѣчательна ястребинымъ носомъ, который составляетъ рѣдкость въ древнемъ искусствѣ ¹.

III, 6, 4. Халцедонъ съ весьма рѣдкимъ изображеніемъ. Харонъ причаливаетъ къ берегу на своей лодкѣ, чтобы принять одну покойницу. Она готова сойти въ лодку и дать перевозчику мертвыхъ обычную плату за его трудъ. Подлѣ начертана надпись, обращенная къ умершей: *Χρυσίς, χαίρε*, «здравствуй, Хрисидя» ².

IV, 1, 5. Камей изъ сардоникса. Юношественный Діонисъ спокойно лежитъ на колесницѣ, везомой Кентавромъ и Кентаврессою. Онъ закинулъ одну руку на голову, а въ другой держитъ еирсъ. Кентавръ и его подруга являютъ дикій энтузіазмъ. Последняя бьетъ въ тимпанъ ³.

IV, 1, 9. Фрагментъ камей изъ сардоникса превосходной работы. Голова Бакха, или менады, въ вѣнкѣ изъ плюща.

IV, 2, 6. Камей изъ сардоникса, съ изображеніемъ, исполненнымъ весьма отчетливо и нарядно. Актеръ, въ короткомъ одѣяніи, съ обыкновеннымъ кривымъ посохомъ въ рукъ и комическою маскою на лицѣ, стоитъ передъ богомъ театра Діонисомъ. Последний представленъ богородатымъ мужемъ. На немъ надѣта широкая богатая одежда; въ рукъ у него канеаръ.

VI, 1, 4. Камей изъ сардоникса. Статуа сатира на высокомъ постаментѣ. Шкура, которую онъ повязалъ на себя, развѣвается отъ вѣтра. Правую рукою онъ подноситъ къ себѣ цѣвницу, чтобъ играть на ней. Очень оживленное изображеніе.

Столъ Е.

I, 2, 24. Камей изъ сардоникса ⁴. Телевъ, сынъ Геркулеса, былъ тайно выброшенъ матерью его Авгою, жрицею Аэны, на горы Парее-

¹ Ср. Raspe Catalogue d'une collection de pierres gravées N° 3702 и Древности Боса. Кнжм. Таб. 76 N° 3.

² Сравни рисунокъ съ аттической вазой, находящейся теперь въ Мюнхенскомъ Музее, у Штакельберга Gräber der Hellenen Taf. 47.

³ Maffei Gemmae antiquae figuratae T. III, Tab. 34.

⁴ Сравни Jah n: Telephos und Troilos, Kiel 1841. Archaeologische Aufsätze 8. 160. Stephani Annali dell' Instit. archeol. T. XVI, p. 245.

ніонъ. Лань воскормила младенца. Этотъ-то моментъ, когда доброе животное даетъ ребенку свое вымя, изображенъ на прекрасномъ камнѣ, который мы описываемъ. Нельзя не замѣтить привлекательнаго мотива, состоящаго въ томъ, что лань поворачиваетъ голову къ младенцу и какъ бы желаетъ ласкать его.

II, 3, 12. Большой камей изъ сардоникса. Голова Медусы замѣчательной красоты. Черты лица, благородныя и возвышенныя, не представляютъ никакого слѣда того безобразія, которое обыкновенно отличаетъ Медусу. Превосходно исполнены волосы; между ними замѣтно крыло и обычная принадлежность Медусы — змѣи.

V, 4, 2. Камей изъ сардоникса. Зевсъ, сопутствуемый Эротомъ, приближается въ образъ лебеда къ Ледѣ и пытается обнять ее. Будущая супруга Зевса дѣлаетъ усиліе, чтобы освободиться отъ его притязаній¹.

VI, 5, 25. Знаменитый камей, происходящій изъ собранія Фульвія Орсини (Урсина). Камень, по видимому, античный, но кажется Орсини велѣлъ подновить изображеніе и прибавить надпись, которая не соответствуетъ сюжету. Изображенъ Геркулесъ, приходящій къ сознанию послѣ своего помѣшательства. Онъ узнаетъ, что во время своего безумія онъ умертвилъ свою супругу Мегару и своихъ дѣтей. Печальный, сидитъ онъ, опершись на посохъ, и схватился за мечъ, помышляя съ отчаянія о самоубійствѣ. Орудіе, которымъ совершилъ онъ страшное дѣло, палица и лукъ — еще лежатъ подлѣ него. Яблоки Гесперидъ, предметъ его послѣдняго двѣнадцатаго подвига, означаютъ, что всѣ подвиги предшествовали этому событію. Сѣинксъ указываетъ на Фивы — какъ на мѣсто дѣйствія. Противъ того возвышенія, на которомъ сидитъ герой, находится другое возвышеніе, и на немъ голова свиньи: это тотъ жертвенникъ Зевса (*Zeus éρμείος*), на которомъ Геркулесъ приносилъ жертву непосредственно передъ своимъ помѣшательствомъ. Голова свиньи есть остатокъ жертвоприношенія².

Столъ G.

I, 3, 4. Гиацинтъ съ красивымъ портретомъ Баеилла, любимца Анакреона. На кудряхъ юноши лежитъ вѣнокъ изъ розъ; впереди виденъ факелъ: все это указанія на эротическій характеръ изображенія³.

¹ Янъ (Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1852. S. 52.) на основаніи вѣншей отдѣлки платья сомнѣвается въ подлинности этого камня; но въ оригиналѣ нельзя замѣтить ничего похожаго на рукавъ сорочки, возбудившій въ Янѣ сомнѣніе.

² Подробнѣе говорится объ этомъ въ моемъ сочиненіи: Der ausruhende Herakles. S. 135

³ Köhler Gesammelte Schriften Th. III. S. 52. 245.

Столь Н.

VI, 2, 22. Сердоликъ изъ собранія Крозà. Юношественный Зевсъ стоитъ спокойно съ перуномъ въ одной рукѣ и згиною на другой; у ногъ его орель. Черты лица имѣютъ некоторое сходство съ Августомъ, и потому полагали, что этотъ императоръ изображенъ здѣсь въ образѣ Зевса. Но сходство не такъ велико, чтобы принять такое толкованіе за достовѣрное. Надпись ΝΕΙΣΟΥ безъ сомнѣнія называется владѣльца ¹.

VI, 6, 12. Знаменитый сердоликъ изъ собранія Фульвіа Орсинія. Превосходно исполненное грудное изображеніе Антиноя, любимца Адріанова. Рука дѣлаетъ жестъ Гарпократа—прикасается къ губамъ въ знакъ молчанія. Во время Орсинія это изображеніе было по ошибкѣ относимо къ Геллену, и потому на немъ выгравировали его имя ².

Столь L.

II, 45. Аметистъ, относящійся къ самымъ изящнымъ рѣзнымъ камнямъ, сохранившимся отъ древности. Мы видимъ безбородую мужскую голову, въ лавровомъ вѣнкѣ и тонкомъ покрывалѣ: вѣроятно это Геркулесъ въ томъ костюмѣ, который имѣлъ онъ на островѣ Косъ, подъ влияніемъ азіатскихъ религіозныхъ представленій ³.

Столь М.

II, 25. Камей изъ сардоникса, который въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій сохранялся въ одномъ французскомъ монастырѣ — какъ обручальное кольцо Богоматери, а въ началѣ прошлаго вѣка поступилъ въ бібліотеку St. Germain des Prés въ Парижѣ. Онъ очевидно относится къ 1-му столѣтію по Р. Х. Мы видимъ на немъ грудное изображеніе мужчины и женщины и надпись: Ἰλλφῆος σὺν Ἀρέῳωνι (дополни: ἀνέδρηκε), которая показываетъ, что онъ былъ посвященъ какъ приношеніе въ храмъ какого нибудь божества ⁴.

Столь О.

I, 53. Сардониксъ. Левъ, спокойно идущій впередъ, превосходной работы.

I, 101. Сердоликъ съ дополненіемъ изъ золота недостающей въ немъ части. Кабанъ, сидящій въ тростникѣ; тщательная работа строгаго сти-

¹ Id. ibid. Th. III. s. 192. 353.

² Id. ibid. Th. III. s. 58. 110. 261.

³ Id. ibid. Th. IV. s. 23.

⁴ Id. ibid. Th. III. s. 85. 213. 255. 278.

ля. Буквы **ΦΑΡ** прибавлены въ новѣйшее время съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы приписать этотъ камень художнику Фарнаку ¹.

II, 34. Сердоликъ. На одной сторонѣ красивое изображеніе кобылы, кормящей жеребенка, на другой надпись: *Εὐτυχῶς Φαυστινιανῶ*, т. е. «счастье Фавстиніану», вѣроятно восклицаніе, обращенное къ владѣльцу юна и камня ².

III, 55. Сердоликъ. Бышennyй быкъ. Камень необыкновеннаго совершенства. На брюхѣ животнаго выгравированы позднѣе, но очевидно еще въ древности, буквы **ΡΑ** ³.

III, 57. Сердоликъ замѣчательнаго художественнаго достоинства. Быкъ приближается къ ручью для питья. Вблизи его собака. Выше храма, въ которой замѣтна герма Пріапа и подлѣ нея дерево ⁴.

Столъ Q.

I, 105. Красный яспись, служившій печатью нѣкому Эвельписту. Владѣлец велѣлъ вырезать, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, три мужскія маски и хоботъ слона; въ хоботъ кадуцей ⁵.

II, 2. Сердоликъ съ надписью: *Εὐπορία, χαῖρε*, «поклонъ тебѣ, Эвпорія» ⁶.

II, 23. Сердоликъ съ надписью: *Ψυχὴ μου, χαῖρε*, «прощай душа моя».

II, 30. Яспись съ восклицаніемъ: *Εἰς Ζεὺς Σάραπις*, «есть одинъ Зевсъ Сераписъ» ⁷.

II, 65. Сардоникъ съ надписью: *Μακρῖνε, Ζήβαις πολλοῖς ἔτεσιν* «Макришъ живи много лѣтъ» ⁸.

II, 76. Сердоликъ съ воззваніемъ: *Μίσε, σίτιο*, «налей вина, я жажду!»

III, 19. Сердоликъ. Эротъ верхомъ на пѣтухѣ. Красивое маленькое изображеніе, примыкающее къ терракоттамъ, описаннымъ выше. Буквы **CNO** не понятны.

III, 71. 72. 74. 75. Сардониксы съ изображеніемъ руки, берущейся

¹ Stephani: Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums. S. 60.

² Köhler Gesammelte Schriften Th. III. S. 83.

³ De la Chau et Le Blond Descr. des pierr. gr. du cabinet d'Orléans T. II. pl. 59.

⁴ Id. ibid. T. II. pl. 58.

⁵ Stephani: Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums S. 55.

⁶ См. мон. прахѣчавіа къ Жёлеровымъ Gesammelte Schriften. Th. III. S. 217.

⁷ Объ этомъ восклицаніи см. Jahn Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Gesellschs. d. Wiss. 1855. S. 46.

⁸ Köhler Gesammelte Schriften Th. IV. S. 19.

за ухо — жезъ, имѣвшій въ древности значеніе напоминанія; подлѣ надпись: *μνημόνευε*, «припомни» ¹.

III, 77. Агатониксъ съ изображеніемъ двухъ соединенныхъ рукъ — символъ согласія. Надпись: *ὁμόνοια*, «единомысліе».

Овельскъ II-й.

III, 38. Знаменитый сосудъ изъ оникса, богато украшенный изображениями. Главная мысль послѣднихъ — душа, подчиняющаяся въ бракъ власти любви. Мы видимъ два брачныя божества, Аполлона и Артемиду, изъ которыхъ первый сидитъ и играетъ на лирѣ, вторая стоитъ, сопровождаемая рогатою ланью. Неподалеку отъ нихъ сидитъ женщина, можетъ быть невеста, но скорѣе, кажется, Афродита. Къ ней приближается сзади женская фигура съ кружкою въ рукъ (*λουτροφόρος*) ², игравшая важную роль при брачныхъ обрядахъ, и маленькій Гименей, геній брака, держащій въ рукъ факель и неясственный предметъ, который можно принять и за вѣнокъ и за чашу. Съ другой стороны прилетаетъ маленькій Эроть и приноситъ въ алабастровъ благовонное масло. Пространство между этою группою и Эротомъ наполнено изображениями, выражающими мысль, что душа человѣческая подлѣжитъ власти любви и ея мукамъ. Прежде всего мы видимъ Психею, то есть душу, въ видѣ дѣвочки, привязанной къ дереву. Далѣе Эроть стрѣляетъ въ нее, принявшую видъ бабочки. Другой Эроть мучитъ бабочку огнемъ своего факела, третій запрягъ двухъ бабочекъ въ раковину, служащую ему вмѣсто колесницы, и ѣдетъ на нихъ ³.

VIII. Кабинетъ Государыни Императрицы.

Въ этой роскошной комнатѣ находится выборъ драгоценнѣйшихъ рѣзныхъ камней Эрмитажа, какъ античныхъ, такъ и новѣйшихъ, и наиболѣе изящныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, найденныхъ въ Керчи и ея окрестностяхъ. Первые размѣщены въ столахъ, стоящихъ у оконъ, вторые — въ обелискахъ, пирамидахъ и столѣ, находящемся у ствны. Начинаемъ съ рѣзныхъ камней и назовемъ самые замѣчательные изъ нихъ, ограничиваясь впрочемъ античными.

¹ См. мои примѣчанія къ Кёлеровымъ *Gesamm. Schriften*. Th. III S. 247 и Прибавленія.

² *Becker Charikles* Th. III. S. 300.

³ Въ послѣдній разъ надолѣ рисунокъ этого сосуда и говорилъ о немъ Визелеръ въ *Denkmäler der alten Kunst* Th. II № 668.

Столъ АА.

I, 7. Камей изъ сардоникса. Голова Зевса, высокаго художественнаго достоинства. Дубовый вѣнокъ, атрибутъ додонскаго Зевса, украшаетъ густыя пряди обильныхъ волосъ.

II, 9. Камей изъ сардоникса. Четыре воздымающіеся коня везуть колесницу, отъ которой видна только небольшая часть. Нельзя рѣшить, имѣемъ ли мы въ этомъ камнѣ фрагментъ болѣе полнаго произведенія, или художникъ и первоначально имѣлъ въ виду изобразить однихъ коней. Последнее вѣроятнѣе по небрежности, съ которою исполнены руки всзницы (стоящаго на колесницѣ и невидимаго).

II, 25. Камей изъ сардоникса. Древніе считали одною изъ самыхъ тяжкихъ работъ воздыманіе земли киркой. Самыхъ дурныхъ работъ назначали къ тому за наказаніе. Поэтому когда позднѣйшіе художники искали самыхъ разнообразныхъ формъ для выраженія мысли, что душа терзается любовью, они стали изображать Психею, принуждаемую Эротомъ къ этому тяжкому труду¹. На нашемъ превосходномъ камей мы видимъ, какъ Психея отдыхаетъ отъ утомительной работы и, опершись на кирку, размышляетъ о своей горькой судьбѣ. Но въ то же время маленькій Эротъ у ногъ ея старается смягчить ея жестокою долю. Онъ помогаетъ ей и самъ исполняетъ часть труда. Онъ взрываетъ землю и достаетъ оттуда плоды, для которыхъ приготовлена стоящая подлѣ него корзинка. Другой Эротъ стоитъ на возвышеніи и дѣлаетъ знакъ Психеѣ, чтобъ она оставила работу и пришла насладиться радостями любви.

Столъ АВ.

I, 12. Орестъ, умерщвленіемъ матери своей Клитемнестры отмстившій за смерть Агамемнона, прибѣгаетъ, дабы освободиться отъ преслѣдованія фурій, по совѣту Аполлона къ богинѣ Аѣннѣ, которая передаетъ сужденіе этого дѣла аѣнскому Ареопагу. Голоса судей раздѣлились по ровну, но голосъ Аѣины рѣшилъ судьбу Ореста и освободилъ его. Этотъ моментъ оправданія изображенъ на описываемомъ нами превосходномъ сардониксѣ. Аѣина опускаетъ въ урну камешекъ съ своимъ голосомъ. Орестъ, взволнованный, спѣшитъ узнать рѣшеніе. Сзади него стоятъ въ тревожномъ ожиданіи его сестра Электра. Дерево и Палладіумъ, стоящій на высокой базѣ, дополняютъ сцену. Въ Аѣинахъ кромѣ Ареопага было другое судилище, которое называлось «При Палладіумѣ»² (*ἐπὶ Παλλάδιῳ*) и гдѣ

¹ См. Jahn въ Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Gesellsch. der Wissensch. 1851. S. 162. 163.

² Hermaen: Griechische Staats-Alterthümer § 104 и Проп. Т. III, О. II, стр. 117.

судили ээеты. Можетъ быть, художникъ имѣлъ въ виду это судилище и означилъ его изображеніемъ Палладіума. Въ такомъ случаѣ онъ отступилъ отъ господствующаго сказанія ¹.

П, 13. Сила музыки, очищающая и смягчающая душу, выражена между прочимъ въ греческомъ сказаніи, что Орфей своею пѣснью подвигалъ утесы и горы и укрощалъ звѣрей. Такое сказаніе естественно должно было сдѣлаться любимымъ сюжетомъ древнихъ художниковъ ². На этомъ сардониксѣ мы видимъ Орфея, окруженнаго со всѣхъ сторонъ разными звѣрями. Онъ сопровождаетъ свое пѣніе звуками лиры и улаждаетъ животныхъ.

П, 12. Камей изъ сардоникса. Геркулесъ въ плыву у лидійской царицы Омфалы. Сложивъ съ себя львиную кожу, онъ сидитъ спокойно на землѣ; Омфала, или ея служанка, расчесываетъ ему волосы, а Эротъ изъ большаго сосуда льетъ на голову воду, или благовонное масло ³.

П, 19. Камей изъ сардоникса. Голова Геркулеса, представляющая съ рѣдкимъ мастерствомъ идеальныя формы этого героя ⁴.

П, 25. Темный сардониксъ. Геркулесъ употребляетъ минуту досуга на занятіе музыкой. Онъ сидитъ и готовится коснуться струнъ большой лиры, стоящей у него между колѣнями. Онъ, кажется, думаетъ, какіе аккорды извлечь изъ нихъ ⁵.

Столъ АС.

Камей изъ сардоникса трехъ слоевъ. Самый драгоценный экземпляръ въ собраніи Эрмитажа. Сколько извѣстна его исторія, онъ принадлежалъ первоначально шведской королевы Христины. Мы видимъ на немъ двѣ головы, мужскую и женскую, изобраенныя въ профиль одна за другою. Прежде полагали, но совершенно не вѣроятно, что это Александръ и Олимпіада, его мать. Висконти принималъ Птолемея II-го Филадельфа и первую его супругу Арсиною, дочь Лисимаха. Отъ Фрида Мюллеръ замѣтилъ на это, что достовѣрныя изобраенія этого Птолемея представляютъ совершенно другія черты лица, а напротивъ мужская голова камей имѣетъ нѣкоторое сходство съ Птолемеемъ I-мъ. Къ этому присоединяется, что на монетахъ Птолемея I-го мы находимъ, какъ атрибутъ, эгиду, и ее же мы видимъ на камей. Но такъ какъ женское лицо камей не имѣетъ никакого сходства съ Береникой,

¹ Рисунокъ съ этого камня см. Caylus Recueil d'antiquité T. II. Pl. 44. N° 2. Рисунокъ серебрянаго кубка, весьма вѣрный, мы находимъ у Винкельмана въ Mon. Ined. N° 151.

² Указаніе на сюжеты этого рода можно видѣть у Мюллера въ его Handbuch der Archäologie S. 699 и у Пилера въ Mythologie der christl. Kunst. Th. I. S. 121.

³ См. рисунокъ такого же камей у Millin въ Gal. Mythol. Pl. 123. N° 453.

⁴ De la Chau et Le Blond Descr. des pierr. gr. du cabinet d'Orléans T. I. Pl. 82.

⁵ Ср. мое сочиненіе: Der ausruhende Herakles S. 150.

известною женой Птолемея I-го, то Мюллеръ думалъ объ Эвридикѣ, первой женѣ его. Впрочемъ при этомъ остаются необъясненными бакенбарды, слегка означенныя на щекѣ предполагаемаго Птолемея, и потому Арнетъ предложилъ догадку, что можно относить эти два портрета къ Адриану и Сабинѣ¹.

III, 3. Большой камей изъ сардоникса. Императоръ Траянъ стоитъ въ полномъ вооруженіи лицомъ къ зрителямъ; его вннчаетъ богиня, въ которой мы узнаемъ Фортуну (*Tύχη*) какого нибудь города. Голова ея украшена вннцомъ, имѣющимъ видъ городской стѣны (согопа muralis). Въ рукѣ у нея колосья, обыкновенные атрибуты Богинь Городскаго Счастья. Но какой городъ разумеется, это не означено; ясно только, что это не богиня Рима, ибо последняя изображалась въ видѣ Минервы или Амазонки.

Обелискъ I-й.

Здѣсь начинаются древности, найденныя въ Керчи и ея окрестностяхъ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе золотые вѣнки. Известно, что древніе гораздо чаще, нежели мы, употребляли и вѣнки естественные и искусственные, въ особенности золотые. Считалось великою почестью заслужить такой вѣнокъ, какъ награду отъ государства, или государя. При погребеніи вѣнки этого рода возлагались на тѣло умершаго. Впрочемъ Греки имѣли обыкновеніе украшать и всякаго другаго мертваго цвѣтами и вѣнками, и притомъ не только естественными, но и золотыми. Поэтому трудно рѣшить, къ какому изъ этихъ двухъ разрядовъ относятся вѣнки, находимые въ древнихъ гробницахъ. Лишь о тѣхъ вѣнкахъ, которыхъ листья представляютъ болѣе или менѣе ясно форму плюща, можно съ увѣренностью утверждать, что они принадлежатъ ко второму разряду. Обелискъ I-й заключаетъ въ себѣ семь красивѣйшихъ вѣнковъ изъ числа найденныхъ на Таврическомъ полуостровѣ. Особенное право на удивленіе имѣютъ два лавровыхъ вѣнка NN° 24, 25². Вѣнцы 4 и 9 отличаются, правда, меньшимъ художественнымъ достоинствомъ, но и они чрезвычайно замѣчательны, потому что украшены оттисками съ монетъ императоровъ Марка Аврелія³ и Коммода⁴, что составляетъ интересное указаніе для опредѣленія ихъ времени.

Обелискъ II-й.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія золотой вѣнецъ N° 8, украшенный золотую пластинкою съ изображеніемъ всадника въ скискомъ одѣяніи,

¹ Дальнѣйшія подробности см. у Визелера въ *Denkmäler der alten Kunst* Th. I. N° 226.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 4 N° 2 и Таб.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 3 N° 1. 5 N° 3.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 4 N° 1.

увѣнчиваемаго Богинею Побѣды¹. На вѣнцѣ № 1 мы видимъ такого же всадника, по безъ Богини Побѣды²; въ рукъ у него сосудъ изъ разряда роговъ, *butá*; передъ намъ жертвенникъ. Этотъ вѣнецъ, котораго работа не показываетъ тонкаго вкуса, былъ найденъ въ одной гробницѣ и на одномъ покойникѣ съ большою золотою маскою, помѣщенной ниже его³. Въ томъ же саркофагѣ были найдены еще двѣ серьги, которыя, по видимому, указываютъ на женщину, и уздечка, заставляющая предполагать, что здѣсь лежалъ мужчина. Черты лица маски носятъ очевидно болѣе мужской, нежели женскій характеръ. Изображеніе всадника на вѣнцѣ также говорить въ пользу предположенія мужскаго покойника. Вѣроятнѣе всего, что въ гробницѣ были похоронены мужъ и жена вмѣстѣ, и что маска и вѣнокъ, находившіеся въ гробницѣ непосредственно надъ маскою, принадлежали мужу. Надпись серебряной ложечки⁴, найденной въ той же гробницѣ и хранящейся въ этомъ же обелискѣ, показываетъ, что гробница относится къ VI-му столѣтію понтійской эры, или къ III-му столѣтію по Р. Х., а надпись серебряной чаши⁵, тамъ же найденной, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что покойникъ былъ одинъ изъ боспорскихъ царей, носившихъ имя Рескупорида. Впрочемъ не надобно упускать изъ вида, что эти заключенія не совсемъ обязательны. На древнихъ вещахъ мы находимъ иногда имя не только владѣльца, но и того лица, которое подарило вещь другому⁶. По этому очень возможно, что имя Рескупорида вырвано на серебряномъ сосудѣ въ память царя этого имени, подарившаго сосудъ лицу, похороненному въ гробницѣ, и что слѣдовательно это не царская гробница. Что касается до того, съ какою цѣлію на лицо покойника была возложена золотая маска, мы не можемъ покамѣстъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія. Древніе писатели не поясняютъ намъ этого обычая, а число масокъ, найденныхъ доселѣ въ гробницахъ, еще весьма ограничено и не позволяетъ сдѣлать вывода.

Обелискъ III-й.

Здѣсь мы видимъ еще семь золотыхъ вѣнцовъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько — украшенныхъ рѣзными камнями⁷. Это интересно для насъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ составить себѣ понятіе о разнообразномъ употребленіи рѣзныхъ камней въ древности и можетъ служить от-

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 3. № 3.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 3. № 4.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 1.

⁴ Древности Босф. Кимм. Т. 1. стр. 210.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 30 № 11.

⁶ *Fragm. Elementa epigraphicae graecae* p. 332. и мое примѣчаніе къ Келлеровымъ *Gesammelte Schriften Th. III S. 249.*

⁷ Древности Босф. Бичи. Табл. 3. № 5. Табл. 4. № 3.

части къ объясненію того назначенія, которое могли имѣть рѣзные камни, дошедшіе до насъ безъ своей первоначальной оправы.

Пирамида I-я.

Эта пирамида, равно какъ и слѣдующая за нею, заключаютъ въ себѣ собраніе мелкихъ золотыхъ вещей, которому подобнаго не имѣетъ ни одинъ другой музей. Это предметы туалета, понятные сами собою и не требующіе ученаго комментарія. Многие изъ нихъ удивляютъ своимъ вкусомъ и изяществомъ.

A, 201 в. Ожерелье съ двумя большими головами Медусы и пятью меньшими привѣсками, представляющими Пана, играющаго на цѣвницѣ, льва, гребень, зайца и птицу. Назначеніемъ изображеній было отчасти отвращать дурной глазъ¹.

C, 10. Золотой браслетъ съ изображеніемъ похищенія Керы Плутономъ². Богъ преисподней увлекаетъ на своей колесницѣ прекрасную дочь Деметры. Впереди его идутъ Гермій и Ирида (Радуга); подружки похищенной дѣвы выражаютъ изумленіе. Это представлено на одной половинѣ браслета. На другой мы видимъ сидящаго бога Солнца, къ которому бросается Деметра, умоляя сказать, гдѣ ея дочь. На верху налѣво та колесница, на которой прибыла къ Солнцу Деметра. Ею правитъ Геката, давшая Деметрѣ совѣтъ обратиться къ Геліосу. На остальной части второй половины повторенъ сюжетъ первой половины³.

E, 205 а. Подобный браслетъ, котораго изображеніе показываетъ соединеніе аполлоническаго и бакхическаго характера⁴, соединеніе, нерѣдко встрѣчающееся на памятникахъ. Аполлону принадлежатъ треножники и дельфины, Діонису — двѣ менады, ударяющія въ тимпаны, одна менада, въ изступленномъ бѣгѣ несущаяся впередъ съ ѳирсомъ въ рукѣ, и еще одна, четвертая, менада, разсѣкающая ножомъ козленка.

H, 160. Весьма изящное ожерелье съ разными привѣсками, которыя служили вмѣстѣ и украшеніями и амулетами⁵. Три птицы, двѣ раковины, гребень и стручекъ.

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 9, № 3. Подробнѣе говорится объ этомъ обычѣ у Лина въ *Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Ges. der Wiss.* 1855 S. 41. 59.

² Древности Босф. Кимм. Таб. 6 № 3.

³ О другихъ изображеніяхъ похищенія Прозерпины см. *Welcker Zeitschr. für Kunst* S. 1.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 6, № 4.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 12, № 3.

ПИРАМИДА П-я.

L, 328, 328 а. Два почти одинаковых золотых перстня необыкновенной величины ¹; отчасти изъ золота, отчасти изъ граната сдвѣано грубое изображеніе Аѳины въ шлемъ и эгидь. Это перстни изъ разряда тѣхъ, надъ которыми такъ зло смѣялся Марціалъ ².

L, 269. Золотой перстень съ цилиндромъ, пострадавшимъ отъ огня. Изображеніе чрезвычайно замѣчательное ³. Азіатецъ сражается съ двумя Греками, изъ которыхъ одинъ, убитый, уже лежитъ на землѣ, другой еще продолжаетъ борьбу. Надъ ними на верху жукъ съ распростертыми крыльями, — фигура, которая въ разныхъ видахъ встрѣчается такъ часто на памятникахъ Средней Азіи. Такой же золотой перстень съ цилиндромъ лежитъ подлѣ подлѣ № 270, но на цилиндрѣ нѣтъ изображенія ⁴.

L, 270 а. На цилиндрѣ этого золотого перстня мы видимъ бородатаго мужчину въ богатомъ одѣяніи и съ орудіемъ похожимъ на эирсъ. Передъ нимъ другая мужская фигура съ скипетромъ: можетъ быть Діонисъ и Зевсъ. Работа, по видимому, греческая.

M, 299. Золотой перстень, котораго камень пострадалъ отъ огня ⁵. Аполлонъ въ костюмѣ кивара сидитъ и играетъ на лире.

M, 304. Золотой перстень съ гранатомъ ⁶, на которомъ представлена воинственная Аѳродита, или, быть можетъ, Богиня Победы. Въ лѣвой рукѣ у нея копье, правую она положила на трофей ⁷.

M, 306. Персидскій цилиндръ изъ сарда на красивой золотой цѣпи ⁸. Изображеніе цилиндра часто встрѣчается на персеполитанскихъ памятникахъ. Бородатый мужчина съ митрою на головѣ укрощаетъ двухъ крылатыхъ львовъ, имѣющихъ человѣческую голову и также увѣчаныхъ митрами. На верху обычная фигура съ распростертыми крыльями; на этотъ разъ она имѣетъ видъ половины мужскаго туловища. На задней сторонѣ скачущая коза и пальмовое дерево, на которомъ сидитъ птица.

M, 307. Изящная золотая цѣпь съ халцедономъ, прекрасной работы. Аѳродита въ купальнѣ ⁹.

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 15. № 15.

² Еріггамш. XI, 38.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 2. 3.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 1.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 15. № 10.

⁶ Древности Босф. Кимм. Таб. 15. № 9.

⁷ О безкрылой Никѣ см. въ моемъ сочиненіи: Der ausruhende Herakles S. 197.

⁸ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 3. 6.

⁹ Древности Босф. Кимм. Таб. 17. № 10.

М, 312 в. Золотой перстень съ сердоликомъ, на которомъ во вкусъ позднѣйшаго времени изображена крылатая богиня въ шлемъ съ колосьями въ одной рукѣ и орудіемъ, похожимъ на руль, въ другой (*πάρθερον*) ¹.

М, 329. Гранатъ въ новѣйшей оправѣ. Красивое грудное изображеніе Ирены, богини мира. Какъ обыкновенно, она представлена съ крыльями. Въ рукѣ у нея колосья въ знакъ того, что земледѣліе процвѣтаетъ подъ кровомъ мира ².

М, 287. Перстень съ сердоликомъ, котораго задняя сторона имѣеть форму лежащаго льва ³. На передней сторонѣ изображенъ левъ бѣгущій ⁴.

М, 288. Перстень съ сердоликомъ, котораго задняя сторона имѣеть ту же форму, какъ въ предыдущемъ перстнѣ, а на передней сторонѣ изображенъ троеей ⁵.

М, 289. Перстень съ скарабеемъ изъ сердолика. На гладкой сторонѣ олень въ самомъ изящномъ греческомъ стилѣ ⁶.

М, 290. Перстень съ скарабеемъ, пострадавшимъ отъ огня ⁷. На гладкой поверхности представленъ Аполлонъ въ минуту победы надъ Марсіемъ. Руки послѣдняго уже связаны, и скоро свершится его казнь. Въ этомъ скарабей мы также имѣемъ несомнѣнно греческую работу.

Н, 292. Халцедонъ. Юноша въ азіатскомъ костюмѣ, Парисъ или Пергамъ ⁸.

Н, 294. Перстень съ скарабеемъ изъ сердолика. Два крылатые льва въ коронахъ другъ противъ друга. Надъ ними надпись, которой буквы остаются неразобранными ⁹.

Н, 296. Перстень съ скарабеемъ поврежденнымъ отъ огня ¹⁰. Изображеніе замѣчательно по надписи, представляющей всѣ признаки подлинности и называющей имя Пергама. Очевидно эта надпись объясняетъ изображеніе, и не означаетъ гравера. Этимъ скарабеемъ подтвер-

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 15. № 4. О кругѣ этихъ изображеній вообще см. у Яна въ *Sitzungs-Berichte der kön. sächs. Ges. der Wiss.* 1855. S. 50.

² Ovid. *Fast.* I, 704: *Pax Cererem nutrit, pacis alumna Ceres.*

³ Объ одномъ драгоцѣнномъ камнѣ, носящемъ форму черепахи, упоминаетъ *Racinaudi* въ *Lettres au Comte de Caylus*. р. 99., а съ другаго, имѣющаго подобіе рѣшетки, есть рисунокъ въ *Revue archeol.* T. VI. pl. 119.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 8.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 11. 12.

⁶ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 9.

⁷ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 7.

⁸ Древности Босф. Кимм. Таб. 17. № 9.

⁹ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 10.

¹⁰ Древности Босф. Кимм. Таб. 16. № 1.

ждается то, что я сказалъ еще прежде о рѣдкихъ камняхъ съ именемъ Пергама ¹.

О, 229 f. Золотой перстень, на которомъ изображена въ простомъ строгомъ стилѣ женская фигура, сидящая на стулѣ и имѣющая опечаленный видъ, безъ сомнѣнія Пенелопа, которая точно въ такомъ видѣ изображена и на другихъ художественныхъ произведеніяхъ ².

О, 234. Золотой перстень, на которомъ представленъ юноша безъ одѣянія, сидящій на рыбѣ. Внизу морской ракъ. Ближе всего видѣтъ въ этомъ изображеніи рыбака. Но, можетъ быть, оно имѣетъ другой въ настоящее время еще неясный смыслъ ³.

О, 236. Золотой перстень, на которомъ представлена Богиня Победы, наступающая ковшомъ на спину быка, чтобы принести его въ жертву. Эта композиція первоначально принадлежала знаменитому художнику Мирону, современнику Фидіа. Она повторяется несмѣтное множество разъ на памятникахъ позднѣйшаго искусства ⁴.

О, 246 b. Золотой перстень съ превосходнѣйшимъ изображеніемъ мужчины въ скискомъ костюмѣ, пробующаго быстроту своей стрѣлы. На верху надпись *Ἀθηνάϊδος* — безъ сомнѣнія имя художника ⁵.

Q, 60, 61. Двѣ подвѣски съ серегъ, имѣющія форму женской головы. Величавость лица и въ особенности головное украшеніе *θεφαῖνη* даетъ право думать о Герѣ (Юнонѣ) ⁶.

Q, 62, 66. Двѣ подвѣски серегъ, имѣющія форму Эротовъ, отчасти съ женскими формами. Въ одной рукѣ у нихъ по прохусу, въ другой по чашѣ ⁷.

Q, 64. Три подвѣски серегъ въ формѣ сиренъ. Одна играетъ на лирѣ, другая на двойной флейтѣ, третья держитъ руки такъ, какъ бы ваетъ у играющихъ на одной большой флейтѣ ⁸.

Столъ у стѣны.

На нижней полкѣ этого стола расположены золотыя и серебряныя вещи, найденныя въ курганѣ Кулоба. Хотя только одна часть этихъ вещей исполнена въ совершенномъ стилѣ времени высшаго процвѣта-

¹ Примѣчаніе къ Кёлеровымъ *Gesammelte Schriften* Th. III. S. 344.

² См. Thiersch Ueber die Epochen der bildenden Kunst S. 426.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 18. № 2.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 18. № 4. 7. Сравни мое сочиненіе: *Der ausübende Nestakles* S. 258.

⁵ Древности Босф. Кимм. Т. II. стр. 538.

⁶ Древности Босф. Кимм. Таб. 7. № 10. 11.

⁷ Древности Босф. Кимм. Таб. 7. № 9.

⁸ Древности Босф. Кимм. Таб. 7. № 12. 15. 16.

вія греческаго искусства, однако же всѣ они имѣють высокую цѣну и во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ полнаго вниманія посѣтителей. Я могу указать только на немногія изъ наиболѣе важныхъ.

432. Круглая золотая бляха, превосходнѣйшей работы. Мы видимъ изображенія разныхъ предметовъ, живописно расположенныя рядами. Крайній рядъ состоитъ изъ кабаньихъ головъ. За нимъ слѣдуютъ головы Скивовъ; далѣе два ряда Медусинныхъ головъ; за тѣмъ рядъ головъ тигра и наконецъ рядъ рыбъ и дельфиновъ. Къ сожалѣнію мы не можемъ достовѣрно опредѣлять первоначальнаго значенія этой вещи. Вѣроятнѣе другихъ то объясненіе, которое видитъ въ ней среднюю бляху (*umbro*) круглаго щита ¹.

451. Сосудъ изъ электрона ², относящійся ко времени высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Онъ украшенъ изображеніями семи Скивовъ, которыхъ національная физіономія и костюмъ превосходно переданы. У всѣхъ длинные волосы на головѣ и бородѣ; одежда состоитъ изъ короткихъ и узкихъ кафтановъ, изъ узкихъ шароваръ и изъ сапожковъ, надѣтыхъ сверхъ шароваръ. Трое имѣють на головѣ остроконечныя шапки, съ задкомъ, доходящимъ до плечъ и завязаннымъ подъ бородою. Вооруженіе составляетъ кочанъ и лукъ, а у двоихъ кромѣ того короткія пика. Одинъ изъ двухъ послѣднихъ имѣетъ на головѣ повязку, что, по видимому, отличаетъ его отъ другихъ—какъ ихъ предводителя. Онъ сидитъ на небольшомъ возвышеніи и, по видимому, разсуждаетъ съ своимъ сосѣдомъ о какомъ нибудь военномъ дѣлѣ. Слѣдующій за тѣмъ третій Скивъ занимается исправленіемъ лука. Далѣе сидятъ еще четыре Скива, сгруппированные попарно. Каждая изъ двухъ группъ состоитъ изъ одного раненаго и изъ другаго человека, подающаго ему помощь. Одному перевязываютъ раненую ногу, другой раненъ въ ротъ, и товарищъ изслѣдываетъ его рану ³.

453. Серебряный сосудъ, украшенный группами животныхъ. Въ одной группѣ два грифона нападаютъ на козерога, въ другой представлено нападеніе льва и львицы на оленя, третій состоитъ изъ льва, нападающаго на кабана ⁴.

Изъ превосходныхъ подвѣсокъ серегъ, найденныхъ въ томъ же курганѣ, я обращаю вниманіе на двѣ, хранящіяся въ верхней части этого стола ⁵. Онѣ отличаются тонкимъ вкусомъ и представляютъ образчикъ

¹ Древности Босф. Кимм. Таб. 25.

² Спѣсь золота и серебра.

³ Древности Босф. Кимм. Таб. 33.

⁴ Древности Босф. Кимм. Таб. 34. N° 3. 4.

⁵ Древности Босф. Кимм. Таб. 19. N° 5.

миниатюрной ¹ работы, называвшейся у древних *микротехνία*. На медальонѣ, составляющемъ верхнюю часть этихъ подвѣсокъ, изображены четыре Нериды, вѣдущія на дельфинахъ и везущія Ахиллу оружие. Онѣ представлены въ такомъ маломъ размѣрѣ, что ихъ нельзя рассмотреть невооруженнымъ глазомъ.

Въ той же части стола хранятся золотыя вещи, найденныя въ 1853-мъ году близъ Θεοδοσία. Золотыя подвѣски, находящіяся между этими венцами, можно назвать неоцѣненнымъ остаткомъ древняго миниатюрнаго ваянiя. Мы знаемъ, что въ древности пользовалось необыкновенною славою произведение Мирмекида, состоявшее изъ колесницы, запряженной четырьмя конями, и имѣвшее такую миниатюрность, что оно все могло быть закрыто распущенными крыльями мухи. Въ подвѣскѣ, на которую мы указываемъ, мы также видимъ колесницу, запряженную четырьмя конями, до того миниатюрную, что дѣйствительно муха могла бы покрыть ее своими крыльями. На колесницѣ стоитъ воинъ вооруженный щитомъ и Богиня Победы съ распростертыми крыльями. По бокамъ колесницы помѣщены два Эрота, имѣющіе формы Гермафродитовъ ².

Ординарный Академикъ Лудольфъ Стефани.

¹ Bœckh: *Corpus Inscr. Graec.* T. I. p. 872. — Stephani *Der aussehende Herakles* S. 244.
² Древности Россiи. Икм. Таб. 12 а. № 5.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

=

**СВѢДѢНІЯ О ТРУДАХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ
ПО ЧАСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.**

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ДРЕВНЕЙ ИНДІИ ¹.

Чрезвычайная важность, которую имѣетъ изученіе санскритскаго языка и литературы для классической филологіи, въ особенности по части мнѳологіи и языкованія, этихъ двухъ труднѣйшихъ ея задачъ, побуждаетъ насъ дать мѣсто въ нашемъ Сборникѣ нижеслѣдующей статьѣ. Исслѣдованіе санскритскаго языка и древнѣйшихъ памятниковъ, на немъ написанныхъ, открываетъ совершенно новую область историческихъ разысканій. Оно даетъ возможность подвергнуть строгой, наукообразной разработкѣ такъ называемую *доисторическую эпоху* жизни нашего индо-европейскаго племени, эпоху, которая еще такъ недавно казалась недоступною изслѣдованію. Благодаря трудамъ новѣйшихъ санскритологовъ, теперь можно воздѣлывать это новое поле съ полнымъ сознаніемъ своей свободы отъ неосмотрительнаго увлеченія задачей неразрѣшимую. *Изд.*

Изученіе Индіи не болѣе, какъ только годами, можетъ измѣрять свой возрастъ; едва лишь семьдесятъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ Европейцемъ первый переводъ прямо съ Санскрита, и какихъ нибудь сорокъ съ того времени, какъ нѣмецкая наука обратилась къ этому предмету.

Въ 1765 году, по трактату въ Аллагабадѣ, Ост-индская Компанія приобрѣла первую свою владѣтельную область, Бенгалію; взявши тотчасъ правленіе въ свои руки, положила она себѣ поступать

¹ Лекція, читанная въ Берлинскомъ Обществѣ Наукъ (wissenschaftlicher Verein) извѣстнымъ санскритологомъ Альбрехтомъ Веберомъ. Переведена П. А. Безсоновымъ.

съ Индійцами согласно ихъ собственнымъ законамъ. Съ этою цѣлю, по распоряженію тогдашняго генералъ - губернатора Уаррена Гастингса (Warren Hastings), одиннадцать брагмановъ составили изъ важнѣйшихъ законодательныхъ книгъ извлеченіе, переведенное, черезъ посредство персидскаго, на англійскій языкъ и явившееся въ Лондонѣ 1776 года (подъ заглавіемъ Code of gentoo law); издатель, Гелгедъ, сообщаетъ въ предисловіи (стр. 74 и слѣд.) первое точное свидѣніе объ Санскритѣ, языкъ первоначальныхъ законодательныхъ книгъ, не по собственному однако знанію, а только со словъ упомянутыхъ брагмановъ. Первымъ настоящимъ знатокомъ Санскрита былъ сэръ У. Джонсъ (W. Jones); вдохновенный почитатель и знатокъ восточной поэзіи, онъ прибылъ 1783 г. въ Калькутту, и его-то ревностнымъ стараніямъ удалось тамъ вскорѣ основать Азіатское Общество, сдѣлавшееся въ своихъ изданіяхъ («Азіатскія изслѣдованія», Asiatic researches) фокусомъ для послѣдующихъ научныхъ разысканій объ Индіи. Первымъ переводомъ прямо съ Санскрита былъ переводъ Багавадгиты (Bhagavadgītā), философскаго эпизода изъ обширнаго эпоса Магáбáраты (Mahábháratā), изданный въ 1785 г. молодымъ купцомъ Дж. Уилкинсомъ (J. Wilkins); ему же принадлежалъ и второй, явившійся два года спустя (1787), переводъ книги басней, «Гитопадеша» (Hitopadesha). Обоиъ переводчикамъ бросилось тотчасъ въ глаза разительное сходство, въ грамматическомъ строеніи и словопроизводствѣ, между Санскритомъ и древними классическими языками; Джонсъ успѣлъ вскорѣ въ этомъ дѣлѣ достигнуть довольно зрѣлаго взгляда. Въ 1789 году вышелъ въ свѣтъ его переводъ извѣстной потомъ всюду драмы, «Шакунталы» (Śakuntalā); граціозная нѣжность произведенія возбудила всеобщій и величайшій интересъ къ литературѣ, владѣвшей такимъ перломъ. Въ Индіи наступила эпоха величайшей дѣятельности: соревновали другъ съ другомъ изданіемъ грамматикъ, текстовъ, переводовъ. Все эти стремленія находили себѣ средоточіе въ Кольбрукъ (Colebrooke), заступившемъ мѣсто Джонса, скончавшагося 1794 г., человекъ рѣдкой проницательности и невѣроятнаго прилежанія, болѣе всѣхъ Европейцевъ успѣвшимъ можетъ-быть войти въ духъ санскритскаго языка; съ нимъ рядомъ трудился достоуважаемый Уильсонъ (Wilson), — онъ и теперь еще въ живыхъ, — давшій намъ въ 1819 г. первый санскритскій словарь, приготовляемый нынѣ уже къ третьему изданію.

И въ Европѣ пробудился живѣйшій интересъ. Шакунтала принята съ одушевленіемъ; въ философской мистикѣ Индійцевъ думали найти первородный источникъ истинной мудрости. Только континентальная система нѣкоторое время преграждала ввозъ книгъ изъ Индіи и Англии. Межь тѣмъ одинъ пѣнный англійскій офицеръ, Гамилътонъ, изучалъ въ Парижѣ индійскія рукописи королевской библіотеки и успѣлъ

тамъ посвятить въ непосредственное знаніе Санскрита многихъ ученыхъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ Нѣмецъ, — имя, хорошо всѣмъ знакомое, — Фридрихъ Шлегель: въ 1808 г. появилось его сочиненіе «Объ языкѣ и мудрости Индійцевъ» (Ueber die Sprache und Weisheit der Inder), представлявшее обильные для того времени выводы; оно потому уже составило эпоху, что впервые показало возможность — усвоить себѣ Санскритъ безъ помощи индійскихъ учителей. Съ той поры Германія сдѣлалась колыбелью изученія Санскрита¹. Особенно были двѣ тѣльны двѣ знаменитые мужа, изъ которыхъ одинъ живъ еще доселѣ, А. В. Шлегель и Францъ Боппъ. Шлегель и его школа, украшенная славнымъ именемъ Лассена, имѣли преимущественно свою задачу критическое возстановленіе текстовъ и изслѣдованіе индійской литературы и древностей; напротивъ Боппъ исключительно обратился къ области языка и дѣйствовалъ съ одинаковымъ успѣхомъ по двумъ направленіямъ: его грамматики, составленныя въ высшей степени практически, его глоссарій, его изданія и переводъ нѣсколькихъ эпизодовъ изъ Магаб'араты, сдѣлали доступнымъ для всѣхъ изученіе Санскрита; съ другой стороны, своими разысканіями о сродствѣ индоевропейскихъ языковъ, онъ основалъ науку сравнительной грамматики, съ которой (вмѣстѣ съ изслѣдованіями Якова Гримма по германской лингвистикѣ) зачалась новая эра всего нашего языкоизслѣдованія. Дѣйствительно послѣ того какъ первое одушевленіе нѣсколько поохладѣло, и когда оказалось, что отъ индійской литературы немного можно было ожидать произведеній, равнаго или по крайности близкаго достоинства съ Шакунталой и Багавадгитой, лингвистическая сторона становилась повиданому существеннѣйшимъ приобрѣтеніемъ, какое только можно было добыть изъ науки, посвященной Индіи; ея собственное содержаніе, исторія и образованность Индіи отходили, казалось, на второй и незначительный планъ. Существовавшія прежде надежды на великіе выводы въ этомъ последнемъ отношеніи, видѣли себя обманутыми, и участіе къ

¹ Собственно еще прежде, одинъ католическій миссіонеръ изъ Австріи, кармелить Ф. Веспинъ, прозванный «Паулино отъ св. Варѣоломея (Paulino a St. Bartholomaeo)», жившій въ 1776 — 89 гг. на берегу Малабарскомъ, составилъ, изъ бумагъ Іезуита Ганкследена, санскритскую грамматику, напечатанную въ Римѣ, 1790 г., по распоряженію Пропианды; за годъ до смерти, 1804 г., онъ издалъ еще болѣе обширный трудъ о томъ же предметѣ; при всѣхъ томъ сочиненія его не имѣютъ никакого достоинства и потому остались безъ всякаго существеннаго вліянія на изученіе Санскрита. — Былъ еще, кромѣ того, романъ, написанный въ республиканскомъ духѣ, «Du a Sore, или Путешественники» (въ 1789 г. въ Вьвѣ и Лейпцигѣ), безъ подлиннаго сочинителя, В. Ф. Мейерна, проскользнувшій въ литературу подъ заглавіемъ «Исторія, переведенной съ Санскрита» (Eine Geschichte, aus dem Sanskrit überetzt); но собственно съ Санскритомъ онъ не имѣетъ ничего общаго.

исследованиями, направленными въ ту сторону. уже начинало ослабывать: но и съ этой стороны неожиданно пришло новое свѣтъ, казавшее съ тѣмъ, какъ измѣнились съ древнѣйшими связанными писаниями Индѣицы, «Ведамы». Долгое все изученіе обрѣтало было къ литературѣ индѣйскаго періода индѣйскаго развитія, къ литературѣ, которая, при всей утонченности, пылкости и глубинѣ, воскалываетъ все-таки въ цѣломъ уже относительное и извращенное индѣйскаго духа; но съ тѣмъ шире какъ открылся доступъ къ вѣдическимъ древнимъ писаниямъ Веда, съ тѣмъ шире наступила новая эпоха для изученія Индѣи: мы обязаны ею особенно дѣятельности Ф. Розена, къ сожалѣнію слишкомъ рано похищеннаго смертію. Онъ началъ въ 1838 г. переводъ начала Ригведы (однимъ осмью ея части). Почти въ одно время, щедрость прусскаго короля обогатила берлинскую бібліотеку обширными сокровищами откопавшихся къ этому делу рукописей. Въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ, и болѣе всего въ самой Индѣи, господствуетъ теперь новое рвеніе, свѣжая и живая дѣятельность на открытомъ вновь ширинѣ, и главнымъ образомъ подѣ покровительствомъ управленія Ост-индской Компаніи: въ широкомъ объемѣ оживившая научную и практическую заботу этихъ занятій, оно вызываетъ и возбуждаетъ ихъ по всемъ направленіямъ, въ Индѣи, Англіи и даже въ Германіи, содѣйствуя изданію текстовъ — первому условію занятій. Конечно, все это еще въ зародышѣ; число рукъ незначительно; предстоитъ освѣтить огромную работу: но за то можно уже твердо обозначить ея очерки и предѣлы.—Въ слѣдующемъ обзорѣ желали бы мы наглядно и ясно представить, что совершенно уже на поприщѣ изученія Индѣи, и какія задачи предстоятъ еще въ этомъ отношеніи впередъ.

На первомъ планѣ стоять здѣсь выводы, касающіеся доисторической эпохи индо-европейскаго племени. Сравненіе грамматическаго образованія Санскрита, особенно въ его древнѣйшемъ видѣ, какъ мы находимъ его въ Ведахъ, съ языками кельтскимъ, греческимъ, латинскимъ, германскимъ, литовско-славянскимъ и персидскимъ, учитъ насъ тому, что строй всехъ этихъ языковъ имѣетъ общую основу, или, другими словами, что въ основѣ всехъ ихъ лежитъ общій праязыкъ; и именно, постепенная лѣтвенца звуковъ и формъ указываетъ намъ на Санскритъ, какъ на такой языкъ, который вообще сохраняетъ еще первобытнѣйшій образъ, всего ближе стоитъ къ тому праязыку и всего менѣе отъ него удаляется. Этотъ праязыкъ, до котораго доходимъ мы путемъ заключеній, основанныхъ на тождествѣ грамматическаго образованія, съ своей стороны приводитъ насъ къ новому заключенію: когда существовалъ онъ и былъ живою рѣчью, конечно въ то время и народъ, имъ говорившій, былъ еще одинъ; отдѣльные народы и ихъ языки являются только какъ слѣдствіе постепеннаго отдѣленія отъ индо-

европейскаго первобытнаго народа и языка; при томъ, большее или меньшее родство звуковъ и формъ, замѣчаемое во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ языковъ и особенно въ ихъ отношеніи къ Санскриту, рѣшаетъ для насъ вопросъ, который изъ нихъ отъ общаго корня отдѣлился ранѣе и который позднѣе. Совершенный недостатокъ историческихъ памятниковъ, по отношенію къ первобытному времени, вознаграждается для каждаго народа образовавшемъ языка его; оно представляетъ намъ вполне достаточное фактическое свидѣтельство, подкреплѣемое тѣми географическими отношеніями, въ какихъ застаемъ мы народы уже въ историческую эпоху. Далѣе, если грамматическія формы и измѣненія составляютъ какъ бы остовъ языка, а потому не могутъ прямо изображать намъ жизнь его или жизнь народа, имъ говорившаго: то напротивъ самыя слова, лексическая сокровищница языка, — это какъ бы плоть, облекающая остовъ, нервы, условливающіе его жизнедѣтельность. Когда извѣстныя слова составляютъ общую собственность языковъ одного племени, значить, и предметы, ими обозначенныя, составляли уже духовную или матеріальную собственность народа первобытнаго, еще не раздѣленнаго. Когда только нѣкоторые изъ упомянутыхъ языковъ согласуются между собою въ словахъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ соплеменныхъ языкахъ, — это признакъ, что предметы или представленія, словами обозначенныя, принадлежать уже эпохѣ совершавшагося раздѣленія. Санскритъ сохранилъ множество корней, затерявшихся въ другихъ языкахъ: это обстоятельство даетъ намъ возможность открыть первобытное значеніе многихъ словъ, которыя безъ того имѣли для насъ одно только чисто-условное значеніе; вмѣстѣ съ этимъ мы получаемъ возможность заглянуть въ образъ воззрѣнія нашихъ праотцевъ и видѣть, съ какою непосредственною живостью и наивностью находили они для различныхъ предметовъ болѣею частію выраженіе самое меткое и выразительное. Наконецъ, знакомство съ древними пѣснопѣвіями, обычаями и правами Индійцевъ ведической эпохи, общаетъ твердыя точки опоры даже для познанія религіозной жизни того первобытнаго времени; оно общаетъ указанія о томъ, какъ представлялись тогда человеку нашего племени божественныя силы въ природѣ. Мы замѣчаемъ, что значительная часть воззрѣній, извѣстныхъ намъ изъ мифологіи классической и германской, коренится еще тамъ, въ общемъ первобытномъ времени. Надобно сознаться, что въ этомъ отношеніи слишкомъ еще замѣтенъ недостатокъ опредѣленности: изслѣдованія всего менѣе здѣсь рѣшительны, всего болѣе носятъ характеръ чашия.

Попытаемся въ краткихъ чертахъ изобразить то первобытное время, сколько возможно это при помощи доселѣ извѣстныхъ данныхъ.

Сходство большей части словъ, обозначающихъ родственныя отно-

шенія, убѣждаетъ насъ, что семейная жизнь занимала у нашихъ праотцевъ весьма видное мѣсто; почти во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ встрѣчаются одни и тѣ же названія, не только для родителей, дѣтей, сестеръ и братьевъ, но даже для тестя и тещи, зятя и невестки, для сватовства и свойства. Этимологія словъ, корни которыхъ нынѣ еще живутъ въ Санскритѣ, показываетъ, что отецъ имѣетъ значеніе питающаго и охраняющаго, мать — приводящая въ мѣру и порядокъ, братъ — носитель, помощникъ, сестра — заботливая, дочь — доющая: представленія, ведущія насъ къ самымъ простымъ патриархальнымъ отношеніямъ. Дѣятельное занятіе скотоводствомъ подтверждается общими наименованіями — коровы (медленно идущая), быка (оплодотворяющій), тура, козы, овцы, свиньи (плодовитая), коня, и т. д. Песъ (быстрый) оберегалъ стада, волкъ (раздирающій) и медвѣдь (лосный, отъ кожи) были ихъ страхомъ. Мышь (воръ) таскала запасы; оса жужжала, комаръ кололъ, змѣя ползла по землѣ. Гусь, утка, голубь, дятель, кукушка, зябликъ, названы по ихъ голосу и крику; пѣтухъ по его пѣнію. Легкій заяцъ — прыгунъ, кабанъ — роющій землю. Жилье строилось кривико, отворялось дверями. Повозка и челнъ давали средство переправляться по полямъ и рѣкамъ. Нивы воздѣлывались плугомъ, ячмень и пшеница давали муку и хлѣбъ. Было изобиліе въ одеждѣ, домашней утвари и оружіи. Мечъ, копье, ножъ и стрѣла были изъ мѣди. Упоевающій медъ вызывалъ къ веселому пѣнію; большія раковины и камышевый тростникъ служили музыкальными орудіями. Бой составлялъ потѣху; значеніе племени сознавалось столь сильно, что слово варваръ, въ смыслѣ картавящаго инорѣчника, принадлежитъ уже тому отдаленному времени. Покоренный врагъ дѣлался рабомъ. Во главѣ людей стоялъ распорядитель, оберегатель, господинъ, вождь въ бою, судья въ мирѣ. Страна была гориста и обильна водами; лѣсъ давалъ усладительную прохладу, дубъ былъ его главнымъ украшеніемъ. Зима, по всему, была сурова; кромѣ имени для этого времени года встрѣчается еще весна въ смыслѣ одѣвающей. Солнце чтили какъ рождающее начало; славяли ясный блескъ утренней зари; мѣсяцъ размѣрлялъ время; звѣзды казались разсыпаннымъ стадомъ; между ними яркостію отличалась большая медвѣдица, греческое имя которой, *ἄρκτος*, означаетъ собственно блестящую. Громъ, молнія и буря, дождь, облака и вѣтеръ наводили страхъ и ужасъ на робкую душу. Всеобъемлющее небо, въ греческомъ названіи *οὐρανός* совпадающее съ ведическимъ *варуна*, было для чело-вѣка отцемъ всего, земля матерью. Мрачный богъ облаковъ, похищавшій въ свои темныя пещеры золотое стадо звѣздъ, солнечные лучи и плодотворныя воды неба, низложенъ былъ стрѣлами Перуна, разторгнуты его ковы, освобождено похищенное стадо. Въ этомъ бою

спутникомъ громовержца былъ вѣтеръ, въ образѣ гончаго пса преслѣдовавшій и разгонявшій облака. Но вѣтеръ отправлялъ и другую службу: вѣрною собакой провожалъ онъ души почившихъ, по надежной стезѣ къ назначенному мѣсту, когда, послѣ издыханія, вступали онѣ въ воздушную область: представленіе жизни по смерти, міра почившихъ, отдѣленного широкою рѣкою—воздушнымъ потокомъ, составляетъ собственность уже того первобытнаго времени. Могуція, непонятныя тогда силы природы возбуждали въ чловѣкѣ чувство собственной слабости; признавая ихъ, онъ склонился передъ ними, несъ имъ свои жертвы и гимны, представлялъ ихъ себѣ въ образахъ то добрыхъ, то злыхъ и страшныхъ, въ своей фантазіи одѣвая ихъ близъ лежащими чувственными качествами и свойствами. Этой же отдаленной эпохѣ принадлежать, наконецъ, представленія о Ману, первородномъ чловѣкѣ и праотцѣ; онъ одинъ спасся отъ того великаго потопа, который опустошилъ и поглотилъ все.

Въ этой картинѣ недостаетъ почти вовсе опредѣленныхъ признаковъ для рѣшенія вопроса, въ какой странѣ жили вмѣстѣ наши предки. Искать ее въ Азіи — старинное историческое правило. Отсутствіе всѣхъ собственно-азиатскихъ животныхъ, въ перечисленномъ нами выше ряду, могло бы, казалось, говорить противъ: но оно объясняется просто отсутствіемъ этихъ животныхъ въ Европѣ, почему естественно забыты ихъ имена или перенесены на другія, имъ подобныя. Климатъ той страны вообще, какъ кажется, скорѣе суровый, тѣмъ жаркій, или лучше—умѣренный, довольно сходный съ европейскимъ, и это ведетъ насъ къ возвышенной странѣ внутренней Азіи около Окса. Кельты, очевидно, всѣхъ ранѣе отторгнулись отъ этихъ первосѣдалищъ, ибо языкъ ихъ представляетъ что-то грамматически незаконченное и далеко отстоитъ отъ другихъ языковъ индо-европейскихъ. За ними послѣдовали такъ называемые Пеласги, раздѣлившіеся потомъ на Грековъ и Латиновъ; за тѣмъ племя германо-славянское, разчлененное также на Германцевъ съ одной стороны, Пруссовъ - Литовцевъ - Славянъ съ другой. Всего долѣ оставались въ прежнихъ сѣдалищахъ и слѣдовательно другъ возлѣ друга послѣдующіе Персы и Индійцы, или, какъ они сами называютъ себя, Арійцы.

Свѣтъ, съ недавняго времени распространившійся и общающій еще болѣе распространиться касательно этой второй эпохи, то есть эпохи сожитія послѣдующихъ Индійцевъ и Персовъ, касательно арійскаго періода и далѣе касательно исторіи персидскаго народа и даже всей передней Азіи, — вотъ второе главное пріобрѣтеніе, добытое отъ изученія Индіи. Именно, только съ помощью Санскрита, близко сроднаго, удалось сдѣлать вразумительными древнія священныя писанія Персовъ; послѣ можно уже было разгадать клинообразныя надписи древ-

нихъ персидскихъ государей въ Персеполи, составленные почти на томъ же самомъ языкѣ; и наконецъ лишь вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось возможнымъ чтеніе иноязычныхъ надписей въ Нишевіи, принадлежащихъ царямъ ассирійскимъ. Огромное поле, открывшееся въ послѣднихъ годахъ историкъ и археологу въ этой области, имѣющее привести къ неожиданнымъ выводамъ для исторіи древняго міра, есть такимъ образомъ добыча, приобретенная черезъ посредство изученія Индіи, безъ котораго содержаніе упомянутыхъ писаній и надписей осталось бы голою пустышей. Съ другой стороны, пониманіе священныхъ писаній Персовъ принесло съ собою не менѣе важное разъясненіе для того арійскаго періода, когда Персы жили вмѣстѣ съ Индійцами. Тогда уже, какъ оказывается изъ этихъ писаній, къ древнимъ божествамъ первобытной эпохи присоединились понятія нравственныя, въ силу которыхъ древній богъ неба, *Оуранъ*, Варуна, получилъ значеніе судіи человеческихъ дѣяній, судіи всезнающаго черезъ посредство его небесныхъ вѣстниковъ. Раздѣленіе Арійцевъ, на Персовъ и Индійцевъ, произведено было, какъ кажется, влияніемъ этого религіознаго момента: Персы поставили на первое мѣсто и сдѣлали исключительнымъ предметомъ поклоненія нравственные образы боговъ; напротивъ Индійцы, рядомъ съ ними, удержали свои древнія природныя божества; поклоненіе имъ мало по малу вытѣснило собою поклоненіе богамъ нравственнаго значенія, и послѣдніе дѣлались для Индійцевъ все безцвѣтнѣе и безцвѣтнѣе, вмѣстѣ съ отдаленіемъ отъ своихъ приверженныхъ читателей. Напротивъ у Персовъ, религія которыхъ, по собственному ихъ свидѣтельству, возведена была въ опредѣленную систему дѣятельностью одной высоко-даровитой личности Зороастра, прежнія и древнѣйшія природныя божества отошли въ разрядъ злыхъ демоновъ. Нѣкоторые изъ этихъ древнѣйшихъ боговъ, дѣянія которыхъ имѣли личный характеръ и вошли въ составъ мифовъ, получили впрочемъ и въ представленіяхъ Персовъ, подобно какъ у Грековъ, значеніе человеческихъ героев и мудрецовъ первобытнаго времени, и стали во главѣ племенной исторіи. Таковы древніе цари, встрѣчаемые нами въ позднѣйшемъ персидскомъ эпосѣ у Фирдуси, подвиги которыхъ, явно перемѣшанные съ дѣйствительными историческими воспоминаніями, рисуются такими величавыми и живыми красками.

Переходимъ теперь къ самой Индіи, къ тѣмъ выводамъ, которые получила наука касательно историческаго развитія Индійцевъ, этого племени, священный языкъ коего остается доселѣ ближайшимъ къ языку нашихъ обитателей праотцевъ, и вся духовная жизнь должна бы по этому представить вѣрнѣйшій снимокъ жизни отдаленнѣйшихъ предковъ. Но, конечно, судя по теперешнему состоянію Индійца, трудно было бы искать даже въ его древней жизни снимокъ доисторической

эпохи, если бы мы не знали о Ведахъ; только при помощи послѣднихъ, когда успѣли прослѣдить его бывшее величіе и послѣдующее ниспаденіе до современности, только теперь можемъ мы допустить съ достаточною увѣренностью, что, дѣйствительно, состояніе Индійцевъ ведической древнѣйшей эпохи представляетъ чрезвычайно вѣрное зеркало жизни нашихъ общихъ индо-европейскихъ праотцевъ. Въ частности могли произойти тѣ или другія новыя черты, но въ цѣломъ нельзя предполагать никакого существеннаго различія.

Древнѣйшія пѣснопѣнія Ведъ показываютъ намъ арійскій народъ осѣдлымъ еще въ Индіи или, по крайности, только на сѣверозападной границѣ ея, именно въ округѣ рѣкъ Кабула и Инда, равно какъ въ Пенджабѣ. Дальнѣйшее его движеніе отсюда и распространеніе по Индіи мы можемъ слѣдить въ народной литературѣ шагъ за шагомъ. Дорога шла съ сѣверной стороны большой пустыни Марвара, отъ Сатадру, нынѣшняго Сутледжа, къ Сарасвати, потоку, теряющемуся въ песчаной пустынѣ и служившему позднѣе предметомъ высокаго и священнаго уваженія; здѣсь, должно быть, имѣла мѣсто долгая остановка, судя по великому въ послѣдствіи священному почтенію къ этой странѣ. Она составила тогда порубежную грань между брагманскою государственностью, начавшею въ слѣдъ за тѣмъ выработываться въ Гиндостанѣ, и между западными арійскими племенами, сохранявшими еще свободный бытъ отцевъ своихъ. Вдоль Ямуны и Ганга двинулся далѣе потокъ переселенія, и, около времени Александра Великаго, или даже, можно сказать, еще двѣсти, триста лѣтъ ранѣе, въ эпоху преобразователя Будды, вся страна до Бенгаліи не только состояла вполне въ безспорномъ владѣніи Арійцевъ, но была даже въ полномъ блескѣ брагманской государственности, такъ что Греки не приводятъ уже намъ никакого воспоминанія Индійцевъ о переселеніи. Передъ прибытіемъ Арійцевъ, Индія населена была суровыми, необразованными, но сильными племенами, сохранившимися еще доселѣ въ нѣкоторыхъ горныхъ долинахъ Гиндостана; конечно, не отдали они безъ борьбы страны своей чуждымъ находникамъ, тѣмъ болѣе, что пришельцы обращались съ ними самымъ унижательнымъ образомъ, какъ съ дикими варварами, и въ своей государственной системѣ удѣлили имъ самое низкое и презрѣнное мѣсто: мы находимъ самые ясные слѣды сопротивленія туземцевъ и можемъ по этому судить, какъ много нужно было времени къ ихъ полному порабощенію. Отъ рѣки Кабула до Саданіры, отъ западной до восточной границы Индіи, двадцать градусовъ, 300 географическихъ миль, изъ которыхъ каждую предстояло завоевывать одну послѣ другой; мы можемъ предположить по меньшей мѣрѣ 1,000 лѣтъ, которыя были нужны, чтобы завладѣть столь значительнымъ пространствомъ, граждански вполне воздѣлать его и сообщить ему ха-

рактерь брагманства; вмѣстѣ съ этимъ, эпоха, въ которую арійскіе Индійцы сядѣли на Кабуль, и съ которой началось ихъ послѣдующее движеніе въ Индію, опредѣляется для насъ за 1,500 лѣтъ до Р. Х. Конечно, этотъ счетъ только приблизителенъ, но, при недостаткѣ другихъ историческихъ точекъ опоры, единственно онъ лишь возможенъ¹. Правда, пытались обращаться къ астрономическимъ даннымъ и выводили отсюда почти одинаковый результатъ; но данныя эти не достаточно доказательны уже потому, что основаны на такомъ дѣленіи неба, которое не принадлежитъ собственно Индійцамъ и занято ими у Семитовъ, именно у Вавилонянъ. Торговья связи съ Семитами, на протяженіи отъ Персидскаго залива до устьевъ Инда, были весьма дѣятельны, какъ кажется, въ древнее уже время; библейскій Офиръ, куда плавали Финикіяне въ Соломоново время, стало быть около 1000 л. до Р. Х., слѣдуетъ искать при Абѣръ, ибо товары, вывозившіеся отсюда Финикіянами, золото, серебро, драгоценныя каменья, сандалное дерево, слоновая кость, обезьяны и павлины, принадлежатъ Индіи и носятъ отчасти индійскія имена; даже они свидѣтельствуютъ о существованіи мѣстной торговли со стороны Инда къ южному берегу Малабара. Далѣе, съ приведеннымъ выше вычисленіемъ, основаннымъ чисто на однихъ только географическихъ данныхъ, согласуется выводъ, получаемый нами при сравненіи домашнихъ, государственныхъ и религіозныхъ сторонъ жизни ведической эпохи съ позднѣйшими, эпохи Будды и Грековъ. Подобно какъ географическое распространеніе племени, мы можемъ точно также, по памятникамъ литературы, прослѣдить и внутреннюю жизнь народа, шагъ за шагомъ; и здѣсь вѣроятность допускаетъ, что протяженіе тысяча лѣтъ вовсе не велико для тѣхъ значительныхъ перемѣнъ, которыя мы встрѣчаемъ.

По древнимъ ведическимъ пѣнопѣніямъ, домашняя и государственная жизнь Арійцевъ стоятъ еще на степени чрезвычайно патріархальной и движется въ отношеніяхъ весьма простыхъ, чисто-природныхъ. Земледѣліе, скотоводство и битвы составляютъ ихъ занятія, пашня и стадо ихъ богатство. Страна плодородна на столько, чтобы приманить къ твердой осѣлости и сдѣлать ненужною жизнь кочевую. Семейства

¹ Ктесій называетъ Сабробатомъ индійскаго царя, противъ котораго ходили войною Семирамида; это имя толковали санскритскимъ *с'иварапати*, «господинъ твердыни, земли», и изъ прозвища выводили лѣтъѣйшія заключенія о политическихъ отношеніяхъ тогдашней Индіи (см. Дуккера, въ его превосходной «Древней Исторіи», II, 27); но объясненіе это недостаточно и предполагаемое значеніе слова едва ли возможно по тому времени *со стороны языка*. Ктесій слышалъ его отъ Персовъ, и въ названіи, имъ приведенномъ, скорѣе можно искать *шпаурпати*, «владыка туровъ», тѣмъ болѣе, что подобныя прозванія по животнымъ были въ употребленіи на Индѣ, напр. *ашвапати* «владыка коней».

живутъ по одиночкѣ или разсыяны небольшими общинами: частыя сшибки между отдельными колѣнами ведутся съ отважностію и живою жаждою добычи. Каждый отецъ семейства есть вмѣстѣ и жрецъ въ своемъ домѣ, самъ зажигаетъ священный огонь, славить боговъ за ихъ помощь и милость, просить благихъ о дальнѣйшемъ содѣйствіи, о благословеніи на нивы, стада и дѣтей, умоляетъ грозныхъ, да отвратятъ они отъ лица его свою страшную силу и да направятъ противъ враговъ его; просить онъ и о томъ, да изгладится собственная вина его, и да дастся ему безсмертіе за два добрыхъ. Положеніе женщинъ окружено полнымъ и величайшимъ уваженіемъ; встрѣчаются между ними царицы и представительницы поэтическаго творчества. Въ любви недостаетъ стихій нѣжной и сентиментальной, которая такъ близко роднитъ болѣе новую индійскую поэзію съ нашею; но за то незнакомо ей изнѣженное сладострастіе, и повсюду виденъ на ней отпечатокъ нагой, естественной чувственности. Супружество священно, единобрачно; мужъ и жена называются оба повелителями дома и приближаются къ богамъ въ общей молитвѣ. Конь сдѣлавъ ручнымъ для ѣзды верховой, и поэтъ съ жаромъ воспѣваетъ смѣлость перваго смертнаго, отважившагося когда-то возвѣсть на коня. Плавательное судно въ большомъ употребленіи, какъ и слѣдуетъ ожидать въ странѣ, прорываемой такимъ множествомъ водъ; даже какъ будто идетъ рѣчь о плаваніи по открытому морю. Упоминаются торговцы, но рѣдко. Въ чести золотые сосуды, красивыя ткани, крѣпкія повозки. Ведется страстная игра въ кости; ревностно упражняются въ музыкѣ и пляскѣ, особенно женщины. Вмѣстѣ съ медомъ знакома имъ упоительная сила выжатаго сока сомы, растенія *Asclepias acida*; но этотъ напитокъ, чтимый съ наивнымъ удивленіемъ предъ его силой, цвѣтится слишкомъ высоко и расточается только при жертвахъ богамъ, да прибудетъ имъ крѣпость въ борьбѣ противъ злыхъ силъ природы. При этомъ проносятся или поются гимны народныхъ творцевъ поэзій; гимны слышны и при другихъ жертвахъ, состоящихъ просто изъ масла, молока, рису и т. п., или животныхъ, особенно козъ. Таковы сохранившіеся до насъ гимны Ведъ; въ нихъ, какъ въ чистомъ, невозмущенномъ источникѣ, отражается образъ тогдашняго арійскаго народа. Свидѣтельство ихъ чуждо всякой примѣси лжи, подлинность ихъ внѣ всякихъ сомнѣній. Правда, онѣ сложены въ теперешнюю форму во время гораздо позднѣйшее, именно въ самомъ уже Гиндостанѣ, и, какъ кажется, первоначально въ восточныхъ частяхъ его, въ цвѣтушую эпоху царствъ Кошалы и Видеги, которую съ вѣроятностію, хотя чисто-предположительно, можемъ мы помѣстить за 200—300 лѣтъ до появленія Будды, стало быть въ VII или VIII вѣкѣ до Р. Х.; мы также не имѣемъ никакого прямого указанія на то, получили ли эти гимны составъ свой на письмѣ или

при устной передаче, как это водилось дотоле. Последнее даже вероятно, ибо, хотя Индйцы действительно могли уже тогда имѣть письмо, первоначально заимствованное у Семитовъ, но въ такъ называемыхъ «Брагманахъ» (Brahmana), произведеніяхъ, комментирующихъ пѣснопѣнія Ведъ и принадлежащихъ отчасти къ тому же періоду состава Ведъ, встрѣчаются часто выраженія, объяснимыя въ томъ лишь случаѣ, если ихъ передача действительно была устная; такъ на примѣръ, мѣра и направленіе означается обыкновенно словами «этой вышины, здѣсь, тамъ», при чемъ очевидно предполагается дополнительная пантомима, движеніе руки произносящаго. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ можно признать съ достаточною вероятностью, что въ текстѣ пѣснопѣній не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій, и что они лежатъ передъ нами вообще въ той самой формѣ, въ какой сложены были первоначально. Когда народъ оставилъ свои древнія жилища, чтобы двинуться къ востоку, онъ взялъ съ собою и пѣснопѣнія, которыми дотоле призывалъ и прославлялъ помощь боговъ; въ новомъ отечествѣ своемъ предстояла та же цѣль, и тѣмъ болѣе и болѣе придавали имъ важности, тѣмъ опредѣленнѣе становилось ихъ священное значеніе, тѣмъ все точнѣе и точнѣе старались передавать ихъ, чѣмъ далѣе двигался народъ, чѣмъ болѣе отдалялся онъ отъ тѣхъ отношеній, при которыхъ первоначально возникли пѣснопѣнія, и, наконецъ, чѣмъ непонятнѣе становились они при этомъ отдаленіи. Подобнымъ образомъ росло и значеніе лицъ, преимущественно хранившихъ знаніе пѣснопѣній. Это были роды древнихъ пѣвцовъ; они соблюдали текстъ жреческихъ пѣсней, преданіе объ ихъ происхожденіи и объясненіе темныхъ словъ или оборотовъ. Если уже въ древнее время у Арійцевъ жертва занимала мѣсто въ высочайшей степени значительное, то въ Гиндостанѣ, гдѣ сдѣлалась она существеннымъ и нагляднымъ отличіемъ отъ туземцевъ, еще шире и болѣе долженъ былъ развиваться смыслъ ея. Сильное религіозное чувство Арійцевъ, которымъ отличаются они предъ всеми языческими народами, нашло, въ виду грубыхъ и дикихъ племенъ, свое непосредственное выраженіе и свою точку соединенія въ жертвѣ; потому древніе обычаи, сопровождавшіе жертву, не только соблюдаемы были съ величайшею заботливостью, но и значительно умножены; обрядовая часть была выработана и утверждена до мельчайшихъ подробностей; символическая связь, между отдѣльными жреческими дѣйствіями и относившимися сюда изреченіями и пѣснопѣніями, сдѣлалась предметомъ большой попечительности и ревностнаго обсужденія. Утромъ и вечеромъ каждый день, далѣе при каждомъ лунномъ измѣненіи, при началѣ трехъ временъ года, при каждомъ значительномъ случаѣ жизни, по разнообразнымъ, многочисленнымъ поводамъ, приносилась опре-

дѣлѣнная жертва; при множествѣ частныхъ, которыя нужно было соблюсти, невозможно было каждому самому отправлять установленные при жертвѣ обряды; роды пѣвцовъ, хранившихъ жреческія пѣсни и связанныя съ ними обряды, преобразовались такимъ путемъ, съ теченіемъ времени, въ роды жрецовъ; они одни — такъ понималъ народъ — владѣли истинною жреческою мудростью, они приспособляли ее къ нуждамъ и благочестивому настроенію прочихъ, и безъ ихъ содѣйствія жертва не могла имѣть успѣха, не могла быть пріятна богамъ. Они держали свое знаніе втайнѣ, дѣлились имъ только между собою, и, мало по малу, явились не только какъ знатоки божественныхъ дѣлъ, но даже какъ представители боговъ, во столько же возвышенные предъ остальнымъ народомъ, во сколько онъ съ своей стороны поднимался надъ природными туземцами. Таково происхожденіе касты брагмановъ, имя которыхъ должно быть выводимо отъ *брагманъ* (*brahman*), молитва, и означаетъ, слѣдовательно, того собственно, кто занимается молитвой. То же самое названіе, только въ склоненіи средняго рода, носятъ на себѣ письменныя произведенія, выражающія, относительно молитвы, все совокупное учрежденіе жертвы, со стороны символической, догматической или обрядной; въ нихъ содержался уже зародышъ значительной части послѣдующей литературы индійской.

Какъ распространявшіеся по Индіи Арійцы протѣспались впередъ не безъ сильнаго сопротивленія туземцевъ, такъ и выдающаяся все болѣе и болѣе сила брагмановъ встрѣчала нѣсколько разъ отпоръ со стороны самихъ Арійцевъ; въ сказаніяхъ позднѣйшаго времени упоминается много царей, державшихъ подымать святотатственную руку на боговъ человеческихъ, — ибо такъ называли сами себя брагманы. Напрасны были усилія: по правилу «раздѣляй и управляй», брагманы сумѣли самихъ Арійцевъ раздѣлить снова на двѣ части, слѣдующимъ образомъ. При ихъ помощи, семейства и потомки прежнихъ князей и правителей мелкихъ колѣнъ расширяли все болѣе и болѣе преимущества своего положенія, богатствомъ и силою пріобрѣтенныя ими еще на старинныхъ сѣдалищахъ (откуда переселилось племя), такъ что въ теченіе времени остальной народъ сталъ въ отношеніи къ этой воинственной кастѣ въ такое точно положеніе, въ какомъ сама она стояла относительно жрецовъ. Въ «Брагманахъ» къ Ведамъ по мѣстамъ высказывается весьма простодушно намѣренность, съ которою вызвано было такое дѣленіе народа. Впослѣдствіи это кастическое устройство подведено было подъ правила, доходившія до послѣднихъ мелочей, и опредѣленія касательно кастъ промежуточныхъ, возникавшихъ путемъ брака, проведены весьма строго, съ страшною выдержкою, чтобы исключить и сдѣлать невозможнымъ всякое свободное движеніе, всякое предполагаемое разрушительное вліяніе или покушеніе на браг-

манскую государственность со стороны низших кастъ, и особенно природных туземцевъ. Такъ удалось брагманамъ, не смотря ни на что, основать въ свою пользу гьерархію, которой въ міръ едва ли существовало что либо подобное; уже въ V или VI столѣтіи до Р. X. она пустила такъ глубоко свои корни, что буддизмъ, въ это время противъ нея поднявшійся и открывавшій всемъ классамъ безъ исключенія доступъ къ духовному сословію, не скоро успѣлъ потрясти ее и позднѣе, послѣ долгой борьбы, длившейся болѣе тысячи лѣтъ, долженъ былъ все-таки очистить совершенно ей поле и самъ удалиться изъ Индіи, тогда какъ прежняя гьерархія еще теперъ остается почти неизмѣнимою.

Рука объ руку съ обрисованнымъ нами развитіемъ брагманской государственности и въ постоянномъ взаимномъ соотношеніи съ нею, шло впередъ дальнѣйшее образованіе религіозныхъ представленій. Древнѣйшія пѣснопѣнія Ведъ, какъ мы видели, вводятъ насъ отчасти еще въ арійскій періодъ, когда Индійцы и Персы жили вмѣстѣ и читали одни и тѣ же, нравственные и природно-символическія, божества¹. Мы коснулись уже того обстоятельства, что раздѣленіе обоихъ племенъ было, какъ кажется, слѣдствіемъ перевѣса, который приданъ былъ Персами нравственнымъ образамъ божествъ, преимущественно предъ природными. Соответственно тому, въ позднихъ ведическихъ пѣснопѣніяхъ божества нравственные замѣтно отходятъ мало по малу все далѣе и далѣе, вытѣсняются божествами природно-символическими, и послѣднія, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляются мало по малу въ свое первобытное положеніе, хотя отчасти подъ новыми уже формами. Въ слѣдъ за тѣмъ, къ нимъ примыкають представленія, отвлеченныя отъ разныхъ нравственныхъ отношеній, но уже болѣе какъ результатъ размысленія, чѣмъ непосредственнаго религіознаго чувства. Позднѣе, по поводу этого множества божескихъ образовъ, является стремленіе умозрительнымъ способомъ сообщить имъ болѣе единство; и эта цѣль достигается ихъ распределеніемъ и взаимнымъ соподчиненіемъ, по главнымъ сторонамъ ихъ существа. Начало дѣленія заимствуется изъ возрѣній на природу: являются боги, одни дѣйствующіе на небѣ, другіе въ воздухѣ, третьи на землѣ; представителями и владыками этихъ трехъ міровъ признаются солнце, вѣтеръ и огонь. Окрѣпши въ изслѣдованіяхъ такого рода и поступаая далѣе, умозрѣніе ищетъ и надъ тремя добыть какое либо единство, по отношенію къ космологической первоосновѣ, которая наконецъ является

¹ Терминъ «природно-символическое божество», употребляемый Веберомъ, остается на его отвѣтственности. По нашему убѣжденію онъ не точно означаетъ свой предметъ. *Изд.*

мышленію какъ нѣчто неопредѣлимое, абсолютное, неограниченное и отсюда безличное, однимъ словомъ какъ *Браманъ* (Brahman); вѣчная безконечность этого всепроникающаго міроваго духа, въ противоположность человѣческой единичности и дробности, рисуется величавыми и восторженными чертами, но такъ, что высшею степенью умозрѣнія является гордое сознаніе и даже дѣйствительное чувство единенія міроваго духа съ личными и частными духами, относящимися къ нему какъ капли къ океану. Чтобы достигнуть этого, сладостно оживляющаго, сознанія, нужно прежде разорвать и разрыхлить всѣ оковы личности, чувственности и единичности; только лишь тотъ способенъ къ сему, кто самъ ничего не хочетъ и ничего не вѣдаетъ въ мірѣ, его радостяхъ и скорбяхъ. Здѣсь лежитъ корень презрѣнія Индійцевъ къ міру и жизни, того аскетизма, который производилъ столь сильное впечатлѣніе на Грековъ, при всемъ томъ, что они стояли далеко выше Индійцевъ своимъ сознаніемъ индивидуальной свободы. Разумѣется, впрочемъ, подняться до такой ступени и отдаться такому познанію первоосновы всѣхъ вещей могли только немногіе; это было дѣломъ по большей части тѣхъ, которые пустынноиками удалились въ уединенную жизнь лѣсовъ, чтобы невозмутимо предаться тамъ своимъ размышленіямъ. Другіе, менѣе энергическіе умы мыслящей части народа довольствовались тѣмъ, что допускали верховнаго владыку боговъ и твореній, весьма безцвѣтно мыслимаго, не отдавая себѣ никакого отчета въ его происхожденіи, и питали надежду на безсмертіе, которая сохранилась изъ древности, въ послѣдствіи однакоже мало по малу ограничена была въ своей сущности вновь образующимся ученіемъ о переселеніи душъ. Многочисленная толпа прочихъ оставалась при своемъ старинномъ многобожій, лучше всего удовлетворявшемъ минутнымъ потребностямъ; божества, оказывавшія вліяніе самое прямое и непосредственное, именно боги воздуха и земли, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе выступали на первый планъ, и испытали при этомъ множество преобразованій и переливовъ, такъ что въ большей части случаевъ трудно прослѣдить и показать переходы ихъ изъ древней формы въ новую. Противодѣйствіе со стороны природныхъ туземцевъ Индіи, невѣрное и опасное положеніе жизни, во всякомъ случаѣ подавали нѣкоторое время существенный поводъ къ появленію и особенному уваженію грозныхъ боговъ, гнѣвъ которыхъ предстояло отвращать пришедшимъ поселенцамъ; природные туземцы должны были также внести нѣкоторую чуждую стихію въ языкъ и религіозное поклоненіе, тѣмъ болѣе, что они многократно принимаемы были въ брагманскій союзъ какъ члены третьей, или даже второй касты, особенно когда оказывались довольно сильными или расположенными къ тому. Богатая мифологія, созданная въ этой постепенности духомъ народа, обильно одареннаго фантазіей,

преобразовала тогда отчасти и древнія дьянія боговъ въ полумифическія и полуйсторическія сказанія о временахъ минувшихъ, превращая самихъ боговъ или прозвища ихъ въ человѣческихъ героевъ; съ другой стороны, по обратному дѣйствию мифологіи, выдающіеся надъ другими смертные, облеченные мифическою одеждою, являлись сначала сынами боговъ, а потомъ мало по малу достигали и божественнаго достоинства, становясь въ ряды верховныхъ существъ. Нѣтъ и великолѣпную міра боговъ, разрисованнаго самыми чувственными и роскошными красками, стала отвѣчать своимъ характеромъ и жизнь народа: разнѣживающее вліяніе новаго жаркаго климата и соблазнительныя наслажденія гиндостанской природы, вскорѣ уже послѣ поселенія, должны были вытѣснить въ народѣ прежнюю строгость нравовъ и простоту.

Среди такого давленія брагманской гіерархіи, и съ другой стороны среди такой роскошной чувственной жизни, выступилъ человѣкъ, который самъ назвалъ себя «Пробужденнымъ», Будд^а (Buddha), и величавымъ образомъ совершилъ преобразование того и другаго. Сынъ царя восточной Индіи, воспитанный самъ въ полномъ довольствѣ, собственнымъ размышленіемъ пришелъ онъ къ познанію суеты всего земнаго и оставилъ своихъ, чтобы отселъ жить подаваніемъ, сперва себя одного посвятивъ созерцанію, а потомъ принять на себя уже поученіе другихъ людей. «Все сущее переходитъ и слѣдовательно подлежитъ раздѣленію и скорби; происхожденіе каждаго новаго бытія совершается вслѣдствіе страсти въ бытіи предшествовавшемъ; поэтому подавленіе страсти есть единственное средство избыть новаго бытія и съ нимъ скорби; все что мѣшаетъ подавить страсть, то должно быть устранено»:—таковы были четыре положенія, опиравшіяся на ученія о переселенія душъ, выработаннымъ въ Гиндостанѣ уже прежде Будды, и составлявшія исходную и конечную точку его преподаванія. Здѣсь собственно не было ничего новаго; скорѣе напротивъ все это совершенно сходилось съ ученіемъ брагманскихъ пустынниковъ: по образъ и способъ, въ какомъ предложилъ Будда свое ученіе, были совершенно новы и необычны. Между тѣмъ какъ брагманы учили только въ своихъ лѣсныхъ обителяхъ и принимали учениковъ только изъ своей собственной касты, Будда ходилъ съ учениками по всей странѣ, отъ города къ городу, проповѣдывалъ свое ученіе всему народу, принималъ въ послѣдователи людей всѣхъ кастъ, безъ различія происхожденія, давалъ имъ мѣсто въ общинѣ только по возрасту и разсудительности и наконецъ открывалъ вѣсѣмъ, и самымъ низшимъ, возможность освобождаться отъ узъ ихъ рожденія чрезъ воспріятіе его ученія. Эта простертая на всѣхъ терпимость, взаимное состраданіе, которое проповѣдывалъ онъ въ равной мѣрѣ ко всѣмъ обитателямъ земной юдоли скорби, происходившая отсюда

практическая всеобщность, — вотъ отличительныя черты, запечатлѣвшія на всю времена его ученіе, между тѣмъ какъ болѣе умозрительныя его стороны, даже самое ученіе о конечной цѣли, состоявшей въ уничтоженіи личнаго бытія, испытали въ послѣдствіи разнообразныя видоизмѣненія. Это былъ первый случай въ исторіи міра, по крайней мѣрѣ первый, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство, что въ одномъ умѣ достало смѣлости разорвать всѣ границы племенныхъ и народныхъ особенностей, для всѣхъ людей указать равный удѣлъ, хотя конечно удѣлъ всеобщаго сѣтованія. Во всѣхъ отношеніяхъ огромны были послѣдствія этого воззванія, обращеннаго ко всѣмъ людямъ и особенно къ страдающей части индійскаго народа; и если бы, съ одной стороны, суровость нравственныхъ предписаній буддизма не была слишкомъ обременительна для человека, а съ другой, если бы собственная терпимость и мягкость не лишали его въ нѣкоторой степени потребной оборонительной силы, — могущество брагманской гіерархіи едва ли бы могло пережить этотъ ударъ. Но, при упомянутыхъ особенностяхъ буддизма, брагманы съумѣли вскорѣ отъ суровыхъ и трезвыхъ ученій возвратить чувственный народъ къ созданіямъ его роскошной фантазіи, къ тому религіозному поклоненію, формы коего, съ теченіемъ времени, поступали все болѣе и болѣе впередъ, то лаская наслажденіемъ, то подавляя страхомъ; и когда буддизмъ поздне, въ силу своихъ всеобщныхъ стремленій, нашелъ особенную приверженность у народовъ чуждыхъ, столь долго владѣвшихъ сѣверо-западомъ Индіи, Грековъ и Индо-Скѣвовъ, брагманы, одѣвши свое дѣло красками народности, съумѣли въ этомъ видѣ представить его патриотизму индійскихъ князей; послѣ того какъ ихъ побужденіемъ отгвснено было помянутое владычество чужеплеменниковъ, они умѣли кровавыми преслѣдованіями изгнать и отечественныхъ буддистовъ. При всемъ томъ, вліяніе, обнаруженное буддизмомъ на Индію, особенно въ первую эпоху его чистоты, было вполне благотворно. Благодаря ему, мы имѣемъ рядкій историческій памятникъ изъ III вѣка до Р. Х.; именно надпись, найденная на скалахъ восточной, сѣверной и югозападной Индіи, представляющія одинаковое содержаніе, съ нѣкоторыми только частными отгвнцами нарѣчій, и принадлежавшія буддистскому царю Пйадаси. Цѣль ихъ одинакова — внушить всѣмъ подданнымъ миръ, взаимное уваженіе и терпимость, пріязненное обхожденіе другъ съ другомъ и наблюденіе закона: рядкое содержаніе памятниковъ, тогда какъ всѣ извѣстныя намъ надписи этого рода, принадлежащія другимъ царямъ древности, говорятъ намъ только о кровавой войнѣ, о битвахъ и завоеваніяхъ!

Кромѣ того, для исторіи Индіи эти эдикты имѣютъ неогцненное достоинство еще въ другомъ отношеніи: во первыхъ, какъ древнѣйшій

документъ индйскаго письма, въ которомъ, въ начертаніяхъ согласныхъ проглядываютъ еще ясно формы соответствующихъ семитическихкихъ буквъ, (а отъ этого времени можно прослѣдить индйскую азбуку шагъ за шагомъ до нынѣшнихъ начертаній); во вторыхъ потому, что они составлены не на Санскритѣ, такъ называемомъ, но на нарѣчіяхъ народныхъ, уже довольно испорченныхъ. Съ занятіемъ новыхъ жалищъ въ Индіи, не только государственное устройство и релігіозное поклоненіе, но и языкъ совершенно измѣнили видъ свой. Для разъясненія древнихъ пѣснопѣній становилось мало по малу все болѣе и болѣе необходимымъ грамматическое изученіе, находившееся въ завѣдываніи брагмановъ, и, чѣмъ далѣе поступало оно впередъ и росло, чѣмъ тѣснѣе и опредѣленнѣе двлались границы, полагаемыя имъ для правильного употребленія языка, тѣмъ болѣе удалялось оно отъ употребленія большинства народа, грамматически необразованнаго. Въствъ съ тѣмъ отъ народнаго языка отдѣлялся языкъ, составлявшій собственность людей образованныхъ, литературы, имъ ограниченной, и брагманскаго преподаванія; тѣмъ рѣшительнѣе и рѣшительнѣе отдалялся онъ, чѣмъ болѣе съ своей стороны развивался первый; последнее совершалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ побужденныхъ туземцевъ, принятыхъ въ брагманскій союзъ четвертою кастой: правда, они постепенно, вмѣсто своего, принимали языкъ побѣдителей, но за то они вносили сюда значительное количество отчасти словъ, отчасти звуковыхъ отличій, и преимущественно сильно измѣняли выговоръ. Языкъ литературный сдѣлался тогда принадлежностію брагмановъ и учениковъ ихъ, принятыхъ изъ другихъ классовъ народа; въ такомъ видѣ получилъ онъ позднѣе почетное имя *Санскрита*, «образованный, совершенный (т. е. языкъ)», и до сихъ поръ сохранился, не измѣнивши своей формы. Между тѣмъ, нарѣчія народнаго языка съ своей стороны прошли чрезвычайно длинный рядъ ступеней развитія; явленіе ихъ въ эдиктахъ Пійадаси, обращенныхъ ко всему народу, принимая въ расчетъ и форму, въ какой мы здѣсь встрѣчаемъ ихъ, показываетъ намъ, что тогда уже они весьма значительно разнились отъ Санскрита. Такимъ образомъ, и съ этой стороны вполне подтверждается принятое нами выше положеніе о томъ, что разстояніе времени между переселеніемъ Арійцевъ и появленіемъ Будды было весьма длинно, около 1000 лѣтъ.

Доселъ при изображеніи Индіи мы могли пользоваться только туземными источниками и соображаться при этомъ (до эпохи Пійадаси) только съ хронологіей внутреннею; теперь подошли мы къ рубежу того времени, съ котораго начинаются уже иностраннныя свидѣтельства объ Индіи. Какъ бы ни были они скудны, во всякомъ случаѣ они неоцѣненны

для Индіи, при недостаткѣ всякой дѣйствительной туземной хронологіи; въ связи съ немногими данными, извлекаемыми изъ индійскихъ надписей и монетъ, они даютъ по крайности достаточную возможность твердо установить самыя общіе очерки въ исторіи государствъ индійскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря тѣмъ греческимъ извѣстіямъ, которыя идутъ отъ спутниковъ Александра Великаго или посланниковъ, отправленныхъ его преемниками къ разнымъ царямъ индійскимъ, взорамъ нашимъ представляется уже весьма ясно внѣшнее и внутреннее состояніе Индіи въ III вѣкѣ до Р. Х. Брагманская образованность успѣла уже проникнуть до вершинъ Декана (Dekhan), захватила Цейлонъ и была уже на дорогѣ въ западную Индію и индійскій архипелагъ. Сама Индія стояла въ отношеніяхъ весьма цвѣтущихъ, хотя вообще подъ суровыми гнетомъ тяжкихъ налоговъ. Въ ней заключалось нѣсколько обширныхъ государствъ, и одно изъ нихъ, на востокъ, держало верховную власть надъ прочими. Греки не наговорятся о чудесахъ Индіи; всего скуднѣе свидѣтельства ихъ о жизни религіозной и литературъ, о которой, къ сожалѣнію, почти ничего не сообщаютъ они.

Съ походомъ Александра въ Пенджабъ начался новый періодъ для Индіи, ибо съ тѣхъ поръ она вступила съ чужими странами въ сношенія прямыя и гораздо тѣснѣйшія, чѣмъ это бывало дотолѣ. Довольно значительная часть западной Индіи оставалась слишкомъ 250 лѣтъ подъ владычествомъ греческихъ правителей, и, когда греческое вліяніе прекратилось съ этой стороны, оно нашло себѣ другую, не менѣе значительную дорогу, именно морской путь изъ Александріи, кипѣвшій дѣятельностію до VI и VII столѣтія по Р. Х. Вліяніе Грековъ, шедшее показанными путями, было гораздо обширнѣе, чѣмъ думали прежде (я думали долго); не только индійское зодчество, развивавшееся конечно послѣ того самостоятельно, искусство монетной чеканки и т. п., въ началѣ своемъ строго примыкаютъ къ греческимъ образцамъ: даже астрономія Индійцевъ, по крайности научная ея степень, основана чисто на греческихъ произведеніяхъ, вѣроятно переведенныхъ, изъ которыхъ много выражений перешло въ Санскритъ; наконецъ довольно вѣроподобно, что даже происхожденіе индійской драмы стояло въ зависимости отъ тѣхъ греческихъ драмъ, которыя введены были при дворахъ греческихъ правителей. Еще значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ было дѣйствіе христіанства, проникнувшее главнымъ образомъ также чрезъ Александрію; ему - то особенно слѣдуетъ приписать идею *личнаго* единого верховнаго божества и понятіе *вѣры* въ него, — особенности, которыхъ до этой эпохи нельзя наслѣдить въ Индіи, и которыя отсель составляютъ общее отличіе всѣхъ развѣтвлявшихся индійскихъ вѣроученій. На оборотъ, индійскія философы имѣли рѣши-

тельное вліяніе на многія гностическія секты, развивавшіяся преимущественно въ Александріи. Система манихеевъ, въ Персіи, существеннѣйшимъ образомъ возбуждена была представленіями буддистовъ, ибо они въ своей живой религіозной ревности, движимые своимъ всеобщимъ началомъ, уже рано разослали миссіи по Азіи.

Посредствомъ цвѣтущей торговли съ Западомъ и Персіей, западный берегъ Индіи получилъ теперь особенно важное значеніе. Здѣсь образовывались могущественнѣйшія государства; правители ихъ являлись покровителями литературы и прозы; блестящій дворъ ихъ былъ сборнымъ мѣстомъ стихотворцевъ и ученыхъ. Это былъ собственно золотой вѣкъ такъ называемой санскритской литературы, въ которомъ и самый языкъ Санскрита достигъ высшаго поэтическаго совершенства, и индійское поэтическое творчество создало прекраснѣйшіе перлы. По всему міру распространилась тогда слава индійской мудрости. Индійскія басни и сказки переведены были на персидскій, а отсюда, съ помощію сирскаго и позднѣе арабскаго, на всѣ почти языки передней Азіи. Индійская астрономія и медицина изучались въ персидскихъ и арабскихъ школахъ; даже индійская философія существенно способствовала, въ позднѣйшую эпоху, образованію суфизма, пантеистической секты ислама.

Сѣверо-западъ Индіи оставался въ непрерывномъ почти владѣніи чуждыхъ народовъ. За Греками послѣдовали племена татарскія, владычество коихъ только на краткое время прервано было персидскими Сассанидами, пока въ VII столѣтіи Арабы стали твердою стопой на Инду. Между тѣмъ какъ помянутыя племена татарскія, извѣстныя подъ разными именами, съ большою искренностью отдались буддизму, который черезъ нихъ сдѣлался народною религіей почти всей внутренней Азіи, такъ что въ настоящее время считаетъ послѣдователей своихъ болѣе, чѣмъ самое христіанство; между тѣмъ какъ, далѣе, и первые арабскіе завоеватели обходились по видимому весьма снисходительно съ своими языческими подданными: около 1000 лѣтъ по Р. Х. (считая круглымъ числомъ), наступилъ для Индіи періодъ величайшихъ утѣсненій, отъ которыхъ начинается она отдыхать только въ новѣйшее время, подъ покровомъ Британцевъ. Страшный фанатикъ, Магмудъ Газневидъ перенесъ впервые на благословенныя нивы Индіи исламъ, какъ знамя всеобщаго разрушенія и опустошенія; за нимъ, въ непрерывномъ ряду, слѣдовали погомъ афганійскія и другія подобныя орды, огнемъ и мечемъ опустошавшія весь Гиндостанъ. Сюда присоединились вторженія Моголовъ, которыхъ впрочемъ можно еще помянуть добромъ: когда одному князю ихъ, Баберу (оставившему намъ записки о собственной жизни), посчастливилось основать здѣсь прочное владыче-

ство, тогда, при его преемникахъ, такъ называемыхъ Великихъ Моголахъ, и особенно при истинно великомъ Акбарѣ, наступило на нѣсколько лѣтъ спокойствіе. Южная Индія, на которую характеръ брагманства перенесенъ былъ, въ сущности, бѣглецами, въ эпоху помянутого опустошенія Гиндостана, — тогда же въ особенности бѣжали брагманы въ заднюю Индію и индійскій архипелагъ, — южная Индія съ теченіемъ времени не могла противостать втѣснявшемуся мусульманству, и только въ немногихъ округахъ сохранились здѣсь независимые индійскіе князья. Послѣ того какъ, за тѣмъ, въ 1498 году Васко де Гама въ первый разъ на европейскомъ кораблѣ объѣхалъ вокругъ Африку и присталъ къ Малабарскому берегу, Португальцы, Голландцы, Французы и Британцы пестрою смѣной дѣлили между собою индійскія владѣнія, къ сожалѣнію употребляя при этомъ способы, не приносящіе чести и достоинства европейской цивилизаціи. Жизненная сила индійской народности выказала себя въ томъ, что эти восемь сотъ лѣтъ страданія не имѣли разрушительнаго дѣйствія на ея характеръ; напротивъ, онъ сохранилъ достаточную упругость, чтобы послѣ того, въ послѣдніе 50 лѣтъ англійскаго покровительства, выправиться снова, до того состоянія, въ какомъ находимъ мы его въ настоящее время.

Обзоръ историческаго развитія Индіи я заключу бѣглымъ изображеніемъ хода индійской литературы. Мы уже видѣли, что къ древнимъ лирическимъ пѣснопѣніямъ Ведъ примкнули, во второмъ ряду, такъ называемыя Брагманы (Brahmana), родъ догматически-обрядовыхъ примѣчаній въ прозѣ. Третью ступень образуютъ такъ называемыя Сутры (Sutra, собственно — нить, связь), обнявшія въ цѣлостномъ составѣ тотъ матеріалъ, который раздѣленъ въ Брагманахъ на свои частности; относясь къ языку, обрядамъ или правамъ, они являются намъ исходными точками индійской грамматики и законовѣднія (какъ познанія правъ и обязанностей). Грамматическое изученіе, сдѣлавшееся мало по малу необходимымъ для пониманія и огражденія неприкосновенности древнихъ текстовъ, осталось навсегда любимымъ занятіемъ Индійцевъ, и въ познаніи законовъ языка своего, въ грамматикѣ, лексикографіи, метрикѣ, и т. п., они сдѣлали больше, чѣмъ какойнибудь другой народъ въ мірѣ, пока, отчасти впрочемъ ими же возбужденные, Боппъ, Гумбольдтъ и Гриммъ шагнули еще далѣе. Рядомъ съ грамматикой, прекраснѣйшей и своеобразнѣйшей цвѣтъ индійскаго духа развернулся въ философіи. Уже между позднѣйшими пѣснопѣніями Ведъ находится много гимновъ умозрительнаго содержанія, свидѣтельствующихъ о значительной глубинѣ и сосредоточенности мышленія касательно первоосновы вещей. Величавая природа, въ уединенныхъ лѣсахъ которой воспитывали индійскіе мудрецы свое размышленіе, пробудила въ нихъ

сознаше природной жизненной силы, протекающей однимъ потокомъ все живущее, развила въ нихъ представление мгновенной смѣны и бѣдности каждаго недѣлимаго существованія, наконецъ томительную жажду остановить личную жизнь и войти во всеобщій міровой духъ. Къ самымъ дробнымъ тонкостямъ примыкають здѣсь воззрѣнія самыя величавыя, пока схоластика не овладѣла ими и не сжала ихъ въ тѣсный кругъ опредѣленной догматической системы.

И къ другимъ наукамъ богатая природа Индіи вызвала довольно рано своихъ обитателей: такова, на примѣръ, медицина, анатомическая часть которой получила важный толчекъ для разработки со стороны обычай животныхъ жертвъ. Изученіе неба въ старину ограничивалось астрологіей; только при посредствѣ упомянутого греческаго вліянія поднялась она на степень дѣйствительной науки. Алгебра принадлежала также этому послѣднему періоду, но, судя по всему, была чисто произведеніемъ индійскаго остроумія, которому обязаны мы и нашими арифметическими знаками; Индійцы достигли здѣсь высоты, сдѣлавшейся доступною и для насъ въ Европѣ только въ концѣ прошлаго столѣтія: будь сочиненія ихъ въ этомъ родѣ знакомы намъ сто лѣтъ раньше, они сдѣлали бы рѣшительную эпоху.

Поэтическое творчество Индійцевъ прежде всего обратило на ихъ литературу взоры Европы. Драма, — это тогда уже тотчасъ замѣтили, — могла представлять собою лишь заключительную ея вершину; потому на эпосъ, который, по обычаю Индійцевъ, возводимъ былъ въ первобытныя баснословныя времена, смотрѣли какъ на исходную и начальную точку. Такъ составилось воззрѣніе, долго прилагавшееся и къ другимъ народамъ, — будто бы эпосъ служить началомъ ихъ поэтическихъ произведеній. Но, когда познакомились съ лирическими произведеніями Индіи, какъ съ древнѣйшими, именно съ Ведами; когда относительно ихъ періодъ Магаб'араты и Рамалпы признали періодомъ младшимъ: съ тѣхъ поръ снова выигрываетъ воззрѣніе, начинающее поэтическія отправления каждаго народа лирикою.

Драма возникла у Индійцевъ изъ пляски и пѣнія, которыя изстари были страстно ими любимы, и притомъ, какъ уже замѣтили мы выше, вѣроятно подѣ вліяніемъ первообраза драмы греческой. Вполнѣ оригинальнымъ, себѣ только свойственнымъ способомъ, развили они до совершенства поэзію изреченій (пословицъ), и все тѣ, что примыкаетъ сюда, — дидактическую литературу басенъ и сказокъ. Впрочемъ метрическая форма обща всѣмъ почти произведеніямъ такъ называемаго санскритскаго періода, не исключая даже научныхъ: основаніе лежитъ конечно опять въ томъ, что языкъ этого времени пересталъ

быть всеобщимъ народнымъ языкомъ и замкнулся кругомъ ученыхъ, его изучавшихъ.

Совершенный недостатокъ высшей хронологіи, общій всемъ индійскимъ произведеніямъ, вознаграждается въ известной мѣрѣ хронологіей внутреннею, выводимою путемъ заключенія изъ упомянутыхъ выше именъ и т. п., но, кромѣ его, относительно всей индійской литературы есть еще одно, чрезвычайно роковое и неблагопріятное обстоятельство, хотя для ведической эпохи оно имѣетъ и меньше значенія, благодаря величайшей заботливости, съ какою обходились Индійцы съ священными своими писаніями. Именно, разрушительное вліяніе климата весьма затрудняло письменное сбереженіе памятниковъ; изъ тѣхъ списковъ, какіе имѣемъ мы на лицо, едва ли есть одинъ старше четырехъ или пяти сотъ лѣтъ, и стало быть вообще они были часто повторяемы. Вслѣдствіе этого, почти во всѣхъ отрасляхъ науки и поэтическаго искусства, гдѣ только не вступалось какое либо иное практическое вліяніе, счастливый преемникъ совершенно загоразживалъ побѣжденнаго предшественника; послѣдній дѣлался лишнимъ, отодвигался въ сторону; его произведенія не были заучиваемы наизусть, не переписывались болѣе. Такимъ образомъ мы имѣемъ почти во всей литературѣ только цвѣты, такія произведенія, въ которыхъ каждая отрасль достигла своей высшей точки, и которыя послужили классическими образцами, такъ что по нимъ уже образовалась позднѣйшая новая литература, болѣе или менѣе лишенная собственной производительности. Но и тотъ самый текстъ, который теперь имѣемъ мы, подвергся вредному вліянію, сопряженному съ трудностію письменнаго сбереженія: при частомъ переписываніи, въ него вторглось много совершенно произвольныхъ измѣненій и прибавокъ, частію сдѣланныхъ наизусть, частію происшедшихъ отъ ошибокъ переписчиковъ. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что передача многихъ произведеній первоначально была дѣломъ одного только устнаго преданія, записаны же они были позднѣе и, можетъ быть, въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ, такъ что нѣкоторые главныя творенія индійской поэзіи лежатъ передъ нами въ нѣсколькихъ рецензіяхъ, значительно другъ отъ друга отступающихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ болѣе части случаевъ нельзя и думать о надежномъ возстановленіи первоначальныхъ текстовъ, и только тамъ, гдѣ есть древніе комментарии, можно еще нѣкоторымъ образомъ на то рассчитывать, и то только для времени самихъ комментариевъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, какія трудныя задачи предлежатъ для рѣшенія индійскому филологу; но, съ другой стороны, именно потому, что здѣсь лежитъ еще столько свѣжаго, невоздѣланнаго поля, ожидающаго обработки, именно потому имѣютъ конечно свою великую прелесть эти занятія; нѣсколько энергіи и выдержки, — и вы такъ легко получаете возме-

здѣ въ выводахъ. Работа критики едва лишь началась еще; она положе еще на поселеніа въ какомъ нибудь американскомъ, нетронутомъ звками лѣсу: но, подобно какъ изъ американскихъ лѣсовъ въ короткій срокъ вырастаютъ статные города, такъ, можно предвидѣть, не въ долгомъ времени прольется яркій свѣтъ на историческую область индійской образованности и литературы, область, которая доселѣ покрыта была мракомъ.

КАРЛЪ ЛАХМАНЪ *.

Карлъ Конрадъ Фридрихъ Лахманъ родился 4 марта 1793 г. въ Брауншвейгѣ. Предки его по мужской линіи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій были пасторами въ Альтмаркѣ. Отецъ его, человекъ ученый, неутомимо дѣятельный и небезызвѣстный какъ писатель, самъ воспитывалъ Карла, вмѣстѣ съ другими своими дѣтьми. Онъ занималъ его съ самыхъ первыхъ лѣтъ древними языками, заставляя его безпрестанно учиться, стараясь, чтобы и въ самыхъ развлеченіяхъ онъ находилъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ пользу. Мальчикъ былъ обреченъ сдѣлаться со временемъ ученымъ. Семи лѣтъ поступилъ онъ въ школу, изъ которой ученики переходили прямо въ университетъ. Одинадцати лѣтъ онъ уже былъ въ последнемъ классѣ (prima), и хотя тогдашній курсъ былъ много легче нынѣшняго обыкновеннаго курса нѣмецкихъ гимназій, но все таки это было весьма раннее вступленіе; 16 лѣтъ онъ выдержалъ выпускной экзаменъ, потомъ слушалъ богословіе полгода въ лейпцигскомъ и еще нѣсколько времени въ гёттингенскомъ университетахъ. Уже и тогда интересовало его все, что касалось древнихъ списковъ Новаго Завѣта; но вообще онъ занимался ееологіею болѣе по волѣ отца, чѣмъ по собственной склонности, и хотя однажды говорилъ проповѣдь въ брауншвейгской церкви, къ большому удовольствію старика Лахмана и прочихъ слушателей, но вслѣдъ за тѣмъ объявилъ рѣшительно, что не готовитъ себя къ духовному званію. Филологія рано начала занимать его. Лекціи Германна, котораго онъ слушалъ нѣсколько времени въ Лейпцигѣ, не могли остаться безъ вліянія на молодой умъ, издавна уже знакомый съ классическими

* Carl Lachmann. Eine Biographie von Martin Hertz. Berlin 1851. 8°.

писателями. Въ Гёттингенѣ преподавали филологпо въ то время: Гейне, Митшерлихъ, Вундерлихъ и Диссенъ. Значеніе Гейне въ отношеніи къ Лахману не было велико; почтенный старецъ уже отсталъ въ то время отъ молодаго поколѣнія; онъ былъ чуждъ этого многосторонняго и систематическаго изученія древности, этой методической критики древнихъ текстовъ, которыми оно отличалось. Особенно сильно дѣйствовалъ на своихъ слушателей Диссенъ; онъ былъ такъ близокъ съ ними, что могъ назваться ихъ старшимъ товарищемъ. Подъ предсѣдательствомъ его они основали филологическое общество, котораго первыми членами были: Лахманъ и его друзья, Шульце и Бунзенъ. Въ засѣданіяхъ этого общества одинаково читались древніе и новые писатели. Самъ Лахманъ охотно занимался другими предметами, кромѣ чтенія классиковъ, особенно языками: итальянскимъ и англійскимъ, — послѣднимъ по совѣту Бенкеса. Этому же ученому обязаны мы тѣмъ, что Лахманъ вскорѣ предался изученію древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій: онъ ввелъ его въ кругъ своихъ занятій. Въ 1814 Лахманъ уже былъ докторомъ философіи и магистромъ свободныхъ искусствъ. Въ 1815 онъ началъ печатать свое изданіе Проперція, которымъ занимался еще въ Брауншвейгѣ. Это былъ его первый важный критическій трудъ, и трудъ, достойный ученаго, говорившаго, что задача издателя состоитъ въ томъ, чтобы возстановить какое нибудь твореніе въ томъ видѣ, какъ оно явилось изъ подъ пера автора. Въ предисловіи къ нему уже высказаны нѣкоторыя изъ мыслей, которыми Лахманъ руководствовался въ теченіе всей жизни относительно критики текстовъ.

Онъ не могъ окончить печатанія самъ; его звала другая дѣятельность. Быстро распространилось по Германіи извѣстіе, что 26 февраля Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы и уже снова собралъ войска во Франціи. Нужно ли повторять здѣсь, какое впечатлѣніе произвело оно въ нѣмецкихъ земляхъ, которымъ только что была возвращена ихъ независимость? Все, что было молодаго и благороднаго, спѣшило стать подъ ружье. Лахманъ, не обращая вниманія на сопротивленіе отца, пометѣлъ въ Дудерштадтѣ и поступилъ въ полкъ вольныхъ егерей. Долго ихъ держали въ этомъ мѣстѣ, въ ожиданіи похода. Лахманъ имѣлъ время узнать своихъ товарищей и сойтись съ ними; это были большею частію гимназисты и студенты, между которыми онъ разыгрывалъ роль старшаго; тутъ были будущіе пасторы и профессора, — охотники поговорить о классической литературѣ. Но чѣмъ благороднѣе были эти сердца, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ переносили они свое бездѣйствіе. Черезъ нѣсколько недѣль пришло извѣстіе о геройской смерти ихъ государя, герцога брауншвейгскаго Фридриха-Вильгельма, въ слѣдъ за тѣмъ радостная вѣсть о побѣдѣ при Бель-Альянсѣ. Отчаяніе молодыхъ солдатъ возрастало съ каждымъ днемъ. Чувства ихъ выражены

въ двухъ стихотвореніяхъ Лахмана, который былъ немножко поэтъ и даже писалъ латинскіе и греческіе стихи. Наконецъ ихъ двинули въ походъ, но уже было поздно. Парижъ былъ уже взятъ и наши волонтеры только прогулялись по Франціи. Въ продолженіе двухдневнаго пребыванія въ столицѣ, Карлъ успѣлъ побывать въ Лувръ, гдѣ еще стояли на прежнихъ мѣстахъ великія художественныя богатства, собранныя Наполеономъ. Черезъ нѣсколько недѣль Лахманъ снова проходилъ съ полкомъ черезъ Парижъ и снова былъ въ Лувръ; тогда все чужое уже начинали запаковывать и приготавливать къ отправленію. Но тѣмъ не менѣе нашъ филологъ нашелъ здѣсь много предметовъ для толковъ и разговоровъ. Классическое привлекало его повсюду прежде всего. Должно сказать, что онъ не разлучался съ Гомеромъ въ продолженіе всего похода. Едва прибывши въ Реймсъ, онъ знакомится съ однимъ архитекторомъ и проситъ его указать то мѣсто въ городской стѣнѣ, гдѣ можно видѣть триумфальную арку Юлія Цезаря. Съ восхищеніемъ разсматриваетъ онъ изображеніе волчицы, кормицей Ромула и Рема, и портретъ Цезаря, исполненный въ барельефъ. Неудача въ военной дѣятельности только сильнѣе стремится его къ дѣятельности филолога.

Скоро мы видимъ бывшаго солдата на кафедрѣ одной берлинской гимназіи. Онъ даже читаетъ нѣсколько пробныхъ лекцій въ университетѣ о римскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ древностяхъ. Къ этому времени относится его брошюра о первоначальномъ видѣ Нибелунговъ. Исслѣдованія Вольфа навели его на мысль, что древнія стихотворенія всѣхъ народовъ, носящія эпическій характеръ, вѣроятно произошли такимъ же путемъ какъ и поэмы Гомера, и не иначе какъ постепенно пришли къ нынѣшнему своему виду. Съ этой точки зрѣнія онъ старался доказать, что Нибелунги въ томъ видѣ, въ которомъ они дошли до насъ, и въ которомъ они соответствуютъ началу XIII столѣтія, представляютъ довольно-очевидный сводъ отдѣльныхъ пѣсенъ или романсовъ. — Заслуги двадцатитрехлѣтняго ученаго на двухъ поприщахъ обратили на него вниманіе многихъ достойныхъ людей и доставили ему благотворное знакомство Нибура и Шлейермахера. Ему предложили мѣсто въ кѣнигсбергской Фридриховой коллегіи, и онъ поспѣшилъ отправиться туда. Такъ Пруссія должна была сдѣлаться его вторымъ отечествомъ; онъ и Буизенъ избрали ее, какъ страну, внушавшую наиболѣе надеждъ каждому истинному Нѣмцу; здѣсь думали они принести наиболѣе пользы отечеству и наукъ.

Семь лѣтъ жилъ Лахманъ въ Кѣнигсбергѣ, сперва занимая должность преподавателя латинскаго языка въ коллегіи, потомъ читая въ университетѣ, въ званіи экстраординарнаго профессора, теорію и критику изящныхъ искусствъ и словесности. Здѣсь въ кругъ его преподаванія одинаково входили и классическая и нѣмецкая поэзія. Пренму-

цественно его занимала метрика. Онъ возстановилъ всѣ древнѣнѣмецкіе метры, собралъ примѣры на каждый изъ нихъ и указалъ всѣ измѣненія и улучшенія, сдѣланныя поэтами XIII столѣтія. Нужно ли говорить, что одинъ этотъ трудъ требовалъ отъ него основательнѣйшаго знакомства съ древнѣйшими формами и удареніями словъ, съ многими нарѣчіями и поэтами? Въ классической литературѣ его метрическія изслѣдованія были обращены на греческихъ трагиковъ. Онъ старался доказать между прочимъ, что въ ихъ произведеніяхъ число семь играетъ важную роль, что на него дѣлятся суммы стиховъ, какъ пѣтухъ хоромъ, такъ и произносившихся актерами. Вообще онъ посвящалъ въ Кёнигсбергѣ болѣе времени германскимъ древностямъ, чѣмъ классическимъ, но печаталъ чрезвычайно мало; это было время серьезнаго приготовленія къ будущимъ трудамъ. За то онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ изданіяхъ своихъ новыхъ товарищей, какъ скоро они касались предметовъ, занимавшихъ его. На примѣръ онъ помогъ Кёпке издать средневерхненѣмецкое стихотвореніе Рудольфа Монтеюрта «Варлаамъ и Иосафатъ» въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ почтенный ученый приготовилъ его къ печати. До какой степени онъ былъ готовъ служить всякому своими знаніями, можно судить по тому, что, сжалившись надъ однимъ изъ своихъ товарищей по коллегіи, читавшимъ тамъ латинскихъ поэтовъ и неумѣвшимъ справиться съ размѣрами, онъ испеcтрилъ ему цѣлую хрестоматію краткими и долгими знаками, разставивъ ихъ надъ каждымъ словомъ.

Чѣмъ менѣе напоминалъ о себѣ публикѣ молодой ученый, тѣмъ быстрѣ шли его приготовительные труды. Весь бѣдный запасъ старинныхъ нѣмецкихъ рукописей, найденный имъ въ Кёнигсбергѣ, былъ имъ давно истощенъ; онъ воспользовался лѣтнею вакаціею 1824 года и отправился черезъ Берлинъ въ среднюю и южную Германію, гдѣ его ждала богатая добыча. Вездѣ начиная отъ Вольфенбюттеля до С. Галлена, онъ рылся въ бібліотекахъ, слыхалъ и переписывалъ рукописи; мимоходомъ открылъ одинъ неизданный провансальскій романъ (*Roman von Fiegabras, herausgegeben von Immanuel Bekker. Berlin 1829*) и возвратился въ Берлинъ съ важными матеріалами для будущихъ трудовъ. Въ виду тѣхъ средствъ, которыми онъ могъ пользоваться въ Берлинѣ и которыхъ былъ лишенъ въ Кёнигсбергѣ, въ Лахманъ съ новою силою проснулось завѣтное желаніе занять кафедру въ столичномъ университетѣ. Еще въ первый проѣздъ черезъ Берлинъ онъ просилъ начальство о переводѣ, но получалъ отказъ. Теперь онъ рѣшился повторить свою просьбу. По какому-то счастливому случаю она была принята, и въ ожиданіи назначенія Лахманъ остался въ Берлинѣ и занялся рецензіею Ивейна, одного изъ замѣчательнѣйшихъ средневерхненѣмецкихъ стихотвореній. Благодаря матеріаламъ, собраннымъ г-мъ Бенекеромъ,

и своимъ прежнимъ трудамъ, онъ могъ, какъ говорилъ самъ, сдѣлать первый опытъ критическаго изданія древняго нѣмецкаго произведенія. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ его трудовъ. Въ началѣ 1825 года онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ берлинскаго университета.

Начиная съ этого времени до конца своей жизни онъ весь принадлежалъ университету, принимая самое живое участіе въ его интересахъ. Въ 1827 онъ получилъ званіе ординарнаго профессора; потомъ нѣсколько разъ выбирался въ деканы философскаго факультета и былъ даже ректоромъ. Какъ профессоръ древнѣмецкой и классической литературы, онъ былъ человекъ необыкновенно добросовѣстный, но въ то же время чрезвычайно строгій къ своимъ слушателямъ. Это послѣднее качество особенно обнаруживалось въ филологическомъ семинаріумъ: онъ не любилъ помочь студенту въ толкованіи какого-нибудь писателя. Если студентъ не признавался откровенно, что не могъ понять такого-то мѣста, то онъ долго заставлялъ его добиваться смысла. Это состояло въ связи съ нѣкоторою исключительностью его характера. Онъ требовалъ отъ каждаго занимающагося наукою самаго напряженнаго вниманія; въ предисловіи къ нѣкоторымъ своимъ книгамъ онъ хвастаетъ тѣмъ, что его понять будетъ нелегко; самое ненавистное слово было для него дилеттантисмъ.

Въ теченіи этой второй половины своей жизни, Лахманъ широко развилъ свою литературную дѣятельность. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе трудовъ его по части древнѣмецкой филологіи и скажемъ только нѣсколько словъ о Нибелунгахъ, изданныхъ имъ три раза, снабженныхъ примѣчаніями и занимавшихъ его въ теченіе почти всей жизни. До насъ дошелъ только одинъ древній списокъ этого произведенія. Лахману предстоялъ великій трудъ—по этому единственному списку и нѣсколькимъ гораздо позднѣйшимъ, открыть, по возможности, первобытную форму произведенія. Относительно происхожденія его онъ остался навсегда върять мнѣнію, высказанному имъ въ первой молодости. Онъ открылъ двадцать первоначальныхъ пѣсепъ, изъ которыхъ сложилась знаменитая поэма, и указалъ всѣ искусственныя вставки между ними. Сознавая впрочемъ несовершенство своего труда, условливаемое невозможностью возстановить во всей полнотѣ первобытный видъ поэмы, онъ говоритъ въ предисловіи къ ней: «Языковѣдѣніе научило насъ, что исторія не застаетъ ни всего человѣчества ни отдѣльныхъ народовъ въ ихъ колыбели; то, что мы, по строжайшемъ изслѣдованіи, признаемъ за древнѣйшее, есть всегда нѣчто видоизмѣненное и затемнѣнное новѣйшимъ, и указываетъ въ свою очередь на нѣчто болѣе раннее, для котораго у насъ недостаетъ единицы измѣренія.» Въ этихъ словахъ выражено какъ

нельзя лучше признаніе границъ, въ которыхъ возможны методическія разысканія и историческія соображенія, и Лахманъ никогда не позволялъ себѣ переступить этихъ границъ по произволу. Нибелунги были изданы со всевозможною критическою роскошью. XX пѣсень были перенумерованы; продолженія ихъ поставлены въ скобкахъ; новѣйшія вставки напечатаны курсивомъ, а испорченныя или лишніе слова мелкимъ шрифтомъ; послѣдніе замѣнены исправленіями, собранными внизу страницъ и на концѣ книги, и т. д. Однимъ словомъ, занимающимся Нибелунгами трудъ облегченъ въ высшей степени, а желающіе прочесть знаменитое произведеніе въ возможно-древнѣйшей формѣ могутъ насладиться этимъ удовольствіемъ вполнѣ. Но эта поэма была издана имъ еще въ другомъ видѣ. Къ четырехсотлѣтнему юбилею изобрѣтенія книгопечатанія, берлинскій типографщикъ Деккеръ напечаталъ ее въ великолѣпномъ видѣ, въ листъ, новымъ шрифтомъ и только въ числѣ ста экземпляровъ, которые поступили въ публичныя библіотеки и т. д.¹ Другимъ важнымъ изданіемъ Лахмана были древнія стихотворенія, приписываемыя Вальтеру (Walther von der Vogelweide). Въ остальныхъ его изданіяхъ по части нѣмецкихъ древностей на ряду съ блестящею критикою стоятъ замѣчательныя изслѣдованія въ области исторіи, метрики и преимущественно грамматики.

Мы переходимъ къ трудамъ, которые по собственному признанію Лахмана составляли главную сторону его дѣятельности въ Берлинѣ. Вообще классическая филологія обязана ему не менѣе, какъ и нѣмецкія древности. Прежде всего онъ напечаталъ Катутла и Тибулла и повторилъ изданіе Проперція; потомъ принималъ участіе въ Нибуровомъ изданіи византійскихъ историковъ. Нибуръ самъ прилежно трудился надъ этимъ важнымъ и колоссальнымъ предпріятіемъ. По его особенному приглашенію, Лахманъ занялся рецензіею одного изъ историковъ, Генесія. Это былъ трудъ сухой, безотраднѣйшій; онъ окончилъ его уже по смерти великаго изслѣдователя и спѣшилъ перейти къ своимъ любимымъ занятіямъ римскими грамматиками. Онъ взялъ сочиненіе Теренціана Мавра о буквахъ, слогахъ и разбѣрахъ. Онъ исправилъ его по лучшимъ кодексамъ и только тогда заглянулъ и въ прежнія изданія того же писателя. Онъ не нашелъ въ нихъ ничего новаго для себя; все, что казалось ему непонятнымъ, было также не объяснено у другихъ. Это внушило ему довѣренность къ собственнымъ силамъ, и онъ, при рецензіяхъ другихъ писателей, болѣе частію уже не пользовался прежними изданіями, полагаясь болѣе на себя, чѣмъ на другихъ. За тѣмъ слѣдуютъ его труды надъ Гомеромъ.

¹ Въ 1853 Императорская публичная библіотека въ С.-Петербургѣ приобрѣла для себя одинъ экземпляръ этого изданія.

Возстановить древнѣйшую форму Илиады и Одиссеи есть дѣло менѣе возможное, чѣмъ всякое другое, но на этомъ поприщѣ онъ достигъ весьма важныхъ результатовъ. Онъ вышелъ изъ известнаго уже намъ предположенія, что всякая народная поэма составлена изъ древнѣйшихъ пѣсней. Продолжая такимъ образомъ дѣло Вольфа, онъ въ то же время отличался отъ него тѣмъ, что проникалъ во внутренней смыслъ произведенія, тогда какъ знаменитый предшественникъ его дѣлалъ заключенія преимущественно по внѣшнему виду. Въ разныхъ мѣстахъ была имъ выражена мысль, что первыя десять книгъ Илиады соответствуютъ восьми древнѣйшимъ пѣснямъ, а остальная ея половина другимъ десяти. Было бы напрасно надѣяться раскрыть ихъ вполне. Въ пѣсняхъ безпрестанно попадаются вставки или пополненія, имѣющія обманчивый видъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Относительно ихъ трудно рѣшить, сочинены ли онѣ нарочно съ такою цѣлю, или суть отрывки другихъ произведеній. Мало того, даже и объ отдѣльныхъ пѣсняхъ нельзя сказать, представляютъ ли онѣ нѣчто органическое, или были составлены изъ разныхъ частей нѣсколькихъ произведеній. Исследуя постепенно, шагъ за шагомъ, всѣ мелочи, всѣ подробности, Лахманъ пришелъ къ одному общему заключенію объ Илиадѣ. «Я кажусь смѣшнымъ самъ себѣ», говорилъ онъ подѣ конецъ, «когда, поддаваясь силѣ обычая, допускаю въ своемъ умѣ, что не только значительные отдѣлы, но и большая часть Илиады въ ея цѣломъ составѣ ведетъ свое начало изъ времени до Писистрата». Для труда Лахмана нашлись прилежные и даровитые продолжатели въ Лауреръ, Кёхли, Георгъ Курціусъ, Роде и Кауеръ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ ученаго, занимающаго насъ, была рецензія сочиненій римскихъ землеѣровъ. Они были известны публикѣ только по стариннымъ изданіямъ, искаженнымъ и запуганнымъ. Нибуръ указалъ путь будущему ихъ издателю. «О если бы», говорилъ онъ, «я могъ вызвать такого издателя, который приложилъ бы филологическій методъ нашего времени, ученость и трудолюбіе французской школы XVI столѣтія къ этимъ почтеннымъ развалинамъ, трогательнымъ по воспоминаніямъ, которыя онѣ пробуждаютъ, и даже по своему обезображенному виду!» Фридрихъ Блуме первый отозвался на это воззваніе; Лахманъ также не замедилъ съ своею обычною готовностію служить наукѣ. Въ самое короткое время Нибуръ могъ пользоваться приславною отъ берлинскаго ученаго рецензіею одного изъ упомянутыхъ землеѣровъ, Гигина. Съ восторгомъ объявлялъ Нибуръ о томъ, что издатель Проперція приступилъ къ этому новому занятію. Но онъ не дождался всѣхъ его результатовъ. Первый томъ римскихъ землеѣровъ былъ изданъ Лахманомъ вмѣстѣ съ Рудорфомъ не прежде какъ въ 1848 году; онъ содержитъ древній текстъ. Второй томъ

еще не выпелъ; онъ долженъ заключать объяснительныя статьи, необходимое пополненіе изданія.

Пока Лахманъ занимался этимъ трудомъ, въ одной изъ монастырскихъ библіотекъ Аеонской-горы отыскался экземпляръ басенъ Бабрія и былъ изданъ въ Парижъ Буассонадомъ. Въ ноябрь 1844 года экземпляры этого изданія появились въ Берлинъ. По тщательномъ прочтеніи его, Лахманъ, Мейнеке и Иммануилъ Беккеръ нашли въ немъ много недостатковъ и рѣшились сдѣлать вмѣстѣ новое изданіе. Но Бабрій занялъ не однихъ берлинскихъ ученыхъ; подобныя находки дѣлаются не такъ часто, чтобы проходить незамѣченными. Узнавъ о предпріятіи трехъ названныхъ профессоровъ, нѣсколько человекъ начали присылать имъ свои замѣчанія касательно новаго изданія: Готфридъ Германнъ и Гауптъ въ Лейпцигѣ, Шнейдевинъ и К. Ф. Германнъ въ Гёттингенѣ приняли самое живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Редакція была поручена Лахману; онъ присоединилъ къ изданію еще другіе отрывки изъ того же баснописца въ умноженномъ и улучшенномъ видѣ; Мейнеке прибавилъ остальные холиамбическіе отрывки греческихъ поэтовъ и кромѣ того написалъ предисловіе. 1-го марта 1845 книга была уже готова. Итакъ, въ какіе нибудь четыре мѣсяца съ небольшимъ послѣ того, какъ свѣтъ узналъ новое классическое сочиненіе, планъ его изданія былъ составленъ, исполненъ и книга напечатана. Оно представляетъ рѣдкое явленіе уже и потому, что есть совокупный трудъ цѣлаго ученаго братства, о чемъ упомянуто даже въ заглавіи: *Vabrii fabulae Aesopaeae Carolus Lachmannus et amici emendarunt*. Хотя это изданіе не исключаетъ новой обработки древняго баснописца, оно отличается остроумными наблюденіями надъ синтаксическими и метрическими особенностями его произведенія и въ то же время многими весьма удачными поправками, сдѣланными въ текстѣ.

Изученіе этого поэта привело Лахмана къ занятію римскими баснописцами и преимущественно Авіаномъ, котораго сорокъ двѣ басни, по большей части, заимствованы у Бабрія. Время жизни латинскаго поэта было не опредѣлено, текстъ представлялъ множество невѣрностей. Слѣдовало сперва исправить его и потомъ уже приступить къ археологическимъ изысканіямъ. Лахманъ посвятилъ зимнюю вакацію этому новому занятію и открылъ подъ искаженіями и вставками, относящимися къ VII или VIII вѣку, текстъ поэта II столѣтія. Въ апрѣль 1845 печатаніе его приведено къ концу.

Къ осени того же года относится начало изданія Лукреція, послѣдній, самый обширный и значительный трудъ берлинскаго ученаго. Это предпріятіе внушилъ ему Гауптъ, и съ тѣхъ поръ оно наполняло почти все его время въ продолженіе пяти лѣтъ. Нужно сказать, что изъ шести книгъ Лукреція «о природѣ» (*de natura rerum*)

только одна была отдѣлана поэтомъ вполне; остальные пять были оставлены имъ въ черномъ видѣ. Умирая, онъ завѣщалъ редакцію ихъ младшему брату Цицерони, Квинту. Послѣдній показалъ въ этомъ дѣлѣ большое неумѣнье. Многое расположено имъ было не въ должномъ порядкѣ; нѣкоторыя мѣста, обработанныя поэтомъ два раза, онъ вносилъ въ текстъ въ двойномъ видѣ. Къ этому присоединились вставки читателей: одни для объясненія противорѣчій вписывали въ разныхъ мѣстахъ отрывки изъ другихъ частей поэмы, другіе не поскупились и на самодѣльные стихи. Все это заносилось переписчиками въ манускрипты безъ всякаго разбора, и такимъ образомъ уже въ древнѣйшемъ своемъ видѣ произведеніе Лукреція представляло нѣчто хаотическое. Поэтому можно судить, какой же видъ имѣли всѣ печатныя изданія его, тѣмъ болѣе что всѣ они основывались на одной рукописи. Древнѣйшій извѣстный манускриптъ, относившійся къ четвертому или пятому столѣтію и сохранившійся въ одномъ изъ городовъ Франкской имперіи въ девятомъ вѣкѣ, давно утраченъ; съ него было сдѣлано три списка: одинъ находится въ Лейденѣ, другой, весьма близкій къ нему, въ Италіи, куда его отвезъ, вѣроятно, Поджіо, и гдѣ онъ служилъ до времени Лахмана единственнымъ основаніемъ всѣхъ изданій; отъ третьяго экземпляра сохранилась одна копія въ Лейденѣ и отрывки другой въ Вѣнѣ и Копенгагенѣ. Изъ двухъ лейденскихъ списковъ первый есть лучшій между всеми существующими, второй согласенъ съ нимъ въ труднѣйшихъ мѣстахъ. Лахману удалось достать оба и, главнѣйшимъ образомъ опираясь на нихъ, дать произведеніямъ Лукреція возможно-чистую форму. Но этотъ трудъ завелъ его въ по-выя изслѣдованія и изученія. Въ продолженіи пяти лѣтъ онъ перечелъ снова всѣхъ прозаиковъ, предшествовавшихъ этому писателю, почти всѣхъ поэтовъ и всѣхъ грамматиковъ. Всѣ примѣчанія, которыя мы видимъ теперь въ приложеніи къ его изданію, почерпнуты не изъ новѣйшихъ изслѣдователей, но были плодомъ самостоятельныхъ трудовъ въ области грамматики, орфографіи, метрики,—трудовъ, обогатившихъ и исправившихъ словарь, возстановившихъ многія мѣста текста разныхъ авторовъ. Этотъ обширный комментарий выросъ, можно сказать, самъ собою; Лахманъ только тогда вздумалъ приложить его къ своему изданію, когда у него подъ руками скопилось множество матеріаловъ. Его примѣчанія отличаются необыкновенною полнотою; это что-то законченное, нисколько не похожее на краткія замѣчанія, обыкновенно прилагаемыя издателями къ текстамъ. Этотъ огромный трудъ былъ поводомъ къ рецензіи отрывковъ остраго сатирика Луциліи, котораго произведенія часто смѣшивались съ Лукреціевыми. Мимоходомъ Лахманъ возстановилъ и его, какъ не задолго передъ тѣмъ Авіана, но умеръ, не успѣвъ отдать въ печать своего труда.

Здѣсь мы кончаемъ нашъ краткій очеркъ заслугъ берлинскаго профессора на двойномъ поприщѣ нѣмецкой и классической филологіи. Этимъ онъ не ограничилъ своей дѣятельности, но, кромѣ того, издалъ вмѣстѣ съ Буттманомъ Новый Заветъ и испытывалъ свои силы на поприщѣ наукъ юридическихъ. Сюда относятся: *Versuch über Demitheus* и *Gaii institutionum commentarii quattuor*. Эти труды доставили ему званіе доктора богословія и правъ. Наконецъ ему принадлежитъ изданіе Лессинга, того изъ творцевъ новой нѣмецкой литературы, котораго имя особенно дорого для каждаго филолога.

Теперь, если мы спросимъ себя, что же связывало разныя части этой многосторонней дѣятельности, что же есть общаго между всѣми этими изданіями? — то отвѣтъ можно будетъ найдти даже въ тѣхъ краткихъ указаніяхъ, которыя были сдѣланы выше. Это было постоянное стремленіе отыскать истину, раскрыть первобытный видъ произведенія, посреди множества вольныхъ и невольныхъ людскихъ ошибокъ. Оно выходило изъ нравственнаго характера Лахмана, изъ той глубокой правдивости, которая отличала всѣ его слова и поступки. Первый толчекъ такому стремленію далъ Готфридъ Германнъ. Онъ всегда настаивалъ на необходимости возстановлять тексты въ возможно — древнемъ видѣ, ибо, говорилъ онъ, всѣ наши свѣдѣнія касательно древности опираются на пониманіи памятниковъ. Съ тѣхъ поръ Лахманъ весь преданъ критикѣ древнихъ, прилагая въ то же время свой методъ и къ нѣмецкой старинной литературѣ, начинавшей выходить изъ мрака забвенія. Онъ довелъ свою критическую способность до геніальности, умѣя въ то же время назначить ей должныя предѣлы. Дѣйствительно, критика не должна надѣяться дойти когда нибудь до безукоризненной правильности текста, хотя тотъ методъ, который далъ ей Лахманъ, увеличиваетъ возможность приблизиться къ ней болѣе, нежели всякимъ инымъ способомъ. Германнъ, какъ и его предшественникъ Бенгли, изучали духъ авторовъ и, соображался съ нимъ, рѣшали, правильно ли такое чтеніе или нѣтъ. Талантливый Бенгли иногда увлекался своимъ инстинктомъ до такой степени, что исправлялъ тексты даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они не представляли никакихъ искаженій. Часто поправки его оказывались совершенно ненужными, и хотя, по признакію знатоковъ, онъ нерѣдко былъ лучше истиннаго текста и болѣе соответствовалъ духу писателя, по тѣмъ не менѣе были дѣломъ произвола. Такъ онъ исправилъ у Горациа до 800 мѣстъ, изъ которыхъ не болѣе какъ за двадцатью новѣйшіе изслѣдователи признали форму, сообщенную имъ Бенгли. Германнъ слѣдовалъ тому же методу, хотя съ болѣею осмотрительностью. Онъ до такой степени вчитался въ разныхъ авторовъ, что могъ писать слогомъ почти каждаго изъ нихъ; притомъ онъ никогда не приступалъ къ исправленію текста тамъ, гдѣ не видѣлъ ка-

кого нѣбудь явнаго прогнворвчїа или несообразности. Но какъ бы то ни было, его поправки не являи за себя положительныхъ доказательствъ, основываясь единственно на догадкахъ, хотя и остроумныхъ. Лахманъ развилъ въ особенности дипломатическую критику рукописей, возводя по нимъ текстъ къ возможно-древнѣйшему виду. Всякій пойметъ, съ какими трудностями приходилось ему бороться на этомъ поприщѣ. Сколько произвольныхъ, хотя и счастливыхъ поправокъ, сдѣланныхъ преимущественно Итальянцами, было имъ отвергнуто и сколько на мѣсто ихъ поставлено словъ древнѣйшихъ, возстановленныхъ на основаніи невольныхъ искаженій, которыя были сдѣланы французскими, англійскими и другими переписчиками. Зная превосходно всѣ старинные шрифты, онъ старался угадать, что это было за слово, неразобранное переписчикомъ въ древнѣйшемъ манускриптѣ, съ котораго онъ снималъ копію, и замѣненное по ошибкѣ другимъ словомъ, безъ сомнѣнія похожимъ по начертанію. Подобная критика имѣетъ то преимущество, что каждое положеніе ея можетъ быть во всякое время доказано изъ сличенія вариантовъ. Когда такимъ образомъ очищенъ древнѣйшій манускриптъ сообразно съ позднѣйшими, а также съ переводами, съ цитатами изъ критикуемаго писателя, приведенными у другихъ авторовъ, или когда нѣсколько одновременныхъ манускриптовъ возведены къ утраченному, болѣе раннему. отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе, тогда начинается собственно называемое исправленіе, которое представляетъ уже болѣе простора для остроумїа и догадокъ. Лахманъ занимался часто и имъ, не останавливаясь на одной дипломатической критикѣ; иногда онъ велъ дѣло еще далѣе, раскрывая самое происхожденіе произведенія, какъ мы это видѣли относительно Иліады и Лукреція. Этотъ методъ, приложенный къ греческой словесности въ особенности Иммануиломъ Беккеромъ и Мейнеке, на поприщѣ словесности римской нашелъ себѣ ревностныхъ послѣдователей, кромѣ Лахмана, въ Гауптѣ и Ритшелѣ. Первый съ особенною охотой соединялъ свои труды съ трудами берлинскаго профессора, занимаясь постоянно въ одно время съ нимъ тѣми же предметами. Послѣдній представляетъ болѣе самостоятельности. Его славу должно составить изданіе Плавта, когда этотъ плодъ многолѣтнихъ трудовъ будетъ вполнѣ изданъ. Должно сказать, что произведенія этого послѣдняго поэта писаны метрами особенными, не совсѣмъ похожими на греческіе, которые въ цвѣтущее время исключительно употреблялись римскими стихотворцами. Ключъ къ нимъ былъ уже потерянъ во время имперїи. Тогдашніе и средневѣковые учителя, читая Плавта въ школахъ, обращались безъ всякаго уваженія съ контрукціею его стиховъ и измѣняли ихъ какъ хотѣли, чтобы сдѣлать болѣе понятными для учениковъ. Такимъ образомъ въ руки новыхъ филологовъ Плавтъ дошелъ въ такомъ видѣ, въ какомъ не было

возможности объяснить себѣ его просодію; можно было думать, что онъ писалъ вовсе безъ размѣровъ. Бенгли первый заподозрилъ древнихъ учителей въ произвольномъ искаженіи текста; Германнъ съ своимъ замѣчательнымъ инстинктомъ сдѣлалъ опытъ восстановленія комедіи «Бакхиды». Въ то время Ритшель уже приложилъ методъ строгой дипломатической критики къ римскому классику и вскорѣ по изданіи Бакхидъ несказанно обрѣдовалъ Германна извѣстіемъ, что его догадки совершенно совпадаютъ съ результатами, полученными отъ сличенія древнѣйшихъ кодексовъ. Съ того времени достойный боннскій профессоръ не перестаетъ заниматься Плавтомъ; онъ сличилъ 28 манускриптовъ его комедій, которыя, благодаря ему, являются совершенно въ другой формѣ, чѣмъ въ какой мы привыкли ихъ видѣть.

Заключаемъ эту краткую біографію тѣмъ, что Лакманъ, какъ человекъ, былъ характера глубоко-нравственнаго, веселаго и общежительнаго. Онъ былъ членомъ всѣхъ замѣчательныхъ обществъ своего города и вообще показывался въ публику такъ часто, что можно было удивляться, когда онъ находитъ время для своихъ безчисленныхъ работъ. Онъ умеръ неожиданно рано, въ слѣдствіе отнятія большой ноги, 13 марта 1851. Рѣчь при его погребеніи была произнесена Буттманомъ, сыномъ его друга и собрата по наукѣ. Привавляемъ еще списокъ главнѣйшихъ его изданій въ хронологическомъ порядкѣ:

1816. *Sex. Aurelii Propertii carmina emendavit ad codd. meliorum fidem et annotavit Carolus Lachmannus. Lipsiae apud Gerhard. Fleischer. iun. 8.*
1816. *Karl Lachmann über die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth. Berlin bei Ferd. Dümmler. 8.*
1819. *Caroli Lachmanni de choricis systematis tragicorum Graecorum libri quattuor. Berol. typ. et imp. G. Reimeri. 8.*
1822. *C. L. de mensura tragoediarum liber singularis. Berlin, G. Reimer. 8.*
1826. *Der Nibelunge Not mit der Klage. In der ältesten Gestalt mit den Abweichungen der gemeinen Lesart herausg. von K. L. Ebendas. 4.*
1827. *Iwein eine Erzählung von Hartmann von Aue mit Anm. von G. F. Benecke u. K. Lachmann. Ebendas. 8.*
1827. *Die Gedichte Walthers von der Vogelweide. Herausgeg. von K. L. Ebendas. 8.*
1829. *Q. Valerii Catulli Veronensis liber ex recensione C. L. Berlin, Reimer. 8.*
1829. *Albii Tibulli libri quattuor ex recensione C. L. Ebendas. 8.*
1829. *Ode Il'ro Kaiserlich-Königlichen Majestät Alexandra Feodorowna im Namen der K. Fr. - W. - Univ. zu Berlin überreicht am xx Junii*

MDCCCXXIX. Gedruckt in der Druckerei der K. Akademie der Wissenschaften. (Вмѣстѣ съ Бѣккомъ.).

1831. *Novum testamentum Graece. ex recens. C. L. Ed. stereot.* Berlin, Reimer. 12.
1833. *Wolfram von Eschenbach, herausgeg. von K. L. Ibid.* 8.
1834. *Genesisius ex recogn. C. L. Bonn Weber.* 8.
1836. *Terentiani Mauri de litteris syllabis et metris liber rec. C. L. Ibid.* 8.
1840. *Zwanzig alte Lieder von den Nibelungen herausgegeben von Karl Lachmann. Zur vierhundertjährigen Jubelfeier der Erfindung der Buchdruckerkunst gedruckt bei Rudolph Ludw. Decker, Königl. Geh. Ober-Hofbuchdrucker. Berlin. fol.*
1841. *Der Nibelunge Not und die Klage. Nach der ältesten Ueberlieferung mit Bezeichnung des Unechten und den Abweichungen der gemeinen Lesart herausgegeben von K. L. Zweite Ausgabe. Berlin, Reimer.* 8.
1841. *Gaii institutionum commentarii quattuor ex rec. et cum comm. I. F. L. Goeschenii. Opus Goeschenii morte interruptum absolvit C. L. Bonn, Marcus.* 8. и потомъ перепечатано въ *Corpus iur. R. Anteiustin. consilio Prof. Bonnensium E. Böckingii etc. institutum. Ibid.* 4.
1845. *Babrii fabulae Aesopeae C. L. et amici emendarunt ceterorum poetarum choliambi ab Augusto Meinekio collecti et emendati. Ibid.* 8.
1845. *Aviani fabulae C. L. rec. et emendavit. Ibid.* 8.
1847. *Бetrachtungen über Homers Ilias von K. L. mit Zusätzen von Moriz Haupt. Ibid.* 8.
1848. *Die Schriften der römischen Feldmesser herausgeg. und erläutert von F. Blume K. Lachmann und A. Rudorff. Erster Band. Texte und Zeichnungen. (Gromatici veteres ex rec. C. L. Diagrammata edidit A. R.) Ibid.* 8.
1850. *T. Lucretii Cari de rerum natura libri sex. C. L. rec. et emendavit. Ibid.* 8.

Изъ статей и рецензій важнѣйшія появились въ:

Ersch und Grubers *Allg. Encyclopädie der Wissenschaften und Künste.*

Abth. 1 Bd. 3. 1819. S. 166 fg. *Alliteration.*

Abth. 3 Bd. 7. 1836. S. 278—282. *Otfried.*

Rhein. *Museum für Philologie von Niebuhr und Brandis*

I, 1827, S. 313—335. *Ueber Absicht und Zeit des sophokleschen Oedipus auf Kolonos.*

Theologische Studien und Kritiken

1830, S. 817—845. Rechenschaft über die Ausgabe des Neuen Testaments.

Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin

aus dem Jahre 1832. Berlin 1834. Historisch-philologische Klasse
S. 235 — 270. Ueber althochdeutsche Betonung und Ver-
kunst. Erste Abtheilung.

aus dem J. 1833. Berlin 1835. Hist.-philol. Kl. S. 105—122.
Ueber Singen und Sagen.

ebendas. S. 123—162. Ueber das Hildebrandslied.

aus dem J. 1835. Berlin 1837. Philos.-histor. Kl. S. 227—266.
Ueber den Eingang des Parzivals.

aus dem J. 1836. Berlin 1838. Philos. - histor. Kl. S. 159 —
190. Ueber drei Bruchstücke niederrheinischer Gedichte aus
dem zwölften und aus dem Anfange des dreizehnten Jahr-
hunderts.

Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung

1816, N. 203. 204, Bd. II, S. 249—263. Sophokles Aiax her-
ausgeg. von G. Hermann. Leipz. 1817.

Hallische Allgemeine Literatur-Zeitung.

1836, N. 109. 110, Bd. II, S. 250—263. Tibulli carmina expl.
L. Dissenius. Gott. 1835.

A. КОСТЫЛЕВЪ.

ЧТЕНІЯ НИБУРА О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

B. G. Niebuhr Vorträge über alte Geschichte an der Universität Bonn gehalten.
3 Bde. Berlin, 1847—1851.

(Окончаніе *).

За пелопоннесскою войною слѣдуетъ въ «Чтеніяхъ о Древней Исторіи» обзоръ исторіи персидской до возстанія младшаго Кира противъ Артаксеркса. Читателямъ «Прописеевъ» извѣстно, какое участіе принимали въ этомъ возстаніи греческіе наемники, которыхъ походъ и отступленіе подробно описаны въ лучшемъ изъ сочиненій Ксенофонта. Мы привели уже мнѣніе Нибура объ этомъ писателѣ. Какъ бы нехотя признаетъ Нибуръ достоинство Анабасиса; но отзывъ его о личности самаго сочинителя слишкомъ строгъ, хотя и въ немъ есть доля истины. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на превосходный отдѣлъ, посвященный отступленію 10-ти тысячъ Грековъ въ IX-мъ томѣ Гротовой Исторіи Греціи. Нибуръ вмѣняетъ Ксенофонту въ вину самое участіе его въ походѣ. Другіе шли, говоритъ онъ, наемниками ради денегъ,—Ксенофонтъ пошелъ изъ энтузіасма. Трудно найти въ Анабасисѣ признаки такого энтузіасма. Причины, побудившія молодаго аѳинскаго всадника, Сократова ученика, стать въ ряды Кировыхъ мисефоровъ, были весьма просты. Послѣ пелопоннесской войны жизнь въ униженныхъ Аѳинахъ не представляла ничего особенно привлекательнаго даровитому и жаждавшему дѣятельности юношѣ. Другъ его Бэотіецъ Проксенъ писалъ ему изъ Сарды, гдѣ онъ находился при особѣ Кира, о предстоявшихъ персидскому государству переворотахъ и звалъ его къ

* См. Проп. III, отд. II, стр. 155.

себя. Ксенофонтъ принялъ охотно это приглашеніе. Не легко было Греку, въ особенности Аѳинянину, устоять противъ тройкаго искушенія: войны, славы и странствованій по землямъ, о которыхъ въ Греціи ходили только смутныя слухи.

Клеарха и другихъ начальниковъ греческаго наемнаго войска въ службѣ Кира Нибуръ не безъ основанія сравниваетъ съ полководцами тридцатилѣтней войны, о которыхъ говорить слѣдующее: «Досадно, что на такихъ людей смотреть какъ на героевъ; это признакъ совершеннаго незнанія исторіи; у Гацера, какъ и у Клеарха, были таланты великаго полководца; но, подобно Папенгейму, онъ является намъ чудовищемъ, какихъ слава Богу не встрѣчаемъ въ новѣйшихъ войнахъ Европы.»

Сраженіе при Кунаксѣ положило конецъ наступательному движенію Грековъ; но съ него начинается тотъ рядъ великихъ подвиговъ, которые доставили сборной наемной дружинѣ всемірно-историческое значеніе. Мы не считаемъ нужнымъ повторять всѣмъ знакомыя подробности отступленія 10 тысячъ Грековъ. Но едва ли до того времени могло развиться въ душѣ Грека такое глубокое сознаніе собственнаго превосходства надъ народами Востока. Воины Мараѳона, Фермопилъ и Платей стояли на родной почвѣ; непріятель превосходилъ ихъ числомъ; за то на ихъ сторонѣ было много другихъ условій успѣха. Но спутники Ксенофонта находились совсѣмъ въ другомъ положеніи. Имъ надлежало прокладывать себѣ путь на родину чрезъ земли имъ вовсе неизвѣстныя, населенныя племенами, которыхъ имена дотолѣ не доходили до греческаго уха; имъ предстояла равно трудная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ, съ голодомъ и наконецъ съ врагами, которые вапирали на нихъ со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади. Прибавимъ къ тому, что лучшіе ихъ вожди были у нихъ отняты измѣною при самомъ началѣ отступленія. Надобно было замѣнить ихъ людьми новыми, едва извѣстными войску и не успѣвшими еще заслужить его довѣрія. Между этими новыми вождями первое мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Ксенофонту. У Грота есть нѣсколько умныхъ по этому поводу написанныхъ страницъ (томъ IX, страницы 113—118). Онъ показываетъ, до какой степени Ксенофонтъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ и вліяніемъ на умы сподвижниковъ той системѣ воспитанія, которая принадлежала къ числу отличительныхъ признаковъ аѳинскаго гражданина и была одною изъ причинъ его несомнѣннаго превосходства надъ остальными Греками. Въ рядахъ Грековъ, которыхъ Киръ собралъ подъ свои знамена и привелъ къ Кунаксѣ, были конечно люди болѣе опытные чѣмъ Ксенофонтъ въ военномъ дѣлѣ и столь же мужественные. Между ними было много ветерановъ пелопоннесской войны. Но когда войско падало духомъ въ виду

почти неодолимыхъ препятствій, когда самые храбрые думали только о честной смерти, тогда Аѳинянинъ Ксенофонтъ, привыкшій къ волненіямъ народнаго собранія, находилъ слова и идеи, возстановлявшія бодрость и надежду. Уроки софистовъ и риторовъ принесли пользу на бранномъ полѣ. Ксенофонтъ равно умѣлъ, по словамъ Грота, мыслить, говорить и дѣйствовать. Только въ Аѳинахъ могъ онъ найти условія для такого гармоническаго и разносторонняго развитія способностей, данныхъ ему природою.

Гротъ почти совершенно согласенъ съ Нибуромъ относительно возможныхъ результатовъ сраженія при Кунаксѣ. Побѣда Кира могла бы обнаружить большое вліяніе на участь древняго міра. Киръ вполне сознавалъ значеніе греческой образованности, по крайней мѣрѣ въ политическомъ смыслѣ. Онъ былъ окруженъ Греками и доставлялъ бы несомнѣнно на Востокъ гелленисму то вліяніе, которое онъ приобрѣлъ въ слѣдствіе Александровыхъ завоеваній. Эти завоеванія могли даже сдѣлаться невозможными, если бы Киру удалось осуществить свои планы. За то преобразованное, скрѣпленное греческими элементами персидское государство могло бы явиться опаснымъ врагомъ для Греціи и разыграть относительно упадавшихъ республикъ ту роль, которая потомъ досталась на долю Македоніи.

Участіе, принятое Спартакцами въ Кировомъ предпріятіи, увлекло ихъ въ войну съ Артаксерксомъ. Когда Агесилай принялъ начальство надъ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи, при немъ было только 30 настоящихъ Спартакцевъ. Они занимали главныя должности въ арміи, состоявшей изъ періэковъ и вольноотпущенныхъ гелотовъ. Число спартанскихъ гражданъ въ то время не превышало тысячи. Государство должно было по необходимости беречь ихъ только въ качествѣ начальниковъ или офицеровъ вообще. Мнѣніе Нибура о самомъ Агесилаѣ представляетъ рѣзкую противоположность съ похвалами, которыми обыкновенно осыпаютъ спартанскаго царя его древніе и новые біографы. Агесилая дѣйствительно нельзя причислить къ великимъ людямъ Греціи. Онъ былъ хорошій полководецъ и былъ чуждъ той жестокости, которою вообще отличались его соотечественники, съ особенності современникъ и соперникъ его Лисандръ. У него было много личныхъ друзей; но онъ простиралъ свою пріязнь до невозможительнаго пристрастія. При нѣкоторомъ добродушіи, у него были чисто спартанскіе пороки: презрѣніе къ праву, глубокій эгоизмъ и отсутствіе всякаго вышаго, гелленскаго національнаго чувства. Счастливый возвратъ десяти тысячъ Грековъ внушилъ Агесилаю мысль о возможности легкихъ завоеваній въ Персіи; но, не смотря на довольно усиленный ходъ его дѣйствій въ Малой Азіи, онъ не совершилъ ничего важнаго. Побѣды его надъ Персами весьма незначительны въ сравненіи съ побѣдами

Александра или даже съ битвами V-го столѣтія. Вообще въ немъ есть нѣчто узкое и ограниченное; скажемъ впрочемъ въ оправданіе Агесилая, что ему не достало времени для полного раскрытія плановъ, съ которыми онъ пришелъ въ Азію. Онъ принужденъ былъ поспѣшить возвратиться въ Грецію, потому что большая часть прежнихъ союзниковъ Спарты подняли противъ нея оружіе и заставили ее думать о собственной безопасности.

Недавняя гегемонія Спарты была потрясена въ своихъ основахъ коринѣской войною. Греческія республики, отложившись отъ Аѳинъ, во время пелопоннесской войны испытали уже сладость спартанскаго владычества и горько жалѣли о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ. Ненависть къ надменной Спартѣ сдѣлалась общимъ чувствомъ греческаго міра. Къ сожалѣнію Аѳины были не въ состояніи воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Причиною тому была бѣдность республики, которая еще не успѣла оправиться отъ недавнихъ бѣдствій и потому требовала тяжелыхъ жертвъ отъ острововъ, которые охотно перешли снова на ея сторону. Недостатокъ источниковъ не позволяеть намъ вполне оцѣнить великія услуги, оказанныя въ эту эпоху Аѳинамъ Эрасибуломъ и Конономъ. Безъ послѣдняго едва ли было бы возможно быстрое возстановленіе аѳинскихъ укрѣпленій. Извѣстно, что Кононъ помогъ въ этомъ случаѣ своимъ согражданамъ деньгами, которыя онъ получилъ отъ персидскаго правительства и отъ Эвагора, царя кипрскаго.

Нибуръ указываетъ на два важныя явленія, характеризующія эпоху коринѣской войны, именно на первыя попытки образованія союзовъ, имѣвшихъ цѣлью независимость греческихъ республикъ, и на измѣненія, введенныя въ греческую тактику Ификратомъ. Относительно Анталкидова мира великій историкъ согласенъ съ большею частью писателей, упоминающихъ объ этой покорной сдѣлкѣ Спартацевъ съ Персами. Здѣсь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. Никогда еще политическій эгоизмъ Спарты не высказывался съ такимъ безстыдствомъ.

Новая, скрѣпленная условіями Анталкидова мира гегемонія Спарты была еще тягостнѣе первой и неминуемо вела къ возстанію порабожденной, по еще не совершенно обезсиленной Греціи. Извѣстно, какимъ рядомъ политическихъ преступленій, какими нарушениями народнаго права Спартацы вызвали къ бою Эявы, дотогѣ мало замѣтная въ греческой исторіи. Въ великой личности Эпаминонда воплотились, можно сказать, и гнѣвъ Греціи на унижительное иго и надежды мыслящихъ умовъ на политическое возрожденіе родины. Пораженіе Спартацевъ при Левктрѣ было событіе неожиданное, удивившее самихъ побѣдителей. Нравственное впечатлѣніе, произведенное этою битвою, было для Спарты вреднѣе попесеннаго ею урона въ людяхъ, хотя и послѣдній былъ довольно значителенъ. Въ продолженіе восьми лѣтъ, Эпаминондъ былъ

первымъ человѣкомъ въ греческомъ мѣрѣ и держалъ въ своихъ рукахъ его судьбу. Умирая, онъ унесъ съ собою не только созданное имъ величіе Фивъ, но цѣлую систему политическихъ идей. Многое изъ начатаго имъ съ благими намѣреніями обратилось впоследствии ко вреду Греціи, потому именно, что Эпаминонду не удалось довершить свое дѣло. Онъ ясно понималъ, что возстановленіе греческихъ республикъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовали до пелопоннесской войны, было невозможно. Мѣсто исчезавшихъ гражданскихъ доблестей, отсутствіе тѣхъ духовныхъ силъ, на которыя преимущественно опиралась независимость государствъ, побѣдившихъ при Саламинѣ и при Платеѣ, онъ хотѣлъ замѣнить внѣшними ручательствами (гарантіями) политической независимости для отдѣльныхъ республикъ. Съ этою цѣлью возвратилъ онъ свободу Мессеніи и старался связать въ одинъ союзъ разрозненные между собою города Аркадіи. Лучшаго оплота нельзя было противопоставить честолюбивымъ видамъ Спарты. Участіемъ своимъ въ дѣлахъ Фессаліи и Македоніи онъ тѣснѣ связалъ судьбу этихъ странъ съ судьбами Греціи, дотолъ мало о нихъ помышлявшей. Предвидѣли ли Эпаминондъ опасность, которая грозила отсюда Греціи? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ отъ его зоркаго взгляда не скрылась важность этихъ земель, и онъ спѣшилъ ввести ихъ въ задуманную имъ систему равновѣсныхъ государствъ. На гегемонію Фивъ Эпаминондъ смотрѣлъ какъ на нѣчто преходящее. Не ее поставилъ онъ цѣлью своихъ подвиговъ. Съ законною, дозволенною только истинно великимъ людямъ гордостью шелъ онъ къ осуществленію своей теоріи, своей личной задачи. Фивы служили ему только орудіемъ. Въ политической дѣятельности Эпаминонда мы найдемъ гораздо болѣе теоретическихъ элементовъ, чѣмъ у Фемистокла или даже у Перикла, жившихъ въ эпоху отношеній болѣе простыхъ и естественныхъ. Сраженіе при Мантиней положило ковецъ подвигамъ Эпаминонда. Передъ смертію онъ спросилъ, кто изъ еиванскихъ полководцевъ остался въ живыхъ. Лучшіе пали, тѣ, которымъ онъ довѣрилъ завѣщанныя думы свои. Роль Фивъ была кончена; имъ оставалось только съ честью выдти изъ борьбы, утратившей смыслъ. Цицеронъ называетъ Эпаминонда величайшимъ мужемъ Греціи; почти то же говорить о немъ Полибій. Ихъ мнѣніе основано на высокихъ свойствахъ фивскаго вождя, а не на результатахъ его дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ трудно себя представить лице болѣе чистое, болѣе благородное, менѣе причастное къ мелкимъ страстямъ и побужденіямъ. Къ идеальному образу Эпаминонда старались приблизиться лучшіе между позднѣйшими политическими дѣятелями Греціи, Тимолеонъ и Филопемъ. Какъ гражданинъ Фивъ и какъ Гелленъ, онъ вполне совершилъ долгъ свой, и мы не въ правѣ обвинять его за то, что сѣмъ, брошенное имъ, не взошло благодатною жатвою. Онъ ослабилъ Спарту и какъ бы втянулъ

въ греческія дѣла Македонію. Возрожденная Мессенія не забыла въ виду общей бѣды своихъ частныхъ страданій и отомстила Спартѣ на счетъ всей Греціи, поддерживая въ Пелопоннесѣ выгоды македонскихъ государей.

Послѣдній отдѣлъ Чтеній о Древней Исторіи, заключающій въ себѣ періодъ македонскаго преобладанія въ Греціи, проникнутъ горькимъ, въ частности пристрастнымъ противъ Македоніи, чувствомъ. Такое чувство со стороны Нибура весьма понятно и придаетъ его рассказамъ что то теплое и вызывающее сочувствіе читателя. Нибуръ конечно не хуже другихъ понималъ жестокою историческую необходимость, жертвою которой сдѣлались греческія государства. Онъ указываетъ самъ на причины упадка, на глубокую порчу греческой жизни, на неизбѣжную казнь, но совершители этой казни внушаютъ ему отвращеніе. Подъ часъ это отвращеніе заходитъ слишкомъ далеко; оно нарушаетъ спокойствіе чисто-историческаго созерцанія. Историкъ становится человекомъ: онъ готовъ обнажить мечъ и стать въ ряды защитниковъ давно проиграннаго дѣла. Онъ очевидно несправедливъ противъ Александра, даже противъ тѣхъ Грековъ, которые преклонились предъ яркою звѣздою македонскаго завоевателя. Мы уже не разъ указывали на рѣдкія способности Нибура переноситься въ прошедшее и жить въ немъ всѣмъ сердцемъ. Признаемся, мы съ своей стороны не можемъ отказать въ сочувствіи великому историку, негодующему противъ Македоніи. Можно ли быть равнодушнымъ зрителемъ безжалостнаго истребленія всего живаго и свѣтлаго въ Греціи? Кто изъ Македонянъ, за исключеніемъ Великаго Александра, можетъ называться истиннымъ Гелленомъ?

«Въ Филиппѣ», говоритъ Нибуръ, «надобно умѣть отличить явленіе природы отъ нравственнаго существа. Филиппъ былъ безспорно необыкновенный, изъ ряду выходящій человекъ, и мнѣніе древнихъ, что создатель македонскаго государства совершилъ подвигъ болѣе трудный чѣмъ Александръ, который приложилъ къ дѣлу уже готовыя силы, совершенно вѣрно.... Другой вопросъ, былъ ли онъ добрый и благородный человекъ. Что въ немъ были благородныя наклонности, этого я не намѣренъ отрицать. У него есть чисто человѣческія, прекрасныя черты; онъ былъ другъ друзей своихъ и умѣлъ являться съ свѣтлой стороны тѣмъ, кто былъ къ нему близокъ. За то онъ ставилъ цель свою выше всего: никогда мысль о чести, о вѣрности, о добродѣтели, о совѣсти, не могла отвлечь его отъ предположенной цели. Александръ стоялъ выше его по воспитанію. Филиппъ провелъ дѣтство свое при полуварварскомъ дворѣ, которому неизвѣстно было даже чувство стыда. Онъ съ колыбели говорилъ по гречески; но духъ у него былъ не греческій. Конечно онъ былъ въ Фивахъ. Однако извѣстіе о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ домѣ Эпамвонда должно

быть принято съ значительными ограниченіями. И кто можетъ сказать, что молодой князь былъ въ состояніи оцѣнить скромную и безъискусственную доблесть Эпамвонда!»

Нибуръ отзывается впрочемъ съ должнымъ уваженіемъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ и дѣятельности Филиппа. Укажемъ для примѣра на стр. 321 и 322 тома II-го, гдѣ въ немногихъ словахъ изъяснена важность Филипповыхъ нововведеній въ войскѣ.

Къ лучшимъ мѣстамъ въ Чтеніяхъ о Древней Исторіи принадлежатъ страницы, посвященныя Демосѣену. Нибуръ нашелъ въ афинскомъ ораторѣ родную себѣ душу. Отзывы его о Демосѣенѣ исполнены глубокой, почтительной любви.

«Демосѣену было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олинъ) около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужескаго возраста, когда юношеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собственнаго превосходства, а не ради эпохи и личности Демосѣена, которая гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые болѣе говорятъ объ немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ напримѣръ Цицеронъ и Гёте, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать, до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ, и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. По этому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Демосѣена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едва-ли встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Демосѣену; онъ видѣлъ, какія несправимыя ошибки совершались вокругъ него, и какъ все шло къ погибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. Задолго до прихода бѣды онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ, тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ. Демосѣенъ испилъ съ чистѣйшею любовью къ родинѣ горькую чашу предвиднія. Такой человекъ конечно не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбью, задумчивостью и печалью. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастья, чего вовсе нѣтъ у Демосѣена. Но величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не оганавливаетъ никакое несчастье, никакое оскорбленіе, что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его же обвиняютъ впоследствии въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ

онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и закликаетъ.

«Онъ нашелъ дѣла въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонѣ, когда онъ склонилъ Грековъ къ союзу съ Аѳинами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда наслаждался онъ всею счастьемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Греція распадалась, Филиппъ былъ могущественъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа; въ Аѳинахъ было мало такихъ, но господствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѳинахъ съ Демосеевомъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей: таковъ былъ Ликургъ, человекъ высокой чести, но зараженный сикофантѣй, *accusatorum factitavit*, по выраженію Цицерона. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Демосеенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многіе весьма честные люди смотрѣли на дѣла съ самой превратной точки зрѣнія. Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцемъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто либо другой вредилъ своему отечеству: онъ приносилъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѳины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Демосеена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, быть можетъ, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ неспособенъ къ измѣнѣ: но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ неизбѣжномъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѳинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодействовалъ Демосеену, думая, что дѣло уже кончено, и что сопротивленіе можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоящую ей участь. Иронія жизни, выражаемая словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа... Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны народа, съ плохими и несчастными полководцами предпринялъ Демосеенъ борьбу съ Филиппомъ, стоявшимъ во всемъ величій власти и дарованій. Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, сознававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

«Аѳины сиротствовали, когда Демосеенъ выступилъ на сцену. Превосходство Аѳинянъ заключалось въ ихъ воспріимчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѳи-

ны, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благоприятствующая судьба спасла его отъ совершенной гибели. Къ несчастію Платонъ отдался отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ бы могъ совершить неслезанное добро, если бы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностью принимать впечатлѣнія. Къ тому-же самый народъ не всегда былъ воспримчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время пелопоннесской войны, ниже нежели впоследствии, при Демосенѣ. Демосенъ поднялъ снова Афинянъ и развалъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный.»

«Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный демагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ немного можно было сдѣлать хорошаго. Самою терпѣнія, таланта и патриотизма пріобрѣлъ онъ мало по малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла бы доставить ему средства понужденія и жилъ въ государствѣ до того распущенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть: рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаруживалъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе. Въ то время въ Афинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся ли для новыхъ учрежденій способные люди. Демосенъ вовсе не думалъ о переменахъ: онъ зналъ, что можно сдѣлать изъ настоящаго, и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не нравилась его роль, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человекъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными. Демосенъ, пробуждая возвышенныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго

самоотверженія. Все выше подымались воспитанные имъ Аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведеніе Аѳинянъ относительно Демосоеена было безукоризненное. Съ такимъ возрожденнымъ имъ народомъ онъ могъ предпринять дѣло, исходъ котораго былъ конечно печальный: но если бы сраженіе при Хероневъ могло быть отсрочено года на два, или если бы побѣда перешла на другую сторону, что очень легко могло случиться, то Аѳины возстали бы въ новой силѣ и молодости.» (Томъ II стр. 336 — 341).

Демосоеена, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостатокъ личнаго мужества. Вотъ что говорить по этому поводу Нибуръ. «Въ день херонейской битвы Демосоеенъ сражался, какъ и всякій другой въ рядахъ аѳинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Демосоеенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими, — этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бывають увлечены среди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой нибудь Ахиллъ не могъ бы устоять среди разстроенной и бѣгущей массы. Она непременно увлечетъ его съ собою. При изученіи греческой исторіи мы вовсе не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе Плутарховыхъ біографій большею частью крайне плохо. Въ александрійское время писалось очень много всякой дряни, въ особенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался ими, хотя самъ писалъ несравненно лучше. Его анекдоты заимствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права на довѣріе, и основаны частью на слухахъ, частью на свидетельствахъ писателей величайшей *какой-дѣтя*; къ тому-же у Плутарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли какъ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. По личному характеру, по образу мыслей, онъ конечно принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Монтанемъ, съ которымъ у него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще любезнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтанъ. Если-бы Плутархъ жилъ въ другое время, онъ былъ-бы такимъ-же скептикомъ, какъ Монтанъ, и следовалъ-бы господствующему вкусу; но такъ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался ему и изо всѣхъ силъ старался быть суевѣрнымъ, что ему болѣе или менѣе удается. Ни у того, ни у другаго нѣтъ критики; да они смѣялись бы надъ нашею критикою, потому что оба были убеждены въ невозможности положительнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею историка пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ заключалась собственно цѣль Плутарха. Историкъ, читающій его, съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выдетъ изъ

себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него, какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Неповѣтно спокойствіе, съ какимъ онъ рассказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю, и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографія, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ также пріятель, какъ Монтанъ; онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто двадцать лѣтъ тому назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ: «Я готовъ на все согласиться, лишь бы Плутарха не считали историкомъ», сказалъ онъ мнѣ. Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память. — Къ тому-же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избегалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности! Напримѣръ: онъ не усомнился внести въ жизнь Демосеена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзываться съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ объ немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболее содѣйствовалъ, онъ же рассказываетъ о бѣгствѣ Демосеена. Онъ не зналъ, можно ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжить цѣлое войско, тогда отдѣльному ~~человѣку~~ ~~остается~~ ~~только~~ бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть ~~раздавлену~~ ~~подъ~~ ~~ногами~~ ~~бѣгущихъ.»~~ (II, 358—360).

«У Демосеена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многие изъ нихъ, въ слѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками. Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Демосеена талантомъ. Демадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступить всенародно ораторомъ на вѣчъ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностью импровизаціи возвысился онъ до того, что пріобрѣлъ большую власть надъ народомъ и не рѣдко правилъ ему болѣе самого Демосеена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до прямодушія, высказывалъ онъ громко все, что думалъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ остальная чернь. Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны... Демадъ замѣчательное лице; онъ не былъ золъ и по моему гораздо лучше Эскина. У Эскина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносигь истинно хорошихъ гражданъ:

во всемъ этомъ ложь и обманъ. Въ ненависти Эскина противъ Демосеена видна я злоба посредственности противъ гения, и политическая неприязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ напротивъ смотрѣлъ на дѣло простоудушно и высказывалъ прямо, что конечно прежде была другая времена, но что теперь все прежнее прошло невозвратно, и что теперь каждый долженъ больше всего заботиться о себѣ; при управленіи государствомъ надобно какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобъ можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застенчивости. Впрочемъ у него не было ни къ кому ненависти. Отсюда объясняются его отношенія къ Демосеену: онъ его не ненавидѣлъ, но, вѣроятно, находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ действительныя услуги: въ смутныя времена благородный человекъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ.» (II. 405—407).

Съ особенною похвалою отзывается Нибуръ о Гиперидѣ, хотя еще ему не были известны новѣйшія открытія, познакомившія насъ ближе съ этимъ ораторомъ. Мы сказали выше о неприязненномъ и весьма понятномъ чувствѣ, которое Нибуръ питалъ противъ македонскаго владычества въ Греціи. Къ сожалѣнію это чувство помышало ему отдать должную справедливость Александру и насладиться вполне этою изящною, чисто-гелленскою личностью. Нибуръ, столь недоверчивый къ свидѣтельствамъ писателей позднѣйшей Греціи, повторяетъ за ними все недоказанныя и даже частью опровергнутыя обвиненія, взводимыя на Филиппова сына. При всемъ предубѣжденіи, Нибуръ, какъ-бы скрѣпя сердце, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Александра: «Александръ былъ для Востока тѣмъ, чѣмъ Карлъ Великій былъ для Запада. На ряду съ Рустамомъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Значеніе его, чрезвычайно важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, что теперь, не смотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно—торжество Европы надъ Азією. Онъ первый побѣдоносно привелъ Европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для Грековъ былъ такимъ же иноплеменикомъ, какъ Наполеонъ для Французовъ.»

Замѣчательно, что при оцѣнкѣ великой попытки Александра слить въ одну семью всѣ народы своего огромнаго царства, новытки, результатомъ которой была гелленизація Востока, Нибуръ становится на разстояніи 22-хъ вѣковъ горячимъ защитникомъ идей, или лучше сказать предразсудковъ, съ которыми долженъ былъ бороться македонскій завоеватель. Съ точки зрѣнія исключительно-греческой національности жители завоеванныхъ Александромъ странъ были варвары, и природою и

исторією обреченные на безвыходное рабство. Это мнѣніе, принятое греческою наукою за неоспоримое положеніе, развитое до крайнихъ результатовъ народнымъ самолюбіемъ, нашло грубыхъ, но рѣшительныхъ толкователей и приверженцевъ въ македонскихъ полководцахъ, которымъ была непонятны великодушныя стремленія ихъ государя. Гелленизмъ и варварство утратили для Александра свое племенное значеніе; онъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на двѣ различныя степени образованности. Равная, относительно политическихъ правъ, старыхъ своихъ подданныхъ съ новыми, онъ призвалъ послѣднихъ къ участию въ недоступной для рабовъ греческой образованности. Въ языкѣ Нибура слышатся страннѣйшіе отголоски мнѣній, которыя могли господствовать въ народныхъ собраніяхъ въ Греціи и въ македонскомъ войска, но которымъ уже нѣтъ болѣе мѣста въ наукѣ.

Вообще отдѣлъ, посвященный Александру Великому, неудовлетворителенъ, хотя мыслящій читатель найдетъ и здѣсь много прекраснаго и истинно поучительнаго. Мы приведемъ для примѣра слѣдующую характеристику печальной, но не лишенной трагическаго величія эпохи. Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ братьяхъ Менгоръ и Мемнонъ, родосскихъ выходцахъ, занимавшихъ высокія должности въ персидскомъ государствѣ.

«Они представляли», говоритъ Нибуръ, «относительно способностей и нравственныхъ свойствъ совершенное сходство съ вождями лиги въ эпоху 30-ти лѣтней войны: они были Греки, но ничуть не лучше тогдашнихъ варваровъ, т. е. Персовъ». Въ это несчастное время, злое начало въ челоуѣкъ пришло къ спокойному и полному сознанию самого себя. Все чистое, благородное, совѣсть, свойственный даже порочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ совершенно исчезли, что очень нерѣдко бываетъ у жителей Востока. То же самое видимъ мы у полководцевъ лиги и Валленштейнова войска, равно какъ и у современныхъ имъ испанскихъ генераловъ. Можно говорить, что угодно, о кастильской чести, но нѣтъ конечно безсовѣстиве кастильскихъ полководцевъ, начиная съ Фердинанда. Они показали себя не одной только Америкѣ. Спинола составляетъ похвальное исключеніе, но одна ласточка не приноситъ лѣта. У предприимчивыхъ и даровитыхъ людей IV-го столѣтія до Р. Х., у Грековъ и у Персовъ, были тѣ же самыя понятія, которыя мы находимъ въ книгѣ Макиавелли о Государь: «люди — сволочь, на нихъ не надо смотрѣть какъ на братьевъ, созданныхъ по образу Божества. Любовь, самоотверженіе, привязанность — глупость и ложь; все дѣло въ могущество и въ удовлетвореніи страстей нашихъ». — Макиавелли самъ не держится этихъ правилъ, но они господствовали въ его время; онъ не видалъ другихъ пружинъ для человѣческихъ поступковъ и признавалъ ихъ за самыя дѣйствительныя. Вѣрность слову

считалась безуміемъ, клятва была ничто иное, какъ слово, усиленное съ намѣреніемъ ловчѣ обмануть. Эта страшная порча заразила всѣхъ. Филиппъ также не избѣжалъ заразы и часто дѣйствовалъ на основаніи господствовавшихъ понятій, хотя по природѣ своей онъ былъ выше ихъ и не разъ обнаруживалъ человѣческія чувства, вовсе незнакомыя большинству. Мы еще встрѣтимся съ Мемнономъ: проклятіе, тяготящее надъ подобными эпохами, заключается именно въ томъ, что такіе люди какъ Мемнонь являются главными силами исторіи, и что благороднѣйшія личности должны вступать въ сношенія съ ними для достиженія своихъ цѣлей; вотъ почему Демосенъ и греческіе патриоты принуждены были искать связи съ Мемнономъ и ожидали отъ него спасенія, хотя они его очень хорошо понимали. Больше ужасной участи не можетъ испытать народъ. Вотъ что нужно знать и понимать для того, чтобы измѣрить все злополучіе тѣхъ временъ.»

Третій томъ «Чтеній о Древней Исторіи» начинается вопросомъ о значеніи греческой исторіи послѣ херонейскаго сраженія. Заслуживаютъ ли эти времена, вообще намъ мало извѣстныхъ, болѣе подробнаго историческаго изложенія? Нибуръ отвѣчаетъ утвердительно.

«Паденіе Греціи не даетъ намъ права провознестъ надъ нею рѣшительный приговоръ и сказать, что она заслужила столь тяжкую участь. Потомки были конечно хуже предковъ, но мы съ прискорбіемъ должны извинить многія слабости и многіе пороки угнетеннаго народа. Вся старья учрежденія, даже религія, вымерли, и замѣнить утраченное было печемъ. У фантазіи обрваны крылья, а тамъ, гдѣ нѣтъ фантазіи, тамъ гибнетъ все высокое и благородное: жадное наслажденій и прибыли животное заступаетъ мѣсто разумнаго существа. Человѣкъ тогда только бываетъ великъ, когда у него есть цѣль, стоящая выше его животной природы. Въ народъ было столько же, можетъ-быть даже болѣе ума чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ, было несравненно больше знаній, учености, понятій; недоставало только великаго духа предковъ и всего, что съ этимъ духомъ было связано и отъ него зависѣло. У позднѣйшихъ Грековъ нѣтъ ни лирики, ни эпоса. Въмѣсто древней величавой трагедіи у нихъ комедія. За то они сдѣлали великіе успѣхи во всемъ, что непосредственно касается жизни. Въ сферѣ мышленія болѣе точности и школьной правильности, но настоящей философіи природы нѣтъ болѣе. Политической опытности много, но политическихъ ораторовъ уже не находимъ. Не было также недостатка въ историкахъ, которые превосходили древнихъ практическимъ пониманіемъ и обширными свѣдѣніями: относительно государственной мудрости Полибій не уступаетъ Фукидиду, но у него нѣтъ того дивнаго гѣнія и той пламенной фантазіи, которая одушевляетъ твореніе Фукидида...» III, 3.

Нѣсколько далѣе Нибуръ говоритъ по тому же поводу: «Съ послед-

нею. вспыхкою греческихъ силъ въ ламійской войнѣ кончилось. Все. Краснорѣчіе исчезло съ переменною обстоятельствомъ. У ораторовъ не стало слушателей; могущество слова прошло безслѣдно. Позднѣвшія рѣчи сухи и вялы. Никто не обращалъ болѣе вниманія на то, что ораторская рѣчь должна занимать средину между поэзіей и прозой. Лирика нѣтъ, прозою писали много. Новая комедія и рассказы, заимствованныя изъ обыкновенной жизни, были въ большомъ ходу безъ примѣси чего-либо высшаго. Въ философіи возникаетъ *стоя*, произведеніе времени, склонившаго голову предъ рокомъ и искавшаго величія только въ отдѣльныхъ личностяхъ. Стоя не есть чисто греческое произведеніе; въ ней гораздо болѣе восточнаго, нежели думаютъ: Зенонъ былъ не даромъ Финикіанинъ. Все идетъ къ одной цѣли: люди хотятъ утѣшить себя въ печальной современности, хотятъ себя убѣдить, что нѣтъ ничего истиннаго, что прекрасная, свѣтлая старина есть, что и тогда на свѣтъ было ни чуть не лучше чѣмъ теперь. Профессоръ Тиршъ, съ которымъ я когда-то спорилъ объ этой эпохѣ, утверждалъ, что никогда умственная жизнь въ Аѣнахъ не была такъ пріятна, какъ во время Менандра. Я думаю совсемъ другое. По моему, то была пора большой утонченности, весьма распространенной образованности, но эта образованность заключалась въ формахъ, въ наружныхъ явленіяхъ. Пржеисей, изнутри быющей жизни не было.»

Намъ кажется, что приведенныя выше слова Нибура относятся не къ одной только описываемой имъ эпохѣ греческой жизни. Читая ихъ, трудно удержаться отъ грустнаго раздумья. Можеть быть Нибуръ вовсе не имѣлъ въ виду никакихъ аналогій, но онъ собралъ всѣ признаки, по которымъ можно узнать разложеніе общественной жизни вообще. Исторія все болѣе и болѣе становится наукою, основанною на опытахъ, хотя уроки ея бесплодны для большинства.

Предѣлы нашей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ передать русскимъ читателямъ превосходныя страницы, заключающія въ себѣ исторію послѣдней борьбы, предпринятой Аѣнами за независимость Греціи. Нибуръ еще разъ возвращается къ Демосоену, объясняетъ его участіе въ известномъ дѣлѣ Гарпала и показываетъ, до какой степени безсмысленны обвиненія, которымъ подвергся аѣнскій ораторъ по этому дѣлу. Тѣ же самые люди, которые называютъ его трусомъ, упрекали его въ корыстолюбіи. Это было дѣло партіи озлобленной и безнравственной. Слухи, ею пущенные, дошли до нашего времени и имѣли большое вліяніе на мнѣніе, сложившееся о Демосоенѣ. Немногіе историки дали себѣ трудъ повѣрить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ основательность обвиненій, взводимыхъ на Демосоена. Иначе свидѣтельство Павсанія (II. 33. 5) обратило бы на себя болѣе ввниманіе. Еще менѣе найдемъ писателей, способныхъ подобно Нибуру прочувствовать все, что чувствовалъ Демосоенъ, и понять вполне его трагическое ве-

личіе. Весьма замѣчательны также отзывы Нибура о Гинеридахъ и о Фокіонѣ. Перваго онъ очень остроумно, хотя не знаемъ насколько справедливо, сравниваетъ съ Шериданомъ.

Войны диадоховъ не внушаютъ нашему историку никакого участія. Онъ начинаетъ изложеніе принадлежащихъ сюда событій слѣдующими словами:

«Для меня въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе этихъ войнъ. Я много разъ ихъ перечитывалъ, дабы уяснить ихъ себѣ, однако, не смотря на счастливую память, которою былъ одаренъ съ дѣтства, а не могъ осилить всѣхъ подробностей и часто въ нихъ путаюсь. Для настоящихъ лекцій мнѣ надобно готовиться и изводить справки, и все таки я не могъ привести въ порядокъ пеструю массу событій. Путаница происходитъ отъ того, что передъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, которые не отличаются другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Вопросъ постоянно одинъ и тотъ же: который изъ этихъ разбойниковъ одолѣетъ другихъ, но ни одинъ изъ нихъ не внушаетъ къ себѣ сочувствія. Птоломей, по моему мнѣнію, еще самый лучший; онъ былъ полезенъ Египту; правленіе его было разумно: владѣнія его при немъ процвѣтали и благоденствовали; но нравственно онъ не вызываетъ участія. Личность его для насъ не занимательна. Единственное по характеру значительное лице — это Эменъ: всѣ остальные сильны только оружіемъ. Въ древнѣйшей греческой исторіи великіе мужи встрѣчаются намъ на каждомъ шагѣ; но всѣ эти Македонцы оставляютъ насъ совершенно равнодушными; намъ все равно, кто бы ни побѣдилъ. Даже трагическая кончина Лисимаха не производитъ впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что я съ большимъ участіемъ смотрѣлъ бы на бой быковъ, гдѣ благородное животное защищается противъ стаи натравленныхъ на него собакъ. Я желалъ бы, чтобы земля раскрылась и поглотила всѣхъ Македонцевъ. Съ такими чувствами конечно не легко заниматься этою частью исторіи.» (III. 61).

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ «Чтеній о Древней Исторіи» разсыяно множество глубокомысленныхъ замѣчаній и новыхъ взглядовъ на лица и событія. Укажемъ между прочимъ на характеристику Дмитрія Федерейскаго, на страницы, посвященныя исторіи Родоса и т. д.

Исторія Пирра изложена въ «Чтеніяхъ о Древней Исторіи» съ особенною любовью. По нашему мнѣнію, это одна изъ лучшихъ частей въ третьемъ томѣ. Никогда еще блестящая и гениальная, но безплодная личность эпирскаго вождя не была изображена такъ вѣрно и увлекательно. Читатели «Прописевъ» вѣрно не найдутъ излишнимъ переводъ слѣдующихъ страницъ. — «Есть люди, которымъ врождена сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтно уже въ дѣтахъ; но исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода чарующимъ могуществомъ надъ сердцами обладалъ Пирръ; во все продолженіе своей жизни онъ привлекалъ къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрасными

свойствами воина: ни у одного государя военные свойства не представляются намъ съ такой поэтической стороны. Прелесть двухлѣтнаго ребенка не могъ противостоять варваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего отца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлью Пирровой жизни: война была его важнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ ее какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣдою, доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ военного счастья, неудача, никогда не лишали его мужества. Онъ постоянно надвигался воротить все потерянное. Онъ былъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того, проигрываетъ ли онъ или выигрываетъ. Я не знаю другаго полководца, который бы такъ любилъ войну ради наслажденія, ею доставляемаго. Разумѣется, въ этомъ заключалось нѣчто страшное для его подданныхъ: Пирръ былъ бы ужаснымъ явленіемъ, еслибъ въ немъ не было такъ много благородства и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну изъ корыстныхъ или властолюбивыхъ расчетовъ: онъ воевалъ ради своего таланта, въ слѣдствіе внутренней потребности, такъ какъ поэтъ поэтъ и творитъ художникъ. Скорое окончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охотникъ доволенъ оленемъ или лисвицею только по мѣрѣ трудностей, какія представляла охота. У Пирра было правило никогда не доводить побѣды до послѣднихъ крайностей, чтобъ не положить слишкомъ скорого конца охотѣ. (III, 172). Не смотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни, онъ единственный человекъ того времени, на котораго можно смотреть съ радостью. Среди всеобщаго разврата, онъ не обнаруживаетъ строгихъ правилъ, но темъ не менѣе является благороднымъ человекомъ. Даже сообщество Димитрія Полиоркета не могло испортить его. Дурные поступки его исходятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ напрямѣръ у македонскихъ государей, а изъ пылкости. Онъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ и прямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непостоянствѣ; у него не было никакой цѣли; онъ жилъ только для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ государя и дѣйствовалъ какъ честный человекъ, не связанный никакимъ долгомъ, ищущій удовлетворенія въ проявленіи своей отваги. Молодость его была богата наслажденіями и благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ничѣмъ не запасся къ старости: такая жизнь не позволительна государю. Подобно Карлу XII, Пирръ существовалъ не столько для государства сколько для себя. Только у него да у Аלקвиада, между древними, встрѣчаемъ мы истинно рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ Римлянъ, такъ какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плавился прекрасными сторонами римскаго характера, что

поступилъ несправедливо съ своими союзниками. Желательно было бы чтобы такіа *δουξενίαι*, какаа образовалась между Пирромъ и Римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностью: онъ писалъ свои записки и, хотя не былъ самъ поэтомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтической умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени. Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому, но съ эпиграммами послѣдняго ихъ никакъ нельзя сравнивать». (III. 311).

Мы заключимъ наши выписки изъ «Чтеній о Древней Исторіи»* изложеніемъ попытокъ Агиса и Клеомена обновить спартанское государство. Превосходныя изслѣдованія Грота о Ликурговомъ законодательствѣ заключаютъ въ себѣ самую вѣрную, хотя несогласную съ основными мнѣніями О. Мюллера оцѣнку этихъ попытокъ. Вотъ какъ смотритъ на этотъ предметъ Нибуръ, за 20 лѣтъ до Грота. Упомянувъ о жалкомъ состояніи общественной нравственности въ Спартѣ, онъ говоритъ: «Уваженіе Спартанцевъ къ старинѣ просто смѣшно. Они берегли мертвыя формы и воображали себѣ, что сохраняютъ золотое время своей исторіи. Когда къ лиръ прибавились двѣ новыя струны, эфоры отрѣзали ихъ: они не хотѣли допустить новыхъ мелодій! Даже въ покроевѣ платья или обуви не позволялись нововведенія: такимъ образомъ Спартанцы думали удержать духъ Ликурговыхъ учрежденій, а между тѣмъ роскошь и корыстолюбіе распространялись между гражданами. Только къ концу Спарты явились люди, въ которыхъ еще разъ вспыхнуло прежнее пламя, Агисъ и Клеоменъ. Плутархъ ставитъ ихъ на ряду съ Гракхами. Агисъ былъ юноша исполненный сердца, ума и любви, и потому Плутархъ его хорошо понималъ, но Клеоменъ выходитъ изъ его сферы: онъ приписываетъ ему сентиментальность, которая также не къ лицу Клеомену, какъ и Мирабо. Агисъ былъ очень молодъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была также ничтожна какъ власть дождей въ позднѣйшей Венеціи: все могущество перешло въ руки эфоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ какъ Спарта оставалось не болѣе 700 гражданъ, которые среди великаго числа свободныхъ Лакедемонцевъ и Илотовъ занимали положеніе венеціанскихъ нобилей. Изъ этихъ семисотъ только у ста семействъ была собственность. Послѣднимъ принадлежали всѣ 9000 участковъ Ликурговыхъ, потому что законы не прилагались къ женщинамъ, у которыхъ, по этой причинѣ, скоплялись огромныя богатства. У остальныхъ гражданъ не было собственности: они были въ высшей степени бѣдны и обременены долгами. Упадокъ Спарты былъ совершенный: часть ея владѣній отошла къ Аркадіи и Аргосу. Члены царской фамилии и другія знатныя лица отправлялись за границу и служили съ паемными дружинами иностраннымъ государямъ.» (III, 379).

Въ виду такого упадка, Агисъ задумалъ переворотъ, далеко превышавшій его силы, и послѣдствій котораго невозможно было опредѣлить заранее. Онъ хотѣлъ возстановить въ первобытной чистотѣ Ликурговыя учрежденія. Но кто изъ современниковъ Агиса имѣлъ надлежащее понятіе объ этихъ учрежденіяхъ, которыя тогда утратили историческую дѣйствительность и представлялись воображенію какимъ то идеальнымъ порядкомъ вещей? Читатели наши найдутъ у Грота подробное объясненіе этого нерѣдкаго въ исторіи явленія. Люди недовольные настоящимъ часто обращаются къ прошедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надеждами и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы для будущаго. Такого рода антикварныя построенія общественныхъ отношеній едва ли когда имѣли успѣхъ, но они не мало содѣйствовали къ порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значительно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ представленія о Ликурговомъ законодательствѣ.

Реформа, предпринятая Агисомъ, касалась самыхъ щекотливыхъ сторонъ гражданской жизни, именно отношеній собственности. Объемомъ она далеко превышала планы Гракховъ. Агисъ думалъ отобрать у ста семействъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась вся поземельная собственность спартанскаго государства, ихъ огромныя владѣнія и раздѣлить ихъ снова по образцу Ликурга на 19,500 участковъ. Изъ этихъ 19,500—4,500 участковъ назначались Спартанцамъ, число которыхъ должно было наполниться чрезъ принатіе новыхъ гражданъ; остальные 15 т. должны были принадлежать періэкамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства.

«Чистота намѣреній и безкорыстіе Агиса не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ самъ, его мать и бабка принесли огромныя жертвы, потому что его семейство было самое богатое въ государствѣ и обладало самыми обширными землями, особенно чрезъ бабку Агиса Архидамію. Но другіе не были такъ безкорыстны. Почти всегда негодяи обращаютъ въ собственную пользу перевороты, задуманные благородными людьми. У меня также былъ хорошій, нынѣ уже умершій пріятель, который 4-го августа 1789 года съ величайшимъ самоотверженіемъ отказался отъ значительныхъ феодальныхъ правъ: принося такія жертвы, онъ и люди ему подобные надѣялись, что другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ, но другіе думали только о собственныхъ выгодахъ. Съ Агисомъ случилось то же самое что съ Солономъ, о которомъ есть слѣдующее сказаніе: друзья Солона, узнавши о его намѣреніяхъ, надѣлали долговъ, и когда долговыя обязательства были уничтожены (или значительно измѣнены въ пользу должниковъ), они сохранили позорно пріобрѣтенное богатство.» (III. 383).

Трагическая развязка Агисовыхъ замысловъ извѣстна. Онъ заплатилъ жизнью за вѣру въ возможность воскресить прошедшее. Клеомень,

котораго обыкновенно считаютъ продолжателемъ Агисовыхъ начинаній, быть человекъ другого рода и другихъ силъ. Уже въ древности находимъ двойное воззрѣніе на него: уже тогда были у него страстные поклонники и горькіе порицатели.

«Полибій, въ качествѣ Ахейца и мегалопольскаго гражданина, пыталъ противъ него горькое чувство и называетъ его тираномъ, что очень можно допустить, потому что Клеоменъ не боялся проливать кровь для достиженія своихъ цѣлей. Другіе, которыхъ не коснулись дѣла его, смотрятъ на Клеомена, какъ на послѣдняго великаго Грека. Онъ былъ безспорно великій человекъ и въ другомъ родѣ нежели Филоменъ: онъ бы могъ возстановить Грецію. Между современниками Филархъ былъ его пламеннымъ поклонникомъ; между позднѣйшими писателями у него также много почитателей, напримѣръ Плутархъ, который преклоняется предъ Клеоменомъ, но въ то же время очень уважаетъ Арата и потому находится въ большомъ затрудненіи, когда рѣчь идетъ объ ихъ столкновеніи, хотя они также противоположны другъ другу какъ огонь и вода. Полибій не скрываетъ своей ненависти къ нему, но признаетъ въ немъ необыкновенно замѣчательнаго человека, великаго полководца съ изумительнымъ характеромъ, всѣхъ увлекавшаго за собою и господствовавшаго надъ всѣми, кто приходилъ съ нимъ въ сношеніе. Отрицать у Клеомена его огромныя дарованія, ясность взгляда и невѣроятную силу воли невозможно: были ли его поступки справедливы и нравственны — это другой вопросъ. Здѣсь можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда доброе и милое дѣло, какъ Агисъ, начинаетъ опасное дѣло и приводитъ въ движеніе тяжесть, которую поднять или остановить оно не въ силахъ, то это ничто иное какъ ребячество; но когда такой исполинъ какъ Клеоменъ предпринимаетъ подобное дѣло и двигая массу, которая паденіемъ своимъ можетъ все задавить, носить въ себѣ силы, достаточныя для того, чтобы сдержать ея напоръ и дать ей правильное направленіе, тогда оцѣнка предпріятія должна быть совсѣмъ другая. Клеоменъ приступилъ къ своему плану обдуманно и сознательно. Для возрожденія Лаконіи онъ употреблялъ частію тѣ же мѣры, которыя сдѣлали смѣшнымъ Агиса и принесли пользу однимъ только несостоятельнымъ должникамъ. Но его приемы были другіе. Имя Спартанцевъ исчезло, остались одни Лакедемонцы. Положивъ конецъ этому различію, онъ далъ жителямъ Лаконіи новую собственность. Выгоды этого раздѣла были до того значительны, что можно забыть несправедливость самаго поступка. Величіе подвига заставило умолкнуть его противниковъ. Греки смотрѣли на подобныя явленія другими глазами нежели мы: если бы Платонъ жилъ во времена Клеомена, онъ конечно не нашелъ бы ничего дурнаго въ совершенныхъ имъ перемѣнахъ. Клеоменъ особенно отличается отъ современниковъ своихъ высокимъ философическимъ и литературнымъ образованіемъ. Великое вліяніе стоической философіи прости-

ралось и на него: онъ былъ окруженъ людьми замѣчательными по уму, званіямъ, философическому образу мыслей; Серръ въ Ольвіи находился при немъ съ самой юности его и имѣлъ, по видимому, большое вліяніе на него. Онъ вовсе не похожъ на челоуѣка, получившаго спартанское воспитаніе, и на людей того времени вообще. О домашней жизни его сохранилось достовѣрное извѣстіе (изъ Филарха у Атеней IV. с. 21), которое показываетъ его съ самой любезной стороны. Онъ понималъ свое положеніе, сравнивалъ ничтожество спартанскихъ государей съ величіемъ македонскаго владычества и ясно видѣлъ, что только презрѣніемъ къ вышнему блеску и личными качествами можно возстановить значеніе Спарты. Онъ умѣлъ соединить спартанскую строгость съ изяществомъ. Въ разговоръ, онъ былъ, по свидѣтельству древнихъ, весьма пріятенъ; у него было мало потребностей, и потому онъ самъ жилъ очень просто, но иностранцевъ принималъ и угощалъ по обычаю ихъ родины. Умомъ, веселою бесѣдою, всею личностію своею онъ покорилъ себѣ сердца Грековъ. Въ жизни его встрѣчаются два страшные поступка, которые показываютъ, какъ трудно жить во времена, когда неодолимыя препятствія заграждаютъ прямой путь правды. Мы говоримъ объ умерщвленіи Эфоровъ и объ убійствѣ Архидамъ. Эфоры составляли конечно парость въ государствѣ; они исказили все государственное устройство въ Спартѣ; уничтожили царскую власть и замѣнили ее собственной тираніею, но Клеоменъ развязалъ узелъ ужаснымъ и п. взнатся бесполезнымъ образомъ, потому что вліяніе его на народъ было безгранично, всѣ голоса были за него: следовательно не зачѣмъ было проливать кровь. Онъ не былъ нѣ твѣмъ чистымъ героемъ, какимъ его представляетъ Филархъ, ни чудовищемъ. Въ его время господствовали тѣ же нравственныя начала, которыя впоследствии проповѣдывалъ Гоббесъ: *bellum contra omnes*. Цѣнялись только умъ и успѣхъ, о правѣ и долгѣ не было рѣчи. Клеомена и Макиавелли надобно мѣрять одною мѣрою. — На сколько участковъ раздѣлилъ Клеоменъ Лаконию, неизвѣстно: знаемъ только, что онъ могъ выставить четыре тысячи гоплитовъ и что онъ принималъ въ число гражданъ много иностранцевъ и періэковъ. При раздѣлѣ собственности политическіе противники царя теряли не болѣе другихъ: даже изгнаннымъ имъ до возстановленія порядка лицамъ были отведены надлежащіе участки. Подробныхъ свѣдѣній о реформѣ у насъ нѣтъ. Нельзя сравнивать Арата съ Клеоменомъ: послѣдній былъ безконечно выше. Что значилъ Аратъ, уроженецъ небольшаго и незначительнаго Сикіона, хотя онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, предъ спартанскимъ царемъ Ираклидомъ? Аратъ уже былъ близокъ къ старости, а молодой Клеоменъ стоялъ во всей свѣжести силъ и начинаній: первому удалось счастливо совершить нѣсколько предпріятій, но всѣ знали, что ему недостаетъ личнаго мужества; Клеоменъ

былъ герой и великій полководецъ. Аратъ зналъ только старыя формы и въ нихъ однихъ искалъ спасенія; спартанскій царь стремился къ созданію новыхъ формъ, сообразныхъ съ его цѣлями и съ настоящимъ. Обоихъ ихъ характеризуетъ ихъ тактика: Аратъ даже и не думалъ отмѣнить старинное военное устройство Ахейцевъ; они не переняли македонской фаланги, а удержали древнюю греческую съ короткими пиками вмѣсто огромныхъ сариссъ, хотя Ахейцы не были связаны никакими военными преданіями. У Спартанцевъ были такія преданія, но не смотря на суевѣрное уваженіе къ прежнему вооруженію, Клеоменъ преобразовалъ спартанскую тактику и ввелъ македонскую. Далѣе Клеоменъ окружилъ себя вопреки спартанскимъ обычаямъ людьми просвѣщенными и учеными; для него не существовала спартанская *ἔφελασία*, въ немъ не было ничего грубаго или изысканнаго. Напротивъ, Аратъ былъ необразованъ, разсудителенъ въ ограниченной сферѣ, тупъ. (III. 389—393).

Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ объ Аратѣ можно сравнить еще подробнѣйшую характеристику, находящуюся на 331 стр. того же тома. Вѣрнѣе трудно опредѣлить характеръ и дѣятельность знаменитаго Сикіонца. Въ другомъ мѣстѣ (ст. 462) Нибуръ говоритъ, что Арату также какъ и Филопемени, который впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ Арата, недоставало Музы и Харити, т. е. той изящной образованности, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ великихъ Аѳинянъ.

Надѣмся, что изъ многочисленныхъ выписокъ нашихъ читателей «Прошлеевъ» могутъ составить себѣ понятіе о духѣ и отчасти о самой формѣ «Чтеній о Древней Исторіи». Въ такомъ случаѣ цѣль составителя этой статьи будетъ совершенно достигнута. Разбирать по частямъ твореніе, изданное такъ долго послѣ смерти великаго историка, указывая на ошутительные недосмотры и даже ошибки — дѣло безполезное и притомъ нетрудное. Почти цѣлая четверть вѣка прошла съ того времени, когда лекціи были записаны слушателями Нибура. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ наукѣ, по крайней мѣрѣ относительно частныхъ; нерѣдко самъ преподаватель увлекался своею творческою фантазіей, т. е. избыткомъ того качества, безъ котораго невозможенъ великій историкъ. Мы не скрывали этихъ увлеченій. Не всѣ приговоры Нибура справедливы, не всѣ мнѣнія его вѣрны. Но можно смѣло сказать, что ни одна изъ его несправедливостей или погрѣшностей не исходитъ изъ незнанія или недобросовѣстности. Онъ владелъ всѣмъ матеріаломъ науки и распоряжался имъ честно. Въ самыхъ ошибкахъ его есть нечто глубоко поучительное для всякаго мыслящаго писателя.

Т. Грановскій.

Корректурa предшествующей статьи была отвезена мною къ ея автору, по его желанію, 3-го октября. Тимофей Николаевич хотѣлъ что-то прибавить объ Александрѣ Македонскомъ. Онъ чувствовалъ себя въ этотъ день очень хорошо и общалъ въ концѣ недѣли возвратить корректурa съ предполагавшеюся припиской. На другой день утромъ я нашелъ его въ той же комнатѣ, гдѣ видѣлся съ нимъ наканунѣ, но уже бездыханнымъ.

Какой страшный ударъ поразилъ насъ 4-го октября, это можно понять и оцѣнить только тѣ, которые близко знали Грановскаго, и знали его со всѣхъ сторонъ, какъ ученаго, гражданина и человека. Мы лишились въ немъ вѣрнаго, милѣйшаго друга, честнаго и благороднѣйшаго товарища, самаго доброжелательнаго совѣтника и въ ученomъ и въ житейскомъ дѣлѣ; мы потеряли лучшаго нашего представителя въ университетѣ и въ обществѣ; человека, которымъ мы всѣ гордились и любовались. Грановскій вносилъ обаяніе поэзіи въ нашу ежедневную жизнь; его присутствіе оживляло наши бесѣды; слово его умѣло согрѣвать мысли. Всякому добромu предпріятію онъ живо сочувствовалъ; въ немъ была всегдашняя готовность въ случаѣ неудачи помочь или дѣломъ, поднимающимъ человека, или словомъ, иногда еще болѣе дорогимъ нежели дѣло. Съ неподкупною твердостью убѣжденій онъ соединялъ неистощимую глубину доброжелательства и снисходительности къ лицамъ. Мы, ученые, имѣли въ немъ живое зеркало современнаго движенія его обширной науки: ни къ кому нельзя было вѣрнѣе обратиться съ вопросомъ о новой, неизвѣстной книгѣ; ни отъ кого нельзя было получить отвѣта болѣе мѣткаго. Онъ читалъ все, и въ его колоссальной памяти все сохраняло свою живую физиономію. Безъ преувеличенія было сказано вскорѣ послѣ его смерти, что мы потеряли въ немъ наше солнце, наше знамя.

И какъ умеръ этотъ человекъ! Смерть таинственная похитила его у насъ кончиною равнею, безвременною, мгновенною, въ пору лучшей, оживленной дѣятельности, когда его значеніе возрастало, потребность въ немъ усиливалась, и когда самъ дорогой нашъ покойникъ смотрѣлъ на будущее съ радостною надеждою. Скольکو причинъ для скорби, сколько поводовъ къ плачу! А когда, ко всему этому, въ плачущемъ присоединяется

тяжкая, безутешная мысль, что можно было бы лучше воспользоваться тѣмъ рѣдкимъ даромъ небесъ, который нынѣ не украшаетъ болѣе и не животворитъ нашего свѣта, то сердце разрывается отъ грусти тѣдой, невыносимой. Теперь, если бы можно было вызвать тебя изъ могилы, о милый другъ нашъ и безцвѣтный учитель, теперь всякій изъ насъ сталъ бы дорожить каждою минутой твоей бесѣды, сталъ бы выкапывать всю мысль въ каждое твое сужденіе, открывать все сердце каждому твоему чувству. Мы торопились бы черпать изъ твоей богатой сокровищницы знаній, спѣшили бы налюбоваться и милымъ твоимъ остроуміемъ, и тонкими инстинктами твоего глубокаго сердца. Мы берегли бы заботливо твою нѣжную патуру и сжумъли бы, кажется, достигнуть того, чтобы свѣтлое чело твое не омрачалось надолго. Но, увы! поздня, суетныя желанія! Отъ всего очарованія твоего образа осталось намъ только то, что каждый изъ насъ успѣлъ собрать и сохранить въ своемъ сердцѣ, и одно только утѣшеніе возможно намъ въ нашей грусти — вспоминать высокія черты твоего нравственнаго характера, читать и перечитывать каждую строку тобою написанную.

Пусть же память о тебѣ будетъ такъ жива, какъ была жива и оригинальна твоя личность. Пусть она будетъ дружески связывать всѣхъ любившихъ тебя. Пусть она соединяетъ, въ безкорыстномъ стремленіи къ знанію, въ дѣятельномъ чувствѣ чести и благородства, въ истинной и просвѣщенной любви къ отечеству, то доброе юношество, которое ты такъ нѣжно и горячо любилъ, и которое нынѣ такъ трогательно чтитъ твою память; пусть имя твое будетъ для него вѣчнымъ источникомъ лучшихъ и чистыхъ, безкорыстныхъ стремленій. И пусть наконецъ для всѣхъ, горюющихъ надъ твоею могилой, исполнится желаніе, которое, какъ мнится, должно исходить изъ самаго существа твоей свѣтлой природы: пусть, по слову поэта, благодарность, что ты былъ съ нами, что намъ посчастливилось встрѣтить въ жизни твоей благородный образъ, превозможетъ надъ чувствомъ неизгладимой тоски, что тебя нѣтъ болѣе между нами.

П. Леонтьевъ.

23 окт., въ 20-й день.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

1. Агриппина старшая, жена Германика, дочь Агриппы отъ Ливіи, родная внука Августа (см. Римскія женщины, статья первая, въ 1-й кн. Прописевъ). Профиль головы со статуи, находящейся въ Римѣ въ Капитолинскомъ Музее. *Mus. Cap. III, t. 53; Visconti Iconographie Romaine pl. XXIV. p. 4.*
2. Мессалина, супруга Клавдія, мать Октавіи и Британника (см. ту же статью 1-й книги Прописевъ). Сардониксъ Французскаго королевскаго (нынѣ императорскаго) кабинета, изображающій бюсты Мессалины и дѣтей ея. Голова Мессалины увѣнчана лавромъ, вѣроятно въ память триумфа Клавдія надъ Британніей: известно, что при этомъ случаѣ Мессалина, противъ господствовавшаго обычая, сопровождала своего мужа въ торжественномъ шествіи по улицамъ Рима. Бюсты малолѣтнихъ Октавіи и Британника стоятъ на рогахъ изобилія, изъ которыхъ висятъ виноградныя вѣтви. *Visconti Iconographie Romaine pl. XXVIII. p. 5.*
3. Агриппина младшая, мать Нерона (Римскія женщины, статья вторая и третья, во 2-й и 3-й книгахъ Прописевъ). Профиль головы со статуи, находящейся въ королевскомъ музее въ Неаполѣ и происходящей изъ дома Фарнезе. *Visconti Icon. Rom. pl. XXVII. p. 6 и 7.*
4. Императоръ Тиберій, съ монеты. Надпись: TI(berius) CAESAR AUGUST(i) F(ilius) IMPERATOR.
5. Императоръ Калигула. Бронзовый бюстъ, находящійся въ Луврѣ въ Парижѣ. *Visconti Icon. Rom. pl. XXV p. 1 и 2.*
6. Императоръ Клавдій, съ монеты. Надпись: TIBERIUS CLAUDIUS CAESAR AUG(ustus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) IMP(erator) P(ater) P(atriciae).
7. Императоръ Неронъ въ вѣнцѣ изъ лучей, съ монеты. Надпись: NERO CLAUDIUS CAESAR AUG(ustus) GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) IMP(erator) P(ater) P(atriciae).
- 8 и 9. Поппея Сабина (Римскія женщины, статья четвертая, въ этой книгѣ). Съ двухъ монетъ, изъ нихъ одна (п. 9) боспорскаго царя Котиса 1-го съ годомъ *IB.*

О П Е Ч А Т К И:

- Отд. I. стр. 178. стр. 1 сверху нап. *панатейскомъ* чит. *панатенейскомъ*
— — — 244. стр. 14 сверху нап. *но* чит. *онъ*
— — — — стр. 15 сверху послѣ *тирану* вставь *своего города*
Отд. II. стр. 8. стр. 6 снизу нап. *всегоб.ио.иоцее* чит. *всегобъч.иоцее*

1.

6.

